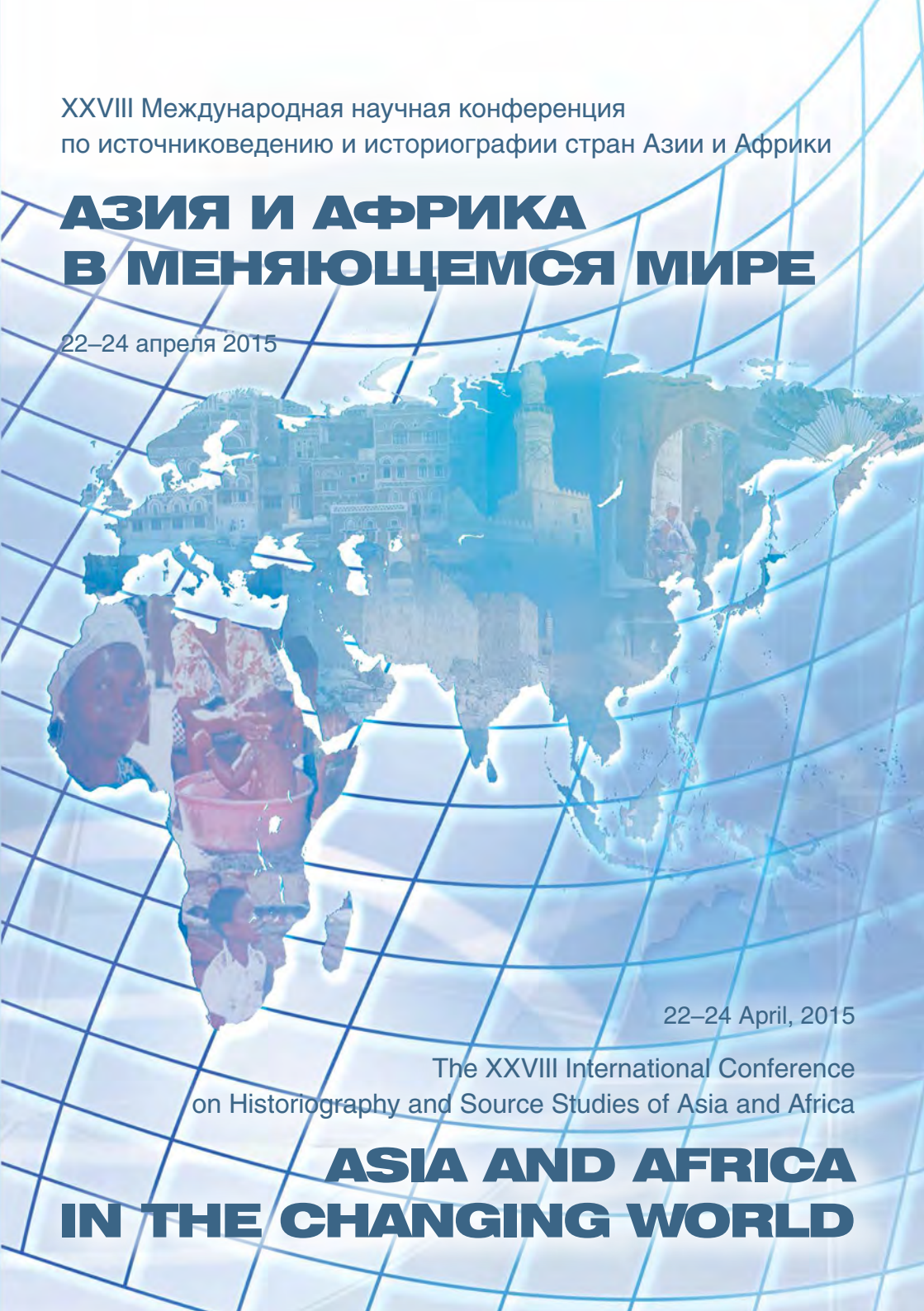
XXVIII Международная научная конференция
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

22–24 апреля 2015



22–24 April, 2015

The XXVIII International Conference
on Historiography and Source Studies of Asia and Africa

ASIA AND AFRICA IN THE CHANGING WORLD

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

The XXVIII
International Conference
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

ASIA AND AFRICA IN THE CHANGING WORLD

22–24 April, 2015

Abstracts

St. Petersburg
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXVIII
Международная научная конференция
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

22–24 апреля 2015 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2015

ББК 63.2(5)

Издание материалов конференции осуществлено при финансовой поддержке:

Института Конфуция в СПбГУ,
Академии Корееведения (Республика Корея), проект AKS-2010-CAA-2101,
РГНФ, проект № 15-01-14056г

А 35 Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. — СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. — 556 с.

ISBN 978-5-91542-276-5

ББК 63.2(5)

ISBN 978-5-91542-276-5 © Восточный факультет СПбГУ, 2015

СЕКЦИЯ I.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE EAST

Atef M. Abdel-Hamid (Cairo University, Cairo, Egypt)

The sacred geography in Henry Field's Voyage to Egypt (1883)

Despite being rich in valuable historical and geographical data Henry Field's book about his trip to Egypt, entitled "On the Desert", represents one of the little-known travelogues. This travelogue is important as an eye-witness account of a critical political period in Egypt in the 1880–1890ss.

Henry Field visited Egypt in the aftermath of a dramatic change followed by the failure of the national movement led by Ahmed Arabi and the consequent British occupation. The traveller made learned remarks on the urban structure of Cairo, and provided a good description of the Cairo-Suez road. The Sinai Peninsula was Field's main destination and the description of its landscapes, nature and Bedouins is given a lion share in his travelogue.

Henry Field's Voyage to Egypt can be classified in the traditional category of the Bible-oriented trips.

While some parts of the travelogue provide valuable information on the historical geography of Egypt it is also permeated with Orientalist stereotypes. On the other hand, Henry Fields makes interesting comparisons between the past and present situation in the Middle East and evaluates the Egyptian realities against those of South America, India and some parts of Europe.

Çetin Aykurt (Artvin Coruh University, Artvin, Turkey)

Şânî-Zâde Mehmed Efendi (1771–1826) and his historical works

Having been appointed by the Sultan, most of the *vakanüvises* (Ottoman official historians) tried to please their sovereigns while compiling their annals. However, there were some *vakanüvises* who stated their opinions quite freely by using a certain style of writing. One of such authors was Şânî-zâde Mehmed Atâullah Efendi who occupied this position from 1819 to 1825. The fact that he usually makes an emphasis on the reasons and results of political events distinguishes him from other Ottoman historians and makes his writing style very interesting not only for a stylistic but also for a historical study.

Şânî-zâde is known as an Ottoman 'encyclopedist'. As to his historical work, it is of particularly importance because he explained the disorder in the Ottoman state system in a very clear way.

In this study, we deal with Şânî-zâde Mehmed Atâullah Efendi's historical works, paying special attention to his manner of writing history.

Roswitha Badry (University of Freiburg, Germany)

How to succeed in shaking off a bad reputation? Efforts of Nusayris/Alawis in the 20th century to improve their image

For centuries Nusayris/Alawis had been considered extremist heretics (*ghulāt*) outside Islam. As a result, they were marginalized and even persecuted.

Since the 1920s educated members of the community started to improve the image of the Alawis and to reposition them in mainstream Islam.

The adoption of the name Alawis under the French mandate as well as several *Fatwas* issued by Sunnite and Shiite authorities turned out to be useful instruments for the self-identification process with the objective of integration into Islam and the emerging nation state.

This contribution analyzes the main religious, historical, and rational arguments and strategies presented by Alawi authors in two monographs: Muḥammad Amīn Ghālib al-Tawīl's *Tārīkh al-ʿAlawiyyīn* (History of the Alawis), published for the first time in the 1920s, and ʿAlī ʿAzīz al-Ibrāhīm's *al-ʿAlawiyyūn bayn al-Ghuluww wa-l-falsafa wa-l-tasauwuf wa-l-tashayyuʿ* (The Alawis between extremism, philosophy, mysticism, and Shia), published in 1995.

In the end we will refer to similar tendencies among other extremist Shiite groups during the past decades to rid themselves of the previous stereotypical categorization as *ghulāt*, *qızılbaş*, etc.

Fatih Demirel (Artvin Coruh University, Artvin, Turkey)

History Education at high schools in the Ottoman Empire

The modernization of educational institutions starting with military schools as Mühendishane-i Bahrî-i Hümayun and Mühendishane-i Berrî-i Hümayun continued with the establishment of modern educational institutions in addition to these military schools in Mahmud II. period. This movement, which had been started with Sultan Mahmud II, continued with the formation of new educational institutions both in the Tanzimat Period and after the Tanzimat Period.

It was decided to create a hierarchical structure consisting of three stages as primary, secondary and higher education in 1846. Although this structure had not been implemented until the end of the Tanzimat Period, *Maârif-i Umûmiye Nizâmnâmesi* (which was an education law) issued in 1869, became a milestone for hierarchy among the new-style educational institutions during the Tanzimat Period. High schools were established after 1869 in Ottoman Empire. In this paper it will be attempted to discuss history lessons and history education in the Ottoman high schools.

Gad Gilbar (University of Haifa, Israel)

Shahrzad, Ibn Khaldun and the *tujjār*: On the Image of the Muslim Big Merchants

The image of Muslim big merchants (*tujjār*) in the eyes of their contemporaries in Islamic countries during the late Middle Ages and thereafter has scarcely been explored by historians. In this paper I focus on certain aspects which relate to that image as portrayed in two texts composed in the fourteenth and fifteenth centuries — "The Tale of 'Alī, the Cairene Merchant" from *Alf Layla wa-Layla*, and sections from Ibn Khaldun's *Muqaddima*. These narratives discuss the qualities, characteristics and mode of behavior of the Muslim big merchants. While they were written in the same period (late Middle Ages) and in adjacent regions of the Islamic world (Egypt and Tunisia), they portray very different, and in fact opposing, images of the *tujjār*.

There is no way to evaluate the extent of the influence of these texts on the perceptions of readers or listeners in Middle Eastern communities regarding the Muslim big merchants during the long period that passed from the time the texts were written till the beginning of the last century. We know, however, that certain individuals and small groups were exposed to these texts. On the one hand, the *Muqaddima* was known in the upper echelons of the Ottoman bureaucracy in the last three centuries of the Ottoman Empire, and Ibn Khaldun's ideas were quoted by Ottoman historians and diplomats, while on the other, Iran's ruler, Nāsir al-Dīn Shah

(r. 1848–1896), showed great interest in *Alf Layla wa Layla* in its Persian version. Is it possible that the texts mentioned above played a role in shaping the attitude of the rulers in Istanbul and Tehran towards the Muslim *tujjār* when the latter became significant players in the economic arena.

Mustafa Ozturk (Akdeniz University, Antalya, Turkey)

Влияние гражданской войны в Сирии на социально-экономическое положение Турции

В марте 2011 «арабская весна» перекинулась на территорию Сирии. Социально-экономические и военно-политические последствия внутренней войны в этой стране давно уже вышли за пределы ее границ. Погибли или ранены тысячи, а миллионы стали беженцами. В отчете комиссариата ООН по делам беженцев за 2014 год Сирию покинуло 5 млн 835 тыс. беженцев, из которых более 50% женщины, примерно 35% дети и меньшинство, 15% — мужчины.

1,9 млн сирийцев бежали в Турцию. В 23 лагерях для беженцев, которые организованы в десяти городах на востоке страны, находятся 228 433 человека. Большинство беженцев рассеяны по остальным городам Турции. За истекшие четыре года Турецкая республика потратила на проблемы сирийских беженцев из государственного бюджетного фонда, предназначенного для чрезвычайных ситуаций, примерно $5 млрд. Что касается обещанной помощи ООН, то кроме психологической поддержки, Турция получила на решение данного вопроса лишь $265 тыс. международных субсидий.

Благоустройство беженцев включает в себя много аспектов их социальной адаптации, в первую очередь, это вопросы трудоустройства, преодоления языкового барьера, образования, медицинского страхования. Кроме того, приток огромного количества бывших сирийских граждан нарушил социально-экономический баланс в Турции: в стране появились сотни тысяч свободных рабочих рук, готовых работать практически даром, изменились цены на недвижимость, получила развитие нелегальная торговля, растет преступность и радикальные настроения и т. д.

Весьма вероятно, что гражданская война в соседней стране будет еще долго негативно сказываться на экономических и социальных процессах в Турции. Без активного международного вмешательства турецкой экономике будет сложно справиться со сложившейся ситуацией. При благоприятной экономической конъюнктуре Турция, возможно, и сможет стабилизировать положение, спровоцированное вынужденной массовой миграцией из соседней страны. Однако в случае какого-либо экономического кризиса этот вопрос может стать дополнительным дестабилизирующим фактором. В связи с этим

для Турции особое значение приобретают дипломатические контакты по вопросу сирийского кризиса не только с западными партнерами, но также и с Ираном и Россией.

Omar Bakr Mohamed Qutb (Minia University, Egypt)

Moroccan Village of Igiliz: Islamic Historical and Geographical Sources and Recent Studies

This research focuses one of the villages located in the south-west of the African continent in the mountains of Anti-Atlas in the South of modern Morocco. Both Medieval Islamic historical sources on the village of Igiliz — the first *ribat* of Ibn Tumart, and results of modern excavations made on the site of this village recently were considered. This research aims to identify the accurate geographical borders of this village in the Middle Ages in comparison it to its modern location. Also the study will highlight the most important historical events that have been associated closely to that site, and religious and political role of this village in the Almohad period, particularly in the early 6th century AH/ 12th century AD.

The name of this village differed in the Islamic historical sources, e.g., Igiliz, Ikli, while all recent studies agreed on the name of «Igiliz». On the other hand, the modern studies are in a sharp contrast with the sources concerning the geographical location of this village.

It is worth mentioning, that medieval geographical works focused on the cultural aspects of the region, while the historical sources dealt primarily with the most important events related to the village in the same period. As for the recent studies related to this village, they focus on the excavations that have been done in the last years. Their results appear in a form of annual reports with a detailed account of the findings discovered in the site of Igiliz.

Abdellatif M. As-Sabbagh (Benha University, Egypt)

A Survey of the Sources Related to the Egyptian Rule in Syria (1831–1841)

Mohammed Ali wrestled Syrian lands (traditionally called *«Bilad al-Sham»*, which included modern Syria, Lebanon, and Palestine) from the Ottoman Empire and controlled them during the period of 1831–1841. Historical sources for that period can be divided into three types.

The first type: Original documents in the National Archive in Cairo, including Sham Research Portfolio, and other Arabic & Turkish Documents, in addition to

the European Archive kept at the National Archives in Cairo. It contains abundant materials for the administrative, military, economic and religious activities of the Egyptian administration in Syria, as well as information about European Consulates and their activities. This source is especially important for the scholars working in the field of history and documentation. Some of these documents and parts of archives have already been published, including «Orders and correspondence issued by Muhammad Ali Pasha and his son Ibrahim», and «The Royal Archives of Egypt and the Origins of Egyptian Expedition to Syria» (1831–1841) which were published by Dr. Asad Rustom in Arabic and in English.

The second type: contemporary sources describing events in Syria, for example:

Arab origins of the history of Syria during the reign of Mohammed Ali Pasha, political papers gathered by Asad Rustom from *Sharia'a* courts and records of the famous families in Syria.

Ibrahim Pasha, the Egyptian conquests in Palestine, Lebanon and Syria, citing reports of the Consul of Austria in Acre and Sidon (1831–1841).

The third type: modern Egyptian studies including, such works as Latifa Salem, Egyptian rule in Syria.

Tülay Yürekli (Adnan Menderes University, Aydin, Turkey)

The Intelligence Activities during Medieval Turk-Islam States: Example of Zangids and Ayyubids

It is known that postal organization, which is named *barîd* in Islamic states, was already established by Mu'awiya I in the early period of Islamic hoistory. All Islamic states used and benefited greatly from it. The postal system duties included not only offical postal rootine, but also collecting different kinds of information and intelligence. Nizam al-Mulk, prominent figure in the time of the Great Seljukids, said that the regulation of intelligence and *barîd* is one of the major tasks of the Sultan.

Atabeg 'Imâdaddin Zangi gave much attention to the intelligence because of uphill battles against the Crusaders and a necessity to follow the political situation in neighbouring countries. In the period of Nuraddin Mahmûd the usage of pigeons was spreaded wide in his country by the reason of expanding borders and increase of the numer of battles againts the Crusaders.

The intellligence activities of different kinds were very importnat for the Sultans. The information provided by merchants, ambassadors, spies, commonners, captives and refugees could determine the fate of the war. Thus, Zangi *"payed attention to the situation in the neigbouring states. He was informed about the neigbour rulers whatever they were doing even when they were alone. There were his men at the court of the Great Seljukids and they reported what they were doing in the period of war and peace"*[1].

[1] El-Bâhir,78.

"There were spies of Nuraddin Mahmud at all places. They reported about all significant and insignificant events. He lavished gitfs and money on those who brought the news"[1].

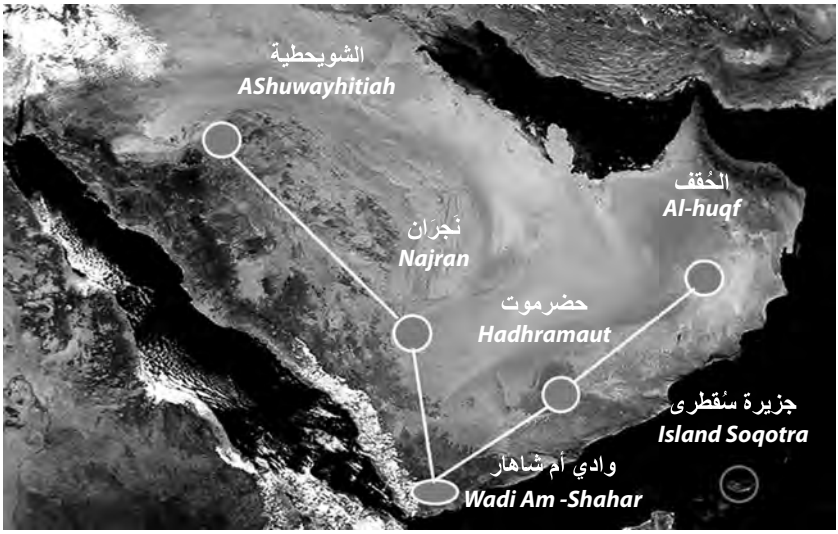
In the present paper we will adressed the organization of communications and intelligence in the Medieval Islamic States of Zangid and Ayyubid periods.

Абдарраззак Аль-Маамари (King Saudi University, SA)

Олдованские стоянки в Аравии и гипотеза миграции через Баб-аль-Мандабский пролив и на Сокотру

На Аравийском полуострове известно 67 стоянок олдуванской эпохи, возраст которых примерно 1,4 миллионов лет. Они распределяются по пяти локальным зонам: в Вади Ам-Шахар(وادي أم شاهار) в районе Аденского залив (16 стоянок), в Хадрамауте (5 стоянок), в районе Аль-Хокф в Омане (примерно 43), и две неподтвержденные: одна в Наджране, другая в Вади Таслис (وادي تَثْلِيث). Пятая зона приходится на Ашвайхитыя (Shuwayhitiah, الشُّوَيْحِطِية). Недавно новые открытия были сделаны на о. Сокотра. Предполагается, что древние люди попали на Аравийский полуостров через Баб-аль-Мандебский пролив, что не вызывает больших вопросов, тогда как появление олдованских стоянок на Сокотре выглядит неожиданным и даже сомнительным.

Целью данной работы является анализ гипотезы миграции на Аравийский полуостров, а также поиск разумного объяснения возможности



[1] El-Bâhir, 47, 78.

существования олдованских стоянок на о. Сокотра. Автор показывает слабые и сильные стороны подобного предположения для Сокотра, основываясь на таких материалах как география, геоморфология стоянок, артефакты и их износ, источники сырья — в дополнение к природным особенностям острова и возможностям пищевого обеспечения древних олдованцев. Автор не обходит вниманием и особенности примитивной исторической жизни сокотрийцев.

Исследование не дает однозначного ответа на все вопросы, но предлагает свою реконструкцию возможных процессов, происходивших в эпоху *Homo Habilis*'а на Аравийском полуострове.

Абилова З. А. (ИР НАНА, Баку)

«Шара'и аль-ислам» («Законы мусульман шиитского толка») А. К. Казем-Бека

Особая роль в исследовании шариата принадлежит известному российскому востоковеду Мирзе Казем-Беку (1802–1870), изучавшему мусульманское право по первоисточникам. Превосходное знание арабского и персидского языка, длительное изучение права в мусульманской школе и постоянное общение с мусульманским духовенством давали известному ученому возможность глубокого изучения шариата. Первая книга «*Шира'и аль-ислам*» («Законы мусульман шиитского толка. О торговле и залоге») была издана в 1862 г., вторая книга «*Шара'и аль-ислам*» («Законы мусульманского шиитского толка. О наследстве») вышла в 1867 г. В этой работе детально рассмотрены различные аспекты мусульманского права, разобраны источники этого права, этапы его развития, а также отдельные вопросы, касающиеся наследственного права. Последнюю книгу из серии «*Шара'и аль-ислам*» — «Книгу о браке» — Казем-Бек не смог довести до конца из-за болезни, так что она до сих пор остается в рукописном виде.

Одним из важных вопросов историографии является проблема источников, которыми пользовался А. К. Казем-Бек при подготовке свих работ по мусульманскому праву. В Институте Рукописей им. М. Физули НАНА хранится 19 рукописных списков (I и II т.) «*Шара'и' ал-ислам фи маса'ил ал-халал вл-харам*», написанного известным арабским ученым XIII в. Абу-л-Касимом ал-Хилли. Этот огромный труд, состоящий из 51 книги, посвящен мусульманскому праву шиитского толка. Ал-Хилли разделил свой труд на 4 части: 1) *'Ибадат* (богослужение и богоугодные дела); 2) *'Укудат* (обоюдные договоры разного рода); 3) *Ика'ат* (договоры и добровольные не обоюдные обязательства); 4) *Ахкам* (отдельные предписания и узаконения, не относящиеся ни к какому из предыдущих разделов и не

зависимые от договоров и сделок). Это произведение пользовалось большой популярностью в шиитской среде и неоднократно переиздавалось не только в странах Восток, но и на Западе.

Сравнительный анализ вышеупомянутых трудов выявляет не только совпадение в названиях книг двух авторов, но и одинаковое разделение на главы, что дает основание полагать, что в основу работы А. К. Казем-Бека по мусульманскому праву было положено именно сочинение ал-Хилли.

Азаркина М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Образцов А. В. (СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Казанская коллекция в фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ

Формирование фонда Восточного отдела библиотеки СПбГУ неразрывно связано с историей востоковедения в Санкт-Петербургском университете. 22 октября 1854 г был подписан Указ Правительствующему Сенату «О сосредоточении преподавания восточных языков при Санкт-Петербургском университете». Пункт 4 Указа содержал требование передачи «учебных пособий по восточным языкам, принадлежащих Казанскому университету и гимназии, и Ришельевскому лицею и состоящей при нем гимназии» в Петербург. К моменту учреждения факультета фонд восточного отдела библиотеки уже насчитывал от 200 до 400 единиц.

В Петербург были переведены основные фонды и часть рукописных и нумизматических коллекций, однако большинство восточных рукописей остались в Казани. Из передаточного списка были исключены и материалы для преподавания т. н. «татарского» языка. Собрания были переданы в августе 1855 г. В документах поступившие коллекции отмечены как «58 ящиков весом в 466 пудов»[1]. Специальная комиссия во главе с А. К. Казем-Беком работала с сентября 1855 по апрель 1859 г.; постановка книг на учет продолжалась до 1865 г.

В перечне книг, предназначенных для отправки в Петербург, который составил библиотекарь Казанского университета И. Ф. Готвальд, значатся 3743 печатные книги, 109 рукописей на китайском, монгольском, тибетском и санскритском языках[2] и 373 мусульманские рукописи[3]. В графе «Примеча-

[1] ЦГИА СПб, ф.14, оп.3, ед.хр. 15283, л.8.

[2] «Список китайских, монгольских, тибетских, санскритских печатных книг и рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет». Рукописный список, сброшюрованный, без шифра, на 39 л.

[3] «Список мусульманских рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет». Список не сброшюрован, без шифра, на 18 л.

ния» есть отметки об исключении из «Списка» семи наименований, а напротив четырех — уточнение, что это печатное издание, а не рукопись.

Собрание Казанского университета, входящее в состав фонда НБ СПбГУ, не выделено в отдельную коллекцию. Хронологическая глубина материалов — от XVI до XIX вв. Физическое состояние коллекции неоднородно. Есть прекрасно сохранившиеся образцы, есть рукописи со следами реставрации. Реставрации подвергались как тексты, так и переплеты. В отношении последних часто применялся метод полной замены оригинала. Время проведения реставрационно-переплетных работ установить невозможно. Использованная бумага обычна для сер. XIX в. Некоторые рукописи, судя по бумаге, реставрировались во 2-й пол. XX в. Часть рукописей помещены в контейнеры из бескислотного картона.

За 160 лет, прошедших с момента передачи коллекции Санкт-Петербургскому университету, многие видные ученые-востоковеды занимались изучением и описанием отдельных разделов и памятников собрания: В. П. Васильев, И. Ю. Крачковский, Г. Ф. Смыкалов, А. Т. Тагирджанов, О. Б. Фролова, В. Л. Успенский и др., однако, коллекция все еще ждет полного научного описания.

Алексеев И. Л. (Фонд Марджани, Москва)

«Апология Омейядов»: кровнородственная солидарность и религиозный энтузиазм в модели раннеисламской истории Ибн Халдуна

В «Мукаддиме» Ибн Халдуна значительное внимание уделяется изложению общеисламской исторической традиции, описывающей события первого века *хиджры*, в частности, событий первой гражданской войны (*ал-фитна ал-кубра*) в Халифате. Стоит отметить, что основным источником, на который ссылается автор «Мукаддимы», является ал-Мас‘уди. Тем не менее, в отличие от основной части «Китаб ал-‘ибар», где, действительно, описание исторических событий приводится в традиционной форме *хабар*ов, во «Введении» автор предпринимает попытку конструирования в общих чертах некоего связного нарратива, отражающего и призванного иллюстрировать его собственную аналитическую концепцию.

Как известно, одной из основных аналитических категорий Ибн Халдуна является понятие *‘асабийа*. С самого начала это понятие трактуется как солидарность и пассионарность, основанная, прежде всего, на кровных узах. Однако в третьей части первой книги «Мукаддимы», где автор рассуждает о природе власти, ее «естественной» логике и механизмах развития, вводится некоторое расширение первоначальной концепции *‘асабий*и: Ибн

Халдун говорит о том, что возможна солидарность не только на родовой, но и на идейной, прежде всего, на религиозной основе. Соединение арабской *‘асабий*и с религиозным энтузиазмом рассматривается нашим автором как основной фактор, способстсвоваший быстрым политическим и военным успехам первых мусульман.

Однако «исламская *‘асабийа*» оказалась недолговечной и уже при Омеййадах – в силу тех же природных причин, по которым арабы, будучи не в состоянии подчиняться кому бы то ни было, склонны, тем не менее, властвовать над другими – была трансформирована в автократическую монархию (*мулк*). При этом религиозная проповедь сохранила свое значение как мобилизующий фактор для новых асабийных групп, в частности, для Аббасидов и Алидов.

Таким образом, циклическая динамика Ибн Халдуна раскрывается как постоянно возобновляемый поиск подлинного авторитета, который в отсутствие пророка замещается выдвигаемым из среды самой асабийной группы патриархальным или харизматическим лидером, превращающимся в наследственного автократического правителя и исчерпывающего асабийу своей группы, что приводит к завершению цикла и создает условия для захвата власти новой асабийей. В этом контексте традицонная для поздней мусульманской историографии негативная оценка Омейядов существенно смягчается: получая как бы «оправдание» через концепцию «естественной» динамики власти и религии.

Алескерова Н. Э. (Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, Баку)

Основные дочерние ветви братства *Халватийа* в XV–XVI вв.

Суфийское братство *Халватийа* входившее в число 12 основных суфийских братств, зародилось в Азербайджане во второй половине XIV века. С этой даты начинается первый, ширванский, период в истории братства, который продлился до начала XVI в. Второй период в развитии братства *Халватийа* начинается в XVI в. Период с XVI по XIX вв. характеризовался широкомасштабной деятельностью самого братства *Халватийа* и его различных основных и побочных ответвлений в Османской империи. Это время наивысшего расцвета *Халватийи*. В этот период функционировало более сорока основных и дочерних ответвлений братства. Общины *Халватийа* были весьма влиятельны и сыграли колоссальную роль в политико-экономической и духовной жизни населения как арабских, так и европейских провинций империи.

Выдающийся глава братства Халватийа, *саййид* Йахйа Бакуви (ум. 1463–4), живший в XV веке, подготовил пять основных последователей (*хулафа*) брат-

ства *Халватийа* — Деде Умара Рушани (1407–1487), ‘Ала ад-дина ал-Карамани, Йусуфа Зийа ад-дина Мускури (ум. 1485), шейха Хабиба Карамани (ум. 1497) и Баха’ ад-дина Мухаммада ал-Эрзинджани (ум. 1467). Впоследствии, в результате деятельности этих *хулафа* зародились четыре основных дочерних ветви *Халватийи*.

Первая дочерняя община — Халватийа-Рушанийа — зародилась в результате деятельности Деде Умара Рушани — знаменитого средневекового суфия, *муршида* (наставника) прославленного шейха Ибрахима Гюлшани (ум. 1533). Основателем второй общины Халватийа-Джамалийа был шейх Джамал ад-дин Халвати (ум. 1493), или Челеби-Эфенди. как его называли приверженцы, происходивший из известного в Амасье рода Джамали-заде. Он был первым *халифом* шейха Баха’ ад-дина Мухаммада Эрзинджани. Третья дочерняя ветвь Халватийа-Ахмадийа было основано Ахмадом Шамс ад-дином. Четвертое ответвление — это Халватийа-Шамсийа, основателем которого был *мурид* (ученик) Хабиба Карамани шейх Шамс-ад-дин Ахмад ас-Сиваси.

Данный доклад будет посвящен деятельности вышеназванных дочерних ветвей братства *Халватийа*.

Алиева Т. О. (ИР НАНА, Баку)

Турецкий адмирал Пири Реис и его «Книга о мореплавании»

Данное произведение известного османского ученого, мореплавателя и картографа XVI в. адмирала Пири Реиса является шедевром в области османской и мировой картографии. До наших дней дошли три произведения Пири Реиса: две географические карты и объемный атлас «*Китаб-и Бахрийе*» («Книга о мореплавании»).

Это сочинение традиционно начинается с восхваления Аллаха, пророка Мухаммеда, его семьи и сподвижников, а также трех османских султанов, во времена которых жил и работал Пири Реис. За изложением причин написания книги следует поэтическая часть, состоящая из 972 бейтов (двустиший), разделенных на 23 главы. Последующая часть произведения составлена в прозаической форме. Причину перехода от поэзии к прозе автор объясняет тем обстоятельством, что если описать Средиземное море, а также остальные семь морей в поэтической форме, то такое описание получилось бы очень пространным. Однако морякам при исполнении их обязанностей в трудных ситуациях, особенно по ночам, нужно, по словам адмирала, не чтение поэзии, а быстрое получение информации и действие в соответствии с ней.

Выполненный мною перевод «*Китаб-и Бахрийе*» с османско-турецкого на русский язык имеет своей целью познакомить русскоязычного читателя с этим шедевром османской географической мысли и его автором.

Аминов Б. Б. (Koç Unıversıty, Стамбул)

Памятники погребальной эпиграфики Османской империи и Средней Азии XIV–XX вв. (культурно-исторические параллели и взаимодействия)

Эпиграфические памятники Османской империи Турции и Средней Азии в контексте ислама имеют многочисленные, однако мало исследованные параллели. С общими исламскими традициями связан историко-филологический аспект составления текста. Начальные и заключительные фразы, формулы, хвалебные эпитеты и отдельные слова находят параллели в материалах погребальной эпиграфики обоих регионов.

Турецкие надписи представляют большой интерес, как по содержанию, так и по построению текста. В текстах встречаются слова и формулы, не имеющие аналогий в среднеазиатских надписях. Так, назидательные высказывания, в которых приводится слова Пророк, не встречаются в среднеазиатских надгробных надписях. Словарный состав, литературная форма, почерк, приемы нанесения надписей на твердые материалы в Турции и Средней Азии имели свои, присущие им особенности. Следует отметить, что большая часть надписей XIV–XV вв. в интересующих нас регионах сделана на арабском языке. В Турции в более поздний период преобладают билингвы на турецком и арабском языках. В Средней Азии существовали арабо-персидские билингвы. В связи с этим необходимо определить стандартный формуляр текстов билингвы в эпитафиях Средней Азии и Турции, проследить их хронологию, выявить их особенности.

Турецкие и среднеазиатские эпитафии дают огромный материал для изучения истории и генеалогии этих обществ. В среднеазиатских культовых комплексах часто встречаются сакральные генеалогии. Это − родословные саййидов, хᵛаджей, отдельных должностных лиц, генеалогии которых восходит к Пророку и халифам.

В эпитафиях Турции и Средней Азии большую роль сыграют *марсийи* (погребальные элегии). Они позволяли реконструировать текст *марсийе*, определить культурное значение поминальной поэзии.

Нельзя исключить некоторые взаимодействия в работах камнерезчиков. Возможно, тумбообразные надгробия (*сундук*) в Турции появились раньше, чем в Средней Азии, где они встречаются начиная с эпохи Тимура и тимуридов. До этого времени мастера использовали *кайраки*, резные и майоликовые

надписи. Мастера Турции нередко использовали готовые материалы (сохранившиеся античные колонны, плиты), поскольку они были наследниками греко-римского мира.

Атнашев В. Р. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург)

Конфессионализм и эволюция института гражданства в Ливане XX в.

Сообщение посвящено специфике гражданства в Ливане, который отличает особая государственная модель, получившая название конфессионализм.

Ливанская конфессиональная система сложилась еще в первой трети XX в., когда Ливан находился под французским мандатом. Конфессиональный принцип был закреплен в ливанской конституции 1926 г. и позднее в Национальном пакте 1943 г.

После обретения независимости Ливаном эта система сохранялась, несмотря на значительные изменения демографической ситуации и баланса этноконфессиональных сил, что показано в сообщении на основе конкретных данных.

Автор рассматривает положения Конституции Ливана в редакции 1990 г., которая в качестве основной национальной задачи декларирует «отмену конфессиональной системы». Далее на примере института гражданства показаны недостатки конфессионализма с политико-правовой точки зрения. Так, ливанское законодательство не предоставляет равные права гражданства детям ливанских женщин, находящимся в браке с иностранцами. Хотя Ливан с оговоркой ратифицировал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, положения закона, дискриминирующие женщин, не были изменены.

Семейное законодательство Ливана также предусматривает особые нормы применительно к каждой религиозной конфессии. Например, правило, регулирующее выезд из страны несовершеннолетних детей граждан Ливана затрагивает интересы иностранных гражданок, состоящих в браке с гражданами Ливана и имеющих общих детей.

Автор не согласен с оценками ливанского конфликта как чисто религиозного. В целом, по-прежнему существующая система конфессионализма, осложненная клановым характером отношений и влиянием внешних факторов, ведет к расшатыванию государства и растворению гражданской идентичности в интересах отдельных общин. По мнению автора, достижение национального согласия возможно лишь в случае постепенного реформирования сложившейся в Ливане системы.

Аширов Т. А. (Туркменский ГУ им. Махтумкули, Ашхабад)

Арабоязычные источники об истории раннего христианства (по данным «*ал-Милал ва-н-нихал*»)

В арабоязычных исторических трудах содержатся материалы и о ранней истории христианства. Труды по теологии (*‘илм ал-калам*) и истории религий (*та’рих ал-а‘йан*), как правило, составлялись согласно трем традициям. К трудам первого направления относятся «*макалат*», «*фирак*» (секты), ко второму — «*ар-раддийа*» (апология), а к третьему — «*ал-милал ва-н-нихал*» (религии и верования).

В трудах о сектах и в апологиях рассматривались в том числе и вопросы, связанные с вероучением периода раннего христианства и особенностями религиозных споров того времени. Однако и в работах по истории «религий и верований» также содержатся важные сведения о раннем христианстве. Под названием «*ал-Милал ва-н-нихал*» было создано несколько работ, посвященных истории сект, их происхождению и догматике. В этих сочинениях даны системные сведения о сектах, их основателях, местах их распространения и т. д. Яркими примерами подобного направления могут служить труды аш-Шахристани[1] и Ибн Хазма[2]. Аль-Бируни, ар-Рази, аль-Фахри[3] и ряд других мусульманских ученых также писали об истории христианства. В их трудах нашли отражение такие вопросы, как происхождение христианства и история Всемирных соборов. Однако наибольший интерес для исследователя представляют разделы, посвященные тем направлениям христианства, которые получили распространение в странах Востока: мелькиты, насториане, ариане, мароните, яковиты, маркиониты и др.

Баконина М. (100ТВ, Санкт-Петербург)

Исламистский «глянец»: салафизм и новейшие медиатехнологии (на примере журнала «*Dabiq*»)

Журнал «*Dabiq*» издается с июля 2014 года, с момента провозглашения «халифата» на территории Сирии и Ирака, захваченной группировкой «Исламское государство». Журнал, по мысли его создателей должен стать рупором «халифата» за его пределами, именно поэтому журнал издается не только на арабском, но и на европейских языках, в том числе на английском. Ежемесячное

[1] الشهرستاني، الملل و النحل، (ا.ع. مهنا و ع. ح. فاعور) دار المعرفة، بيروت 1998.

[2] (احمد شمس الدين) بن حزم الأندلسي، الفصل في الملل و الاهواء و النحل، دار الكتب العلمية، بيروت 1996.

[3] Ал-Фахри. *Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан* (пер. С. М. Прозорова). М., 1988.

издание является классическим примером традиционного «глянцевого журнала». По стилистике и дизайну журнал «*Dabiq*» не уступает классическим образцам, таким как «Esquire» или «Cosmopolitan».

Это издание, над которым работают прекрасные дизайнеры и веб-мастера можно назвать практически самым эффектным из изданий такого рода. Великолепные фотографии, «говорящие обложки», точные и содержательные тексты, написанные хорошим, в меру простым, арабским или английским языком. Журнал профессионально сверстан: репортажи, интервью, политические заявления перемешаны с элементами мистики, проповедями богословов и цитатами из хадисов. Журнал «*Dabiq*» успешно освоил все четыре основные функции масс-медиа: информирует, развлекает, убеждает и передает ценности конкретной культуры с помощью новейших технологий. Авторы журнала вовсе не фанатики, бесконечно застрявшие в прошлом, их фанатизм, скорее, порождение глобального мира. Мира потребления. Мира, в котором философию заменила гонка за ощущениями и впечатлениями. Какие впечатления сулят своим читателям авторы этого издания?

В докладе будет представлен контент-анализ всех вышедших на данный момент номеров журнала, определена целевая аудитория этого издания. На конкретных примерах будут выявлены приемы, которые позволяют использовать институционализированное в западных медиа производство и массовое распространение символических материалов для пропаганды абсолютно антизападных, исламистских ценностей.

Башарин П. В. (РГГУ, Москва)

К вопросу о генезисе предания о медном городе в арабской традиции

Предания о медном городе, получившие распространение в арабской литературе, изначально восходят, по всей видимости, к сюжету из легенд об Александре Македонском. Эфиопский Комментарий на Апокалипсис Иоанна кон. XVI в. содержит рассказ посещения им города детей Яфета с железными стенами и медными воротами. Войско Александра обнаружило там магические железные изваяния, препятствующие проникновению чужеземцев, и свидетельство о прежних обитателях. Похожие ворота герой строит, чтобы запереть Гога и Магога в сирийских текстах (Легенда об Александре и Поэма о праведном царе Александре и о воротах, которые он построил против Гога и Магога). Образ медного города встречается и в иранской традиции. «Медная крепость» упоминается в пехлевийском памятнике Айадгар-и Зареран и в Шах-нама. Она имеет железные ворота.

Обработка сюжета легенд об Александре хорошо известна в арабских исторических и географических сочинениях. Самые известные свидетельства связаны с походом полководца Мусы б. Нусайра в Андалусию (Ибн Хабиб, ат-Табари, Ибн ал-Факих). Согласно им, медный город построен джиннами по приказу Соломона на месте медного источника, дарованного ему Богом, и заколдован демоническими чарами. Часто к этому рассказу присоединяется история о том, как воины Мусы подняли со дна озера кувшин, из которого вырывается джинн с копьем в руке и взмывает ввысь. Этот рассказ также отсылает к эфиопской легенде об Александре, посетившем до этого город кентавров. В арабском фольклоре также встречается сюжет о медном городе. Это либо место обитания демонов (*ифритов*), либо город мертвецов, умерших от голода среди роскоши (Тысяча и одна ночь).

Таким образом, в арабской традиции история трансформируется и смешивается с другим известным сюжетом — о городе, построенном и населенном демонами. Последний восходит к иранской традиции, фиксируемой начиная с согдийского фрагмента о битве Рустама с дэвами. Позднее он превращается в предание о городе, построенном Соломоном при помощи сверхъестественных существ.

Беляков В. В. (ИВ РАН, Москва)

Египет в годы Второй мировой войны: свидетельства очевидцев

О ситуации в Египте в период военных действий на его территории (1940–1942) свидетельствуют дневники двух русских эмигрантов, проживавших в Александрии. Это настоятель русской церкви Св. Александра Невского Алексий (Дехтерёв) и капитан англо-египетской полиции Анатолий Марков. Главное внимание в дневниках уделяется положению в самой Александрии, которая подвергалась массированным бомбардировкам итало-немецкой авиации. Авторы дневников фиксировали разрушения в городе и жертвы среди мирного населения, панику, возникавшую в Александрии в критические моменты на фронте, положение русской эмигрантской общины. Из дневников видно, что фашисты временами бомбили не столько английскую военно-морскую базу, сколько жилые кварталы. За два года авторы дневников зафиксировали 229 воздушных налетов на Александрию. Анатолий Марков сообщает о бомбардировках городов зоны Суэцкого канала, особенно Суэца, который был сильно разрушен, Каира и Даманхура. Он также дает характеристику политической обстановке в Египте.

Дневники русских эмигрантов являются ценным источником, позволяющим уточнить ситуацию в Египте в годы Второй мировой войны.

Беркович Н. А. (СПБГИК, Санкт-Петербург)

Реальность палестинского этноса: этногенез в изгнании

О палестинском этносе можно обоснованно утверждать со времени начала палестинской Катастрофы (а*н-Накба*). Ее доминанта, как нам представляется, не столько в проблеме территорий, беженцев, что не умоляет их значимости, и не в Восточном Иерусалиме, как предполагаемой столице Палестинского государства, а в том, что демаркация территорий неизбежно ведет к этнополитической трансформации, в результате которой начинается этногенез палестинского народа.

Доминантой этногенеза и этнической истории палестинцев становится дивергентность в деструктивной форме изгнания, в контексте так называемых «палестинских комплексов». По нашему мнению обосновано утверждать о троякой дивергенции палестинского этногенеза. Первое, это дивергенция в форме сепарации от лингвистически и, главное, историко-культурно родственных этносов региона Северной Африки и Ближнего Востока, прежде всего иорданцев, ливанцев, сирийцев, йеменцев и др. Между ними и формирующимся палестинским этносом устанавливаются этнические дистанции, потенциально несущие конфликтогенную напряженность. Как аналогию можно привести пример сепарации, присущий этногенезу бангладешцев и пакистанцев, дивергентных в отношении к другим народам Южной Азии, главным образом к индийским. Второе — это дивергенция как отчуждение от территории проживания, от своего первоначального этнокультурного пространства, приобретающая сакральную значимость и смысловые доминанты повседневности: свою традиционную семантику, числовые константы, цвета и т. п. И третье, это внутренняя дивергенция палестинцев, их многолетняя разобщенность.

В результате этногенеза в изгнании формируется палестинская этничность: архетипичность, ментальность, самосознание, включая национальную идентичность и этноним: «Мы палестинский народ».

Бизюков С. Н. (Санкт-Петербург)

Юридические уловки (*хийал*) в исламском праве: история и современность

Одной из характерных черт исламского права, во многом отличающего его от других правовых систем, является наличие в нем концепции так называемых юридических стратагем, или уловок (*ḥiyal*), которые в общем виде определяются как юридические приемы или фикции, предназначавшиеся для обхождения обязательных предписаний шариата, избегая при этом их формального нарушения. На протяжении веков юридические уловки-*ḥiyal* применялись во

многих областях, относящихся к сферам отправления религиозных обязанностей, брачно-семейных отношений и наследования, в области совершения различных сделок между людьми.

Примерами уловок являются: так называемый «освобождающий брак» (*nikāḥ al-taḥlīl*) в случае окончательного «трехкратного» развода с женой; выполнение религиозных обязанностей за другого человека, когда он должен выполнять их лично; отправление в паломничество (*хадж*), но с сугубо личными целями; уклонение от уплаты налога *закята* в установленном размере; исполнение обета (*nadhr*) за умершего; уклонение от уплаты выкупа (*mahr*) за невесту, совершение брака по обычаю *shighār* (когда отец отдает в жены свою дочь человеку, который в ответ находит для отца жену, и оба уклоняются от затрат на приданное (*mahr*)); а также уловки, связанные с обходом запрета прибытка (*ribā*) путем женитьбы опекуна (*wālī*) на находящейся под его покровительством девушке-сироте с целью уплаты выкупа за невесту в уменьшенном размере, нарушением принадлежащего другому человеку преимущественного права (*shuf'a*) при продаже дома и т. п. Для обхода коранического запрета получения и уплаты прибытка *ribā* использовались уловки в форме сделок: *bay' al-ʿīna*, *bay' al-wafā'*, *tawarruq* и др.

С появлением исламских банков и формированием исламской банковско-финансовой сферы (ИБФ), а также в ходе проводившейся кампании по «исламизации знаний» были восприняты, адаптированы к современным условиям и введены в хозяйственный оборот формы средневековых сделок, издавна признававшиеся уловками. Основной целью их использования является, прежде всего, обход запрета ссудного процента с помощью искусственных конструкций, призванных скрывать взимание и уплату запретной *ribā*.

Возникает закономерный вопрос: является ли ИБФ сфера действительно исламской, если ее теоретическими основами и практикой нарушается один из основополагающих запретов ислама?

Блондин В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отражение понятия «йеменского патриотизма», «свободы и независимости» в позднесредневековой исторической литературе Йемена

Начиная с XIX столетия и по настоящее время Южная Аравия (Йемен) вызывает огромный интерес у европейских и отечественных востоковедов. Объектом интереса к этому региону Ближнего Востока является как доисламский, так и мусульманский период истории Йемена, судьбы различных социальных слоев йеменского общества, его религиозно-политических групп и движений, их определенный консерватизм, ярко выраженные черты родоплеменного строя

у йеменцев, сохранившиеся и по сей день, оказывающие заметное влияние и на жизнь современного йеменского общества в XXI веке.

Вся история Йемена, по сути, является непрерывным противостоянием между различными племенами, борьбой различных форм единобожия, противостоянием «племен» и «городской власти» и, наконец, категорическим неприятием любого иностранного вторжения или господства.

Понятие «йеменского патриотизма», по мнению М. Б. Пиотровского, является характерной чертой своеобразного самосознания йеменцев, сочетающего в себе арабизм, «химйаритство» и ислам, гордость своим языческим прошлым. Многие исследователи средневековой йеменской исторической литературы отмечали, что особый «йеменский патриотизм» проявлялся у йеменских историков в их неуемном желании упоминать о «достоинствах Йемена», приводя в качестве доказательств коранические стихи и хадисы о Пророке во вступлениях к своим произведениям. Это в высшей степени характерно для многих йеменских средневековых историков, например, Йахйи ибн ал-Хусейна (XVII в.), который обосновывает кахтанидское происхождение мединских сторонников Пророка — ансаров и йеменское происхождение самого Мухаммада, говоря буквально следующее: «Пророк, да благословит Аллах его и его семью и да приветствует, — йеменский араб».

Гипертрофированное чувство индивидуализма, обостренное чувство свободы и независимости, желание противопоставить себя всему остальному миру и крайняя нетерпимость ко всякому идеологическому, политическому или военному воздействию извне нашли свое адекватное отражение в постоянном военном противодействии любому иноземному вторжению, будь то персы, эфиопы, Аббасиды, Аййубиды, египетские Мамлюки, турки-османы, португальцы или англичане.

С учетом специфических черт йеменского свободолюбия, независимости и жажды власти, которые так присущи йеменцам, все вышесказанное с точностью отражается в старинной арабской пословице: «Мы с братом против кузена. Мы с братом и кузеном против всех остальных!»

Боков Т. А. (Посольство России в Йемене, Сана)

Поэзия Низара Каббани как источник по истории христианства в Сирии (1920–1940 гг.)

Проблема межконфессиональных отношений в Сирии сейчас актуальна как никогда. Меж тем, её изучение связано с рядом трудностей и ставит перед историками вопрос о косвенных источниках. Исходя из тезиса М. М. Бахтина о том, что «всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично», мы предлагаем в качестве такого источника поэзию дамасского

суннита Н. Каббани (1923–1998), которая, насколько нам известно, в этом разрезе ещё не исследовалась.

Анализ текстов 13 сборников Каббани периода 1943–1978 гг. выявил 68 исламских и 46 христианских реалий, включённых в образный мир поэта и точно атрибутируемых.

В процессе исследования было также установлено:

- картина мира поэта сложилась к 1943 г. и после не претерпевала существенных изменений. С самого начала для неё значимы исламские и христианские образы[1], при этом они художественно равноправны (имя любимой сравнивается и с Евангелием и с Кораном, упоминаются вместе мечети и церкви);
- религиозные реалии используются тропеически для передачи душевных переживаний (крестные муки, суфийские мотивы) и напрямую — для описания топоса, при этом христианские образы (церкви, колокола) превалируют над исламскими (мечети, *азан*);
- христианские и суфийские образы использованы в наиболее чувственных, подчас эротических сценах, когда нельзя прибегнуть к чисто исламским;
- исламская тематика разнообразнее христианской: использованы 32 исламские реалии (в т. ч. коранические аллюзии, суфийские термины, персонажи исламской истории) и 18 христианских (Христос, распятие, цитата из Нагорной проповеди).

Можно заключить, что в 1920–1940 гг., когда формировались основы картины мира Н. Каббани, христианство было включено как в аудио-визуальный, так и, в меньшей степени, общий культурный контекст Дамаска.

Болдина Юлия (ВФ СПбГУ; Université Paris IV-Sorbonne, Париж)

Потомки морисков и сефардов: этнокультурная идентичность в условиях глобализации

Доклад посвящен потомкам морисков и сефардов — населению, изгнанному из Испании после победы Реконкисты. Сегодня они имеют самобытную культуру, подкрепленную коллективной памятью и традициями, и продолжают считать себя наследниками аль-Андалуса. Однако этнокультурная идентичность обеих диаспор претерпевает значительные изменения в связи с процессами глобализации.

С одной стороны, происходит интернационализация культурного, экономического и политического пространства, что влечет за собой ослабление культурной идентичности. С другой — в современном мире значительно

[1] Их число несколько возрастает после переезда поэта в Бейрут в 1968 г., но основные мотивы появляются в более ранних сборниках.

возрастает роль этничности в общественных процессах, а также интерес к национальным культурам.

В настоящее время существуют специализированные СМИ, интернет-ресурсы и общественные организации, содействующие развитию культуры морисков и сефардов, языков ладино и альхамиадо, распространению музыкальной культуры и традиционной кулинарии.

Современные мориски требуют от испанского государства официального признания ущерба, нанесенного им Инквизицией. Это было сделано для сефардов в 1992 г., когда испанское правительство приняло законопроект об упрощении натурализации потомков сефардских евреев, изгнанных в 1492 г., что вызвало многочисленные споры среди представителей диаспоры морисков, полагающих, что Испания должна признать историческую несправедливость и в отношении их предков, которые были изгнаны век спустя после сефардов. Среди опрошенных нами морисков немногочисленны те, кто действительно хотел бы получить испанское гражданство и «вернуться» на родину предков. Тем не менее, официальные попытки добиться признания права морисков на их «историческую родину» предпринимаются повсеместно.

Так, в 2010 г. Парламент Андалусии одобрил декларацию[1] в поддержку ходатайства Фонда Блас Инфанте[2] о присуждении Премии принца Астурийского[3] в номинации «Согласие» потомкам морисков, изгнанных с Пиренейского полуострова 400 лет назад. Андалусские мориски, как и сефарды, являются этнической группой, повлиявшей на формирование испанской идентичности. «Принять и признать этот исторический факт означает признать в нас самих это огромное, богатое и цивилизаторское наследие», — сообщается в декларации.

Бурова А. Н. (РГГУ, Москва)

Основные факторы становления организации «Свободных офицеров» в Египте: англоязычная историография

Становлению организации «Свободные офицеры» было уделено значительное внимание в работах англоязычных авторов. В 1971 г. вышла работа Стефенса «Насер. Политическая биография». Автор говорит о развитии национальной египетской армии, о роли Великобритании, которая оказы-

[1] Текст декларации: http://www.parlamentodeandalucia.es/webdinamica/portal-web-parlamento/pdf.do?tipodoc=textosaprobados&id=29.

[2] *Blas Infante* — андалусский политик и историк. За заслуги в деле становления автономии Андалусии упоминается в преамбуле Устава автономии как «отец андалусской Родины».

[3] *Premio Príncipe de Asturias* — международная премия, присуждаемая в Испании за достижения в науке и искусстве. Субсидируется из Фонда принца Астурии.

вала значительное влияние на политическую и военную жизнь страны, об участии Египта во второй мировой войне, о создании и развитии ассоциации «Братья-мусульмане», которая оказала большое влияние на развитие будущих «Свободных офицеров». Также автор подробно останавливается на событиях первой арабо-израильской войне 1948–1949 гг., в которой арабы потерпели поражение и которая стала катализатором в развитии движения «Свободных офицеров».

В 1991 г. вышла работа Гордона «Благословенное движение Насера: «Свободные офицеры Египта и июльская революция». Автор подробно останавливается на внутриполитической ситуации в Египте, где было несколько центров силы, таких, как королевская власть, лидирующая партия «Вафд» и Великобритания. Также автор рассказывает о роли ассоциации «Братьев-мусульман», к рядам которой принадлежали почти все будущие «Свободные офицеры», а также о социальном происхождении «Свободных офицеров».

В 2012 г. вышла работа Кука «Борьба за Египет. От Насера до площади Тахрир». Несмотря на то, что большая часть работы посвящена современному периоду, автор рассказывает и о времени становления организации «Свободных офицеров». Он описывает внутриполитическую ситуацию в Египте и ситуацию в Палестине, начиная от времен британского мандата и заканчивая первой арабо-израильской войной.

В целом можно сказать, что все авторы сходятся во мнении, что общие националистические антибританские настроения, нестабильная внутриполитическая ситуация, поражение в Палестинской войне стали важнейшими факторами, стимулировавшими развитие «Свободных офицеров» и их последующий приход к власти вследствие июльского переворота 1952 г.

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КГУКИ, Казань), Зяппаров Т. И. (ИМОИВ, КФУ, Казань)

Мирза А. К. Казем-Бек и его вклад в изучение арабо-мусульманских источников[1]

Профессор Мирза А. К. Казем-Бек — один из основоположников российского востоковедения в XIX в., известный тюрколог, иранист, арабист и исламовед России и Европы. Развитие университетского востоковедения в России (Казань, Санкт-Петербург, Москва и др.) во многом связано с личностью Казем-Бека. Гуманистический характер исследований ученого-мыслителя остается

[1] Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 13–11–16008, № 15–01–00061 и № 15–11–16009.

главным в его наследии. Его феномен объединяет историю и культуру народов России, Азербайджана, Ирана, Турции.

Научное наследие А. К. Казем-Бека основано на комплексном текстологическом изучении разнообразных письменных памятников народов и стран мусульманского Востока. Основным направлением его научной деятельности в области арабистики, тюркологии, османистики и иранистики в Казани (1826–1849) и Санкт-Петербурге (1849–1870) стали поиск, комплектация и изучение мусульманских рукописей и книг, переводы классических текстов арабо-мусульманской цивилизации.

В истории российской и мировой ориенталистики Мирза Казем-Бек известен как крупнейший представитель текстологического изучения оригинальных письменных памятников народов мусульманского Востока. Его методика текстологического изучения прослеживается в опубликованных им работах, посвященных известным арабо-мусульманским источникам: «Ассеб-ус-сейяр, или Семь планет…» (1831), «Мюхтесерюль-викгает» (или «Сокращенный викгает»)» (1845), «Сабат аль-аджизин» (1847), «Дербенд-наме»(1851), «Полный конкорданс Корана…» (1859), «Шераи уль-Ислам» (Кн. 1, 1862, Кн.2, 1867) и др.

Научное наследие Мирзы Казем-Бека, в особенности в области изучения арабо-мусульманских источников, не потеряло своего значения и сегодня. Оригинальные материалы этого ученого и мыслителя сохраняются в российских и зарубежных центрах. Поиск, систематизация и вовлечение в научный оборот этих рукописных материалов остаются важной задачей современного востоковедения.

Васильцов К. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

ʻИлм ал-ихтийарат в средневековой мусульманской традиции

В ранних мусульманских источниках термины *ʻилм ан-нуджум* и *ʻилм ал-фалак* обозначали одновременно и астрологию и астрономию. Более поздняя средневековая традиция проводит четкое различие между наукой о звездах (*ʻилм ан-нуджум*) и наукой о небесных сферах (*ʻилм ал-фалак*), которые служили обозначением для астрологии и наукой о структуре [вселенной] *ʻилм ал-хайʼа*, обозначавшей астрономию (или в некоторых случаях космографию). Несмотря на то, что на протяжении всего средневекового периода практическое применение астрологии являлось предметом дискуссий и полемики среди мусульманских богословов и ученых, астрология активно практиковалась в Иране, как и в других областях *дар ал-ислам*.

Основными разделами юдициальной астрологии (*сина‘ат ал-ахкам, ахкам ан-нуджум*) являются генетлиалогия (*ал-мавалид*) — предсказание судьбы

новорожденного на основании положения звезд во время рождения, и гемерологий (*ихтийарат*) — указание счастливых (*са'д*) и несчастливых (*нахс*) периодов (год, месяц, день, час). Составление гемерологий получает широкое распространение при дворе ʻАббасидов: определение времени для совершения того или иного поступка или же отказ от него являлось основной прерогативой астролога, который превратился в важную фигуру в окружении халифа, хотя существуют свидетельства, что уже в период Омеййадов многие решения, принимаемые *кади* или *имамом* основывались на рекомендациях *мунаджжима*.

К составлению гемерологий обращались многие средневековые *мунаджжимы*, среди которых стоит отметить ʻУмара б. ал-Фаррухана ат-Табари (*Китаб ал-ихтийарат*), Сахла б. Бишра (*Китаб ал-ихтийарат 'ала-л-буйут ал-иснай 'ашар*), Абу Йусуфа ал-Кинди (*Ихтийарат ал-аййам*), Абу Маʻшара (*Китаб ал-ихтийарат, Ихтийарат ас-са'ат*), Фахр ад-дина ар-Рази (*ал-Ихтийарат ал-'ала'ийа*). В основе *ихтийарат* лежал принцип, согласно которому каждый день имел свою звезду-покровительницу (*наджм, тали'*), которая оказывала влияние на его характер (счастливый или несчастливый), на основании чего для каждого дня определялся круг занятий или действий более всего ему подходящих.

Видакас Ю. Ю. (МИД РФ, Москва)

Отношения Судан — Южный Судан — ООН: к вопросу о гуманитарной и миротворческой роли миссий ООН

Республика Судан и Республика Южный Судан являются странами, на территории которых в настоящее время развернуты три миротворческие миссии ООН (миссия ООН в Судане (МООНС) действовала в еще едином Судане с марта 2005 г. по июль 2011 г.): Смешанная операция Африканского Союза — ООН в Дарфуре (ЮНАМИД), миссия ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС), и временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абьее (ЮНИСФА). ЮНАМИД функционирует с декабря 2007 г., МООНЮС — с июля 2011 г. и ЮНИСФА — с июня 2011 г.

Миссии напрямую вовлечены в процессы мирного урегулирования, оказывают помощь властям в плане обеспечения безопасности и по широкому спектру гуманитарных вопросов, участвуют в становлении гуманитарных институтов. Специфика развертывания всех трех миссий определялась крайне нестабильной обстановкой в различных районах «двух Суданов». Миссии отличаются как по общей санкционированной численности и составу военного контингента, так и по решаемым ими задачам.

Задачами МООНС являлось содействие осуществлению Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС), добровольному возвращению беженцев и ока-

занию гуманитарной помощи, а также оказание сторонам ВМС содействия путем предоставления помощи в области гуманитарного разминирования. Без задействования ресурсов МООНС не представлялось бы возможным проведение всеобщих выборов и референдума по самоопределению Юга Судана в 2011 г.

Целями МООНЮС являются упрочение мира и безопасности в Республике Южный Судан.

ЮНАМИД имеет полномочия по содействию реализации Мирного соглашения по Дарфуру (МСД), в рамках которого участвует вместе с агентствами ООН в проектах по восстановлению и развитию региона, ведет активную работу по вовлечению в переговорный процесс вооруженных группировок-неподписантов МСД.

ЮНИСФА выполняют контроль за очагом напряженности на границе между Севером и Югом с полномочиями на применение силы для защиты гражданского населения и сегодня являются гарантом стабильности в районе Абьей.

В целом миссии оказывают положительное влияние на ситуацию в регионах, содействуя, тем самым, росту привлекательности идеи мирного разрешения споров и конфликтов.

Вишняков Я. В. (МГИМО (У) МИД России, Москва)

Документы российских представителей о положении в европейской Турции в начале XX века

В докладе на основе малоизвестных документов, выявленных в фондах российских архивов — АВПРИ, РГВИА, ГАРФ — рассмотрены причины обострения македонского вопроса, ставшего в начале XX века предметом серьезного рассмотрения европейской дипломатии. Именно его обострение стало новым этапом обострения «восточного вопроса».

Донесения российских военных и дипломатических представителей позволяют выяснить нюансы положения провинций европейской Турции в начале XX века. На основе донесений заведующего балканской агентурой департамента полиции В. В. Тржецяка, российских военного и дипломатического представителей делается вывод, что причины многих современных противоречий в Балканском регионе сложились в ходе Илиденского восстания 1903 года, что способствовало превращению региона в «пороховой погреб Европы». Данные вопросы приобретают особую актуальность в связи со столетием начала Первой мировой войны, поскольку позволяют внести вклад в выяснение причин выступления Османской империи на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эволюция суданского города в XIX–XX вв. (на примере Хартума)

Первое упоминание поселения Хартум, находившегося, по всей видимости, на месте современной суданской столицы, содержится в биографии шейха Хамада ибн Абд ар-Рахима, известного как Хиттийик, в произведении позднего суданского средневековья «*Табакат*» Ибн Дайфаллаха (биография № 81). На основе этого произведения можно узнать, что на территории Хартума и острове Тути, входящего в настоящее время в границы мегаполиса, жили выходцы из нубийского племени махас.

Хартум возник как военный форпост в стратегически важном месте слияния Белого и Голубого Нила в результате военной турецко-египетской экспедиции, осуществленной в 1821 г. Начало строительства города приходится на 1824 г., и он считается годом основания суданской столицы.

Администраторы, признавая важное стратегическое положение нового городского центра, решали задачи превращения его в город-крепость, возводя фортификационные сооружения, казармы, административные здания и мечети. Часть сооружений, появившихся до махдистского восстания 1881–1898 гг., со временем потеряла свое значение и частично была перестроена, или демонтирована.

В настоящее время в городе выделяются три крупных района, сложившиеся еще в XIX в.: Омдурман, Хартум, Северный Хартум (*Хартум Бахрий*).

В период власти Махди наибольшее значение было отведено Омдурману. В махдистский период там находились административные здания, мечети, располагался дом халифа Абдаллаха, ставший после кончины Махди резиденцией правителя теократического государства. Выходцы из разных племенных групп сторонников Махди составили впоследствии ядро местного населения.

Хартум представляется более космополитичным районом. Традиционно с XIX в. значительное место в городе принадлежало арабам из Египта, туркам и иностранцам-европейцам. Исторически они заселяли районы современного Хартума и расселялись компактно, образуя целые кварталы, вводя новые названия для улиц и площадей. Собственно суданцы составляли там меньшинство.

После обретения Суданом независимости в 1956 г. городская топонимика стала меняться в пользу суданских названий и суданские семьи, переселившиеся в Хартум, значительно потеснили прежних жителей. В последние десятилетия наблюдается процесс расширения городских границ и притока в Хартум переселенцев из различных районов Судана и ряда африканских стран.

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эмир Халид (1875–1936) в летописи алжирского национализма

Эмир Халид — яркая и одновременно противоречивая фигура в истории алжирского национализма, по сути, первый алжирский националист новейшего времени.

Как и в других странах региона, становление национализма в Алжире проходило во взаимодействии «модернистской» и «традиционалистской» тенденций, более известных во французской прессе как партии «младоалжирцев» и «старых тюрбанов».

Халид стремился объединить обе линии. Выходец из знатного шерифского рода ал-Хашими, внук основателя первого национального государства — эмирата Абд ал-Кадира (1832–1847), Халид принял навязанный Парижем проект «французского Алжира».

Пройдя службу в колониальных войсках, он примкнул к западникам-младоалжирцам, полагая поначалу, что лишь Франция может привести его родину к прогрессу. Участие в «Великой войне», тяжелая болезнь окончательно увели его в политику. В 1916 г. он принял участие в парижском конгрессе Лиги прав человека, все более склоняясь к с леворадикальным лозунгам. В послевоенные годы Халид идет на местные выборы в блоке «алжирцев-мусульман». Не раз он одерживал победу, но неизменно отстранялся властями от всех должностей.

В 1921–1923 гг. Халид издавал патриотическую газету «Л'Икдам» («Отвага»). Его разоблачения закончились высылкой из Алжира «за антифранцузскую деятельность», и летом 1923 г. он выехал в Египет, где установил связь с левыми силами. В 1925 г. по требованию Франции он был арестован и выслан в Сирию.

Важным полем деятельности Халида оставалась метрополия, где в 1920-е гг. сформировалась внушительная мусульманская эмиграция, насчитывавшая более 300 тысяч человек. В 1924 г. Халид участвовал в организации Конгресса североафриканских рабочих (КСАР). В 1926 г. на базе КСАР в Париже была создана ассоциация «Североафриканская звезда», почетным председателем которой стал Халид. Отдавая все силы борьбе за права алжирцев, Халид в 1926 г. ответил отказом на предложение саудовского короля Абд ал-Азиза возглавить штаб его вооруженных сил.

Эмир Халид скончался в 1936 г. в Дамаске, оставив заметный след в арабском освободительном движении. Главный итог его политической биографии — эволюция от западничества к панарабизму и патриотизму. По словам Ш.-А. Жюльена, Халид «объективно действовал в интересах будущей независимости Алжира».

Жевелева А. В., Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Османская Турция глазами русских женщин накануне и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (дневниковые записи Е. Рагозиной и В. Духовской)

До 1870-х гг. возможность «увидеть Турцию женскими глазами» предоставлялась отечественному читателю лишь в случае знакомства с произведениями иностранных авторов — таких, как леди Монтегю (супруга британского посла в Константинополе), княгиня Е. М. Кольцова-Мосальская, урожденная Гика (псевдоним Dora d'Istria), Мелек-ханум. Сын последней, Осман-бей (Fr. Millingen), он же — фактический соавтор ее книги (Тридцать лет в турецких гаремах. Автобиография жены великого визиря Кипризли-Мегемет-паши, Мелек-ханум. СПб., 1874), явился также одним из основоположников гендерных исследований в российском востоковедении.

В докладе рассмотрены два из наиболее ранних известных нам описаний Турции, принадлежащих перу русских женщин, непосредственно наблюдавших повседневную жизнь в Османской империи.

1. *Рагозина Е. А.* Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг. СПб., 1910. Литературно обработанные дневниковые записи образованной русской женщины (родственницы российского дипломата, консула на о-ве Хиос). Провела в Османской Турции около двух лет (1875–1877 гг.): о-в Хиос, Смирна, Константинополь. Поддерживала личное знакомство и вела переписку с Мидхат-пашой — «отцом турецкой конституции 1876 г.».

2. *Духовская В.* Из дневника русской женщины в Эрзеруме во время военного занятия его в 1878 г. СПб, 1879. Яркие зарисовки повседневной жизни города в Азиатской Турции супруги русского военного губернатора Эрзерума. Генерал-майор С. М. Духовской в 1872–1875 гг. возглавлял работу по выработке концепции будущей войны с Турцией на Кавказско-Азиатском театре. После войны вышла его книга *Духовской С.* Русские в Эрзеруме в 1878 г. С планом города и чертежом памятника (СПб., 1878), благодаря чему современный исследователь в ряде случаев имеет очень редкую возможность не только сравнить заботы, взгляды и интересы жены и мужа, но и сопоставить их синхронные впечатления от одних и тех же феноменов и событий в жизни османской глубинки.

Жерлицына Н. А. (ИнАфр РАН, Москва)

Россия и страны Магриба: перспективы сотрудничества после «Арабской весны»

Революционные события последних четырех лет, получившие название «Арабской весны», стали причиной корректировки политики всеми государ-

ствами, имеющими интересы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. У России потенциально сохраняются особые отношения с некоторыми арабскими странами, которые по идеологическим, политическим и экономическим причинам были близки с ее предшественником — СССР. В условиях нового баланса сил задача современной России состоит в том, чтобы на базе этого еще сохраняющегося потенциала разработать новые формы и направления сотрудничества с целью сохранить присутствие в регионе и увеличить свое политическое влияние.

Если сразу после начала политических кризисов в арабских странах в 2011 г. российско-арабское торгово-экономическое сотрудничество прошло через период снижения активности из-за политических рисков, то в настоящий момент можно говорить о стабильном росте товарооборота и новых перспективных направлениях сотрудничества.

Традиционными сферами сотрудничества РФ с арабскими странами являются энергетика и военно-техническое взаимодействие. В последние годы к ним добавились такие перспективные направления, как атомная энергетика, космос, строительство, транспорт, авиационная промышленность, сельское хозяйство и производство продовольствия.

Египет является важнейшим для России торговым партнером в Северной Африке. Объем взаимной торговли в период с 2013 по 2014 год увеличился на 150%, на местном рынке действуют 398 компаний с российским участием. Представители египетских деловых кругов считают, что в настоящее время появилась благоприятная возможность увеличить объем экспорта в Россию в результате российско-украинского кризиса и запрета импорта из стран ЕС. Российские власти намерены обеспечить 10% потребностей страны в продукции сельского хозяйства за счет поставок из Египта и Марокко. Тунис также готов поставлять в Россию товары, которые она ранее покупала в Европе, в частности, оливковое масло и другую сельскохозяйственную продукцию.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отзывы бывших турецких военнопленных о России, зафиксированные русскими путешественниками в Османской Турции в период с 1777 по 1884 г.

История русско-турецких отношений знает двенадцать военных конфликтов, во время которых на территориях воюющих сторон годами находилось значительное число (иногда сотни тысяч) военнопленных. С турецкой стороны первые письменные свидетельства о характере обращения русских с военнопленными относятся к периоду войны 1768–1774 гг. (Ахмед Ресми, Мехмед

Неджати). С некоторыми из бывших пленных довелось встретиться в Стамбуле в 1777 г. тогда еще молодому мичману А. С. Шишкову[1].

В течение последующего столетия русские путешественники отмечали позитивный настрой бывших военнопленных по отношению к России. В докладе рассматриваются свидетельства А. С. Шишкова, М. П. Врончено, побывавшего в Западной части Малой Азии в 1834 г. (после войны 1828–1829 гг.)[2], и А. В. Елисеева, посетившего г. Малатья в 1884 г. (после войны 1877–1878 гг.)[3].

Авторы этих описаний единодушно рассматривали этот дружественный России человеческий ресурс как хороший потенциал для политики сближения между двумя странами. Однако он так и не был реализован. Известный русский дипломат и публицист Ю. С. Карцов, прибывший на службу в Константинополь в 1879 г., так охарактеризовал эту ситуацию: «Все турецкие военные <…>, возвратившиеся из русского плена, были преисполнены чувствами горячей признательности за оказанное им в России гостеприимство. Симпатии наших столь недавних врагов могли бы стать могучим подспорьем для искусной политики. Но мы уже не задавались активными целями…»[4].

Зайцев И. В. (ВГБИЛ, Москва)

Собрание арабских, персидских и турецких рукописей Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина

Насколько мне известно, исламские рукописи ИГИКМ упоминались в литературе лишь дважды. В 1982 году вышла в свет фундаментальная Библиография арабских рукописей, в которой упоминалось о наличии в Ивановском областном краеведческом музее около 10 арабских манускриптов (Библиография, 1982, с.225). В 1990 году эти данные повторил в своем обзоре В. В. Полосин (Полосин, 1990, с.183). Больше к восточным манускриптам коллекции никто не обращался. Количественно рукописи распределяются следующим обра-

[1] Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путеплавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. С. 52–54.

[2] *Жуков К. А., Фетисенко О. Л.* Русские, турки и греки в 1834 году (по материалам путевого дневника М. П. Врончено «Записки русского путешественника в Малой Азии») // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013. С. 200–214.

[3] *Елисеев А. В.* По белу свету. СПб., 1896. Т. 3. С. 335.

[4] *Кравцов Ю*. Семь лет на Ближнем Востоке (1879–1886). Воспоминания политические и личные // Море, 1906. № 13–14. С. 438.

зом: из них — 12 арабских (в том числе 7 списков Корана и его частей без учета печатных и рукописные фрагментов текста Корана); 2 сборник молитв и 3 сочинения по фикху); 2 персидских и 4 тюркских (из них три — османских, включая диваны, и одна татарская (волго-уральская). Доклад посвящен описанию коллекции и наиболее интересных ее экземплярах.

Зулалян Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Девширме на востоке Османской империи в XVI в. (на материале армяноязычных источников)

По сравнению с Балканами на территории Армении система девширме начала применяться позднее. Первые сведения об этом сообщает современник этих событий Ананун Себастаци: «В 1519 г. гнев божий усилился и султан Селим набрал мальчиков среди христиан[1]». Этот же год упоминается и в султанских указах. На Балканах девширме проводилось раз в 3–4 года, в некоторых местах в зависимости от военных нужд даже ежегодно. Относительно территории Армении в армяноязычных источниках указываются следующие даты проведения насильственного набора детей для пополнения армии: 1531 г., 1536 г., 1547 г., 1590 г. и 1622 г. Данный факт можно объяснить тем, что институт девширме являлся не только инструментом пополнения армии, но и обеспечивал некоторые функции ассимиляторской политики правительства и ослаблял сопротивление и национальные движения покоренных народов. Власть же Османской империи в азиатской части страны была сравнительно прочной, соответственно роль девширме была не столь велика, как на Балканах.

Иногда представители армянского духовенства, уплачивая определенный налог, уберегали народ от «набора мальчиков». В связи с этим примечательна летопись Григора Даранагци, где автор свидетельствует о том, что вардапет Магакия Дерджанци в 1543 г. отправился в Константинополь, представился султану и путем уплаты определенного налога добился отмены этой повинности в городах Дерджан, Баберд и их окрестностях[2].

Несмотря на то, что армянские источники указанного периода представлены в основном мелкими хрониками, памятными записями и имеют локальный характер, они, однако, являются важнейшим доказательством применения системы девширме и на востоке Османской империи, а также способствуют выявлению особенностей функционирования данного института на указанных территориях.

[1] *Акопян В. А.* Мелкие хроники XIII–XVIII вв. Ереван, 1951. Т. I. С. 169.

[2] Магакия Аркепископос Орманян, Азгапатум. Константинополь, 1912. Т. II. С. 2238.

Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Трактат об охотничьих птицах из рукописного фонда Научной библиотеки СПбГУ

Арабские рукописные книги хранят свидетельства развития науки, искусства, религии, общества. Как своеобразный отпечаток культурного облика той или иной эпохи в истории народов мусульманского Востока они дают представление о самых различных видах деятельности человека, наконец, о его досуге и повседневных интересах.

В состав рукописной коллекции Восточного отдела библиотеки СПбГУ входит не менее тридцати манускриптов, создание которых относится к периоду правления мамлюкских султанов в Египте (1250–1517). Трактат об охотничьих птицах «*Ал-Канун ал-вадих фи му'аладжат ад-джаварих*» был написан 'Али ибн Куштумом в 1267/1268 г. и скопирован в Египте в 1510 г. Сочинение состоит из двух частей — теоретической и практической. Ибн Куштум, по его собственным словам, опирался не только на свои знания и опыт, но обобщил и систематизировал сведения, имеющиеся в произведениях его предшественников.

Охота была излюбленным развлечением мамлюкской элиты. Это занятие давало возможность представителям мамлюкской аристократии практиковаться в стрельбе и наездничестве, считалось, что охота благотворно сказывается на здоровье воина, укрепляет тело и дух. В мамлюкском обществе сохранению традиций охоты придавалось большое значение, охотничьи птицы, особенно редких пород ценились очень высоко, их содержание требовало специальных знаний. Книга по уходу, лечению, ловле и тренировке охотничьих птиц могла стать дорогим подарком или желанным приобретением для эмира высокого ранга.

Список «*Ал-Канун ал-вадих*» великолепно иллюминирован. Изысканный и строгий декор гармонично сочетается с использованием разных почерковых стилей. Эта редкая рукопись (текст трактата не издан, в исследовательской литературе встречаются упоминания еще только об одной, стамбульской копии) представляет собой единственный в библиотеке СПбГУ образец рукописной книги, столь полно и искусно оформленной в типичном для мамлюкского периода стиле.

Исаев Г. Г. (Турецко-российский фонд культуры, Стамбул)

«Братья-мусульмане» в современной западной и российской историографии

Движение «Братьев-мусульман» начинает свою историю в 1928 г. в египетском городе Исмаилия и связано со школьным учителем Хасаном аль-Банна, который с группой единомышленников создал общество, ставившее своими

целями проповедь исламских ценностей и воспитание молодого поколения в духе ислама. В итоге «Братья-мусульмане» стали не только одним из самых многочисленных общественных движений в Египте, но и оказали серьезное влияние на политический ислам в целом, став, по выражению французского исследователя Ж. Кепеля «матрицей современного исламизма». Всплеск интереса к «Братьям-мусульманам» имел место после их непродолжительного пребывания у власти в Египте после ухода Х. Мубарака с поста президента.

В западной (западно-европейской и американской) науке исследованием феномена «Братьев-мусульман» занимались как историки, так и социологи и политологи. «Братья» рассматривались как социально-политический феномен, городское общественное движение, представлявшее интересы мелкой буржуазии, не только выжившее в условиях репрессий со стороны властей, но и оказавшееся способным к мобилизации и участию в политической жизни Египта. Также подробно западными учёными исследованы основные идеологи и лидеры «Братьев-мусульман»: от Хасана Аль-Банны до Юсуфа Аль-Карадави. Особую ценность представляют исследования современного состояния движения «Братьев-мусульман», их эволюции в условиях обретения политической власти, поражения и новых репрессий.

Российских работ о «Братьях-мусульманах», посвященных исследованию социальной структуры и идеологии «Братьев» на сегодняшний день немного. Обычно «Братьев» рассматривают в более широком контексте «политического ислама». Среди современных специалистов, занимающихся исследованием «Братьев-мусульман», следует выделить М. З. Ражбадинова, И. А. Царегородцеву, О. В. Карпачеву.

Исаев Л. М. (НИУ ВШЭ; ИнАфр РАН, Москва)

Йемен: проблемы устойчивости власти

Очередная сентябрьская революция (21 сентября 2014 г.) в Йемене де факто возвела на «политический олимп» в стране политическое движение «Ансар Аллах». В настоящее время под их контролем находится территория практически всего северного Йемена, в том числе столичный аэропорт, главный морской порт Ходейда, а также крупнейшая военная база страны — Амалика, исключение составляет лишь неподконтрольная им провинция Мариб, где в настоящее время ведутся боевые действия.

Клан аль-Ахмаров в Йемене, по сути руководивший страной после ухода с президентского поста Али Абделлы Салеха в конце 2011 г., допустил те же ошибки, что и «братья-мусульмане» в Египте. И в первую очередь, им так и не удалось предложить путей по выходу из сложившегося политического кризиса, которые бы устраивали большинство политических сил страны.

Поэтому складывавшаяся с начала 2012 г. ситуация, при которой власть в Йемене начала монополизироваться в руках семейства аль-Ахмаров в лице партии «аль-Ислах» и их союзников, представленных «братьями-мусульманами» и салафитами, поставило их оппонентов по одну сторону баррикад и вынудило пойти на крайние меры. Усугубило ситуацию и все возрастающее в последние годы влияние Али Мохсена, занявшего пост советника президента Абд Раббо Мансура Хади по военным вопросам и не скрывавшего своих политических амбиций, нацеленных на пост будущего руководителя страны (не стоит забывать, что одной из главных причин конфликта между Салехом и Али Мохсеном в преддверии «Арабской весны» считалось желание экс-президента передать власть своему сыну, а не сводному брату). Очевидно, что подобные перспективы категорически не устраивали ни хуситов («Ансар Аллах»), ни Всеобщий народный конгресс (ВНК), ни южан, что предопределило «революцию 21 сентября», после которой аль-Ахмары были вынуждены покинуть страну, в то время как «Ансар Аллах», проводя политику заключения союзов с йеменскими племенами, а также членами ВНК, установило контроль над северным Йеменом.

Ключевой вопрос, который сегодня стоит на йеменской политической повестке дня — будущее юга. Хуситы продолжают вести переговоры с «аль-Хирак аль-джануби» относительно возможности сосуществования в границах одного государства. Однако перспективы единого Йемена пока остаются туманными. Во многом именно этим объясняется тот факт, что Хади до сих пор занимает пост временного президента страны и последние перемены во власти его не коснулись. Велика вероятность, что лишение Хади президентского кресла вынудит его бежать на юг, откуда он родом, что способно только усилить сепаратистские настроения в Адене. А это в свою очередь может бросить тень на позиции хуситов, которых в этом случае обвинят в распаде страны.

Коровкина А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Феномен *«стамбели»* в историко-культурной перспективе современного Туниса

На протяжении многих веков территория современного Туниса являлась центром ближневосточной торговли. Отдельное место в этой системе занимали знаменитые невольничьи рынки. Для обеспечения предложения, порождаемого спросом конкретного исторического периода, поддерживалась и постепенно росла необходимость в набегах на земли, расположенные южнее Сахары, с целью захвата новых рабов. Вынести тяготы опасного пути на север удавалось далеко не всем, к тому же большая часть невольников после продажи на рынке покидала Ифрикийю. Однако были и те, чья жизнь теперь уже навсегда

оказывалась связана с новой страной. Их желание объединиться, сохранить свои традиции и выжить в чуждом им мире привело к возникновению феномена *стамбели* — уникального самобытного образования, ставшего частью политической, социальной и культурной жизни Туниса.

Отличительной чертой института *стамбели* является его многофункциональность и цельность. Если изначально дома *стамбели* фактически являлись основной структурой, определявшей дальнейшую интеграцию рабов и вольноотпущенников родом из областей Тропической Африки, то постепенно со сменой эпох и государственного строя необходимость в адаптации чужаков отпала сама собой за их отсутствием, и главной задачей членов *стамбели* стало сохранение своей истории и традиций тех цивилизаций, представителями которых были их предки. Таким образом, можно констатировать, что на данный момент из трех когда-то в равной степени важных функций института *стамбели* в полной степени сохранила свою значимость лишь культурная, в то время как политическая и социальная отошли на задний план.

Дальнейшая судьба этой уникальной традиции находится под вопросом, поскольку тенденция к ее исчезновению в существующем на данный момент виде обозначилась достаточно четко в последние годы. Наиболее вероятным исходом можно считать постепенную ассимиляцию и сохранение отдельных элементов *стамбели* в общем массиве культуры современного Туниса.

Костелянец С. В. (ИАфр РАН, Москва)

Выборы-2015: риски дестабилизации Судана

Внутренняя обстановка в Судане с 2011 г. характеризуется острым экономическим кризисом и нерезультативной вооруженной борьбой с повстанческими движениями на периферии страны. Антикризисная экономическая программа не привела к обещанному восстановлению экспорта и диверсификации экономики, а процесс национального диалога, призванный смягчить внутриполитические разногласия, буксует в связи с нежеланием оппозиции, в т. ч. вооруженной, принимать в нем участие. Протесты против цензуры, войны и экономических трудностей регулярно проходят в столице и других крупных городах страны и, как правило, заканчиваются столкновениями с полицией и массовыми арестами.

По мнению западных аналитиков, Судан был обречен повторить путь своих северных соседей — Ливии, Туниса, Египта, а также собственные события 1964 и 1985 гг., когда экономические и социально-политические проблемы приводили к революциям или военным переворотам. Однако такой анализ не учитывал роль исламистов, в первую очередь «Братьев-мусульман» и родственных им движений. Эти движения, бывшие под запретом в вышеперечисленных

странах вплоть до революций 2011 г., но пользовавшиеся значительной поддержкой населения, ожидаемо выступили на стороне оппозиции. Но в Судане «Братья-мусульмане» являются частью правящего режима с 1989 г. Фактически, участие исламистов в суданском правительстве стало серьезным фактором сохранения страной относительной стабильности во время «Арабской весны».

В 2013–2014 гг. «Братья-мусульмане» были объявлены террористической организацией в тройке крупнейших внешнеэкономических партнеров Судана — Египте, Саудовской Аравии и ОАЭ, а их влияние в Хартуме уменьшилось. На этом фоне продолжается процесс консолидации суданской оппозиции: впервые крупнейшие оппозиционные партии страны поддержали повестку дня повстанческих формирований. В 2015 г. в Судане пройдут всеобщие выборы, которые могут послужить поводом к активизации политической оппозиции и антиправительственных движений.

Курникова О. М. (ИВ РАН, Москва)

Историография османских владений на территории Крымского полуострова

Отечественная и зарубежная историография по истории Крыма обширна. Множество из написанных работ посвящены изучению античного и средневекового периодов истории Крыма, а также истории Крымского ханства. История османских владений в Крыму по ряду причин на протяжении долгого времени не была выделена в отдельную тему исследования, в связи с чем не подвергалась детальному изучению.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. позволило многим российским учёным начать изучение истории и древностей полуострова. Так появились исследования и основанные на них сочинения В. Ф. Зуева, К. И. Габлица, П. И. Сумарокова, П. Кеппена, П. С. Палласа и других известных исследователей Крыма.

В XIX в., в связи с тем, что расширялся круг учёных, интересовавшихся историей Крыма, возникала необходимость в создании обществ и учреждений для изучения и систематизации ценностей Крыма, а также для публикации сохранившихся архивных материалов. Так возникли «Одесское общество истории и древностей» и начала работать Таврическая Учёная Архивная Комиссия.

В XIX-XX в. продолжается изучение истории Крыма. Особое место здесь занимают работы известного учёного В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.» и «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в.»

В зарубежной историографии, западные и турецкие историки уделяли внимание изучению османских владений в Крыму, особенно с середины

XX в. Здесь можно выделить французских историков А. Беннингсена, М. Берендей, Ж. Венстейн, М. Казаку и др. Турецкие учёные Х. Иналждик, А. Нимет Курат, М. Юрекли, Ю. Озтюрк и другие в своих работах рассматривают османскую политику по отношению к Крыму и историю османских владений в Крыму.

Таким образом, изучение работ российских учёных по истории Крыма, с привлечением сочинений западных и турецких исследователей, даст возможность вычленить сведения, которые позволят восстановить историю османских владений в Крыму.

Лукьянов Г. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Историография истории Ливии XX в. по материалам журнала “The Journal of Libyan Studies”

История Ливии XX века, как совокупности исторических областей Киренаика (Барка), Триполитания (Тарабулус) и Феццан, а также как единого государства, является предметом пристального внимания исследователей. В силу факторов научного (объективного) и политического (субъективного) характера лишь во второй половине XX в. её изучение получило толчок к развитию, было стимулировано, интенсифицировано и обрело определенную институциональную основу в ряде стран.

В процессе накопления знаний и опыта изысканий в данной области во второй половине XX веке сложились несколько школ ливийских исследований, рассмотрению каждой из которых может быть посвящено самостоятельное исследование. Имеющегося на сегодняшний день опыта изучения историографии достаточно для того, чтобы классифицировать эти школы не только по первичным, хронологическому или национальному признакам (систематизировать по времени, языку и месту), но также и по вторичным, не столь очевидным и требующим более глубокого и досконального знакомства как с самой историографией, так и источниками. В центре внимания такого исследования лежит анализ методологических подходов, предпочтений авторов в выборе объекта и предмета, степени включенности трудов в систему знаний о регионе в целом и зависимости от общенаучных теоретических подходов и исследовательских парадигм.

Оценивая и сравнивая объемы информации по истории Ливии и иных государств Северной Африки в XX в., можно с уверенностью говорить, что не только сама история страны является малоизученной в российской, европейской и англо-американской науке. Еще более актуальным и перспективным видится восполнения существующих пробелов в изучении историографии ливийских исследований.

Значительный вклад в систематизацию знаний о зарубежной («неливийской») историографии ливийской истории XX в. внес журнал "The Journal of Libyan Studies", издававшийся в Великобритании с 1999 по 2003 гг. В докладе представлен анализ содержания изданных выпусков, проведена систематизация опубликованных материалов, выделены их основные темы, сюжеты и специфические особенности.

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Международная транзитная торговля и миссия Мухаммада: о причинах возникновения ислама и государства в Аравии

Причины появления государства в Аравии в начале VII в., принявшее форму возникновения новой религии и создания религиозной общины во главе с Мухаммадом, является давней темой научных дискуссий. В советской историографии революционные изменения в Аравии начала VII в. объяснялись распадом родового строя и формированием классового общества (Л. В. Негря и др.). Несостоятельность этой теории убедительно показал О. Г. Большаков (История халифата, т. I, с. 40): признаки «разложения родового строя» можно обнаружить на любом этапе истории Аравии. Их успешно находят те, кто изучают образование государства карматов, ваххабитов — вплоть до современных Саудитов.

Если оставить в стороне причины сохранения родового строя в Аравии, обусловленные спецификой кочевого хозяйства (см. с.338 данного сборника), остается главный вопрос: почему переход от родового строя к государству в Аравии произошло именно в начале VII в.? Для этого надо понять, чем отличается ситуация кон. VI — нач. VII вв. от предшествующего периода.

Единственный возможный ответ достаточно очевиден: в последней четверти VI в. в рамках борьбы со своим геополитическим соперником — Византией — Сасанидский Иран взял под контроль Йемен. Таким образом, он перекрыл Византии альтернативный (минующий Иран) путь в Индию и Китай: морская ветвь «Шелкового пути» шла из Средней Азии в Северную Индию, а оттуда в Южную Аравию. В результате, *традиционная масштабная караванная торговля через Аравию прекратилась*. Вследствие этого Аравия лишилась тех дополнительных ресурсов, которые в течение полутора тысячелетий поступали туда в результате участия в международной транзитной торговле. Это, в свою очередь, привело к внутренней социальной нестабильности, к кризису, охватившему в том числе и идеологическую, религиозную сферу. Знаменитая «мекканская торговля» — это локальная торговля местными товарами (см.: P. Crone, *Meccan Trade*), созданная мекканцами в условиях коллапса традиционной транзитной торговли, которая не могла компенсировать глобальные потери всей кочевой Аравии.

Чуткая душа Мухаммада откликнулась на «вызов времени», и выход был найден через объединение Аравии под эгидой новой веры. Религиозный авторитет помог Мухаммаду сломать племенную ограниченность и создать надплеменную раннегосударственную структуру, а походы на земли оседлых соседей, начатые еще при Пророке, дали те материальные ресурсы, которые раньше удавалось получать в результате торговли. Кризис был разрешен, а затем, когда центр Халифата переместился в Сирию и Ирак, Аравия постепенно вернулась в свое стандартное догосударственное, «родовое» состояние — только древние караваны с благовониями и восточными товарами заменили караваны паломников, обслуживание которых теперь обеспечивало аравийских кочевников всеми необходимыми дополнительными ресурсами.

Моисеева А. В. (ЦНБ СТД РФ, Москва)

Тим Макинтош-Смит — санааанский шейх

Биография учёного бывает зачастую не менее увлекательна, чем сам изучаемый предмет, или выработанный им способ исследования. Мало кто из выпускников восточных факультетов полностью связывает свою жизнь с изучаемой страной, довольствуясь лишь периодическими поездками.

Тим Макинтош-Смит родился в 1961 году в Великобритании. После успешного окончания колледжа по классу фортепиано он получил стипендию на обучение в Оксфордском университете, где должен был кроме музыки изучать и классическую литературу. И Тим выбрал арабскую классическую литературу. Из Оксфорда он выпускался уже как арабист, а не музыкант. В 1983 году он отправился на языковую стажировку в в Северный Йемен, считая, что там говорят на «самом чистом» арабском языке. И уже около 30 лет Тим живет в Сане, столице Республики Йемен.

Йемен (и до революций 2011 года) в Великобритании, как и в России, считался небезопасным местом. И поэтому Т. Макинтош-Смит часто привлекает внимание своим необычным выбором местожительства. Однако он, в первую очередь, исследователь, нашедший свой путь в изучении и подаче материала.

Список его работ невелик, и его труды можно назвать скорее научно-популярной литературой. Его первая книга «Yemen. Travels in Dictionary Land» завоевала в 1998 году премию Томаса Кука как лучшая книга о путешествии, она часто включается в список библиографий востоковедов. Серия его книг, описывающая странствия Ибн Баттуты, арабского путешественника XIV века, послужила основой для фильма BBC. В этом фильме Тим Макинтош-Смит идёт по следам великого арабского путешественника. Тем не менее, по словам Тима, больше всего он любит находиться дома, в Сане, читать, писать и жевать кат.

Британский режиссер йеменского происхождения Бадер бин Хирши в 2001 году при участии Т. Макинтоша-Смита выпустил документальный фильм «Йеменский джентльмен и английский шейх», в котором пытался разобраться, кто же из них двоих больше йеменец: Бадер, мусульманин, живущий в Великобритании, но не утративший связи с йеменской культурой и религией, или Тим, арабист, принявший йеменский уклад жизни, но не ставший мусульманином.

Намиг Мусалы (Кастамонийский Университет, г. Кастамону, Турция)

«*Русум ар-расаил ва нуджум ал-фазаил*» Гасана ибн Абдулмумина ал-Хойи как источник по общественно-политическому строю позднесельджукской эпохи

Тюркский чиновник и литератор Гасан ибн Абдулмумин ал-Хойи в конце XIII — начале XIV вв. жил в малоазиатском городе Кастамону и служил местным эмирам из династии Чобаноглу. Он является автором 4 трактатов на персидском языке по эпистолярному жанру: «*Нузхат ал-куттаб ва техаат ал-ахбаб*», «*Джаваид ар-расаил ва фараид ал-фазаил*», «*Гунйат ал-катиб ва мунйат ат-талиб*» и «*Русум ар-расаил ва нуджум ал-фазаил*». Работы турецких (М. Х. Йынанч, О. Туран и Г. Гюльтекин) и иранских ученых (М. Халифе) содержат сведения о вышеупомянутых сочинениях ал-Хойи.

«*Русум ар-расаил ва нуджум ал-фазаил*» охватывает лл. 2б-36а рукописного сборника,з арегистрированного под шифром Nr. 122 в отделении Нур-Бану библиотеки Селим-ага в городе Стамбул. Трактат издан турецким учёным А. С. Эрзи (в 1963 г.) и итальянским востоковедом М. Григнаши (в 1989 г.). Эта работа ал-Хойи переведена на арабский язык и опубликована в 2001 г. египетским исследователем З. А. аш-Шарбини.

Данное сочинение содержит сведения об общественно-политическом строе последнего периода Сельджукидов Малой Азии. Трактат состоит из предисловия, 4 глав и заключения.

В предисловии автор отмечает, что при написании этого сочинения он имел намерение помочь тем, кто начатn изучать эпистолярное искусство.

1-я глава называется «Введение в эпистолярное искусство» и состоит из 10 параграфов. В этих параграфах излагаются правила официальной переписки.

2-я глава под названием «Переписка между братьями» содержит 10 писем и ответов на них.

3-я глава называется «Государственные указы о назначениях на разные должности». В этой главе даются образцы 10 указов о назначениях на государственные посты.

В 4-й главе представлены образцы 6 указов о назначениях на религиозные должности и тексты двух ходатайств. В конце главы имеются 2 документа, касающиеся освобождения раба и заключения соглашения.

В заключительной части автор сообщает, что этот трактат был закончен в начале месяца *мухаррам* 690 г. (4 января 1291 г.). Данный список переписан в конце месяца *раби' ал-ахир* 879 г. (сентябрь, 1474). Переписчиком является Пир Мехмед ибн Гаджи Якуб ибн Муса ал-Никиди.

Мухаммедов Г. А. (ТГУ им. Махтумкули, Ашхабад)

«Караман-наме» как источник по истории Караманского бейлика

С ослаблением Румского султаната (1077–1307) на территории Малой Азии образовались более десяти самостоятельных государственных образований, одним из которых был Караманский бейлик (1256–1483). Долгое время Караманиды превосходили другие тюркские бейлики (княжества) своей военной и экономической мощью и претендовали на наследство Сельджукидов.

История Караманидов отражена в сочинениях, посвященных истории Сельджукидов (Ибн Биби, Языджыоглу и др.). Первым, кто начал писать историю собственно Караманидов, был поэт XIII в. Деххани. Затем, по поручению Али-бея (1361–1397), его труд был продолжен поэтом Яриджани. В XVI в. «Караман-наме» было дополнено и переведено Ахмедом Шикари прозой с персидского на старотурецкий язык.

«Караман-наме» имеет следующие характерные черты:

1. Это произведение было написано по поручению караманидского правителя, поэтому в нем, как в любом апологетическом сочинении такого рода, особое внимание уделяется успехам Караманидов, справедливости и мужеству правителей династии, их военной мощи. Известно, однако, что в произведениях периода господства Сельджукидов, а затем и османских султанов, Караманиды были представлены «дикими кочевниками», «бунтовщиками», выступавшими против центральной власти.

2. По своему содержанию и по языку «Караман-наме» приближено к художественным произведениям, поэтому в этом сочинении не соблюдается последовательность освещения исторических событий. Изложение фактов часто отличается от зафиксированного в других источниках того же периода. Все это вызывает у исследователей сомнения в оправданности использования данного произведения в качестве исторического источника.

На наш взгляд, это произведение содержит в себе множество ценных сведений о Караманском княжестве, о его населении, о народах, которые жили по соседству на территории Малой Азии. Если «Караман-наме» станет

предметом историко-сравнительного изучения в сопоставлении с другими историческими трудами, то оно, при условии специальных источниковедческих методик, может оказаться ценным источником по истории Турции XIII–XV вв.

Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Предпосылки и формирование курдских полков в Российской и Османской империях в XIX в.

Первые русско-курдские контакты относятся к периоду русско-персидских и русско-турецких войн начала XIX в., что объясняется приближением театра военных действий к местам проживания курдского населения. В частности, одним из таких контактов стали первые попытки привлечь курдов на сторону России в 1804–1805 гг. с целью обеспечения их нейтралитета, им также предлагалось принять подданство России с сохранением прав и привилегий курдских вождей.

В результате присоединения Восточной Грузии, когда в составе России численность курдского населения возросла, появилась необходимость формирования курдской милиции. Идея формирования курдских подразделений принадлежит генералу И. Ф. Паскевичу. Он напрямую связывал успех военной кампании 1828–1829 гг. с лояльностью курдов по отношению к России, к чему приложил немало усилий.

Впоследствии многие курды принимали активное участие в войнах России с Османской империей и Персией в XIX в. Отношение к инициативе И. Ф. Паскевича воспринималось двояко, однако российские военно-дипломатические круги с 1850-х гг. стали развивать отношения с влиятельными аристократическими курдскими фамилиями, среди которых был и род Шамшадиновых, управляющих влиятельной племенной конфедерацией Зилан, расселенной по обе стороны российско-турецкой границы. Во главе этого рода стоял Али Ашраф-Ага Шамшадинов, фактический и официальный предводитель российских курдов.

Последствия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. привели к пересмотру курдской политики Абдул Хамида II. Однако в 1880 г. под предводительством шейха Обейдуллы вспыхнуло восстание, ставшее косвенной причиной создания в 1891 г. курдских иррегулярных полков наподобие казачьих. Идея принадлежала Шакиру Паше, который позже стал Верховным Комиссаром по введению реформ в Анатолийских вилаетах, и который видел в создании иррегулярной курдской кавалерии «средство к введению среди курдов гражданственности и к постепенному подчинению их авторитету турецкого правительства».

Попов В. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

В ожидании суданской весны

Студенческие волнения начались в стране уже в конце января 2011 г. Масло в огонь подливали метания Омара аль-Башира, который то публично поддерживал революционный порыв народа Туниса, то заявлял, что не сбежит, даже если в Судане произойдет нечто подобное, то вдруг заверял, что не будет баллотироваться на новый срок. Дело осложнялось еще и окончательным отделением юга (9 июля 2011 г.), усугубленным экономическим кризисом из-за потери трех четвертей нефтяных доходов.

В нечто серьезное манифестации переросли после того, как в мае 2011 г. было создано политическое движение *ат-Тагйир ал-ан* (Перемены сейчас), и уже к июню-июлю начались столкновения с жертвами. Чуть позже, в ноябре на свет появился Революционный фронт Судана (РФС), объединивший под своим крылом антиправительственные вооруженные группировки Кордофана, Дарфура и Голубого Нила.

Тем не менее, ситуацию удавалось сдерживать, хотя и не без сложностей, отголоском которых стала последовавшая в апреле 2013 г. отставка Гази Салах ад-Дина, бывшего советника президента и председателя парламентской фракции правящей партии, ответственного за решение проблемы Дарфура и отношения с США.

Кризис наступил в сентябре-октябре 2013 г., когда после отмены дотаций взлетели цены на бензин, что вылилось в массовый социальный протест, которому тут же постарались придать политическую окраску. Аль-Джазира кричала о сотнях убитых, власти насчитывали лишь единицы. Все приготовились к падению режима: тот же Салах ад-Дин создал партию *ал-Ислах ал-ан* (Реформы сейчас), а Хасан ат-Тураби начал публично рассуждать о том, как обустроить страну «после аль-Башира».

В декабре 2013 г. в отставке вдруг оказался первый вице-президент Али Усман Таха, а уже 27 января 2014 г. сам президент выступил с речью, в которой призвал всех к общенациональному диалогу и подготовке конституции. Также было объявлено, что в апреле 2015 г. пройдут парламентские и президентские выборы — с участием аль-Башира и его партии.

Часть движений решила бойкотировать выборы, другие взяли таймаут. Главный оппозиционер ас-Садик аль-Махди публично обвинил спецслужбы в военных преступлениях, за что был арестован на месяц, после чего уже в августе 2014 г. подписал с РФС соглашение, подразумевающее совместную борьбу против Хартума, тем самым исключив себя и свою партию из предвыборной борьбы. Это спутало все карты. Теперь ат-Тураби фактически призывает всех к единению, а его сторонники готовы блокироваться с коммунистами.

Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва)

Норманны и Малая Азия в турецкой историографии

В турецкой историографии первоначально вопрос о пребывании норманнов в Малой Азии практически не затрагивался. В книге Османа Турана «История сельджуков и тюркско-исламская цивилизация»[1] в общем историческом контексте норманны предстают «примитивным и варварским» народом, которые тем не менее извлекли пользу из знаний и культуры мусульман Сицилии[2] и действовали разумно, «…властвуя над исламской цивилизацией и оберегая мусульманское население…»[3]. Говоря о Русселе де Баллиоле, Осман Туран признаёт, что мятеж норманнского наёмника послужил причиной первого вмешательства в византийские дела тюркского бея Артука и предоставил ему возможность далеко продвинуться в Малой Азии[4]. Ибрагим Кафесоглу ограничивается упоминанием поддержки «франкскими наёмниками» византийских войск Исаака Комнина при отражении туркменов во главе с Артуком и Тутаком[5]. В совместной работе А. Севима и Е. Мерчила, норманны предстают грозными противниками, с которыми приходилось считаться в Малой Азии и византийцам, и тюркам-сельджукам[6].

В последнее время интерес к истории норманнов в Малой Азии значительно возрос. Появляются специальные работы на турецком языке, в которых затрагиваются вопросы отношения Византии и норманнов в XI в.[7], роль норманнов в I Крестовом походе и создании Антиохийского княжества. С. Шахин считает, что действия норманнов в Малой Азии и Сирии были продолжением норманнской экспансии в Европе, начавшейся в VIII в.[8]

В 2013 году вышла специальная работа Г. Бахадира (Университет Мустафы Кемаля), посвящённая истории Антиохийского княжества[9]. Он

[1] *Turan O.* Selcuklar Tarihi ve Turk — Islam medeniyeti. Istanbul, 1969. 478 s.

[2] Ibid. S. 329.

[3] Ibid. S. 352–353.

[4] Ibid. S. 213.

[5] *Kafesoglu I.* A histry of the Seljuks. Ed. and trans. by G. Leiser. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1988. P. 50.

[6] *Sevim A., Merçıl E.* Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkılat ve kültür. Ankara, 1995. 599 s.

[7] *Karaca G. S.* Overview of Byzantine-Norman Relations in XI century. Tarih İncelemeleri Dergisi, XXVII/I, (Temmuz 2012). S. 101–118.

[8] *Şahin S.* Norman istilasi'nin I. haçli seferi'ne yansimalari (Antalya'nın ışgalıne kadar I. Bohemund ve Tancred ln faalıyetlerı) // Capaddocia journal of history and social sciences. Ed. Prof. Dr. İlyas GÖKHAN. Vol. 1. Ahlen, 2013. S. 42– 52.

[9] *Bahadir G.* Antakya haçli prensliği (1098–1126). 2013. 201 p.

также является автором раздела об участии норманнов в I Крестовом походе в общей работе «История Хатайи»[1]. Работа Г. Бахадира хорошо фундирована западными и восточными источниками, а также современной научной литературой.

Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург)

Об иностранном (инославном) присутствии в Сиро-Палестинском регионе в XIX — начале XX в. по публикациям Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО)

В изданиях ИППО большое внимание уделяется вопросам иностранного (инославного) присутствия в Сиро-Палестинском регионе. Материалы по этой теме публиковали постоянные авторы, перепечатывались статьи из западно-европейских журналов. В рассматриваемый период в Сиро-Палестинском регионе действовали западные религиозные организации — католические и протестантские (в основном французские, американские, немецкие, английские и шотландские). Освещение их деятельности включало такие вопросы, как организация больниц, школ, орденов, церквей, паломничество, инославная пропаганда, острое и непримиримое соперничество между странами и конфессиями.

Миссионерские начинания получали финансовую поддержку правительств западноевропейских стран. Их деятельность имела и законодательную базу. Первыми хронологически и по масштабам деятельности здесь были католические французские миссионеры, особенно умело действовали иезуиты[2]. Протестантское влияние шло из Америки, Англии и Германии. В публикациях отмечен большой вклад в дело протестантской пропаганды на Востоке светской интеллигенции, особенно врачей, большая роль женщин-миссионерок, их работа среди арабских женщин и девочек[3]. В сборниках ИППО рассматривались и вопросы экономического проникновения Западных стран на Ближний Восток (колонизация земель, строительство, добыча полезных ископаемых, технические проекты). Подчеркивается, что со временем национальные интересы начинают превалировать над религиозными. Деятельность западных миссий, в особенности француз-

[1] Hatay tarihi. Hatay, 2013.

[2] *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы, XIX– начало XX века. М.: ГРВЛ, 1971. С. 257.

[3] *Аничкова В. Н.* Протестантские и католические миссии // СИППО. 1908. Т. 19. Вып.3. С. 414–423.

ских и американских, с одной стороны, содействовала знакомству Сирии с достижениями западной культуры и дала толчок к возрождению Сирии в XIX в., с другой стороны, способствовало усилению западного политико-экономического присутствия и росту инославного влияния, переходу православных в инославные конфессии.

Родионов М. А. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Документ 1371/1951 г. из семейного архива Ба Раджа'

Фотокопия этого документа сделана мной в 2006 г. с разрешения поэта 'Али Ахмада 'Абдаллаха Ба Раджа', выходца из влиятельного рода *машайих*[1]. Документ дает представление о механизме принятия решений в кварталах Сайуна (Хадрамаут) при последнем султане ал-Касири:

«(1) Хвала Аллаху, датировано 3 священного [месяца] Мухаррам 1371 (2) года Хиджры, что соответствует 4 октября (3) 1951 году (4) по рождеству Христову. Нас посетил Ахмад б. Сулайман Химади из (5) квартала ас-Сахил и Карама б. Хамис Ба Худайла из (6) квартала ал-Хаута по поводу обмывания усопших мусульман (7) в двух упомянутых кварталах и их окрестностях. (8) Было решено между вышеупомянутыми двумя представителями и по решению его превосходительства (9) действующего судьи Сайуна [а это] саййид 'Абд ал-Кадир б. Салим ар-Руш (10) ас-Саккаф, что Карама б. Хамис Ба Худайла (11) будет ответственным за обмывание в квартале ал-Хаута и его окрестностях, ему надлежит действовать (12) со страхом Божьим и соблюдением предписаний сунны и с уважением (13) к людям, живым и мертвым, довольствуясь тем, что (14) он получит от людей среднего достатка и от бедняков. (15) И что Ахмад б. Сулайман Химади будет ответственным за обмывание в квартале (16) ас-Сахил и его окрестностях, и ему надлежит действовать подобно тому, что мы приказали (17) до этого Караме Ба Худайле. Сие [написано] в присутствии (18) двух упомянутых [лиц] и его превосходительства упомянутого судьи и его заместителя (19) саййида Мухаммада б. 'Али ал-'Айдаруса, секретаря судьи (20) 'Абдаллаха б. 'Абд ал-Кадира Ба Раджа', саййида 'Абд ал-Кадира (21) б. Мухаммада б. Тахи ас-Саккафа и многочисленного собрания. Это записал 'Абд ар-Рахим (22) б. Мухаммад б. Мас'уд б. Ахмад Ба Раджа' со слов (23) представителя закона в Сайуне».

[1] Фотографию информанта и текст оригинала см.: *Rodionov M., Schoenig H.* The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011. P. 331 # 3, 241–243.

Серкина Г. А. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Следы тюрко-монгольского культа птиц в турецкой культуре

На двух турецких миниатюрах из музея Топкапы, посвящённых битве при Мохаче, изображён турецкий султан Сулейман I в необычном головном уборе в виде парящей птицы.

Птицы занимали важное место в идеологических представлениях тюрко-монгольских народов, в первую очередь, в их шаманской и воинской культуре. Как известно, объектом культа являлись два вида птиц: хищные и водоплавающие. Значимую роль водоплавающим птицам отводилась в обрядах жизненного цикла, в частности, в свадебных ритуалах. То есть водоплавающие птицы относились к женской сфере — к сфере воспроизводства жизни. В то время как в воинской сфере тюрков и монголов важную роль играли только хищные птицы — различные представители семейств соколиных и ястребиных. Судя по многослойной и перекрёстной семантике хищных птиц в традиционной тюрко-монгольской культуре, корни зарождения их культа простираются в глубокую древность.

Из многообразия символики хищных птиц вычленяется главное: хищные птицы являлись знаком могущественного правителя. Многочисленные исторические факты свидетельствуют об этом. Старейшины тюрко-монгольских народов в знак своего подчинения Чингиз-хану преподносили ему хищных птиц. Бытование орнитонимов многих сельджукских султанов были обусловлены живучестью древних представлений об этих птицах, в частности, речь идёт об имени Тогрул. В тюркских языках это слово обозначает тетеревятника — хищную птицу семейства ястребиных. В охоте, которая представляла собой часть воинской (мужской) культуры, тюрко-монгольскими правителями использовались прирученные хищные птицы.

Если в культуре сельджуков ещё прослеживаются следы древнетюркских верований, то, что касается османского общества, в котором ислам пустил глубокие корни, особенно, в верхних его слоях, какая-либо связь с традиционными верованиями тюрков почти не ощущается. Поэтому тем удивительнее встретить культурный феномен, чудом сохранившийся в удалённой от носителей древних традиций среде.

Сотниченко А. А. (Ф-т МО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исторический контекст геополитической обусловленности внешней политики Турции

Внешняя политика Турции претерпевала значительные изменения на протяжении последних 100 лет и по-разному отражалась на общем ходе развития этой страны. Грандиозные реформистские устремления младоту-

рок не получили дальнейшего развития в результате вступления Османской империи в мировую войну. Напротив, благодаря взвешенному внешнеполитическому курсу Ататюрка, почти уничтоженной войной и революционными преобразованиями стране удалось не только выжить, но и даже расширить некоторым образом свои пределы. Однозначная ориентация на США и Европу во второй половине XX в. привели к острейшим социальным противоречиям и крайне неравномерной динамике развития, в то время, как примирение с целым рядом бывших противников в начале XXI в. сопровождается периодом развития, который уже получил название «турецкого экономического чуда».

По нашему мнению, анализ динамики развития Турции последнего столетия может подсказать некую геополитически обусловленную внешнеполитическую линию, следуя которой страна может добиться наибольшего успеха в реализации собственных национальных интересов.

Сухов Н. В. (ИВ РАН, Москва)

Архивы русской эмиграции в Марокко

Основную группу архивных источников по истории русской эмиграции в Марокко, обнаруженных автором во время работы в этой стране, составляют неопубликованные документы из Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Здесь представлены уставные документы ассоциаций, созданных эмигрантами, списки членов приходов за разные годы, переписка старост и настоятелей приходов с иерархами РПЦЗ в Европе и США, французскими, а после обретения страной независимости — марокканскими властями, прихожанами, как разбросанными по всему Марокко, так и покинувшими эту страну.

С их помощью были установлены факты и подробности самоорганизации российских эмигрантов в разные периоды, выявлены ранее неизвестные детали истории православной общины в Марокко в период с окончания Второй мировой войны до середины 1980-х гг., выяснены вопросы взаимодействия с местными властями и международными организациями помощи беженцам. Большое значение для установления личностей и судеб эмигрантов первой и второй волн имеют их личные письма, свидетельства о рождении, крещении и смерти, местах захоронений на христианских кладбищах Марокко.

Отдельно следует выделить письма и вырезки из газет, проливающие свет на внутриобщинный конфликт, возникший в 1946 г. в связи с переходом рабатского прихода в юрисдикцию Московской Патриархии, который влиял на жизнь российской эмиграции в Марокко на протяжении десятилетий и отголоски которого ощущает до сих пор современное русскоязычное сообщество в этой стране.

В совокупности эти материалы позволяют восстановить многогранную картину общественной жизни российской эмиграции в Марокко с 1948 по 1985 г.

Кроме упомянутых документов в ходе исследования русской эмиграции в Марокко удалось найти частный архив семьи Усов — Соколовых, три поколения которой проделали путь из Российской империи в Северную Африку и обратно, в советскую Россию. В нем содержится массив личных документов, отражающих повседневную жизнь и работу русских эмигрантов в Марокко. Неожиданной находкой стал роман «Кадур» как источник, одновременно, по истории русской эмиграции и социально-политической истории Марокко в 1940–1950-х гг.

Сухова Е. Ф. (ННГУ, Нижний Новгород)

Информационная политика ИГИЛ

Террористическая организация «Исламское государство» начала свою деятельность в Ираке в 2006 года под названием «Совет моджахедов». В 2006 году мир узнал о создании группировки «Исламское государство Ирак» («ИГИ»). Первым лидером «Исламского государства Ирак» стал Абу Омар аль-Багдади.

С 2013 года организация стала называться «Исламское государство Ирака и Сирии». В июне 2014 ИГИЛ сменила название на «Исламское государство» и провозгласила создание «халифата» на контролируемых ею территориях Сирии и Ирака, халифом стал шейх Абу Бакр Аль-Багдади.

Для реализации информационной политики ИГИЛ создало развитую медийную структуру. В 2006 году совместно «Аль-Каидой» и «Исламским государством Ирака» основывается медиа-агентство «Аль-Фуркан», которое стало главным центром производства огромного количества медиапродукции: фильмов, аудио- и видеодисков, брошюр, а также материалов для распространения в Интернет. В пресс-релизе «Исламского государства Ирака» данное медиа-агентство именовалось «вехой на пути к Джихаду, в борьбе с крестоносцами и их пособниками». В 2014 году агентство «Аль-Фуркан» выпустило пропагандистский фильм «Звон мечей» получивший скандальную известность из-за своей жестокости. Серия видеороликов ИГИЛ с казнями журналистов Дж. Фоули, С. Сотлоффа, Д. Хэйнса в августе-сентябре 2014 года стали шоком для мировой общественности.

В 2013 году ИГИЛ создало медиа-фонд «Айнад», производящий и распространяющий джихадистские проповеди и песнопения в Интернете через сайты ИГИЛ и социальные сети. Затем учредило медиа-агентство «И'тисам», распространяющее пропагандистские фотографии, видеоролики и аудиозаписи на арабском языке.

В 2014 г. появляется медиа-центр «Аль-Хайят», ориентированный на Запад и производящий продукцию на английском, немецком, французском и русском языках. Им запущен трейлер к будущему фильму «Пламя войны», сайт на русском языке «Халифат. Исламское государство», глянцевый журнал «Дабик».

Медиа-империя ИГИЛ, вещающая через Интернет на разных языках, таким образом, приобрела возможность вести пропаганду джихада и вербовать сторонников в мировом масштабе.

Туманян Т. Г. (Философский ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

Государство и власть на перекрестках политических дискуссий мусульманского Средневековья

Средневековая исламская мысль выработала множество отличающихся друг от друга моделей построения общества и государства. Стимулом к постоянным поискам социально-философского и религиозного идеала всегда было явное несоответствие этико-политических норм ислама реальному их воплощению в мусульманских государствах. Поэтому неудивительно, что выдаю¬щиеся мыслители мусульманского Востока в попытках формирования политической доктрины государства и власти, не только опирались на сугубо религиозные основы, но часто заимствовали те или иные «стандарты» философского мышления, а также поли¬тические, социальные и правовые сюжеты в духовном наследии предшествовавших цивилизаций.

В рамках социально-политической мысли классического ислама можно выделить несколько основных концептуальных направлений или теоретических подходов в разработке идеи государства и власти. К наиболее исследованным из них, прежде всего, следует отнести нормативно-юридическое, этико-философское, а также морально-дидактическое направления . Как известно, первое направление традиционно опиралось на правовую теорию ислама, в основе которой находятся принципы шариата. Исторически сложилось так, что идеологическое обоснование халифата было результатом труда правоведов и богословов, авторитетных знатоков фикха, на протяжении нескольких столетий вырабатывавших доктрину исламской государственности, ее сущности и функций различных ее институтов. Именно в рамках этого подхода формулировались основные положения учения о государстве и власти в исламе.

Этико-философское направление, которое разрабатывалось, прежде всего, такими выдающимися представителями фалсафа или восточного («арабского») перипатетизма как ал-Фараби (в латинизированной форме — Alpharabius), Ибн Сина (Avicenna), Ибн Баджжа (Avempace), Ибн Туфайл (Abubacer), Ибн Рушд (Averroes), в целом, следовало традиции древнегреческой политической философии, представленной главным образом трудами Платона и Аристотеля.

Следует отметить, что восточный перипатетизм лишь в относительной степени испытал на себе воздействие мусульманской религиозной идеологии.

Что же касалось морально-дидактического направления, то оно формировалось, главным образом, в русле назидательной традиции адаба и литературного жанра так называемых «поучений владыкам» или «княжьих зерцал» (по аналогии с европейской литературной традицией «Fürstenspiegel») являющихся собранием «книг, предназначавшихся для правителей и содержащих правила житейской мудрости и политического искусства» .

Филин Н. А. (РГГУ, Москва)

Англоязычная историография о результатах президентских выборов в Иране в 2009 г.

Мнения о том, что результаты президентских выборов в Иране в 2009 г. были фальсифицированы, стали появляться сразу после объявления результатов голосования. Но в противовес им были проведены исследования, которые либо подтверждали официально объявленное соотношение голосов, либо говорили о нарушениях, которые не повлияли на окончательную победу Махмуда Ахмадинежада.

В июне 2009 г. К. Баллен и П. Догерти опубликовали статью о результатах проведенного ими с 11 по 20 мая в Иране исследования. В результате было установлено, что М. Ахмадинежад имел широкий спектр поддержки (34%) и более чем в два раза опережал Мир-Хосейна Мусави (14%) по симпатиям избирателей.

В пользу относительной победы М. Ахмадинежада склоняются исследователи, использующие в своей работе статистические методы. Правда, делают они это весьма осторожно. Н. Силвер сравнил результаты М. Ахмадинежада в 2009 г. с результатами первого тура 2005 г. кандидатов от консервативного лагеря (Ахмадинежад, Лариджани и Галибафа) и обнаружил только слабые несовпадения.

В. Мебане проанализировали выборы в Иране с помощью закона Бенфорда. Он пришел к выводу о существовании статистических искажений в подсчете голосов, отданных за Мехди Кярруби и Мохсена Резаи, в сторону уменьшения. Также им были найдены статистические несоответствия в результатах М. Ахмадинежада в сторону увеличения поданных за него бюллетеней. Но данные М.-Х. Мусави, по его мнению, были верными. Мебане сделал вывод, что если и была фальсификация итогов голосования, то она заключалась в отъеме части голосов у Кярруби и Резаи и передачи их Ахмадинежаду. Мебане пришел к выводу, что таким способом доля Ахмадинежада в официальных результатах голосования могла увеличиться только на 5%.

На достоверность данных о голосовании указывают и документы американских спецслужб, выложенные на WikiLeaks.

Большинство остальных англоязычных исследователей также склонились к тому, что результаты выборов были относительно правдоподобными, но с некоторым завышением в пользу а М. Ахмадинежада.

Фролова О. Б., Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Культурная жизнь Омдурмана периода кондоминиума 1920–1940-е гг.

Омдурман, район представляющий часть «большого» Хартума, являлся хранителем суданских традиций и местной культуры после захвата страны англо-египетскими войсками в 1898 г. В Омдурмане старые традиции переплетались с новыми социальными явлениями, обретая форму различных общественных организаций, таких как «Клуб выпускников» (*Нади хирриджин*) из учебных заведений для детей из беднейших слоев и девушек.

Показательно в этом отношении учебное заведение «*Малджа ал-кирш ас-синаи*». Оно было создано в 1946 г. для обучения и поощрения детей сирот и бедняков занятиями различными искусствами. В школе появился оркестр духовых инструментов, в который вошло более тридцати учеников. Активное участие в обучении навыкам игры принадлежало двум музыкантам — Мухаммаду Исмаилу Баширу и Мухаммаду Исмаилу Бади. Основателем «*Малджа ал-кирш*» и энтузиастом создания оркестра стал Абд ал-Фаттах ал-Магриби. Этот оркестр просуществовал недолгое время.

В начале 1920-х гг. зародились так называемые «дома для шитья» (*байт ал-хийата*). Дома для шитья открывались в частных помещениях и были предназначены для обучения девушек шитью и украшению одежды. Прежде всего, обучение начиналось с пошива традиционных шапочек для мужчин (*такийа*), которые суданцы одевают вместе с чалмой и галабейей, что и является полным национальным мужским костюмом. Помимо этого их учили шить покрывала на кровати и юбки. Пройдя курс обучения в *байт ал-хийата*, девушка могла выходить замуж, что происходило в юном возрасте.

Руководство также проводило специальные праздники, посвященные бракосочетанию своих выпускниц. В конце учебы для родителей выпускницы наступало время посещения *байт ал-хийата* для вручения подарков учителям. Большинство домов для шитья располагались в Омдурмане. Со временем и другие крупные города обрели подобные «женские клубные заведения».

Хорошая преподавательница тонко чувствовала сочетания цветов, могла сделать красивые швы и украшения для одежды. Преподавательница несла

ответственность за расходы по обучению, и она также передавала выполненные ученицами работы для продажи на рынок. Этим занимались специально обученные торговки «*даллалилийа*». Искусство вышивания *такийа* сохраняется и оберегается в Омдурмане до настоящего времени.

Хисматулин А. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Машрух Низам ал-мулка

Опубликованные руководства и пособия для секретарей эпохи правления Великих Салджуков и их анатолийских преемников (XI–XIII вв.) дают вполне стройное представление о том, как происходило назначение на высшие государственные должности при султанском дворе. Оно сопровождалось выпуском ряда документов в таком порядке:

1. *Машрух* («описание») — список должностных обязанностей конкретного чиновника — составлялся секретарями канцелярии соответствующего министерства. В эпоху Газневидов, бюрократическую систему которых Сельджукиды в целом переняли, аналогичный документ именовался термином *муваза'ат* («соглашение»).

2. *Маншур* («приказ») — составлялся от имени султана на основе утверждённого министерством *машруха* — предназначался, в первую очередь, для официального утверждения чиновника в должности и, во-вторых, для ознакомления всем сторонам, связанным по работе с назначенным чиновником.

3. *Мисал* («рескрипт») — документ о назначении от имени султана, выдававшийся на руки назначенному чиновнику для подтверждения его полномочий.

Маншуры и *мисалы*, нередко обозначавшиеся общим термином *фирман* («царский указ»), в качестве шаблонов массово включались в руководства для секретарей. При том что в этих *маншурах* и *мисалах* нередко встречаются ссылки на *машрухи*, в руководствах мы не найдём, увы, ни одного *машруха*. Причина проста: *машрух* каждый раз составлялся заново под конкретного чиновника и был довольно объёмным, поэтому не мог служить в качестве шаблона для секретарей. В то же время в исторической литературе сохранились фрагменты газнавидских *муваза'атов*, которые дают представление об их содержании и, соответственно, о содержании их преемников — *машрухов*.

В нашем распоряжении имеется лишь один полный *машрух*, который был использован для составления подделки. В докладе будет показано, каким образом оригинальный *машрух* Низам ал-мулка послужил основой для компиляции текста *Сийасат-наме* (*Сийар ал-мулук*) — подделке, сфабрикованной главой департамента поэтов (*амир аш-шу'ара*) при дворе Малик-шаха Мухаммадом Му'иззи Нишапури и приписанной затем Низам ал-мулку.

Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Политический салафизм: историография вопроса и ключевые проблемы

События «Арабской весны» привели к ощутимым сдвигам в политике стран региона. В частности, появились и стали укрепляться политические партии, которые пришли на смену старым. Учитывая то, какую значимую роль играет ислам в регионе, многие из этих партий были созданы именно на исламской основе. Легализация таких известных исламских движений, как египетские «Братья-мусульмане» и тунисская партия «ан-Нахда», стала вполне ожидаемой, учитывая степень их популярности накануне указанных событий. В западной и отечественной историографии не раз высказывалось мнение о том, что силы так называемого «политического ислама» еще сыграют свою роль на Ближнем Востоке, когда с политической арены этих стран уйдут старые режимы, сдерживавшее растущее влияние исламистов. Отчасти так и получилось.

Однако одновременно с этим на политическую арену в ряде арабских стран стали выходить игроки, появление которых было в гораздо меньшей степени предсказуемым, чем появление исламистов. Речь идет о партиях, созданных на основе известных салафитских движений. До недавнего времени салафизм считался преимущественно аполитичным движением. Кроме того, и сами салафиты не раз заявляли о том, что не интересуются политикой и не желают вмешиваться в нее. Что же изменилось?

В настоящем докладе рассматриваются ключевые проблемы, связанные с изучением так называемого «политического салафизма». В качестве объекта изучения выступают наиболее значимые академические работы, изданные на Западе, Ближнем Востоке и в России, и в той или иной степени освещающие феномен политического салафизма. Также выделяются основные подходы к изучению этого явления, анализируется степень его изученности и перспективные направления развития. Одновременно автор настоящего доклада пробует обобщить существующую теоретическую парадигму изучения политического салафизма и выделить наиболее существенные проблемы, которые стоят сегодня перед исследователями данного вопроса.

Цибенко (Иванова) В. В. (Юфу, Ростов-на-Дону)

Преемственность идей Великого Востока в исламистской среде Турции

Идеи о мусульманском Великом Востоке, заложившие основание для одноименного исламистского течения, были впервые сформулированы в 30–40-х гг. XX в. турецким поэтом и писателем Ахметом Неджипом, более известным

под именем Неджип Фазыл Кысакюрек (1904–1983). Они представляют собой религиозно-философское осмысление роли ислама в обществе и политический проект реставрации Османского халифата, сочетают элементы радикального исламизма, суфизма и западной философии, отличаются крайним антимодернизмом и одновременно носят выраженный отпечаток постмодернизма. Являясь приверженцем противопоставления мусульманской общины светскому обществу, Кысакюрек неоднократно представал перед турецким судом по обвинениям в призывах к свержению светского строя Турецкой Республики и оскорблению ее основных принципов.

У Кысакюрека, ставшего ведущим идеологом турецкого исламизма, образовался широкий круг последователей и учеников. Среди них одним из самых известных стал исламист-марксист Салих Иззет Эрдиш (Мирзабейоглу, р. 1950), создавший в 80–90-е гг. XX в. собственную радикальную идеологию, философскую доктрину и террористический Фронт исламских бойцов Великого Востока (ИБДА-Дж). Идеи Великого Востока также получили огромное распространение в молодежной среде сторонников другого исламистского лидера Неджметтина Эрбакана (1926–2011).

До конца XX в. идеи Великого Востока в Турции оставались на положении маргинальной доктрины. Однако с процессом возвращения ислама на политическую арену и распространением неоосманизма они стали набирать популярность у широкой аудитории и политического истеблишмента. Их озвучивают на открытых площадках первые лица страны, перепечатывают ведущие газеты и распространяют действующие с 2007 г. «Очаги мысли» Великого Востока.

Шарифов К. К. (НАНА, Баку)

Текстологическая деятельность Мирзы Казем-Бека

Мирза А. К. Казем-бек, оставил богатое и многогранное научное наследие в области изучения различных письменных источников. Научная ценность его исследований заключается в комплексном подходе к изучению письменных памятников, привлекая к их изучению сведения других рукописных источников, относился к изучаемом материалу критически, пытаясь отделить достоверные сведения от ошибочных или заведомо ложных. При исследовании текстов литературных, исторических, юридических и фольклорных произведений А. К. Казем-бек опирался на научно-критический метод, и по мере своих возможностей, старался установить текст первоисточника, и, в конечном итоге, подготовить к изданию достоверный, выверенный научный текст, максимально близкий к воле его автора. В целом, можно констатировать, что при исследовании текстов средневековых письменных памятников А. К. Казем-бек

пользовался способами, созвучными с методами и принципами, на которые опирается современная текстологическая наука.

Текстологические исследования, проведенные Мирзой Казем-беком, были высоко оценены не только русскими востоковедами, но и европейскими учеными, и он заслужил славу крупного деятеля науки и культуры своего времени.

Для изучения текстологических методов и принципов Мирзы Казем-бека и освещения его деятельности как ученого-текстолога необходимо вновь обратиться к его научному наследию, в первую очередь, к письменным памятникам, над которыми он проводил научно-исследовательскую работу: «Дербенд-наме», «Гиссейи-Юсиф», «Мухаммадиййа», «Саб'ат аль-аджизин», «Мюхтесеруль-викайет» и комментариям к ним. Указанные письменные источники, ставшие объектом текстологических исследований знаменитого ученого, написаны на разных восточных языках и относятся к разным областям мусульманской науки. Все это показывает, что Мирза А. К. Казем-бек был человеком широкого научного диапазона и большим знатоком исламской культуры.

Ширинова Р. Б. (ИР НАНА, Баку)

«*Мухтасар ал-викайа*» Садр аш-Шари'а ас-Сани и его перевод Мирзой Казем-Беком

«*Викайа ар-ривайа фи маса'ил ал-хидайа*» Садр аш-Шари'а аль-Аввала (XIII в.) — одно из известных сочинений по *фикху*, относящихся к ханафитской школе. В Институте Рукописей им. М. Физули НАНА хранится пять рукописных списков этого произведения. Согласно «*Кашф аз-зунун*» Катиба Челеби, существует немало комментариев к этому сочинению и его переводов на тюркский язык, выполненных как в стихах, так и в прозе.

Один из таких комментариев, известный под названием «*Шарх ал-Викайа*», был составлен Садр аш-Шари'а ас-Сани, внуком Садр аш-Шари'а аль-Аввала. Позже он был сокращен автором и назван «*Мухтасар аль-Викайа*» («Извлечение из Викайата», или «Сокращенный Викайат»). В коллекции Института Рукописей им. М. Физули нами обнаружено шесть рукописных списков «*Мухтасар аль-Викайа*», самый ранний из которых хранится под ш. С-1039 и относится к XVIII в., а также литографированное издание, опубликованное в 1902 г. в Казани.

«*Мухтасар аль-Викайа*» был переведен на русский язык одним из выдающихся востоковедов XIX в. Мирзой Казем-Беком. Известно, что перевод данного произведения был начат Казем-Беком в 1834 г. в Казани. Перевод

Казем Бека «Мухтасар аль-Викайа», вышел под названием: Мюхтесерул-вигкает, или сокращённый вигкает. Курс мусульманского законоведения (Казань, 1845). Он был настолько популярен, что выдержал множество изданий и переиздается до сих пор: в Казани — в 1845, 1873, 1902 гг., в Санкт-Петербурге — в 1895 г., в Калькутте — в 1858, в Лакхнау — в 1873, 1888, 1889 гг., в Каире — в 1901 г., в Бейруте — в 2005 г. В работе нами была использована фотокопия книги Казем-Бека «*Мюхтесерул-вигкает*», опубликованной в Казани в 1845 г.

Перевод «*Мухтасар аль-Викайя*» прославил Мирзу Казем-Бека на всем мусульманском Востоке. Он был награжден шахом Ирана орденом «*Шур-и Хуршуд*» (Орден Льва и Солнца) 1-й степени.

Шишкина А. Р. (НИУ ВШЭ, Москва)

Протесты в современном мире: опыт сравнительного анализа Арабской весны и событий на Украине

Бурный 2011 год привлек внимание всей мировой общественности к событиям, происходившим в арабском мире: в считанные дни вспышка протестной активности, порожденная актом самосожжения тунисца Мухаммеда Буазизи из провинциального города Сиди Бузид, захлестнула практически все арабские страны, приведя к падению казавшихся несокрушимыми режимов Бен Али, Хосни Мубарака, Муаммара Каддафи, Али Абдаллы Салеха. Наблюдая за происходившем в последние годы в странах Северной Африки и Ближнего Востока, многие задавались одним вопросом: кто следующий? Однако очередной всплеск протестной активности случился далеко не там, где его ожидали многие, а скорее даже там, где его не ждали в ближайшее время вовсе — на Украине.

Если сравнивать события, произошедшие в арабских странах в 2011 г. и в Украине в 2013–2014 гг., то можно прийти к выводу о том, что по своей сути они очень удачно укладываются в характеристики *фитны* (смуты, восстания, мятежа), которые приписывает ей арабская политическая культура.

Например, к началу антиправительственных выступлений 25 января 2011 г. египетская оппозиция представляла собой крайне разрозненную группу, чей спектр политических взглядов был весьма широк — от исламистов до насеристов. Аналогичная картина наблюдалась и в Киеве, где все то же студенчество и средний класс вышли на улицы города отнюдь не с требованиями отставки президента Януковича, а с требованием подписания соглашения об ассоциации с ЕС.

Характерными чертами в обоих случаях было также использование новейших средств массовой коммуникации для мобилизации протестной активности,

которая характеризовалась отсутствием четких идеологических установок, узнаваемых лидеров и т. п. Кроме того, в Украине, так же как и в арабских странах, власти, без особого труда подавляя в предшествующие периоды акции протеста, оказались не в состоянии адекватно оценить сложившуюся ситуацию, предаваясь панике, сознательно завышая степень исходящей от протестной толпы опасности и в итоге допуская фатальные для действующего режима ошибки.

Якерсон С. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Компьютерные технологии XXI века и базы данных еврейских средневековых рукописей

Еврейская рукописная традиция сформировалась в раннем Средневековье на Ближнем Востоке и в дальнейшем распространилась (с неизбежными изменениями) во всех регионах компактного проживания евреев в диаспоре. Сегодня еврейские рукописи хранятся практически во всех крупных национальных депозитариях Европы, Америки и в Израиле. Наиболее значимой коллекцией еврейских рукописей считается собрание Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Данное собрание, как и собрание Института восточных рукописей РАН, отличается значительным количеством памятников, переписанных на Ближнем Востоке в период с X по XIV вв.

В рамках исследований по иудаике последняя четверть XX века и начало XXI века могут быть охарактеризованы как период интенсивного сбора информации о еврейских рукописях и создания многоаспектных компьютерных баз данных. Эти базы данных должны по замыслу их создателей вывести еврейскую палеографию и кодикологию на принципиально новый уровень освоения сохранившегося письменного наследия. Основными инициаторами сбора и обработки книговедческой информации являются Институт микрофильмов еврейских рукописей (Institute of Microfilmed Hebrew Manuscripts) при Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме, Еврейский палеографический проект (Hebrew Palaeographical Project) при Академии наук и искусств Израиля и Института изучения истории текста (Institut de Recherche et d'Histoire des Textes) в Париже. С 1989 г. к этому международному проекту присоединился Институт восточных рукописей РАН, и автор представленного доклада был включен в группу экспертов, занимавшихся отбором рукописного материала и его описанием.

Доклад будет посвящен анализу методики сбора книговедческой информации о средневековых еврейских рукописях и демонстрации современных результатов этой многолетней работы.

Яфарова З. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Языковая политика кемалистов: по материалам журнала «Хаят» (1926–1929)

История современного турецкого языка насчитывает чуть меньше ста лет. 1 ноября 1928 года Великое Национальное Собрание Турции принимает закон о замене арабского алфавита на латиницу. Данное событие является не только первым проявлением языковой политики кемалистов и практическим результатом политического регулирования в языковой сфере, но и началом процесса реформирования турецкого языка.

В качестве эффективных институтов реализации языковой политики выступают средства массовой информации: радио, телевидение, периодические печатные издания. В рассматриваемый период большое значение приобретает журнал «Хаят» (1926–1929), так как именно на него возлагалась задача ознакомления населения Турции с новой графической системой.

Журнал «Хаят» является одним из важнейших печатных изданий в первое десятилетие после провозглашения Турции республикой. Его издание осуществляется при поддержке Министерства народного просвещения.

Перед официальным принятием закона о введении нового турецкого алфавита на страницах журнала «Хаят» публикуются статьи о новом алфавите, обучающие материалы и тексты на латинице. Примечательно, что еще до официального принятия закона о замене арабского алфавита на латиницу, начиная с 18 октября 1928 года, то есть с 97-го номера, часть материалов журнала стала печататься в латинской графике. Уже начиная со 105-го номера, то есть с 29 ноября 1928 года, «Хаят» полностью издается на латинице. Таким образом, данное печатное издание представляет собою ценный источник, позволяющий проследить процесс подготовки и проведения реформы турецкого алфавита.

Яфиа Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Басни Лукмана в двух списках рукописи из Российской национальной библиотеки

Нами было проведено исследование двух списков рукописи, которые хранятся в Российской национальной библиотеке. Первый из изученных списков, принадлежащий коллекции И. Ю. Крачковского (1883–1951 гг.), шифр Кр.18, носит название *Амṣāл Луḳмāн ал-ḥакīм,* (лл. 49–57) и находится в конволюте с другими сочинениями. Второй список, шифр которого Дорн. 85 (лл. 36–42), принадлежит коллекции П. П. Дубровского (1754–1816 гг.)[1] и также входит

[1] П. П. Дубровский — библиофил, служил копиистом в Синоде, позже — в Коллегии иностранных дел. Во время дипломатических командировок приобрел около 94 восточ-

в состав конволюта. Название этого списка немного отличается от первого — *Амṣāл ва ма‘ānī ли-Луḳмāн ал-ḥакīм*.

Лукман — коранический персонаж, именем которого названа 31-я сура. О происхождении Лукмана достоверных сведений не существует. Некоторые полагают, что его имя следует связывать с библейским Валаамом. Однако в рукописи 229 *Китāб ḳиṣас ал-анбийā’* (*«Книга рассказов о пророках»*) из фонда восточного отдела библиотеки СПбГУ присутствует отдельная глава, посвященная Лукману, в которой подчеркивается, что Лукман являлся мудрецом и праведником, но не следует считать его пророком.

Сочинение Лукмана представляет собой сборник басен, которые нередко соотносят с баснями Эзопа. Главные герои басен — животные, которые в отдельных историях взаимодействуют с людьми. В некоторых историях героями выступают даже человеческие органы — внутренности и ноги.

В рассмотренных нами списках тексты следуют в разном порядке, начиная с пятой истории. Небольшие различия встречаются и в названиях отдельных басен. В некоторых случаях тексты списков не полностью тождественны. Например, в списке Kr.18 используется слово *ġазāл*, в списке Дорн.85 употребляется синоним — *иййал.*

Оба списка написаны почерком *насḫ* и находятся в хорошем состоянии. Список под шифром Kr.18 имеет размеры 21 × 17 см., список Дорн. 85 — 25,5 × 15,5 см. В тексте первого списка (Kr.18) текст предваряет *басмала*. Текст в обеих работах написан черными чернилами, красными чернилами выделены названия басен.

В тексте присутствуют очевидные неточности в написании — замена *ṣā’* на *тā’*, выпадение хамзы и пр., а также грамматические ошибки — в согласовании сказуемого с подлежащим и пр.

ных рукописей. В 1805 году правительство купило его коллекцию, а сам П. П. Дубровский был назначен на пост хранителя в Публичной библиотеке (Депо манускриптов).

СЕКЦИЯ II.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АФГАНИСТАНА И ИРАНА: ПАМЯТИ ПРОФ. А. Л. ГРЮНБЕРГА-ЦВЕТИНОВИЧА (1930–1995)

HISTORIOGRAPHY OF IRAN AND AFGHANISTAN: IN MEMORIAM OF PROFESSOR ALEXANDER GRÜNBERG-TSVETINOVICH (1930–1995)

Александр Леонович Грюнберг-Цветинович (1 марта 1930 — 3 марта 1995)

Александр Леонович родился 1 марта 1930 г. в семье Н. А. Цветинович и Л. Б. Грюнберга. Мать, Нина Алексеевна (4 февр. 1895 — 23 июля 1978) — дворянка сербского корня, выпускница кафедры анатолийско-турецкого языка Ленинградского института восточных языков, переводчица с турецкого, сербского и болгарского языков, известна в основном по тщательно подготовленному переводу «Турецких народных сказок» (Л., 1939; переизд.: 1968). Отец, Леонид (Леон) Борисович (25 янв. 1883 — 25 февр. 1938), убеждённый коммунист, овладел в эмиграции несколькими европейскими языками, прошёл гражданскую войну в составе Красной Армии, затем стал редактором издательства «Прибой», начальником Театрального отделения Петрограда и заведующим Обллита, а в 1930-х годах возглавил секцию переводчиков Союза Писателей.

В 1948 г., окончив школу с золотой медалью, А. Л. поступает на кафедру иранской филологии Восточного факультета ЛГУ, где обратил внимание преподавателей своими способностями: «...выполненная на втором курсе обычная работа по „Гулистану“ Саади (текст по литографии, транскрипция и перевод с комментариями и определением метрики стихов) была у А. Л. столь безупречна, что до сих пор, спустя более полувека, служит на кафедре эталонной: красивый почерк, безошибочная транскрипция и точный литературный перевод. Литературный дар Александра Леоновича проявился и позднее — в переводах стихов и прозы, редакторской работе, путевых дневниках» (*Стеблин-Каменский* 2006, 11). Параллельно А. Л. посещает занятия по турецкому языку на кафедре тюркских языков.

После окончания университета в 1952 г. осенью 1953 г. он поступает в аспирантуру Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН). Его научным руководителем стал известный иранист профессор Иван Иванович Зарубин (1887–1964). Аспирантура оказала решающее влияние на формирование интереса А. Л. к полевому материалу и синхронному описанию малоизвестных иранских языков и диалектов.

Август–ноябрь 1954 г. и июнь–декабрь 1955 г. А. Л. проводит среди татов-мусульман в Азербайджане, изучает их язык и собирает материал для диссертации. Заодно он овладел азербайджанским языком. На основе большого количества собранных текстов А. Л. составил первое грамматическое описание и обширный словарь татского, который предлагал рассматривать в качестве персидского диалекта (*А. Л. Грюнберг*. О месте татского среди иранских языков // *Вопросы языкознания*. 1961. № 1. С. 114). Кандидатская диссертация «Язык северноазербайджанских татов» была защищена А. Л. Грюнбергом в начале 1963 г. и в том же году издана отдельной монографией (кроме словаря, оставшегося в рукописи).

В 1957 г. А. Л. Грюнберг становится научным сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. В 1958 г. в составе экспедиции, организованной под эгидой Академии наук СССР по инициативе Б. Ф. Поршнева для поисков «снежного человека» он впервые попадает на Памир, ставший впоследствии местом приложения его научных интересов. К участию в этнографическом отряде экспедиции А. Л. привлекла исследовательница горных таджиков Анна Зиновьевна Розенфельд, знавшая его по Восточному факультету.

Объектом пристального внимания А. Л. стали районы Серахса и Кушки на границе Туркмении с Ираном, куда он отправляется уже после поисков «снежного человека» и прохождения подготовки по программе войск специального назначения на военных сборах. Им были найдены представители иранских племен теймури и джемшидов, уточнены места расселения белуджей и курдов. Летом 1959 и 1960 гг. А. Л. записал в Серахсе несколько десятков магнитофонных бобин сказок, легенд и песен систанского фольклора. Часть этих материалов была им опубликована («Сказки и легенды Систана», 1981).

Самые примечательные достижения А. Л. как языковеда и страноведа связаны с Афганистаном, куда он впервые попадает в качестве переводчика при советской геологической миссии, проводившей изыскательские работы по заданию Министерства горных дел и промышленности этой страны. Благодаря этому А. Л. стал одним из немногих европейцев, побывавших в труднодоступных долинах Нуристана (в прошлом Кафиристана) и афганского Бадахшана. В течение полевых сезонов 1963–1964 гг. А. Л. имел возможность изучать все кафирские языки (кати, вамаи, прасун и вайгали), а также дардские — земиаки и глангали. В 1965–1967 гг. он работал в составе геологических партий в Афганском Бадахшане, где собрал материалы по ваханскому, мунджанскому, шугнанскому и сангличскому языкам. Весной и осенью 1968 г. А. Л. сумел организовать сбор информации по языку кати в Кабуле.

Исследовательская работа А. Л. в качестве языковеда и этнографа сочеталась со многими его обязанностями как переводчика — в том числе хозяйственными, так что заниматься приходилось по вечерам, после тяжелого маршрута, невзирая на усталость. Мунджанец Хоки был нанят помощником повара и «...утром, после того как геологи расходились на маршруты, а обед было еще рано готовить, он приходил ко мне в палатку и я учился у него мунджанскому языку..»[1].

Тогда А. Л. Грюнберг на свой страх и риск предпринял путешествие в Мунджан, пройдя по пути, по которому с 1924 г. после Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, не проходил ни один европейский ученый. В публикации из дневника А. Л. сообщает о трудностях горных переходов: «Опять трогаемся в путь... Во рту пересохло, горький вкус. Ноги болят и отказываются идти. Я отстаю. Карим уступает мне лошадь и некоторое время я еду верхом. Ноги отдыхают, но хочется пить, а воды нет. Через полчаса я опять уступаю лошадь Кариму. У него вид совершенно измученный, он даже не может говорить...»[2].

Книга А. Л. Грюнберга «Языки Восточного Гиндукуша: Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк» (Л., 1972) посвящена «Светлой памяти Марианны» — внезапно ушедшей из жизни первой жены: филолога-русиста М. М. Чумандриной (1929–1969), дочери писателя М. Ф. Чумандрина (1895–1940). Сразу же после выхода книги в 1972 г. А. Л. вместе с И. М. Стеблин-Каменским приступает к подготовке второй книги серии «Языки Восточного Гиндукуша» — «Ваханский язык» (1976), и весной они предпринимают поездку в советский Вахан. Позже основанную А. Л. серию дополнит написанная по той же схеме книга «Язык кати» (1980).

В декабре 1973 г. А. Л. Грюнберг защищает докторскую диссертацию на тему «Языки Восточного Гиндукуша. Исследования и материалы». В том же году начинается педагогическая деятельность А. Л. на Восточном факультете ЛГУ. Как

[1] *Грюнберг А. Л.* В Афганском Бадахшане (Страницы из дневника) // Страны и народы Востока. 1989. Вып. 24. Кн. 3. С. 150–151.

[2] Там же. С. 161.

преподаватель А. Л. «...не только поставил на должный уровень изучение всех афгановедческих дисциплин и вообще, по сути дела, возродил петербургскую афганистику, но также внес особый стиль в отношения между Учителем и учениками. Студенты тянулись к нему, ходили домой за советами и книгами, выпускники приезжали издалека для бесед и наставлений» (*Стеблин-Каменский* 2006, 19).

А. Л. Грюнберг выступил талантливым и дальновидным организатором науки; его трудами был создан междисциплинарный и межинституциональный «Семинар ленинградских афганистов» (впоследствии «Семинар петербургских афганистов»). В ЛО Института Языкознания с апреля 1988 г. функционировал социолингвистический семинар, который официально именовался «Язык и общество»; заседания прервались вскоре после кончины Александра Леоновича[1]. К сожалению, не воплотились в жизнь планы А. Л. Грюнберга по созданию академического журнала, посвящённого вопросам афганистики и восточно-иранского мира в целом.

В 1980-х годах А. Л. получает заслуженное признание в европейской иранистике. Для встречи с ним в Ленинград приезжают Ж. Фюсман (G. Fussman) и П. Райшер (P. Reichert). В 1988 г. в Париже выходит французский перевод книги «Ваханский язык». А. Л. вёл активную научную переписку с зарубежными коллегами, в 1993 г. преподавал афганский язык в Гамбургском университете, где вёл занятия на немецком языке.

Огромным авторитетом А. Л. пользовался в Афганистане. С 1987 г. он оказывал помощь Афганской Академии в создании письменностей для бесписьменных языков. Им были составлены на дари проекты алфавитов для белуджского, пашаи и кафирских (или «нуристанских») языков; некоторые из них совместно с афганскими коллегами. Как отмечал А. Л., основная трудность заключалась в том, что алфавиты для этих языков с очень развитой системой вокализма должны были непременно опираться на арабскую графику. В 1991–1992 гг. по приглашению Афганской академии А. Л. проводит в Кабуле три месяца.

Трагические события, происходившие в Афганистане, постоянно волновали А. Л., и в меру своих возможностей он пытался повлиять на советскую политику в этой стране (см. его «Аналитические записки о положении в Афганистане в 1987 г.», а также «Отчеты о командировках в Афганистан» в 1974 и 1987 гг.)[2]. А. Л. консультировал советские политические органы по вопросам «политики национального примирения» в Афганистане. Его аналитические записки легли в основание этой прорывной политической технологии, успешно работавшей в Афганистане до радикального изменения внешнеполитической ситуации в конце 1991 — начале 1992 гг., и неоднократно удачно воспроизведенной в иных конфликтных странах, но уже другими игроками.

[1] См.: А. Х. Гирфанова. К социолингвистическому описанию тазов // Индоиранское языкознание. СПб., 2006. С. 387.

[2] Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. СПб., 2006. С. 41–62.

Обработка и публикация материалов многочисленных экспедиций велась много лет и, к сожалению, осталась незавершенной из-за безвременной кончины Александра Леоновича, не успевшего завершить многое из задуманного. Посмертно было опубликовано около двух десятков статей — описания иранских, дардских и нуристанских языков для соответствующих томов энциклопедии «Языки мира» (1997; 1999; 2000). Остался архив А. Л., обширные аудиозаписи, множество слайдов, отображающие не только моменты его жизни, но также ценный языковой и этнографический материал. Сохранилась библиотека, куда Маргарита Игоревна Вологдина — вдова Александра Леоновича, любезно допускает специалистов по иранским языкам, особенно приветствуя студентов афганского отделения.

Труды А. Л. остаются уникальным источником по тем языкам, изучению которых он посвятил свою жизнь. Три из них — глангали, кати и мунджанский — впервые описаны им. Книгу А. Л. Грюнберга «Очерк грамматики афганского языка (пашто)» (Л., 1987) В. В. Кушев оценивает следующим образом: «Богатый опыт грамматического описания нескольких бесписьменных языков, практическое владение живыми афганскими языками, строгое грамматическое мышление позволили А. Л. Грюнбергу выполнить задачу составления качественно нового описания афганского языка. Логика грамматической структуры глубже всего постигнута и описана им именно в этом труде <...> Новизна подхода ярко проявилась в подаче глагольной системы: грамматическая категория времени, всегда являвшаяся осевой в описании видо-временных форм, здесь уступила место категории вида как определяющей в системе глагола, что мотивировано действительно существующей в языке ситуацией, выявленной автором» (*Кушев* 1990: 403).

Лингвистическую позицию ученого отчетливо характеризует И. М. Стеблин-Каменский: «...он лучше всех понимал, что текст, записанный на бесписьменном языке — это самый что ни на есть результат исследования, причем гораздо более ценный, чем любые теоретические рассуждения: синхронные, типологические, сравнительные и т. п. <...> в созданных им описаниях языков А. Л. открыл так много нового, что высказанные им идеи, несомненно еще долго будут влиять на развитие нашей науки. К числу наиболее блистательных следует отнести интерпретацию фонетических систем бесписьменных иранских языков, как систем гетерогенных, то есть состоящих из двух или нескольких взаимодействующих подсистем — исконных и заимствованных слов. <...> Неоспоримым достижением является и открытие падежей в ваханском языке, и описание средств пространственной ориентации в языке кати» (*Стеблин-Каменский* 2006, 19–20).

А. Л. отличался редким даром к изучению языков, он свободно говорил на многих восточных и европейских языках и легко добавлял новые языки к своей внушительной коллекции. Своему ученику, которому профессор предложил ознакомиться с книгой на голландском языке, А. Л., в ответ на его сетования по поводу невладения этим языком, рекомендовал воспользоваться познаниями в английском и немецком и таким образом прочитать книгу.

Большая часть жизни А. Л. Грюнберга тесно связана с Ленинградским (Санкт-Петербургским) Государственным Университетом. С 1973 г. А. Л. преподавал на Восточном факультете ЛГУ, для студентов отделения истории Афганистана читал лекционные и специальные курсы по этнографии и религии Афганистана, вел занятия по языкам *пушту, дари и белуджи,* руководил многими курсовыми и дипломными работами. Его преподавательская деятельность в Университете в равной мере была связана с иранистами-филологами (кафедра Иранской филологии) и с историками Афганистана. В течение ряда лет он служил профессором кафедры Истории стран Ближнего Востока, которой тогда заведовал профессор профессор А. Д. Желтяков (1925–1989), а с 1990 г. — профессор Н. Н. Дьяков. А. Л. принимал самое активное участие в жизни кафедры, дисциплинированно посещая ее заседания.

Наряду с текущей аудиторной работой он неизменно участвовал и в неформальных мероприятиях. Коллеги до сих пор вспоминают встречи с Александром Леоновичем в доме А. Д. Желтякова, у С. М. Иванова и т. д. А. Л. с его редким голосом, замечательным музыкальным слухом, артистизмом и даром певца-барда, был роскошным украшением таких неформальных встреч питерских востоковедов.

Дом А. Л. Грюнберга был всегда открыт для его учеников и коллег. А. Л. отличался большой интеллектуальной щедростью, он охотно делился с учениками и коллегами своими уникальными материалами и оригинальными идеями. Сегодня ученики А. Л. трудятся в различных уголках земного шара, продолжая дело, начатое великим ученым-афганистом и замечательным учителем — Александром Леоновичем Грюнбергом.

Редколлегия

Публикации об А. Л. Грюнберге

Милибанд С. Д. Грюнберг-Цветинович // *Милибанд С. Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М. 1975. С. 159*б*. (дополн. 1-е изд.: М., 1977. С. 159*б*; перераб. и дополн. 2-е изд.Кн. 1. А–Л. М., 1995. С. 341*б*–342*а*).

Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990 (об А. Л. Грюнберге см.: с. 127б, 191б, 200а, 340б, 476а (переизд.: 1998).

Основные научные труды доктора филологических наук, профессора А. Л. Грюнберга // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 218–219.

Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб., 2006. (прил.: Список трудов Александра Леоновича Грюнберга, с. 23–31, 104 назв. с 1954 по 2000 гг., в т. ч. 9 авторских монографий и 8 изд. отредактированных А. Л. Грюнбергом), в т. ч.:

- *Стеблин-Каменский И. М.* Александр Леонович Грюнберг (1 марта 1930 — 3 марта 1995). С. 7–22.

- *Долинин К. А*. А. Л. Грюнберг как политолог и историк. С. 32–35.
- *Григорьев С. Е*. Об Александре Леоновиче Грюнберге. С. 36–40.

Кушев В. В. Александр Леонович Грюнберг (1 марта 1930 — 3 марта 1995) // Кунсткамера. Этнографические тетради (СПб.). 1996. № 10. С. 399–408 (библ. основных печатных работ А. Л. Грюнберга: с. 405–408, 60 назв.).

Стеблин-Каменский И. М. Памяти Александра Леоновича Грюнберга-Цветиновича // Петербургское востоковедение. СПб., 1996. Вып. 8. С. 640–668.

Стеблин-Каменский И. М. Александр Леонович Грюнберг-Цветинович // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб., 1998. С. 5–29.

Kushev Vladimir. Gryunberg Tsvetinovich Alexandr Leonovich // Encyclopedia Iranica / Ed. by Ehsan Yarshater. New York, 2002. Vol. XI. Fasc. 4. P. 378*b*–379*a*.

Монографии А. Л. Грюнберга

Язык североазербайджанских татов. Л., 1963. 212 с.

Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972. 474 с.

Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976. 670 с. (Совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

Сказки народов Памира/Пер. с памирских языков. М., 1976. (Сост. и комм. совм. с И. М. Стеблин-Каменским). 536 с.

Языки Восточного Гиндукуша. Язык кати. Тексты, грамматический очерк. М., 1980. 302 с.

Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987. 240 с.

La langue wakhi. T. 1: Corpus de litterature orale. T. 2: Essai grammatical et dictionnaire wakhi — français. Édite et traduit par D. Indjoujian. Paris, 1988. 376 p. (Совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

Основные статьи А. Л. Грюнберга

К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // Индийская и иранская филология: Вопросы диалектологии. М., 1971. С. 3–29.

Опыт лингвистической карты Нуристана // Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия: География этнография, история. М., 1971. С. 288–289.

Нуристан: Лингвистические и этнографические заметки // Страны и народы Востока. Вып. X. Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. М., 1971. С. 264–287, 1 л. карт.

Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / Отв. ред. С. И. Брук. Л., 1974. С. 276–283. (Совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

Путешествия по Восточному Гиндукушу (1963–1968) // Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. Книга 2. М., 1980. С. 28–45.

В афганском Бадахшане (страницы из дневника) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. М., 1989. С. 147–169.

Некоторые черты традиционного мировоззрения пуштунов // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М., 1992. С. 182–196. (Совм. с Л. Жехаком).

Elaheh Taghvaei (Yerevan State University, Yerevan)

A comparative study of the West Iranian Sivandi dialect

The aim of this paper is to examine the position of Sivandi among the Western Iranian languages by looking at certain features of its historical phonology. Sivandi is an Iranian language spoken in the Fars province of Iran (North-West of Shiraz-Isfahan road).

From a historical point of view Sivandi has been regarded as a so-called North-Western Iranian language. This means that with regard to certain linguistic features Sivandi shares a set of characteristics with contemporary Kurdish and Semnani languages and the Middle Iranian Parthian, whereas Bakhtiyari, Luri and some other South-Western Iranian languages show different features in the same phonetic position.

Sivandi shares most of its characteristics with the Central dialects, but being surrounded by Persian and the dialects of Fars, it also contains words exhibiting typical southwestern features, therefore probably borrowed from Persian or neighboring dialects (e.g *dās* "sickle" and *asiow* "water mill", Pers. *asiab [āsīā(b)]*, with Mid. Pers. **θr > s*).

Sivandi has preserved a number of words found neither in the Central dialects nor in the neighboring Fars dialects, such as *šet* "milk"(< Old. Ir. *xšwifta-*, Pers. *šir*). It has a number of words in common with Kurdish, for instance, *pird* "bridge "(<prtu), cf. Kurdish *pird* (but Pers. *pol*, and *uir* "fire", cf. Kurdish *agir*.

English	Persian	Sivandi	Semnani
flower	gol	vel	vela
dog	sag	esbe	espa
girl	doxtar	det	dota

English	Persian	Sivandi	Sangesari
snow	barf	varf	varf
dog	sag	esbe	espa
girl	doxtar	det	dot

English	Persian	Sivandi	Balochi
mouth	dahan	kap	dap
face	sorat	dim	dim
girl	doxtar	det	dot

English	Persian	Sivandi	Bakhtiyari
stone	sang	vard	bard
son	pesar	kor	kor
donkey	xar	har	har

English	Persian	Sivandi	Feili
nose	bini	pet	pet
stone	sang	vard	bard
sister	xahar	dadiya	dada

English	Persian	Sivandi	Taleshi
bridge	pol	perd	pard
dog	sag	esbe	esbe
beautiful	ziba	khash	khas

English	Persian	Sivandi	Gilaki
face	sorat	dim	dim
bridge	pol	perd	perd
go	berou	beshe	boshu

English	Persian	Sivandi	Orami
lamb	bare	vare	vare
snow	barf	varf	varb
star	setare	esare	hesare

Аверьянов Ю. А. (ИВ РАН, Москва)

Культ святых в курдской секте Рах-и Хакк (область Дерсим)

Горы Дерсима стали своеобразными *кыблами,* средоточиями духовных устремлений, «крепостями духа» для местных жителей, последователей учения *Рах-и Хакк* («Путь Истины»). Самые «святые» горы являются для жителей Дерсима олицетворением сакральных личностей (Дузги, Туджик, Мунзур). Повсюду, где гора Дузги видна хотя бы издали, к ней обращаются с утренними молитвами.

Дузги (Дузгын Бава, Дюзгюн Баба) сопоставляется местными исследователями с калашским полубогом Балумаином. Согласно одной из версий, Дузги — первый сын Сейида Махмуда Хайрани. Его подлинное имя — Шах Хайдар. Рассказывают, что однажды зимой, по поручению отца, он пас мелкий рогатый скот (*давар*) на горном пастбище. От ударов его посоха зеленели деревья и распускались листья, которые поедал скот. Отец решил подсмотреть за ним, а тот, не увидев отца, случайно произнес его имя, что, согласно курдским обычаям, делать не полагается. Заметив отца, Дузги не знал, куда ему деваться от стыда. Он укрылся в пещере на горе, теперь носящей его имя. Оттуда якобы до сих пор слышатся выстрелы, производимые святым из его «пушки силы» три-четыре раза в день (на самом деле это, видимо, звук камнепада).

В других преданиях отцом Дузги считается некий Куреш, духовным наставником которого был Бамансур. Иногда Куреша считают не отцом, а дядей по отцу Дузги. В некоторых легендах Дузги приносит дяде кушанье *ронени*, догадавшись о его желании отведать это блюдо благодаря своим сверхъестественным способностям. Все версии говорят о таинственном исчезновении (или заточении — *сырролмак*) Дузги, сопоставимом с *самадхи* индийских святых. Если Куреш и Бамансур известны как предки соответствующих курдских племен Дерсима (*курешан* и *бамансуран*), то Дузги остается загадочной персоной. Святой Дузги имел прозвище Сурела («Одетый в красное»), что свидетельствует о его связи с Митрой, божеством военного сословия.

Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Мемуары Абдаллаха Мустауфи как источник для изучения традиционных объединений населения Тегерана (кон. XIX — нач. XX вв.)

«Шарх-и зиндагани-йи ман» — сочинение Абдаллаха Мустауфи (ум. 24.09.1329/15.12.1950), выходца из состоятельной семьи потомственных чиновников финансового ведомства (*мустауфи*) эпохи Каджаров, — является

важным источником для изучения политики, экономики и социальных отношений Ирана в конце XVIII — начале XX вв. Тщательное описание различных сторон повседневной жизни Тегерана делает этот мемуарный труд еще и ценным этнографическим документом.

В контексте интересующей нас проблемы функционирования традиционных общественных институтов городского населения Абдаллах Мустауфи приводит описание групп *даши* (*дашмашди*), более известных как *люти*. Его сведения затрагивают различные аспекты, связанные с этими группами (идеология, уставы, манеры поведения, профессиональные занятия, отличительные особенности одежды, участие в религиозных церемониях, спортивных состязаниях и т. д.)[1].

Данные объединения прошли определенную эволюцию, которая разделила их на три направления: 1) полукриминальные или криминальные сообщества (*аразил*), с которыми активно боролись как власти шахского Ирана, так и органы правопорядка Исламской Республики; 2) неформальные объединения жителей определенного квартала; 3) объединения молодых (как правило) людей, напоминающие по своей сути ватаги-дружины, членов которых и в настоящее время называют *даш* (*дашмашди*). Данное разделение довольно условно, поскольку в определенных ситуациях функции всех трех направлений, равно как и деятельность их членов может пересекаться.

Наши полевые материалы, собранные в Иране и Иракском Курдистане показывают, что и в настоящее время данные социальные институты имеют место и играют определенную роль в системе самоуправления в среде городского населения.

Амбарцумян А. А. (Изд-во ФФИ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сказочный сборник «Тысяча и один день» как ценный памятник истории культуры Ирана и соседних стран

Сказочный сборник «Тысяча и один день» (*Hazār-u yak rūz*) (هزار و یک روز) был впервые издан в Париже французским ориенталистом Франсуа Петисом де Ла Круа в 1710–1712 гг., как считается, в подражание известным арабским сказкам «Тысячи и одной ночи». Петис де Ла Круа (1653–1713) получил копию персидских сказок в Исфахане в 1675 г. у некоего Дервиша Мохлеса. Для составления этого сборника Мохлес использовал индийские сказки периода Великих Моголов. Таким образом, сборник был переведен в Париже

[1] *Шарх-и зинадагани-йи ман йа Тарих-и иджтимаи ва идари-йи давра-йи Каджарийа аз Ака-Мухаммад-хан та ахир-и Насир ад-Дин-шах. Дж.* 1. Тегеран, 1371/1992. С. 303–315.

с персидского языка на французский, однако его персидский оригинал был утрачен. На основе сборника Петиса в начале XIX в. были созданы «арабская» и «турецкая» версии.

Обрамляющей повестью сборника «Тысяча и один день» является «Сказка о любви принца Персии и принцессы Кашмира». Она носит отпечаток сельджукской и сефевидской эпох и продолжает известный мотив о том, как главные герои влюбляются друг в друга во сне (история о Зариадре и Одатиде). Дочь кашмирского царя Тогрул-бея и сестра принца Фаррухруза, красивейшая принцесса Фаррухназ, возненавидела мужчин, поскольку увидела во сне, как самка оленя спасла самца, попавшего в западню, но когда она сама оказалась в западне, самец не помог ей и убежал. Эту кашмирскую принцессу видит во сне принц Персии по имени Фаррухшад и влюбляется в нее. Принцесса Кашмира тоже одновременно видит этого юношу во сне, но, несмотря на то, что он ей нравится, и под влиянием предыдущего сна, она расстается с ним. Паре удается воссоединиться лишь благодаря доверенному лицу принца Персии — Симургу.

В сборник вошли более нигде не сохранившиеся сказочные повести, такие как «История Дарданы», «История Ризваншада и царевны Шахристани», «История принца Халафа и китайской царевны Турандохт» (основной источник для европейских сказок и опер о принцессе Турандот), «История печального везира и царевны Зулейхи-бегум», «Приключения Малика и принцессы Ширин», «История Абу Али ибн Сины» (арабская версия) и многие другие. Общая идея сказок сборника — показать образы верных и положительных влюбленных.

Арсланова А. А. (Институт истории АН РТ, Казань)

Минхадж ад-Дин Джузджани и его труд *«Табакат-и Насири»*

Наиболее ранним и единственным враждебно настроенным к монголам автором был Минхадж ад-Дин Абу ʻУмар ʻУсман б. Сирадж ад-Дин Мухаммад Джузджани, известный как Минхадж-и Сирадж. Точные годы его жизни неизвестны, но есть сведения, что он родился в 589/1193 г. в Гузгане (или Джузджан; современный Афганистан).

Во время первого вторжения монголов в 617 г. х. в Гур и Хорасан, до того времени, когда Чингиз-хан со своей армией пересек Амударью, Джузджани принимал участие в обороне Тулака, в котором он жил и который осаждался захватчиками на протяжении почти восьми месяцев.

Джузджани принадлежит знаменитый исторический труд *«Табакат-и Насири»* («Насировы разряды») (ок. 1259–1260 гг.). Этот труд относится к традиционному для персидских исторических сочинений типу всеобщей истории от сотворения мира до времени автора (1260 г.) и является ценным первоисточником по истории династий, правивших на территории современ-

ного Афганистана и Северной Индии. Каждая из двадцати трех глав (*табака*) сочинения посвящена разным представителям духовных и ветских властей.

Для нас наиболее важной является самая последняя — XXШ глава сочинения, в которой повествуется о монгольском нашествии. Вместе с известным трудом Джувейни *«Тарих-и джахангуша»* эта глава — первая по времени письменная фиксация сведений о монгольском нашествии в персидской исторической литературе. Однако, в отличие от Джувейни, Джузджани был участником и очевидцем описываемых событий, слышал рассказы своих современников. Кроме того, в отличие от большинства других историков монгольского периода, он не находился на службе у монголов и потому отзывается о них резко отрицательно. Джузджани был критически мыслящим, правдивым и непредвзятым историком. Исследователи отмечали, что он честно описывал жестокости монголов при завоевании исламских земель. Те монгольские ханы, которые негативно относились к исламу и мусульманам, обязательно сходили у него в ад. Монгольское нашествие в труде Джузджани предстает как колоссальная атака на ислам в целом, как Божье наказание, а те, кто противостоял монголам, рассматриваются как борцы за веру и мученики.

С другой стороны, он не считает зазорным для себя сказать о монголах хорошее в том случае, если те покровительствовали мусульманам. Примечательны в этом отношении его чрезвычайно комплиментарные характеристики и почти панегирики ханам Бату и Берке.

Багиров А. Д. (ИР НАНА, Баку)

Бакинские списки «Тухфа-и Сами» («Самов подарок»)

К числу важнейших источников азербайджанского литературно-эстетического наследия относятся средневековые *тезкире* (антологии). Именно эти произведения наиболее полно отражают процесс развития литературы. Одним из таких *тезкире* является сборник «*Тухфа-и Сами*», составленный в 1550–1561 гг. Его автор — Абу Наср Сам Мирза Сафави, сын Шаха Исмаила I. В этом произведении собраны сведения о творчестве 633-х поэтов, живших на рубеже XV–XVI вв. Автор разделил всех поэтов на семь групп, исходя из их политических взглядов и сословной принадлежности. Произведение состоит из вступления, семи глав и заключения.

Тезкире «*Тухфа-и Сами*» неоднократно исследовалось в Индии, Иране, Таджикистане. Самыми фундаментальными исследованиями являются труды иранского ученого Рукнуддина Хумайуна Фарруха (1969) и таджикского исследователя Абдуллы Саттарова (1972). В различных рукописных фондах и частных коллекциях мира хранятся десятки списков «*Тухфа-и Сами*». Три ранние копии этого произведения хранятся в Институте рукописей им. М. Фузули

НАНА. Самой ценной из них является рукопись под шифром Б-5112/26148 (146 лл.). Она была переписана известным каллиграфом-филологом средневековья Мустафой Джарулла Байани (ум. 1006/1597 г.), автором известного «*Тезкире-и Байани*». Дата завершения переписки данного списка 23 *джумада-л-ахар* 975/ 24 декабря 1567 г. В настоящее время эта рукопись, которой в рамках доклада будет уделено особое внимание, переводится и готовится к изданию автором данного доклада. Для работы были использованы три рукописи, хранящиеся в Баку, и иранский критический текст 1969 г.

Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Причины и следствия «тегеранского происшествия» 1829 г. в истории российско-иранских отношений

Уничтожение дипмиссии А. С. Грибоедова в Иране долгие годы оставалось, пожалуй, самым известным и наиболее мрачным событием в истории российско-иранских отношений, неоднократно привлекало внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако с сожалением приходится признать, что в происшедшей тегеранской трагедии остаётся ещё немало тёмных мест, не прояснённых до конца обстоятельств и важных деталей.

Причины, приведшие к трагической гибели русского посла и его сотрудников, можно условно разделить на те, которые не зависели от воли А. С. Грибоедова, и те, которые были связаны с его личным участием в череде предшествующих событий.

Изучение редких архивных материалов, личных писем и мемуаров современников А. С. Грибоедова позволяют прийти к следующим выводам:

- ответственность за гибель российской миссии в Тегеране в феврале 1829 г. несут подданные по меньшей мере трёх государств, хотя степень их вины различна;
- по долгу службы А. С. Грибоедову пришлось бороться не только с иностранными противниками, но и с внутренними недругами, деятельность которых на высоких постах зачастую не только не отвечала, но прямо противоречила национальным интересам, препятствовала проведению успешной политики России на Востоке;
- последовавшие события в истории российско-иранских отношений показали, что А. С. Грибоедов выиграл эту войну на два фронта, хотя и заплатил за победу высокую цену;
- после тегеранской трагедии руководство и дипломатия России стали в меньшей степени согласовывать свою политику на Востоке с политикой европейских союзников и в большей мере руководствоваться собственно российскими целями и задачами в регионе;

- отказ от силового решения проблемы после истребления российского посольства позволил России в дальнейшем одержать важную дипломатическую победу, добившись военных походов иранцев на Герат в 1833 г. и в 1837–1838 гг. вопреки воле и планам представителей Великобритании;
- иранское руководство сумело собраться с силами и доказать дееспособность центральной власти в борьбе с сепаратистами и мятежниками.

Бойко В. С. (АлтГПУ-АГУ, Барнаул)

Луис и Нэнси Дюпре на службе афганистики второй половины XX — начала XXI в.

Исследователем уникального диапазона и профиля, на многие годы определившим развитие американской, а отчасти и мировой афганистики во всех ее проявлениях, стал Л. Дюпре (1925–1989). Его «историко-экологический» подход, использование арсенала целого ряда научных дисциплин, от археологии и антропологии до политологии, позволили ему создать многомерную панораму развития афганского государства и общества.

Л. Дюпре начал свои исследования, когда интерес к Афганистану в США приобрел политико-экономические мотивы и организационные формы: в 1950 г. туда была направлена специальная этно-археологическая экспедиция Американского музея естественной истории. Географическая и предметная области ее программы были чрезвычайно широки: от Аму-Дарьи до Персидского залива, от древней истории и антропологии до этнографии и лингвистики. Американские ученые, пользуясь всесторонней поддержкой афганских властей, сумели достичь значительных результатов: они обследовали многие исторические памятники Кандагарского региона, получили доступ в Афганский Туркестан, почти приблизившись при этом к афгано-советской границе. Будучи участником экспедиции, Л. Дюпре проводил полевые исследования в Шамшергаре, Фарахе и Герате. Работой экспедиции заинтересовались американские предпринимательские круги и компании: палеогеологические и другие междисциплинарные исследования могли составить основу для их собственной деятельности в производственно-сырьевой сфере. В задачу экспедиции входило и антропометрическое исследование в афганской армии.

Важным событием в американской афганистике стало проведение в 1961 г. в Принстонском университете специального семинара по Афганистану, ставшего коллективной попыткой определить круг наиболее актуальных проблем этой страны. Л. Дюпре выступил с докладом по проблеме

Пуштунистана, положения которого ставили под сомнение законность линии Дюранда как признанной международной границы между Афганистаном и Пакистаном.

В трудах Л. Дюпре содержится также научно обоснованная, хотя и небесспорная оценка социальных процессов и политических событий 1919–1970-х гг., в том числе реформаторского эксперимента Аманулла-хана. Он первым из западных востоковедов стал публиковать обзоры по изменениям политической ситуации и другим текущим проблемам в позднемонархический и республиканский период, в которых прогнозировал революционный взрыв против авторитарно-бюрократического режима М. Дауда.

Л. Дюпре и его супруга Н. Дюпре (1927 г. р.) прожили многие годы в изучаемой стране, но в результате событий конца 1979 — начала 1980 г. по требованию новых властей покинули Афганистан, хотя не оставили афганскую тему. Они активно включились в практически-политические акции американской стороны, поддерживавшей афганскую оппозицию, и продолжили экспертно-аналитическую работу на афганском направлении. Л. Дюпре ушел из жизни в расцвете сил в 1989 г., а Н. Дюпре до сих пор продолжает работу в качестве директора Центра исследования Афганистана Кабульского университета, созданного ею в память о муже. Для поддержки Центра в 2007 г. был создан Фонд Л. и Н. Дюпре, средства которого направляются на изучение истории и культуры Афганистана. Жизнь и работа этой семьи — не только пример преданности профессии, но и служения стране, ставшей их судьбой в силу личных и политических обстоятельств.

Васильева Д. О. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

О некоторых персидских дарах и трофеях первой трети XIX в. в собрании Эрмитажа (по архивным материалам)

Сохранившиеся предметы искусства, которые на протяжении первой трети XIX в. присылались в Россию из Ирана в составе посольских даров или поступали в качестве военных трофеев, являются своеобразным отражением непростого периода в истории дипломатических отношений двух стран. Выявление этих предметов в музейных коллекциях возможно лишь благодаря тщательному изучению исторических источников и, в первую очередь, обращению к сохранившимся архивным сведениям.

Материалы дел, хранящиеся в Архиве Государственного Эрмитажа и Российском государственном историческом архиве, помогли установить обстоятельства, связанные с появлением в эрмитажном собрании резной рамы для зеркала с портретом принца ʻАббас-мирзы. Этот предмет поступил в музей в 1822 г. и, по всей видимости, был поднесен российскому императору

Мирзой Салехом Ширази на аудиенции, состоявшейся 9 июля 1822 г. Как отмечается в документах, вместе с зеркалом в дар был также передан список Корана. При поступлении рукопись была внесена в опись книг Императорской Эрмитажной Иностранной библиотеки, однако ее дальнейшая судьба остается неизвестной.

После окончания русско-персидской войны 1826–1828 гг. эрмитажная коллекция пополнилась двумя батальными полотнами, вывезенными из Уджанского замка ʻАббас-мирзы. Картины были доставлены в российскую столицу в конце 1828 г. вместе с прочими военными трофеями, включавшими захваченное в Ардебиле огнестрельное и холодное оружие, знаменитую Ардебильскую библиотеку, а также палатку, принадлежавшую ʻАббас-мирзе, и два ковра к ней. В 1829 г. обе картины, к этому времени уже принятые в Эрмитаж по личному распоряжению Николая I, прошли серьезную реставрацию («починку и исправление»).

Васильева Н. Е., Иванова Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Чингиз Алиевич Байбурди: к 90-летию со дня рождения (1925–2012)

Доцент кафедры иранской филологии Чингиз Алиевич Байбурди — выдающийся представитель иранской интеллигенции, ученый и любимый наставник иранистов, обучавшихся в годы его работы на Восточном факультете (1953–1995 гг.).

Как один из руководителей антишахского выступления в Иранском Азербайджане, в 1948 г. Чингиз Алиевич вынужден был эмигрировать в Советский Союз, чтобы избежать смертной казни.

Окончив кафедру иранской филологии Восточного факультета ЛГУ, он в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и творчество Низари — персидского поэта XIII–XIV вв.». Творчество Низари и стало основной темой его научных изысканий. К этой теме обращались Е. Э.Бертельс и К. Г. Залеман, такие европейские исследователи как Хаммер, Шпренгер, Этэ, Браун. Поэтическое творчество Низари, в значительной части посвященное пропаганде исмаилитских идей, чрезвычайно трудно для понимания и осмысления. В его сочинениях используется специальная суфийская терминология, имеющая особый смысл. Чингиз Алиевич продолжал работу над подготовкой критического издания произведений Низари на протяжении всей жизни, вплоть до своей кончины 28 ноября 2012 г. в Будапеште, куда он переехал со своей семьей в 1995 г.

Носитель персидского языка, обладавший поистине энциклопедическими знаниями культуры и истории Ирана, Ч. А.Байбурди оказал большое влияние на

воспитание студентов-иранистов, был постоянным консультантом и редактором многих источниковедческих и филологических работ иранистов Ленинграда, Москвы, республик Средней Азии и Закавказья.

Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург)

Ардебильское собрание: несостоявшаяся реституция

Ардебильское собрание мусульманских рукописей — трофей Русско-Иранской войны — поступило в бывшую Императорскую Публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку в 1829 г. по воле Николая I. История этого собрания, насчитывающего 166 роскошных манускриптов, хорошо известна[1].

Однако до недавнего времени оставались неизвестными хранящиеся в ЦГАЛИ документы 1926–1927 гг., которые касаются попытки возврата собрания в Иран. Инициатором возврата был советский гражданин А. Н. Ганнибал, обратившийся по этому поводу во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей[2]. ВОКС переслал запрос в Главнауку наркому А. В. Луначарскому и в Государственную Библиотеку в Москве. Пакет документов также поступил в Публичную библиотеку в Ленинграде.

Иранист Ю. Н. Марр в отчете о поездке в Иран в 1925 г. (архив ИВР РАН) упоминает Ганнибала — жившего в Энзели «страстного поклонника Персии». Удалось установить, что принявший ислам Али Ханнибал (1902–1966) основал музеи этнографии в Тегеране, Казвине и Абадане. Ардебильское собрание обсуждалось им в беседах с Ю. Н. Марром и его женой С. М. Марр, собиравшей экспонаты для Музея этнографии Ленинграда

Пока не найден официальный ответ Публичной библиотеки, который должен был подписать ее директор акад. Н. Я. Марр. Причин отказа могло быть несколько. Прежде всего, должен был учитываться тот факт, что запрос о возврате рукописей не был официально сделан иранскими властями. Ухудшавшиеся отношения СССР с шахом Ирана Резой Пехлеви также могли сыграть свою роль в том, что Ардебильское собрание в конечном итоге осталось в Петербурге.

---

[1] См.: Борщевский Ю. Е. История приобретения Ардебильского собрания рукописей Россией // (Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. С. 204–217; Васильева О. В. «Ардебильская библиотека есть государственная собственность и… принадлежит к хранению в Публичной библиотеке»: истории поступления и описания (1828–1829) // Исторический архив. М., 2014. № 5. С. 44–53.

[2] В 1926 г. ВОКС издал «Персидские стихи» в переводе А. Н. Ганнибала.

Воднева О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Русско-афганская торговля в начале XX в.

В 1907 г. Министерство торговли и промышленности и Министерство иностранных дел Российской империи командировали на русско-афганскую таможенную границу для выяснения «взаимных интересов нашего товарообмена с Афганистаном» надворного советника Е. П. Ковалева (ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 31. Л. 1). Для решения поставленной задачи была выработана «Программа для исследования современного положения нашей торговли с Афганистаном» из 4 пунктов, которая предписывала Е. П. Ковалеву выехать из Ташкента, посетить ряд городов (Самарканд, Бухару, Карши, Гузар, Ширабад, Куляб, Мешхед и др.) и таможенных пунктов, расположенных вдоль Пянджа и Аму-Дарьи. Кроме того, предписывалось по необходимости посетить другие населенные пункты вдоль русско-афганской границы, не переходя ее, и «ни в каком случае не вступая даже в частные сношения с афганскими властями и, тем более, не затрагивая вопросов политики» (Там же. Л. 4–5).

На основе данных российских таможенных учреждений и расспросных сведений лиц, сведущих в вопросах региональной торговли, предстояло выяснить (Программа, п. 3, § а-н): благоприятные и неблагоприятные условия для русско-афганской торговли; объём экспорта и импорта за последнее десятилетие по годам и таможням; русские товары, пользовавшиеся наибольшим спросом; влияние на торговлю денежной системы Афганистана и соседних стран; условия внутренних рынков Афганистана (по возможности); протяженность, направление, конечные пункты наиболее перспективных для развития караванных путей в Афганистан; сведения о местной промышленности по районам с указанием продукции; перечень импортных товаров (по возможности, добыть образцы); распоряжения местных властей, препятствующие русско-афганской торговле, и «каких уступок желательно было бы добиться в этом отношении»; мероприятия, необходимые для развития совместной торговли; причины транзита из России в Афганистан через Иран и его отражение на общем товарообороте; роль бухарских и пешаварских купцов; возможность создания значительной русской торговой агентуры вдоль границы; пути, товары и объем контрабандной торговли.

Все задачи Е. П. Ковалёв успешно выполнил.

Гасанзаде Д. Г. (БГУ, Баку)

Особенности Англо-Сефевидских взаимоотношений в первой четверти XVII в. (по данным письма короля Якова VI)

В планах колониальной экспансии Британии на Востоке в первой половине XVII в. особое место занимало государство Сефевидов, усилившееся после

прихода к власти шаха Аббаса I. В контактах с европейскими державами Сефевиды преследовали собственную цель: получить помощь для борьбы с Османской империей, заключив антиосманский союз.

В конце XVI в. в Исфахан из Англии прибыли братья Энтони и Роберт Шерли. Энтони объявил себя двоюродным братом шотландского короля Якова VI Стюарта, который будто бы поручил ему вести переговоры с иранским шахом о совместной борьбе против Турции. В 1599 г. Э. Шерли участвовал в посольской миссии, направленной Аббасом I в Европу и потерпевшей неудачу.

В 1601 г. король Яков прислал иранскому шаху письмо, где указал на необходимость совместной борьбы против Турции. Копия этого письма, представляющего значительный интерес для изучения истории внешнеполитических связей государства Сефевидов, была опубликована в 1942 г. А. Арбери в сборнике «Вклад Британии в изучение истории Персии». При анализе этого письма следует учесть тот факт, что в 1603 г. Яков стал английским королем Джеймсом I, и его прежняя политика претерпела существенные изменения. Письмо написано высокопарным стилем, характерным для эпохи Елизаветы Тюдор, и по содержанию представляет собой типичный образец дипломатических посланий, преследовавших цели раннеколониальной политики Британии.

Гезалова Нигяр (Институт истории НАНА, Баку)

Англо-французское соперничество в Иране в ходе русско-иранской войны (1804–1813)

В первой четверти XIX в. внешняя политика Каджарского Ирана была направлена на борьбу с Российской империей за владения на Южном Кавказе, ранее входившие в состав Сефевидского государства (1501–1726). Ситуация в Иране привлекала к себе внимание Британии и Франции, соперничавших за мировое господство и добивавшихся втягивания этого региона в орбиту своей восточной политики. Стремясь противостоять экспансии России, иранский шах обращался за помощью то к Франции, то к Британии. Обе европейские державы охотно откликались на его призывы и поочередно направляли в Иран военные миссии, выделяя денежные субсидии на реорганизациюиранского войска и превращение его в боеспособную, регулярную армию. Военное сотрудничество между Великобританией, Францией и Каджарским Ираном было одной из важнейших составляющих их отношений, однако каких либо ощутимых результатов объединенные усилия европейских военных миссий и иранского правительства не достигли.

Следует отметить, что дипломатические и стратегические интересы Великобритании в Иране изначально были обусловлены не столько соперничеством с Россией, сколько противодействием французской угрозе. Действия Франции на Ближнем и Среднем Востоке заставили Великобританию активизировать свою политику в этом регионе. Если Британия рассматривала Каджарское государство в качестве препятствия для продвижения Франции в Индию, Франция, наоборот, видела в Иране стратегический плацдарм для осуществления своих колониальных планов в Южной Азии. Тем не менее, обе европейские державы имели общую цель — не допустить усиления России на Востоке. Таким образом, добиваясь установления собственного влияния в регионе, они одновременно вели борьбу не только с Россией, но и друг с другом.

Григорьев С. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Подполковник Григорий Андреевич Шпилько — исследователь Афганистана и юго-востока современного Таджикистана (по материалам архива Русского географического общества)

Архив Русского географического общества в Санкт-Петербурге (РГО) — важное хранилище документов, относящихся ко многим сторонам жизни Афганистана и соседних ему стран на рубеже XIX и XX вв. Важный раздел этого архива — материалы, собранные русскими военными исследователями, в том числе подполковником императорской армии Г. А. Шпилько, командовавшим в начале XX в. Памирским постом. Г. А. Шпилько был полномочным представителем русских властей на Памире, а также путешественником и исследователем. Зная язык фарси и местные обычаи, он выполнял и разведывательные функции.

В фондах архива РГО хранятся два документа, связанные с именем Г. А. Шпилько, — «Пояснения к плану города Кабула, составленному начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул)» (разряд 87, опись 1, единица хранения 10, дело Ж-2), и «Землетрясение на Памире в 1911 году и его последствия» (разряд 65 (В), опись 1, единица хранения 34, дело Ж-V-2). Последний из них — отчет о посещении места одной из катастроф, имевших место в 1911 г. на Памире. В результате землетрясения образовался оползень (сохранившийся до наших дней), который уничтожил кишлак Усой, перегородил реку Мургаб и привел к образованию озера длиной около 57 км с максимальной глубиной более 500 м и объемом более 17 кубических км. В докладе также рассматриваются основные этапы жизни Г. А. Шпилько — видного русского исследователя Афганистана и юго-востока современного Таджикистана.

Даушвили Г. Д. (Санкт-Петербург)

К этимологии гидронима Кунар (Восточный Гиндукуш)

Топонимика Восточного Гиндукуша — зоны длительного контакта цивилизаций Индии, Ирана и Центральной Азии — является ценнейшим источником, дополняющим сведения мусульманских летописей средневекового периода и современных этнографических исследований. В этой связи Особенно интересны гидронимы, составляющие наиболее архаичный и устойчивый слой топонимики.

В топонимике/гидронимике Кунарского региона отчетливо различается не менее четырех пересекающихся друг с другом лингвистических слоев (дардский, кафирский, персидский и паштунский), каждый из которых отражает соответственную ему этнолингвистическую среду и очередность интеграции несущего ее этноса. Для топонимики внутренних ущелий правобережья Кунара автохтонными лингвистическими слоями можно считать дардский и кафирский, причем дардский, судя по его преобладанию именно в гидронимах, по-видимому древнее кафирского. Из двух других слоев по ряду признаков более древним выглядит персоязычный, а повсеместно доминирующий в Долине и в боковых ущельях левобережья паштоязычный слой моложе и мощнее всех остальных, что отражает активный ассимиляционный процесс, связанный с продвижением паштоязычного населения снизу вверх по долине Кунара и примыкающим боковым ущельям в течении последних четырех веков.

Наиболее вероятно, что этимология гидронима Кунар и образованного от него названия одноименной пограничной провинции на востоке Афганистана восходит к дари-персидскому *кенāр* ‘край’, ‘рубеж’, ‘граница’. В этой связи интересно, что официальное дариязычное название этой провинции не Кунар, а *велайāт-е кунарhā* («провинция кунаров»), где гидроним *кунар* принял форму мн. числа, что в данном случае скорее всего обозначает «пограничные земли» или «земли пограничных племен». Другим историко-топографическим подтверждением этой версии может служить наименование селения Наранг в среднем Кунаре, в котором угадывается усеченная форма персоязычного военно-административного термина *кенāранг*, обозначавшего пограничный комиссариат, вероятно когда-то находившийся здесь. В языке пашто, на котором говорит современное население этого уезда, название Наранг ясного толкования не имеет.

Бассейн р. Кунар был пограничьем с самых древних времен. В доказательство этому горы Хиндурадж (букв. «индуистский царь»), отделяющие долину Кунара и современный Афганистан от соседних областей Баджаур и Сват в Пакистане, напоминают о тех временах, когда восточная граница Кунара была северо-западной границей этнокультурной Индии.

Нефёдкин А. К. (Журнал «Parabellum novum», Санкт-Петербург)

О тактическом построении персидской армии ахеменидской эпохи (VI–IV вв. до н. э.)

В VI–V вв. до н. э. в центре типичного боевого порядка царского войска располагалась пехота, а по флангам — конница. Организация армии была десятичной (10 000 — 1000 — 100 — 10 воинов). В стандартном построении пехоты впереди стояли воины с большими плетенными щитами, а за ними размещались лучники, построенные в восемь-десять шеренг. Последним мог быть замыкающий с плетью. На рубеже V–IV вв. до н. э. отряды щитоносцев стали действовать отдельно от лучников на поле боя.

Тактика пехоты базировались на дистанционном бое. Стрельба из глубокого строя была навесной, а не прицельной: противника поражали не точностью стрельбы, а массой снарядов в расчете на то, что какое-то количество попадет в цель. Важно и психологическое воздействие на врага несущей на него тучи стрел.

Тактика конницы в начале V в. до н. э. была типичной для лучников: обстрел, неожиданные наскоки на противника, в частности, на его фланги. Во второй половине V в. до н. э. в западных сатрапиях распространяются тяжеловооруженные всадники (хотя основную массу конницы, естественно, составляли легковооруженные), легкие копья пальтоны стали преобладать в качестве основного метательно-ударного оружия. Такие всадники строились для боя в глубокие колонны и при атаке переходили в рукопашную.

Взаимодействие пеших метателей и щитоносцев было эффективно против восточных народов, главную силу которых составляли пешие метатели, а ударной силой была конница. Такое смешанное построение позволяло успешно отражать атаку пехоты и конницы и в то же время вести постоянное наступление на врага, вытесняя его с поля боя. Перед фронтом для разрыва строя тяжелой пехоты врага ставились серпоносные колесницы. А в битве при Гавгамелах в первый и последний раз в Ахеменидской истории для разрыва строя македонян предполагалось использовать индийских боевых слонов.

Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Демографическая статистика у афганцев в XVII в.

Первым паштоязычным письменным документом с демографической статистикой была ныне утраченная кадастровая книга Шайха Мали (вторая треть XVI в.). На рубеже XVI–XVII вв. богослов Ахунд Дарвеза в своих мемуарах на персидском языке подтвердил факт того, что Шайх Мали занимался подсчетом

численности йусуфзайских кланов для распределения между ними плодородных земель. В мемуарах Дарвезы имеются и другие сообщения, относящиеся к характеристике численности йусуфзаев, например, о последствиях голода 1591/92 г. в долине Сват.

Уникальные статистические данные о племени хатаков сохранились в хроникальной части историографического сочинения на пашто *«Тарих-и мурасса‘»* (сер. XVII в. — 1724 г.). Генеалогические разделы «Хатакской хроники», написанные Хушхал-ханом (ум. 1689 г.) и дополненные его внуком Афзал-ханом (ум. ок. 1741 г.), содержат ценные сведения о количестве семей хатакских кланов (ок. 9690), числе жен, наложниц и детей мужского пола у представителей племенной верхушки, степени детской смертности. В других разделах «Хроники» регулярно приводится военная статистика (численность боевых подразделений и потерь), иногда упоминаются данные о численном составе отдельных этнических групп, а также описывается воздействие негативных демографических факторов — эпидемий, стихийных бедствий, голода.

Материалы «Хатакской хроники» свидетельствуют о том, что основной демографической единицей в паштунских племенах считалась расширенная семья (*кор* = дом). Демографические показатели имели приоритетную значимость во взаимоотношениях племенных групп. Не случайно некоторые родовые подразделения в обиходе определялись числительными, обозначавшими количество их семей (например, дилазакский клановый союз *сисада* — ‘тридцать сотен’). Для авторов «Хроники» именно численность племенной группы являлась определяющим критерием оценки ее административно-политического влияния, военной силы и хозяйственного потенциала.

Притула А. Д. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

«О, горлинка, куда направляешься ты?» Персидское влияние в сирийской поэзии эпохи Ильханидов

До недавнего времени сироязычная поэзия периода так называемого Сирийского Ренессанса (XI–XIV вв.) не особенно привлекала внимание исследователей, поскольку считалась вторичной по сравнению с мусульманской: арабской и персидской. Действительно, если произведения сирийской литературы классического периода (IV–VII вв.) можно считать полностью самобытными, то после арабского завоевания все отчетливее заметны привнесенные влияния. Тем не менее, сирийская литература не утеряла своего своеобразия и, как показали исследования последних лет, находилась в поиске новых форм, обогащая свои традиции поэтическими достижениями соседних

культур. Среди наиболее заметных фигур этой эпохи — восточносирийский поэт Ḵāmīšbar Ḳardāḫē (конец XIII — начало XIV в.), экспериментировавший в области формотворчества и ритмики, активно использовавший, например, четверостишия (аналог *рубā'ӣ*), а также стихи, напоминающие персидские *газели*.

В разделе *сбгӣт* (коротких строфических стихотворений) этого литератора в нескольких списках присутствует стихотворение, представляющее собой обращение к птице *ṣӯṣлā* (дикий голубь, горлица), символизирующей, как следует из рукописных заголовков, человеческую душу. Центральная тема стихотворения — отлет птицы, т. е. исход души из тела, что тоже указано в заглавии. Таким образом, стихотворение написано от лица умирающего тела, сокрушающегося о грядущей смерти и страшащегося неопределенности в загробной жизни. Ранее данное произведение не издавалось и не изучалось.

В самом раннем списке сборника того же поэта находится любопытное стихотворение, каждое полустишие которого состоит из семи слогов. Этот ранее неисследованный текст также иллюстрирует сложные литературные процессы, происходившие при дворе Ильханидов. Известно, что христианские литераторы принимали в них деятельное участие благодаря религиозной толерантности монархов. С этим связаны поиски новых форм в сирийской поэзии в этот период, приведшие к заметному изменению ее характера.

Харатишвили Г. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Об одной учебной практике студентов Восточного факультета

Последние несколько десятилетий существования СССР на кафедрах Иранской филологии и Истории стран Ближнего Востока Восточного факультета ЛГУ (СПбГУ), в летние месяцы (5 недель) студенты проходили учебную практику в бывших Советских республиках: иранисты и афганисты — в Средней Азии, в основном в Таджикистане и Узбекистане, арабисты — в Дагестане, туркологи — в Азербайджане и Грузии. Учебная группа насчитывала от 5 до 10 человек, причем студенты получали на поездку из казны университета пособие (примерно 75 рублей).

Так, летом 1970 г. студенты IV курса кафедры Иранской филологии и я, студентка IV курса группы История Ирана, с целью изучения памятников мусульманской культуры проходили учебную практику в Средней Азии и посетили: Бухару, Самарканд, Гиждуван, раскопки древнего города Пенджикент, Душанбе, Куляб. Мы знакомились с древними памятниками зодчества: мав-

золеями, мечетями, медресе и с другими архитектурными постройками тех мест; пытались прочесть арабские надписи на их стенах, восхищались работой археологов в Пенджикенте, а на протяжении двух недель, проведенных в Дашти Джуме Куляба, разговаривали на таджикском языке с местным населением и получили хорошую языковую практику.

Хотелось бы верить, что подобные поездки студентов на учебную практику возобновятся на Восточном факультете, поскольку она много дает студентам с точки зрения изучения мусульманской культуры, этнографических особенностей и языков народов региона.

Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Неизданный парфянский фрагмент из Отдела рукописей и документов ИВР РАН

В конце XIX — начале XX вв. в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан) были обнаружены манихейские рукописные фрагменты на среднеиранских языках, в том числе на парфянском, датируемые VIII–X вв. Большая часть парфянских документов хранится в Берлине, небольшая — в Институте восточных рукописей (ИВР). Парфянских фрагментов среди манихейских документов ИВР чуть более десятка: это небольшого формата отрывки из гимнов, написанные черной тушью на грубой темножелтой бумаге[1].

Однако в ИВР под шифром SI 5576 имеется еще один достаточно большой (8,5 × 12,6 см), до сих пор неизданный парфянский фрагмент плохой сохранности, написанный на обороте китайской рукописи, что обычно для манихейских документов. Он содержит 12 строк, около 45 знаков на строке; поля справа и слева, верхняя правая часть листа и правая нижняя часть листа (возможно, 3 строки) оборваны. В отличие от других документов этот написан на тонкой темножелтой бумаге с поперечными узкими линиями, хорошо заметными на просвет, тонким курсивным почерком, и не тушью, а чернилами, причем такого состава, в котором содержатся соединения, со временем подвергающиеся окислению и разъедающие бумагу. Поэтому строки данного фрагмента имеют вид «кружев», и читать зачастую приходится не слова, а плохо различимые контуры пропавших слов. Бумага, чернила и почерк показывают, что данный текст поздний. Разобрать можно около 40 слов. Это прозаический текст, написанный от первого лица. В нем упоминается имя основателя религии Мани, и, возможно, содержится рассказ о миссионерской деятельности манихеев.

[1] Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введ., транслитерация, пер., коммент., прил. О. М. Чунаковой. М., 2011

Турфанские фрагменты предоставляют ценный материал для исследования манихейской религии, жизни восточноманихейской общины и изучения среднеиранских языков, в том числе парфянского.

Ястребова О. М. (ВФ СПбГУ; РНБ, Санкт-Петербург)

О заказчике рукописи персидского перевода истории ат-Табари и об авторе четверостиший из антологии «*Сафина-йи Табриз*»

В известной антологии 1321–1323 гг. Абу-л-Маджда Мухаммада б. Мас'уда ат-Табризи, изданной факсимильно в 2001 г. под названием «*Сафина-йи Табриз*» содержится подборка стихотворений в жанре *руба'и* «*Хуласат ал-аш'ар фи-р-руба'ийат*», подготовленная самим составителем сборника[1]. Два четверостишия из подборки приписаны некоему Са'д ад-дину Варавиджи. Саййид 'Али Мир-Афзали в своей статье задал вопрос: не является ли их автор известным переводчиком «*Марзбан-наме*» на персидский Са'д ад-дином Варавини?[2] Са'д ад-дин Варавини, родом из селения Варави (современный Мишгиншахр) в окрестностях Ардабиля, посвятил свой перевод «*Марзбан-наме*», созданный между 607/1210 и 622/1225 гг. Рабиб ад-дину Абу-л-Касиму Харуну, вазиру атабека Азербайджана.

В жизнеописании суфийского шейха Абу-л-Фатха Исхака Сафи ад-дина Ардабили (1252–1334) упоминаются персонажи, носившие такую же *нисбу*, что и автор руба'и — 'Али Варавиджи и Шамс ад-дин Варавиджи[3]. Это, скорее всего, свидетельствует о распространенности именно такой формы *нисбы* в конце XIII — начале XIV в. применительно к выходцам из Варави.

Имя Са'д ад-дин Варавиджи встречается в экслибрисе рукописи персидского перевода «*Тарих ар-русул ва-л-мулук*» ат-Табари (РНБ, Дорн 266). Этот список не имеет даты, но особенности орфографии говорят о том, что он не мог быть создан позднее XIV в. Надпись с именем заказчика расположена в *шамсе*, в бегущей по кругу ленте, и гласит: «Для библиотеки *садра*, великого господина […] счастья государства и веры (Са'д ад-даула ва-д-дин) Ас'ада б. Аухада ал-Варавиджи».

---

[1] Safina, Abu'l Majd Muhammad ibn Mas'ud Tabrizi. *Safineh-ye Tabriz*: A treastury of Persian literature. Tehran University Press, 2001. P. 593–612.

[2] Мир-Афзали, Саййид 'Али. *Мукайиса-йи руба'ийат-и ду маджму'а-йи кухан: «Нузхат ал-маджалис»-и Джамал-и Халил-и Ширвани ва «Хуласат ал-аш'ар»-и Абу-л-Маджд-и Табризи* // *Нашр-и даниш*. 20 (4), 1382. С. 36–42. С. 41.

[3] Ибн Баззаз Ардабили. *Тавакkул ибн Исма'ил. Сафват ас-сафа дар тарджама-йи ахвал ва ахвал ва карамат-и шайх Сафи ад-дин Исхак Ардабили / Мукаддима ва тасхих: Гулам-Риза Табатабайи-Маджд. Тихран: «Зарйаб»*, 1376. I, 295.

Элементы оформления рукописи (круглый медальон *шамса* на первой странице и заставка-*ʻунван* в начале текста) не вписываются в стилистику художественных школ середины и конца XIV в., что, вероятно, указывает на более раннюю дату создания книги. Четверостишия Саʻда Варавиджи должны были быть созданы до 1321–1323 гг. (годы создания антологии), и следовательно, их автор должен был жить не ранее первых двух десятилетий XIII в., что позволяет нам в свою очередь задать вопрос: не тождественен ли он заказчику рукописи перевода истории ат-Табари, Саʻд ад-дину Асʻаду б. Аухаду ал-Варавиджи?

СЕКЦИЯ III.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Алиева Лятифа (Архив политических документов УД Президента Азербайджана, Баку)

Историография «женских исследований» в Азербайджане

Историографию женского вопроса в Азербайджане можно разделить на три периода:

Первый период (1920–1940-е гг.) характеризуется появлением книг, брошюр и статей, в которых обобщается первоначальный опыт партийной работы с женщинами. Их недостатками были декларативность, недостаточность документальной базы и т. д.

В 1950-е — начало 1990-х гг. появляются исследования, анализирующие процессы приобщения женщин к общественному производству, деятельность партийного аппарата по работе среди женщин и др. В таких исследованиях освобождение женщины рассматривалось как важнейшее завоевание Октябрьской революции. В этом плане характерны работы А. Султановой, которая была автором свыше 30 публикаций по истории женского движения. Советская доперестроечная историография характеризуется тем, что проблема женщин рассматривалась как составная часть классового анализа общества.

В начале 1990-х годов после получения независимости в Азербайджане происходит смена историографической традиции и появляются новые направления. Женской теме стало уделяться место в фундаментальных и обобщающих исследованиях, из которых наибольший интерес представляют труды С. Мамедова. В работах А. Гасымовой, посвященных проблемам женщин в печати Азербайджана в начале XX века, исследуется первая женская газета «*Ишыг*» (Свет). Проблеме вовлечения женщин в органы государственной

власти в Азербайджанской Советской Республике посвящена монография историка А. Мурадовой.

Появились работы историков, посвященные развитию женского движения в различных регионах Азербайджана. В монографии С. Аббасовой исследуется развития женского движения в Нахчыване. Значительный интерес представляют исследования ученых, затрагивающие отдельные аспекты женского вопроса. Среди них особого внимания заслуживают монографии С. Сулеймановой и Х. Мамедова об общественно-политическом и национальном движении в Азербайджане, где рассматривается участие женщин в этом движении. Появление в последние годы новых исследований гендерного аспекта истории Азербайджана является показателем роста научного интереса к данной теме.

Асадуллаева Н. Ф. (НАНА, Баку)

Творчество Гусейна Джавида в источниках 1920–1930-х годов

Азербайджанская литература XX века отличается разнообразием тем, идей и жанров как в реалистическом, так и в романтическом направлениях, формируется как традиция, обогащенная новыми и оригинальными особенностями.

Критики, писавшие отзывы на произведения великого деятеля азербайджанского романтизма Гусейна Джавида (1882–1941) при его жизни, в отличие от последующих исследователей его творчества, оценивали произведения поэта и характерные особенности отдельных его образов не с точки зрения исследования принципов романтизма, а с точки зрения личности самого поэта, его субъективной позиции.

Общей идеей многочисленных претензий, предъявляемых к произведениям Г. Джавида в литературной критике 1920–1930-х годов, была связь поэта с романтизмом. По мнению критиков этого периода, романтизм был не в состоянии правильно отразить современный революционный этап развития общества.

Характерна дискуссия о произведении Г. Джавида «Шейх Санан». И при жизни поэта, и в последующий период о нем было написано много противоречивых отзывов. Одни критики видели в этом произведении элементы атеизма, другие говорили о наличии в нем религиозной пропаганды. В одной из книг, изданных в 1930-х годах, «бойцовский характер» Шейха Санана связывался с его исламскими идеями[1]. Если в 1930-х годах Шейх Санан оценивался как поборник ислама, то в 1960–1970-х годах стал уже атеистом.

[1] *Джахангиров И.* Азербайджанский театр Бадаи им. Буньятзаде. Баку, Азернешр, 1930. С.168.

В 1920–1930-х годах в связи с поэмой «Азер» Г. Джавида издаются статьи А. А. (Асада Аййуби) «Джавид и бунт» (1929) и И. Мирзы «О последнем творческом периоде Г. Джавида» (1933). В обеих статьях Г. Джавид оценивался как «видный представитель реакционной буржуазной идеологии»[1].

Как видно, исследователи, однобоко оценивавшие произведения Г. Джавида, не учитывали творческий метод романтизма, к которому принадлежал поэт, и в своем анализе основывались, в основном, на социальных аспектах его творчества.

Багдасарян С. Г. (ФГОУ СОШ № 21 МО РФ, Ереван),
Погосян (Хахбакян) Г. Г. (ЦОСИ при Аппарате Президента Армении, Ереван)

Дополнение Кемпфера к традиции об Акопе Мцбнеци и армянском храме Шамахи

Немецкий ученый Энгельберт Кемпфер был включен в качестве секретаря в состав посольства шведского короля Карла XI, возглавляемого Людвигом Фабрициусом и направляемого через Московию в Персию к шаху Сефи II. Цель посольства — заключение торговых договоров, сроки посольской миссии — 1683–1686 гг. Посольство, проходя по маршруту Низабад — Шамаха и далее, остановилось в Шамахе в декабре 1683 г. и выехало оттуда 4 января 1684 г. Собранный Кемпфером во время путешествия материал был опубликован в Лемго в 1712 г. в виде отдельных очерков.

В одном из очерков, после рассказа о ковчеге Ноя, он вкратце передает известную традицию об одном из первых деяний Св. Акопа Мцбинеци[2] — об обретении им частицы древа Ковчега. Здесь он повествует о том, что «на нем был вырезан крест, и *хранился он в храме Шамахи* (Sjamachiæ), а затем был унесен архиепископом монастыря Эчмиадзин (Ets miasin)»[3].

---

[1] *Мирза И.* О последнем творческом периоде Г. Джавида / Газета «Коммунист», Баку, 23 апреля. 1933.

[2] Акоп Мцбнеци — двоюродный брат Св. Григория Просветителя. Епископ Мцбина (с 314 г.). Возведен в лик святых Армянской Апостольской церковью. Почитаем православной церковью как Иаков Низибийский. Известны 18 слов, писанных им на армянском языке по просьбе святого Григория, просветителя Армении.

[3] Amoœitatam exoticarum Politico-Physico-Medicarum, Fasciculi V, Quibus continentur Variæ Relationes, Observationes & Descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiæ, multâ attentione, in peregrinationibus per universum Orientem, collectæ, ab Autore Engelberto Kæmpfero, D. — Lemgoviæ, 1712. P. 428–429. *Погосян (Хахбакян) Г. Г.* Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I (XV–XVII вв.). Ереван, 2013. С. 109–112, 145–149.

Частица Ноева ковчега, помещенная в складень-реликварий, на самом деле ныне хранится в сокровищнице Армянской Апостольской церкви в Святом Эчмиадзине. Однако интерес вызывает то, что факт хранения частицы Ноева ковчега в *храме Шамахи* отсутствует в традициях как православной церкви, так и армянской апостольской церкви. Тем не менее, данная информация весьма любопытна и указывает на достаточно раннее наличие армянской церкви и ее адептов в Шамахе.

Везирова И. Г. (ИР НАНА, Баку)

К истории приобретения рукописи «*'Аджа'иб ал-махлукат*» из коллекции Библиотеки Салтыкова-Щедрина

Жизненный путь и служба основоположника азербайджанской историографии Аббаскули аги Бакиханова тесно связана с политической и литературной средой царской России XIX в. Благодаря знанию арабского, персидского и русского языков, а также благородному происхождению он был приглашен в Канцелярию Наместника Кавказа переводчиком восточных языков при графе Паскевиче, а затем при бароне Г. В. Розене.

Обладая энциклопедическими знаниями и незаурядными способностями, А. Бакиханов «был употреблен по части дипломатической» и «ему сделались известны сношения в Персию и весь ход нашей Персидской политики» (Ф. 1, ед. хр. 2, письмо графа К. В. Нессельроде от 29/VI-1834 г.).

Материалы личного фонда А. Бакиханова дают основание считать, что царские чиновники доверяли ему покупку «полновесных иранских туманов взамен контрибуционного золота» и покупку редких рукописей.

Из дела (ш. Ф-1, ед. хр. 3), на котором стоит печать НКВД, становится известным, что в числе книг, «требуемых по Высочайшей воле, последовавшей из С-Петербурга», А. Бакиханов приобрел рукопись «Аджаибуль-махлугат» за 37 руб. серебром у бакинского купца Мащади Хаджи-бабы, который сообщил, что с покупал ее с условием, если в течение года бывший владелец вернет деньги, «он должен безпрекословно возвратить ему оную книгу; ежели нет книги, на место оной 50 червонцев». Для придачи договору официальный характер, «сие условие утверждено в Бакинском городовом суде». При покупке А. Бакиханов дал слово «исходатайствовать в оной суд из Канцелярии Г. Главнокомандующего» с тем, чтобы по истечении двух лет уничтожить это условие как потерявшее силу. 16/11–1829 г. Канцелярия подает в Бакинский городовой суд записку майора и кавалера Аббас-Кули-Аги, прося, «сообразив все прописанные в записке обстоятельства дела, и произведя в чем следует дознание постановить на законном основании свое определение и доложить его Сиятельству».

Гаджиев И. (НАНА, Баку)

Бакинская нефтяная промышленность в годы Первой мировой войны (на основе материалов газеты «Нефтяное дело»)

Нефтяная промышленность была основной частью Азербайджанской экономики в начале XX века. Перед первой мировой войной Бакинская нефтяная промышленность испытывала кризис. Война еще более обострила ситуацию. Число рабочих, занятых в Бакинской нефтяной промышленности, сократилось, добыча нефти в Бакинских нефтяных промыслах уменьшилась. Добыча нефти в 1914 году составила 431 млн пудов, в 1917 году — 402 млн пудов. Несмотря на это, 80 % нефти, добытой в России в годы Первой мировой войны, приходилось на долю Бакинских нефтяных промыслов.

Газета «Нефтяное дело» была изданием Совета съезда нефтепромышленников Баку и публиковалась два раза в месяц с 1899 по 1920 годы в Баку. Материалы этой газеты являются ценным историческим источником по истории нефтяной промышленности Азербайджана. В данном докладе будет детально рассмотрена ситуация в бакинской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны на основе материалов газеты «Нефтяное дело».

Джавадова Эсмира (ИР НАНА, Баку)

Деятельность Гасан бека Меликова Зардаби в Бакинской городской думе (1897–1907)

Среди азербайджанских просветителей и представителей интеллигенции, живших и творивших во второй половине XIX — начале XX в., особое место занимает основоположник азербайджанской национальной печати, выдающийся общественный деятель, известный публицист, педагог, ученый-естествоиспытатель, знаток быта и культуры азербайджанского народа Гасан бек Меликов (литературный псевдоним — Зардаби).

В 1865 г. Г. Б. Меликов (1837–1907) окончил физико-математический факультет Московского Университета со степенью кандидата наук. Начиная с 1897 года до самого конца своей жизни Зардаби систематически избирался гласным Бакинской Городской Думы, был председателем ревизионной комиссии, постоянным членом училищной, садовой, медицинской комиссии, комиссии по водоснабжению, попечителем дома престарелых, а также членом попечительского совета Бакинкого женского русско-мусульманского училища имени императрицы Александры Федоровны.

Г. Б. Меликов был преданным защитником интересов народа и делал все возможное для улучшения благосостояния города. Он активно участвовал

в обсуждениях вопросов по открытию бесплатных больниц (для неимущего населения города), сиротских домов, жилищных домов, общественных читален и «дома книги», детских садов, домов для престарелых, для душевнобольных. Также он неустанно обращал внимание на вопросы улучшения состояния города, его озеленения, ночного освещения, соблюдения санитарных норм на улицах, в школах, содержание городских рынков в чистоте и порядке. Его всегда волновали злободневные вопросы жизни города: обеспечение городских жителей качественной питьевой водой, своевременный уход за канализационной системой, вопросы градостроительства (грамотная планировка, ремонт ветхих домов и т. п.) и многие другие вопросы.

В 1871 г. им было создано «Благотворительное общество», в 1905 г. — «Бакинское мусульманское благотворительное общество», в 1873 г. — «Национальный театр». В 1875–1877 гг. Г. Б. Зардаби издал первую газету на азербайджанском языке — «Экинчи» (Пахарь).

Следует отметить, что деятельность Г. Б. Меликова (Зардаби) в Бакинской городской думе исследуется впервые.

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Народное судопроизводство у абхазов в свидетельствах путешественников 2-й половины XIX в.

После присоединения Абхазии к России в 1810 г. изучением традиционного судопроизводства абхазов заинтересовались путешественники и военные, служившие на Кавказе, и в частности, в Абхазии. В результате в XIX в., особенно во второй его половине, появляются работы русских и зарубежных авторов о судебной системе абхазов.

Первым судопроизводство у абхазов описал Ф. Дюбуа де Монпере. Он касается тем кровной мести и разбирательства дел по разным преступлениям, структуры суда, роли старейшины, и говорит, что представители всех социальных слоев пользуются совещательным голосом.

П. Краевич в статье «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии» говорит о видах присяги: для православных и мусульман, а также в священной кузне[1]. Предлагается узаконить некоторые обычаи и поставить суды в зависимость от народных обычаев[2]. Он также описывает, как обычно-правовая система судопроизводства абхазов функционировала в пореформенный период. Он рекомендует властям ввести

[1] Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание Кавказского Горского Управления. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 37.

[2] Там же. С. 29.

Официальный порядок проведения судопроизводства[1]. К. Мачавариани в статье «Религиозное состояние в Абхазии» подробно описывает два вида присяги и наказания для ее нарушителей[2].

Одним из первых, кто подробно описал абхазский народный суд, является И. И. Аверкиев. Он дает описание суда, личности судьи, условий допуска к присяге, процедуру слушания дела, роль свидетелей в суде, в частности, разбирает вопрос, наказуем ли свидетель при даче ложных показаний[3].

Мамедова Р. М. (ИР НАНА, Баку)

Этнические изменения в Азербайджане в годы правления Надир-шаха

Согласно персоязычным источникам, Надир-шах широко проводил известную в Иране с давних времен политику переселения племен и народов из одной части страны в другую. Переселение проводилось не только в целях укрепления границ, освоения заброшенных земель, стимулирования торговли, но и в наказание за неуплату податей, участие в мятежах и восстаниях, а также для того, чтобы убрать «нежелательные» племена подальше от родных мест. Опираясь на ряд источников, можно заключить, что Надир-шах начал проводить такую политику задолго до своего коронования.

По сведениям М. М. Астрабади и М. Казима, в 1730 г. из Азербайджана в Хорасан было переселено 12 тыс. *ханеваров* (дворов) из племен афшар (2 тыс. *ханеваров* были из кырхлу, родного племени Надир-шаха), туркман, мукаддам. М. Казим сообщает о своем участии в 1737 г. в переселении людей из рода халилванд, одной из ветвей азербайджанского племени мукаддам, из Мараги (Азербайджан) в Келат-и Надири (Хорасан). Кроме того, встречаются сообщения о переселении каджаров зийадоглу и 6 тыс. семей из курдского племени шакаки. После дагестанской кампании 1741 г. Надир-шах, покоренный храбростью лезгин, переселил 4 тыс. *ханеваров* лезгинских племен из окрестностей Дамиргапы, Куралы, Губалы, Угурлу и Ахтабара в Мерв (Хорасан).

Согласно источникам, от миграционной политики Надир-шаха пострадало около 150 тыс. семей, переселенных из Азербайджана в Хорасан

[1] Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии. С. 37

[2] *Мачавариани К.* «Кутаисские ведомости 1889, №14» // Агуажба (Гожба) Р. Х., Ачугба Т. А. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.). Книга II. Сухум, 2008. С. 223; Мачавариани К. Народные меры против воровства скота. Газета «Новое обозрение», 1892, № 3048.

[3] С Северо-Восточного прибрежья Черного моря // Кавказ. 1866. № 70, 72, 74, 76, 77, 80, 81.

для укрепления новой столицы Мешхеда, защиты всего *вилайета* от приграничных набегов и освоения новых земель. Это не могло не отразиться на этническом составе *вилайета* Азербайджан, претерпевшем значительные изменения. Однако, по данным разных источников, переселенные кочевые племена (*илат*) после гибели Надир-шаха и развала его империи вернулись на свои родные земли — в Азербайджан.

Манышев С. Б. (ИРИ РАН, Москва)

Материалы Кизлярского комендантского архива об истории здравоохранения первой половины XIX в.

Архив Кизлярского коменданта состоит из 52 фондов, объединяющих 8 тыс. единиц хранения, основная масса которых отражает историю народов Северного Кавказа за полуторовековой период. Наибольшее количество документов об истории здравоохранения сосредоточенно именно в фондах этого архива, ныне находящихся в составе Центрального государственного архива Республики Дагестан.

Среди документов указанного архива можно встретить и обращения местных лекарей с просьбой на официальное разрешение для занятий врачеванием. Небольшое количество сведений в документах сохранилось об истории фармации. В Кизляре во время холерной эпидемии 1830 г. дворянином Одольским была открыта вольная аптека. В январе 1839 г. провизору Фрозе медицинским департаментом Министерства внутренних дел было дозволено открытие вольной аптеки в городе Кизляре вместо закрытой аптеки провизора Грабовского. 20 апреля 1838 г. в Кизляре, согласно распоряжению Ставропольского комиссариатского депо, был учрежден военно-временный госпиталь на 100 человек. В городе Кизляре существовала городская больница, находившаяся в ведении городского приказа общественного призрения.

Работа оспенного комитета, действовавшего, по крайней мере, с 1811 по 1862 годы, и вакцинация детей отражена в журналах его заседаний, а также поименных списках привитых детей, сосредоточенных в фонде 338 «Кизлярский уездный оспенный комитет Ставропольской губернии». Кроме того, материалы об оспопрививании в Кизляре и казачьих станицах с середины 1840-х гг. фрагментарно в виде ежемесячных рапортов оспопрививателей на имя городового врача сохранились и в фонде 346 «Кизлярский уездный врач Ставропольской губернии».

Большое количество эпидемий в регионе вызывало необходимость открытию карантинных застав. В архиве сохранилось большое количество материалов Кизлярской карантинной конторы.

Мохсун Нагисойлу (ИР НАНА, Баку)

О сочинении «*Рийаз ал-кудс*» А. Бакиханова и его персидском источнике

Одним из первых сочинений выдающегося азербайджанского поэта, ученого-энциклопедиста и мыслителя Аббас-Кули-ага Бакиханова (1794–1846) является сочинение «*Рийаз ал-кудс*» («Священный сад»), посвященное жизнеописанию пророка Мухаммеда, его дочери Фатимы, ее мужа Али и их прямых потомков-*имамов*, считающихся в шиизме святыми. Данный труд был написан А. Бакихановым на родном языке *тюрки* в 1820 г. в городе Кубе. Основная часть сочинения написана рифмованной прозой (*садж*), которая сопровождается стихотворными отрывками самого автора. «*Рийаз ал-кудс*» состоит из 14 глав, в которых описываются горестные эпизоды из жизни вышеназванных святых. В сочинении большое место уделяется описанию кровавых событий, связанных с трагической гибелью имама Хусейна в Кербеле.

Труд «*Рийаз ал-кудс*» дошел до нас в единственной рукописи, которая хранится в Институте Рукописей НАНА, переписанной в 1258/1842 г. в Карабаге. В предисловии имеются заметки А. Бакиханова о том, что «*Рийаз ал-кудс*» является свободным сокращенным переводом сочинения «*Джала' ал-'уйун*» («Блеск очей») Мухаммеда Багира Меджлиси, крупного шиитского богослова XVIII в., автора свыше 60 сочинений, посвященных пропаганде шиитских идей.

Несмотря на это, до недавнего времени «*Рийаз ал-кудс*» считался оригинальным произведением А. Бакиханова. Как показало сравнение текстов этих двух сочинений, впервые проведенное нами, «*Рийаз ал-кудс*» действительно является сокращенным свободным переводом сочинения «*Джала' ал-'уйун*», написанного на персидском языке. Любопытно, что А. Бакиханов в своем известном труде «*Гюлистан-и Ирам*» называет «*Рийаз ал-кудс*» своим оригинальным сочинением, что, на наш взгляд, можно объяснить сущностью традиционного перевода, сильно отличавшегося от современного представления об этом искусстве.

В языке и стиле «*Рийаз ал-кудс*» также чувствуется влияние аналогичного по содержанию сочинения М. Физули «*Хадикат ас-су'ада*» («Сад счастливых»), написанного на *тюрки*.

Нюшков В. А. (Абхазский институт гуманитарных исследований, Сухум)

К истории Анакопийского сражения в Абхазии

Одним из наиболее драматических событий в истории Абхазии и Западного Закавказья является Анакопийское сражение. О нём нам становится известно

благодаря скупым летописным строкам, которые повествуют о самоотверженной борьбе закавказских народов (абхазов и картвелов) с «сарацинами», пытавшимися захватить весь Южный и Северный Кавказ во главе с арабским военачальником Мерваном ибн Мухаммадом. С его именем неразрывно связана история арабских завоеваний на Кавказе.

Между тем, анализ событий, изложенных в средневековых арабских источниках, нередко ставит перед нами проблему соотношения описания и датировки этих событий с датировками, упоминаемыми в иных (не арабских) источниках. В данном случае это может относится и к Анакопийскому сражению, разыгравшемуся у стен одноимённой крепости. Так, фиксируемая в историографии датировка сражения определяется как 737–738 гг., что не коррелирует с началом похода Мервана в Хазарию, поскольку, «к началу 737 г. Мерван окончательно замирил Закавказье и был готов к решительной схватке с хазарами».

Следует заметить и другое: сведения об этом сражении сохранились только в двух древнегрузинских письменных источниках: это «Житие и деяния Вахтанга Горгасала» Джауаншера Джуаншериани и раннесредневековое анонимное сочинение «Мученичество Давида и Константина». По их противоречивым сведениям, Мерван ибн Мухаммад обошел все земли Кавказа, разорил Восточную и Западную Грузию, преследуя грузинских картлийских царей Мира и Арчила, которые бежали в Абхазию.

В тоже время, не может не настораживать тот факт, что арабские хроники, подробно описав значимые походы Мервана, ни слова не упомянули о грандиозном походе арабского военачальника в Западное Закавказье, да и о самом Анакопийском сражении. Странно и другое: об этом событии молчат византийские и армянские авторы раннего средневековья. Можно предположить, что наиболее значительные военные действия, проводившиеся арабами в Западном Закавказье, грузинские писатели связали с именем Мервана, вошедшего в грузинскую историческую память как жестокий арабский военачальник.

Задачей доклада является попытка на основании анализа имеющихся источников оценить степень, реальности данного события, его возможных участников и датировку.

Погосян (Хахбакян) Г. Г. (Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, Ереван)

К изучению страны *Да(й)аэни-Диау(э)хи* по ассирийско-биайнским источникам

В докладе речь пойдет о территории упоминаемой в армянской историографии под названием Тайк, первые писаменные свидетельства о которой

встречаются в ассирийских, а затем и биайнских (урартских) клинописях как о стране называемой «Дайаэни» или «Даяени» в ассирийских, и «Диаухи» или «Диауехи» в биайнских.

Нами рассмотрены надписи времен правления ассирийских царей Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.) и Салманасара III (859–824 гг. до н. э.), а также биайнских царей Менуа (810–780 гг. до н. э.) и Аргишти I (786–767 гг. до н. э.).

Резюмируя ассиро-биансий период упоминаний можно сказать следующее:

1) первоначально страна входила в состав военно-политического союза 23-х;

2) как минимум, была одной из лидирующих в союзе;

3) после усиления Биайнили пыталась вести независимую политику, создав свой союз;

4) была весьма богата залежами золота, серебра и меди;

5) нам известны названия трех городов: *Шашилу(ни)* — царский город, *Зуа(ина)* и *Утуха*;

6) нам известны имена трех царей:

- *Сени* ~1111 г. до н. э.;
- *Асиа* ~846 г. до н. э.;
- *Утупурши(ни)* ~809–785 гг. до н. э.

Проанализировав тексты, с большой долей уверенности можно утверждать, что в ряду «центров кристаллизации» армянского этноса *Да(й)аэни-Диау(э)хи* занимает более раннее положение, чем *Биайнили*.

Родионова Е. М. (Петербургский Институт Иудаики, Санкт-Петербург)

Конструирование образа «настоящей армянки» в русскоязычной виртуальной среде

Конструирование и поддержание образа *настоящей армянки* — один из важнейших механизмов формирования, изменения и поддержания армянской идентичности в условиях инокультурного окружения. В нашем докладе речь пойдет о русскоязычных социальных сетях, в частности, о соцсети «В Контакте», в которой имеется большое количество групп, посвященных армянской идентичности[1].

Наше исследование, как и практически все современные исследования этнической идентичности и взаимоотношений иммигрантских общин и принимающего общества проведено в русле конструктивизма. В случае с изучением

[1] http://vk.com/iskakan_hay, http://vk.com/the_true_armenian_women, http://vk.com/true_armenian_girl, http://vk.com/armenia_rus, http://vk.com/armsch и др.

виртуальной среды, дополнительным смыслом наполняется термин Бенедикта Андерсона «воображаемые сообщества»[1].

В условиях проживания в диаспоре, национальная идентичность нуждается в искусственной поддержке. Армяне, составляющие аудиторию армянских русскоязычных групп в соцсетях, стараются узнать больше об армянской истории и культуре и тем как бы повысить, усилить свою *армянскость*. При этом в виртуальном пространстве, *традицией* могут объявляться практики или представления, значительно отличающиеся от тех, что можно наблюдать в Республике Армения.

Среди важнейших качеств *настоящего армянина* нужно упомянуть стремление к моноэтничности браков, владение армянским языком или изучение его. В этой связи особое значение приобретают гендерные аспекты социализации. Важную роль играет образ *настоящей армянки*, к соответствию которому должны стремиться армянские женщины. Армянские мужчины становятся своеобразными экспертами, с помощью идеала нормирующими поведение реальных женщин. Особую важность имеют такие сферы жизни, как материнство, сексуальное поведение (целомудрие до брака и верность в браке), скромность в поведении и манере одеваться, отказ от брака с инородцем, твердость в христианской вере и даже стремление готовить национальную пищу.

В целом, приемы конструирования образа *настоящей армянки* в русскоязычной виртуальной среде являются интересным примером подхода к гендерным и этническим идентичностям в постсоветском пространстве.

Сулаев И. Х. (Дагестанский ГУ, Махачкала)

Али Каяев как историк гражданской войны в Дагестане

Али Каяев (1878–1943) — один из крупнейших мусульманских педагогов-просветителей (араб. *мударрис*) и учёных-энциклопедистов Дагестана конца XIX — первой половины XX в. — оставил заметный след в истории духовной культуры Дагестана. Он родился в лакском ауле Кумух Кази-Кумухского округа Дагестанской области. В течение 15–20 лет Каяев учился у авторитетных дагестанских, татарских, арабских учёных-*алимов* и получил хорошее мусульманское и светское образование. Он был одним из первых на Кавказе реформаторов мусульманского образования (*ал-джадидийя*), который открыл и содержал собственное медресе такого плана на протяжении многих лет.

В 1913–1918 гг. он редактировал в столице Дагестанской области — городе Темир-Хан-Шуре газету «Джаридату Дагестан». Али Каяев в годы гражданской войны находился в гуще всех общественно-политических событий и принимал

[1] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.

участие во всех крупных съездах и совещаниях, проводимых Дагестанским Областным исполнительным комитетом, состоял его членом. В 1919–1921 гг. дагестанские социалисты и большевики привлекают Али Каяева на свою сторону. Он как авторитетный знаток мусульманских наук должен был содействовать привлечению горцев к установлению Советской власти.

В Центральном государственном архиве Республики Дагестан мы обнаружили сочинение Али Каяева «Гражданская война в Дагестане», переведённое на русский язык неизвестным автором. Мы полагаем, что это сочинение написано Каяевым по предложению (просьбе) Комиссии по изучению истории революции и гражданской войны в Дагестане не ранее 1933 года. События описаны автором, конечно же, под определенным углом зрения, в угоду победителям, но они сильно расходятся с официальной историографией гражданской войны в Дагестане. Полный текст сочинения Каяева по гражданской войне в Дагестане нам пока найти не удалось.

Тимохин Д. М. (ФГБУН ИВ РАН, Москва)

Источники о границах державы Джалал ад-Дина Манкбурны на Южном Кавказе в 1225–1231 гг.

Вопрос о границах хорезмийского государства на Южном Кавказе в 1225–1231 гг. продолжает оставаться одним из практически неизученных аспектов истории этой державы. На достаточно короткий, по историческим меркам, срок с 1225 по 1231 год государство Джалал ад-Дина Манкбурны становится одним из важнейших элементов политической системы Южного Кавказа, однако практически ни одного исследования, специально посвященного изучению формирования границ данной державы до сих пор нет. При этом исторические источники предлагают подробное описание не только формирования границ хорезмийского государства на Южном Кавказе, но и динамики их изменения. Речь идет о сочинениях средневековых авторов различной этнической, религиозной и культурной принадлежности. Так, можно выделить арабо-персидские, грузинские и армяноязычные[1] исторические источники. Это позволяет рассматривать интересующую нас проблематику

[1] Данный термин используется по причине того, что вопрос относительно этнической принадлежности отдельных историков и первоначальной редакции некоторых памятников, в частности труда Киракоса Гандзакеци, до сих пор остается дискуссионным. Подробнее см.: Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948. Т. 1. С. 310–314.; Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 гг.). Баку, 1978. С. 55, 194; Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). Баку, 1986. С. 31–32; Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. С. 88–97.

с учетом различных точек зрения, нашедших свое отражение в указанных группах источников.

В рамках данного доклада на основании информации из источников анализируется динамика изменения границ государства Джалал ад-Дина Манкбурны на Южном Кавказе, а так же выявляются «реальные» и «номинальные» границы хорезмийской державы, то есть территории, которые хорезмийцам удалось завоевать и контролировать, и те земли, которые были завоеваны, но систематический контроль и управление ими в реальности не осуществлялся. Изучение данной проблематики позволит исследователям лучше понять, что представляла собой держава последнего хорезмшаха и его военные действия на Южном Кавказе.

Фарзалиев А.М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Южный Кавказ в османской дипломатике конца XVI в.

История Южного Кавказа и его взаимоотношений с Османской империей в конце XVI века является одной из малоизученных проблем в современной науке. Это во многом объясняется тем, что до сих пор для освещения этого периода недостаточно привлекались материалы, содержащиеся в османской дипломатической корреспонденции.

В этот период на территории Южного Кавказа происходили военные действия между Османской империей и Сефевидским государством. Османскую армию возглавлял Дала Мустафа паша, который был известен своим завоеванием Кипра. В качестве секретаря и сочинителя при командующем был знаменитый турецкий историк и поэт Мустафа Али эфенди. Все победные реляции, а также дипломатическая переписка со стороны османского руководства в этот период вышли из-под его пера. Позже вся эта переписка вошла в его книгу под названием «Нусрет-наме» («Книга о победах»). В. В. Бартольд указал на ценность сведений «Нусрет-наме», однако с большим сожалением отмечал, что не смог воспользоваться этим произведением из-за его недоступности.

Нами было изучено содержание дипломатической переписки Османов, включенной в «Нусрет-наме» Мустафы Али эфенди, хранящейся в Венской Национальной библиотеке. Исследование «Нусрет-наме» показывает, что османы перед походом на Южный Кавказ в 1578 году начали налаживать дипломатическую переписку с правителями Крыма, Ширвана, Дагестана, Грузии, Чукур-Саада, Ревана и Нахичевана.

В этих письмах, адресованных вышеуказанным правителям, от них требовалось совместное участие в войне против Сефевидов, поддержка провизией османской армии, послушание и покорность. В письмах особенно подчеркивалось, что в случае удачного завершения похода османская сторона

обещает этим правителям покровительство Османской империи, управление завоеванными землями, подарки и почести, а в ряде случаев – помилование некоторым из их близких.

По словам Мустафы Али эфенди, эта дипломатическая корреспонденция вскоре принесла свои плоды: от кавказских правителей стали приходить сообщения об их согласии принять непосредственное участие в войне против Сефевидов, о помощи и поддержке в обеспечении провизией османской армии.

Таким образом, изучение, наряду с нарративными источниками, дипломатической корреспонденции Османов в конце XVI века и введение ее в научный оборот устранит некоторые пробелы в изучении истории завоевания османами Южного Кавказа.

Ярмамедов Н. Х. (ИР НАНА, Баку)

Азербайджанская рукописная книга XIX века

Азербайджанская рукописная книга — исторический феномен, вобравший в себя элементы многих известных культур народов Востока, — справедливо считается важной составной частью мировой культуры. Особый интерес вызывают рукописные книги на турецком, персидском и арабском языках.

Одним из спорных и трудных вопросов является определение границ азербайджанской рукописной книги. Независимо от языковой принадлежности, азербайджанскую рукописную книгу целесообразно разделить на несколько групп:

1) рукописные книги азербайджанских авторов;

2) рукописные книги авторов — представителей других народов;

3) рукописные книги, созданные в других странах и заново переписанные в Азербайджане;

4) рукописные книги, созданные в других восточных странах, хранящиеся в публичных и личных библиотеках Азербайджана;

5) рукописные книги, написанные на ином языке, переведенные в средние века на тюркский — азербайджанский язык.

При изучении азербайджанских рукописных книг XIX в. особое внимание следует уделять анализу общественно-политической и историко-культурной среды, обусловившей развитие азербайджанской рукописной книжной традиции в этот период; выявлению роли школ, медресе, библиотек и т. п. в создании и распространении рукописных книг; изучению соотношения печатной и рукописной книги; анализу формы азербайджанской рукописной книги XIX в. (бумага, чернила, почерк и его разновидности, художественное оформление и т. п.)

СЕКЦИЯ IV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

Абланова Э. А. (КГУТИ им Есенова, Актау)

Некоторые аспекты переселенческого движения в Мангистау (Мангышлак) в контексте колонизационных мероприятий российского государства в 1-й пол. XIX в.

В первой половине XIX века Российская империя с целью укрепления власти и расширения сферы административного влияния принимает решение о строительстве военного укрепления на побережье Каспийского моря с дальнейшим его заселением по преимуществу русскими переселенцами. Проникновение вглубь данной территории и установление полноправной власти над кочевыми народами явилось одним из важных стратегических задач внешней политики России, что приводит к возрастанию русских поселений на полуострове Мангышлак и Бозашы.

В 1849 году в правое побережье Тупкараганского залива были заселены 15 семей из казачьих войск Дедуровка и Кардаиловка Оренбургской губернии, из Саратовкой губернии — 15 семей, в 1850 году — 5 семей, в 1853 году — еще 5 семей. Правительство предоставило им кровельные шестистенные каменные дома с каменной печью. Строительством домов занимались военнослужащие форта Александровск и приезжие казаки. Согласно ст. 700, 702, 705 Закона Российской империи от 1851 г. русским переселенцам было разрешено пользование площадью в 150 куб. км морской воды Тупкараганского залива сроком на 10 лет, который позже был продлен до 1912 года.

Численность русских переселенцев из России в Мангистау в 1849–1858 гг.

Год	Количество семей	Место прибытия
1849	12	Казаки из Оренбурга
1849	3	Крестьяне из Саратова
1850	5	Крестьяне из Саратова
1853	5	Крестьяне из Саратова
1857	1	Семья из Самарска
1857	21	Казаки из Оренбурга
1858	2	Казаки из Оренбурга

В 1846–1858 гг. в Мангистау переехали 49 русских семей, общая численность которых на 1 июля 1862 г. достигла 360 человек (мужчины — 198, женщины — 162), что составило 7,5 человек на каждую семью. При их непосредственном участии была построена станица Николаевская в окрестностях первого оседлого поселения Ново-Петровска. Вблизи станицы расположилась Армянская слободка для налаживания торговых отношений с казахами. Преобладающую численность русских переселенцев составили малоимущие семьи, проживающие за счет государственных дотаций. В Николавскую станицу были заселены 49 семей, из которых 34 семей составили казаки, остальные 15 — крестьяне. Разрешение генерала-губернатора Оренбургской губернии для заселения в Мангистау для прибывших позже переселенцев предоставлялось после предъявления справки об их имущественном положении, выданной местными органами управления и установления факта наличия определенных средств на ведение хозяйства.

Адамбаева Г. М. (КГУТИ, Актау)

О распространении православной миссионерской литературы в казахской степи

Во 2-й половине XIX в. в казахской степи особенно активно проводилась русификация и миссионерская политика Русской Православной Церкви. Существенную роль в православном миссионерстве играли Казанская Духовная Академия, Братство Святого Гурия, а так же русские ученые-ориенталисты. С первых дней деятельности Киргизской духовной миссии становится важным вопрос перевода христианской литературы на киргизский (казахский) язык, поскольку перед миссионерами стояла задача распространения православной веры в казахской степи. Безусловно, для достижения этой цели необходимо было «истину слова Божьего» передать соответствующим словом на казах-

ском языке. На базе созданной миссионерами письменности, основу которой составлял русский алфавит, они переводили на казахский язык Библию, Евангелие, молитвы, богослужебную литературу. Особая роль отводилась книгам религиозно-поучительного характера.

Миссионерская литература — это не только переводы с русского языка книг Библии и другой религиозной литературы, но и русско-казахские словари, буквари, учебники и учебные пособия, содержащие молитвы, библейские притчи, разного рода богослужебные материалы, публиковавшиеся в Казани, Оренбурге, Омске. На первых порах уделялось мало внимания содержанию и структуре переводных книг, однако затем руководство Казанского учебного округа пересмотрело свое отношение к переводам церковно-миссионерской литературы на казахский язык.

В протоколе Совета Туркестанской епархии от 5 июля 1895 г. зафиксировано, что в Оренбургском учебном округе были переведены и напечатаны русскими буквами на казахском языке 115 наименований книг. С момента образования Переводческой Комиссии и до 1904 г. было издано около 500 книг различного содержания. Создание письменности для иноверцев, издание религиозной и учебной литературы на этих языках позволили не только расширить границы миссионерской деятельности Православной Церкви, но и повысить ее эффективность. Переводческой комиссией этого братства было издано свыше 32 наименований книг на казахском языке тиражом по 1000–2000 экземпляров каждая.

Большая часть местного населения (казахи), плохо владевшая русским языком, с трудом воспринимала суть православного учения, и поэтому царское правительство России вынуждено было в целях более успешного проведения христианизации открывать школы, училища и семинарии с обучением на двух языках.

Безверхний А. С. (ИФ, АлтГПУ, Барнаул)

Документы съездов исполнительных комиссий духовенства и мирян как источник по истории РПЦ в Казахстане в период после Февральской революции: по материалам Семипалатинской губернии

Большинство современных монографий по истории РПЦ в Центральной Азии в целом и в Казахстане в частности, содержат фрагментарные сведения о деятельности РПЦ в период после Февральской революции. Во многом это связано со скудностью и разрозненностью исторических источников. В тоже время в региональных архивах содержится ряд исторических документов, изучение которых открывает большие возможности для исследователя. Одним из таких источников являются материалы съездов исполнительных комиссий

духовенства и мирян, которые стали неотъемлемой частью жизни православных приходов в так называемый период «Церковной революции».

В рамках данного исследования нами были изучены постановления и журналы исполнительной комиссии духовенства и мирян города Семипалатинска, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (Казахстан, г. Семей). Хронологически документы охватывают период с апреля по декабрь 1917 года.

Материалы деятельности исполнительной комиссии духовенства и мирян г. Семипалатинска содержат богатейший материал о деятельности органов РПЦ в регионе и настроениях местного духовенства. На заседаниях комиссии, которые проходили в преддверии Поместного собора из уст местных священнослужителей звучат требования, кардинально отличающиеся от позиции официальной церкви, а именно: о выборном епископате (причем епископ может быть из белого духовенства), о реформе богослужебного языка и т. д. Отдельное заседание комиссии было посвящено рассмотрению вопроса об отношении церкви к государству, его участники высказались за отделение церкви от государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что документы исполнительных комиссий духовенства и мирян являются важным источником по истории РПЦ в Центральной Азии и Казахстане в период после Февральской революции 1917 г.

Болашенкова Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Представления об Искандаре Двурогом: Александр Македонский в исторической памяти таджиков

Рост интереса к конкретным историческим лицам, поиск золотого века в прошлом — особенности, характерные для исторической науки современного Таджикистана. Изучение отношения таджиков к героям прошлого приводит к фигуре Александра Македонского, известного на Востоке как Искандар Зулкарнайн (Двурогий). Заслуживает внимания изменение взглядов на него во времени.

Будучи завоевателем Средней Азии, Александр, тем не менее, традиционно изображался положительным героем, а не врагом. Его образ наделялся сверхъестественными чертами и обрастал легендами. Примечательно, что воспринимался он скорее «своим», чем «чужаком». Не последнюю роль, очевидно, сыграл в этом брак с Роксаной, примиривший его с местной знатью. Его имя можно встретить в таджикской топонимике (Искандаркуль, Искандардарья). Распространено мнение, что светловолосые памирцы являются потомками воинов Александра. Правители Памира (особенно Дарваза и Каратегина) веками стремились возводить свои генеалогии к «падишаху Искандару» для легитимации власти. Александр фигурирует в средневековой персидско-таджикской литературе: у Фирдоуси (Шах-наме), Низами и Дехлави (Искан-

дар-наме), Джами (Хирад-наме-и Искандар). К объектам культа Александра относятся мазары, где, по преданиям, находится его могила.

В наши дни в Таджикистане возрождается интерес к иранскому прошлому; на первый план выходят герои местного происхождения. Так, в преддверии Года арийской цивилизации (2006) глава Академии наук М. Илолов назвал в числе героев — Спитамена, инициатора восстания против Александра. Ранее президент Э. Рахмон вспоминал Александра в связи с его приказом уничтожить книги Авесты — и этим противопоставлял его миру зороастрийской культуры. Эти взгляды отражают изменившиеся запросы общества: прежде образ Александра отвечал идее включения таджиков в мировую историю и причастности к обширному историческому региону, сейчас же для самоидентификации необходим герой иного рода: «собственный», национальный.

Васильев А. Д. (ИВ РАН, Москва)

Османский документ из Архива Музея Дворца Топкапы об иерархии власти у Шейбанидов

Вопросы взаимоотношений Османской империи и династии Шейбанидов XVI в. в прошлом нередко упоминались в зарубежных и отечественных исследованиях. Основными источниками для исследования двусторонних связей были труды средневековых историков и дипломатов Мавераннахра, Османской империи и европейских государств.

Однако менее известным является значительный массив османских документов, посвященный поиску в Центральной Азии союзника в борьбе с Сефевидами, сохранившийся в Архиве Музея Дворца Топкапы (далее — АМДТ) в Стамбуле. Особенностью данного хранилища является то, что до сих пор отсутствует более или менее полный каталог с информацией о находящихся там документах.

В ходе работы в 2013–2014 гг. в фондах данного архива, мной были выявлены ранее не публиковавшиеся документы, свидетельствующие о постоянном интересе османских правителей к происходящему в Мавераннахре на протяжении нескольких столетий. В данном сообщении представляется один из этих документов — подготовленный для султана Сулеймана Кануни список шейбанидских правителей Мавераннахра. Судя по указанным в документе персоналиям, его составление можно датировать началом 30-х гг. XVI в. Документ интересен тем, что позволяет уточнить, помимо имен правителей, их титулы, места, занимаемые ими в иерархии власти династии Шейбанидов, контролируемые ими города и вилояты, количество войск, которое тот или иной правитель содержал в постоянной готовности и мог выставить при необходимости. Документ является ценным источником, проясняющим малоизвестные детали политической структуры государства Шейбанидов.

Васильев Д. В. (ИГУПИТ, Москва)

Российская система управления в Казахской степи XVIII — 1-й пол. XIX в.: исследование политических моделей

Изучение российского законодательства XVIII века о казахах позволяет выделить в нем несколько взаимосвязанных этапов. Первый относится к 30–50-м годам. Этот период характеризуется стремлением любыми способами привлечь степь на свою сторону, обеспечить лояльность казахских старшин, превратить ханов в своих союзников в центральноазиатском регионе. Во второй период, в 60–70-е годы, предпринимаются попытки законодательного оформления отношений со степью. В это время российское правительство начинает опробовать некоторые приемы косвенного управления Казахской степью. В конце XVIII в. была предпринята попытка создать в регионе административную систему, сочетающую в себе элементы косвенного и прямого управления, предполагающую использование традиционных институтов на службе империи, равно как и распространение на регион некоторых общеимперских учреждений.

В первой половине XIX в. сложились четыре модели российского управления в Казахской степи[1]. Астраханская модель (Внутренняя орда) представляла собой систему, основанную на комбинировании местных традиций и бюрократических реалий империи. Сибирская модель взяла за основу административно-территориальное устройство внутренней империи. Происходила последовательная адаптация местных традиций к государственным нуждам. Оренбургская модель учитывала народные традиции в наибольшей степени. В Большой орде особая административная система не сложилась.

Сосуществование различных моделей управления степью показывает, что в каждом отдельном случае имперское правительство учитывало особенности местной внутренней и внешнеполитической обстановки. Исходя из этого оно конструировало такую систему управления, которая, с одной стороны, могла обеспечить эффективный контроль над степной территорией, а с другой стороны, создавала предпосылки для их административно-политической ассимиляции. Можно волне однозначно утверждать, что наличие трех различных (за исключением Большой орды) систем управления казахами есть не что иное как поиск наиболее приемлемой, эффективной и перспективной из них.

[1] Подробнее см.: *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века / Д. В. Васильев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.

Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отчет губернатора Оренбургской губернии Г. С. Волконского о церемонии инаугурации казахского хана Младшего жуза в 1805 г.

В архиве РНБ, в фонде А. Н.Оленина, хранится копия «Журнала» Г. С. Волконского, в котором подробно описана церемония приведения к присяге российской короне хана Младшего жуза. Оригинал документа находится в РГИА, второй экземпляр — в архиве СПбИИ РАН. Частично документ был опубликован в 1940 г. В нем содержатся интересные свидетельства, которые могут привлечь внимание специалистов.

Для избрания нового хана к 29 августа 1805 г. к Оренбургу съехалось более пяти тысяч казахов. 1 сентября на курултае, состоявшемся в восьми верстах от крепости, все единодушно избрали ханом султана Жанторе. Это событие ознаменовали торжественные залпы из артиллерийских орудий. 3 сентября на возвышенном месте за Уралом состоялась церемония инаугурации вновь избранного хана. Хан, преклонив колени, повторил за главным мусульманским духовным лицом текст присяги, затем поцеловал Коран и приложил его к голове, после чего встал, расписался и приложил к присяге печать. Троекратный выстрел из 101 пушки возвестил утверждение хана. Под звуки труб и барабанный бой на хана надели инсигнии власти. Г. С. Волконский вручил ему патент, украшенный российским гербом, гербами подвластных земель и другими символами, который хан поцеловал и приложил к голове. Переговоры с ханом и его Советом, назначение депутатов для поездки к императорскому двору, прощальный бал, салют и вручение подарков завершили торжества.

Важно отметить, что избрание хана и приведение его к присяге состоялись в течение одного «съезда» (курултая), в отличие от предыдущих. Ритуал отражает политику непрямого управления, проводившуюся российским правительством в отношении казахов Младшего жуза в начале XIX в.

Гатин М. С. (КФУ, Казань)

Бертольд Шпулер — исследователь Евразии монгольской эпохи

Шпулер уже в детстве начал интересоваться историей. После окончания гимназии он приступил к изучению классической филологии, истории, славистики и ориенталистики в университетах Гейдельберга, Гамбурга, Мюнхена и Бреслау.

В 1942 г. выходит его книга «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.». В своей работе он описал внутреннюю и внешнюю политику,

административное устройство, государственный аппарат и культуру *Улуса Джучи*, представил также подробную генеалогию золотоордынских ханов. Центральное место в книге занимают положения о взаимопроникновении номадизма и оседлости, симбиозе кочевых структур Золотой Орды с оседлым обществом Руси. Список литературы насчитывает более 600 работ, автор использовал тюрко-татарские, арабские, персидские, русские, византийские, сирийские, грузинские, литовские, польские и венгерские источники. Помимо политической истории рассматриваются религиозные отношения, государственный строй, право, военное дело, экономика, наука, искусство, питание и одежда.

Шпулер был привлечен к работе созданного в 1944 г. в Дрездене «Рабочего объединения Туркестана», а затем руководил курсами при Гёттингенском университете по подготовке имамов для легионеров. После окончания Второй мировой войны, пройдя «денацификацию», Шпулер вернулся в Гёттингенский университет. Здесь в 1948 г. был написан популярный очерк по истории мусульманских стран в эпоху господства монголов.

Шпулер был инициатором и одним из редакторов своего рода международной энциклопедии по Востоку — «Handbuchder Orientalistik». В 1948 г. Б. Шпулер принял приглашение в ординатуру по исламоведению в Гамбурге, где основал семинар «История и культура Ближнего Востока». С1948 по 1980 гг. он был главным редактором журнала «Der Islam». Шпулер как историк-исламовед получил широкое международное признание.

Джанбеков Какаджан (АН Туркменистана, Ашхабад)

Рукописное наследие Рашид-ад-дин Ватвата в изучении истории Хорезма

История образования Хорезмшахов связана с крупными событиями второй половины XII в. В это время происходит развал Сельджукского султаната, Хорезм, часть Гургана и Хорасана оказываются под управлением династии Хорезмшахов.

Изучение проблем истории государства Хорезмшахов прежде всего связано с исследованием средневековых источников. Большой фактический материал о государстве Хорезмшахов содержится в династических хрониках XIII–XIV вв. (Джувейни, Джузджани), в сочинениях типа «всемирной истории» (Ибн ал-Асир, Ибн ал-Касир, Рашид ад-Дин Фазлаллах) и др.

Особую ценность для освещения истории государства Ануштегинидов представляют документальные источники. Важное значение в этом отношении имеют сборники, заключающие в себе грамоты, письма и другие материалы конца XII в. Речь идет о так называемых «Письмах» («*Раса'ил*») Рашид-ад-Дина

Ватвата — придворного секретаря и государственного деятеля в правление султана Атсыза (1127–1156).

Рашид-ад-дин Ватват оставил богатейшее литературное наследие. Публикация сборника документов, составленных Рашид ад-Дином Ватватом, сопоставление имеющихся в них исторических сведений с данными «*Ат-тавассул ила-т-тарассул*» и других источников открывают перед нами широкие возможности для более глубокого изучения истории как самого Хорезма, так и других областей, входивших во второй половине XII — начале XIII в. в состав обширной империи Ануштегинидов.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Политико-географический образ Казахстана в анонимном сефевидском сочинении «*Аламара-йе Шах Исмаил*»

Контакты между Сефевидским Ираном и Казахским ханством были очень ограниченными; это делало представление иранцев о Казахской степи опосредованным и расплывчатым. Но *Аламара-йе Шах Исмаил* рисует определенный политико-географический образ Казахстана в глазах иранцев того времени. Это бескрайняя степь, населенная мужественными воинами-степняками, правитель которых — «настоящий наследник Чингис-хана». Источник неоднократно упоминает территорию Казахского ханства как «Кипчакскую степь», «Багланскую степь» или «Степь», а правителя ханства Касым-хана именует «падишахом Степи», а также «великим ханом», «старшим ханом» и «наместником Чингис-хана». В противоположность «узбекским воинам» Шайбани-хана и Шибанидов, казахские воины называются «степными воинами» или «степными храбрецами».

Географическое понятие «степь» является доминирующим и заменяющим этнические или политические характеристики. «Несметная» степная армия способна, по мнению автора, разорить «весь Туркестан», а Касым-хан стоит в чингизидской иерархии выше Шайбани-хана. Касым-хан владеет Ташкентом, «Багланской степью» и «Степью», понимаемой как обширная территория к северу от Мавераннахра-Туркестана. Наиболее интересен пассаж, описывающий Казахстан как «Страну Востока и Туркестана», простирающуюся «на север до берегов реки Итиль по ту сторону Степи», а на восток до «Китайской степи». Южная граница этой страны — «равнина Ташкентских гор и Баркента», где лежит «около тысячи городов и селений» (область присырдарьинских городов?), *хаким* которой назначается Касым-ханом.

О репутации Касым-хана свидетельствует фраза о том, что «все государи Чина и Мачина» являются «рабами» Касым-хана. Дается описание ставки

хана, его внешности и трона. Касым-хан представлен амбициозной и властной политической фигурой, а его страна — бескрайней державой с многочисленным населением. Упоминаемые «семьсот тысяч джигитов — по одному от каждой степной семьи» создают картину не только несметного войска, но и многочисленного народа.

Дробышев Ю. И. (ИВ РАН, Москва)

Эсэн-тайши и Вайс-хан: война легитимностей

Мирза Мухаммад Хайдар сообщает интересные подробности пленения Исаном Тайши, которого он считал ойратским Эсэном, Вайс-хана (Увайса ибн Шир-Али-оглана, правнука Туглук-Тимура), правившего Моголистаном в 1418–1421 и 1424–1425 гг.: «Его схватили и, предполагая, что он — хан, повели к Исану Тайши… Исан Тайши про себя подумал: «Если он действительно принадлежит к роду Чингиз хана, то должно быть не окажет мне почтения…». Когда привели хана, Исан Тайши был на коне. Он спешился, отвесил низкий поклон и подошел к нему, чтобы выразить почтение хану. Хан отвернулся от него и не подал руки. [Исан Тайши] проникся полным доверием к хану, оказал ему много почестей и отпустил».

Есть причины сомневаться как в благородном происхождении Вайс-хана, так и в том, что его пленил именно ойратский Эсэн. Переводчики «*Тарих-и Рашиди*» полагают, что под Исаном Тайши следует понимать киргизского хана Эсэху. Они исходят из года рождения Эсэна — 1417, и года гибели его противника — 1428, что делает их столкновение проблематичным, но датировка рождения Эсэна не общепринята. Вышеизложенное вынуждает оставить открытым вопрос о личности Исан Тайши. Однако здесь важно другое: на его примере автор показывает неправомочность ойратских притязаний на власть в тех же образах, что и китайские историографы.

Юного Туглук-Тимура привез из Кульджинского края дуглатский эмир Пуладчи и провозгласил правителем независимого ханства. История его вхождения во власть сильно напоминает сюжет из сказки. Сомнения усиливаются тем, что «кинг-мейкер» Пуладчи был дедом Хайдара. Возвеличивание Вайс-хана должно было подтвердить легитимность правления линии Туглук-тимуридов. Дуглатские эмиры нуждались в формальных правителях из потомков Чингис-хана, желательно таких, которым можно диктовать свою волю. Акцент на сцене поклонения Исан Тайши Вайс-хану как Чингисиду был полезен для легитимации дуглатами власти своих номинальных хозяев, от имени которых они могли вести дела по своему усмотрению.

Евдокимова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Национальные движения в Синьцзяне в 30–40-х гг. XX в.: историография вопроса

События первой половины XXв. в Синьцзяне, когда эта территория фактически вышла из-под контроля Китая, в результате чего здесь были образованы две Восточно-Туркестанские республики, вызывают повышенный интерес в современной исследовательской литературе, притом что количество источников по данной проблеме весьма ограниченно. Это объясняется не только засекреченностью большинства архивных материалов по периоду, но и тем, что поскольку значительная часть публикаций в китайской прессе пришлась на время охлаждения отношений между КНР и СССР, они практически отсутствуют в доступных нам фондах. Кроме того, большая часть материалов, связанных с Гоминьданом, была вывезена на Тайвань. Таким образом, наиболее доступным источником остаются советские материалы: мемуары дипломатов, официальных представителей в Китае, военных, советская периодическая печать и сборники документов по советско-китайским отношениям.

В 1970–1980-х гг. в Турции был издан ряд работ авторов уйгурского и казахского происхождения, написанных участниками событий или их родственниками. Одной из них стала книга Хасана Оралтая «Казахские тюрки», вышедшая в свет в 1976 г. Несмотря на критику ряда специалистов и обвинения в политической ангажированности автора, эта и подобная ей работы не могут игнорироваться исследователями.

В научной литературе проблема национальных движений в Синьцзяне освещается в работах по истории собственно Китая, китайско-советских отношений и их отдельным аспектам, а также специальных монографиях. По географическому/языковому принципу исследовательскую базу можно разделить на историографию китайскую, российскую, тюркскую (на турецком и уйгурском языках) и западную. Поскольку национальные движения в Синьцзяне были и остаются острым политическим вопросом, подходы к рассмотрению и интерпретации этих событий во многом определяются местом и временем выхода той или иной работы. В настоящем докладе мы представим общий обзор имеющихся исследований.

Журакузиев Н. И. (НУУз, Ташкент)

Мифологема о «Мировом древе» в мифопоэтике (на примере космогоничеких представлений тюркских народов)

Одним из основных понятий космогонических мифов является наличие некой горы или дерева в центре мира. Эти атрибуты называются в источниках «мировым деревом» и «мировой горой». В рамках мифологемы о мировом

древе мироздание понимается как трехэтажное, при этом *первый* этаж — это высшая часть дерева, олицетворяющее небо (солнце, луна, звезды), горные хребты, истоки рек, птицы. *Средний* этаж — ствол дерева, символизирующий долины, людей, теплокровных животных. *Подземный* мир — это корни дерева, пещеры, горные ущелья, воды, насекомые, животные, обитающие в берлогах.

В мировоззрениях древних тюрков аналогом мирового древа выступает *Байкайын* (береза). Мировое древо представляется в мифах, поэмах и устном творчестве тюркских народов как начало жизни и священное место, куда отправляются души усопших. Когда *кам* (шаман) выполнял сакральные обряды и устремлялся к Кёк Тенгри, согласно мифопоэтической концепции, он брал энергию из дерева. В параллельных сюжетах древнетюркской сибирской литературы говорится, что из мирового древа вначале были созданы первый *кам* (шаман), люди и мир, а судьба этого мира была связана с деревом. В фольклоре многих тюркских народов дерево считается живым существом, которое кормит детей своими плодами или же растит свое детище. На ветви дерева вешалась колыбель, в которой спал ребенок. В Узбекистане до сих пор существует подобный обычай.

Мифологема о мировом древе является параллельным сюжетом в мифологии многих народов мира, в частности, и у тюркских народов. Сохранение этих поверий до наших дней у различных тюркских народов объясняется не только большой древностью, но и широкой популярностью этих мотивов среди населения, в результате чего они превратились в часть повседневной бытовой жизни народа.

Котюкова Т. В. (ИВИ РАН, Москва)

Фотоальбомы туркестанской ревизии К. К. фон Палена (по документам РГИА)

В марте 1908 г. Николай II поручил сенатору графу К. К. Палену провести ревизию Туркестанского края с целью полного и всеобъемлющего освещения положения края и сбора материалов для работы совещания под руководством К. А. Несторовского по выработке нового Положения об управлении Туркестаном. Паленом была проведена огромная работа в течение 1908–1909 гг. Ее результаты нашли свое отражение в целой серии серьезных и обстоятельных отчетов по широкому кругу управленческих, административных и экономических вопросов.

Документы собранные Паленом в ходе ревизии хранятся в Российском государственном архиве (РГИА) в фонде 1396. Среди обширной переписки с чиновниками и жителями края, аналитических записок, отчетов, докладов и т. д. особое место занимают четыре архивные дела (фотоальбома) с фотографиями, сделанными самим Паленом, членами комиссии из Петербурга и местными чиновниками. Это порядка 400 фотографий, передающих жизнь

далекой азиатской окраины Российской империи во всем многообразии ее географических ландшафтов, этнографического, бытового и экономического уклада. Так, первый альбом (дело 488а) в основном посвящен поездке Каспийскому морю и острову Чиликен.

К сожалению, на многих фотографиях отсутствуют подписи, особенно это касается фотографий, где представлены групповые портреты русских чиновников. Так же на фотографиях редко указан год съемки. Мало фотографий городов Туркестана, полностью отсутствуют фотографии столицы края Ташкента. Тем не менее, все это ни в коей мере не умаляет исключительной ценности данной коллекции для изучения истории края в составе Российской империи.

Кукеев Д. Г. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста)

Об особенностях современной историографии по истории последней конфедерации ойратов

Доклад посвящен анализу некоторых особенностей современной историографии Казахстана, Китайской Народной Республики и Японии при исследовании истории так называемого последнего дурбэн-ойратского союза, или Джунгарского ханства, игравшего заметную роль на евразийском пространстве в XVII–XVIII вв., в том числе во взаимоотношениях между Русским государством, Цинской империей и среднеазиатскими этнополитическими образованиями. В течение длительного времени этот союз противостоял экспансии Цинской империи, но, в конце концов, был ею уничтоженной.

Тема доклада обусловлена тем, что изучение истории Джунгарского ханства требует более взвешенного подхода, поскольку в исторической науке различных государств существует тенденция различного, порой прямо противоположного толкования истории Джунгарского ханства. Проведенный в этом докладе анализ поможет не только выявлению ошибочных концепций, появившихся в последние десятилетия и мешающих развитию подлинной исторической науки, но и будет способствовать введению в научный оборот отечественного востоковедения новых сведений о достижениях исследователей КНР, Казахстана и Японии по исследуемой тематике.

Мажитова Ж. С. (Исторический ф-т МГУ, Москва)

Современные подходы к изучению института биев в российской и казахстанской историографии

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовали появление новых независимых государств — СНГ. В этот период научное сообщество Казахстана

стало проявлять особый интерес к национальной истории, по-новому осмыслять накопленный научно-исследовательский опыт и давать оценку многим явлениям исторические прошлого. В частности, историки, юристы и представители других гуманитарных направлений науки Казахстана начинают поиск нового концептуального направления при изучении обычного права казахов, в том числе вопросов особенностей зарождения и развития института биев. Не остались в стороне от этих проблем и российские историки и востоковеды.

Хочется выделить несколько центров по изучению обычного права казахов. Одним из таких крупных научных центров являются Институт восточных рукописей РАН и Восточный факультет СПбГУв Санкт-Петербурге, в которых вектор востоковедческих исследований определялся ведущими учеными С. Г. Кляшторным и Т. И. Султановым. Другим научным центром, объединяющим исследователей данной проблемы, является МГУ, Институт востоковедения РАН и Институт этнологии и антропологии РАН в Москве. Представителями этого центра являются ведущие ученые-этнологи и историки Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, О. И. Брусина, В. О. Бобровников и др. Проблемы обычного права и традиционных институтов казахов являлись объектом изучения не только историков, но и юристов Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы. Ученые Д. Ю. Шапсугов, М. А. Супатаев, Р. Ю. Почекаев и др. внесли значительный вклад в изучение обычного права.

Институт биев являлся предметом исследования таких казахстанских историков как Ж. М. Джанпеисова, А. И. Оразбаева и др.; юристов – С. З. Зиманов, З. Ж. Кенжалиев, С. Узбекулы и др.

Сегодня можно говорить о смещении научных акцентов в концептуальном освещении этого правового института традиционного казахского общества. Ученые при характеристике биев отошли от позиции, согласно которой «история общества была историей борьбы классов», фигура бия перестала противопоставляться остальному обществу, но стала рассматриваться как ключевая фигура, игравшая определяющую роль в истории казахов.

Мирзаев А. Т. (АГУ, г. Андижан, Узбекистан)

Изучение истории хлопководства в Ферганской области Туркестанского края на основе архивных документов

Начиная с последней четверти XIX века, Средняя Азия постепенно втягивается во внутрироссийский хозяйственный оборот, начинают возникать промышленные предприятия: хлопкоочистительные, маслобойные и другие. В 80-е гг. XIX вв. текстильные фабриканты из Москвы начали завозить в Среднюю Азию новые сорта длинноволокнистого хлопка из Северной Америки,

что резко повышало урожайность и качество среднеазиатского хлопка — традиционной отрасли местного производства.

В данном докладе этот процесс будет рассмотрен на примере важного хлопководческого региона Туркестанского генерал губернаторства — Ферганской долины в конце XIX — начале XX веков. Исследование проводилось на основе документов на узбекском языке, написанных в арабской графике и хранящихся в архивных фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз).

Если говорить о кодикологических особенностях арабографических документов, то они обычно составлялись на бумаге, произведенной на российских фабриках; как правило, они писались от руки, чёрными чернилами или карандашом, редко на пишущей машинке.

В некоторых случаях, в целях широкой пропаганды среди местного населения распоряжений, постановлений и других важных новостей по хлопководству, встречаются переводы соответствующих официальных документов с русского на узбекский язык. Так, например, приказ начальника Маргиланского уезда за № 6103 от 27 июля 1900 года по вопросу о торговле хлопком был переведен на узбекский язык и распространен среди местного населения. Также встречаются документы, в которых на одном листе располагался текст, написанный на узбекском языке в арабской графике, и его перевод на русский язык.

В целом, изучение архивных документов, составленных на узбекском языке в арабской графике, расширяют наши возможности для изучения истории хлопководства в Ферганской области Туркестанского края в рассматриваемый период.

Нуриева К. А. (НАНА, Баку)

Саммиты глав тюркоязычных государств и концепция «тюркского единения»

Саммиты глав тюркоязычных стран играют большую роль в выяснении и решении политических проблем, в укреплении экономического сотрудничества, в развитии научно-культурных отношений между тюркоязычными странами и народами. Впервые с предложением провести саммит выступил Сулейман Демирель во время своего визита в Азербайджан и Среднюю Азию в качестве премьер министра Турции в мае 1992 года.

Проведенные саммиты открыли широкие перспективы для сотрудничества, установления более тесных связей на базе общей культуры, традиций, истории, национально-духовных ценностей. Одним из важных шагов является создание организации ТЮРКСОЙ. ТЮРКСОЙ — это международная организация,

обеспечивающая сотрудничество в сферах культуры и искусства всех народов, говорящих на тюркских языках.

Саммиты, организуемые с 1992 года, заложили основу традиции проведения мероприятий, посвященных юбилеям выдающихся деятелей, национальных эпосов и другим знаменательным событиям. В качестве примера можно привести мероприятия в честь 1000-летия эпоса «Манас», 660-летия со дня рождения Тимура, 500-летия М. Физули, 150-летия А. Кунанбаева, 1300-летия эпоса «Китаби Деде Коркут», празднование открытия новой столицы Казахстана — Астаны. Главная цель проведения таких юбилейных мероприятий — это еще раз доказать, что тюркские народы обладают богатым духовным наследием, едиными корнями и совместной историей. Для того чтобы развивать сотрудничество в сферах образования, науки, культуры и искусства была создана «Тюркская Академия» в Казахстане.

Восстановление исторического «Шелкового пути» имеет большое значение для развития национальных и региональных транспортных структур, международного экономического сотрудничества, для укрепления мира и стабильности в Евразии. В реализации программы ТРАСЕКА, то есть транспортного коридора, объединяющего Восток с Западом, — начинающегося в Европе и проходящего через Кавказ и Каспий в Центральную Азию — тюркоязычные государства играют ключевую роль.

Пилипчук Я. В. (ИВ им. А. Е. Крымского НАН Украины, Киев)

Сведения Бальтазара Рюссова о татарах

Одним из интереснейших аспектов истории Евразии является история татар в XVI в. Об участии татар в Ливонской войне рассказывал Балтазар Руссов, написавший «Историю Провинции Ливония», которая была издана в 1583 г. Он был современником событий и его сведения являются ценным источником по истории татар.

Бальтазар Руссов относилт осаду Казани к 1551–1552 г., падение Казанского ханства к 1552 г., а падение Астраханского ханства к 1553 г. Такая датировка вполне оправдана, поскольку первое и фактические завоевание Хаджи-Тархана произошло в 1554 г., а в 1556 г. русские лишь подавили восстание Дервиш-Али и ликвидировали Астраханское ханство. Еще раньше, в 1550 г. Хаджи-Тархан на некоторое время заняли донские казаки.

Особое внимание Бальтазар Руссов уделил действиям татар в Ливонии и Финляндии. В 1558 г. татарские отряды хана Шах-Али перешли ливонскую границу. Хронист называет Шах-Али — Сигалеем (производное от русского Шигалей) и говорит о нем как о пленном татарском царе. Хронист верно отметил статус Шах-Али в Русском государстве, поскольку Шах-Али, как

и Саин-Булат (Симеон Бекбулатович), полностью пребывал в зависимости от воли Ивана IV Грозного.

О существовании Саин-Булата Балтазар Руссов не знал, но зато отметил действия татар в Ливонии. В 1574 г. русские и татары стояли около Ревеля (Таллина). Перед осадой Ревеля в 1576 г. татары увели в плен много людей из шведской Финляндии. В 1578 г. несколько сот татар и русских взяли Оверпален в Эстонии. Под Везенбургом (Раквере) в 1579 г. один из воинов гарнизона крепости попал в плен к татарам и русским. В 1579 г. татары, бывшие на службе у русских, делали набеги на Вирланд (Вирумаа), Гарриен (Харьюмаа) и Вик (острова Сааремаа и Муху). Бальтазар Руссов писал, что во время похода шведов на Нотебург (Орешек) в 1582 г. казанские и астраханские татары отпали от русских и осадили Казань. За восстание татар ливонский хронист принял Третью Черемисскую войну: в 1582 г. марийцы разбили русское войско и к их восстанию присоединились татары, чуваши и ногайцы.

Таким образом, хроника Бальтазара Руссова является одним из основных источников об участии татар в Ливонской войне. Он сравнительно точно описал события, происходившие в Поволжье. В хронологическом и фактическом отношении информация Бальтазара Руссова удивительно точна и содержит лишь незначительные фактические ошибки и неточности в хронологии.

Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Записки российских дипломатов XVIII в. как источник по истории права центрально-азиатских государств

При сравнительно хорошей изученности политической истории центрально-азиатских государств XVIII в. (Бухарское, Хивинское, Кокандское ханство, Ташкентское владение) проблемы их правового развития освещены крайне скудно. В результате исследователи вынуждены исходить из общего стереотипа о приоритете мусульманского права. Однако из-за отсутствия аутентичных источников содержание государственных и правовых отношений в этих государствах, общие принципы и конкретные правовые нормы не могут быть изучены на основе официальной документации и восточных нарративных источников. Поскольку авторами подобных документов являлись мусульмане, они нередко идеализировали правовую ситуацию в Бухаре, Хиве, Коканде и т. д., стремясь представить местных правителей и их подданных более ревностными мусульманами, чем они были на самом деле, и совершенно не учитывая их тюрко-монгольское происхождение и связанные с ним правовые традиции.

В связи с этим большую ценность приобретают источники по истории центрально-азиатских ханств немусульманского происхождения — в осо-

бенности свидетельства современников и, в частности, записки российских дипломатов, которые в XVIII в. неоднократно направлялись с миссиями в ханства Центральной Азии и составляли подробные отчеты о своих поездках. Нередко в их трудах встречаются ценные сведения о праве и правоотношениях (в которые порой вовлекались и сами авторы записок), которые освещены достаточно объективно, поскольку целью дипломатических отчетов являлось отражение реальной, а не идеализированной ситуации в том или ином ханстве.

В исследовании проанализированы записки российских дипломатов и чиновников, посетивших Бухару, Хиву, Коканд, Ташкент или взаимодействовавших с их представителями в Казахстане и других пограничных регионах Российской империи. На основе изученных сведений, предпринята попытка реконструировать отдельные направления правового развития центральноазиатских государств в XVIII в.

Эркинов Афтандил (ТашГИВ, Ташкент)

«*Хафт шу'ара-йи Фируз-шахи*» (Семь поэтов из окружения шаха Фируза) — поэтическая антология принцев-поэтов династии Конграт (Хива, 1906 г.)

Хивинское ханство периода династии Конгратов (1804–1920) было завоевано в 1873 г. и стало протекторатом Российской империи. В этот период им правил Мухаммад Рахим-хан II (1864–1910). Под российским протекторатом он не мог действовать самостоятельно в области политики. Впоследствии этого при своем дворе он уделял большое внимание развитию культуры. Так, например, были переписаны несколько сот рукописей, при Хивинском дворе начала работать первая в Средней Азии типография для печатания литографических изданий и т. д. Мухаммад Рахим-хан II сам писал стихи, и при его дворе образовалась особая поэтическая среда, включающая более 30 поэтов. В его дворце были составлены три поэтических антологии, в двух из них главным поэтом фигурировал он сам. Остальные поэты писали стихи-подражания к его стихам.

Единственной антологией из трех, где не представлен этот правитель, была «*Хафт шу'ара-йи Фируз-шахи*» (Семь поэтов из окружения шаха Фируза), изданная в Хиве в 1906 г. В ней были собраны стихи семи принцев-поэтов — детей, внуков и племянников Мухаммада Рахим-хана. То есть, хотя автором был и не он сам, а современные поэты, но все же из династии Конгратов. Образцом для составления этой антологии послужил сборник стихов поэтов Тимуридской эпохи «*Маджалис ал-нафаис*» (Собрание утонченных) 'Али Шир Наваи (1441–1501). В этом произведении одна из глав, в основном,

посвящена более чем 20 Тимуридам (правители, принцы), которые писали стихи. Видимо, Мухаммад Рахим-хан был намерен подчеркнуть, что его дети, внуки и племянники могут писать стихи, как и потомки Тимура. Действительно, после Тимуридов самое большое количество поэтов-принцев появилось в период его правления.

Таким образом, мы видим, что в условиях протектората Хивинский хан искал пути самовыражения и самоутверждения для себя и своей династии через развитие придворной культуры и поэзии.

СЕКЦИЯ V.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И ЮВА

HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTHEAST ASIA

Бурмистров С. Л. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Индийская культура в философской компаративистике Фридриха Макса Мюллера

Сравнительно-исторический метод, хорошо зарекомендовавший себя в языкознании, Фридрих Макс Мюллер (1823–1900) предлагает использовать в религиоведении. Способность к религиозным переживаниям в его концепции аналогична способности к языку.

Крупнейшие религии мира, пишет он, возникли в ареалах всего двух языковых семей — «арийского семейства» и «семитского семейства», как он их называет, — и среди множества народов, говоривших на этих языках, в каждом «семействе» выделились всего по два — индийцы и персы в первом и евреи и арабы во втором. В «арийском семействе» выросли ведийская религия, зороастризм и буддизм, а в семитском — иудаизм, ислам и христианство, причем эти группы религий изоморфны: ведийская религия и иудаизм послужили в своих группах почвой для формирования новых религий, но после их возникновения не сошли с исторической арены; на их основе сформировались буддизм и христианство, причем оба в породивших их областях не закрепились, но нашли признание за их пределами; наконец, зороастризм и ислам — это слабые и вторичные отпрыски первоначальных религий[1].

[1] *Макс Мюллер Ф.* От слова к вере: Религия как предмет сравнительного изучения / Пер. с англ. А. М. Гилевича и В. М. Живаго // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 36–38.

Религии он связывает с определенными языковыми семьями, полагая, что каждой из них свойственно особое мировосприятие (здесь явственно прослеживается влияние концепции В. Гумбольдта). Для религий «арийских» народов — в частности, для индуизма, — характерно почитание «Бога в природе, Бога, являющегося нам скорее сквозь завесу тайны физического мира, нежели Бога, скрытого в тайниках человеческого сердца»[1]. Веданта — в равной мере философия и религия — понимается им как проявление монотеизма, свойственного в той или иной мере всем религиям человечества (концепция прамонотеизма).

Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, Казань), Шайдуллин Р. В. (ИТЭ АНТ, Казань)

Тюрко-татарские путешествия в Индию (2-я пол. XVII — нач. XIX вв.): путешественники и тексты[2]

Геополитическое и историко-культурное цивилизационное пространство Поволжья и Приуралья и его основные средневековые исторические города (Итиль, Астрахань, Болгар, Биляр, Казань и др.) являются уникальными политическими и культурными центрами цивилизаций Востока и Запада. Известные средневековые государства — Хазарский каганат, Волжская Булгария, Джучиев улус, Московское государство и тюрко-татарские ханства представляются историческими символами евразийского мира, они сыграли важную роль в истории российско-индийских торгово-экономических, политических и культурных отношений средневековья и нового времени.

В XIX в. Казанский университет был одним из центров отечественной и мировой ориенталистики, в том числе санскритологии и индологии. Преподавание санскрита, формирование фонда литературы и рукописей и исследование санскритских текстов в 1842–1856 гг. проводилось известными представителями отечественной и европейской санскритологии — П. Я. Петров (1841–1851) и Ф. Ф. Боллензон (1852–1856).

Истоки данной научной и просветительской традиции связаны с тюрко-татарскими путешествиями в Индию второй половины XVII — начала XIX вв. служилых и торговых людей — посланника царя Алексея Михайловича к могольскому шаху Аурангзебу в 1675 г. Мухаммад-Юсуф Касимова (?–?), участников торгового каравана Якуба Ягафарова (?–1753), Надира Сафарова (?–1752), Исмагила Бикмухаммадова (?–1801) и, особенно, Губайдуллы Амирова в 1774–1805 гг.

[1] *Макс Мюллер Ф.* От слова к вере. С. 69-70.

[2] Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 14–11–16015, № 15–01–00061, № 15–11–16009.

Значимым результатом тюрко-татарских путешествий в Индию и сопредельные государства стало развитие в российской и европейской историко-литературной традиции жанра «саяхат-наме» («путевые записки»). Среди этих путевых записок об Индии и в целом о Востоке особую научную, просветительскую, источниковедческую и историко-культурную ценность имеют «Странствование Губайдуллы Амирова по Азии» (1774–1805 и «Путешествие Исмагила Бикмухаммедова в Индию» (1751–1776).

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)

«Десять тысяч слонов»: слон в государствах Юго-Восточной Азии по описаниям двух венецианских путешественников XV–XVI вв.

Один из наиболее устойчивых элементов ментальной карты — символически емкие бестарные образы, включавшие как реальных, так и баснословных существ. Предмет рассмотрения данного доклада — образ слона в отчетах путешественников из Венецианской республики, посетивших ряд государств Индии и Юго-Восточной Азии: рассказ купца Никколо Конти, включенный в трактат «О превратности судьбы» Поджо Браччолини (1439), и травелог ювелира Гаспаро Бальби «Путешествие в Восточные Индии» (1590).

Конти подробно описал слонов области Мацин (общее название буддийских государств Юго-Восточной Азии), сообщив о способах поимки слонов для войска и о белом слоне как регалии государей. Распространенный в регионе титул «царь десяти тысяч слонов» Конти понимал буквально, сделав его инструментом описания реалий средневековой Мьянмы. В тексте Конти–Браччолини рассказ о превращении дикого слона в ручного напоминает своеобразную инициацию — переход от дикости к культуре. Это описание следует воспринимать, исходя из главной оппозиции всего текста отчета — противопоставления рафинированной городской культуры Виджаянагара, Авы и Китая варварству отсталых племен.

Бальби, описывая элефантерию Пегу, привел эпизод, показывающий отношение монов к монаршему слону как к живой инсигнии власти и преданному слуге, а также взгляды автора на разум слона. Захваченный государем Пегу царский слон из Авы оплакивал свой плен, отказываясь от пищи, так что пришлось умолять его смириться с переходом на службу к более славному правителю, чем прежний хозяин.

В целом, в обоих текстах слон предстал умным и преданным человеку животным, что соответствовало восходящим к Аристотелю и Плинию представлениям о слоне. И Конти, и Бальби, описывая страны Юго-Восточной Азии, задействовали местные бестиарные образы могущества.

Галимов А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об этнических китайцах в Лаосе во 2-й половине XX века

Китайцы, проживающие в городах Лаоса, представляют собой своеобразную общность, включающую в себя следующие диалектные группы: кантонцы, хайнаньцы, чаошаньцы, шаньтоу и хакка. На сегодняшний день в стране живут по разным оценкам от 150 до 186 тыс. этнических китайцев, которые компактно проживают в центральных и южных районах Лаоса. Китайские диаспоры представлены во Вьентьяне и Луангпхабанге, Паксе, Саваннакхете и других городах.

В настоящее время лаосские китайцы заняты в различных сферах экономики, таких как: банковское дело, гостиничный бизнес, пищевая промышленность, виноделие, производство риса, заготовка пиломатериалов, обслуживание машин, купля-продажа и проч. В последние годы в экономике Лаоса стал доминировать так называемый третичный сектор экономики, немалую роль в этом процессе играет китайский капитал. Именно усиливающиеся позиции хуацяо в современном Лаосе, одной из стран участниц АСЕАН, заинтересовали автора в выборе темы данного исследования.

Хронологические рамки работы связаны с определенными историческими периодами в жизни Лаоса, каждый из которых оставил определенный след в жизни диаспоры. Первый период истории китайской диаспоры в Лаосе (1945–1975) частично охватывает вторую половину 1940-х гг., обретение национальной независимости в 1954 г., гражданскую войну (1960–1973) и падение монархии в 1975 г.; второй период (1975–1999) охватывает провозглашение ЛНДР весной 1975 г., послевоенное время, социалистические реформы 1980-х гг. в Лаосе.

В ходе проведенного исследования автор выяснил, что в истории лаосских хуацяо были как взлеты, так и падения. Так, известно, что во время французского протектора, этнические китайцы находились на особом положении, однако, уже после провозглашения независимости последовала целая серия антикитайских законов. После Гражданской войны ситуация с нацменьшинствами, в т.ч. и хуацяо, была весьма неоднозначна. В 80-е, в период экономических реформ, Лаос оказался открыт для иностранного инвестирования, репрессивные нормы были отменены, что дало зарубежным китайцам возможность вернуться в «родные пенаты».

Гапонова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Перепись населения Индии в XX в. как исторический источник

Перепись населения Индии является одним из важных источников, который позволяет оценивать достижения индийского руководства в XX веке. Британцы

начали проводить перепись Индии в 1870-е гг. (первая перепись не была проведена одновременно по всей стране). Впоследствии перепись проводилась каждые 10 лет. Важные данные предоставляет перепись 1951 г. — численные данные о населении были зафиксированы впервые после получения независимости, раздела страны и переселения беженцев. Также имеет ключевое значение перепись 1961 г., потому что она была проведена после формирования штатов по этно-лингвистическому принципу. Эти данные дают возможность отслеживать ход развития штатов и успехи региональных правительств в различных областях.

Индийские исследователи относят Индию к 3 стадии демографического перехода: высокая рождаемость обусловлена не количеством детей в каждой семье, а количеством семей — демографическим бумом на предыдущей стадии, когда резко снизилась смертность благодаря успешным противоэпидемиологическим мероприятиям и более доступному медицинскому обслуживанию; а впоследствии — улучшению благосостояния. При этом в момент обретения независимости демографическая ситуация в Индии характеризовалась 1 стадией в рамках модели демографического перехода, т. е. стабильно высокими показателями рождаемости и смертности.[1]

Перепись является важным источником данных для планирования политики в области урбанизации, предоставления льгот представителям зарегистрированных каст и племен, формирования экономической политики и политики в области образования. Также и в рамках изучения истории Индии сложно переоценить данные переписей населения как источника, который дает возможность объективно оценивать последствия событий или влияние методов управления на социально-экономическое положение в стране.

Демичев К. А. (УРАО НФ, Нижний Новгород)

Отражение милитаризации сикхской общины в *Акал Устат* гуру Гобинда Сингха

Десятый и последний гуру сикхов Гобинд Сингх, чей гурт пришелся на период с 1675 по 1708 гг., по праву считается реформатором сикхской общины. Завершив процесс, начатый ещё его предшественниками, Гобинд Сингх превратил сикхов в бескастовое воинское братство Хальсу в 1699 г. Однако идеологическое обоснование милитаризации было начато Гобиндом Сингхом задолго до образования Хальсы. Все 80-е гг. XVII в. прошли

[1] Size, growth rate and distribution of population. Notes for 2011 Census of India. P. 58. URL: http://censusindia.gov.in/2011-prov-results/data_files/india/Final_PPT_2011_chapter3.pdf.

для сикхов в непрерывной борьбе с раджами горных княжеств Шивалика. Именно в период борьбы с горными раджами гуру дал новое обоснование проблеме насилия и возможности его применения, что нашло отражение в произведение Акал Устат («Похвала Вечному»), включённой впоследствии гуру в состав книги Дасант Грантх, не ставшей частью священного писания сикхов Ади Грантх.

Перед битвой при Бхангани, которая произошла 18 сентября 1688 г., Гобинд Сингх обращается к Богу с молитвой, в которой были в полной мере выражены новые для сикхской религиозной практики качества Бога. Бессмертный Бог — Акал Пуркх, получает от десятого гуру эпитет — Сарблох, то есть в дословном переводе «цельножелезный» и начинает ассоциироваться с железным мечом, который становится одним из его символов и средством защиты нарушенной справедливости.

Вечный Бог, Ты укрой нас щитом,
Мы владеем кинжалом, ножом и мечом;
Нам защиту даёшь Ты один,
Неба Вечно-бессмертный наш Господин;
Для нас Цельножелезного мощи несокрушимость,
Для нас Вечного полета неодолимость;
И, конечно же, Ты наш бесстрашный хранитель,
Цельножелезный, слуг своих оградитель![1]

В этой части Акал Устат гуру обращается к Всевышнему как воин, просящий защиту для воинов, и такое обращение не случайно. Новый подход имел далеко идущие не только теологические, но и военно-политические последствия. Теперь сикхи получили религиозное обоснование права с оружием в руках отстаивать свою свободу и веру.

Донских В. В. (ОЛСАА БАН, Санкт-Петербург)

Христианская книга Индии XVI–XVII вв.

Основной целью книгоиздательской деятельности Общества Иисуса в Индии было распространение христианства и, естественно, первопечатная книга играла важную роль в евангелизации индийского субрегиона. Несмотря на то, что Ордену иезуитов не удалось добить глобальных успехов в христианизации местного населения, их вклад в культурное наследие индийского субконтинента был значительным. Именно миссионерам-иезуитам Индия

[1] Перевод мой.

обязана введением и распространением книгопечатания. Помимо сугубо евангелической литературы, иезуиты издавали словари, книги по грамматике, философские трактаты, труды по истории, культуре и географии народов Индии. Огромную роль сыграли члены Ордена в развитии и становлении современных индийских языков и литератур на конкани, маратхи и тамили. Значительный вклад внесли иезуиты и в изучение богатейшего культурного наследия Индии.

Взаимодействие культур Востока и Запада, вызванное активной миссионерской деятельностью Общества Иисуса, дало уникальный результат в виде оригинальной книжной продукции — первопечатной христианской книги Индии.

На основе изучения исторических документов, различных каталогов и указателей мною была проделана работа по выявлению библиографических сведений об индо-португальских христианских книгах и составлению ретроспективного библиографического указателя первопечатной христианской книги Индии XVI–XVII вв. Основная задача данного указателя состояла в выявлении, помимо библиографических данных. исторических и культурных сведений об индо-португальских христианских книгах и представлении общей картины развития христианского книгопечатания в Индии.

Дорохова И. А. (Петрозаводский ГУ, Петрозаводск)

М. К. Ганди об отношении китайцев Йоханнесбурга к первой *сатьяграхе*

Важную роль в политической жизни Южной Африки в начале XX в. сыграла борьба индийского населения за социально-политические права. Лидер индийской общины М. К. Ганди предложил комплекс ненасильственных мер позднее названых *сатьяграхой*. Принудительная регистрация лиц азиатского происхождения, введенная в 1906 г., затронула не только индийцев, но и китайцев.

В еженедельнике индийской общины «Indian Opinion» появилась постоянная рубрика «Китайцы и пассивное сопротивление». Обе общины отказались от регистрации, начав массовый бойкот регистрационных учреждений. Ганди неоднократно выступал на собраниях китайской общины. Соратник Ганди, южноафриканский журналист Генри Полак стал почетным советником китайской общины.

Китайцы Йоханнесбурга до определенного момента поддерживали индийцев: бойкотировали, а затем начали процедуру регистрации, позднее — сожгли регистрационные удостоверения, мужественно вели себя в тюрьме, торговали

без лицензии и т. д. Однако, осенью 1908 г. часть китайцев выступила против продолжения поддержки движения индийцев. Положение в китайской общине Ганди охарактеризовал как весьма щекотливое. Торговля без лицензии привела к арестам. Он публикует список китайцев — участников сатьяграхи, которые были арестованы и приговорены к тяжелым работам. Данью уважения и признания их заслуг стало приглашение китайцев на торжественный завтрак, устроенный индийской общиной по случаю приезда в Южную Африку одного из ведущих деятелей Индийского национального конгресса Г. К. Гокхале осенью 1912 г.

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)

Древнейшая датированная надпись Камбоджи K.557/600: проблемы интерпретации

В начале VII в. на территории нынешней Камбоджи появились датированные надписи на древнекхмерском языке, постепенно вытеснившие местную санскритскую эпиграфику, сохранив ее элементы только в датировочных формулах, именах царей и поэтических панегириках внутри собственно древнекхмерских текстов. Древнейшая датированная 611 г. надпись Камбоджи — K.557/600, происходящая с возвышенности Ват Чрой (Văt Črôy) на правом берегу речки Ангкор Борей, была переведена на французский язык крупнейшим эпиграфистом и историком ранней Юго-Восточной Азии Жоржем Сёдесом (1942). Её южная сторона из трёх строк была опубликована в «Надписях Камбоджи» под названием Туол Ват Комну (K.557, 1935). Северная и восточная стороны получили номер K.600. Англоязычный перевод предложил Р. Ч. Маджумдар (1953). Ф. Дженнер опубликовал прорисовку части текста с комментариями в «Хрестоматии доангкорского кхмерского языка. Ч. I. Датированные надписи VII–VIII вв.» (1980).

K.557/600 не упоминает царей. В ней рассказывается о пожалованиях, сделанных носителями местных древнекхмерских титулов *понь* и *братань*. На основании этой и других надписей Камбоджи М. Викери (1998) сделал вывод о существовании *поньств* (княжеств), а не территориальных государств, подвластных раджам. Надпись K.557/600 содержит перечни *кнюмов* (*кньомов*, согласно Д. В. Деопику [1981]) – зависимых лиц, возможно рабского статуса. Ж. Сёдес оставил их имена без перевода, заметив только их разное происхождение — из санскрита или из древнекхмерского языка. Многие имена были объяснены С. Пу и Ф. Дженнером, но ряд этимологий вызывает сомнения.

В докладе исследуется политическая организация древних кхмеров и особенности перечней кнюмов из надписи K.557/600.

Кальянова Т. П. (Иркутский ГУ, Иркутск)

Историография и география: особенности описания истории Индии в путевых дневниках британских путешественников первой трети XIX в.

В первой трети XIX в. важную роль в формировании культуры интеллектуального восприятия Индии, открывавшейся образованным британцам, играла публикация многочисленных травелогов. На примере книг Анны Катарины Элвуд, Эммы Робертс, Иоахима Стокэулера можно определить типичные приемы и особенности описания истории Индии.

В травелогах реализовалось единство места и времени. Отделенное прошлое включалось в текущий момент, присутствовало в описываемой автором сиюминутности. Реальность географии, которая в текстах часто подтверждалась координатами долготы и широты, свидетельствовала также и о реальности истории, связанной с наблюдаемым ландшафтом. Так снимался вопрос об источниках и достоверности историографии.

Авторы травелогов выступали не как исследователи истории, но прежде всего как рассказчики историй, использовавшие художественные приемы беллетристики. Поскольку словесная магия способна визуализировать описываемое пространство, тексты путешествий, представлявшие приватные впечатления, создавали историко-географические образы, доступные для всеобщего восприятия. Так литературный светский язык задавал нормы популярного историографического письма.

В дорожном багаже многих британцев имелись книги, например, работа У. Гамильтона «Географическое, статистическое и историческое описание Индостана», изданная в Лондоне в 1820 г., которая сообщала необходимые сведения о прошлом и настоящем состоянии страны. В своих путевых описаниях авторы чаще всего воспроизводили исторические сведения, почерпнутые из таких изданий. Историография в этом случае оказывалась своеобразной ретрансляцией книжного знания.

Таким образом, травелоги были не только разновидностью беллетристики, но и формой популярного распространения исторических знаний. В них историография совмещалась с географией.

Кнорозова Е. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о вьетнамских традиционных антологиях

После изгнания китайцев, пытавшихся в начале XV в. проводить программу ассимиляции и уничтожавших духовное наследие вьетнамцев, развернулось движение по собиранию и переписыванию старинных книг, чтобы заполнить

образовавшиеся лакуны. Появились новые исторические и литературные труды. Такие сочинения создавали не только жившие на родине вьетнамцы, но и оказавшиеся в Китае, например Хо Нгуен Чынг.

Фан Фу Тиен, историк, продолживший труд Ле Ван Хыу, является составителем одной из первых вьетнамских поэтических антологий — «Сборника стихов вьетского звучания» (*Вьет ам тхи тап*, составлен в 1433 г.). Тю Са дополнил его и издал в 1459 г. Сборник состоит из стихов на китайском языке поэтов династии Чан (1225–1400) и начала династии Ле (1428–1788). Сочинение разделено на 6 книг, в первой и четвертой книгах содержится почти исключительно поэтическое наследие императоров. Л. Кадьер отделяет от этой антологии анонимное собрание стихов на *номе* с тем же названием, возможно составленное *тюа* Чинь Кыонгом (1709–1729).

Хоанг Дык Лыонг составил антологию вьетнамской поэзии «Свод превосходных стихотворных извлечений» (*Чить зием тхи тап*, 1497 г.); Хоанг Туи Фу объединил более ста сочинений в жанре *фу* (ода, поэма) в «Собрании *фу*, написанных талантливыми людьми» (Куан хиен фу тап, 1457 г.).

Одну из наиболее полных антологий подобрал известный ученый XVIII в. Ле Куи Дон — «Полное собрание вьетнамской поэзии» (*Тоан вьет тхи лук*).

Буи Хюи Бить прославился составлением двух антологий: «Избранные стихи императорского Вьета» (*Хоанг Вьет тхи туен*) и «Избранная изящная словесность императорского Вьета» (*Хоанг Вьет ван туен*). Последнее произведение, вероятно, опиралось на неоконченную антологию «Море изящной словесности императорского Вьета» (*Хоанг Вьет ван хай*) Ле Куи Дона, который был наставником Буи Хюи Битя.

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Психотехнологии в информационных войнах на примере анализа статьи из The New York Times

Настоящий доклад посвящен анализу статьи «Vietnam Finds an Old Foe Has a New Allure»[1], которая была напечатана в авторитетной газете « The New York Times» в 2000 г. Ее сокращенный перевод на русский язык под названием «Вьетнам — война продолжается»[2], был осуществлен в популярном обозрении иностранной прессы «За рубежом», а затем широко растиражирован в сети.

[1] Seth Mydans. Vietnam Finds an Old Foe Has a New Allure. The New York Times, April 13, 2000 // [URL]: http://www.nytimes.com/2000/04/13/world/vietnam-finds-an-old-foe-has-a-new-allure.html?pagewanted=all&src=pm.

[2] Вьетнам. Война продолжается. За рубежом. № 15–16. 2000 // [URL]: http://asiapacific.narod.ru/vietnam/war.htm.

При ознакомлении с фактической стороной данной публикации, а также сделанными в ней выводами, 15 лет спустя стоит отметить их полную несостоятельность. Однако не стоит спешить и обвинять влиятельную американскую газету и автора рассматриваемого материала в некомпетентности и распространении недостоверной информации, поскольку достоверность и соответствие публикуемых сведений фактическому положению далеко не единственная функция, которую выполняют СМИ.

В анализируемой статье имеется несколько противоречащих друг другу пассажей. Конечно, не каждый читатель заметит подобные особенности в газетном тексте. С одной стороны, такой подход к написанию статьи напоминает прогрессирующую шизофрению, когда у автора на каждый тезис имеется свой антитезис. Однако не все так просто! Ответ на вопрос насколько квалифицирован автор рассматриваемой статьи зависит от того с каких позиций анализировать этот текст. В гипнологии и НЛП используемая в рассматриваемой публикации методика получила название — «депотенциализация сознательных психических установок»[1]. В результате применения этой технологии после прочтения такой статьи, однозначного логического вывода не сделать, но определенный эмоциональный «осадок» остается. Следовательно, поставленная задача на формирование у читателя определенного мнения выполнена качественно! Профессионально подготовленная дезинформация таким образом формирует в подсознании читателя своеобразное «кривое зеркало», которое существенно искажает восприятие окружающего мира.

Колупаева Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Роль Коминтерна в национально-освободительном движении во Вьетнаме в 1923–1943 гг. XX века

Выбор данного промежутка для изучения обусловлен двумя событиями, являющимися отправными точками для изучения данного вопроса. В 1923 г. будущий лидер коммунистической партии Вьетнама Нгуен Ай Куок, в дальнейшем известный как Хо Ши Мин, прибыл в Советский Союз для учебы в Коминтерне; 15 мая 1943 г. организация была распущена. После отъезда Хо Ши Мина в Китай работа с национально-освободительным движением Вьетнама проводилась через Гоминьдан. Созданное в 1925 г «Товарищества революционной молодежи Вьетнама», является довольно ярким примером адаптации полученных Хо Ши Мином в Советском Союзе навыков. Коммунистическая партия Вьетнама, которая могла войти в Коминтерн, возникла лишь в 1930 г. Безусловно, Интернацио-

[1] *Эриксон М.* Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения // Милтон Эриксон, Эрнест Росси, Шейла Росси; пер. с англ. М. А. Якушиной под ред. М. Р. Гинзбурга. М.: Класс, 2000. С. 223.

нал предоставил молодой партии ту необходимую поддержку, которая помогла ей встать на ноги. В 1932–1933 гг. из Москвы прибывает группа обучавшихся там студентов, которые сформировали основные управляющие органы партии.

В архивах Коминтерна находятся отчеты представителей организации, которые описывали положение дел компартии. Они предоставляли Москве информацию о действиях вьетнамских коммунистов, давали общую оценку влиянию партии.

В 1935 г. Коммунистическая партия Индокитая на VII конгрессе Коминтерна в Москве официально была принята в организацию. Начиная с 1937 г., года начала китайско-японской войны, связь с Коминтерном становится хуже, так как связь через Китай усложняется. К тому же к этому моменту партия уже накопила достаточный опыт, успешно пережив два критических момента после создания Советов Нгетинь в 1930–1931 гг. и восстания в Кохинхине в 1940 г.. В 1943 г. Коминтерн был распущен.

Таким образом, можно говорить о том, что Коммунистический Интернационал оказал значительную поддержку молодой коммунистической партии Вьетнама на начальном этапе ее пути. Особенно заметно его влияние в 1930-е годы. Тем не менее, к концу тридцатых и началу сороковых годов в силу ряда объективных причин роль Коминтерна в национально-освободительном движении во Вьетнаме постепенно слабеет.

Котин И. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Публикации о М. К. Ганди в газете «Осака Майнити» за январь 1920 г.

В архиве Ю. В. Петченко (переданном наследниками индологам СПбГУ в дополнение к переданной Восточному факультету СПбГУ индологической части библиотеки) в папке под названием «М. Ганди» сохранились отдельные выпуски газеты «Осака майнити», а также вырезки из этой газеты за январь 1921 г.

«Осака Майнити» («Ежедневная осакская газета» издавалась в Японии на английском языке крупнейшим газетным концерном «Майнити»), возникшим в результате слияния в 1911 г. токийской «Токио нити нити симбун» (основана в 1872 г.) и осакской «Осака Майнити симбун» (1876 г.). В 1920-е г. эта главная англоязычная газета Японии была достаточно популярна. В ней публиковали интервью с Лениным (1920) и Троцким (1929). Рассчитанная на англоязычного читателя в Японии — политика, бизнесмена, публициста, — газета уделяла должное внимание событиям в мире, в том числе — в Индии. Неудивительно, что в поле зрения журналистов Японии попали и индийские политические деятели, прежде всего — Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948). Номера

газеты «Осака майнити» за 10, 12, 13, 14,16, 17, 18, 19, 20, 21 января содержат информацию о М. К. Ганди, прежде всего — фрагменты краткой биографии Махатмы, написанные Махадевой лал Шроффом.

Махадева Лал Шрофф (1902–1971) — выдающийся индийский ученый, микробиолог, основоположник фармацевтики в Индии, начинавший общественную жизнь как сторонник Ганди, участник его компаний гражданского неповиновения. Позднее Шрофф уехать работать в Китай, далее — в Японию, где занимался журналистикой, позднее он перебрался в США, учился в университетах Айовы и Корнелла, Массачусетском Институте Технологии. В 1929 г. Шрофф вернулся в Индию и добился выдающихся успехов в исследовательской и педагогической деятельности. Нас же интересуют именно публикации Шроффа 1920 г. Из них мы узнаем о расстреле англичанами мирного митинга в Амритасаре, о Халифатистском движении, о кампании гражданского неповиновения, начатой М. К. Ганди в апреле 1919 г., которая к январю 1920 г. превратилась в общенациональную.

Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С.
(МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Малабарский театр *катхакали* в материалах экспедиции Музея антропологии и этнографии 1914–1918 гг.

В результате первой этнографической экспедиции МАЭ в Индию А. М. и Л. А. Мерварты, в ряду многих других достижений, открыли для западного мира *катхакали* — оригинальное явление в культуре Южной Индии. Для МАЭ они привезли коллекцию костюмов и аксессуаров (она имеет № 3090 и содержит 163 предмета) этого народного театрализованного действа, а также впервые о нем была написана научная работа[1].

Авторы настоящего сообщения при поддержке РГНФ[2] в 2014 г. смогли снова обратиться к данной тематике. В частности, состоялась поездка в Кералу.

Выясняется, что хотя там ныне созданы специальные центры изучения и популяризации *катхакали*, выпускаются диски с записями представлений, издаются книги (правда, на малоизвестном языке малаялам), уровень научного изучения названного феномена южноиндийской культуры за сто лет мало изменился. Так что материалы об этом театре, собранные и созданные Мервартами, остаются

[1] *Meerwarth A.* Les Kathakalis du Malabare // Journal Asiatique. T. 4. Oct.–Dec., Paris, 1926.

[2] Грант РГНФ № 13–01–00168: «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие». Руководитель проекта: Краснодембская Н. Г.

уникальными и актуальными. Сами индийские исследователи стремятся найти в них приемлемую методологию для изучения катхакали и его истории.

В МАЭ уникальные экспонаты из коллекции № 3090 выставлены на постоянной экспозиции отдела Южной Азии, они используются в трудах сотрудников (хотя специального исследования им пока не посвящено), упоминаются в лекциях и экскурсиях. Имеет смысл опубликовать труд А. Мерварта о катхакали в переводе на русский язык, чтобы сделать его доступным широкой научной и учебной аудитории.

Мухаметзянова-Дуггал Р. М. (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа)

Ведущие центры по историческим исследованиям в Индии

В современной Индии исторические исследования проводятся в ряде крупных научных центров. К их числу относится Индийский совет по исследованиям в области общественных наук (Indian Council of Social Science Research — ICSSR), который был создан в 1969 году Правительством Индии с целью содействовать проведению научных исследований в области социальных наук в стране. В том же году при Совете был создан Национальный центр документации по социальным наукам (National Social Science Documentation Centre — NASSDOC ICSSR), главной целью которого стало обеспечение библиотеками и информационной поддержкой исследователей в области социальных наук, как работающих в академических учреждениях, автономных научно-исследовательских организациях и государственных ведомствах, так и представителей бизнес кругов, промышленности и др.

Индийский совет по историческим исследованиям (Indian Council of Historical Research — ICHR) был создан в 1972 году. Его главные цели: объединение историков, поощрение и координация научных исследований по истории с особым акцентом на те области, которые до сих пор не получили должного внимания; обеспечение распространения и использования результатов исследований и др. Совет обеспечивает стипендиями и финансовой помощью молодых преподавателей колледжей, университетов и научно-исследовательские организации, а также ведущих ученых.

Центр исторических исследований (Centre for Historical Studies of Jawaharlal Nehru University) является одним из старейших центров среди научных школ в области общественных наук. В нем работают видные историки профессора С. Гопал, Ромила Тхапар, Бипан Чандра и Сатиш Чандра. Это группа ученых делает акцент на важность теоретических концепций реконструкции прошлого — наряду с глубоким знанием источников на древних и средневековых языках, начиная с санскрита и персидского и заканчивая современными индийскими языками.

Новакова О. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Александр де Род: у истоков вьетнамской католической церкви

А. де Род был в числе первых миссионеров-иезуитов, прибывших во Вьетнам, и, как показала история, одним из самых выдающихся. Он находился в Индокитае с 1624 по 1645 г. А. де Род первым понял всю значимость проповеди без посредника-переводчика и всего через шесть месяцев своего пребывания в Кохинхине уже проповедовал на вьетнамском языке. Именно выдающиеся личные качества и его неутомимая миссионерская деятельность обеспечили необыкновенный успех в распространении веры в Дангчаунге (Кохинхина), а затем и в Дангнгоае (Тонкин). Проповедь А. де Рода проходила на улице, среди простого народа и приносила ощутимые плоды, что привело к созданию прочных христианских общин. Заслуга в создании групп катехистов, что было принципиально новым явлением, также принадлежит А. де Роду.

А. де Род стоял и у истоков создания латинизированной вьетнамской письменности «куок нгы». Эта идея была своего рода культурной революцией того времени. Произведения А. де Рода, опубликованные в Риме и в Париже с использованием этой письменности, — «Катехизис» и «Аннамитско-португальско-латинский словарь», стали культурной и научной сенсацией еще при его жизни.

Для жизнеспособности христианской церкви во Вьетнаме необходимо было создать корпус местного духовенства. Но решение всех этих вопросов находилось в компетенции Святейшего престола в Ватикане, куда и отправился А. де Род. После пребывания в Риме, в сентябре 1652 г. он оказался в Париже. Здесь, пытаясь добиться назначений епископов на Дальний Восток, А. де Род впервые выдвинул идею создания специального миссионерского общества[1]. Назначение епископов[2] означало новый этап — формирование местного духовенства в миссиях. В 1654 г. А. де Род отбыл в Персию в качестве руководителя миссии, где служил еще несколько лет и скончался в Исфагане в 1660 г.

А. де Род по праву может считаться дважды основателем вьетнамской католической церкви: именно он создал в миссиях Тонкина и Кохинхины институт катехистов; его усилия в Риме и в Париже по назначению в миссии Вьетнама епископов также были новаторскими. Значение этих начинаний в деле создания вьетнамской католической церкви трудно переоценить. В значительной степени именно благодаря усилиям и таланту А. де Рода во Вьетнаме была создана национальная католическая церковь, в настоящее время насчитывающая более 350 лет своего существования.

[1] Общество Иностранных миссий Парижа (1660 г.)

[2] Решением от 13 мая 1658 г. Конгрегация Пропаганды Веры Ватикана назначила епископов на Дальний Восток: Франсуа Паллю (Тонкин), Ламбера де ла Мотта (Кохинхина).

Пылева А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Геополитическая стратегия Франции в Сиаме в XVII в.: непредвзятый взгляд на проблему участника и очевидца событий графа Клода де Форбена (1656–1733)

В период 60–80-х гг. XVII в. Королевство Сиам (с 1939 г. — Таиланд) являлось объектом геополитических интересов Франции. Французская Ост-Индская компания рассматривала Сиам как стратегическую точку для осуществления посреднической торговли в Юго-Восточной Азии, а католическая церковь — как плацдарм для распространения своего влияния в Китае. Сиамское правительство было заинтересовано в развитии контактов с Францией как с возможным военным союзником против Голландии. В начале 60–х гг. XVII в. в Сиам приезжают миссионеры Парижского общества иностранных миссий и налаживают дипломатические контакты с королём Сиама Нараем (годы правления 1657–1688).

В 1685 г. в Сиам прибыло французское посольство с миссией крещения правителя Нарая, не увенчавшейся, однако, успехом. В свите посла шевалье А. де Шомона состоял лейтенант Клод де Форбен, впоследствии оставшийся в Сиаме в должности губернатора Бангкока, адмирала и генерала королевских войск. В своих «Воспоминаниях», опубликованных в 1730 г. в Амстердаме, Форбен представляет взгляд на сиамские реалии и французскую политику в Сиаме, существенно отличавшийся от видения, предложенного в трудах его современников, в том числе в «Дневнике путешествия в Сиам в 1685–1686 гг.» аббата Фр.-Т. де Шуази (1687 г.) и в сочинении епископа Г. Ташара «Сиамское путешествие святых отцов-иезуитов, отправленных королём в Ост-Индию и Китай» (1687 г.). В своём труде Форбен свободен от стремления выглядеть «добрым католиком» — он размышляет о Сиаме с точки зрения солдата короля, заботящегося о благе своей страны, и в то же время — с позиций придворного, обозревающего события по истечении нескольких десятков лет и уже в иную эпоху, нежели другие их участники. Записи Форбена о Сиаме, являясь ценным историческим источником, имеют аналитический характер и при этом содержат подробности жизни Королевства, почерпнутые из личных наблюдений человека, более года находившегося на службе у сиамского монарха и наблюдавшего страну изнутри.

Селиванова Т. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Кашмирская хроника «Раджатарангини» Джонараджи (XV в.)

Эта хроника продолжает уникальную для Индии хронику Калханы (XII в.) под тем же названием. Она краткая, но важная. В целях и задачах авторы хроник очень сходны: высоким слогом воскресить прошлое, сделать его бессмертным,

наставлять и просвещать. Джонараджа пишет свои хроники уже при мусульманских правителях.

Появления в Кашмире мусульман в начале XIV в. разрушило жизнь в стране. Замкнутое кастовое общество индусов, особенно его верхушка, не было готово к сотрудничеству с людьми другой идеологии. Мусульмане не были этнически единым народом, они пришли в Кашмир из разных мест, принадлежали к разным направлением ислама и соперничали друг с другом. Сначала это были наемники или беженцы, захватившие трон во время всеобщей смуты. Их главной задачей было укрепиться, установить элементарный порядок в стране, преодолеть голод и последствия стихийных бедствий, переломить ситуацию на границах — заставить прежних вассалов признать сюзеренитет Кашмира, наполнить казну. При их дворе было много индусов, потому что в стране было мало мусульман. Им было позволено брать в жены индусских женщин. Своих дочерей очень неохотно отдавали в жены высшим сановникам-мусульманам индусские раджи при заключении мира.

Можно выделить несколько основных тем, которые затрагиваются в связи с описанием деяний царей. Это, прежде всего, управление страной, реформы, правосудие. В своем повествовании Джонараджа выказывает себя знатоком старой административной системы, употребляет в основном те же термины, которые были у Калханы. Первые мусульманские правители в администрировании следовали в основном схеме правителей индусов. В мечетях читали молитву с именем правителя, с этим именем выбивались монеты. Однако, закрепившись на троне, они неуклонно пытались усовершенствовать управление. Была проведена кадастрация земли, организовано ведомство для регистрации сделок по ее продаже. Сообщается об изменениях в законе о наследстве, когда бездетным вдовам было отказано в праве наследовать имущество мужа, или об отмене практики взимания денег судьями с истцов и ответчиков и отмене платы за кремацию. *Джизйа* была введена в 1386 г.

Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Переоценка исламского периода истории Индии в свете внутриполитического курса индийского правительства в XXI в.

В Индии, как и во всем мире, история часто пишется под зорким оком политиков. Сейчас в стране идут споры о мусульманском владычестве в Индии. Многие индусские организации считают, что они не привнесли ничего заслуживающего внимания в развитие индийской культуры. С 1998 г., с прихода к власти в Индии коалиции во главе с БДП в стране приступили к кардинальной переоценке исторических событий. Если до этого момента

конфессиональные партии могли оказывать давление только на местных историков, то теперь переписывание истории приняло общегосударственный масштаб и осуществлялось под контролем М. М. Дзоши, главы Министерства развития человеческих ресурсов.

Тогда правительство Индии заявило, что предпримет все усилия для восстановления справедливости и будет ориентировать историю в русле поступательного развития культуры великой индусской нации, чей героический путь прерывался внешними завоевателями. Пересматривалась каждая страница с древности до новейшего периода. Самой серьезной переоценки подвергся исламский период. При характеристике мусульманских правителей преследовалась определенная цель — преуменьшить их историческую роль или же вовсе стереть упоминание о них со страниц истории Индии.

На выборах 2004 г. победу одержал ИНК, возглавляемый Соней Ганди. Она обещала, что ее партия будет придерживаться умеренной политики во всем, в том числе и исторических исследованиях, но изменить сложившееся положение правительству Манмохан Сингха не удалось, поскольку в штатах были очень сильны позиции конфессиональных организаций и экстремистки настроенных партий. На выборах 2014 г. победу вновь одержала БДП, которая проводит жесткую антимусульманскую политику и приветствует «шафранизацию» истории страны. В последних изданиях исторических учебников все меньше строк посвящено султанам и падишахам, и все больше на передний план выходят забытые, недооцененные герои-индусы. Ни одно индийское издание не обходится без «разоблачающих» статей про исламский период в истории Индии.

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Жизнеописание Иосифа Ваза — «Апостола Цейлона»

Католический священник и миссионер Иосиф Ваз (José Vaz), член Общества апостольской жизни ораторианцев, беатифицирован папой Иоанном Павлом II в ходе посещения Шри Ланки 21.01.1995 г. Гоанцы гордятся тем, что первый ланкийский святой родился 21.04.1651 г. в Португальской Индии (д. Бенаулин). Третий из шести детей в семье католиков-конкани из высокой касты брахманов дер. Санкоале, он получил образование в иезуитском колледже и доминиканской академии в Гоа, в 1676 г. был рукоположен в священники, провозгласил себя «рабом Богоматери», жил в бедности.

В 1687 г. Иосиф Ваз возобновил миссионерскую работу на Цейлоне, откуда голландские власти в 1658 г. изгнали почти всех католических миссионеров. Ваз тайно проповедовал на побережье среди христиан, а в 1696 г. сумел добиться покровительства сингальского царя. Скончался он 16.01.1711 г. в Канди. Ваз

хотел «натурализовать» католическую церковь на Цейлоне, переводил португальские тексты на сингальский язык. Его изображают босым, с отринутыми митрой и посохом (он отказался стать епископом Цейлона), с крестом (распятьем) в руке, в окружении Солнца и Луны. Ваз обратил более 70 тыс. чел., проделал огромную работу по консолидации католиков в Южной Азии. Церковные братства проводят паломничества на места совершенных им чудес.

Процесс беатификации Ваза велся с 1737 г., и к 1953 г. основные материалы были собраны на Цейлоне и в Гоа. В 1999 г. Иосиф Ваз был провозглашен патроном архиепархии Гоа и Дамана, 16 января стал днем его памяти.

Чудом признано спасение роженицы и младенца в Панджине (Гоа) 26.11.1938 г. Семья воззвала в молитвах к Иосифу Вазу, кровотечение прекратилось. Родившийся здоровый ребенок Косме Жозе Кошта впоследствии стал священником миссионерского Общества Св. Франциска Ксавье в Гоа, историком. В книге «Жизнь и деяния блаженного Иосифа Ваза»[1] Косме Жозе Кошта подробно излагает историю жизни святого, публикует церковные документы, сведения об истории беатификации Ваза и 60 редких иллюстраций.

Иосиф Ваз канонизирован 14.01.2015 г. во время визита папы в Коломбо.

Сколов А. А. (ИВ РАН, Москва)

Книга Фан Бой Тяу «Хроника моей жизни» как исторический источник и литературное произведение

Фан Бой Тяу (1867–1940) вошел в историю как видный деятель и идеолог революционно-демократического направления в национально-освободительном движении Вьетнама, но он также известен как талантливый литератор. Написанная им в 1929 году на старокитайском языке книга «Хроника моей жизни» имеет несомненный автобиографический характер и принадлежит к жанру *литературы воспоминаний*. В ней Фан Бой Тяу критически анализирует основные этапы своей революционной деятельности вплоть до 1925 года, когда он был арестован французскими колонизаторами.

Книга важна для понимания того, как происходила эволюция взглядов патриота под влиянием буржуазной революции в Японии и китайских реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао, как формулировались главные стратегические и тактические задачи национально-освободительного движения во Вьетнаме в конце XIX — первой четверти XX веков, как вырабатывались идейные и организационные принципы его основных сил и течений. Особый интерес представляют приведенные в книге сведения о встречах Фан Бой Тяу

[1] *Costa C. J.* Life and Achievements of Blessed Joseph Vaz. Goa: Pilar Publications, 1st ed. 1996; 2nd ed. 2004.

с представителями Советской России, которые состоялись в Китае в 1920 и 1924 годах.

Книга «Хроника моей жизни» относится к *источникам личного происхождения*, то есть является мемуарами — живым историческим свидетельством, способным восстановить множество сведений, которые не отразились в других видах источников и которые могут иметь существенное значение для исторической реконструкции.

Тюнь Галина (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблематика *orang asli* в диссертационных исследованиях Университета Малайя (г. Куала Лумпур) в 2000–2012 гг.

Национальные меньшинства Малайзии, которые состоят из *orang asli* на полуострове Малайзия и *pribumis* в Сабахе и Сараваке, составляют, в самом деле, очень малый процент населения Малайзии — их насчитывается около 45 тыс. человек. Однако эти группы производят впечатление не своей численностью, а другим — уникальной культурой и образом жизни, унаследованными от своих предков и сохраняемыми на протяжении тысячелетий.

На сегодняшний день в Куала Лумпуре существует интеллектуальный и научный *Центр координации научно-исследовательского сотрудничества по проблемам коренных народов Малайзии***.** Центр аналогичный тем, которые уже давно существуют в Австралии, Новой Зеландии и США, был открыт в 1999 г. в университете Малайя. Именно в этом центре учитывается вся проблематика исследований по реализации правительственной политики и описанию образа жизни *orang asli* и *pribumi* в различных областях Малайзии.

Тогда же, в 1999 году, в университете Малайя был создан еще один исследовательский центр, деятельность которого связана с *orang asli* — это *Центр правового плюрализма и коренных народов***.** Целью своего существования Центр считает содействие сотрудничеству в исследованиях по вопросу о законах, касающихся коренных народов, поощрение разработки учебных и методических материалов для *orang asli*, организацию и участие в конференциях и семинарах, касающихся вопросов коренных народов. Помимо того, Центр служит для разработки и координации научных исследований, публикации информации в области коренных народов, их обучения, а также содействия обеспечению политических прав коренных народов и прав человека.

Именно на материалах этих двух Центров в период 2000–2012 гг. проведено наше исследование и сделан выводы. По понятным причинам работ по различным проблемам медицины и здравоохранения оказалось больше всего: за рассматриваемый период их насчитывается 12 и это *первая* по количеству PhD работ группа.

Вторая по количеству работ группа — исследования по культуре, традициям, школьному образованию, педагогике и психологии — 10 PhD, т. е., школьному образованию аборигенов неизменно уделяется большое внимание современных авторов.

Третья группа — анимистическая традиция, ислам и религии насчитывает 9 работ. Хотя аспекты развития мусульманской веры в среде *orang asli* не столь насущны, однако для мусульманской страны с традиционно уважительным отношением к мусульманской вере и духовенству обращение к этим проблемам также естественно.

Четвертая группа — взаимоотношения цивилизаций и правовые проблемы — 4 PhD.

Правовое образование *orang asli* и бережное отношение закона к их правам является весьма актуальной задачей современного малайского общества и государства Малайзии.

Филькин К. Н. (Томский ГУ, Томск)

Vrindavan Research Institute: краткий обзор

При решении научных проблем, связанных с определенными географическими объектами или областями, в т.ч. при проведении полевых исследований, огромную роль играют местные научно-исследовательские организации — архивы, музеи, институты и т. п.

В рамках изучения вайшнавизма или культуры региона Враджа примечателен «Вриндаванский исследовательский институт» (Vrindavan Research Institute), основанный в 1968 г. Ознакомиться с работой института удалось в марте 2014 г. во время поездки по Индии. В ходе знакомства состоялась встреча с директором, доктором Махеш Нараином Шармой, занимающим должность с 2012 г. Среди его научных интересов — исследование кантимал в разных традициях Враджа и традиционные индийские боевые искусства. Англоязычные публикации у сотрудников практически отсутствуют, в основном на хинди. В этом директор отметил одну из проблем института.

Институт состоит из нескольких департаментов, в том числе Музея культуры Враджа, Центра хранения рукописей, Центра консервации рукописей, библиотеки и др. Музей в настоящее время занимает один зал и содержит манускрипты, картины, монеты. В ближайшее время планируется переезд музея в строящееся на средства гранта Правительства Индии новое помещение, где планируют разместить три галереи.

Основное направление работы института — сохранение и исследование рукописей и книг, содержащихся в институте и частных коллекциях региона. Собрание института составляет около 35 000 рукописей на разных языках.

Доступность результатов оцифровки манускриптов зависит от государственного проекта «Nation Mission for Manuscript» (ни на сайте NaMaMi, ни VRI оцифрованные манускрипты недоступны). Проект NaMaMi грандиозен, но если вся работа центров в разных регионах будет завязана сугубо на него, то это станет самым узким местом.

Институт занимается только письменным наследием, почти совсем не касаясь археологических исследований во Вриндаване и тем более не имея никаких функций по контролю за сохранением исторического наследия Вриндавана. Это острый вопрос, поскольку в настоящее время можно наблюдать, как перезастраивается Вриндаван и как разрушается исторически значимая архитектура.

Яковлева Е. А. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва)

Материалы европейских миссионеров и купцов (1641–1647 гг.) о королевстве Лансанг как важный источник по истории Лаоса

Побывавшие в Лансанге в середине XVII в. купец из голландской Ост-Индской компании Геррит ван Вустхофф с помощниками и пьемонтский иезуит Джованни Мария де Лериа не были первыми европейцами на лаосской земле. Однако в отличие от предшественников, целью их визитов был именно Лансанг, и они впервые оставили достаточно пространные записи о различных сторонах жизни в этом королевстве как очевидцы, а не «из третьих рук», как это было до них.

Посланцев от голландской Ост-Индской компании, равно как и миссионеров, базировавшихся в Дайвьете, в Лансанге ждали давно. Интерес к установлению прямых и постоянно действующих отношений «Лансанг-Запад» был обоюдным.

Г. ван Вустхофф был весьма благожелательно принят всеми сегментами лансангской элиты, что выразилось в демонстративном повышении его официального статуса: с ним обходились как с послом большого дружественного государства.

Сложнее было положение у миссионера-иезуита Дж. М. де Лериа, хотя он пробыл в Лансанге намного дольше, чем Г. ван Вустхофф, и успел узнать лаосцев лучше, оставив более пространные записи, в которых, правда, больше и субъективизма. Дело в том, что высшее руководство лансангской сангхи уже после первых бесед и диспутов на богословские темы заняло жестко отрицательную позицию в отношении де Лериа, воспрепятствовав таким образом его прозелитической деятельности.

Возвратившись в Дайвьет, Дж. М. де Лериа больше в Лансанге не бывал, несмотря на «бессрочное» приглашение лаосского короля. Не наладилась у Лансанга и торговля с голландцами, но по иным причинам.

Неудачу подключения Лансанга-Лаоса к мировому рынку, на наш взгляд, следует рассматривать прежде всего как проявление «диктатуры географии», затормозившей развитие этой страны именно с середины XVII в. Тем не менее, очень много из отмеченного обоими визитерами, особенно в социальной и психологической областях, а также в плане политической культуры Лаоса, продолжает звучать актуально и сегодня.

СЕКЦИЯ VI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ: ПАМЯТИ ПРОФ. Л. А. БЕРЕЗНОГО (1915–2005)

HISTORIOGRAPHY OF CHINA: IN MEMORIAM OF PROFESSOR LEV BEREZNIY (1915–2005)

Баялиева Е. Ф. (ИВ РАН, Москва)

О содержании 23-го цзюаня кодекса Чжичжэн Тяогэ (династия Юань)

В 2002 году состоялось небольшое по масштабу, но важное историческое открытие: в Южной Корее был обнаружен ранее неизвестный документ эпохи Юань — кодекс законов Чжичжэн Тяогэ.

Первой главой в найденном кодексе является 23-й цзюань (судьба первых 22 цзюаней не известна). По тексту кодекса 23-й цзюань занимает страницы с 18 по 31, называется «О складах» и имеет 36 «параграфов» (термин условный). По названиям параграфов ясно видно, что речь идет о денежных складах, а по сути — о работе финансовой системы Юаньского Китая:

- Об обмене старых банкнот.
- Подготовка бумаги для банкнот за вычетом затрат на работу.
- Подготовка моделей бумажных денег.
- О безопасности работы пунктов обмена.
- Злоупотребления при обмене денег.
- Перевозка старых банкнот под охраной.
- Сожжение старых банкнот.
- Запрет чиновнику, участвующему в сожжении банкнот, увольняться.
- Не ждать чиновника, который не сможет приехать на сожжение.
- Чиновники убегают, притворяясь больными.
- Назначение дополнительных начальников для 6 складов.
- О пожарах на складах.

- Отправка казенных товаров.
- Увольнение с должностей из-за хищений, растрат и перегрузов [при отправке казенных товаров].
- Увольнение с должности за требования денег при отправке чиновника на сожжение банкнот.
- Увольнение с должности из-за недостачи казенного товара при отправке.
- Создание Финансового Управления и его функции.
- Об императорской гвардии; заявки на одежду для *цэсюэ*.
- Отмена отправки [казенного] товара.
- Столичная провинция и ее финансы.

Выше приведено 20 из 36 наименований, поскольку есть параграфы с нечитаемыми иероглифами (пустые квадратики) или там стоят близкие по смыслу наименования.

Из переведенного 23-го цзюаня следует, что в XIII веке в юаньском Китае работала детально продуманная финансовая система, были жесткие правила по уничтожению, транспортировке, обмену банкнот, был учрежден даже «Антикоррупционный комитет» для борьбы с незаконным обменом денег и взятками.

Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Интерпретация конфуцианского текста «Канон песен» в апокрифических комментариях эпохи Хань

За всю историю изучения классического текста «Ши цзин» («Канон песен») в рамках конфуцианской школы с эпохи Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и до эпохи Цин (1644–1911) к этому тексту учёными-«каноноведами» было написано порядка шестидесяти канонических комментариев, субкомментариев и философских эссе. Этот обширный материал даёт исследователю возможность ознакомиться с интерпретациями текста, зафиксированными в традиции. Тем не менее, трактовки канонических комментариев не являются единственными: интерес представляют и апокрифические комментарии к «Ши цзин», частично сохранившиеся до наших дней. Апокрифы к «Канону песен» немногочисленны, сравнительно, например, с количеством апокрифов к хронике «Чуньцю» («Вёсны и осени») или тексту «И цзин» («Канон перемен»). К последним насчитывается несколько десятков апокрифических комментариев, в то время как к «Ши цзин» известно только три апокрифических комментария, написанных в эпоху Хань.

Эти комментарии по-новому раскрывают смысл канонического произведения, основываясь, в первую очередь, на связях текста канона с данными астрономических наблюдений. Показательны слова предполагаемого составителя этих комментариев, выходца из циской школы изучения «Канона песен» И Фэна: «В «Переменах» есть Инь и Ян, в «Песнях» — пять пределов (五際,

у цзи), в «Чуньцю» [изложена теория] природных бедствий. Все они расставляют [по местам] начало и конец, доискиваются [до причин] приобретений и потерь, исследуют волю Небес для того, чтобы прояснить процветание или гибель Дао-пути правителя»[1]. Рассмотренный в таком ключе, «Ши цзин» представлял собой мистический текст, в котором «закодирована» воля Неба, а предназначение апокрифических комментариев — раскрыть её.

Борисов Д. Э. (НГУ, Новосибирск)

Изучение политических событий конца эпохи Хань в отечественной науке и основные исторические источники по данному периоду[2]

По политической истории династии Хань в отечественном востоковедении создано немало работ, но основного внимания исследователей удостоились империя Ранняя Хань и период правления Ван Мана. Поздняя Хань и предшествующий Троецарствию небольшой отрезок времени, начиная от восстания Желтых повязок 184 г. и заканчивая 220 г., освещены лишь несколькими учеными. Среди них особо стоит выделить Б. Л. Рифтина, В. В. Малявина и С. Р. Кучеру. Работы Б. Л. Рифтина, в основном, касались проблем фольклора и его отражения в романе-эпопее Ло Гуаньчжуна 罗贯中 «Саньго яньи» 三国演义 («Троецарствие»), но в некоторых его трудах дана информация о хронике Чэнь Шоу 陈寿 «Саньгочжи» 三国志 и о комментариях, которые позднее добавлялись к ней из разных источников Пэй Сунчжи 裴松之 и другими авторами[3].

Монография В. В. Малявина «Империя ученых» (М., 2007; в 1-м изд. «Гибель древней империи», М.: Наука, 1983) концентрируется на изучении философии эпохи Поздней Хань, в ней лишь кратко изложены политические события 184–220 гг. В. В. Малявин опирался на «Хоу Хань шу» 后汉书 — авторитетный исторический источник, хотя и отмеченный негативным отношением автора Фань Е 范晔 ко всем, кто посягал на ханьский Небесный мандат. Это наглядно продемонстрировал С. Р. Кучера в эссе «Падение Восточной династии Хань в освещении Хоу-Хань шу»[4]. Там же он дал свои переводы фрагментов из глав 8 и 9 «Хоу Хань шу», в которых интересующий нас отрезок 184–220 гг. занял лишь четыре страницы.

---

[1] Цянь Хань шу (Книга [династии] Ранняя Хань). Суй, лян Сяхоу, Цзин, И, Ли чжуань. Цз. 75. Шанхай. 1986. С. 19б.

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00477.

[3] *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. (Устные и книжные версии «Троецарствия»). М.: Наука, 1970. 482 с.

[4] *Кучера С.* Падение Восточной династии Хань в освещении Хоу-Хань шу // Общество и государство в Китае. XXXII научная конференция. М., 2002. С. 57–77.

Порой события в «Хоу Хань шу» изображаются в таком свете, что при грамматически и стилистически правильном переводе текста исследователь сразу становится на сторону Ханьской династии. Получить реальную картину происходивших в конце правления Восточной Хань политических событий можно, лишь используя сразу три исторических источника: хронику «Саньгочжи» без более поздних комментариев, текст «Цзычжи тунцзянь» 资治通鉴 Сыма Гуана 司马光 и вышеупомянутый памятник «Хоу Хань шу».

Валеев Р. М., Мартынов Д. Е., Федорченко Р. Г. (ИМОИВ, КФУ, Казань)

Истоки отечественной университетской синологии в Казани (30–50 гг. XIX в.): фонды и материалы Национального архива Республики Татарстан

На протяжении XVIII–XX вв. в России формируется и развивается синология — актуальная научная дисциплина и направление мирового востоковедения. Истоки развития университетской синологии в России прочно связаны с казанским центром востоковедения XIX в.

В этом отношении большой интерес представляет комплекс документов Национального архива Республики Татарстан, в которых освещается процесс формирования направлений научного изучения истории и культуры народов Китая, изучения китайского языка и др.

В системе университетского востоковедения в России историко-научные истоки китаистики связаны с педагогической и научной деятельностью ординарного профессора восточной словесности Д. Сивиллова и его приемника — О. Войцеховского. Как свидетельствуют разнообразные оригинальные материалы до середины XIX в. главную роль в научном изучении истории и культуры народов Китая в университете играла образованная в 1837 г. новая кафедра китайской словесности, руководимая до 1844 г. Д. Сивилловым, в 1844–1850 гг. — О. Войцеховским, в 1851–1854 гг. — В. Васильевым.

Значимый комплекс документов, представленный в фондах Национального архива Республики Татарстан в сравнении с другими материалами отечественных архивных центров, позволяют оценить научные и просветительские традиции исследования китайской цивилизации в России в XIX в. Они связаны с основными направлениями и особенностями российской и европейской китаистики: преподавание китайского языка на классических литературных и эпических образцах; подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; поиск, изучение и переводы рукописей и книг, материальных памятников китайской цивилизации; подготовка и организация научных путешествий в Китай; публикация оригинальных и переводных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических,

археологических и этнографических статей и работ по истории и культуре народов Поднебесной и др.

Перспективным представляется реализация нового исследовательского проекта «Академик Василий Павлович Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (Очерки и материалы).

Верченко А. Л. (ИДВ РАН, Москва)

Отечественная историография о народных традициях в КНР

Сразу после образования КНР внимание советских ученых было сконцентрировано на социально-политических и экономических преобразованиях в новом государстве, традиции же связывались со старым обществом. Обращению к данной тематике не способствовала ни общая идеологическая платформа, ни атеистическая направленность общественных наук в СССР — ведь большинство китайских обычаев и обрядов сложились на основе религиозных представлений и народных верований и рассматривались как препятствие на пути движения вперед.

Отдельные сведения о сохранении традиций в духовной и материальной культуре встречались в работах историков, философов, географов, социологов, лингвистов, этнографов, религиоведов. Среди них: Н. Т. Федоренко, М. В. Крюков, Л. С. Васильев, Н. И. Конрад, Б. Л. Рифтин, Л. Н. Меньшиков, Н. Н. Чебоксаров, М. В. Софронов, В. Я. Сидихменов, И. С. Лисевич. Влияние «культурной революции» на традиции долгое время оставалось «белым пятном» для исследователей.

Начиная с 1980–1990 гг. интерес к теме значительно возрос. Многие специалисты по Китаю обращают внимание на место традиций в повседневной жизни народа, на отношение населения к праздникам, ритуалам, связанным с главными событиями в жизни человека: рождением, свадьбой, похоронами, почитанием умерших или старших и т. д. В публикациях этого периода в той или иной степени прослеживается тема традиций в современном Китае. Среди авторов — ученые, преподаватели, дипломаты, журналисты: А. В. Аллаберт, Н. Х. Ахметшин, Е. П. Бажанов, К. М. Барский, В. Г. Буров, Л. С. Васильев, А. И. Кобзев, Г. С. Каретина, М. Е. Кравцова, В. С. Кузнецов, А. А.Маслов, В. В. Малявин, В. В. Овчинников, Б. Л. Рифтин, С. А. Серова, Н. С. Спешнев, Г. А. Ткаченко, В. В. Ульяненко и другие. Каждый автор воспринимает действительность под своим углом зрения, рассматривает интересующий его аспект, однако все едины в том, что народные традиции играют значительную роль в жизни китайского общества. Они видоизменяются под влиянием внутренних и внешних факторов, отвечают на вызовы модернизации и глобализации, но тем не менее, сохраняют свой уникальный колорит и особенности, оставаясь достоянием китайской нации.

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)

К истории первого авиаперелета Португалия — Макао

Первый перелет из Португалии в Макао стартовал 7 апреля 1924 г. из небольшого городка Вила Нова де Мильфонтеш (Vila Nova de Mil Fontes) в южной португальской провинции Алентежу, округ Одемира. Городок расположен на берегу океана в месте впадения реки Миры, площадка на крутом берегу которой и послужила взлетной полосой. Сейчас там установлен памятник в виде модели самолета, улицы города носят имена летчиков — Антониу Бриту Паеша (António Jacinto da Silva Brito Paes, 1884–1934), Жозэ Сарменту де Бейреша (José Manuel Sarmento de Beires, 1893–1974) и механика Мануэля Гувэи (Manuel Gouveia,1890–1966).

Идея перелета первоначально не была поддержана португальским правительством, и двое летчиков готовили самолет сами, собирая деньги по подписке. Был закуплен и переоборудован военный биплан «Breguet XVI» с мотором Renault в 300 лошадиных сил. Самолет назван «Родина» («Pátria»), на фюзеляже написали сроку из поэмы Луиса де Камоэнса (Luis de Camões, 1524/25–1580) «Лузиады»: «Esta é a ditosa minha amada» — «Вот моя благословенная любимая Родина».

Полет проходил над странами Магриба, в Индии самолет потерпел крушение, летчики выжили, но отремонтировать машину не удалось. К этому моменту отношение правительства к перелету меняется, летчикам покупают другой самолет — «Pátria-2». В Макао их готовятся встретить как национальных героев, однако самолет терпит крушение на одном из островов близ Гонконга, и в Макао они прибывают 20 июня 1924 г. на катере.

История подготовки перелета, и то, как он проходил, весьма примечательны. Авантюра двух профессиональных летчиков превратилась в великое патриотическое начинание, их торжественно встречали в Макао и потом в Лиссабоне, наградили орденами, выпустили почтовые марки и памятные почтовые карточки. Первый воздушный мост между метрополией и колонией имел большое символическое значение для обеих.

Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск)

Китайский манускрипт X века «Диалог Чая и Вина»: спор через столетия

Французский синолог П. Пельо в 1907 г. при обследовании пещер Дуньхуан в пров. Ганьсу на западе Китая обнаружил старинный китайский манускрипт «Диалог чая и вина» (茶酒論). В настоящее время это сочинение известно в шести списках, хранящихся в Национальной библиотеке Франции в Париже и в Британском музее в Лондоне.

Памятник отражает роль двух цивилизационных напитков: вина и чая. Древние ритуалы, связанные с культом предков и высшими природными силами, с необходимостью жертвоприношений, с ожиданием богатого урожая, диктовали выбор вина как священного напитка в течение длительного времени. Однако на рубеже н. э. вместе с распространением буддизма в Китае на авансцену истории выходит чайный напиток, который быстро завоевывает признание в разных слоях общества, тем самым составляя существенную конкуренцию вину. Вино как более чувственный напиток и чай как более духовный напиток становятся двумя важнейшими источниками вдохновения в литературно-художественном творчестве. Это противоречие и нашло свое отражение в проблематике произведения «Диалог чая и вина», появившегося на исходе эпохи Тан (619–907) и написанного ученым-книжником Ван Фу.

Произведение написано в форме беседы между Чаем и Вином, с использованием рифмы и элементов ритмической прозы. Ван Фу в легкой и остроумной форме пытается определить природу вина и чая, их свойства, выявить их духовно-энергетическую сущность, рассмотреть их как материальную субстанцию и элементы ритуала. Вино и Чай в этом произведении претендуют на роль главных персонажей, равнозначных друг другу, но совершенно непримиримых. Раскрытие качеств героев происходит в процессе полемики. Из этого элегантного спора становятся понятными роли, свойства, достоинства и предназначение каждого напитка. Тайные и явные противоречия Вина и Чая, раскрытые в произведении в даосско-буддийском ключе, примиряет и нейтрализует еще один участник этого действия — Вода. С помощью Воды, лишенной и свежего вкуса чая, и терпкого вкуса вина, напитка без цвета, вкуса и запаха, достигается синтез двух антитез и рождение долгожданной гармонии.

Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Сочинения цинских авторов XIX в. в Корее

Корея с давних времен сохраняла и укрепляла разнообразные контакты с Китаем, в результате были усвоены различные аспекты китайской культуры. Влияние соседнего государства определяло экономическое, социальное и культурное развитие Кореи, при этом односторонняя ориентация на Китай лишала страну возможности культурного и научно-технического взаимодействия с мировым сообществом.

XIX столетие в Китае и Корее было отмечено углублением социально-экономического кризиса на фоне усиливавшейся экспансии западных держав. В этих условиях стали очевидными несостоятельность политики самоизоляции и необходимость преобразования общества.

Понимая, что противнику — Западу невозможно противостоять, не зная его, передовые цинские ученые-сановники Линь Цзэсюй (1785–1850), Вэй Юань (1794–1856), Сюй Цзиюй (1795–1873) и др. начали собирать все доступные сведения о внешнем мире. Постепенное расширение горизонтов познания привело к пониманию необходимости учиться у «варваров», перенимать достижения западной науки. «Описание четырех материков», «Основные сведения о Российском государстве» Линь Цзэсюя, «Описание заморских стран [с приложением] карт» Вэй Юаня, «Очерк всемирной географии» Сюй Цзиюя и др. стали первыми географическими сочинениями, дававшими глобальное представление об окружающем мире.

Известный сановник Ли Гю Гён (1788–1856) в произведении «Обсуждение недавно изданных в Китае выдающихся сочинений» написал об опубликованной к середине XIX в. в Китае и привезенной в Корею литературе. Им были названы несколько десятков изданий «Описания» Вэй Юаня, около десяти изданий произведения Сюй Цзиюя.

Известно, что сочинения Вэй Юаня и Сюй Цзиюя были использованы выдающимся корейским ученым Чхве Хан Ги (1803–1879) при написании им 13-томного произведения «Основные сведения по странам мира» (1857 г.). Сочинения китайских авторов стали своего рода справочными пособиями, из которых черпались сведения, необходимые для строительства боевых судов, артиллерийских орудий, укрепления государства. По ним изучали внешний мир, определяли свое новое положение в нем.

Головачёв В. Ц. (ИВ РАН, Москва)

С. Г. Елисеев и его «Доклад о Формозе»: проблема соавторства

Как отмечал М. Ф. Чигринский, первым изучивший «Доклад о Формозе» С. Г. Елисеева, этот доклад содержит очень интересные данные по Тайваню периода японской оккупации и является ценным источником для этнографа и историка.

В статье «Путешествие С. Г. Елисеева на Тайвань» (1992) Чигринский сообщает, что рукопись доклада (31 с.) хранится в архиве ИВ РАН, указывает дату и место презентации, даёт краткий пересказ содержания, в т.ч. основные этапы поездки и ряд курьёзных цитат. Полный текст доклада издан нами в 2014 в журнале «Восток»[1].

[1] *Головачёв В. Ц., Перминова В. А.* Доклад С. Г. Елисеева о Формозе в Общество Востоковедения в Санкт-Петербурге (1915 г.) как историко-биографический источник// Восток (ORIENS), 2014, № 6. С. 129–141.

«Доклад о Формозе» был подготовлен С. Г. Елисеевым для устного сообщения в Обществе Востоковедения 14.12.1915, что указано на 1-й стр. рукописи. Краткий отчёт о выступлении опубликован в газете «Правительственный вестник» (№ 291) от 16.12.1915.

Авторство доклада не вызывает сомнений, но его текст выявляет наличие анонимного соавтора, помогавшего докладчику. Безусловно, было бы важно установить личность этого человека. Основанием для постановки вопроса о соавторстве служит то, что почерк на первых 5 стр. рукописи (вводная часть с географическими и пр. общими данными об острове) отличен от почерка, которым написана 2-я часть (путевые заметки). Вероятно, 2-ю часть текста написал сам Елисеев, что можно установить путём сравнения с образцами его почерка.

Как сообщает С. И. Марахонова: «В зимние каникулы 1912–1913 гг. Сергей Елисеев вместе со своей невестой Верой Эйхе, которая неоднократно приезжала к нему в Японию, посетил остров Формоза (Тайвань), бывший тогда японской колонией. Прибыв в порт Цзилун на пароходе… они отправились по узкоколейке в путешествие по всему острову… Затем Сергей Елисеев и Вера Эйхе съездили в Корею». Вероятно, соавтором докладчика и была его молодая супруга.

Данилович М. В. (БГУ, Минск)

Центральноазиатская политика КНР в 2000-е — начале 2010-х гг.: специфика историографии проблемы

Различные аспекты политики Китая в Центральной Азии рассматривались в 2000-е гг. и в начале 2010-х гг. представителями ряда академических школ в области истории международных отношений и внешней политики. Анализ их работ позволяет выделить три основных направления в историографии вопроса − постсоветское, китайское и западное.

К *постсоветскому* направлению на основании единства методологии можно отнести работы белорусских, российских и центральноазиатских авторов. Специфической чертой белорусской историографии является зарождение китаеведческой школы и направления центральноазиатских исследований в условиях становления востоковедения в Беларуси. Публикации российских экспертов отличаются всесторонним охватом проблемы и проявлением силы традиции российской востоковедческой школы. В то же время для некоторых работ характерна определённая ангажированность, обусловленная российскими национальными интересами в регионе. Для центральноазиатской историографии характерны наличие сложившейся традиции китаеведения

в Казахстане и, с другой стороны, становление китаеведения в остальных государствах региона, что обусловливает узкий и ситуационный характер многих исследований.

Китайская историография свидетельствует о развитом в Китае изучении центральноазиатского региона — преимущественно в рамках пекинского, шанхайского и синьцзянского направлений, которые выделяются на основании анализа тематики работ китайских авторов. Исследования выполнены в традициях школы неореализма, с преобладанием дескриптивного подхода, многие публикации носят конъюнктурный характер.

В *западной* историографии выделяются американское и европейское направление, для которых характерны разнообразие исследовательских подходов и дискурсы, складывающиеся с учётом конкретных национальных интересов. В целом, в силу обусловленности историографии вопроса различными академическими традициями, а также в силу хронологических рамок имеющихся работ, их результаты нуждаются в обобщении, углублении и обновлении.

Даньшин А. В. (Кемеровский институт, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Кемерово)

Неизвестная рукопись по истории права традиционного Китая

В Российской государственной библиотеке (Москва) среди неопубликованных трудов участников тринадцатой Российской духовной миссии в Китае (1850–1858 гг.) хранятся несколько рукописей, принадлежащих М. Д. Храповицкому, о жизни и научной деятельности которого почти ничего не известно. В редких упоминаниях о нём неверно указываются как годы его жизни, так и основная направленность его научных интересов.

Обнаруженные нами материалы в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода говорят, что родился Михаил Даниилович в 1823 г. в семье потомственного священника Даниила Яковлева, служившего в церкви села (погоста) Язвищи Крестецкого уезда Новгородской губернии. После окончания Новгородской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, он был направлен в Китай, где по официальному поручению руководителя миссии архимандрита Палладия, занимался изучением китайского законодательства, обращая особое внимание периоду династии Мин.

В связи с тяжёлой болезнью и смертью М. Д. Храповицкого через год после возвращения из Китая, опубликовать удалось только одну его статью, однако оставшиеся рукописи были сохранены его товарищем по совместной работе в Пекине К. А. Скачковым. Самым крупным трудом М. Д. Храповицкого являются «Материалы для истории уголовного законодательства в Китае»,

состоящие из 267 страниц, написанных очень мелким и трудным для понимания почерком, что остановило начатую К. А. Скачковым работу по их публикации. Предварительная дешифровка этой рукописи позволяет сделать вывод, что она представляет собой перевод всех «Трактатов о наказаниях» («Син фа чжи»), содержащихся в династийных историях. Поскольку на европейские языки такие разделы переведены лишь из нескольких династийных историй, публикация рукописи М. Д. Храповицкого предоставит исследователям уникальный материал по истории права традиционного Китая.

Дмитриев С. В. (ИВ РАН; ИСАА МГУ, Москва)

Доместикация в Китае: попытка обобщения данных

Данное сообщение, ни в коей мере не претендуя на научную новизну, ставит своей целью ознакомить российских специалистов с новыми результатами ученых — прежде всего археологов и генетиков — в области изучения истории одомашнивания животных в Китае, а также с методами, которые ими сейчас используются. Новые находки, а также проанализированные с использованием новых методов старые материалы позволили выстроить довольно убедительную хронологию истории одомашнивания в Китае. Новые данные подтвердили старую гипотезу о том, что Китай (центральные области) входит в число трёх основных центров одомашнивания (наряду с Ближним Востоком и Андами).

Неолитическая революция в Китае, судя по всему, прошла раньше, чем началось одомашнивание животных. Первой из них (10–9 тыс. лет назад) в Китае появилась собака, впервые одомашненная в Европе. Второй (9–8 тыс. лет назад), в Китае была одомашнена свинья, и в данном случае Китай стал одним из независимых центров доместикации. Самые древние находки, связанные с домашней кошкой в Китае датируются приблизительно 5300 г. до н. в. — это одни из древнейших находок в мире. Домашние коза и овца пришли в Китай с северо-запада, из Центральной Азии, в 6–4 тыс. до н. в. Ок. 4500–4000 лет назад в среднем течении Хуанхэ появляется домашняя корова. Самая древняя находка домашней лошади в долине Хуанхэ датируется XIII в. до н. э. — это т. н. *чэмакэны*, ямы, в которых погребены лошади, запряженные в колесницы: лошадь появляется в регионе исключительно как высокопрестижный вид транспорта и только тогда, когда в этом виде транспорта возникает потребность. Последней, судя по всему, в Китае появилась курица. Первые свидетельства её домашнего статуса датируются серединой II тыс. до н. э., но зато она сразу становится одним из наиболее многочисленных домашних животных.

Не стоит забывать и о таких заслугах Китая перед человечеством, как одомашнивание тутового шелкопряда (ок. 5 тыс. лет назад), утки и гуся (ок. 2,5 тыс. лет назад) и сазана (ок. 2 тыс. лет назад).

Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

История окружающей среды Китая в новой монографии Роберта Б. Маркса

Сравнительно недавно была опубликована интересная монография, в которой реализован экологический подход к истории. Автор, профессор Роберт Б. Маркс (США), известен своими работами как по истории юга Китая (Tigers, Rice, Silk, and Silt: Environment and Economy in Late Imperial South China; Rural Revolution in South China: Peasants and the Making of History in Haifeng County, 1570–1930), так и по мировой истории (The Origins of the Modern World: A Global and Ecological Narrative from the Fifteenth to the Twenty-first Century). Его последняя книга «China: Its Environment and History» (Maryland, 2012) посвящена истории огромного региона, ныне составляющего территорию КНР, с древнейших времен до наших дней. Степень подробности изложения событий политической, социальной, экономической истории определяется их важностью с точки зрения процесса трансформации окружающей среды. Автора интересует как воздействие общества на природную среду, так и ограничения, накладываемые последней на исторические процессы.

Основное внимание автор уделил формированию и развитию сельского хозяйства «китайского типа», времени, причинам, способам и последствиям распространения власти китайских государств на новые территории и расширения ареала проживания ханьцев, особенностям взаимодействия с различными экосистемами и этносами, населявшими их.

Главные темы истории окружающей среды Китая, по мнению Р. Маркса, — изменения в системе землепользования, климатические изменения, осуществление контроля над гидрологической сетью, сведение лесов, колонизация периферийных регионов, упрощение экосистем и снижение биоразнообразия, поддержание устойчивости сельского хозяйства. Ведущие движущие силы экологических изменений в Китае — развитие сельского хозяйства, государственная политика, воздействие рыночных сил, развитие технологии, взаимодействие культурных парадигм и практического поведения, динамика численности населения.

Доронин Б. Г. (ВФ СПбГУ , Санкт-Петербург)

Судьба официального историописания накануне Синьхайской революции

Конец XVIII — начало XX вв. особый период в истории Китая, когда просуществовавшая более двух тысячелетий конфуцианская монархия, исчерпав свой потенциал, уходит с исторической арены. Как складывается в этот период судьба официального историописания — важнейшего института, обеспечивающего преемственность и легитимность государственной власти? Историки

КНР, определив «опиумную» войну 1840–1842 гг. как начало новой истории Китая, настойчиво пытаются показать, что с этого рубежа оно практически утрачивает свой былой статус и лицо национальной историографии начинают определять принципиально иные труды.

Однако, имеющиеся факты свидетельствуют, что официальное историописание продолжало активно функционировать не только до Синьхайской революции, но и позже — уже под эгидой республиканских властей. Более того, в период кризиса оно оказалось особо востребованным: одряхлевшая монархия связывала с ним надежды на упрочение своих позиций и сохранение суверенитета Китая в его противостоянии с колонизаторами. Именно на это был ориентирован необычайно популярный среди цинской элиты и во многом определявший в то время политику властей тезис «чжун ти си юн» (китайское — основа, западное — прикладное), реализовать который без опоры на официальное историописание было невозможно.

Его усилия были сосредоточены на интерпретации истории династии Цин, прежде всего последних десятилетий её существования. Ни одна династия, правящая прежде в Китае, не оставляла потомкам столь основательно разработанной версии своей истории. Но ситуация, в которой на данном этапе функционировало официальное историописание была принципиально иной, чем когда-либо прежде, иными были и проблемы, которые ему приходилось теперь решать, и исторические реалии, с которыми приходилось иметь дело. Это потребовало его адаптации к новым условиям и мобилизации всего заложенного в нем потенциала, что придало специфику официальному историописанию этого периода. Но оно, как и прежде, продолжало определять лицо национальной историографии, магистральный путь ее развития.

Именно официальное историописание стало той питательной средой, на которой в Китае XX в. шло формирование современной, но сохранившей связи со своими корнями исторической науки. Функционально жестко ориентированное на решение острейших проблем современности официальное историописание также сыграло очень важную роль в тех сложных и противоречивых процессах, которые обусловили крах конфуцианской монархии, наложило глубокий отпечаток на общественную мысль этого периода.

Зиганьшин Р. М. (ИВ РАН, Москва)

Д. В. Путята о китайской военной организации и теории

Полковник Генштаба Д. В. Путята был вторым после Срезневского (1860 г.) переводчиком трактата Сунь-цзы на русский язык[1]. Он служил российским

[1] Путята, полковник Генштаба. Вооруженные силы Китая и принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 39. СПб., 1889.

военным атташе в Китае (1886–1892 гг.), где имел возможность наблюдать за состоянием дел в китайской армии. Д. В. Путята отмечает полнейший застой в военной организации Китая, вооружении и системе обучения того времени (с. 29). Он говорит также о продаже военных чинов, которые, как и публичные государственные экзамены, ведут часто к подкупам, подделке документов и т. п. (с. 82). Неудачи войн с европейцами и эпоха Тайпинского восстания побудило правительство осуществить военную реформу под руководством «иностранных авантюристов» (с. 87). Военному образованию в Китае, как он считает, мешали низкая компетентность немецких преподавателей и плохая дисциплина в военных школах, а также недостаток хороших переводчиков (с. 87).

В изучении китайской военной теории Д. В. Путята столкнулся с определенными трудностями, которые во многом обусловлены тем, что он не являлся специалистом по Китаю, а изучал эту тему с точки зрения военного человека, причем, как и Срезневский, пользовался французским переводом. Касательно сочинений китайских военных классиков, он говорит, что личная точка зрения и субъективизм составляют основу метода их исследований, не подкрепляемых ссылками на военно-исторические примеры (с. 138). Он отмечает также лингвистические трудности при восприятии европейцами подобных трудов, в которых нередко приводятся положения, смысл которых может быть истолкован двояко. Не удовлетворен автор и самим характером китайской письменности, многие понятия которой «выражаются одинаковыми иероглифами и пишущий употребляет их, не задумываясь, будет ли правильно понята его мысль или нет» (с. 138). Тем не менее, Путята признает очень многие положения китайских военных трактатов заслуживающими внимания. Он как военный специалист по-своему систематизировал эти сочинения и свел их к своей собственной единой системе, как он называет, «программе».

Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск)

Траурный ритуал в канонических установлениях конфуцианства (по материалам «Ли цзи»)

Разделы, связанные с фиксацией и описанием траурного ритуала в древнем Китае, составляют значительную часть объема текста древнекитайского сборника «Ли цзи» («Записи о ритуале»). Это представляется закономерным: в *ли* (ритуале) нет ничего важнее траура — так считали древние. После смерти близкого использовались различные способы выражения скорби и внутренней печали.

Срок траура. Ритуальные правила диктовали различный срок траура: он мог длиться три, пять, девять месяцев, один, три года. Продолжительность определялась степенью родства с умершим и глубиной скорбных чувств к нему

близких. Глубина чувств корректировалась с помощью моральных «регуляторов» — *жэнь* (гуманность), *и* (долг), *ли* (ритуал), *чжи* (мудрость), а также *энь* (сострадание), *ли* (справедливость), *цзе* (умеренность), *цюань* (податливость).

Степени траура. *Чжаньцуй* — самая строгая степень траура, носили три года. Объектов такого траура было немного: дети скорбели по отцу, жена — по мужу, отец — по старшему сыну главной жены. *Цзыцуй* — следующая степень траура, подразделялась на четыре вида: трехгодичный *цзыцуй* (отец скорбел по матери, мать — по старшему сыну), годичный *цзыцуй* с посохом (подходил для выражения скорби отца по матери, мужа по жене), годичный *цзыцуй* без посоха (носили по дедушке и бабушке со стороны отца, дядям и тетям со стороны отца, братьям), трехмесячный *цзыцуй* (простолюдины носили по правителю царства). *Дагун* — траур, который носили девять месяцев, например, по умершим братьям отца, дедушке и бабушке мужа. *Сяогун* — пятимесячный траур, которым скорбели по прадедушке и прабабушке (со стороны отца), дедушке и бабушке (по линии отца и по линии матери). *Сыма* — носили три месяца (по родственникам двумя, тремя поколениями старше, троюродным братьям, а также родителям жены).

Траурная одежда — платье, головной убор, атрибуты, а также поведение, образ жизни — все это соответствовало степени отправляемого траура.

В «Ли цзи» зафиксирована подробная система регламентаций относительно осуществления траура. Однако установленные правила могли корректироваться применительно к обстоятельствам. Основной постулат — не впадать в крайности. «Благородный не должен превышать траура, недобродетельный не должен не дотягивать до конца траура. Такой порядок и есть *чжун`юн* (золотая середина)».

Кобзев А. И. (ИВ РАН; МФТИ (ГУ); РГГУ, Москва)

О переводе названия «Лунь-юй»

В синологической литературе без должных разъяснений используются две принципиально различные трактовки взаимосвязи иероглифов *лунь* 論 и *юй* 語, которые образуют название главного произведения, отражающего идеи Конфуция. (1) Они являются однородными членами и переводятся как «Суждения и беседы» или «Беседы и суждения», а также синонимами этих слов в разных сочинительных комбинациях. (2) Они связаны атрибутивно и выражают не два, а одно понятие, из чего вытекают две возможности: переводить одним словом или двумя, одно из которых будет определением к другому. В первом варианте получились «Аналекты», «Афоризмы», «Изречения» и «Суждения», во втором — «Отборные беседы», «Избранные высказывания» и «Обсужденные изречения/речи/поучения».

Наименование «Лунь-юй» впервые отмечено в гл. 27/30 «Фан-цзи» «Ли-цзи», которую, согласно Шэнь Юэ (441–513), написал внук Конфуция Цзы-Сы (V до н. э.). Однако, согласно Ван Чуну (I в. н. э.), первым его употребил Фу Цин (II–I вв. до н. э.). Оно утвердилось после эпохи Хань, т. е. с III в. н. э., поскольку до этого еще использовались альтернативные названия «Лунь» и «Юй», «Чжуань» (傳 «Предание») и «Цзи» (記 «Записки»). Полная форма «Лунь-юй» появилась практически синхронно с краткими «Лунь» и «Юй», которые могли быть ее исходными вариантами. Обозначение «Лунь» впервые зафиксировано в «Чунь-цю фань-лу» (II в. до н. э., гл. 29, 30), а «Юй» — в «Янь-те лунь» (I в. до н. э., гл. 3).

А. А. Петров отметил у термина *лунь* ицзинистическое значение «трактовать», И. С. Лисевич — значение литературно-философского жанра «рассуждение», В. С. Спирин определил его как «суммирующее заключение», а Ю. Л. Кроль — как «спор», предполагающий столкновение двух «(рас)суждений, благодаря чему „видно, какое справедливо, а какое нет“». Из этой семантики *лунь* вытекают варианты перевода «Лунь-юй»: «Обсужденные речи», т. е. специально отобранные учениками, или «Речи, [содержащие] суждения, [в споре устанавливающие истину]», т. е. «Полемические речи», или «Рассудительные/теоретические/концептуальные речи», поскольку в китайской философии *лунь* — аналог западных терминов «рассуждение», «теория», «концепция» и индийского «*шастра*».

Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск),
Соловьев А. И. (НГУ, Новосибирск)

Погребальная пластика как источник по истории царства Гаочан[1]

Царство Гаочан, существовавшее с поздней Древности до развитого Средневековья (I в. до н. э. — сер. VII в.) играло важную роль в политической и культурной истории Западного края. Помимо сведений в китайских летописях[2], все большую значимость приобретают археологические источники. Значительный материал получен при раскопках группы могильников Астана, изучение которых началось в конце XIX в.[3] и продолжается по сей день. Наглядность реконструкциям придают многочисленные предметы погребальной пластики — раскрашенные глиняные и деревянные фигурки людей, животных, бытовых предметов и фантастических существ. С их помощью моделировался загробный мир, который во многом был слепком с царства земного.

[1] Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект 14–01–00477.

[2] *Боровкова Л. А.* Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992.

[3] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984.

Одной из важных групп в классификации вотивной пластики являются изображения всадников. Из них можно собрать целые охотничьи кавалькады (с фигурками соколов на руке наездников или гончих псов, сидевших на крупе лошадей). В составе группы есть и придворные красавицы, и музыканты с инструментами. Некоторые с учетом местной специфики едут на верблюдах. Представлены также игроки в поло (игра, вероятно, заимствована у тибетцев в VII в.). Особого внимания заслуживают фигуры тяжеловооруженных кавалеристов в пластинчатых доспехах и конических шлемах. Эта самая передовая часть войска того времени свидетельствует о том, что правители царства Гаочан располагали достаточными военными ресурсами, чтобы выступать, в зависимости от обстоятельств, достойными противниками или союзниками китайских наместников (во всяком случае, до раннего периода Тан включительно). Впоследствии панцирная конница становятся важным подразделением императорской армии.

Кудинова М. А. (НГУ, Новосибирск)

Захоронения собак в могилах неолитической эпохи на территории Китая

В неолитическую эпоху на территории Китая складывается особое отношение к собаке как к объекту культа. Именно в неолите возникает обычай захоронения собак в могилах, расцвет которого придется уже на период развитой бронзы — эпоху Инь.

Наиболее ранние находки костей собак в могилах обнаружены на памятнике Цзяху культуры пэйлиган. В могиле М341 (7000–6600 л. до н. э.) найден фрагмент кости собаки. Кроме того, на памятнике обнаружены 10 ям с захоронениями собак, шесть из которых находились на территории могильника или в непосредственной близости от него.

Наибольшее число захоронений собак в период неолита относятся к культуре давэнькоу. На памятниках Люлинь, Дадуньцзы, Хуатин и Едянь найдено разное количество погребений с собаками (от 1 до 9). Практически синхронны погребениям с этих памятников шесть могил с захоронениями собак с памятников Лунцючжуан (культура лунцю) и Вэйдунь (культура мацзябинь).

Захоронения собак неолитическую эпоху в основном сконцентрированы в районе верхнего и среднего течения рек Хуайхэ и Ханьшуй, северо-западном районе (территория современных провинций Шэньси и Ганьсу) и в нижнем течении Янцзы.

Большинство могил — грунтовые погребения. Что касается положения тела покойного, наиболее распространенная поза — на спине с вытянутыми ногами, редко встречаются погребения ничком или с согнутыми ногами.

По числу животных наиболее распространенным видом были погребения с одной собакой в могиле. На каждом памятнике, где имеются погребения с собаками, именно могилы этого вида составляют большинство. На втором месте по распространенности — захоронения отдельных костей. Редко встречаются захоронения нескольких собак.

Недостаток данных затрудняет интерпретацию, но предположительно захоронения целых собак и отдельных костей имеют разное значение: первые связаны с представлением о собаке как защитнике или животном-медиаторе, а вторые представляют собой ритуальную пищу.

Кузнецова-Фетисова М. Е. (ИВ РАН, Москва)

Металл и власть: влияние бронзолитейного производства на политику династии Шан во 2-й пол. II тыс. до н. э.

Второе тысячелетие до нашей эры является временем становления китайской цивилизации, периодом, когда были заложены основы государственности, письменности, культурных феноменов, которые определяли развитие этой страны и всей Восточной Азии на протяжении многих веков.

В исследовании этого периода исключительную роль играет изучение последней столицы династии Шан близ современного города Аньян, провинция Хэнань, КНР. На этой территории были найдены эпиграфические памятники — надписи на гадательных костях и бронзовых сосудах, и многочисленные археологические находки, подтверждающие уникальный статус данной местности во 2-й половине II тысячелетия до н. э. Также существует ряд свидетельств в литературных памятниках позднейших эпох о поздней столице династии Шан в местности Инь, что дает возможность связать археологические и эпиграфические данные с историческими событиями.

Раскопки данного памятника продемонстрировали высочайший уровень развития бронзолитейного производства в это время. В докладе будут рассмотрены вопросы, связанные с влиянием металлообработки на военное дело, экономику и политику правящего дома Шан.

Мартынов Д. Е. (ИМОИиВ, КФУ, Казань)

«Учение о прекращении рождений» Чжан Бинлиня

Один из наиболее радикальных утопических проектов в Китае начала XX в. представил Чжан Бинлинь (Тайянь, 1869–1936) в работе «О пяти исчезновениях» (*У у лунь* 五無論), увидевшей свет в 1907 г. в журнале суньятсенистов «Минь бао» (民報), издаваемом в Японии. Небольшая статья (22 страницы китайского текста в журнальном издании 1907 г.) вызывала в историографии различные

оценки: так, Кэндзи Симада считал, что это «типичный пример романтической иронии»[1], а Чжан Чжаои назвал её «пропагандой анархизма»[2]. Н. М. Калюжная вслед за японским исследователем Кондо Куниясу (近藤邦康) рассматривала буддийские корни данного учения, которые были объединены с анархическими теориями и китайской традиционной доктриной исторического круговращения[3].

Содержательно теорию Чжан Бинлиня по радикальности можно сравнить с видениями конечных судеб мира в «Жэнь сюэ» Тань Сытуна. Чжан Тайянь рассмотрел будущее мира, который, по его словам, «выходит за рамки рационализма»; это называется «учением о прекращении рождений» (無生主義), что содержательно и терминологически связано с понятием нирваны. Достижение нирваны связано с Пятью исчезновениями (五無):

1) правительств (無政府);
2) поселений (無聚落);
3) человечества (無人類);
4) всего живого (無衆生);
5) физической вселенной (無世界).

Чжан Бин-линь не определял длительности каждого из этапов, но указывал, что новый период не может наступить в одночасье, а переход должен быть последовательным. По завершению Пяти исчезновений наступит новое возрождение, но уже в бестелесном мире нирваны. Характерно, что идеал не связывается явно с Великим единением (大同).

Новиков Б. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Так называемая «загадка Нидхэма» в историческом китаеведении: некоторые современные версии ответа

Экономическое лидерство Китая закончилось к середине XIX в., когда «опиумные» войны вскрыли глубокое отставание Китая от Запада.

Английский ученый Джозеф Нидхэм поставил вопрос шире: во-первых, почему Китай длительное время опережал другие страны и, во-вторых, почему он резко отстал? Нидхэм также перенес акцент в анализе с внешних факторов (колониальная экспансия западных держав) на внутренние (губительное влияние бюрократического аппарата, феодального государства).

Последователи Нидхема выдвинули ряд новых гипотез, которые исходят из того, что долгосрочное экономическое развитие любой страны базируется

[1] Shimada Kenji. Pioneer of the Chinese Revolution: Zhang Binglin and Confucianism. Stanford, 1990. P. 156.

[2] Zhang Zhaoyi. Lu Xun: The Chinese “Gentle” Nietzsche. [Б.м.], 2001. P. 99.

[3] *Калюжная Н. М.* Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) — китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М., 1995. С. 215–217.

на постоянном внедрении новых технологий и совершенствовании уже существующих. Согласно одной из гипотез, с ростом населения в Китае всё больше обесценивался человеческий труд и соответственно снижался спрос на новые технологии, что привело к замедлению прогресса Китая.

По другой теории, в доиндустриальную эпоху в основе любых изобретений лежал практический опыт стихийно действующих рядовых тружеников, поэтому, обладая самым многочисленным населением, Китай длительное время обеспечивал себе лидерство в технологии. Однако в XVI–XVII в. в Западной Европе совершилась научная революция, на смену стихийному практическому опыту пришли контролируемые научные эксперименты, что многократно повысило степень вероятности изобретений и помогло европейцам сделать рывок в инновационном развитии. Китай же, продолжавший использовать традиционную модель, остался позади.

Эти трактовки имеют определенные научные основания, хотя по ряду положений противоречат друг другу. Главный же минус новых гипотез состоит в том, что они пытаются объяснить отставание Китая от Запада единственной причиной, тогда как оно было порождено целым комплексом внутренних и внешних факторов, состав которых всё еще нуждается в уточнении. Работа над «загадкой Нидхэма» продолжается и требует дополнения еще одним актуальным «подвопросом» — почему Китай с конца XX века переживает новое бурное развитие и станет ли он опять мировым лидером?

Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург),
Пчелин Н. Г. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Пять портретов маньчжурских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа

Прославление выдающихся военачальников и преданных сановников было частью идеологической политики империи Цин, высоко ценившей преданность маньчжурскому двору. В результате успешных завоевательных походов в 1750–1770-х гг. империя Цин значительно расширила свои границы. Желая отметить эти успехи и героические заслуги военачальников, император Цяньлун построил Зал славы — Цзыгуан-гэ (Павильон пурпурного блеска) и в 1760 г. заказал для него 280 портретов. Портреты в полный рост были написаны совместно группой европейских и китайских художников. Каждый портрет был снабжен хвалебным стихотворением на маньчжурском и китайском языках, написанным императором.

В 1900 г. в результате подавления восстания ихэтуаней и разгрома Пекина европейскими войсками Зал славы был уничтожен, а портреты были частично вывезены в Европу. 16 портретов оказалось в Берлине, однако считалось, что портреты сгорели во время бомбардировки Берлина авиацией союзников. Лишь

совсем недавно были раскрыты фонды и материалы, привезенные в Россию в составе репараций 1945–1946 гг. Хранители полагали, что среди доступных свитков находятся семь портретов. Несмотря на то, что портреты и надписи были значительно повреждены пожаром и многочисленными подтеками, удалось раскрыть и прочитать надписи на четырех портретах[1]. Это оказались портреты военачальников Чэбдэньчжаба, Болбунча, Етуня и Фусила. Удивительная работа, проведенная группой реставраторов дала возможность выставить портрет Чэбдэнбчжаба на временной выставке «Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени» (29 октября 2014 г. — 22 февраля 2015 г.). Из оставшихся трех свитков только один оказался портретом цинского военачальника. Императорское посвящение на двух языках говорит о том, что на портрете изображен Гуаньдасэ.

В Берлине чудом сохранились довоенные охранные фотографии 16-ти портретов, пять из которых сейчас оказались в Государственном Эрмитаже. Благодаря этим снимкам можно с точностью восстановить тексты императорских стихов на маньчжурском и китайском языках.

Перминова В. А. (ИВ РАН, Москва)

Первые 20 лет японского управления Тайванем (1895–1915 гг.): причины «разразившейся катастрофы» (по материалам прессы)

Японская империя, начавшая активно расширять свои территориальные границы с конца XIX в., следовала собственной модели колониального управления. Взяв за основу французскую модель, правительство планировало осуществить экономическую, политическую и культурную интеграцию колонии с метрополией. Необходимость завоевания острова и желание скорейшего извлечения прибыли обусловили силовые методы управления, активную японизацию местного населения и перераспределение финансовых средств в пользу японских граждан. Хотя все эти меры японцы осуществляли в течение всего периода оккупации острова, однако начиная с 1920-х гг. они все же вынуждены были скорректировать свою политику и перейти к «просвещенному управлению» колонией.

Восстания 1912–1915 гг., из которых самое крупное — Инцидент Табани (1915 г.), продемонстрировали японцам, что их усилия по умиротворению населения не привели к желаемому результату. Оценивая масштабы поражения японских властей, в газетах писали: «разразилась катастрофа»[2]. Действи-

[1] *Пан Т. А., Пчелин Н. Г.* Портреты выдающихся военачальников периода правления императора Цяньлуна из коллекции Государственного Эрмитажа // Письменные памятники Востока, № 2 (15), 2011 , с. 262–278.

[2] Причины беспорядков на острове Формозе // Китай и Япония. Хабаровск, 1913. №169. С. 44.

тельно, и антияпонские выступления, и последовавшие за ними карательные экспедиции оказались крупнейшими за первые 20 лет управления Тайванем.

Для того, чтобы понять причины неудачного управления первых 10–15 лет оккупации, автор статьи обратился к анализу статей из японской, китайской и корейской прессы конца XIX — начала XX вв., в которых раскрываются цели, задачи и предполагаемые результаты японской политики. Одной из таких статей, обнаруженных автором в архивах, является донесение военного агента в Китае полковника Вогака в сентябре 1895 г. Данный документ содержит самую раннюю теоретическую программу, цели и задачи, которые изначально ставила перед собой японская колониальная администрация. Ряд сообщений о Тайване, опубликованных в журнале «Китай и Япония» за 1911–1915 гг., позволяет понять, каким было восприятие японской колониальной политики в мире и в самой метрополии, а также какую реакцию вызвали в Японии восстания на Тайване 1912–1915 гг.

Погудина Ю. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новые китайские мегаполисы

Стремительное увеличение численности городского населения в Китае влечет за собой рост числа мегаполисов. Данный рост обусловлен как масштабной внутренней миграцией, так и правительственными мерами, направленными на увеличение урбанизированных территорий. Таким образом, правительство надеется, что попадая в новые условия городской жизни, население начнет больше тратить, тем самым стимулируя частное потребление.

В начале 2000-х годов основными центрами привлечения населения были три крупных мегаполиса, два из которых распложены вдоль юго-восточного побережья Китая: дельта реки Янцзы, дельта реки Чжуцзян и район Пекин-Тяньцзинь. Однако в последние годы значительная часть населения мигрирует в несколько ключевых точек, расположенных по всей территории страны, которые постепенно образуют новые городские агломерации. Согласно докладу «О развитии городских агломераций в Китае (2013)», в настоящее время Китай выполняет план по созданию 23 крупных агломераций, которые призваны исполнять роль крупных конкурентоспособных и инновационных центров страны. Многие из этих мегаполисов, расположенных во внутренних районах Китая, в ближайшее десятилетие будут во многом уступать мегаполисам, уже успевшим занять ведущие позиции в стране, однако стремительный рост новых агломераций сможет открыть новые возможности и привлечь новые инвестиции в регионы.

Примером таких молодых и быстро развивающихся центров является агломерация Чжэнчжоу, которая включает в себя три крупных города: собственно город Чжэнчжоу, Кайфын и Лоян. Задача городов мегаполиса Лоян-Чжэнчжо-

у-Кайфын — перехватить мигрантов, которые стремятся в Чжэнчжоу, рационально развить сотрудничество между городами в разных сферах. Все города внутри агломерации взаимодействуют между собой на политическом, экономическом и культурном уровнях; задачей правительства является сделать это взаимодействие максимально успешным, продуктивным и взаимовыгодным.

Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва)

Смена модели экономического роста в Китае: исторический дискурс[1]

Центральным процессом, идущим в настоящее время в экономике Китая, является трансформация сложившейся в стране модели экономического роста. Проблема такого рода для КНР не нова. Впервые о необходимости перехода к опоре главным образом на интенсивные факторы роста китайское руководство заговорило на рубеже 1980–1990-х годов. Вновь вернуться к этой идее заставили Азиатский финансовый кризис и стартовавшая непосредственно за ним реформа государственных предприятий с высвобождением крупных контингентов занятых. Темпы экономического роста в КНР снизились с 10 % в 1996 г. и 9,3 % в 1997 г. до 7,6 % в 1999 г. и 8,3 % в 2001 г., но при этом улучшилось соотношение накопления и потребления. Так, доля конечного потребления в ВВП выросла в 1999–2001 гг. до уровня выше 60% — на 2–3 процентных пункта выше, чем в 1993–1996 гг. Норма накопления снизилась до минимума в 35,3 % в 2000 г.

Эта позитивная тенденция, однако, не получила продолжения. Напротив, период 2003–2012 гг. характеризовался аномально высокой нормой накопления. Она подпрыгнула с 41,6 % в среднем за 2005–2007 гг. до 43,7 % в 2008 г., 47,7 % в 2009 г. и более 48 % в 2010–2012 гг. То есть крен в факторах роста в сторону инвестиций не только не ослаб, но, напротив, еще более усугубился.

Однако даже столь внушительная инвестиционная накачка уже не решает задачи сохранения высоких темпов экономического роста. По оценке МВФ, без корректировки действующей модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на экспорт и инвестиции в инфраструктуру темпы прироста ВВП в Китае после 2018 г. могут упасть до 4%, что негативно сказалось бы как на реализации долгосрочных целей развития, так и на социальной стабильности в стране.

Именно поиском путей сохранения приемлемых темпов прироста ВВП и объясняется в первую очередь нынешний разворот в Китае к практической модификации сложившейся модели экономического роста.

[1] Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14–07–00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае».

Рыбаков В. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Танское уголовное право и императорские жертвоприношения

Конфуций призывал относиться к потустороннему миру с уважением, но держаться от духов подальше и поменьше обращать на них внимание при решении практических вопросов. Императорская же идеология, практически монополизировавшая все главные каналы общения с потусторонним миром, относилась к духам как к абсолютной реальности, как ко вполне деятельным и отчасти даже подверженным неким аналогам человеческих эмоций существам — просто существам иного порядка. Поэтому в государственном аппарате традиционного Китая возникли учреждения, где вполне рациональные конфуцианцы как к одному из равноправных государственных дел относились к подготовке и организации государственных жертвоприношений, а в его уголовном праве — нормы, жестко, под страхом кар, регламентировавшие поведение госслужащих по отношению к сакральным процедурам.

Например, один и тот же предмет, задействованный в процессе жертвоприношения, проходил несколько этапов функциональной значимости, а стало быть, и правовой защищенности от посягательств. На каждом из них строгость наказания за его хищение менялось. Пиковых значений она достигала в период, когда дух непосредственно пребывал на этом предмете и, как следовало полагать, наслаждался подношением.

Регламентировалось бытие задействованных в церемонии людей в период, предшествовавший жертвоприношению. Мораль требовала от чиновников поститься, правила поведения формализовали этот процесс, а уголовное право со своими наказаниями бдительно дежурило рядом, будучи в полной готовности карать чиновника, не соблюдающего нормы морального поведения. Причем карать с ровно той суровостью, которая отражала важность нарушенной нормы.

Различным наказаниям подлежали служащие, что совершенно рутинным, бюрократическим образом отвечали за подготовку сакрального мероприятия, и при том нарушили государственные стандарты, которым должны были соответствовать жертвенные предметы.

С максимальной же нетерпимостью закон относился к чисто аппаратным задержкам проведения гаданий о дне, наиболее благоприятном для осуществления жертвоприношения, и рассылки уведомлений о сроке жертвоприношения, особенно если эти задержки повлекли срыв мероприятия.

Рысаков А. С. (СПбГИК, Санкт-Петербург)

Конфуцианские канонические комментарии эпохи Юань (1271–1368)

Конфуцианство периода правления монгольской династии Юань является малоисследованным в отечественной востоковедной науке феноменом. Гораздо

больше внимания традиционно уделяется предшествующему сунскому периоду (XI–XIII вв.) — эпохе появления неоконфуцианства — и последующему минскому периоду (XIV–XVII вв.) — расцвету направления «школы сердца-сознания» (*синьсюэ*). Юаньский период воспринимается скорее, как исторически краткая переходная эпоха.

Вместе с тем подобный взгляд на конфуцианское учение данной эпохи не вполне соответствует действительности. Дело не только в том, что в 1313 г. неоконфуцианство в версии Чжу Си было утверждено в качестве стандарта для сдачи государственных экзаменов, и этот факт во многом предопределил развитие конфуцианской мысли и доминирование неоконфуцианской идеологии вплоть до Синьхайской революции 1911 г., но и в оригинальности и значимости философского и доктринального наследия конфуцианских авторов эпохи Юань.

Два выдающихся наставника той эпохи Сюй Хэн (1209–1281) и У Чэн (1249–1333) принимали активное участие не только в создании официальной «школы принципов» (*лисюэ*), но и в политической жизни этого неспокойного времени, в реставрации дворцовых ритуалов, в создании эталона конфуцианского образования. Кроме того, эпоха Юань — это период активного и творческого развития конфуцианской комментаторской традиции, разработки новых способов комментирования корпуса канонических текстов и шлифовки нюансов классических подходов к изучению древних письменных памятников, таких, например, как «пофразовый комментарий» (*чжуцзюй*).

Настоящий доклад посвящен особенностям комментирования конфуцианских канонов в период правления монгольской династии. Особое внимание уделяется творчеству выдающегося ученого-каноноведа и самобытного комментатора конфуцианских и даосских текстов У Чэна. Детально разбираются исследовательские методы характерные для его экзегетического наследия. Также освещается история и особенности подхода к изучению канона в основных комментаторских школах конца XIII — первой половины XIV вв.

Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Купеческие книги» (*шанжэньшу*) и «повседневные энциклопедии» (*жиюнлэйшу*) как учебные пособия в позднеимператорском Китае

Развитие системы образования в китайском обществе в позднеимператорский период XVI–XVIII вв. было отмечено отчетливой тенденцией — все более явной ориентацией на подготовку учащихся к практической профессиональной деятельности. При сохранении традиционных форм функционирования образования — системы государственных школ и экзаменов на замещение чиновничьей должности, опиравшийся идеологически на учение неокон-

фуцианства, в сфере частного образования постепенно утверждается новое понимание образовательной цели — обучение не ради постижения доктрины неоконфуцианства и дальнейшей политической карьеры, а ради обретения практических навыков и осуществления профессиональной деятельности.

Наиболее отчетливым свидетельством этой реинтерпретации педагогического идеала может выступать широкое распространение учебных материалов нового типа — «повседневных энциклопедий» (*жиюн лэйшу)*, а также профильных пособий для купцов (*шанъешу*). «Энциклопедии» включали сведения по географии, астрономии, астрологии, основам хозяйственной деятельности, сельскому хозяйству, геомантии, гаданиям, толкованиям снов, медицине. Они использовались как в целях обучения грамоте, функционально необходимой для усложнившейся социальной жизни, так и для освоения начальных профессиональных знаний, особенно связанных с сельским хозяйством и ремеслами.

Усложнение торговой деятельности требовало и развития профильного обучения. В большинстве купеческих кланов передача профильного знания осуществлялась либо изустно от старших членов клана к младшим, либо путем изучения специальных учебных пособий (*шанъе шу*). В зависимости от содержания такого рода пособия можно разделить на три группы: пособия, содержащие сведения об основных сухопутных и морских торговых маршрутах, пособия, концентрировавшиеся на экономических знаниях, пособия смешанного типа. В основном внимание уделялось обучению таким предметам, как письмо и грамотность, математика, основы экономических знаний, а также география, климатология, основы первой медицинской помощи.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Синологизм» Гу Миндуна: «второе пришествие» Эдварда Саида или альтернатива «ориентализму»?

Не так давно книга Эдварда Саида вызвала широкий резонанс в востоковедном сообществе, а само слово «ориентализм» стало нарицательным. Сегодня может возникнуть новая дискуссия — о «синологизме». Это понятие появилось в научной литературе конца 1990-х годов, что стало следствием влияния идей Э. Саида.

В 2013 г. Гу Миндун — литературовед, профессор Техасского университета (Даллас), директор Института Конфуция, автор исследований по литературе и культуре Китая — опубликовал монографию, названную «Синологизм». В свой книге Гу Миндун подробно анализирует восприятие Китая на Западе и то, как весь остальной мир, включая самих китайцев, начал рассматривать Китай «сквозь западные линзы». Он прослеживает пути включения западными учеными Китая в сконструированную ими западоцентричную модель мира.

Гу Миндун приходит к выводу, что ошибочные оценки и неверное понимание Китая и китайской цивилизации проистекают не из дезинформации, предрассудков, предубеждений или политического умысла, но являются результатом следования определенным принципам, воспринимаемым на Западе как данность и являющимся проявлением «культурного бессознательного» (*cultural unconscious*). Именно «культурное бессознательное» определяет внутреннюю логику комплексной системы знаний о Китае, которую Гу именует «синологизмом».

В итоге он пытается на основе «синологизма» построить новую теорию, альтернативную «ориентализму» и «постколониализму», которая, по его мнению, должна стать основой кросс-культурных исследований. Он также предлагает осуществить деполитизацию и деидеологизацию образования и науки.

Таким образом, концепция «синологизма» Гу Миндуна оказывается сложнее и многограннее концепции «ориентализма» Э. Саида.

Подобного рода теории и дискуссии в очередной раз заставляют нас задуматься о том, что востоковедение — это не только наука, но и своеобразная форма диалога между Востоком и Западом.

Синецкая Э. А. (ИВ РАН, Москва)

К вопросу обрядового сопровождения похорон в новом Китае

По мнению некоторых ученых, отношение к смерти — своего рода эталон, индикатор характера цивилизации. Погребальные обычаи и ритуалы являются отражением, составной частью проблемы смерти. И рассмотрение погребальных обычаев и ритуалов также способно пролить свет на системы мировидения и ценностей, принятые в обществе. Как каждый исторический феномен, естественно, и этот подвержен трансформации, о чём свидетельствует новая китайская литература.

В романе Лао Шэ «Моя жизнь» мы узнаём о весьма существенных изменениях в востребованности ремесла клеильщика в Пекине (судя по всему, в начале прошлого века). «В благословенные годы» многоступенчатый китайский обряд похорон требовал изготовления из бумаги массы жертвенных предметов — практически всех вещей, окружавших умершего в жизни и необходимых покойному в его новой ипостаси (со временем появлялись новые предметы, н.п. автомобили). Однако «после борьбы с суевериями эти обряды перестали кого-либо интересовать», и «у мастеровых из-за этого исчезло пропитание».

В повести вышедшего на арену литературной деятельности в 80-е годы XX века Сяо Цзянхуна «Сто птиц летят к фениксу» показано постепенно отмирания всенепременного сопровождения свадеб и похорон в селениях в Гуйчжоу игры на сона. Но в нынешние времена не нашлось уже исполнителей,

играющих на этом инструменте, для записи Центром изучения народного фольклора и культуры положенного ансамбля из 3-х и более инструментов. Практически все музыканты уехали на заработки (вовсе не по этой своей музыкальной профессии) в города, а редкие ещё выступающие коллективы были по качеству исполнения ниже допустимого уровня. Но молодёжи уже больше нравилась игра привозимых городских современных ансамблей, а родственникам усопшего было не до качества, был бы традиционный обряд соблюдён. В конце повести есть сценка, в которой бомж собирает милостыню у вокзала в городе, прекрасно исполняя редчайшую мелодию на сона, а мимо проходят спешащие по своим делам горожане.

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Отношение Ван Чуна (27–102?) к апокрифическим текстам

Автора известного трактата «Лунь хэн» («Весы суждений») Ван Чуна (27–102?) часто называют одним из главных противников апокрифических текстов (*чэнь вэй*), религиозно-политических по характеру сочинений, представляющих собой замысловатый сплав философии, космологии, мифологизированной истории, протонаучных знаний и руководств по мантическим практикам.

Представления о крайне негативном отношении Ван Чуна к *чэнь вэй* сформировались в середине XX века, когда он начал восприниматься как «атеист и материалист», боровшийся с идеологией «реакционных господствующих классов», главным воплощением которой и считались эти тексты. Хотя оценка личности самого Ван Чуна с тех пор стала более сдержанной, мнение о его неприязни к апокрифам устоялось в современной науке. В действительности же отношение Ван Чуна к этим сочинениям не столь однозначно.

Безусловно, в «Лунь хэн» встречаются опровержения приписываемых *чэнь вэй* утверждений, однако они крайне немногочисленны. Чаще Ван Чун критикует не сами эти тексты, но некоторые из характерных для них точек зрения, вкладывая их, однако, в уста «учёных» (*жу*) и своих гипотетических оппонентов или же называя их источником «книги учёных» (*жу шу*) — стандартное для «Лунь хэн» обозначение объектов для критики вне зависимости от их происхождения.

В большинстве же случаев апокрифы выступают в «Лунь хэн» в качестве достоверных источников информации. Скрытые цитаты из них зачастую вписаны в собственные рассуждения Ван Чуна, что позволяет считать их частью интеллектуального багажа мыслителя, во многом определявшей его мировосприятие. Более того, есть основания полагать, что некоторые из этих текстов Ван Чун считал сочинениями самого Конфуция, а некоторые и вовсе божественными пророчествами.

Таким образом, отношение Ван Чуна к *чэнь вэй* оказывается двойственным: по-видимому, он разделяет их на подлинные и поддельные, активно используя первые и критикуя вторые, причём в последнем случае он старается замаскировать их под речи современников и безликие «книги учёных».

Шульга Д. П. (НГУ, Новосибирск)

Особенности источников изучения общности «*ди*» Северного Китая на рубеже древности и средневековья[1]

На протяжении эпох Чжоу, Цинь, Хань и Троецарствия к северу от китайских государств существовал целый ряд племен «варваров», изучать которые разумно не только по археологическим материалам, но и по материалам письменных источников. В данной работе мы заострим внимание на «ди», которые могут быть понимаемы и как племена, и как этнос, и как политоним. Эта общность выбрана потому, что упоминается во многих письменных источниках с эпохи Восточная Чжоу до Троецарствия. В частности, достаточно ранние упоминания мы находим при описании царства Чжуншань, основанного одной из ветвей «ди».

В книге «Планы Сражающихся царств» в разделе «планы Чжуншань» пишется о ситуации, сложившейся в середине Чжаньго. По отношению к царю Чжуншаня царство Ци проводило недружелюбную политику, основываясь на том, что «наша страна может выставить 10 000 колесниц, а Чжуншань может выставить 1000 колесниц, как же можно говорить о равенстве наших царств?». Указывалось, что царство Чжуншань не пара Ци, так как, в частности, основано жунами и ди, а также внимание заострялось на том, что царство Чжуншань куда меньше. Это интересно потому, что по археологическим материалам Чжуншань этого периода почти неотличим от соседних классических царств Центральной равнины. Однако память об основателях «варварского» происхождения была жива и среди других государств, и, очевидно, внутри страны.

На время эпох Цинь и Хань термин «ди» сокращает свое хождение, на историческую арену выходят юэчжи, усуни, сюнну, ухуани и другие народы. Однако на рубеже древности и средневековья в Китае он появляется в военном трактате Чжугэ Ляна[2]. Со времен первых свидетельств об этих народах население степей успело поменяться несколько раз. Но китайцы продолжали использовать старые наименования. Думается, древние авторы просто не ставили перед собой «этнографических» задач. Хозяйственный, общественный, а во многом и культурный облик номадов I тыс. до н. э. был достаточно однородным. Долго жили и названия.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ№14–01–00477.

[2] *Чжугэ Лян.* Чжугэ Лян биньшу [诸葛亮。诸葛亮宾书。北京：阳山出版社] Военный трактат Чжугэ Ляна. Пекин: Яншань чубаньшэ, 2008. 278 с.

СЕКЦИЯ VII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ: ПАМЯТИ ПРОФ. В. В. РЫБИНА (1948–2014)

HISTORIOGRAPHY OF JAPAN: IN MEMORIAM OF PROFESSOR VICTOR RYBIN (1948–2014)

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Памяти Виктора Викторовича Рыбина (1948–2014)

6 декабря 2014 года в Саппоро (Япония) ушёл из жизни заведующий кафедрой японоведения СПбГУ, доктор филологических наук, профессор Виктор Викторович Рыбин.

В. В. Рыбин преподавал на кафедре японской филологии (в 2008 г. преобразована в кафедру японоведения) с 1977 г.; в 2005 г. он возглавил кафедру. Научные интересы В. В. Рыбина были многочисленны и разнообразны: современный и классический японский язык; фонетика японского языка; диалекты Японии; литература и культура Японии; вопросы перевода. Имея весьма внушительную как аудиторную, так и внеаудиторную нагрузку, В. В. Рыбин успевал совмещать преподавание в Университете с деятельностью председателя Общества дружбы «Россия — Япония», работал с российскими и японскими делегациями как в России, так и в Японии, активно участвовал с докладами на международных форумах и симпозиумах, публиковался на русском, английском и японском языках.

Его всегда с нетерпением ждали японоведы всего мира, везде его горячо приглашали. Так, в 1988–1989 гг. в рамках программы Японского Фонда он поставил в Токийском университете большой эксперимент по соотношению музыкального ударения и интонации в японском языке; в 1992–1993 гг. преподавал русский язык на Хоккайдо по приглашению Общества «Япония — страны Евразии»; в 2002–2003 гг. по линии Японского Фонда читал лекции в Ташкентском институте Востоковедения. В 2014 г. в рамках командировки в Саппоро он вновь встретился со своими коллегами из Общества «Япония — страны

Евразии». Несмотря на плохое самочувствие, он не позволял себе отдыхать, влекомый тем особенным любопытством, которое всегда отличает настоящего ученого. Его монографии, статьи, спецкурсы, доклады, прочитанные на многочисленных всероссийских и международных конференциях, принесли В. В. Рыбину широкое признание как среди отечественных, так и среди зарубежных японоведов.

Одним из главных направлений приложения творческих усилий В. В. Рыбина была преподавательская деятельность. Чрезвычайно занятой специалист, требовавший много как от себя, так и от учеников, работавший с исключительной кропотливостью и самозабвением, Виктор Викторович всегда находил время для своих воспитанников, вникая в их проблемы с искренней заинтересованностью и неизменно поддерживая и направляя советами.

Восточный факультет потерял неповторимого педагога, коллегу и друга, воспитавшего не одно поколение российских японистов. Расставаться горько, но невозможно не думать о том, сколько радостных впечатлений принесло знакомство с Виктором Викторовичем Рыбиным, и как много оставил нам этот яркий человек после своего ухода.

Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Слова молодежного языка Японии, отражающие современные социальные реалии

В современной Японии наблюдается множество социальных изменений. Постоянно появляются новые социальные элементы, слов для обозначения которых в японском языке нет. Первыми на такие изменения реагирует японская молодежь, а в «вакамоно-котоба» (若者言葉) — молодежном языке японцев — появляются новые меткие выражения, характеризующие эти явления.

Помимо прочно вошедших в японский язык таких слов, как «фури:та: フリーター» (человек, живущий у родителей, работающий только когда нуждается в деньгах, без постоянного места занятости); «хикикомори 引篭もり» (человек, ведущий замкнутый образ жизни, как можно реже выходящий из дома), можно отметить очередной этап в появлении новых слов, отражающих реалии современного японского общества:

- «**таопампа** タオパンパ», от タオル、パンツ、パジャマ (таору, панцу, падзяма — полотенце, трусы, пижама) — «маменькин сынок», человек, которому, несмотря на его возраст, мать должна подготовить все для выхода на работу;
- «**джей-кон** J 婚», сокр. от 自衛隊結婚 дзиэйтай кэккон (брак с солдатом сил самообороны) — девушка, которая хочет выйти замуж за представителя японских сил самообороны;

- «**пуро канодзё** プロ彼女» — девушка, встречающаяся только с профессиональными спортсменами;
- «**кадзи хара** 家事ハラ» — сокр. от 家事ハラスメント кадзи харасумэнто (домогательство по части домашних дел) — так называют женщину, которая постоянно «пилит» мужа за то, что он что-то делает по дому не так, как она хочет;
- «**дамэндзу** だめんず» от だめ дамэ (нельзя, запрет) — мужчина, постоянно отказывающийся от брака по разным причинам;
- «**оякаку** 親確» сокр. от 親への確認 оя э но какунин (уточнение у родителей) — звонок с фирмы родителям претендента на работу, чтобы удостовериться, что они не против его работы в данной компании.

Таким образом, при обозначении новых реалий японского социума используются как сокращения от исконно японских и заимствованных слов, характеризующих данное явление, так и ироническое описание того или иного типа поведения.

Борисова А. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Параллелизм как способ построения универсума в религиозной поэзии (на примере переводов книги «Псалтирь» на японский язык)

Параллелизм — один из наиболее частотных художественных приёмов в библейской поэзии и, в частности, в книге «Псалтирь». Авторы текстов использовали тропы в первую очередь как средство передачи и объяснения религиозных догм, и сравнительно новые монотеистические идеи подавались в образной художественной форме. Параллельные конструкции во всех разновидностях появляются с достижением определенного уровня абстракции в культуре, когда формируется понятие общего и частного, упорядоченных концептуальных полей и концептуального смешения. Разные виды псалмического параллелизма как создают объемный образ важных концептов, так и на антитетических примерах излагают этические нормы религии, и, в целом, показывают деление универсума на уровни, связь между уровнями и их внутреннее подобие, а также иерархическую организацию бытия.

Однако при переводе на японский язык не могло не возникнуть значительных сложностей, так как японский язык и японская литературная система во многом сформировались под влиянием синтоистского мировоззрения с абсолютно иной картиной мира, в рамках которой отпадает необходимость задействовать структурное деление универсума и концептуальное смешение. При переводе часто использовались примеры параллелизма в традиционной

японской литературе, где они могли встречаться в произведениях, вдохновленных китайской традицией, картина мира которой была некоторым образом схожа с библейской.

Именно на примере текстологического анализа переводов становится понятно, как по-разному функционируют языковые конструкции в разных системах, как с помощью языковых средств выстраивается представление об объективной действительности и общественных установках, и как взаимосвязаны религиозная и литературная традиции.

Бреславец Т. И. (ДВФУ, Владивосток)

Рассказы Коно Таэко 1960-х годов

Видная японская писательница Коно Таэко (род. в 1926 г.) заявила о себе в начале 1960-х гг. Особый интерес вызвал один из первых ее рассказов — «Охота на детей» («Ёдзигари», 1961), напечатанный в журнале «Синтё», в специальном номере для участников литературного конкурса. В 1962 г. он был удостоен премии издательства «Синтёся», которое тогда же под этим названием выпустило первый сборник произведений писательницы. Кроме «Охоты на детей», в него вошли рассказы «Театр» («Гэкидзё»), «В стенах» («Хэй но нака»), «Снег» («Юки»), «Красавица» («Бисёдзё»).

Рассказ «Охота на детей» отличается скрупулезным анализом психологии персонажей, которые демонстрируют порочные сексуальные наклонности. Акико, одинокой женщине, уже за тридцать, и она признается, что у нее отсутствует материнский инстинкт. Более того, она питает отвращение к маленьким девочкам и ненавидит свое тело как воплощение женской ипостаси. Вместе с тем для нее чрезвычайно привлекательны маленькие мальчики, они играют активную роль в ее сексуальных фантазиях.

У Акико нет детей, и ее партнер, Сасаки, разделяет ее неприязнь к детям. Они не обременены обязательствами друг перед другом, их связывает только гармония сексуальных отношений, в которых преобладает садомазохистская составляющая. Акико страстно желает, чтобы партнер избивал ее. Иногда это происходит так жестоко, что шум вызывает беспокойство соседей. Она даже подписала документ, свидетельствующий о том, что партнер не несет ответственности, если нечаянно убьет ее.

В произведениях Коно Таэко можно обнаружить значительное воздействие Танидзаки Дзюнъитиро (1886−1965) с его садомазохистскими мотивами; творчеству этого автора писательница уделяла особое внимание. Ее произведения сосредоточены на углубленном раскрытии женской психологии, на проблемах, связанных с кризисом самоидентификации личности.

Гурвич В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Орган как первый европейский музыкальный инструмент, оказавший сильное воздействие на японскую музыкальную культуру

Впервые японцы познакомились с европейской музыкой, когда начались торговые отношения между Европой и Японией (середина XVI в.). Прежде всего, это была музыка, сопровождавшая молитву. Распространение христианства обусловило внедрение в японский язык заимствованных слов, которые использовались для обозначения инструментов и манеры игры на них во время проведения священных обрядов. Сперва японцы пытались называть европейские музыкальные инструменты в соответствии с названиями традиционных японских инструментов. Так, например, европейскую флейту называли — *сякухати* (японская традиционная флейта), а лютню средневекового типа — *сямисэн* (традиционный японский трехструнный инструмент).

Однако для богослужения в европейских церквях Японии чаще всего использовался инструмент, не имевший аналогов в традиционной японской музыке. Это был орган. Открывались христианские храмы, где священнослужителями были не только европейцы, но уже и сами японцы. Многим из них пришлось обучиться европейской нотной грамоте и исполнять органные партии во время проведения обрядов. Стали даже появляться учебники, в которых японцы старались по-своему объяснить логику построения европейской музыки. Началось изучение механизма органа, его деталей, методов их изготовления. Именно орган является тем музыкальным инструментом, с которого началось приобщение японцев к европейским музыкальным канонам, традициям, а также создание на их основе особого музыкального видения, характерного для японской музыки и в настоящее время.

Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва)

Современные японские исследователи о политике Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX века

Проблема политики Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX века привлекает внимание современных японских исследователей. В Японии выходит много популярной и специальной литературы, в нашей же стране эта тема до сегодняшнего дня рассматривалась лишь частично.

Термин «Маньчжуро-Монголия» происходит от японского термина *маммо*. Территориально *маммо* охватывает некоторые районы современного Китая — северо-восток (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, то есть Маньчжурия) и автономный район в составе КНР — Внутренняя Монголия. Термин «Мань-

чжуро-Монголия» впервые появился в Японии после русско-японской войны 1904–1905 гг., когда по Портсмутскому мирному договору Японии отошли Южный Сахалин, права на аренду Ляодунского полуострова и южная часть КВЖД — ЮМЖД (Южно-Маньчжурская железная дорога). В 1906 г. ЮМЖД превратилось в акционерное общество (*мантэцу*), и это стало главной мерой по экономическому и политическому укреплению Японии в Маньчжуро-Монголии. *Мантэцу* стала основным каналом проникновения сюда японского капитала и главным средством эксплуатации этих земель. Ведь кроме железных дорог и железнодорожных мастерских эта компания владела угольными шахтами (в Фушуне и Яньтане), железными рудниками (в Аншане), газовыми лесопильными заводами, доменными печами и т. д. Вплоть до Маньчжурского инцидента в 1931 г. и основания Маньчжоу-го годом позже Япония еще больше усилила свое присутствие в этом районе, а после 1932 г. стала безраздельно владеть Маньчжуро-Монголией.

Дулина А. М. (ИСАА, МГУ, Москва)

Монгольские вторжения в Японию в 1274 и 1281 гг. (по материалам японских источников конца XIII века)

Монгольские завоевания XIII в. охватили огромную территорию Евразии. Потомок великого завоевателя Чингис-хана Хубилай (1215–1294) после покорения Китая и основания в Поднебесной династии Юань устремил свой взор на Японский архипелаг. Монголы дважды вторгались в Японию, но их попытки захвата архипелага не увенчались успехом.

В данной работе проведен сравнительный анализ японских источников конца XIII в. по вторжению юаньских войск в Японию в 1274 и 1281 гг. Первый источник – иллюстрированный свиток «Мо:ко сю:рай экотоба», созданный по заказу самурая по имени Такэдзаки Суэнага из провинции Хиго (современная префектура Кумамото, о-в Кюсю) с целью засвидетельствовать его подвиги в сражениях с монголами и получить награду. Второй — «Хатиман гудо:кин» («Наставление глупым детям о Хатиман») — история святилища Ивасимидзу (Киото) и культа божества-охранителя Японии Хатиман, остановившего монгольское нашествие.

Изучение источников позволило сделать несколько важных выводов. Во-первых, оба произведения, созданные спустя десятилетие после нападения монголов, представляют большую ценность для реконструкции монгольского нашествия, поскольку подробно описывают организацию войск, тактику боя, подвиги воинов и пр.

Во-вторых, в изученных памятниках, в отличие от, например, китайской династийной хроники «Юань ши» («История династии Юань», XIV в.), нет

упоминания о том, что сильный шторм дважды уничтожал монгольский флот. Вероятно, японцы смогли оказать сопротивление врагу, превосходящему по численности и боевому опыту, а составители «Юань ши» сделали акцент на природном катаклизме, чтобы сохранить миф о непобедимости монголов.

В-третьих, преобладающее в повествованиях о монгольском нашествии предание о «божественном ветре» (*камикадзэ*) является более поздней интерпретацией событий с целью отметить исключительность Японии как страны, оберегаемой богами, и укрепить национальное самосознание японцев.

Дурова М. В. (НГУ, Новосибирск)

Транслокативная модель элементарного простого предложения в японском языке

Транслокативная модель элементарного простого предложения в японском языке имеет следующую структурную схему $\mathbf{N^{Ag}_{Nom}}$ $\mathbf{LEX^{Trloc}}$ $\mathbf{V^{Trloc}}$, где $\mathbf{N^{Ag}_{Nom}}$ — субъект-агенс, представленный именем существительным в форме именительного падежа, $\mathbf{LEX^{Trloc}}$ — лексема (либо именная группа) пространственной семантики в форме одного из пространственных падежей, а $\mathbf{V^{Trloc}}$ — некаузативный глагольный предикат с общим значением движения по трассе. Типовая семантика модели — «перемещение субъекта по некоторому локуму — трассе движения».

Субъект транслокативной модели, как правило, представлен одушевленным лицом, в качестве предиката используются глаголы ненаправленного движения, локативная именная группа может включать имена предметной и пространственной семантики, а также указательные местоимения места, оформленные показателем винительного падежа *wo*.

たまたま、村の旅館に泊った客が、ここを通っていた。 [СКСПКЯЯ][1]

tamatama	mura	no	ryokan	ni	toma=tta	kyaku	ga
изредка	деревня	GEN	гостиница	DAT	останавливаться=PST	турист	NOM_R
koko	wo	too=tte		i=ta			
здесь	ACC	проходить=CV		AUX.PRG=PST			

‘Изредка здесь проходили постояльцы деревенской гостиницы’.

Особенностью транслокативной модели японского языка является отсутствие каузативного варианта. Это связано с тем, что японские глаголы не могут одновременно присоединять два прямых дополнения разного типа: в данном случае объект локализации и транслокативный локализатор. Транслокативные модели японского языка также включают в себя модели ориентированного

[1] «Сбалансированный корпус современного письменного японского языка» (http://www.kotonoha.gr.jp).

движения, выделяемые для языков коренных народов Сибири. Транслокативный локализатор характеризует не только трассу движения, но и пространственный ориентир, с которым связывается движение, поэтому для выделения моделей ориентированного движения недостаточно формальных признаков, и мы рассматриваем данные конструкции как семантические разновидности транслокативной модели.

Ибрахим И. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новый этап развития женского языка в современном японском языке

Японский язык всегда оставался для исследователей, занимающихся гендерной лингвистикой, идеальным объектом изучения в силу того, устойчивости и сформированности различий между женской и мужской речью. Более того, тот факт, что различия эти прослеживались на всех уровнях языка, позволял говорить о существовании именно отдельных подсистем женского и мужского языка. Универсальными могут считаться различия обусловленные физиологическими и социальными причинами. Например, использование слоя лексики, относящегося к сфере деятельности, характерной для определенного пола. К таковым могут относиться, например, обозначения предметов домашнего хозяйства, косметики и т. д. для женщин. И если физиологические факторы остаются неизменными, то изменение положения женщины в обществе, расширение ее функций и сферы деятельности естественным образом влекут за собой изменения в ее активном словаре. Именно это давало основание многим исследователям считать наличие различий в мужской и женской речи, обусловленных социальными факторами, атавизмом, который непременно исчезнет в недалеком будущем (см. Алпатов, 1982)[1].

Особенностью женского языка в Японии является то, что он представляет собой в большей степени культурную категорию, которая существовала на протяжении веков, трансформируясь в зависимости от изменений, происходящих в японском обществе, на всех языковых уровнях: письменности, лексики, грамматики, фонетики.В докладе рассматриваются результаты изменений женского варианта японского языка на современном этапе развития японского общества, связанных с распространением информационно-коммуникационных технологий. На уровне письменности это появление так называемых «гярумодзи» (вариант написания иероглифов в смс-сообщениях и в сети, распространенный среди девочек-подростков). Рассматриваются особенности употребления традиционных для японского языка механизмов

[1] *Алпатов В. М., КрючковаТ. Б.* О мужском и женском вариантах японского языка / Вопросы языкознания. М.: 1980. № 3. С. 58–68.

словообразования на примере новых модных у японских девочек-подростков слов «дзёсико:ко:сэйрю:ко:го».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в японском языке женский язык является устойчивым культурным явлением с развитым механизмом адаптации к новым реалиям, что выражается во внешних изменениях, которые происходят традиционными способами.

Исса Н. Х. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Некоторые аспекты реформ письменности в Японии и Китае[1]

Процесс модернизации как в Японии, так и в Китае конца XIX — начала XX в. затронул многие сферы внутренней жизни обеих стран, будущий подъем которых был немыслим без серьезных реформ в сфере образования. Необходимость в росте уровня образованности широких слоев населения поставила перед представителями правящих кругов, учеными, лингвистами ряд задач, одной из которых было сближение письменного и устного языков, создание языка понятного всем, независимо от их социального статуса и степени образованности. В области письменного языка была осознана необходимость реформирования письменности ввиду сложности письменных знаков, неупорядоченности прочтения, неопределенности их необходимого и достаточного количества. Стандартизация числа употребляемых иероглифов, упрощение их написания, унификация чтений — вот те проблемы, которые пришлось решать реформаторам и в Японии, и в Китае.

Упрощенные иероглифы в Японии были закреплены реформой 1946 г., в Китае же они были введены в 1956 г. Однако не все иероглифы в Японии и в Китае упрощались одинаково. Было несколько способов упрощения иероглифов, например, использование более древнего, но простого по написанию иероглифа или создание нового, более простого в написании на основе двух-трех разных иероглифов, и др.

В упрощении японских и китайских иероглифов обнаруживаются как положительные, так и отрицательные стороны. Положительной стороной, например, является то, что упрощенные иероглифы стали легче запоминаться, а отрицательной – появление некоторого количества иероглифов, схожих по написанию, и как следствие, трудность различения их при чтении.

Заимствование лексики из европейских языков и фиксирование ее посредством иероглифической письменности привело к определенным трудностям

[1] Исследование выполнено в рамках гранта СПбГУ 2.54.1215.2014 «Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий».

в написании слов и терминов. Передача звучания европейских научно-технических, географических и других терминов осложнена в силу большого количества иероглифов, их сложности, наличия омофонов и др., и в этом японская и китайская письменности сходны. Реформы письменности в Японии и Китае были нацелены, в частности, и на решение этих проблем.

Кикнадзе Д. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Развитие жанра японской прозы *сэцува*: от буддийских историй к мирским (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари, XIII в.)

С необходимостью быстро и эффективно распространить новую буддийскую религию среди малограмотного японского населения к VIII в. в Японии пускает свои корни жанр *сэцува,* считавшийся второстепенным жанром буддийской литературы. Рассчитанный на простых людей, этот жанр иллюстрирует сцены из жизни всех сословий столичного населения, тем самым отражая ту действительность, от изображения которой в своих сочинениях воздерживались аристократы. Возраставшая популярность *сэцува* повлекла важные перемены в средневековой литературе: начался переход на качественно новый этап развития, вызванный потребностью общества в литературе правдивой, лишенной мифологем, которые в достатке изобиловали в литературе с эпохи Нара (710–794) до начала эпохи Хэйан (794–1185).

Ранние истории *сэцува* начиная с VIII в. характеризуются как сугубо буддийские, с суровой дидактической концовкой, а главными темами были идея кармы и спасения, описания рая и красочных картин ада, милость будд и бодхисаттв, польза от переписывания и рецитации сутр. По традиции подбором и записью назидательных историй занимались буддийские монахи, стремившиеся в простой и увлекательной форме донести до простого населения Японии основные буддийские идеи.

Однако к концу XI в. внутри жанра происходит разделение на чисто буддийские и чисто мирские сюжеты, а к началу XII в. появляются сборники так называемого «смешанного» типа, в которые в равных или неравных пропорциях включаются и буддийские, и мирские истории. Это изменение в рамках жанра было вызвано успешным распространением буддизма в эпоху Хэйан. В это время жанр привлекает внимание аристократов, и теперь они, потеснив буддийских монахов, сами становятся авторами сборников *сэцува*, привнося туда свои сюжеты, идеи, отбирая на свой вкус «нужные» истории и отметая «ненужные».

Автор планирует проследить развитие жанра, объяснить причины такой трансформации, продемонстрировать наиболее яркие примеры из разновременных сборников *сэцува* эпохи Хэйан.

Климов А. В. (РХГА, Санкт-Петербург)

К. Н. Посьет о снятии Муравьевского поста на Сахалине[1]

Константин Николаевич Посьет (1819–1899) был членом посольства во главе с графом Е. В.Путятином в Японию и принимал активное участие в переговорах и подписании Симодского трактата. На борту фрегата «Паллада» он побывал на Сахалине, когда было принято решение снять Муравьевский пост майора Буссе.

Записные книжки Посьета хранятся в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге (Фонд № 1247, опись № 1, дело № 15). Они в кожаной обложке, листы из твердой белой мелованной бумаги. Записи сделаны карандашом, в некоторых местах поблекли, а то и вовсе исчезли. Эти записные книжки не использовались для описания Сахалина. Собственно к рассматриваемому вопросу имеет отношение только записная книжка № 9 (РГА ВМФ. Фонд № 1247, опись № 1, дело № 15), обложка ярко-малинового цвета, 75 листов. Длина ее составляет 11,3 см., ширина — 2,8 см и толщина — 2,3 см.

В частности, Посьет в записи от 31 мая 1854 г. сообщает, что «в 1 часу воротился на Тр[анспорт], а в 1 час мы снялись. Б[уссе] получил предложение Адмирала, Буссе просил бывших на рейде Шт.[абных] офицеров и Командиров судов подать свое мнение касательно снятия поста. Все единогласно подписали мнение: что 1. так как пост временный, поставлен был по особым обст[оятельствам] не для защиты местности или какого-либо имущества»[2].

2. Имеющиеся у отряда майора Буссе пушечные орудия не смогут противостоять нападению английской эскадры судов, «а взятие батареи повредило бы значению нашему в глазах Японцев и Айнов».

3. «Как по причине зловредного запаха происходящего от представленной гниению рыбы, большими кучами разложенной по всему берегу, и без того предполагалось перенести пост в другое более здоровое место. На основании всего этого и мнения Ген[енерал-] Адъют[анта], Контр-Адм[ирала] Путятина и Ком[андиров] судов» было принято решение: «1) снять Муравьевский пост. 2) Употребить для перевозки в Имп[ераторскую] Гавань все 4 суда стоящие в заливе Анива. Подписались 7 человек» [Лл. 46 об. — 47].

Таким образом, снятие Муравьевского поста было объективной необходимостью в сложившихся обстоятельствах.

---

[1] Муравьевский пост — первое русское военное поселение на юге Сахалина. Основан Г. И. Невельским 21 сентября 1853 г. в бухте Лососей залива Анива, совр. г. Корсаков; начальником поста был назначен майор Н. В. Буссе.

[2] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Фонд 1247, опись 1, ед. хр. 15.

Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«История Японии» иезуита Луиша Фройша (1532–1597)

Луиш Фройш родился в Лиссабоне. 16 лет от роду стал членом иезуитского ордена и отправился в Индию. В Гоа он встретился с Валиньяни Алессандро (1539–1606) и первым японским католиком Ядзиро:, уроженцем города Кагосима. Сразу же по прибытию в Японию в 1563 г. он был отправлен в столичный район для ведения миссионерской деятельности, где был назначен главой священников-иезуитов. Фройш встречался с Ода Нобунага (1534–1592), первым объединителем страны, Тоётоми Хидэёси (1537–1598), вторым объединителем. Долгое время он пробыл в центральной части Японии, где приобрел обширные связи. Поэтому посылаемые им отчеты о своей деятельности в Европе читали с большим интересом.

В 1577 г. он переехал на южный остров Кюсю, а в 1583 г. Луиш Фройш получил задание от главы ордена написать «Историю распространения христианства в Японии» («Нихон-но фукё:си», 「日本の布教史」). Обобщив все данные, собранные представителями ордена, а также собственные ежегодные отчеты, он составил сочинение под названием «История Японии» («Нихонси», 「日本史」). В 1592 г. почти на три года он отправился в Макао, затем, вернувшись в Нагасаки, продолжил работу над своим монументальным трудом. Планируя завершить свою «Историю Японии» в ближайшее время, он умер от болезни 8 июля 1597 г. в возрасте 65 лет.

Письма и отчеты Фройша после его смерти были вскоре изданы в Европе и переведены на многие европейские языки. Но рукопись под названием «История Японии» долгие годы была похоронена в хранилище конгрегации в Макао. Затем она стала переписываться и распространяться в виде рукописных копий. В XIX в. в результате пожара сама рукопись была утрачена, но копии сохранились. В 1926 г. впервые на европейском (немецком) языке в Лейпциге усилиями Г. Шурхаммера была опубликована часть рукописи Фройша, куда вошли события с 1549 по 1578 гг. В 1977 г. в Португалии рукопись была издана наборным шрифтом на португальском языке. В Японии публикация сочинения Луиша Фройша в японском переводе вышла в свет в 1977–1980 гг.

Климова О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вторая экспедиция лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на Сахалин 1807 г. по российским и японским архивным материалам

Летом 1804 года Н. П. Резанов (1764–1807), возглавлявший первое официальное посольство в Японию, прибыл в Нагасаки с целью установления торговых

отношений между Россией и Японией. После шестимесячного пребывания в Нагасаки, Резанов получил отказ от Японского правительства. Разочарованный и разозленный подобной неудачей, он вернулся на Камчатку, где впервые познакомился с лейтенантом Н. А.Хвостовым (1776–1809) и мичманом Г. И. Давыдовым (1784?–1809). После совместного плавания в Америку в 1805 году, Резанов утвердился в мысли о проведении экспедиции на Сахалин. Именно она должна была помочь решить проблемы с поставкой продовольствия в русские колонии в Америке.

Н. П. Резанов, строя планы экспедиции на Сахалин, сообщил о своих намерениях в Петербург. Ответа ни на одно из своих писем он не получил, но продолжал планировать экспедицию, слать отчеты императору и министрам.

Н. П.Резанов менял план экспедиции шесть раз, то решая отправиться в Петербург для отчета, то с Хвостовым и Давыдовым — на Сахалин. Однако, по прибытии 15 сентября 1806 г. в Охотский порт, он получил сведения из Петербурга и 24 сентября отменил всю экспедицию. Несмотря на это, Хвостов совершил две экспедиции на Сахалин, первую осенью 1806 года, а вторую весной 1807 года.

Обращение к российским и японским архивным материалам дало автору возможность рассмотреть вторую экспедицию на Сахалин лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, этапы ее планирования, ход и результаты.

Кубасов Ф. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Японские историки о проблеме датировки трактата «Байсё-рон»

«Байсё-рон» (Трактат о сливе и сосне) наряду с «Тайхэйки» (Повесть о великом мире) считается одним из основных письменных источников по политической и военной истории периода Намбоку-тё (1336–1392) и, наряду с «Дзинно-сётоки» (Записи о правильном наследовании божественных императоров), считается крупнейшим памятником политической мысли того же периода. Ни авторство, ни точная дата написания памятника в самом тексте не указаны, так что японские историки выдвигают на этот счёт различные гипотезы.

Первым к теме обратился Курияма Сэмпо (1671–1706), который в своём «Байсёрон-о бэндзу» (Анализе Байсё-рон) указывает, что в конце памятника описывается интронизация императора Суко (3-й император Северного двора, правл. 1348–1351), император Го-Дайго (правл. 1318–1339) назван посмертным именем, а Асикага Такаудзи (1305–1358) назван «нынешним сёгуном». Из этого Курияма делал вывод, что текст написан после смерти Го-Дайго и в самом начале правления императора Го-Мураками (1339–1368).

Его взгляды развил Суга Масатомо (1824–1897), который в публикации «Байсё-рон нисацу» (Два тома Байсё-рон) датировал памятник 1349 г., следу-

ющим за восшествием на престол императора Суко. Эта датировка считается общепринятой и сегодня, хотя уже в 1941 г. историк Игараси Умэсабуро в своём «Байсё-рон-но кисотэки-кэнкю» (Базовом исследовании Байсё-рон) оспорил ряд доводов Суга, в частности подчёркивая, что интронизация Суко просто является последним событием, упоминаемым в памятнике, и маловероятно, чтобы тот был составлен сразу же после этого. Сам Игараси полагает, что памятник составлен после 1352 г., и с ним соглашаются Ясиро Кадзуо и Ками Хироси, составители комментированного издания 1975 г., к мнению которых присоединяется Уэнака Сюдзо, осуществивший в 1979 г. перевод памятника на английский язык.

Огава Син высказал мысль, что памятник был написан после 1358 г., когда упомянутый в тексте как потенциальный правитель Асикага Ёсиакира действительно стал сёгуном.

Таким образом, общепризнанную датировку (1349 г.) следует считать устаревшей.

Литература

Ясиро Кадзуо, Ками Хироси. Байсё-рон, Гэнъисю. Токио, «Гэндай ситёсинся», 1975.

Коакимото Дан. Тайхэйки, Байсёрон-но кэнкю. Токио, «Кюко-сёин», 2005.

Uyenaka Shuzo. A Study of Baishoron. A Source for the Ideology of Imperial Loyalism in Medieval Japan. Toronto, 1979.

Кудояров В. Н. (Токийский Университет, Токио)

Реализация идеологии «морской обороны» на законодательном уровне (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Вторая половина XVIII в. отмечена в общественно-политической жизни Японии появлением новой концепции — идеи «морской обороны» (*кайбо:рон*). Во многом это было обусловлено ростом случаев захода в японские порты иностранных судов, особенно из России (1778, 1792), Англии (1791, 1796) и США (1787, 1790). Это шло вразрез с проводимой Японией политикой самоизоляции (*сакоку*) и усиливало опасения японских властей по поводу вероятности внешней военной агрессии, особенно со стороны России, о чём ещё в 1771 г. писал словацкий авантюрист Мориц Бениовский (1746–1786).

Публикация трудов «Размышления о красноволосых варварах» *Кудо: Хэйсукэ* (1783) и «Военных бесед о морской стране» *Хаяси Сихэй* (1787), экспедиция 1785 г. на Эдзо (совр. Хоккайдо) характеризуют первый этап развития концепции «морской обороны», предусматривавший скорее расширение торговых контактов с Россией, чем военные меры по её сдерживанию. Этому также способствовали посольства А. Лаксмана (1792) и Н. Резанова (1807) с целью установления

с Японией дипломатических отношений. На это время приходится только один правительственный указ, регламентировавший обращение с иностранными судами, приплывшими в любой японский порт, кроме Нагасаки, — «Закон об обращении с чужеземными судами» («*Икокусэнториацукаихо*:», 1791).

Однако инцидент с английским кораблём «Фаэтон» (1808) в *Нагасаки*, инцидент лейтенанта Н. Хвостова и мичмана Г. Давыдова (1809) — всё это привело к ужесточению идеологии «морской обороны» на законодательном уровне. В результате были изданы дополнительные указы:

- «Закон о снабжении водой и топливом» («*Синсуй кю:ёрэй*», 1806),
- «Закон об изгнании русских судов» («*Росиасэн утибараирэй*», 1807),
- «Закон об изгнании иностранных судов» (*«Икокусэн утибараи рэй*», 1825).

Они свидетельствуют о последовательном проведении японскими властями политики изоляции (*сакоку*), в рамках которой официально были разрешены контакты только с Китаем и Голландией, ограниченные портом *Нагасаки*.

Кутафьева Н. В. (Новосибирский ГУЮ, Новосибирск)

Ономатопоэтические слова со значением количества в японском языке

Темой нашего исследования является категория количества и способы ее выражения в японском языке. Содержание категории количества в языке составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка. В японском языке при отсутствии грамматической категории числа существуют различные грамматические, лексические и морфологические способы выражения количества. В данном случае будет рассмотрен лексический способ выражения количества.

Японская ономатопея — это слова, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов. Ономатопея обладает высокой частотностью использования, в японском языке существует около 2 тысяч ономатопоэтических слов. В качестве объекта анализа использовались звукосимволизмы (*гитайго*) [*докидоки суру* «тревожиться, волноваться, нетерпеливо ждать»] и звукоподражания (*гионго*) [*габугабу* «звук при неоднократном заглатывании большого количества еды, жидкости].

Из «Толкового японско-русского словаря ономатопоэтических слов» словаря [Румак Н. Г., Золотова О. П. 2012] сплошной выборкой было отобрано 60 ономатопоэтических слов со значением количества. На уровне лексики мы провели анализ ономатопоэтических слов, выражающих количество, и выдели семантические группы, в которых оценивается существование некоторого количества (предметов, людей, явлений и т. д.), степень изменения количе-

ства и выражение количества через изображение звуков. Значения первых двух групп (существование количества и степень изменения количества) выражаются звукосимволизмами, третьей группы — звукоподражаниями. Следует отметить, что интересующая нас ономатопоэтическая лексика чаще используется в функции наречия, в предложении — в функции обстоятельства (уточнения при сказуемом).

В результате проведенного анализа мы выяснили, что ономатопея в японском языке может выражать следующие значения: большое количество, небольшое количество, существование в единственном числе, отсутствие, соответствие определенному количеству, изменение количества, изображение звуками количества.

Левина А. Ю. (ДФУ, Владивосток)

Японская нефтяная компания Кита Карафуто Секию Кабусики Кайся (1925–1944)

Один из любопытных аспектов истории Японии в период между двух мировых войн связан с созданием и развитием японской нефтяной компании Кита Карафуто Сэкию Кабусики Кайся (1925–1944), осуществлявшей промышленную деятельность на территории Северного Сахалина.

Для удовлетворения потребностей в углеводородном сырье, ощутимо возросших после Первой мировой войны, японские военные круги стремились получить нефтяные ресурсы Северного Сахалина. После Октябрьской революции Япония под флагом помощи контрреволюции начала интервенцию в Сибири, однако вскоре, вследствие международной критики, Японии пришлось вывести оттуда свои войска. Тем не менее, в результате так называемого «Николаевского инцидента», послужившего поводом для оккупации Северного Сахалина, японские войска продолжали оставаться в северной части острова. В конечном итоге, в 1925 г., согласно заключенной «Советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений», Япония в обмен на эвакуацию своих войск с Северного Сахалина получила права на местную нефть. После этого и была организована нефтяная компания Кита Карафуто Сэкию Кабусики Кайся.

Японское правительство уделяло большое внимание северосахалинской нефти, проводя политику по поддержанию поисковых работ, освоению месторождений и получению максимальной прибыли от деятельности компании. В результате, в первой половине 30-х годов спрос на углеводородное сырье был удовлетворен. Однако затем, вследствие ухудшения отношений с Советским Союзом и суровых погодных условий, возникли трудности с исследованием и освоением территории, а с началом японо-китайской войны (1937–1945 гг.) компания и вовсе пришла в упадок. В период войны на Тихом океане у Японии не осталось иного выхода, кроме как отказаться от прав на северосахалинскую нефть.

На основании анализа материалов архива Министерства иностранных дел Японии, в докладе будет освещена деятельность Кита Карафуто Сэкию Кабусики Кайся в области освоения северосахалинских месторождений нефти с момента образования компании до полного прекращения ее деятельности.

Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Особое мнение» Радхабинода Пала на Токийском трибунале (к вопросу о невиновости Японии)

В мае 1946 г. в Токио начал работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока, судивший 28 главных японских военных преступников.

С самого начала процесса среди судей 11 стран не было единства мнений. Разногласия, в основном, возникли по поводу правомочности трибунала. Индийский судья Радхабинод Пал одним из первых поднял данную проблему, ссылаясь на положения Парижского международного договора от 27 августа 1928 г., которые не определяли понятие «военного преступления» и не регламентировали ответственность за его совершение.

Однако, несмотря на вышеуказанные доводы, Международный военный трибунал закончился в ноябре 1948 г. вынесением обвинительного приговора. Радхабинод Пал подал свое «особое мнение», в котором подробно и аргументированно оспорил не только сам вердикт, но и концепцию самого процесса. «Особое мнение» Р. Пал представил в виде документа, состоящего из семи глав.

В оправдательном документе Р. Пал объяснял, что нельзя предъявлять обвинение людям, исходя лишь из их официальных должностей. Он также отрицал возможность существования некоего заранее спланированного преступного заговора среди правящих кругов Японии. Понятие «агрессивной войны» он считал необоснованным ни одним международным договором. Индийский судья также апеллировал к основному принципу закона, напоминая, что он не имеет обратной силы. Далее Р. Пал частично оправдывал совершения жестокостей солдатами японской армии на оккупированных территориях, ставя под сомнение то, что происходили они по приказу высшего военного руководства из Токио.

Отдельным пунктом Р. Пал поставил вопрос о правомерности использования ядерной бомбы в войне против Японии. В заключение он еще раз подчеркнул тот факт, что данный судебный процесс является не более, чем искусственно организованным судом стран-победителей над побежденными странами.

Позднее его оценка вызвала неоднозначную реакцию и в самой Японии. Тем не менее, в рассматриваемый период «особое мнение» Р. Пала морально поддержало дух японского народа в атмосфере всеобщей растерянности, вызвав чувство глубокой благодарности у японского общества.

Лещенко Н. Ф. (ИВ РАН, Москва)

Токугава Цунэнари сама, 18-й глава дома Токугава: штрихи к портрету

В Японии с 1603 г. в течение 264 лет правило пятнадцать сёгунов дома Токугава. Конец XVIII в. — начало XIX в. отмечены усилением борьбы за восстановление императорской власти. Свою роль сыграли и иностранцы, появившиеся в Японии в результате заключения договоров в 50-е гг. XIX в. В ноябре 1867 г. в Киото в замке Нидзё, построенном при первом сёгуне Токугава Иэясу и олицетворявшем могущество дома Токугава, произошло отречение сёгуна Ёсинобу от власти. Но род Токугава не прервался со смертью Ёсинобу в 1913 г. В современной Японии можно встретить потомков этого рода, одни работают в фирмах, другие возглавляют фонды и музеи, связанные с историей дома Токугава. Согласно традиции избирается глава рода Токугава, с 1963 г. им является Токугава Цунэнари сама.

Токугава Цунэнари сама родился 26 февраля 1940 г. Окончил престижный университет Гакусюин, этот университет окончили и многие члены императорской семьи. После окончания университета он работал в пароходной компании Ниппон юсэн. 1 апреля 2003 г. основал и возглавил Мемориальный фонд Токугава. Этот фонд обладает великолепной коллекцией вещей, принадлежавших членам семьи сёгунов Токугава, которые можно увидеть на многочисленных выставках в различных музеях Японии, особенно в музее Эдо-Токио. И в организации этих мероприятий велика роль Токугава сама. В 2003 г. в музее Эдо-Токио проходила выставка «Сёгуны дома Токугава», которую посетила императорская семья, пояснения во время осмотра давал Токугава сама. Фонд спонсирует и японских ученых, раз в год трое ученых получают по 1 млн иен за изданные работы, это происходит 3 ноября в День культуры.

В 2009 г. Токугава сама опубликовал книгу «The Edo Inheritance», главная идея которой заключается в приобщении к своему историческому прошлому, чтобы японцы знали и ценили то наследие, которое оставила им эпоха Токугава: высокий уровень культуры, деловую этику, традиции, сады, замки, храмы, многие из которых являются национальным достоянием. «Историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ,» — этими словами Д. С. Лихачева можно оценить деятельность Токугава сама.

Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Линия Судзуки — Сато — Того в российско-японских отношениях 1990-х гг.: достижения и провалы

Депутат Судзуки Мунэо и дипломаты Сато Масару и Того Кадзухико формировали линию японского правительства, нацеленную на интенсифи-

кацию отношений между Российской Федерацией и Японией после 1991 г. и решение территориального спора на основе новых концептуальных подходов — «концепции поэтапной передачи островов». Линия действовала в 1991–2001 гг. и ориентировалась на президента Б. Н. Ельцина и его внешнюю политику.

Благодаря Судзуки, Сато и Того был применен новый дипломатический метод — «дипломатия лицом к лицу». Он предполагал укрепление межличностных связей между русскими и японцами и включал такие механизмы как «банная дипломатия», подкуп российских чиновников, «алкогольная дипломатия», «сладкие ловушки» и пр.

В 1996–2001 гг. Судзуки, Сато и Того курировали российское направление политики Японии и внедрили новую концептуальную основу этой политики — «многоуровневый подход», позволивший расширить и укрепить двухстороннее сотрудничество. Судзуки инициировал через парламент Японии осуществление проектов по улучшению инфраструктуры на Курильских островах. Судзуки, Сато и Того составляли инструкции премьер-министрам Хасимото Рютаро, Обути Кэйдзо и Мори Ёсиро о ведении переговоров с российским лидером. В ходе переговоров 1997–1998 гг. и 2000–2001 гг. они разрабатывали японские предложения по территориальному размежеванию между Россией и Японией («два острова плюс альфа», «передача Хабомаи и Шикотана и продолжение переговоров о Кунашире и Итурупе», «план определения границ» и пр.).

Благодаря Судзуки, Сато и Того был изменен формат российско-японских переговоров, однако их содержание осталось прежним: японская сторона не отказывалась от территориальных претензий к России. Судзуки, Сато и Того хотя и смягчили риторику по этому вопросу, но ставили своей целью реализацию требования вернуть Японии четыре оспариваемых острова Курильской гряды.

Маранджян К. Г. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Японские конфуцианские тексты эпохи Токугава: жанровое разнообразие

Период Токугава, ставший временем наиболее широкого распространения конфуцианских идей в японском обществе, оставил большой корпус конфуцианской литературы, начиная с конфуцианских классических книг и кончая всевозможными комментариями, пословно, построчно или постатейно разъясняющими смысл и значение конфуцианских терминов и положений. Одни сочинения были созданы известными конфуцианскими учеными, другие написаны малоизвестными ныне авторами, однако независимо от масштаба

и значимости этих сочинений, весь корпус текстов может быть рассмотрен как объект для исследования с точки зрения жанровой принадлежности составляющих его произведений.

Классификация текстов легко устанавливается на основе жанровых маркеров, которые входят в название произведений. Анализ маркеров показывает, что это были известные китайской культуре жанры, что вполне понятно, поскольку конфуцианство в Японии было частью «кангаку» (китайских наук). Интересно, что многие из этих жанров, как, к примеру жанр текстов в формате «вопрос-ответ» были характерны именно для буддийской традиции. По-видимому, это напрямую связано с тем, что вплоть до начала XIX в. в Японии сохранялась традиционная иерархия жанров, когда на первом месте были религиозно-философские тексты (обычно на первом месте буддийские, а потом уже конфуцианские), затем шли исторические сочинения, поэзия и проза, причем собственно японские жанры на японском языке замыкали этот ряд. Фактически, самые престижные в этой системе жанры имели иностранный (т. е. китайский характер). Возможно, тот факт, что буддизм и конфуцианство пользовались одними и теми же жанрами, объясняется желанием уравнять ценностный статус текстов, представляющих две соперничающие традиции, предлагающие два альтернативных взгляда на мир и место человека в нем.

Марахонова С. И. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Взгляд С. Г. Елисеева на подписание русско-японского союзного соглашения 1916 г.

20 июня (3 июля) 1916 г. в Санкт-Петербурге было подписано союзное соглашение между царской Россией и Японией, которое должно было обеспечить мир на Дальнем Востоке. Сближение двух стран началось вскоре после заключения Портсмутского мира, и в 1907–1912 гг. был подписан ряд политических и экономических договоров между ними. Особенности международной обстановки в дальнейшем привели к тому, что единственной союзницей Японии оказалась Россия.

Одним из первых в России профессиональных откликов на заключение договора 1916 г. стал доклад японист, преподавателя Петроградского университета С. Г. Елисеева «Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза»[1]. Он представляет интерес не столько как проделанный автором критический обзор отношений между Россией и Японией, сколько как редкий исторический источник, написанный очевидцем событий непосредственно

[1] Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 1.

во время этих событий. Важно, что автор во время подготовки и подписания союзного соглашения находился в Японии и имел возможность проанализировать настроения японского общества и материалы японской прессы. Особую ценность представляют зафиксированные им мнения о соглашении японских политиков, ученых и журналистов. Свидетельства ученого облегчают задачу современных исследователей этого периода русско-японских отношений.

Соглашение 1916 г. состояло из двух частей: гласной и секретной. Статьи гласной части были сразу же опубликованы в российских газетах, а секретной части — только после Октябрьской революции. Так же было и в Японии. Однако в японскую прессу проник ряд сведений, как тогда думали, из секретной части договора. Согласно им, Россия шла на большие уступки Японии — территориальные, правовые и экономические, что делало это соглашение не выгодным России. Именно так трактует его и С. Г. Елисеев. Свою резко негативную оценку договора ученый отразил в докладе, который вызвал в аудитории бурную дискуссию.

Мотрохов А. И. (Харьковский НУ им. В. Н. Каразина, Харьков)

О сюжетной специфике песен любви поэтической антологии «Манъёсю»

Песни любви представляют собой песни-послания (со:монка), которые берут своё начало от песенных диалогов. Таким образом, песни любви предполагают обмен ими между влюблёнными, кровными родственниками, а также между супругами.

Песни-послания (№ 85–88), помещённые в начале т. 2 антологии «Манъёсю», — это четыре песни, изначально приписанные императрице Иванохимэ, супруге императора Нинтоку, правившего страной в 1-й половине V в. Можно предположить, что они были помещены в начале этого тома по той причине, что их считали достойным образцом песен любви. При этом императрицу Иванохимэ можно считать самой древней поэтессой из представленных в этой антологии.

В её песнях выражена любовь к своему супругу-императору, несмотря на то, что он неверен ей. Хотя она и проявляет ревность, она всё равно продолжает его любить и ждёт его возвращения. Верность своему мужу является проявлением женской добродетели. В своих песнях она раскрывает свои чувства поэтапно: огорчение → переживание → самоанализ. Это характерно для и других песен любви. Эти четыре песни выражают женское одиночество и те чувства, которые ему присущи.

Овчинникова Л. В. (ИСАА МГУ, Москва)

О воспитании «патриотического духа» в Корее во 2-й половине 1930-х гг. (По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства)

Служебные издания японского генерал-губернаторства в Корее (материалы полиции, суда и прокуратуры), выпущенные в Сеуле в 1920-е — начале 1940-х гг. на японском языке, представляют значительную ценность для исследования разных аспектов истории колониального периода Кореи и Японии. Они рассказывают о ситуации в Корее, о социальных, культурных, идеологических процессах, происходящих в этой стране, повествуют о формах и масштабах антияпонского сопротивления.

Одновременно они представляют обширную информацию о деятельности колониальных властей, наглядно показывают методы управления в Корее. Исследуемые материалы помогают сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов управления и контроля в колонии. Японские издания представляют документальные сведения о мерах, предпринимаемых колониальной администрацией и ее карательными органами. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Но во 2-й половине 1930-х гг. ограничиваться ими становилось все труднее. Была разработана и приведена в действие продуманная система дополнительных приемов, основой которой была идеологическая обработка местного населения.

Главное внимание уделялось «патриотическому воспитанию». Внедрению патриотических настроений в колониальной Корее были призваны служить прояпонские организации, такие, как «Союз по мобилизации сил нации», ячейки которого, называемые «патриотическими группами», были созданы по всей стране, молодежные патриотические организации. Были проведены и другие мероприятия. Так, например, была введена система добровольчества для корейцев, проведена реформа в образовании, которая касалась работы школ, библиотек и пр. Проводились меры по общественному воспитанию (введение патриотического дня, создание патриотических отрядов). Целью этой политики было внедрение в общественное сознание идеи величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе. Населению усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде.

Сведения закрытых служебных изданий генерал-губернаторства не тольео рассказывают об особенностях японской колониальной политики

в Корее, но и позволяют судить об относительной результативности мер, проводимых японской администрацией. Эти материалы, при критическом их использовании и сопоставлении с другими источниками, помогают воспроизвести картину колониальной Кореи, восполнить многие «белые пятна» ее истории. Введение в научный оборот новых, ранее неиспользованных материалов служебных изданий генерал-губернаторства в Корее вносит существенный вклад в пополнение источниковедческой базы исследований корейской и японской истории с конца 1910-х годов XX в. до 1945 г.

Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Международная реакция на материалы японских учебников по истории: история возникновения и современное состояние проблемы

Попытки пересмотра истории имеют в Японии довольно давние традиции. Однако если большинство из них было связано с внутрияпонскими реалиями и не вызывало какие-либо протесты со стороны сопредельных с Японией государств, то сегодня ситуация совершенно иная.

Принимая во внимание, что система школьного образования в Японии традиционно была сильно централизована и процесс написания любых учебников, включая учебники по национальной истории, всегда находился и находится под строгим контролем государства, манипулирование содержащейся в них информацией является весьма действенной мерой для формирования в умах молодого поколения японцев определенных стереотипов. Поскольку националистическая риторика и необходимость военного усиления являются краеугольным камнем современной японской политики, именно задаче так называемого «патриотического воспитания» и должны отвечать учебники по истории.

Еще в начале 1990-х годов профессор Токийского университета Фудзиока Нобукацу возглавил идеологическую кампанию по пересмотру школьных учебников в сторону усиления в них патриотического содержания. По его мнению, послевоенные учебники по истории писались «врагами нации». И он с единомышленниками настаивал на том, чтобы идеи возрождения японского довоенного национализма стали определяющими в новой идеологии школьных учебников по истории. Сегодня преподавание истории в японских школах осуществляется именно с такой позиции, что, естественно, оказывает серьезное влияние на отношения Японии с сопредельными государствами, нередко становясь источником серьезных дипломатических разногласий и скандалов.

Паршина А. П. (НГУ, Новосибирск)

Роль «человека культуры» *бундзин* в жизни японской интеллигенции эпохи Эдо

В странах синоиероглифического региона понятие «человек культуры» (文人 *бундзин*) связано с трактовкой духовной сути человека, «воплотившего в себе культурное начало»[1]. Представители данной категории воспитывались на известных принципах классического конфуцианского образования и морали, реализовывая себя, по большей части, через искусство, по меньшей, — через службу на государственном посту. Отличительной особенностью «человека культуры» являлось его противопоставление лицам военного сословия.

Истоки формирования этой специфической категории людей находятся в Древнем Китае. Их будущие прототипы можно увидеть уже в период Шести династий (222−589), однако окончательный образ складывается лишь к началу династии Сун (960−1279)[2]. По мнению ряда отечественных и японских исследователей, свое логическое завершение данная категория приобретает в период правления династии Мин (1368−1644).

Что касается Японии, то там до конца не установлено время проникновения «китайских интеллектуалов», более того, некоторыми исследователями ставится под сомнение сам факт их наличия. Между тем, в середине эпохи Эдо факт существования «человека культуры» признается неоспоримым. Об этом свидетельствуют социально-политические и идеологические изменения в обществе эпохи Эдо — например, появление «культурно-просветительских» салонов, развитие материалистических идей и др. Во многом благодаря активной просветительской позиции «людей культуры» открывались многочисленные учебные заведения, которые могли посещать представители всех сословий; развивалось издательское дело и журналистика. Начинался постепенный процесс формирования новой национальной идеологии.

Пустовойт Е. В. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Типология письменных источников королевства Рюкю (1392–1879)

В южной части современной Японии на островах архипелага Рюкю функционировало полунезависимое королевство Рюкю. Общепринятым считается, что формирование государственных институтов приходится на начало XV в., когда

[1] *Малявин В. В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: Астрель, 2000. С. 80.

[2] *Мураками Тэцуми.* Тю:гоку бундзин рон [中国文人論] Трактат о китайских людях культуры. Токио: Кю:косёин, 1994. С. 32–52.

произошло объединение трех враждующих княжеств («царств») на о. Окинава под властью влиятельного рода Сё. Завершающим этапом в истории государства Рюкю является его юридическое упразднение и образование на островах Рюкю префектуры Окинава, ставшей одной из территориально-административных единиц Японской империи.

В период существования королевства Рюкю сформировалась сложная система двойного вассалитета как по отношению к Китаю, так и к Японии. Эта система в значительной степени отразилась на политическом, историческом и культурном развитии Рюкю. В свою очередь, это обстоятельство усложняет проблему изучения рюкюских письменных источников, на составление которых в период с XV в. по 1879 г. влияли и китайская, и японская исторические традиции. С учетом всего корпуса источников, их авторства, назначения, содержания и информационной направленности в рюкюских письменных источниках можно условно выделить несколько типов.

I. Религиозные источники. Наиболее представительным и главным источником здесь является сборник священных песен и гимнов «Оморо Соси» (1531–1623 гг.).

II. Официальные хроники королевства Рюкю («Тюдзан Сэйкан», «Тюдзан Сэйфу», «Кю Ё»).

III. Документы, переписка, деловая корреспонденция, относящиеся к международной деятельности королевства Рюкю с Китаем, Кореей, Японией, странами Юго-Восточной Азии в период активной морской торговли (XV —конец XVI вв.).

IV. Документы, деловая корреспонденция, доклады и финансовая отчетность, относящиеся к вассальным отношениям королевства Рюкю с Китаем и Сацума (Японией).

V. Законодательные акты, приказы, постановления правительства Рюкю.

VI. Памятники права, уголовные кодексы и своды.

VII. Законодательные своды «кудзитё», регламентирующие общественные и сезонные работы, моральные нормы простолюдинов, правила проведения обрядов и праздников в сельской местности.

VIII. «Иностранные» историко-географические описания местности и районов королевства Рюкю, историю, нравы и обычаи. К таким «иностранным» памятникам относят работы китайских, корейских, японских и западных авторов.

IX. Литературные и философские произведения.

X. Эпиграфические памятники (каменные стелы, керамика и металлические изделия).

Речкалова А. А. (Новосибирский ГУ, Новосибирск)

Эволюция геральдической системы в Японии

История геральдики в Японии насчитывает более тысячи лет. За это время семейные гербы *камон* прошли долгий путь развития от хаотичного набора

разрозненных гербовых изображений до четко структурированной системы, подчиняющейся определенным правилам. Процесс упорядочивания геральдики начался сравнительно поздно, в эпоху Эдо (1603–1868), и был обусловлен государственным вмешательством.

Долгое время геральдика в Японии существовала без внешнего регулятора. На этапе зарождения *камон* в этом не было острой необходимости, так как количество носителей и сферы применения гербов были ограничены. Однако усиление позиций военного сословия в конце эпохи Хэйан (794–1185), а также активное освоение геральдических символов его представителями стимулировали резкий рост количества носителей семейных гербов. С одной стороны, геральдика пережила расцвет благодаря своей незаменимости в боевых действиях: активное использование *камон* в среде военных стимулировало появление новых видов гербовых изображений и новых материальных носителей, увеличение общего количества геральдических знаков. С другой стороны, в это время геральдика находилась в состоянии хаоса: не было ограничений права владения гербами, не существовало правил создания гербовых изображений и присвоения им названий, гербы отличались региональной спецификой по форме и размерам.

В эпоху Эдо военное правительство Токугава взяло на себя обязанность по систематизации геральдики и её регулированию. Для этого были введены ограничения на право владения гербами: каждая семья могла иметь только один официальный геральдический символ. Началась перепись существующих гербовых изображений путем регулярного выпуска специализированной литературы. Форма и размер *камон* подверглись законодательной унификации. Именно вмешательство государственного аппарата привело к систематизации накопленного за несколько веков геральдического материала.

Санина К. Г. (ДВФУ, Владивосток)

Женские образы в «Повести об Америке» Нагаи Кафу и дихотомия *ути*/*сото*

Восприятие мира через призму оппозиции *ути* (внутри, свой) / *сото* (снаружи, чужой) — это явление психологического характера, имеющее социокультурные и исторические корни. Данная дихотомия определяет восприятие японцами всех аспектов окружающего мира. Самой глобальной бинарной оппозицией в рамках *ути*/*сото* можно считать противопоставление Япония/Запад, которое приобрело наиболее выраженный характер в эпоху Мэйдзи (1868–1912).

«Повесть об Америке» («Америка моногатари», 1908) Нагаи Кафу (1879–1959) — одно из самых интересных произведений в контексте дихотомии

ytu/*como*, появившееся в конце эпохи Мэйдзи, когда Япония проходила через достаточно болезненные процессы модернизации и вестернизации. «Повесть об Америке» — это сборник рассказов и эссе, созданных на основе личного опыта и впечатлений писателя от пребывания в США. Основной фигурой, которую можно рассматривать в качестве репрезентации *ytu*, является образ рассказчика, явно представляющий собой *alter ego* самого Кафу. *Como* же символизируют многочисленные и разнообразные образы американских женщин. Когда в произведении возникают образы японских женщин, автор использует их либо для усиления контраста между ними и американскими женщинами в контексте интересующих его проблем (например, положения женщины в обществе), либо в качестве жертвы суровых жизненных обстоятельств. Мужские образы в «Повести об Америке» явно вытеснены на периферию повествования.

Разнообразие женских образов в «Повести об Америке» является доказательством того, что тезис о единообразном подходе к восприятию и описанию представителей *como* является неверным. В данном произведении присутствуют как минимум три ипостаси представительниц иной культуры, одна из них даже вызывает у рассказчика чувство «сестринской близости», и это говорит о том, что между *ytu* и *como* возможны как эмпатия, так и частичная акцепция.

Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Об особенностях традиции «нового меча» в общеисторическом контексте Японии кон. XVI — 2-й пол. XVII в. (на примере творчества мастера Нагасонэ Окисато Котэцу (1600? — 1673?)

Первый год эры Кэйтё (1596 г.) японская традиционная «наука о мечах» безапелляционно называет переломной датой в истории японского меча: завершилась эпоха *кото* («старого меча») и началась эпоха *синто* («нового меча»). Подобная «конкретность» датировки вызывает некоторое сомнение; тем не менее, период второй половины XVI — первой половины XVII вв. (Адзути-Момояма — ранний Эдо) действительно стал своеобразным «буфером» между японским Средневековьем и Новым временем, и в этот период японское общество претерпело значительные изменения во всех сферах — политической, социальной, культурной, хозяйственной, технологической. Существенные перемены имели место также в военной и технологической областях, в том числе — в области вооружений. Изменения, имевшие место в технологии ковки мечей, были столь существенными, что дали возможность констатировать принципиально иной этап в развитии традиции *нихонто*.

Основными причинами этого стала совокупность многих обстоятельств: угасание старых школ ковки мечей и размывание т. н. «традиции *Гокадэн*»; появление новых культурных и экономических центров, притягивавших мастеров; распространение огнестрельного оружия и смена тактики боевых действий; переход от периода феодальных войн к относительно мирному существованию; переосмысление социальных функций и духовных ценностей самурайского сословия; развитие торговли и специализации технологической деятельности, в т. ч. — распространение производства готового железа (*тамахаганэ*) на продажу, что привело к отказу оружейников, изготавливающих мечи от содержания собственных плавилен; появление импортного железа — «*намбантэцу*».

Важнейшие из этих изменений, отразившихся и на традиции *нихонто*, можно проследить на примере творчества Нагасаонэ Окисато Котэцу, вошедшего в историю как один из самых значительных мастеров периода «нового меча» — *синто*.

Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва)

Мартин Теодор Рамминг (1889–1988) — исследователь истории японской картографии

Оформление истории картографии как самостоятельной области исторической науки принято относить к первой трети XX в., точнее к 1935 г., когда Л. Багров основал журнал «Imago Mundi».

Проблема изображения японского архипелага на европейских картах была достаточно подробно изучена и описана в начале XX века в ставших классическими работах П. Телеки и Е. Дальгрена, японская же картография впервые в европейской науке была представлена Мартином Готгардом-Теодором Раммингом в новом журнале в 1937 г.

На нескольких страницах автор обоснованно показывает основные этапы развития японской картографии, влияния, которые она испытала. М. Т. Рамминг начинает исследование с упоминаний о географических картах в указах государя в ранних письменных памятниках, о земельных планах в сборнике документов «Дайнихон комондзё», о первых картах Японских островов монаха Гёги, картах сёэн, о картах мира на ширмах (XVI–XVII вв.), о работе по картографии провинций сёгуната Токугава, о влиянии европейской картографии, и завершает библиографией исследований японских ученых. Историографическая основа работы является бесспорным ее достоинством. Небольшая по объему статья сохраняет научную значимость и сегодня.

До середины 60-х гг. XX в. М. Т. Рамминг продолжает заниматься проблемами истории японской картографии, анализируя отдельные карты, рецензируя исследования японских ученых по данной проблематике.

М. Т. Рамминг родился в Санкт-Петербурге в немецкой семье, в 1908–1912 гг. учился в Санкт-Петербургском университете, был учеником В. М. Алексеева, В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, В. М. Иванова, сокурсником Н. А. евского и Ореста В. Плетнера. После завершения обучения поступил на службу в МИД, был драгоманом русской миссии в Токио вплоть до ее закрытия в 1923 г., затем до 1927 г. жил в Японии как частное лицо. В 1927 г. Рамминг переезжает в Германию и становится одним из ведущих преподавателей Института Японии в Берлине, который возглавлял в 1934–1944 гг. После окончания II мировой войны в 1945 г. он становится профессором университета имени Гумбольдта и основателем японоведения в ГДР.

Представляется, что научная деятельность М. Т. Рамминга заслуживает более пристального внимания и изучения.

Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Социальные сети как источник информации о деятельности трансгосударственных сообществ (на примере японской диаспоры в странах Латинской Америки)[1]

В последнее время в условиях развития транспортных и информационных технологий практически любое пересечение границ является процессом образования новых диаспор. Диаспоры устанавливают связи не только с государством исхода, но и с другими диаспорами, разделяющими с ними язык, культуру и историю, а также с третьими странами и международными организациями, для чего используют как традиционные, так и новейшие средства коммуникаций.

Японская эмиграция в страны Латинской Америки началась после открытия и модернизации страны в конце XIX века и всегда была интересом государственным. В послевоенное время, с целью возобновления эмиграции, наряду с министерскими комитетами и советами была создана Лига по выезду за границу японских студентов (日本学生海外移住連盟 — нихон гакусэй кайгай идзю: рэммэй), отправлявшая ежегодно группы учащихся на стажировку и работу.

На сегодняшний день наиболее многочисленная японская диаспора сложилась в Бразилии, Перу, Аргентине, Мексике и Чили, а члены Лиги, проживающие как в Японии, так и в странах Латинской Америки, и сейчас поддерживают отношения, о чем свидетельствуют регулярные встречи, неофициальные визиты, конференции и даже совместные путешествия. Общение участников происходит посредством социальных сетей, в том числе официальной страницы в сети Facebook.

[1] Понятие «трансгосударственные», а не традиционно «транснациональные», вводит Г. Шеффер, поясняя, что диаспоры «преодолевают границы государств, но не наций».

Сулейменова А. М. (ДВФУ, Владивосток)

Малые формы японской прозы XX века — от дзуйхицу до эссе

Становление ряда жанров современной японской литературы проходило и проходит крайне специфическим образом, выражающимся в том, что авторы страны Восходящего солнца не отказываются ни от одного любопытного явления в мировой литературе и заимствуют заинтересовавший жанр в своих целях — выражение оригинальной идеи, поиск средств изображения, создание новых тропов и языковых оборотов. Например, переведенные на японский язык стихотворения в прозе Шарля Бодлера и И. С. Тургенева «взорвали воображение» ряда японских писателей (Фтабатэй Симэй, Таяма Катай, Куникида Доппо), заинтересовавшихся специфической поэтической формой «самбунси» и оставивших в этом жанре ряд блистательных образцов. При этом интересным представляется факт обогащения собственной японской традиции в области кратких литературных форм как в поэзии, так и в прозе XX века. В частности, по-новому стали японские авторы сочинять «дзуйхицу» («записки вслед за кистью»), знаменитый средневековый жанр кратких прозаических заметок «обо всем». Особенно активно шли процессы рождения и распада жанров кратких форм прозы в конце XIX и начале XX века.

В данном докладе планируется обсудить особенности нескольких малых жанров, в настоящее время мало изученных в российском японоведении. А именно, жанры «сёхин» («малые работы»), «бибун» («изысканное письмо»), эссе и дневники, которые сочинялись многими выдающимися писателями и поэтами — Нацумэ Сосэки (1867–1916), Мори Огай (1862–1922), Ёсано Акико (1878–1942), Китахара Хакусю (1886–1942), Окамото Каноко (1889–1939), Хаяси Фумико (1903–1951).

Предлагается на примере некоторых произведений проанализировать литературные особенности (стиль и язык), а также подход авторов-женщин и авторов-мужчин к изображаемому в малых формах. На основе проведенного анализа выдвигается небольшая классификация упомянутых жанров и перспективы их жизнеспособности (ряд жанров до сих пор востребованы в японской литературе).

Торопыгина М. В. (ИВ РАН, Москва)

Текст «Рикугиэнки» (1702) как источник для изучения идейных представлений периода Токугава

Сад Рикугиэн — один из немногих княжеских садов периода Токугава, сохранившихся до нашего времени. Рикугиэн находится в Токио, в районе Комагомэ, он был разбит князем Янагисава Ёсиясу (1658–1714), советником

и другом сёгуна Токугава Цунаёси (1646–1709). На создание сада ушло шесть лет, работа была закончена в 1702 году. При создании сад был разделен на 88 видов, каждому из которых было дано название. Происхождение названий Янагисава Ёсиясу объяснил в тексте, известном под названием «Рикугиэнки».

Текст был написан в 1702 году, он состоит из предисловия, кратких пояснений к 88-ми названиям садовых ландшафтов, и краткой заключительной части, в которой объясняется выбор числа 88 для строения сада. Сад Рикугиэн (в тексте название прочитано как Мукуса-но соно) является символом японской поэзии и представляет собой «копию» бухты Ваканоура, места, известного как мэйсё (знаменитое место, т. е. такое место, о котором слагали песни-вака), а также как место обитания одного из божеств поэзии — девы Тамацусима (Сотоорихимэ).

Однако концепция строения сада основана не только на японской поэзии, а представляет собой сплав трех идей: конфуцианства, с которым, в представлении автора, смыкается китайская поэзия; японской поэзии, которую защищают синтоистские божества поэзии; буддизма, в первую очередь представленного школой дзэн.

Толстогузов С. А. (Хиросимский университет, Япония)

Монеты сёгуната Токугава как исторический источник периода бакумацу

Экстраординарная ситуация в денежном обращении на заключительном этапе сёгуната Токугава (бакумацу) в Японии уже стала для историков общепризнанным фактом. Было выпущено золотых, серебряных, медных, железных и других монет на десятки миллионов рё. Этот процесс сопровождался разгулом инфляции и экономическим хаосом. В стране возник острый денежный кризис, изучение которого еще далеко от своего завершения, а многочисленные монеты того времени продолжают оставаться важнейшим источником для научных работ.

Исследование монет в связи с их разнообразием зачастую ограничивается визуальным описанием иероглифических надписей и рельефа, которые представляют интерес для нумизматов. Более важным видится изучение денег в рамках подходов социально-экономической истории, которые требуют особого внимания к динамике выпуска монеты в первой половине XIX столетия, и взаимозависимости эмиссии и инфляции.

Главный вопрос — сколько денег находилось в обращении в период бакумацу, каковы были темпы прироста денежной массы. Основные монеты, которые требуют изучения — Тэмпо итибу гин, Ансэй итибу гин, Ансэй иссю гин, Манъэн нибу кин и Тэмпо цухо, так как их выпуск осуществлялся с наибольшим размахом. Монеты кобан или итибу кин имели хождение в меньших количествах. В первую очередь должны быть определены реальные пропорции

содержания драгоценных и других металлов (золота, серебра, меди), так как весовые характеристики — пропорции золота и серебра, доля меди и других металлов различались в зависимости от места и времени выпуска. Также должны быть уточнены характеристики монет, выпускавшихся монетными дворами бакуфу и частных феодальных собственников. Необходимо также провести серьезную работу с письменными источниками, чтобы уточнить математические принципы расчета соотношения металлов в монетах разных типов. В целом предстоит много разноплановой работы, прежде чем историки получат возможность определиться с выводами о количестве монеты, выпущенной в стране в последние годы сёгуната.

Фаризова Н. О. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Майгэцусё:» и «Тэйка дзиттэй» как основные источники категории *усин*[1]

Фудзивара-но Тэйка (1162–1241) — величайший поэт и теоретик поэзии японского средневековья. Будучи составителем знаменитых императорских поэтических антологий, он оставил после себя и трактаты, традиционно относимые к жанру *карон* (буквально: теория поэзии). Существует два основных источника-трактата, из которых мы узнаем о поэтической категории *усин* (именно ее многие исследователи считают важнейшим элементом теории и практики Тэйка). Это «Майгэцусё:» («Ежемесячные записки») и «Тэйка дзиттэй» («Десять стилей Тэйка»).

Первый представляет собой письмо, отправленное Фудзивара-но Тэйка неизвестному ученику. В нем содержатся инструкции и наставления начинающему поэту. Второй источник представляет собой типичную для японского средневековья «Поэтику»: в отличие от европейских «Поэтик», имеющих, как правило, вид связного текста, японские поэты часто составляли поэтики-антологии. Выявление критериев, законов, по которым такая антология организована, предоставляется читающему.

«Тэйка дзиттэй» является сборником песен, распределенных по десяти стилям, и не включает в себя никаких текстов помимо текстов самих песен. В «Майгэцусё:» описаны те же десять стилей и утверждается, что *усин* превосходит все прочие стили поэзии. Не всеми японскими исследователями признается подлинность данных источников, однако только по ним мы можем составить представление о категории *усин*.

[1] Само слово *усин* состоит из двух основ и записывается иероглифами иметь и сердце. Таким образом, в первом приближении можно говорить о том, что песня усин — это песня, имеющая «сердце», т. е. поэтическое содержание, которое и делает ее выдающейся, выделяет среди прочих песен.

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Пределы развития общества и обращение к реформам на примере «трёх реформ» эпохи Эдо

«Три большие реформы» (годы под девизами Кёхо, Кансэй, Тэмпо) проводились во вторую половину правления сёгунов Токугава (эпоха Эдо), охватив период с начала XVIII в. по середину XIX в. Оставив в стороне конкретное содержание, обратим внимание на *основной достигнутый результат*: реформы обеспечили возможность сохранения устоев высокоцентрализованной системы феодального государства вплоть до событий буржуазной революции Мэйдзи 1867–1868 гг.

Что же вызвало потребность реформ в обществе, основой которого полагали стабильность и неизменность формы государственной власти, политико-экономической системы, каковые были установлены основателями династии? Система успешно функционировала в XVII в., претерпев постепенную притирку и отладку всех подсистем и внутренних механизмов. Мир и спокойствие этого столетия обеспечили эффективное эволюционирование экономики (прежде всего, аграрной), культуры (в т. ч. городской), науки, технологий и проч. Развитию сельского хозяйства способствовало как развитие агротехники, так и возможности расширения посевных площадей на фоне истощения финансовых ресурсов, некогда накопленных основателями династии. Взлёт городской культуры связывают с годами Гэнроку (рубеж XVII–XVIII вв.). Наконец, с развитием науки связано внимание к «европоведению-голландоведению», поощрение ввоза в страну естественнонаучной литературы и т. п., начиная с первой из трёх реформ.

Лидеры реформ, *осознавая что общество и все его системы достигли* в своём роде *«потолка»*, *искали методы приведения в соответствие* действующего строя-системы *с окружающей действительностью*. Именно в этом — основное значение «трёх реформ». Таким образом, и система смогла продлить своё существование вплоть до середины XIX в., и новые социальные, экономические, технологические и прочие реалии смогли гармонично вписаться в рамки этой, обновленной реформами системы.

Филиппов Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

История голландско-японского социокультурного взаимодействия: математика эпохи Эдо

В западной науке сложилась традиция считать феномен голландоведения в Японии и процесс взаимодействия двух культур в области науки, как воздействие, однонаправленное «европейское влияние». «Прививкой» против европоцентристского взгляда на проблему как на процесс заимствования

Японией достижений Западной Европы может стать пример математики. Исследователями чаще уделяется внимание тем областям знаний, которые в эпоху Эдо переживали застой (медицина, физика, химия, кораблестроение, механика и горное дело) и для развития которых заимствование достижений западной науки действительно являлось насущной необходимостью. Однако развитие математики в Японии следует рассмотреть особо.

Во-первых, японская математика *васан* демонстрировала непрерывное поступательное движение. Многие открытия совершались раньше европейских. Наиболее яркий пример — успехи Сэки Такакадзу. Заслугой этого ученого является не только самостоятельно разработанная теория отрицательных уравнений, метод решения уравнений третьей и далее степеней, открытие отрицательных и мнимых (комплексных) корней, развитие теории определителей и бесконечно малых чисел, но и введение в 1686 г., раньше Лейбница и Ньютона, своего варианта дифференциального исчисления. Такэбэ Катахиро разработал свой метод вычисления площади части шара, а в 1772 г. нашёл разложение функции $(arcsin\ x)^2$ в степенной ряд, опередив европейского коллегу Леонарда Эйлера. Такэбэ открыл метод экстраполяции Ричардсона на 200 лет раньше самого Ричардсона. Вместе с Адзима Наонобу они усовершенствовали теорию кругов, деля не на дугу, а на хорду, т. е. используя простое интегрирование. Значительно раньше, чем в Европе (Дж. Мальфатти) была решена задача вписания трёх кругов в треугольник.

Во-вторых, в этой отрасли знания европейская наука восприняла многие успехи японской традиционной математики — как нестандартные или альтернативные решения. И это следует особо подчеркнуть.

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Волшебная» молодёжь в произведениях Оцу Ити

Оцу Ити (р. 1978) — известный японский писатель, работающий главным образом в жанрах детектива и «мистического реализма». Часто героями его произведений становятся дети, подростки, студенты, молодые люди, либо наделённые сверхъестественными способностями, либо по воле случая оказывающиеся в сказочных обстоятельствах. Так, герой повести «Исиномэ» с самого раннего детства во время игр с друзьями готовился к возможной встрече со злой волшебницей Исиномэ, чей взгляд обращает в камень. И хотя взрослые называли эти детские игры данью местным традициям и легендам, которые рассказывали о злой волшебнице, юноше суждено было, повзрослев, встретиться с ужасным созданием. В рассказе «Рисунок этого ребёнка не закончен» родители маленького Юма обнаруживают, что всё, что нарисует сын, даже самое невероятное, воплощается в жизнь, если сын действительно верит в то,

что рисует; в серии новелл «Гот» герои-старшеклассники, «осквернённые» смертью, оказываются втянутыми в различные странные происшествия; старшеклассница Судзуки-тян из повести «Плоская собака» делает себе на руке татуировку в виде собаки, которая со временем оживает; в рассказах сборников «Зоопарк» и «Зоопарк-2» дети и школьники также привлекают или вызывают чудовищ, сами того не желая.

Интересно, что в названных произведениях писателя катализатором волшебной встречи героев (или проявления их волшебных свойств) становится отчуждение, предательство друзей, ссора с близкими, непонимание родителей и т. п. Чудовища и привидения, образы которых легко узнаваемы и могут быть обнаружены в японских и других сказках, обретают силу в результате проблем, с которыми сталкивается герой, выходят из своего волшебного мира в мир реальный и становятся близкими друзьями потерянному и обиженному молодому человеку или ребёнку. С другой стороны, смертоносную силу, которую несет в себе, сам того не ведая, юный герой, ему далеко не всегда удаётся подчинить своей воле. Таким образом, Оцу Ити, по-новому обыгрывая мотивы сказок народов мира, обращается к изображению древних злых демонов в новых условиях. В целом, образ чудовища, волшебника или злодея в его произведениях можно рассматривать как метафорический.

Элоян М. Р. (Донской ГТУ, Ростов-на-Дону)

Историографический анализ теологии и космологии синтоизма

Три главных бога синтоизма (Амэ-но-минака-нуси-но ками, Таками-мусуби-но ками и Ками-мусуби-но ками) по разному интерпретируются в отечественной и зарубежной историографии, исходя из различного понимания слова «мусуби», которое входит в состав имен двух последних богов. В связи с этим существуют три различных подхода к рассмотрению теологии и космологии синтоизма. В рамках креационисткого подхода, «мусуби» понимается как «творить», а три главных божества синтоизма, как «триада креационистских богов». Но в «Кодзики» представлен теогонический процесс происхождения мира. С этой точки зрения, эманационистский подход, в котором «мусуби» понимается, как «рождать», а три главных бога синтоизма, как «порождающая сила», более соответствует нарративному тексту, хотя и не раскрывает весь процесс образования мира.

Демиургический подход, в котором «мусуби» понимается, как «производить», разрешает все трудности креационизма и эманационизма в понимании космологии синтоизма. Согласно этому подходу, мир не был «создан из ничего», потому что изначально существовала материя в виде жидкой земли;

и мир не был рожден, ибо в том виде, в котором сейчас существует Земля, она была не рождена, а утверждена Копьём. Не «создание мира из ничего», и не «рождение мира из Бога», а «создание, как утверждение» раскрывает смысл космологии синтоизма. И соответственно с этим божества синтоизма, вручившие Копьё Идзанаги и Идзанами, выступили не Творцами, создавшими этот мир «из ничего», что предполагает создание принципиально нового, а не «утверждение» или переделку старого, а скорее демиургами — строителями этого мира.

СЕКЦИЯ VIII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ: К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СПБГУ

HISTORIOGRAPHY OF KOREA: 20 YEARS SINCE THE ESTABLISHMENT OF THE CENTER FOR KOREAN LANGUAGE AND CULTURE OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Cho Youngsim (Yonsei University, Republic of Korea)

Meaning of Hansi (漢詩) in premodern East-Asian cultural exchange, focused on Joseon • Japan • Ryukyu in the second half of the 18th century

The literature takes over the role of literature in the premodern Korean society. Especially, in Joseon, the genre of 'Hansi (Chinese poem)' was important means for the appointment and retention of public office. Joseon attached great importance to Hansi in both internally and externally Joseon. The premodern East-Asian society used common written language as Chinese character, and the diplomacy with other countries took the Chinese character as the main means of writing. The poetry and prose were media for the communicating with foreign people, among those, Hansi was used for the method appearing the literary maturity of the country.

Since the Japanese invasions of Korea in 1592, in the case of 'Joseon Tongsinsa (Joseon missions to Japan)' which was recommence by the request of the Japanese side, the peace between the two countries was maintained, so the role of cultural exchange ambassadors was taken gradually, therefore, 'Pildam (Conversation through writing)' — 'Changhwa (Responsory poetry)' was shared by the writers in Joseon and Japanese characters of various classes, and this record was delivered to 'Pildamchanghwajip (Book of responsory writings)'.

In addition, Pildam–Changhwa of the people of two countries was focused on 'Friendship' generally, but there was difficulty to examine the real intention of exchanged poems. This study will examine Hansi in the situation of cultural exchange by comparing the Pildam–Changhwa that Japanese Okada Shinsen exchanged with

Joseon Tongsinsa in 1764 with that which he exchanged with Ryukyu Diplomatic Delegation in 1791, as a method to understand this Pildam–Changhwa.

Hansi in Joseon society was the literary genre related to the politics and diplomacy. Therefore, research of the meaning of Hansi in Joseon will help to understand the society of Joseon.

Cui Yinghua (Yonsei University, Republic of Korea)

On the frontier between Joseon and Qing dynasties from Jeong Won Yong 's 'Bukhyengsurok (北行隨錄)'

In this thesis, I investigate cultural and geographical situations in a northern remote region in the Joseon dynasty facing Qing (淸) dynasty in the early 19th century by using 'Bukhyengsurok (北行隨錄)' written by Jeong Won Yong (鄭元容, 1783~1873).

'Bukhyengsurok' is a record of the situations in Hoeryong (會寧), Hamgyong province (咸鏡道) where the northern remote region is located while Jeong Won Yong was in charge of Hoeryong Magistrate since 1829, mentioning not only China and Cheolryong (鐵嶺), but also Russia. Jeong Won Yong realized that Hoeryong was an important area for the defense against the nearby countries, and thus started investigating the topography, architecture, custom and names of places on the both sides of the frontier between the Joseon and Qing (淸) dynasties.

I first systematically investigate the structure of the records in 'Bukhyengsurok', i. e., what regions are described, the ordering of the descriptions, and how they are described.

Next, I focus on Jeong Won Yong's unique thoughts about a border issue between Joseon and Qing dynasties. The border is thought to be specified by Domun (豆滿) River and Tumen (土門) River. There is, however, a controversy over the border issue since some people consider that these rivers are the identical one while the others do not. He indicated his thoughts on the basis of significant references and geodesic records, which can be distinguished from the common thought in Joseon dynasty.

Lastly, I examine how Bukhyengsurok has been influential to politics, economy, foreign diplomacy etc in Joseon dynasty. Jeong Won Yong was an influential person in politics and his book has been one of the most important literatures referred in political decisions.

Haeussler Sonja Erika (Stockholm University, Sweden)

Korean history and cultural traditions showcased at the 13th World Festival of Youth and Students in P'yŏngyang, 1989

International Festivals of Youth and Students held in socialist countries always were an ambiguous event for those societies and, in particular, their leadership.

Preparing for the 13th World Festival of Youth and Students in P'yŏngyang, the North Korean organizers had to find solutions for crucial questions in the cultural sector: How to make the festival interesting and attractive for the foreign guests while preventing too much impact of the totally different Western youth culture on their own North Korean citizens? How to make P'yŏngyang look more diverse while fundamentally maintaining (almost) the same system? Among other measures, the answer was found in a grand showcase of domestic culture and history. Based on own observations as well as the study of German archives and newspapers, the presenter of the proposed paper will discuss the following issues:

- The week-long presentation of the International Folklore Holiday Games in Taesŏngsan mountain which demonstrated strong links to Koguryŏ history
- The revival of Korean folklore before and during the festival, among them the comeback of the *Arirang* song
- The promotion of traditional handicrafts and small selling points for tourist gifts and national products during the festival

The respective cultural aspects will also be examined in regards to the question whether they have been introduced only for the time of the festival or whether long-lasting effects in North Korean society can be observed.

Kida Pawel (Seoul National University, Republic of Korea)

Korean parts of speech viewed by western scholars from 1832 till 1890

This paper considers early sources of Korean grammar books presented by western scholars who began the study of Korean grammar. Western scholars began the study with the collection of vocabulary needed for missionary work which evolved into the base of Korean grammar. In this paper there are presented early achievements of western scholars focusing on the morphological phenomena like parts of speech. As Korean language is an agglutinative language and morphologically different from western languages, early scholars had many problems to adjust and group vocabularies into different parts of speech. Each division has a huge influence of their mother language. Although contemporary Korean part of speech system is substantially different from those proposed by different western scholars, this paper brings a detailed inquiry into early formation of parts of speech from the historical point of view. Sources used for this study are presented in the table below.

Date	Author	Title
1832	Ch. Güzlaff	Remarks on the Corean Language
1864	L. de Rosny	Apercu de langue coréenne

Date	Author	Title
1874	Ch. Dallet	La langue coréenne
1877	J. Ross	Corean Primer
1878	J. Ross	The Corean Language
1879	W. G. Aston	A Comparative Study of Japanese and Korean
1880	J. MacIntyre	Notes on the Corean Language
1881	F. C. Ridel	Grammaire Coréenne
1882	J. Ross	Korean Speech
1882	W. E. Griffis	The Corean Language
1887	J. Scott	A Corean Manual or phrase book with Introductory Grammar
1889	M. C. Imbault-Huart	Manuel de la langue coréenne parlée
1890	H. G. Underwood	An Introduction to the Korean Spoken Language

Kim Jeanyoung (Yonsei University, Republic of Korea)

White on white: Russian émigrés through Korean eyes

The 20th century portrayal of Russians bifurcates into two color types: the white and the red. This color distinction undoubtedly originated from the ideological division of the Revolutionary period, but its political connotation was soon overshadowed by the cultural one, and among Koreans, it continued to engender something of a myth on Russians.

Of special interest is the way how the Russian émigrés, i. e., the 'Whites' were viewed by the Koreans of the colonial period. For them the whiteness of these Russians was not simply a stigma of their ideological identity but rather a generic sign of beauty, Russia's exotic otherness. Russians were generically described as 'white', regardless of their national and social origin, and therefore 'beautiful'; at the same time, the 'white' Russians and their habitats were commonly described as 'melancholically' beautiful.

Both the émigré Russians and the Koreans who encountered them during the colonial time were sufferers of the lost homeland, destined to seek elsewhere for its surrogate. Such a surrogate replica was the village 'Novina', which the Yankovskys created in the northern part of Korea, which in turn provided a fairy tale like vision of the 'paradise regained' for the Korean viewers outside. The "snow white splendor" of the Russian émigrés, as one novelist wrote, while describing the Yankovsky place, was, for Koreans, a construct both of fantasy and nostalgia. While admiring and mourning the 'White' Russians, Koreans were actually mourning for themselves, taking refuge only in the illusion of their imagined homeland.

Logie Andrew (Helsinki University, Finland)

Lee Deok-il's portrayal of the 'Colonial View of History' and his charges against establishment historians

As a part of my current PhD research on 'The Course of Korean Historiography' this paper discusses popular historian Lee Deok-il's writings on ancient Korea and colonial historiography with a focus on one of his recent books, 'The Colonial View of History Inside Ourselves (우리 안의 식민사관, 2014)' in which as a central part of his argument he accuses both the Northeast Asian History Foundation and the associated Early Korea Project of promoting the 'colonial view of history' to the detriment of South Korea's national interests vis-à-vis China's Northeast Project.

Lee's own historiography is largely the same as that of the longer established Yun Naehyeon; both scholars are regularly labelled as 'jaeya (재야, 在野)' or 'minjok-juui (민족주의, 民族主義)' 'ethno-nationalist' historians with their interpretations of Dan'gun and Old Joseon dismissed by establishment historians as 'pseudo history'. Whilst aspects of their methodology and conceptualisation of Old Joseon may indeed be problematic, the establishment's apparent refusal to engage them, now leaves the establishment vulnerable to Lee's charges that their own historiography is not supported by primary sources but relies on colonial era distortions and fabricated archaeology.

Lee's argument represents only the latest articulation of an ongoing history debate which nests in the wider discourse of the South Korean political left and perhaps for this reason it has yet to be addressed by international scholarship. Despite the politics, Lee's writings should not be ignored because they are strongly influential on Koreans' popular conception of their ethnic heritage. Looking beyond any immediate acrimony, we should ask if any part of Lee's thesis is valid and if so, how to address it.

Акуленко В. С. (ДВФУ, Владивосток)

Влияние трудов Сон Чжинтхэ на формирование современной исторической школы Республики Корея

Сон Чжинтхэ по праву считается идейным вдохновителем исторической школы РК и основателем южнокорейского «нового национализма», сформировавшего мировоззрение многих учёных в этой стране.

В докладе рассматривается влияние, которое его работы оказали на сложение и дальнейшее развитие исторической школы Республики Корея.

Основными трудами Сона являются «Введение в историю корейского народа» (조선 민족사 개론, 1948) и «Краткое изложение государственной истории» (국사 대요, 1949). В данных произведениях он излагает основную суть своей концепции, в настоящее время известной как «идеология нового

национализма». С ростом популярности движения за построение «многонационального общества» в Корее, вместо этого термина также стали употреблять словосочетание «открытый национализм».

Сон резко выступал против коммунизма и классовой борьбы, так как считал, что они противоречат интересам народа и ослабляют его, превращая в лёгкую добычу для окружающих, более сильных и единых народов и стран. По его мнению, королевство Силла совершило преступление против родственной нации, коль скоро это было задумано правящей элитой.

Сон был также уверен в том, что государство Бохай и чжурчженьско-китайская Империя Цзинь, равно как и государства Корейского полуострова, принадлежали к одной культуре «белой одежды и ондоля». Данное утверждение Сона оказало воздействие на формирование теории о существовании «Северной и Южной династии», т. е. государств Силла и Бохай.

Таким образом, работы Сон Чжинтхэ повлияли на формирование некоторых слабых сторон современной исторической школы РК, среди которых следует отметить: вольную трактовку термина «*минчжок*» (민족), чрезмерное внимание к истории государств Когурё и Пэкче в ущерб изучению истории Силла, а также попытку «вернуть» в лоно отечественной истории государство Бохай. В то же время сложно не признавать огромного вклада его работ в развитие и становление исторической школы Южной Кореи.

Алёщенко В. Н. (Филиал Владивостокского ГУЭС, г. Артём)

Анализ исследований по истории корейского языка

Корейский язык — один из древнейших языков мира, который, несмотря на многовековое китайское влияние, сумел сохранить свою самобытность и оригинальность. Историей корейского языка занимались и продолжают заниматься многие ученые, как в Корее, так и за рубежом, но, несмотря на это, она остается все еще не в полной мере изученной.

В частности, развитие грамматического строя корейского языка — от первых дошедших до нас памятников середины XV века, оформленных с помощью созданного в это время корейского фонетического письма, и до наших дней — представляет собой тему для исследований, где до сих пор сохраняется немало белых пятен. Это обусловлено, в том числе, и тем, что многие из существующих работ посвящены лишь какому-либо одному историческому периоду (наиболее популярным из которых является эпоха среднекорейского языка), и какой-либо одной грамматической категории. Между тем, прежде чем понять функционирование отдельных компонентов корейской средневековой языковой системы, следует получить представление об особенностях всей системы в целом.

Араджиони О. Ю. (НГУ, Новосибирск)

Эволюция и функции масок в истории корейской культуры

Маска как элемент национальной корейской культуры не является изобретением одних лишь корейцев. Возникновение и развитие феномена маски прослеживается в культурах разных народов с древнейших времен, в связи с чем изучение локальных вариантов функционирования маски через выявление ее социального и художественного значения на примере традиционной корейской культуры представляется актуальной исследовательской задачей. Маска являет собой элемент древней и современной культуры, отражая конфессиональный, профессиональный и половозрастной статусы человека. Она выступает в качестве важного элемента духовной жизни, а также необходимой части архаических ритуалов и обрядовых практик, служит инструментом формирования индивидуальности.

В Корее маски считались важным сакральным объектом и использовались в ритуальных целях. Наиболее ярко эта роль масок воплощалась в похоронной обрядовой деятельности, где они выполняли роль защитников души усопшего. В бытовой культуре корейцы применяли маски в надежде защитить себя и свой дом от злых духов. Кроме того, с глубокой древности с масками совершались ритуалы моления о хорошем урожае и благополучии в деревне.

Особенности использования масок менялись на протяжении всего времени их существования. Постепенно маски стали неотъемлемой частью танцевальных представлений *тхальчхум* 탈춤 и драматических спектаклей. Основой для создания таких танцев в масках было не только проведение ритуала по изгнанию злых духов. Социальные функции театра масок реализовывались через сатиру и пародию — с помощью ярких характерных амплуа высмеивались буддийские монахи, аристократы и ученые, а также критиковались человеческие слабости и пороки.

Многообразие форм и функций традиционных корейских масок обусловило их особое значение в истории культуры Кореи. Эволюцию и ритуальные функции масок целесообразно рассматривать на примере масок *хахве* 하회 (河回), созданных в эпоху Корё (XII в.). К анализу привлечены материалы, собранные автором в ходе полевых исследований в деревне Хахве (г. Андон, Республика Корея).

Винокурова К. А. (НГУ, Новосибирск)

Феномен «халлю» как источник сохранения традиционной культуры корейцев в условиях глобализации

Представители современного корейского этноса, обладая гибкостью и легкостью мышления, ориентированы на междисциплинарность и поиск новых точек зрения на окружающую действительность. Современная корейская

культура достаточно открыта к восприятию других культур. Так, многие идеи, тренды, популярные в настоящее время на Западе, и особенно в Америке, находят отражение в корейском обществе, которое, тем не менее, в целом продолжает придерживаться своих традиционных взглядов.

Сохранению элементов корейской традиционной культуры во многом способствует распространение и развитие феномена «*халлю*» 한류 韓流 (букв. «Корейская волна»).

«Корейская волна» представляет собой комплексное многослойное образование и, будучи национальным вариантом массовой культуры корейцев, проживающих в южной части Корейского полуострова, реализуется во всеобщем увлечении телесериалами и поп-музыкой, начавшемся в конце 1990-х гг. в странах Юго-Восточной Азии. С другой стороны, это явление можно рассматривать как пример альтернативной глобализации — от периферии к центру.

Прошло более десяти лет с того момента, как корейская массовая культура стала известна за пределами Кореи и начала экспортироваться в другие страны: Китай, Японию, Вьетнам. На сегодняшний день территория распространения «Корейской волны» не ограничивается только Юго-Восточной Азией, но охватывает всю Европу и Америку.

«Корейская волна» способствует сохранению культурной специфики и принимает активное участие в формировании национальной идентичности посредством тиражирования и трансляции национально-исторической символики и национально-значимых идей. Кроме того, отражение конфуцианских идей в драмах способствует консолидации культур сино-иероглифического региона.

Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Обзор коллекций корейских рукописей и старопечатных книг в Европе[1]

В докладе будет представлен обзор нескольких наиболее крупных коллекций корейских рукописей и старопечатных книг в Европе: во Франции (Французская Национальная библиотека, музей Гиме), Великобритании (Школа Востоковедения и Африканистики Лондонского Университета, Британская библиотека, Оксфорд), Дании (Королевская Библиотека Копенгагена).

За исключением копенгагенской коллекции, история которой начинается во второй половине XX века, большинство названных собраний формировались на рубеже XIX–XX веков, в период «открытия» Кореи европейскими государствами. В каждом из собраний есть книги, которые составляют особую ценность. Степень изученности коллекций разная: общие сведения о некоторых

[1] Данная работа подготовлена при поддержке Академии Корееведения, Республика Корея, 2015 г. (AKS-2010-CAA-2101).

коллекциях можно найти на сайтах хранилищ, некоторые собрания находятся в стадии описания, отдельные коллекции описаны, в некоторых случаях сведения по-прежнему разрознены.

Доклад содержит сведения о масштабе коллекций, наиболее ценных изданиях, истории формирования, особенностях хранения и состоянии изученности каждого из собраний.

Гутарева Ю. И. (Антикварный салон «Русская старина», Санкт-Петербург)

Корейский пейзаж *сансухва* (山水畵) в современном искусстве Кореи: традиции и новации

В современном корейском искусстве вопрос традиционности остается острым и актуальным. В Корее, испытавшей с конца XIX века мощное влияние европейской культуры, проблема выявления и сохранения «собственно корейских черт» становится одной из важнейших. Живописное искусство Кореи XX века отмечено возобновлением интереса ряда художников (И (Ли) Санбёма (1897–1971), Пён Квансика (1899–1976), Сон Сунама (род. 1938), И (Ли) Ютхэ (1916–1999), Чан Усона (1912–2005), Пак Носу (род. 1927), Ким Ходука (род. 1950), Чон Ёнмана (1938–1999) и других) к этнической аутентичности своего творчества и к возвращению ориентации на комплекс культурных норм, эстетических ценностей и художественных идеалов, выработанных на протяжении многих веков и определяемых понятием «традиционная корейская живопись». Возвращение к национальным корням обуславливается не только выбором традиционных художественно-выразительных средств, объединенных единством мировосприятия и эстетических взглядов, но и сюжетов, где ведущим является национальный пейзаж «*сансухва*» 산수화 山水畵. Последний достиг своего расцвета в эпоху Поздний Чосон (XVIII — сер. XIX вв.) и проложил путь к новому подъему корейского пейзажного искусства уже современного периода. Основы национальной школы пейзажной живописи становятся духовным источником, питающим корейское современное искусство, и прочным идейным стержнем, удерживающим национальную самобытность живописи Кореи от размывающего влияния внешних заимствований.

Задачами доклада являются: выявление особенностей развития традиционного пейзажа *сансухва* в современном искусстве Кореи в контексте культурно-исторической ситуации XX века, рассмотрение его роли и места в современной живописи Кореи.

В конце доклада делается вывод о важности такого художественного явления в современной пейзажной корейской живописи, как традиционный пейзаж *сансухва*, который, опираясь на устойчивые традиции, способен следовать современным новациям.

Дубровская Т. В. (ДВФУ, Уссурийск)

Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом цветообозначений в корейском и японском языках

Цвет имеет огромное значение в жизни человека. От его восприятия во многом зависит психосоматическое и даже физиологическое состояние людей. Естественно, что исследователи проявляют научный интерес к изучению цвета. У лингвистов цветообозначения — одна из самых популярных лексических групп. Языковеды и этимологи рассмотрели множество языков и пришли к выводу, что в системе цветообозначения существует ряд универсальных черт. Кроме того, различные отношения к тому или иному оттенку отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке, так как они аккумулируют социально историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национального характера.

На Востоке цвет не только несет определенную эмоциональную нагрузку, но и наделен конкретным содержанием, функциональной значимостью. Фразеологические единицы являются важным источником лингвокультурологической информации, языковым выражением народной памяти, изучение которого способствует раскрытию содержания понятия «цвет».

Количество цветовых символов ограничено. В корейском и японском языках наиболее часто используются «основные цвета», к которым относят: черный, белый, красный, желтый, синий. Символика цвета очень тесно связана с национальной спецификой и является средством выражения менталитета. Фразеологизмы с компонентом цветообозначений имеют свои национальные особенности употребления как в корейском, так и в японском языке. Они широко представлены во фразеологии и отражают быт народа. С определенными цветами ассоциируются практически все крупные перемены в жизни и важные для человечества элементы окружающей природы.

В нашей работе предпринимается попытка рассмотреть особенности употребления фразеологических единиц с компонентом цветообозначений в корейском и японском языках, а также выявить их специфику.

Ким Н. Н. (НИУ ВШЭ, Москва)

Систематизация источников по изучению женской повседневности в современном южнокорейском обществе

Изучение женской повседневности является одной из актуальных тем современных исследований Кореи. Обращение к теме женщин со стороны как зарубежных, так и южнокорейских исследователей, является своеобразным

отражением серьезных социо-культурных изменений, произошедших в Республике Корея последние 20 лет[1].

Под исследованиями женской повседневности обычно понимается изучение обширной совокупности ежедневных практик женщин, включая сюда семью, профессиональную занятость, досуг, религиозную и иную общественную деятельность. Условно говоря, институциональный подход к изучению повседневности исходит из того, что предметом повседневности является та часть человеческой реальности, которая простирается между «я» и обществом и, как таковая, сконструирована под влиянием различных социальных институтов, основанных на мужском доминировании (А. Вэйгарт). При таком подходе основное внимание уделяется социально релевантным ежедневным практикам женщин: семейному положению, воспитанию детей, работе, распределению времени и пр. Исследования подобного рода в большинстве своем оперируют статистическими источниками или базируются на социологических исследованиях прикладного характера. База данных гендерной статистики ООН, ОЭСР, а также различных южнокорейских исследовательских институтов, министерств, организаций (в первую очередь, Управление статистики РК) позволяет достаточно полно описать повседневность женщин в той мере, в какой она социально значима и измерима.

Помимо институционального подхода к повседневности, может существовать и иной подход, который исходит из понимания повседневности как «способа проживания и переживания всех разновидностей, форм и проявлений неинституционализированного женского опыта» (А. В. Белова). Данный подход требует анализа источников личного происхождения: писем, дневниковых записей, автобиографических текстов, мемуаров, интервью-воспоминаний. Помимо прочего, при данном подходе могут быть проанализированы предметы женского обихода, форма причесок, стиль одежды и пр., поскольку все это в различной форме может выражать женскую субъективность.

Оба данных подхода могут использоваться при исследовании женской повседневности в современном южнокорейском обществе, но при условии систематизации источников и расширения методов источниковедческого анализа.

[1] Jean R. Renshaw. Korean women managers and corporate culture. New York, 2013; Kendall L. Under construction: the gendering of modernity, class and consumption in the Republic of Korea. Honolulu, 2002; Nelson L. Measured excess: status, gender and consumer nationalism in South Korea. New York, 2000; Kim E. and Choi Chungmoo. Dangerous women: gender and Korean nationalism. London, 1998. Многочисленные социологические исследования женской повседневности размещены на интернет-сайтах Министерства гендерного равенства www.mogef.go.kr, Института исследования женщин Кореи www.kwdi.re.kr и пр.

Кондратьева Е. Н. (РГГУ, Москва)

Учебные пособия для изучения японского языка в средневековой Корее (на примере «Чхопхэ сино» 첩해신어 捷解新語)

Настоящая работа посвящена описанию одного из самых малоизученных корейских средневековых двуязычных текстов, использовавшихся в практике преподавания иностранных языков — «Чхопхе сино» («Японский язык, с краткими пояснениями», 1676 г., 10 квон, 10 чхэк, автор — Кан Усон), анализу его содержания, обзору изданий и краткому описанию языка памятника. Исследуемый текст использовался для подготовки переводчиков японского языка и удачно зарекомендовал себя в Академии переводов («Саёгвон»), основном ведомстве, отвечавшем за подготовку переводчиков для государственной службы. Известны несколько переизданий этого памятника, а также отредактированные издания более поздних лет (1748, 1781), где отражены языковые изменения как в японском, так и корейском языках тех лет.

Основная тематика учебного пособия — организация и встреча посольств, географическое и хозяйственное описание Японии, обмен письмами. Для лингвистов и филологов текст «Чхопхэ сино», а также его переводы представляют особый интерес, поскольку в них зафиксирован как разговорный, так и официальный среднекорейский язык. Разновременные издания этого памятника позволяют отследить языковые изменения в период зарождения и развития новокорейского языка.

Исследуемые параллельные тексты дают богатейший материал для алтаистов и лингвистов-типологов: в них приводится запись не только на языке оригинала, но также дается транскрипция, выраженная средствами корейского алфавитного письма и отражающая фонетику изучаемого языка в соответствующий период.

Сохранившиеся до наших дней учебные пособия по изучению иностранных языков представляют исключительную ценность не только для лингвистов и филологов, но также для этнографов, антропологов, историков и исследователей этнической культуры Дальнего Востоке в средние века.

Концевич Л. Р. (ИВ РАН, Москва)

Является ли сохранившееся издание важнейшего памятника корейской письменности «Хунмин чонъым хэре» первым?

«Хунмин чонъым хэре» («Наставление народу о правильном произношении, с объяснениями и примерами») считается первым памятником корейской письменности (изобретена в январе 1444 г.) и является одним из главных

национальных достояний корейцев. Ему посвящены сотни исследований, но вопрос о подлинности его первого издания, который был поставлен рядом корейских учёных (Пан Джонхён, Ли Гимун и др.) и мною еще в 1975 г., в диссертации и в монографии 1979 г., до сих пор остаётся открытым.

Единственный экземпляр памятника («Хэребон» или «Чон-сси бон»), открытый в 1940 г. и известный по имени антиквара Чон Хёнпхиля (псевд. Кансон), хранится в Художественном музее Кансона (Сеул). После освобождения Кореи с него было сделаны фотокопии, изданные в те же годы. В 1978 г. в Санджу был найден второй экземпляр раннего издания ХЧ, но судьба его оказалась трагичной. Он вскоре исчез странным образом. Судя по снимкам отдельных страниц, которые удалось сделать Ким Джувону, он несколько отличается от «варианта Чона» по размеру, сохранности и проч. В нем, как в экземпляре Чона, нет первых двух листов.

В результате проведенного мною детального текстологического и палеографического анализа памятника были выявлены несоответствия в написаниях иероглифов (в китайских справочниках по палеографии они зафиксированы в более поздних источниках), ошибочное использование «тональных отметок» и проч. Я считаю, что «Чон-сси бон» является не первым изданием 1446 г., а скорее всего неким ксилографическом переизданием 80–90-х годов XV в., в котором были использованы печатные блоки раннего издания. Остаётся под вопросом, почему такой важный памятник не был напечатан подвижным металлическим шрифтом. Кроме того, из-за запрета владельцев «Чон-сси бона» до сих пор не проведено радиокарбонного химического анализа бумаги, туши, а также брошюровки, посторонних интерполяций в тексте и т. д. Может быть, удастся найти исчезнувший экземпляр из Санджу и сравнить с ним. Только после всего этого можно будет предпринять научное факсимильное издание полного текста «Хэребон».

Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема определения основных тенденций истории Республики Корея начала XXI в. (на примере событий 2006 г.)

15 лет истории начала XXI столетия — это значительный период времени. Несмотря на его относительную краткость, события, произошедшие в мире в указанное время, стали, в известной степени революционными. Здесь, в частности, можно упомянуть о феномене «интернет-революции» (начало 2000-х гг.)[1], о «мобильной революции» (конец 2000-х — начало 2010-х гг.),

[1] *Курбанов С. О.* История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 596–598.

коренным образом изменившей облик мира, и т. п. Республика Корея стала одной из стран, находившихся на переднем рубеже этих изменений.

Помимо значительных достижений в сфере информационных технологий, в Республике Корея и КНДР произошел ряд других немаловажных событий, изменивших ситуацию, как на Корейском полуострове, так и в Восточной Азии в целом. Это и первая встреча руководителей РК и КНДР Ким Дэчжуна и Ким Ченира, состоявшаяся 13–15 июня 2000 г., и ядерные испытания Северной Кореи, и многое другое.

Тем не менее, несмотря на огромную важность указанного периода времени, ни в КНДР, ни в Республике Корея практически нет полноценных работ по истории Кореи начала XXI века. Исключением являются два южнокорейских издания.

Первое из указанных называется «Прогулки по новейшей истории Кореи» (한국현대사 산책) южнокорейского профессора Университета Чоннам Кан Чжунмана (강준만), изданная в 2011 г., в которой, в частности, 5 томов специально посвящены истории Южной Кореи начала 2000-х гг. (2000년대 편[1]). Однако указанное сочинение, составленное в жанре научно-популярной литературы, вряд ли можно отнести к категории изданий, дающих комплексную картину истории Кореи.

Вторым южнокорейским трудом, подробно описывающим историю Республики Корея начала XXI века, является многотомное сочинение профессора Но Сунгю (노순규) «История Кореи», 10-й и 11-й тома которого посвящены истории Кореи конца XX — начала XXI века[2]. Однако автор второго из упомянутых изданий концентрирует свое внимание исключительно на вопросах политики и экономики, оставляя остальные аспекты исторического процесса за пределами своего исследования.

Современная российская историография в той или иной степени также описывала отдельные моменты из новейшей истории Кореи начала XXI в., но не в достаточной степени.

На примере событий истории Республики Корея 2006 г.[3] автор статьи рассматривает проблему определения трендов в истории Республики Корея, которые позволяют отбирать факты, необходимые для написания комплексного труда по истории Кореи (Южной) начала XXI столетия.

[1] 강 준만. 한국현대사 산책. 2000년대 편 (Кан Чжунман. Прогулка по новейшей истории Кореи. Раздел 2000-х гг.). Сеул, 2011.

[2] 노순규. 한국사 10. 김용삼 김대중 대통령; 한국사 11. 노무현 이명박 대통령 (Но Сунгю. История Кореи 10. Президенты Ким Ёнсам, Ким Дэчжун; История Кореи 11. Президенты Но Мухён, Ли Мёнбак). Сеул, 2014.

[3] В 2009 г. автор настоящей статьи уже издал сочинение, в котором так или иначе описаны события истории Южной и Северной Кореи 2000–2005 гг. (см. сноску 1). Таким образом, 2006 г. является для автора первым годом, с которого начинается новое изложение событий истории Кореи.

Лазарева К. В. (НГУ, Новосибирск)

Ритуал *мэхян* (埋香) как исторический источник при реконструкции жизни корейской общины (X–XII вв.)

Ритуал «*мэхян*» 매향 埋香 (букв. «Закапывать аромат [в землю]») — уникальный феномен, который, с одной стороны, сформировался под влиянием китайской культуры благовоний 香文化 (кит. *сянвэньхуа*), а, с другой стороны, приобрел специфические черты на корейской почве — в частности, под влиянием событий, происходивших в корейском обществе в XIV–XV вв.

В начале XIV в. усилилась внешняя опасность, исходившая от действий японских пиратов *вако* в южной части Корейского полуострова. Последние нападали на прибрежные зоны с целью грабежей (в источниках упоминаются такие пострадавшие города, как Сачхон, Косон, Намхэ и др.). Так, в Корёса («Истории государства Корё», 1530) сообщается о том, что в 1232 г. жители Северного Кюсю побывали в Корё и силой вывезли оттуда сокровища[1].

Сопротивление внешней угрозе возглавили авторитетные буддийские монахи, воспользовавшись популярностью культа Будды Майтрея. Неотъемлемой частью культа был ритуал *мэхян* («захоронение благовоний»), согласно которому в землю закапывали древесину ароматических деревьев. Люди верили в то, что посредством аромата, который поднимается на поверхность из-под земли, их желания будут услышаны Буддой Майтрея.

Ритуал *мэхян* был направлен на усмирение волнений среди тех, кто жил в прибрежных районах. На месте проведения ритуала устанавливался мемориальный камень, зачастую на нем наносились надписи, фиксирующие то или иное важное событие в жизни общины. Неслучайно подавляющее число таких камней найдено именно в южных районах Кореи. Эти памятники служат важными эпиграфическими источниками при реконструкции ритуальной деятельности и повседневной жизни корейской общины в X–XII вв.

Ли Сан Юн (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Образ матери в корейской литературе: традиции и современность

Образ матери в корейской литературе соотносится прежде всего с образом человека, обладающего терпением, верностью, добротой и почтительностью к старшим. Как очевидно, эти добродетели можно назвать национальными особенностями корейской женщины, веками соблюдавшей конфуцианские законы.

[1] *Boxer C. R.* Piracy in the South China Sea // History Today (1980), № 12. P. 40–44.

На развитие литературного образа корейской матери повлияли многие исторические события. Она переживает японское господство, освобождение от него, гражданскую войну, послевоенное время, период становления страны.

Как правило, светлый образ матери герой хранит в душе всю жизнь, особенно в тех случаях, когда по каким-то причинам теряет мать в раннем возрасте. Так, в рассказе Ким Тонъина (1900–1951) «Безумный художник» герой пытается запечатлеть «чистую красоту», связанную с образом матери, чьи «глаза излучали любовь».

В романе Пак Кённи (1926–2008) «Дочери аптекаря Кима» мать пятерых дочерей безоговорочно принимает все испытания судьбы и погибает, спасая свою любимую дочь.

Творчество Пак Вансо (1931–2011) отличается автобиографичностью, и во многих романах ее собственная родная мать явилась прообразом героинь («Мамина опора», «Забытый вкус кислички»). Благодаря ее мудрости, целеустремленности, дару предвидения Пак Вансо состоялась как писательница.

В рассказе «Встреча с братом» Ли Мунёля (род. в 1948 г.) отец героя после разделения страны оказался в КНДР, где создал новую семью. Что касается его жены, оставшейся в Южной Корее, то она до конца хранила верность своему супругу. Преданность мужу — еще одна характерная черта корейской женщины.

В повести «Дуэт» Ын Хигён (род. в 1959 г.) изображена мать семейства, на которой держится весь дом. Это традиционный образ корейской матери.

Син Гёнсук (род. в 1963 г.) в рассказе «Там, где стояла фисгармония» (1992) высветила тяжелую долю корейской матери, но в задачу писательницы не входило описание ее внутреннего мира. Вместе с тем, в романе «Пожалуйста, позаботься о маме» (2008) главная героиня представлена не только в образе заботливой матери и жены, но и в образе женщины, хранящей свою тайну.

Если в современной литературе до недавних пор образ матери, как правило, был связан с семьей, материнством, и его можно было назвать «святым», то в последние годы он претерпевает изменения. Новый образ матери появился в романах «Тайная жизнь растений» Ли Сыну (род. в 1960 г.), «На краю жизни» Чхон Мёнгвана (род. в 1964 г.).

Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва)

К вопросу о трансформации внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии в период III–IV Республик

В 2015 году исполняется шестьдесят лет с момента подписания Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией. Подписание договора означало нормализацию политического диалога между Сеулом и Токио

и установление дипломатических отношений между двумя странами. Остается дискуссионным вопрос о том, что именно сыграло ключевую роль в улучшении южнокорейско-японских отношений: давление американской дипломатии или потребности внутреннего развития страны. Как известно, администрации Пак Чонхи, инициировавшей практически сразу после президентских выборов 1963 года процесс сближения с Токио, пришлось столкнуться с настолько серьезным внутриполитическим давлением, что премьер-министру РК Ким Чонпхилю даже пришлось уйти в отставку.

Линия Пак Чонхи на сближение с Японией противоречила внешнеполитическому курсу его предшественника — Ли Сынмана, президента РК в 1948–1960 гг. Попытки Японии установить контакты с Республикой Корея в 1950-е гг. не увенчались успехом, как по причине позиции самого Ли Сынмана (по совместительству — ветерана антияпонского движения), так и в силу антияпонских настроений в южнокорейском обществе. Впрочем, в силу известной инерции, определенная неприязнь к Японии сохранялась и в дальнейшем.

Очевидно, что в 1960–е гг. имела место определенная трансформация подходов к выстраиванию отношений с Японией. Неприязнь, обусловленная исторической памятью, была вытеснена вполне прагматическими соображениями, поскольку Япония стала восприниматься в качестве образца для предстоящей социально-экономической модернизации страны, а также источника инвестиций для развивающейся южнокорейской экономики. При этом, спорные вопросы двусторонних отношений (в частности, о статусе островов Токто) старались не затрагивать. В определенной степени было налажено и двустороннее военно-политическое сотрудничество. Однако не стоит преувеличивать масштабы сближения между двумя странами: политический диалог оставался довольно сдержанным. В частности, первый официальный государственный визит президента РК в Японию состоялся только в 1984 году.

Мальцева М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Южнокорейские компании в глобальном мире

В конце XX — начале XXI века южнокорейские компании вошли в число ведущих игроков на рынке электроники, производства автомобилей и судостроения. Как изменилась при этом их корпоративная культура? Можно ли их назвать по-настоящему международными, глобальными компаниями в наше время?

- **Да.** Многие из южнокорейских компаний открыли зарубежные производства и набрали в свой штат большое число иностранных специалистов, а также используют международные корпоративные стандарты и принципы управления. Товары южнокорейских брендов широко

представлены на ведущих мировых рынках, более того, зачастую компании разрабатывают специальные продукты, направленные на конкретные локальные зарубежные рынки.

- **Нет.** На корпоративную культуру крупных международных южнокорейских компаний по-прежнему оказывают серьезное влияние типичные для корейского бизнеса способы управления и принятия решений. В их основе лежат как традиционные особенности корейского менталитета, серьезное влияние конфуцианских принципов поведения, так и особенности личности и стиля управления основателя компании, которые находят свое продолжение в стиле управления, свойственного всем последующим поколениям руководителей этой компании.

Носкова Н. Г. (ТГУ, Томск)

Образ Тангуна в корейской историографии

Миф о Тангуне занимал и занимает особое место в корейском обществе. Тангун признается если не реальным предком корейской нации, то, по меньшей мере, ее символом. На протяжении всей истории Кореи к нему не раз обращались в критических для страны ситуациях. Идея «прародителя Тангуна» была источником сил и энергии для отстаивания национальной независимости и постепенно стала неотъемлемым компонентом самосознания корейцев. Поэтому неудивительно, что в XX в. миф о Тангуне активно исследовался специалистами различных областей знаний, вокруг его изучения складывается целое направление, которое в 1997 г. в Республике Корея формируется научное сообщество по изучению Тангуна. В XXI в. интерес к мифу о Тангуне не уменьшается, что может быть подтверждено большим количеством опубликованных работ по этой тематике.

Корейский исследователь Чон Ёнхун выделяет четыре основных направления в изучении мифа о Тангуне: археологическое и историческое, а также философское и этнографическое. Целью первых двух направлений исследований является раскрытие идеологического содержания, скрытого в мифе о Тангуне, поиск специфических черт «корейского». В рамках третьего направления особое внимание уделяется представлению о Тангуне во взаимосвязи с национальным самосознанием. Четвертое направление ставит перед собой решение практических задач[1]. Отметим, что не все направления разработаны в одинаковой мере. Традиционно наиболее активно к мифу о Тангуне применялся в первую очередь исторический и археологический подходы (Юн Нэхён); этнографический разработан в гораздо меньшей степени (Ким Ёнхван, Ким Ыйсук). В последнее

[1] *Чон Ёнхун*. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квачже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) // Ко Чосон Тангунхак, 1999. Вып. 1. С. 19–21.

время особый интерес среди исследователей вызывают вопросы самосознания корейского народа и национальных идей, в связи с чем они снова и снова обращаются к мифу о Тангуне (Им Чэхэ, Ким Тхэхи, Чон Ёнхун, Ян Сынтхэ).

Осетрова М. Е. (ЦКИ ИДВ РАН, Москва)

Корейские кулинарные книги как исторический источник

Работая над диссертацией, анализирующей связи между национальной кулинарной традицией, национальной идентичностью и идеологией национализма в современной Южной и Северной Корее, автор настоящей статьи использует в качестве первоисточников поваренные книги и кулинарные рубрики из СМИ Республики Корея, и по возможности, из КНДР. Несмотря на узкоспециальный характер подобных текстов, в них можно обнаружить интересную и важную информацию не только о продуктах питания и кулинарных техниках, распространенных в определенном регионе Корейского полуострова, но и узнать многое о том, какой «внекулинарный» смысл вкладывается в понятие «национальная кухня», какие элементы в неё включаются, а какие сознательно исключаются, и в чём исторические и культурные причины подобных изменений. Особенно интересно отслеживать эволюцию гастрономических представлений корейцев, так как в ней как в капле воды отражаются изменения в оценке нацией себя, своего места в мире и актуальной на период составления текста, посвященного вопросам кулинарии.

В докладе автор затронет вопрос об источниках, посвященных корейской кулинарии, в чём их особенность, как они различаются в зависимости от времени их создания, а также чем схожи и в чем отличаются южно- и северокорейские кулинарные тексты.

Пак К. А. (ДВФУ, Владивосток)

Художественное осмысление диалектики семейных отношений в современной корейской прозе

Политическое, экономическое, социокультурное развитие Республики Корея оказало влияние на традиционный семейный уклад. В условиях глобализации представляется актуальным исследование вопроса о изменении модели семейных отношений.

Тема семейных отношений, являясь одной из вечных в литературе, художественно реализуется современными корейскими писателями. Через описание семейно-психологических и бытовых аспектов ячейки общества авторы выходят на общественно-значимый и философский уровни осмысления действительности.

Писатели обращают наше внимание на круг проблем, с которыми сталкивается семья в условиях современного мира. Мотивная организация освещения темы разнообразна.

В контексте рассматриваемой темы заслуживают внимания межлитературные параллели между русской и корейской прозой.

Пак Н. С. (Казахский УМОиМЯ, Алма-Ата)

Русские заимствования в речи советских и китайских корейцев

В настоящее время на постсоветском пространстве проживает около полумиллиона корейцев, а в Китае — около двух миллионов. Все эти люди являются выходцами из Северохамгенской провинции Кореи, и в места нынешнего пребывания попали различными путями. Естественно, их судьбы сложились неодинаково, и сегодня они живут в разных социо-культурных условиях.

Известно, что длительное пребывание в инокультурной среде, как известно, не может не оказать влияния на язык, культуру, менталитет любого этноса. Так, китайские корейцы впитали многие элементы китайской культуры, в то время как советские корейцы восприняли культуры окружающих их народов, прежде всего — русскую. Однако есть и общее: их объединяет общность происхождения, базовые основы корейского языка и культуры.

Во время своей недавней поездки в Китай мне удалось почерпнуть сведения, подтверждающие вышесказанное.

Как известно, корейская иммиграция на Дальний Восток России началась в 1863 г. и продолжалась в течение нескольких десятилетий; при этом переселение происходило преимущественно из Северохамгенской провинции Кореи. Наряду с миграцией в Россию, жители названного района Кореи массово перебирались в Маньчжурию. Сегодня они компактно проживают в Енбенском автономном корейском национальном округе Китая.

В данном сообщении пойдет речь о некоторых общих чертах, свойственных языку корейцев в Китае и СНГ, а именно о русских лексических заимствованиях, известных в обоих регионах: «спички» [пичиккае], «койка» [койкае], «кровать» [кхырыбатти], «крючок для вязания» [курушива-баныри], «чечетка» [шабагицхуми], «сапоги» [шабаги]. Возникает вопрос о том, как и когда подобные слова проникли в язык корейских диаспор этих стран. Исследователи коре мар полагают, что они были заимствованы в период проживания корейцев на российском Дальнем Востоке. Однако изучение речи китайских корейцев говорит о другом: русские заимствования появились в диалектах Северохамгенской провинции, граничащей с Россией, гораздо раньше, т. е. они активно употреблялись в Корее еще до массового переселения в Россию и Китай.

Похолкова Е. А. (МГЛУ, Москва)

Языковые средства создания комизма в рассказах южнокорейского писателя Сон Сокче и трудности перевода

В работе поднимается вопрос выявления лингвостилистических средств, используемых для создания комического эффекта в произведениях современного южнокорейского писателя Сон Сокче (Sung Suk–Je). Объектом исследования служит контраст как способ создания комического эффекта в художественном произведении. Предметом исследования являются фигуры контраста, реализующие категорию комического как в тексте оригинала, так и в тексте перевода. Анализ проводился по рассказам из трех книг «Занятная жизнь» (재미나는 인생, 1997), «Человеческое» (인간적이다, 2010), «Пикник» (소풍, 2008).

Комическое представляет собой одну из сложных философско-эстетических категорий и является объектом исследования не только и не столько филологии и переводоведения, сколько философии, эстетики, психологии, социологии. В силу размытости границ таких близких понятий, как «комическое», «комизм», «юмор», «смех», «ирония», они зачастую рассматриваются учеными в качестве явления одного порядка или не разграничиваются вовсе. Настоящее исследование основывается на утверждении, что термин «комическое» является гиперонимом по отношению к термину «юмор». Комическое в корейском языке обозначается словом «*хэхак*» (해학), которое самое по себе является понятием объемным, заключающем в себе все грани комизма.

Построение комического текста осуществляется на основе использования речевых приемов намеренного разрушения стилистических, словообразовательных, морфологических и синтаксических норм. Сущность комического заключается в противоречии, в основе которого лежит контраст между ожидаемым и действительным, столкновение «стереотипной ситуации» и «игрового варианта». При этом важно иметь в виду, что к порождению комического эффекта ведет лишь такое противоречие (нарушение нормы, нарушение меры), которое вызывает неожиданное проявление второго смыслового плана, резко контрастирующего с первым.

Фонетические, графические, морфологические, лексические, синтаксические, стилистические ресурсы языка в их комплексе позволяют реализовать комический потенциал текста. В докладе рассматриваются частные примеры и общие приемы писателя, а также переводческие стратегии и решения, обусловленные необходимостью преобразования вербально-художественной информации в связи с различиями в восприятии мира и расхождениями в понимании «комизма и юмора» в исходной и принимающей культурах.

Солдатова М. В. (МГЛУ, Москва)

Актуализация коллективной памяти о Корейской войне 1950–1953 гг. в произведениях южнокорейских писателей

В последнее время феномен коллективной памяти как совокупности представлений определенного сообщества о своей истории вызывает все больший интерес. Исследователи, в частности, М. Хальбвакс, а вслед за ним П. Нора, Я. и А. Ассман и др., подчеркивают, что такие представления оказывают существенное влияние на индивидуальные воспоминания и их оценку, а также играют важную роль в самоидентификации членов сообщества.

Противники в войне не могут не предлагать жестко конкурирующих трактовок событий, но в случае гражданской войны или войны между частями некогда единого государства формирование негативного образа противника неизбежно сопровождается переформированием всей системы представлений об общей истории. Война 1950–1953 гг. закрепила разделение Кореи. И теперь, когда в изменившейся международной политической ситуации все чаще обсуждается объединение страны, интересно было бы, проанализировав художественные тексты южнокорейских и северокорейских авторов о Корейской войне, выявить и сравнить структуру, состав и «болевые точки» коллективной памяти южных и северных корейцев о военных событиях.

На первом этапе исследования анализируются произведения южнокорейских писателей, таких как Ли Мунёль, О Санвон, Хван Сунвон, Пак Вансо, Ли Хочхоль и др.

Примечательно, что южнокорейские писатели, в отличие от северокорейских, не увлекаясь возложением вины за произошедшее на противника и героизацией служащих собственной армии, сосредоточены в большей степени на осуждении самой войны как источника моральных и физических травм для отдельных людей и нации в целом. Возникает мысль, что этот дискурс, несмотря на наличие в нем некоторых противоречий, в случае объединения имел бы реальный шанс возобладать на Корейском полуострове в практически неизменном виде, в то время как северокорейский, очевидно, не мог бы стать общенациональным даже при условии корректировки в сочетании с повторным пересмотром довоенной части истории страны.

Трофименко О. А. (ДВФУ, Уссурийск)

Система наклонений современного корейского языка

Вопрос о количестве наклонений в корейском языке и о маркерах данной категории до сих пор остается открытым. Различными авторами высказываются разные точки зрения, которые содержат целый ряд противоречий и отражают исторически сложившееся своеобразие системы наклонений корейского языка.

В средневековой грамматике корейского языка выделялось большое количество модально-темпоральных суффиксов, которые относились к грамматической категории наклонения, объединявшей модальные и временные значения.

В период новокорейского языка аспектуально-темпорально-модальные суффиксы могли сочетаться с определенными финитными, деепричастными и причастными окончаниями, однако тенденция к упрощению системы грамматических показателей постепенно привела к закреплению за одним показателем конкретного категориального значения. К концу периода нового времени аспектуальные и темпоральные показатели выделились в самостоятельные формы, а маркеры категории наклонения вошли в состав финитных окончаний.

В современном корейском языке категория наклонения является позиционной, причем ее маркеры могут использоваться как правило в позиции сказуемого. Структура категории наклонения предполагает оппозицию прямого (изъявительного) и косвенных (прогностического и эвиденциального, адмиратива, подтвердительного и др.) наклонений.

К маркерам категории наклонения можно отнести:

1) синтетические средства выражения:
   - окончания (‘*–чжи*’; ‘*–не*’; ‘*–гуна*’; ‘*–ль ккŏль*’ и т. д.) или элементы в их структуре (‘*–сым<u>ни</u>да*’, ‘*–<u>ны</u>*ня’ и т. д.);
   - суффиксы (‘*–дŏ*’; ‘*–гет–*’; ‘*–ри–*’)

2) аналитические средства выражения:
   - с помощью служебных прилагательных (сиптта, пода, тытхада и др.);
   - устойчивые синтаксические конструкции

Категория наклонения в современном корейском языке имеет сложную структуру, определяемую разнохарактерностью значений и разнообразием средств выражения.

Количество показателей наклонения, как и количество типов наклонений, сильно меняется с течением времени. Существуют разные точки зрения отечественных и зарубежных кореееведов на количество форм наклонения в корейском языке. Существуют определенные различия в определении количества типов наклонений и в определении самих маркеров. Отсутствие единой точки зрения по данному вопросу объясняется сложностью проблемы, связанной как с развитием грамматического строя корейского языка, так и с появлением новых взглядов на средства выражения категории наклонения.

Хохлова Е. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Изучение живописи эпохи Чосон в XX веке

В данной работе мы рассмотрели, как происходило становление и развитие изучения живописи Чосон на протяжении XX века в Корее. Удалось установить, что взгляды исследователей в течение долгого времени формировались

под влиянием политической ситуации, сложившейся в стране. Традиционная корейская живопись была неразделимо связана с философией и моральными установками правящего класса эпохи Чосон. Это обстоятельство не способствовало проведению объективного анализа ее содержания после падения династии. До второй половины столетия в исследованиях преобладали эмоции авторов. Профессиональное изучение живописи началось лишь в семидесятые годы XX века.

Изучением искусства в период аннексии занимались японские и корейские исследователи, что привело к формированию двух точек зрения на корейское искусство: колонизаторской и националистической. Цели, преследовавшиеся японскими и корейскими исследователями, сказались на объективности их суждений. Сложившееся в это время отношение корейцев к живописи Чосон как к подражанию китайской художественной традиции и чему-то дегенерирующему было унаследовано следующим поколением искусствоведов после освобождения Кореи в 1945 г.

Националистический подъем в 1960-е годы способствовал оживлению в сфере искусствознания и распространению иного понимания культурных традиций Чосон. Наибольшее количество публикаций было посвящено пейзажной и жанровой живописи XVIII века. В шестидесятые годы были намечены основные исследовательские направления, заложена база для бурного развития данной области искусствоведения в последующие десятилетия.

В 1970–1980-х годах появляется достаточно большое количество профессиональных исследований, посвященных живописи отдельных периодов эпохи Чосон. Благодаря профессионализму Ан Хвичжуна и Чхве Вансу в области изучения раннего и позднего периодов были достигнуты особые результаты.

Самым плодотворным десятилетием в истории изучения живописи эпохи Чосон были девяностые. Исследования стали более узкими; при этом вышло больше шестидесяти публикаций, посвященных отдельным художникам и произведениям. Наибольший интерес по-прежнему вызывала живопись позднего Чосона.

Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ корейской молодежи в литературе 1970-х и 2000-х гг.: на примере творчества писателей Чхве Инхо (1945–2013) и Пак Мингю (р. 1969)

Для истории развития современной корейской литературы 1970-е и 2000-е годы являются очень важным этапом с исторической и идеологической точек зрения. В этой связи рассказы и романы, в которых главными героями становятся молодые люди-студенты, представляют собой яркие художественные примеры. Произведения, где говорится о молодом поколении, всегда интересны

по своей сути, так как живо передают дух и идеи эпохи. В 1970-е годы стремительный экономический рост Южной Кореи повлек за собой значительные перемены в жизни общества. Индустриализация и модернизация, с одной стороны, стали причиной резкого социального расслоения, а с другой, привели к потере в корейском обществе традиционных ценностей и поиску новых духовных ориентиров. В то же время это был период политического давления и надежд на демократизацию общества. Вот почему писатель Чхве Инхо — автор художественных произведений и сценариев к кинофильмам — посвятил большую часть своего творчества именно образам героев-представителей корейского студенчества. Его не случайно называют «кумиром корейской молодежи 1970-х годов», поскольку на страницах своих рассказов и романов он повествует о студентах, которые со свойственным им юношеским максимализмом пытаются найти новые идеи, мечтают о новой жизни. Хотя их мечтания были по большей части утопическими, в памяти нынешнего поколения они остались «последними романтиками». В конце XX — начале XXI вв., параллельно формированию в Корее постиндустриального общества, в корейской литературе появляется такое направление, как постмодернизм. Все больше сюжетов посвящается героям-выходцам из маргинальных слоев, либо представителям субкультур. Одним из авторов, описывающих героев сегодняшнего дня, является Пак Мингю. В большинстве своих рассказов и романов этот писатель выводит на первый план молодого человека, который либо учится в вузе, либо только что его закончил, и которому предстоит вступить во взрослую жизнь. Цель доклада — сопоставить литературные образы южнокорейских студентов 1970-х и 2000-х годов.

Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск)

Кансон (Чон Хёнпхиль) как хранитель корейской традиционной культуры

На протяжении долгого времени Корея, в силу особенностей социально-исторического процесса в Восточной Азии и своего геополитического положения, по преимуществу являлась культурой-реципиентом. Ввиду господства традиционного уклада и неоконфуцианских идеалов, до начала XX в. она в значительной степени была подвержена китайскому влиянию. С началом Новейшего времени на месте Китая в качестве культурного донора оказалась Япония и страны Запада. Проникновение западных идей и установление колониального господства породило в традиционной Корее кризис национальной идентичности и необходимость ее нового поиска. В первое десятилетие XX в. Корея, оказавшаяся под протекторатом Японии и вовлеченная в полномасштабный диалог культур, столкнулась с серьезной задачей сохранения ядра традиционной культуры.

Конфликт культуры-захватчика с доминирующей корейской культурой вызвал социальную турбулентность, преодоление которой было бы невозможно без усилий интеллигенции, коллекционеров, литераторов, художников и теоретиков искусства, направленных на возрождение национальных традиций.

Среди них особое место принадлежит коллекционеру Чон Хёнпхилю (전형필 全鎣弼, 1906–1962). В возрасте 24-х лет он получил огромное наследство, но отказался от роскошной жизни богача, предпочтя ей роль хранителя корейской традиционной культуры и предметов искусства. Уже в 1938 г. Чон Хёнпхиль (лит. псевд. Кансон) основал первый в Корее закрытый частный музей Похвагак 보화각 葆華閣 (букв. «Павильон сияющих драгоценностей»).

Материал, собранный Кансоном Чон Хёнпхилем, имеет исключительное значение для историков и искусствоведов, а его описание и анализ является весомым дополнением к разработке вопроса об общей истории искусства Корейского полуострова.

В коллекции Кансона Чон Хёнпхиля собраны предметы, без которых невозможно представить современную историю искусства Кореи (например, вазы типа *мэбён* (매병, 梅甁) «Тысяча журавлей», оригинал памятника «Хунмин Чонъым», полотно Син Юнбока «Красавица»). Описание только одной его коллекции может дать представление об особенностях процесса развития корейского искусства.

СЕКЦИЯ IX.
МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ
HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О соотношении списков первой редакции монгольского Ганджура

Монгольский Ганджур (перевод собрания речений Будды) дошел до наших дней в двух редакциях. Первая, рукописная, была выполнена в 1628–1629 гг., в правление Лигдэн-хана (годы правл. 1604–1634). Монгольские источники сообщают, что по окончании переводческих и редакционных работ Ганджур был написан золотом на синей бумаге и в дальнейшем получил название «Золотого». Вслед за «Золотым» появился ряд простых, так называемых «черных» списков монгольского Ганджура (т. е. выполненных черной тушью на обычной бумаге).

Впоследствии рукописная редакция Ганджура стала основой для ксилографического издания, осуществленного в правление цинского императора Канси в Пекине в 1718−1720 гг.

К первой редакции Ганджура относятся 20 полных и неполных томов, написанных золотыми чернилами на синей бумаге, из собрания Академии общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух–Хото, КНР), а также следующие «черные» списки: полный, 113-томный Ганджур (Восточный отдел Научной библиотеки СПбГУ); 109 томов из собрания ИМБиТ СО РАН; неполный Ганджур (библиотека Академии общественных наук Внутренней Монголии); большая часть из 70 томов, хранящихся в Центральной государственной библиотеке Монголии под рубрикой «Ганджур»; один том Ганджура, хранящийся в Копенгагене.

В докладе делается попытка установить соотношение между существующими списками первой редакции монгольского Ганджура на основе текстологического сличения названий и колофонов сочинений, входящих в этот канонический сборник.

Аюшеева М. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Материалы архива барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта как источник по истории буддизма в Бурятии

Материалы личного архива барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта, хранящегося в Архиве востоковедов ИВР РАН (ф. 56), содержат ценные сведения по истории буддизма в Забайкалье. В 1830−1832 гг. барон Шиллинг во главе большой экспедиции был командирован в Восточную Сибирь, где он, в частности, занимался составлением проекта устава для монголо-бурятского духовенства.

Особую ценность представляют «Списки лам Хоринских дацанов, также сметы оных. Получен от цорджи Ходонского дацана Тоиндола Цуванова» (ф. 56, д. 42, 123 л.). В данном источнике приведены сведения о 14 дацанских комплексах Хоринского ведомства с указанием их стоимости, времени возведения и начала служб, даны поименные списки буддийских священнослужителей с указанием возраста, родовой принадлежности, социального происхождения, духовного звания и времени его получения; отдельно отмечено количество прихожан по родам, наличие учеников при дацанах. Например, с 1831 г. главой Хилокско-Хохюртаевского дацана Даши Лхундублин был назначен албату лама Цультим Дылыкеев, 43 лет. Всего при дацане числилось 79 лам, из них 5 гелунов, 16 гецулов, 58 хувараков и 18 убуши. Дата начала проведения хуралов — 1829 г.

Дополнительные сведения о количестве храмов при дацанах приведены в форме таблицы: название храма, его стоимость, стоимость книг и общая цена всего дацанского комплекса. Так, стоимость Хохюртаевского дацана с имуществом составила 2510 руб.

Материалы, собранные бароном Шиллингом, дают представление об экономическом состоянии бурятских дацанов, позволяют уточнить дату возведения отдельных дуганов в составе дацанских комплексов. Следует отметить, что практически во всех дацанах Хоринского ведомства имелись дуганы, посвященные тантре Калачакры — т. н. Курдын сумэ. Это свидетельствует о широком распространении данного культа среди бурятского населения. Материалы также содержат статистические данные о бурятском населении (количество женщин практически во всех приходах превалирует), сведения о родовой принадлежности дацанов и прихожан.

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КГУКИ, Казань), Сахавова Л. М. (ИТЭ АНТ, Казань)

Итоги и перспективы изучения биографии и наследия монголоведа О. М. Ковалевского в отечественной и зарубежной историографии[1]

Изучение научного наследия и биографий востоковедов России и Европы традиционно является важным направлением исследований в отечественной и европейской истории науки о Востоке. Однако, несмотря на многочисленные публикации, наиболее малоизученным остаются социокультурный и мировоззренческий контексты жизни и деятельности российских востоковедов. Недостаточно исследованы роль и место востоковедения в общей системе гуманитарного знания в России, отношение различных слоев общества к востоковедной науке.

Жизнь и творчество российско-польского востоковеда О. М. Ковалевского (1800/1801–1878) составляют одну из замечательных страниц истории отечественного и европейского востоковедения и монголоведения XIX века. Многолетняя деятельность и научные труды О. М. Ковалевского нашли отражение в отечественной и зарубежной востоковедческой историографии, источниковедении и науковедении XIX — начала XXI вв. В отечественной и европейской историографии особенно заметны следующие рубежи общественного и научного интереса к жизни и наследию О. М. Ковалевского: конец XIX — начало XX вв.; 30–60-е гг. XX в.; 70–90-е гг. XX в. и 2000-е гг.

Особенно перспективными представляются дальнейшее изучение и публикация рукописного наследия, в том числе эпистолярных и дневниковых материалов О. М. Ковалевского из известных архивных фондов России, Литвы и Польши. На современном этапе начинается реализация комплексного исследовательского проекта «Биография и наследие монголоведа О. М. Ковалевского в архивных фондах и материалах» с участием ученых гуманитарных центров Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Улан-Удэ, Варшавы.

Гроховский П. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Периодические издания как источник для изучения истории тибетского языка[2]

Подписанное в 1951 г. соглашение из 17 пунктов «О мероприятиях по мирному освобождению Тибета» между правительствами КНР и Тибета предусматривало, что «Устный язык, письменность и просвещение тибетцев будут

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15–01–00061.

[2] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

постепенно развиты в соответствии с существующими в Тибете условиями» (пункт 9). В современной тибетологии уже уделялось внимание материалам, подготовленным комиссиями по разработке новой терминологии в КНР в 1950–1960-ее гг.

Другим важным источником для изучения истории формирования современного литературного тибетского языка являются публикации, относящиеся к разным периодам и различным функциональным стилям. Благодаря регулярности выхода в свет, особый интерес представляют периодические издания.

Наиболее важные журналы, относящиеся к художественному функциональному стилю, — «Тибетская литература и искусство» (тиб. *bod kyi rtsom rig sgyu rtsal*, кит. *Сицзан вэньи* 西藏文艺) и «Легкий дождь» (тиб. *sbrang char*, кит. *Чжанцяэр* 章恰尔). «Тибетская литература и искусство» выходит в Лхасе с 1980 г., 6 выпусков в год, до настоящего времени опубликовано более 200 выпусков, объем — от 80 до 120 страниц. «Лёгкий дождь» выходит в Синине с 1981 г., 4 выпуска в год, до настоящего времени опубликовано более 130 выпусков, объем — от 70 до 210 страниц.

Представителем научного функционального стиля в области гуманитарных наук является журнал «Тибетологические исследования» (тиб. *bod ljongs zhib 'jug*, кит. *Сицзан яньцзю* 西藏研究). Журнал выходит в Лхасе с 1982 г., 4 выпуска в год, до настоящего времени опубликовано более 130 выпусков, объем — 128 страниц.

Материалы периодических изданий могут быть подвергнуты контент-анализу; объектом исследования могут также стать лексико-грамматические особенности текстов.

Иванов Д. В. (МАЭ, Санкт-Петербург)

Монголия и Забайкалье в работах кяхтинских фотографов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Становление фотографии в Кяхте связано с именем известного революционера-народника Н. А. Чарушина, поселившегося в Кяхте в 1881 г. Чарушин открыл первое в городе фотоателье и взял в помощники И. Ф. Федорова. И. Ф. Федоров впоследствии станет сам профессиональным фотографом, которому в 1889 г. удастся снять портет Богдо-гэгэна. Видимо работы Чарушина и Федорова способствовали распространению интереса к фотографии среди кяхтинских купцов.

В монгольском собрании МАЭ хранится коллекция № 1368, поступившая в 1904 г. от А. А. Лушникова. В состав коллекции входят фотографии, снятые в Монголии и Забайкалье. Насколько можно судить по имеющимся архивным материалам, автором этих работ является кяхтинский купец Александр Алексеевич Лушников, а время съемки большинства фотографий — лето 1899 г.

Необходимо отметить «репортажный» жанр многих фотографий, позволяющих увидеть уличную повседневную жизнь Урги. Такие снимки для конца XIX в. являются большой редкостью.

В коллекции МАЭ находится также фотография «Дом английских миссионеров в г. Селенгинске». На оборотной стороне фотографии имеется штамп: «Михаил Михайлович Осокин». М. М. Осокин — сын кяхтинского купца 1-й гильдии Михаила Онуфриевича Осокина.

Работы кяхтинских фотографов представляют большой интерес для изучения истории и этнографии Монголии и Забайкалья.

Мирзаева С. В. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста)

О тибетских версиях джатаки о царевиче Судхане

«Джатака о царевиче Судхане» (в тибетской традиции — Норсане) — один из ярких примеров того, как индийские по происхождению сюжеты, попав в Тибет вместе распространением буддийской литературы, были адаптированы и развиты тибетскими авторами. Эта джатака, которая в санскритских версиях сохранилась как джатака, или авадана, о царевиче Судхане, рассказывает об истории любви между царевичем Судханой и небесной девой Манохари. В составе нескольких сборников джатак она была переведена на тибетский язык и позже включена в состав обеих частей буддийского канона — Кангьюра и Тенгьюра. Сюжет джатаки также использовался тибетскими авторами при написании собственных сочинений. О том, что джатака о Норсане была распространена не только в письменной, но и в устной традиции Тибета, свидетельствует тот факт, что эта джатака входила в состав театральных представлений, исполнявшихся во время праздника Монлам.

В докладе мы рассматриваем пять сочинений на тибетском языке. Три текста входят в состав Кангьюра и Тенгьюра: первый текст — в составе сочинения «Дивья-авадана», второй текст — в составе сочинения Харибхатты «Джатакамала» и третий текст — в составе сочинения Кшемендры «Бодхисаттва-авадана-кальпалата». Также мы рассматриваем джатаку о царевиче Норсане из сочинения третьего Кармапы Ранджунг Дордже (1284–1339) «Сто джатак Будды» и роман писателя XVIII века Церинг Вандуя «Жизнеописание Норсана».

Переводы мы рассматриваем в сопоставлении с санскритскими оригинальными версиями, которые описаны в статье С. Джайни.

Автор третьего сочинения — Ранджунг Дордже — указал во введении, что использовал сюжеты из Винаи. Текст близок по сюжету авадане из Кангьюра, однако есть некоторые отличия, которые позволяют рассматривать этот текст как тибетскую версию джатаки о царевиче Норсане.

Церинг Вандуй, автор «Жизеописания Норсана», также использовал при создании своего романа авадану из Кангьюра, но изменил повествование, дополнив его тибетскими реалиями и новыми сюжетными ходами. Мы также рассматриваем этот текст как тибетскую версию джатаки о Норсане.

Изучение тибетских версий джатаки позволяет проследить историю ее бытования в тибетской литературе.

Музраева Д. Н. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста)

Тексты «Субхашиты» на тибетском и ойратском языках из Научного архива КИГИ РАН

Письменные памятники, как оригинальные, так и переводные, хранящиеся в фондах КИГИ РАН, являются ценным источником для изучения истории распространения и бытования буддийской литературы у калмыков и других монгольских народов.

Одним из литературных образцов является «Субхашита» — сочинение известного ученого XIII в. Сакья-пандиты Кунга-Гьялцена (1182–1251). Оно неоднократно переводилось на европейские языки (А. Чома де Кёреши, Ф. Фуко, А. Шифнер, В. Кемпбелл, Л. Стернбах, Л. Лигети, Дж. Боссон, Ц. Дамдинсурэн, Ж. Дугэржав и др.) и было объектом исследований (Г. Рамстедт, П. Аалто, В. С. Дылыкова, Н. Д. Болсохоева, Д. Ёндон, Т. М. Маланова, С. Г. Атсанавонг и др.).

В Научном архиве имеются два текста «Субхашиты»: тибетская рукопись *Legs bar bshad pa'i rin po chen gter zhes byas pa zhugs so* («Драгоценная сокровищница благих наставлений») [ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева — Тугмюд-гавджи), оп. I, ед. хр. 121]. На титульном листе тибетское название сопровождено записью на ойратском языке: *Sāitüür nomonoqsan erdnin dala* «Драгоценный океан преподанного наилучшим образом». В начале текста дано его название на санскрите (*Subhashitaradnanidhi-nama-shastra*), а также приводится более полное тибетское название: *Legs par bshad pa rin po che'i gter zhes bya ba'i bstan bcos* («Шастра, именуемая „Драгоценная сокровищница благих наставлений“»).

Большой интерес представляет и двуязычный список сочинения Сакья-пандиты, в котором под тибетскими строками помещен параллельный ойратский текст. Оно именуется *Legs par bshad pā'i rin po che'i gter zhes byas pa gzhugs so* («Драгоценная сокровищница благих наставлений») [Ф–8, оп. I, ед. хр. 115**]**. На титуле присутствует и ойратское название *Sayin nomlalyin erdnīn sang kemekü oršiba*, что адекватно передает название тибетского оригинала.

Указанные источники дают возможность не только ознакомиться с содержанием известного памятника, но и выявить особенности его ойратского подстрочного перевода, а также установить приемы такого перевода.

Носов Д. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Значение деятельности гебраиста М. Н. Соколова для монголоведения

История формирования крупной коллекции монгольских рукописей и ксилографов, собранной в Казанской Духовной Академии (далее — КДА) в XIX – начале XX в. — забытая страница истории отечественного монголоведения. В настоящее время 475 единиц хранения из КДА входят в состав монгольской коллекции Института восточных рукописей РАН.

Л. С. Пучковский в предисловии к 1-му тому составленного им каталога монгольских книг (1957) высказал предположение, что книги из КДА поступили в Азиатский музей (далее — АМ) в 1855−1857 гг., т. е. одновременно с переездом Восточного факультета в Петербург. А. Г. Сазыкин в предисловии к 1-му тому составленного им каталога (1988) сослался на это мнение Л. С. Пучковского, отметив при этом, что некоторые книги из коллекции КДА датированы концом XIX в. В 1994 г. была опубликована статья В. Л. Успенского «Монголоведение в Казанской духовной академии», где были приведены сведения о работе по сбору книг на монгольском и тибетском языках, которая велась в КДА почти до самого ее закрытия вскоре после революции 1917 г. На многих книгах из коллекции КДА уже в Ленинграде была поставлена дата инвентаризации: 1929 г.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) нами был найден отчет о командировке в Казань в ноябре 1927 г. сотрудника АМ, секретаря Коллегии Востоковедов, доцента кафедры гебраистики Петроградского университета Михаила Николаевича Соколова (1890−1937). В нем подробно описано, как в течении двух недель он по заданию АН отбирал рукописи и ксилографы из библиотеки бывшей КДА и в конце ноября 1927 г. направил их в адрес АМ.

Но этим не исчерпывается значение трудов М. Н. Соколова для монголистики. В собрании монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН также имеется небольшая приписываемая ему коллекция. Она поступила в 1949 г. и насчитывает 8 единиц хранения.

В личном фонде ученого, хранящемся в СПбФ АРАН, сохранился ряд неизвестных ранее материалов, принадлежащих перу академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931), в том числе дневниковые записи, оригиналы переводов монгольских былин и записи фольклорных текстов.

Попов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сборник монгольских официальных документов XIX в.

Проф. А. М. Позднеев (1851−1920), помимо прочих заслуг на научном и общественно-политическом поприщах, известен как выдающийся собиратель

монгольских книг и манускриптов. В числе результатов этой его деятельности, значимых для развития исторического монголоведения, следует отметить коллекцию многочисленных и разнообразных монгольских официальных документов цинского периода, приобретенных А. М. Позднеевым во время экспедиций в Монголию. Ныне она составляет одну из основ собрания монгольских официальных бумаг XVIII–XIX вв., хранящегося в фондах Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.

Большая часть этих документов и поныне остается систематически неизученной, хотя начало их опубликованию было положено еще в конце XIX в. Речь идет о сборнике, изданном учеником А. М. Позднеева Г. Ц. Цыбиковым (1873–1930)[1]. Этот сборник, предназначенный в качестве хрестоматии для студентов Петербургского университета и Восточного института во Владивостоке, содержит типичные для XIX в. образцы официальных бумаг, авторство которых принадлежит чиновникам, служившим в разных подразделениях цинского госаппарата во Внешней Монголии. Документы посвящены весьма различным сюжетам: от объявления монголам содержания указов цинских императоров до разбирательства судебных тяжб и расследования уголовных дел.

Изданные Г. Ц. Цыбиковым монгольские официальные бумаги наполнены уникальными и разнообразными сведениями о различных — административной, правовой, экономической, социальной — сторонах жизни монгольского общества в XIX в. Несмотря на то, что эти сведения не содержатся в иных источниках, документы, вошедшие в интересующий нас сборник, до сих пор незаслуженно обойдены вниманием исследователей.

Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Специальная разметка тибетской грамматической терминологии[2]

Использование специальной разметки грамматической терминологии при создании корпуса памятников тибетской грамматической традиции позволяет разграничить терминологические поля: грамматическую терминологию и термины традиционных наук.

Тибетские грамматические термины обладают рядом свойств, позволяющих выделить их основные типы на основе разных классификационных признаков.

[1] Монгольские официальные бумаги, собранные ординарным профессором А. М. Позднеевым. Издал студент Г. Ц. Цыбиков. СПб., 1898.

[2] Исследование памятников тибетской грамматической традиции выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность». Исследование по разработке корпуса тибетских грамматических сочинений выполнено при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Пилотная версия электронного корпуса тибетских грамматических сочинений» (13–06–00621).

С точки зрения происхождения можно выделить термины, образованные посредством терминологизации слов общей лексики или путем заимствования (материально заимствованные, термины-кальки, термины с заимствованной семантикой и др.). Анализ грамматической терминологии первого тибетского грамматического трактата «Сумчупа» (VII в. н. э., 141 грамматический термин) и одного из главных комментариев к нему — труда Нгулчу Дхармабхадры «Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу» (608 грамматических терминов) показал, что заимствованные термины составляют в них соответственно 37 и 39 % от общего числа грамматической терминологии, остальные термины (62 и 60 %) являются словами общей лексики, использованными в специальном значении.

С точки зрения образования и развития можно выделить базовую тибетскую грамматическую терминологию. Базовые термины тибетской грамматической традиции представляют собой обозначения первичных единиц разных языковых уровней и составляют соответственно 15% и 22% от общего числа грамматических терминов.

Туранская А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Миниатюры в рукописных и ксилографическом изданиях монгольского Ганджура: сравнительный анализ

Монгольский Ганджур существует в двух основных редакциях: рукописной 1628–1629 гг., дошедшей до нас в нескольких списках, и более поздней, которая легла в основу ксилографического издания 1718–1720 гг.

Четыре из известных на сегодняшний день комплектов Ганджура украшены миниатюрами буддийских божеств и монахов. К ним относятся: двенадцать из двадцати сохранившихся томов так называемого «Золотого» Ганджура; пятнадцать томов неполного списка, хранящегося в Улан-Баторе; все тома улан-удинского списка и ксилографического издания Ганджура. Петербургский и хух-хотский списки первой редакции Ганджура миниатюр не имеют.

Миниатюры в «Золотом» Ганджуре, улан-удинском списке и в ксилографическом издании выполнены на высоком художественном уровне, одновременно с написанием или изданием текста. Миниатюры в улан-баторском Ганджуре более низкого качества, и, возможно, были добавлены значительно позже написания текста.

Сравнительный анализ миниатюр в монгольском Ганджуре показал практически полное их несовпадение по томам в списках первой редакции, а также между первой и второй редакциями сборника. Помимо этого, ряд миниатюр в ксилографическом издании монгольского Ганджура не совпадает по томам

с пекинским изданием тибетского Ганджура 1684–1692 гг., послужившим, по мнению ученых, моделью для создания монгольского ксилографа.

Этот факт, возможно, объясняется наличием нескольких традиций оформления Ганджура в монгольской книжной культуре или же выбором в качестве. модели оформления сборника различных изданий тибетского Ганджура. Возможная перспектива изучения этой проблемы может быть связана с сопоставлением различных тибетских редакций Ганджура с монгольскими.

Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Атрибуция фрагментов монгольских рукописных Ганджуров из коллекции ИВР РАН

В Институте восточных рукописей РАН хранятся одиннадцать связок разрозненных листов из Ганджура на монгольском языке (шифры К26 – К36). Эти рукописные фрагменты привлекли внимание исследователей лишь в 2014 году, когда было установлено их происхождение: они были в числе первых восточных рукописей, привезенных в Петербург в XVIII веке. Рукописи были найдены в покинутом джунгарском монастыре Аблай-хит на реке Иртыш (по мнению некоторых исследователей, они могли происходить и из других джунгарских храмов), что объясняет неудовлетворительное состояние фрагментов: листы имеют множественные повреждения и загрязнения разного характера. То, что рукописи были найдены в заброшенном храме, позволяет объяснить и тот факт, что они представляют собой разрозненные листы из многотомного собрания буддийских священных текстов — Ганджура.

Листы рассортированы по связкам в соответствии с разделами Ганджура, к которым они относятся — в общей сложности около 1030 листов (точное количество можно будет указать после того, как все фрагменты будут атрибутированы). Сортировка листов показала, что они относятся к двум разным рукописным экземплярам Ганджура. Обе рукописи написаны каламом, чёрной и красной тушью на многослойной китайской бумаге, однако различаются размером листов, особенностями почерков и оформления. Фрагменты рукописи 1 — скромно оформленные листы размером 64×23 см; характер почерков позволяет предположить, что рукопись была написана в Южной Монголии в 1-й половине XVII в. Рукопись 2 — более крупного формата (71 × 25 см), на весьма плотной бумаге, особенности почерков указывают на ойратское влияние. Среди исследованных фрагментов обнаружено несколько колофонов, названий сочинений и отдельных глав, что позволило атрибутировать их и получить предварительные сведения о характере их аффилиации с первой редакцией Ганджура на монгольском языке (1629 год).

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Словарь «Лучи луны», как один из источников словаря Суматиратны[1]

Оба словаря были созданы бурятскими авторами: словарь «Лучи луны» (ЛЛ) в середине XIX века, а словарь Суматиратны (СР) в его конце. Первый является тибетским алфавитным словарем поэтических выражений (тиб. *mngon brjod*). Второй — алфавитный тибетско-монгольский словарь, в который, наряду с обычными словами, включено большое количество поэтических выражений. Использование поэтических выражений в литературном творчестве.Тибета (а затем и Монголии) и составление их словарей восходит к санскритской лексикографической традиции. Суть использования таких выражений — в замене прямого названия референта иносказанием, которое создавалось по ассоциации с какими-то отличительными признаками референта (например, «сова» может быть названа «[Та] с желтыми глазами», а Махешвара — «[Тот] с черным горлом»).

В качестве.источников поэтических выражений в СР указаны только два знаменитых словаря этого жанра — санскритский «Амаракоша» и тибетский «Украшение ушей мудрецов» (УУМ).

В результате сопоставления около тысячи поэтических выражений и их референтов, которые представлены во всех трех словарях (УУМ, ЛЛ и СР), выяснилось, что в достаточно большом количестве.случаев СР следует варианту их написания в ЛЛ, а не в УУМ (иногда даже в таких мелочах как выбор формы генетива *yi* или *'i*). В СР и ЛЛ совпадают также некоторые ошибочные написания выражений (при наличии правильных в УУМ). Встречаются далеко не единичные случаи разночтений в отнесении одного выражения к разным референтам в словарях ЛЛ и СР, с одной стороны, и УУМ, с другой (например, «Полный блеска», согласно ЛЛ и СР, — «ученый», а в УУМ — «лазурит»). И, наконец, в СР есть выражения, отсутствующие в УУМ, но имеющиеся в ЛЛ. Все это свидетельствует о том, что еще одним источником, использованным при составлении словаря СР, был словарь ЛЛ.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

СЕКЦИЯ X.

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ: «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ»

AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

Блинова Е. В. (ЯрГУ, Ярославль)

Африканская прислуга в лондонском домохозяйстве XIX в.

Изменения в британском законодательстве в первой трети XIX в. принятие «Акта о запрете торговли рабами» (1807 г.), «Акта об отмене рабовладения» (1833 г.) и т. д. способствовали свободе выбора занятий и, как следствие, свободе передвижений африканцев, афроамериканцев, вест-индийцев, креолов по территории метрополии. Это обстоятельство повлекло за собой формирование социокультурной и географической среды Лондона. С началом Викторианской эпохи обозначились основные направления в профессиональной и социальной дифференциации африканцев. Большинство служили в домах знати, где они зарекомендовали себя как преданные слуги. В их среде имелась строгая иерархия: слуги высшего звена, среднего и низшего.

Африканцы, более или менее обученные грамоте и «хорошим» манерам, обычно относились к высшему разряду. Они исполняли функции камердинеров (мужчины) и камеристок (женщины), реже лакеев. Некоторые получали должности экономки, дворецкого. Африканцы гордились своими должностями. Они были привязаны к хозяевам и служили им до самой смерти. Африканцы нередко находились в доверительных отношениях с хозяевами, были как бы членами семьи. В истории Лондона известны имена многих чернокожих слуг. Энн Стайлс, например, в течение шестидесяти лет исполняла функции личной служанки у белокожей леди. Джордж Майкипп (Уатто) всю жизнь посвятил профессии садовника.

Устроиться на работу в дом белого джентльмена африканцы могли по рекомендации. Африканки нередко получали место прислуги посредством

церковной (сестринской) общины, которая занималась трудоустройством женщин, как черных, так и белых. В последней четверти XIX в. была широко распространена практика устройства на работу в качестве домашней прислуги при помощи газетных объявлений (чаще всего объявления печатались в газете «Таймс»).

Географически африканская прислуга жила в Челси, Вестминстере, Кенсингтоне — наиболее благополучных и даже престижных лондонских районах.

Валиева Е. Г. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Колониальное конструирование этнической идентичности кóса в XVIII–XIX вв.

Кóса (эндоэтноним: *амакоса*; язык: *исикоса*) принадлежат к группе бантуязычных народов нгуни. Проживают в основном в Южно-Африканской республике (около 8 млн чел.).

Группа народов нгуни в доколониальный период не имела выраженных внутренних «границ» и достаточно чётко отделяла себя только лишь от не-нгуни[1], так как нгуни оказались на юге Африки сравнительно недавно. Южные нгуни появились в восточном Капе до XV в., постепенно переселяясь туда в течение XVI и XVII вв.[2] Среди них можно выделить три группы: пондо, тембу и коса[3]. Данные устной традиции показывают, что эти группы (впоследствии ставшие единым народом коса) в течение не одной сотни лет обладали представлением о различном происхождении от легендарных предков — трёх сыновей Звиде — Коса, Мтембу и Мпондо.

В 1672 г. голландцы колонизировали район современного г. Кейптаун. В 1778 г. р. Грейт-Фиш, у которой проживали коса, была объявлена восточной границей Капской колонии. Последовавшие военные столкновения вошли в историю под названием «Кафрские войны»[4]. На рубеже XVIII–XIX вв. колония была захвачена Британской империей, которая продолжила войну. Длящийся более века конфликт враждебных цивилизаций породил внутреннее единство противостоящих пришельцам африканцев. В первую очередь,

[1] *Mahoney M. R.* Racial Formation and Ethnogenesis from below: The Zulu Case, 1879–1906 // The International Journal of African Historical Studies. Vol. 36, No 3. 2003. P. 567.

[2] *Byrnes R. M., Thornton R.* The Society and Its Environment // South Africa: A Country Study. Washington, 1996. URL: http://countrystudies.us/south-africa (дата обращения: 13.05.2013).

[3] *Потехин И. И.* Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. С. 65.

[4] *Шкляж И. М., Веселков Д. А., Хилимов Ю. П., Хмиль А. В.* Африка: история и современность. Николаев, 2005. С. 136–137.

произошла консолидация внутри самих коса как основного борца с колонизаторами (чему способствовала совместная деятельность *амакоси* (вождей), прорицателей и заклинателей дождя). Тембу и пондо ни разу не выступили совместно с коса против колонизаторов[1].

С середины XIX в. начинается деление территорий проживания африканцев на локации. Большая часть их была населена двумя-тремя «племенами» (т. е. вождествами). В таких случаях объединения создавались искусственно. Всё это дробило и искажало традиционные социальные структуры. Также после каждой Кафрской войны колонизаторы переселяли население колонии на другие территории. В результате, возникла необходимость в языке межэтнического общения, каковым и стал исикоса. Всё вышеназванное явилось причиной включения тембу и пондо в состав коса. В административном отношении уже с начала XX в. они все учитывались как «коса»[2].

Винокуров Ю. Н. (ИнАфр РАН, Москва)

Повстанческое движение на востоке Демократической Республики Конго (1963–1965)

Демократическая Республика Конго — одно из крупнейших государств Африки и мира. В Африке по площади она уступает только Алжиру, в мире по этому показателю находится на 11 месте. В июне 1960 г., когда Бельгийское Конго было объявлено независимым государством, в стране проживало 14,1 млн человек, насчитывалось до 500 этнолингвистических групп и 216 живых языков. Однако уровень жизни в ДРК, сказочно богатой полезными ископаемыми, был (и по сей день остается) одним из самых низких в мире. Документы, относящиеся к середине прошлого века, еще мало используемые отечественными исследователями, позволяют воссоздать яркую картину борьбы африканцев против неоколониализма.

Повстанческое движение, зародившееся в 1963 г. в лесах Киву (на западе Конго), вскоре перекинулось на восток и юго-восток страны. Движущей силой его было сельское население, руководителями, в основном, выходцы из городской интеллигенции и пролетариата.

Идеологической платформой движения были объявлены взгляды Патриса Лумумбы. Верховным органом стал Национальный совет освобождения, созданный в конце 1963 г. в Леопольдвиле (Киншасе) и переместившийся позднее в Стэнливиль (Кисангани). В апреле 1964 г. повстанцы создали собственную Народную армию освобождения (НАО). Её главнокомандующий Гастон Сумиало, сподвижник Лумумбы, разработал «Катехизис солдата НАО»,

[1] *Потехин И. И.* Ук. соч. С. 65–68.

[2] Там же. С. 76.

обязывавший бойцов строго выполнять приказы командиров без их команды не покидать поле боя, не обижать население, не присваивать имущество противника, не терять оружие и удостоверения личности.

Повстанцы смогли овладеть тогда несколькими крупными городами, где организовали свои опорные пункты. Им даже удалось значительно приблизиться к столице Конго г. Леопольдвиль. В период максимального подъема движения (август–сентябрь1964 г.) они контролировали до 70% территории страны. В сентября 1964 г. повстанческие лидеры объявили о создании Народной Республики Конго, Г. Сумиало стал её президентом. Однако в следующем году движение было подавлено конголезской армией при массированной помощи стран Запада.

Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об этногенезе фульбе (обзор источников)

На рубеже XX–XXI века все более остро звучит проблема этничности. Попытки самоопределения, интерес к собственной культуре и истории, поиск «истоков», обращение «к корням», вместе с тем желание приобщиться к так называемой глобальной культуре, стремление осмыслить свою историю как часть интеграционного процесса. В докладе приведен обзор источников по истории самоопределения одного из крупнейших этносов Западной Африки — фульбе.

Доклад знакомит с проблемами этногенеза фульбе на основе источников Нового и Новейшего времени. Исходя из приверженности той или иной теории происхождения фульбе, все авторы поделены на группы. Первые сведения о фульбе относят к XVII веке, это время активного освоения Гвинейского побережья португальцами, активные исследования внутренних районов Африки начались позднее, на рубеже XVIII–XIX веков. Несмотря на обилие источников по истории и этнографии фульбе, проблема этногенеза фульбе остается до конца не решенной.

Власова Н. А. (ЯрГУ, Ярославль)

Интерпретация современной истории Судана в творчестве суданского художника Х. И. Коди

В США (штат Массачусетс) живет и работает Халид Ибрагим Коди, суданский дизайнер, график, иллюстратор, представитель «Хартумской художественной школы» или «Школы пустыни и джунглей», основанной на синтезе западной, арабской и африканской культур.

Тематика произведений Х. И. Коди всегда актуальна и злободневна. Он считает, что художник должен быть политически активным и защищать интересы граждан страны, где родился и вырос. Среди форм современного изобразительного искусства Халид Коди избирает чаще всего именно инсталляцию, поскольку, по его мнению, она «поглощает» не только все предшествовавшие ей жанры, но и самого зрителя. Инсталляция трехмерна, это не «объект», а пространство, организованное по воле художника. В отличие от воздействия «слова», визуальные творения оказывают сразу же сильное воздействие на эмоции и память. Человек, получивший информацию с эмоциональным зарядом, гораздо дольше хранит ее в своей памяти.

Инсталляция Х. Коди «Сопротивление или разговор о замалчиваемом» (2000–2001 гг.) в Мичиганском Государственном Университете посвящена многолетним непрекращающимся военным действиям на территории Судана. Еще одна инсталляция художника, отражающая антивоенную тематику, — «Озвученная трагедия II» (2007 г.) — была продемонстрирована в Пенсильванском Университете, в ней Коди проявил себя еще и как талантливый скульптор.

Еще одна инсталляции «Песок и соль» посвящена недавним политическим изменениям в Судане, когда в ходе референдума христианско-анималистический Юг страны проголосовал за отделение от мусульманского Севера, и было образовано два независимых государства.

Кроме того Коди пробует работать в различных течениях западного авангардного искусства, например в таком, как лэнд арт. Проект в стиле лэнд арт «Деревня огня» была презентован художником в 2001–2002 гг. в Нью-Йорке.

Большинство произведений Коди очень критичны к суданским реалиям, тем не менее, художник желает, чтобы окружающий мир воспринимал его Родину не только как страну, погруженную в хаос гражданской войны, но как государство с богатыми традициями.

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Формирование национального самосознания африканцев и новый взгляд на историю Южной Африки в произведениях Г. И. Э. Дломо

Герберт Исаак Эзра Дломо (1903–1956) — южноафриканский писатель, драматург и поэт, выдающийся интеллектуал своего времени, он внес значительный вклад в формирование национального и исторического самосознания африканцев в Южной Африке.

Дломо написал целый ряд пьес, в основу сюжета которых легли важнейшие исторические события в жизни африканских народов Южной Африки. Помимо литературных произведений, он является автором десятков публицистических

статей. Его произведения формировали общие подходы и оценки к прошлому среди представителей разных южноафриканских народов, создавали базу, на основе которой вырастало новое национальное самосознание африканцев.

Труды Дломо стали важной вехой в формировании исторических представлений африканских народов Южной Африки. Он постепенно отходил от видения африканцев лишь в подчиненной роли по отношению к белым. Показательной является переоценка Дломо роли зулусского правителя Чаки в истории Южной Африки. В 1932 г. он писал, что политика Чаки принесла крайне негативные последствия для будущего развития зулусов, утвердив в зулусском обществе косность и закрепив многие социальные институты, являющиеся атрибутом прошлого. Однако дальнейшая эволюция взглядов и изменения в политике белых властей Южной Африки привели Дломо к разрыву с либеральной традицией. С точки зрения Дломо образца 1954 г., создав великую и могущественную нацию и вовлекая другие этнические группы в содружество наций, Чака воплотил в жизнь «идеал национализма».

Таким образом в личности Дломо реализовалась особая роль африканской исторической литературы — воспитание духа национализма, отход от первоначальных установок на сознательное подчинение руководящей роли белых, поиск собственных ориентиров развития без строгой привязки к системе европейских ценностей.

Волкова Е. В. (Ecole pratique des hautes études, Institut des mondes africains, Париж)

Шуточое родство у джоола

Феномен шуточного родства занимает важное место в культуре многих народов Западной Африки. Это особые отношения, которые могут связывать как этнические группы, кланы, деревни, так и некоторых родственников и выражаются, в частности, в ритуальном подшучивании, выходящем за рамки социальных норм.

На протяжении многих десятилетий шуточное родство вызывало научный интерес среди антропологов[1]. Отметим, что подавляющее большинство этнографических работ, анализирующих шуточное родство в Западной Африке, посвящено народам манден. Шуточное родство народа джоола, расселенного в непосредственной близости от народов манден (юг Сенегала, Гвинея-Бисау), изучено крайне мало и, в основном, лишь в политическом аспекте[2].

[1] Canut C., Smith E. Pactes, alliances et plaisanteries. Pratiques locales, discours global. *Cahiers d'études africaines* № 184, 2006.

[2] Речь идет о попытке мобилизации шуточного родства, связывающего народы джоола и серер, для разрешения сепаратистского конфликта на юге Сенегала (регион

На основании материалов полевых исследований, проведенных в Сенегале в 2012 и 2014 гг., мы установили, что шуточное родство у джоола не ограничивается связью с народом серер. В связи с отсутствием клановой структуры шуточное родство между кланами встречается лишь у джоола, подверженных культурному влиянию мандинка. При этом шуточное родство между деревнями (редкое у манден) широко распространено. Существует и шуточное родство между кросс-кузенами, не связанное, однако, с предпочтительностью брака. Особое внимание следует обратить на шуточное родство, возникающее вследствие мужской инициации *букут,* имеющей ключевое значение в обществе джоола. Каждый человек связан шуточным родством с мужчинами, прошедшими инициацию одновременно с его отцом.

Таким образом, изучение шуточного родства у джоола позволяет открыть новые грани этого феномена в Западной Африке.

Выдрин В. Ф. (ВФ СПбГУ; ИНАЛКО, Париж)

Номинализация префиксных глаголов в манинка и бамана: различия в тональном поведении[1]

В языке бамана, тональная система которого хорошо изучена, тональное поведение префиксных глаголов и их производных форм подчиняется следующим правилам:

- в финитной форме, префикс и корень тонально автономны: *lá-bɛ̀n* ‘готовить’, *mà-dɔ̀n* ‘приближаться’;
- в причастно-деепричастных формах на *-len, -tɔ, -ta* тональная автономия префикса и основы сохраняется: *lá-bɛ̀n-nen* ‘приготовленный’, *mà-dɔ̀n-ta* ‘такой, который должен приблизиться’;
- в отрицательном причастии на *-bali*, в именах действия на *–li* и бессуффиксных, в именах деятеля на *-la* и на *-baga,* в именах деятеля на *-lan* префикс и корень образуют тонально-компактное единство. Это выражается в том, что корень утрачивает свой лексический тон, и тон суффикса распространяется вправо до конца словоформы.

Гвинейский манинка — язык, близкородственный бамана (манинка и бамана можно было бы считать диалектами, если бы не наличие двух разных лите-

Казаманс) в 1990–2000 гг., см. Awenengo S. À qui appartient la paix? Résolution du conflit, compétitions et recompositions identitaires en Casamance (Sénégal). *Journal des anthropologues,* № 104–105, 2006.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта № 2.38.524.2013 «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфосинтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира».

ратурных норм). Его тональная система также в основных чертах близка к баманской. Однако в системе отглагольной деривации в манинка наблюдаются существенные отличия, которые сводятся к следующему:

- глаголы в финитной форме и причастия ведут себя так же, как в бамана, сохраняя тональную автономию своих компонентов;
- имена действия, образуемые бессуфиксно (суффикс *-li* в манинка в целом значительно менее продуктивен, чем в бамана), сохраняют тоновую автономию своих компонентов (*mùránnù* ***má-jɔ̀si*** ‘протирание инструментов’, *kòko`* ***lá-jìi*** ‘снимание кокосовых орехов’) — за некоторыми исключениями (очевидно, регулируемых какими-то правилами, которые пока что не удаётся установить *tá` lá-sa* ‘тушение огня’, вместо ожидаемого **tá` lá-sà*);
- имена деятеля на *-la* и на *-baa* также сохраняют тоновую автономию компонентов (*mùrán`* ***nɔ́-jɔ̀si-la*** ‘чистильщик инструментов’, *rɔ́-jɔ̀si-baa* ‘тот, кто протёр (что-то)’);
- имена деятеля на *-lila* (комбинация суффикса имени действия *-li* с суффиксом имени постоянного деятеля *-la*) и имена инструмента на *-lan* и на *-lilan,* образуемые от префиксных глаголов, не сохраняют тональной автономии своих компонентов, при этом становятся низкотоновыми: *dɔ́-kɔ̀* ‘мыть внутри’ → *dɔ́-ko-li-lan* ‘инструмент для мытья внутри’; *má-sùsa* ‘обтирать’ → *mà-susa-lán* ‘тряпка (для обтирания)’; *lá-bɛ̀* ‘валить’ → *là-be-la* ‘лесоруб’.

Эта последняя модель (низкий тон как маркер номинализации) затрагивает и некоторые (но не все!) глаголы-композиты (точнее, образованные от них отглагольные имена: *kɔ́dɔ-tà* ‘поднимать, приподнимать’ *à kábà kɔ́rɔ-ta-lan* ‘инструмент для поднимания камня’.

Таким образом, в этой сфере в манинка обнаруживаются два важных отличия от бамана: сохранение тональной автономии префикса и корня в некоторых типах имён, образованных от глаголов, и тональная морфема-операция «мена тона на низкий» как маркер номинализации.

Гавристова Т. М. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

«Подымите мне веки: не вижу...»[1] (о кросс-культурных кодах и ангажированности африканских селебрити)

На рубеже XX–XXI веков — в условиях глобализации — диаспоризация мирового пространства стала очевидна. Образованные иммигранты, как правило, легче интегрировались в социально-культурную среду. В Лондоне многие обрели профессиональное признание и славу. Однако сами всемирно известные

[1] *Гоголь Н. В.* Вий.

африканцы — писатели, художники, архитекторы, музыканты, сознавая свою ангажированность и успех, часто ощущают себя «невидимками», несмотря на принадлежность к очевидному (в силу соматических признаков) меньшинству в обществе белых.

По их мнению, европейцы (и американцы) недооценивают вклад африканцев в современную культуру, тогда как ее формирование происходит усилиями разных этносов и рас. Свидетельством тому служат достижения выдающих мастеров литературы и искусства, практически совсем не известных в России. Среди них первый африканский лауреат Нобелевской премии в области литературы (1986 г.) Воле Шойинка, поэт, писатель, драматург, публицист, труды которого не издавались в России более четверти века; Бен Окри и Бучи Эмечета, постоянно живущие в Лондоне, чьи имена более четверти века входят в десятку самых читаемых писателей Великобритании; скульптор Эль Анацуи — сотканные им монументальные «завесы», исполненные множества разнообразных аллюзий, вызвали фурор («триумф красоты») на Венецианском бьеннале 2007 г.

Культура развивается в процессе взаимопроникновения региональных составляющих. Образ такой культуры воссоздал Йинка Шонибаре в своей инсталляции «Британская библиотека» (2014 г.). 10 000 фолиантов из «буйного батика» (набивная ткань яванско-голландско-английско-африканского происхождения — «марка» художника) демонстрировались в рамках Брайтонского культурного фестиваля. Книги были призваны прославить 3000 имен английских селебрити — иммигрантов, прошедших сквозь тернии к звездам. Истоки их творчества следует искать в разных регионах мира (в Японии, Индии, Африке). Именно они сформировали и продолжают формировать тот субстрат, на котором в XX–XXI веках базировалась (и будет базироваться) британская литературно-художественная традиция.

Голомидо А. О. (ИСАА, МГУ, Москва)

Генрих Барт — пионер в исследовании Африки

16 февраля 1821 г. появился на свет Генрих Барт, немецкий путешественник и исследователь, который посвятил всю свою жизнь Науке. Ещё будучи ребёнком, он проявлял недюжинный интерес к учёбе. В школе он отличался невероятным прилежанием и не ограничивался изучением только предметов школьной программы. После гамбургского Иоханнеума следующим этапом для будущего исследователя-африканиста стал Берлинский университет. Пытаясь определиться с областью своих научных интересов, Барт посещал самые разнообразные семинары и лекции. Он слушал археологию, историческую географию, ботанику, климатологию, философию, историю и другие естественные и гуманитарные науки. Получив прекрасное академическое образование, Барт

подумывал о преподавательской деятельности в Берлине. Но университетская кафедра оказалась не тем местом, где ему было суждено остаться: в 1849 г. он был включён в состав Большой африканской экспедиции, участие в которой и определило всю его дальнейшую судьбу.

Его труд «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке» до сих пор представляет собой «кладезь знаний» как для зарубежных, так и российских африканистов. Для отечественной историографии путевые заметки Генриха Барта представляют особый интерес в связи с тем, что этот исторический источник до сих пор не введён в научный оборот в полном объёме. Отсутствуют и переводы работ, оставленных этим путешественником, чей вклад в развитие изучения истории Африки южнее Сахары трудно переоценить. Ведь именно Барт — первый научный исследователь Западной Африки, потому что все европейские предшественники, побывавшие до него в этой части континента, не имели академических знаний. В своих путевых заметках Барт нередко ссылается на Льва Африканского и Хью Клэппертона, что говорит о том, что он был знаком с их работами. Кроме того, Барт знал некоторые местные языки (хауса, фульфульде и др.) и арабский, что позволило ему самостоятельно исследовать историю некоторых государств, например, империи Сонгаи по хронике «Тарих ас-Судан», которую он открыл для европейской науки. Таким образом, Генриха Барта можно з[a]служено считать пионером в исследовании Африки.

Гриб А. С. (Heidelberg University, Heidelberg)

Ковер или Храм: генезис орнамента африканской коранической доски

Символика коранической доски Северной, Западной и Восточной Африки XIX-XXI вв. предполагает несколько уровней прочтения. Первый уровень — это собственно коранический текст, второй — орнамент, третий — форма. Доклад посвящен второму уровню — изобразительной или орнаментальной символике. Самым спорным вопросом при классификации орнамента досок является деление на группы «ковровый» и «архитектурный», под которыми подразумеваются изображения и атрибуты Храма и ковра.

Декор досок разнообразен, региональные типы представлены оригинальными мотивами или композициями — космогоническими, архитектурными, растительными и фигуративными. Но большинство образцов генетически восходит к «ковровому» или «текстильному» орнаменту, характерному для средневековой иудейской, христианской и мусульманской материальной культуры текста. В искусствоведении он классифицируется как «ковровая страница», или ʻунван, и признан неотъемлемым атрибутом ближневосточной рукописной книги.

Кроме иудео-христианской составляющей генезис орнамента африканских досок обусловлен локальным ритуальным субстратом. Кораническая доска — предмет народной магии и знахарства, она используется в церемониях инициации. Антропоморфизм доски выражается в телесных признаках и орнаментике, указывающей на ритуальные функции. Таков фигуративный орнамент — зооморфные и антропоморфные изображения. Но зачастую даже фигуративный орнамент, утерявший свои ближневосточные корни, отражает идею сакрального пространства или образ Храма и указывает на место хранения доски — мечеть, сакральную пещеру или бедуинский шатер.

Доклад представляет собой одну из глав монографии, посвященной коранической доскам мусульманской Африки. В качестве предмета исследования были взяты 250 коранических досок XIX–XX вв. различных региональных групп. Работа проводилась в музеях Европы и Америки: Бранли, Британском, Бруклинском, частной галерее Франк Ван Краен, коллекциях Сэм Фогг и Халили.

Громова Н. В., Урб М. Р. (ИСАА МГУ, Москва)

Ндонде: язык или диалект?[1]

Языковая общность ндонде относится к языковой семье банту: по классификации языков банту М. Гасри и уточненной классификации И. Бастен эта языковая разновидность входит в зону юго-восточных банту в группу P.20 наряду с языками яо, мвера, маконде и др.

По численности говорящих ндонде занимает 140-ю позицию среди 150 языков Танзании (2458 чел.), и, по нашим наблюдениям, во время проведения полевого исследования на юге Танзании в октябре 2014 года число владеющих языком ндонде продолжает сокращаться.

Такая малочисленность этноса вызывает вопрос: является ли эта языковая разновидность самостоятельным (хотя и близкородственным) языком или диалектом какого-либо другого языка. В работе П. Крааля ндонде квалифицируется как один из диалектов языковой общности маконде наряду с такими диалектами как матамбве, ньима и мараба. В приводимом им списке из 130 существительных есть половина лексических совпадений ндонде с маконде. Такое совпадение может объясняться близким родством языков банту юго-восточного региона Танзании. И хотя на начальной стадии изучения и описания системы конкретного языка проблема «язык или диалект» нерелевантна, наше краткосрочное полевое исследование все же приводит к неоднозначному решению вопроса о самостоятельности языковой разновидности ндонде.

[1] Доклад подготовлен в рамках проекта А-21–14 «Полевое исследование языка ндонде» при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (http://www.ffli.ru).

Как известно, в спорных случаях при классификации бесписьменных языков определяющим оказывается социально-этнический критерий. Фольклорно-исторические материалы ндонде и соседних этносов определяют эту языковую общность как самостоятельный язык (приводятся тексты соответствующих доказательств в виде сказок, притчей, преданий и т. п.).

В пользу определения языковой разновидности ндонде как языка свидетельствует также наличие его диалектных вариантов (шиндонде в Мозамбике, кимачинга на восточноафриканском побережье и др.).

Гусарова Е. В. (ИВР РАН; РНБ, Санкт-Петербург)

Отражение субъективного подхода историографа в характере подачи материала (на примере хроники царствования Такла Гиоргиса I)

В данном сообщении будет рассматриваться первый период царствования Такла Гиоргиса I (1779–1784, 1788–1789, 1794–1795, 1795–1796, 1795–1799, 1800) по его хронике, составленной одним из двух царских секретарей, *алака* Габру, чье имя известно нам из текста хроники. Например, при сравнении этой части повествования с продолжением летописания, принадлежащим руке другого автора, бросаются в глаза особенности подхода к повествованию *алака* Габру, хорошо знавшего Священное Писание, прибегавшего в тексте к цитатам из него, к уместным сравнениям героев повествования с библейскими персонажами, умело использовавшего особые литературные приемы.

Удивляет точность многих цитат, приводимых в хронике. Царский историограф ходил в военные походы вместе с царем и, конечно, не мог носить с собой большую библиотеку церковных книг, а библейские тексты воспроизводил по памяти. При анализе текста, в котором встречаются многочисленные высказывания Такла Гиоргиса I, восхищает складность его речи, дипломатичный подход ко многим проблемам, начитанность в религиозной литературе. Все это могло бы охарактеризовать царя Такла Гиоргиса I как высокообразованного и просвещенного монарха, если не учитывать тот факт, что он, как и многие представители правящей династии, скорее всего не знал языка геэз. Доказательством этому служат дошедшие до нас, пусть и немногочисленные, рукописи, принадлежавшие представителям царского дома во время и непосредственно после царствования Такла Гиоргиса I, тексты которых содержат параллельный перевод на амхарский или маргиналии на амхарском языке. Судя по всему, царский историограф сам составлял текст, приписывая царю речи, сообразные положению дел при дворе и конкретным обстоятельствам, создавая, таким образом, своего рода художественное произведение, творцом которого он являлся.

Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Имена Бога в переводах Корана на языки маninка и бамана

Бамана и маninка — два близкородственных языка группы манден (< манде < нигер-конго). Исламизация народов, говорящих на этих языках манден, имеет длительную историю. На обоих языках существуют устные традиции переводов и толкования коранических текстов. Письменные переводы — относительно недавнее явление. Первым по времени появления был перевод на язык маninка, выполненный гвинейцем Сулейманом Канте, основоположником литературного языка маninка. Канте начал работу над ним на рубеже 1940–1950 гг. и закончил к 1960-м, однако полностью текст перевода был опубликован только в 1994 г., уже после смерти автора. Полный перевод Корана на язык бамана осуществил малиец Аль-Хаджи Модибо Диарра. Первые опубликованные отрывки относятся к началу 1990-х гг. Полный текст был опубликован в 2007–2011 гг. в четырёх томах.

Несмотря на близкое родство языков, переводы Корана на маninка и бамана не похожи друг на друга ввиду разных установок переводчиков. Для перевода Канте на язык маninка характерны крайний языковой пуризм в области лексики и обилие неологизмов, сочетающиеся с рядом инноваций в области синтаксиса. Позже эти черты стали характерны и для других литературных текстов на маninка, авторы которых во многом ориентируются на норму, основы которой были заложены переводом Корана. Более поздний перевод Диарра на язык бамана создавался в условиях, когда баманская языковая норма была уже в значительной мере сформирована, и переводчик не мог игнорировать её.

Доклад будет посвящён сравнительному анализу лексики обоих переводов. Лексическая группа, выбранная для подробного рассмотрения, — имена Бога, содержащиеся в тексте Корана.

Добронравин Н. А. (ФМО СПбГУ; Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Самооправдывающийся политический дискурс: превращение мнимых сепаратистов в борцов за независимость (на примере Судана и Мали)

Отличительной чертой движений за национальное самоопределение на юге Судана (в границах 1956 года) и в северных районах Мали была их предсказуемость в рамках официального политического дискурса обеих стран. На ранней стадии развития этих движений они не имели ни единой организации, ни сколько-нибудь явно выраженных сепаратистских программ. Тем не менее,

доминировавший политический дискурс в Мали и Судане был ориентирован на борьбу соответственно с туарегским и южносуданским (христианским/нилотским) сепаратизмом.

Малийские и суданские власти неоднократно добивались успеха в подавлении недовольства; многие мнимые сепаратисты и их предполагаемые сторонники оказались в изгнании в соседних африканских странах и в Европе. Однако в долгосрочной перспективе официальный политический дискурс способствовал формированию национально-освободительной идеологии и созданию политических организаций, выступивших за независимость Северного Мали/Азавада и Южного Судана.

Ключевые концепты самооправдывающегося политического дискурса — «сепаратизм», «борьба за природные ресурсы», «иностранный заговор» (в Судане — в контексте противостояния ислама и миссионерского христианства).

Емельянов А. Л. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва)

Фальсификация международных договоров как общепринятая дипломатическая практика европейских держав в период колониального раздела Африки

В своей дипломатической практике конца XIX века европейские государства не воспринимали африканских партнеров как равноправных участников международных отношений. Общепринятым было разночтение вариантов текстов договоров на европейском и африканском языках. Как правило, африканские партнеры колониальных держав узнавали об этом постфактум, когда изменять что-либо было уже поздно. За весь период раздела Черного континента было лишь несколько случаев, когда африканцам удавалось доказать фальсификацию (например. итало-эфиопский Уччиальский договор). Но единственный случай, когда европейское государство было «поймано за руку» и было вынуждено признать правоту своего контрагента — соглашение об окончании первой малагасийско-французской войны, подписанное 17 декабря 1885 года.

Сразу же после получения официального текста малагасийское правительство потребовало устранение разночтений в текстах договора. Например, из французского варианта следовало, что Мадагаскар становится протекторатом, из малагасийского — Париж будет оказывать содействие в осуществлении внешних сношений. В Антананариву срочно были направлены опытные французские дипломаты, которым официально были предоставлены все необходимые полномочия. Они согласовали и подписали Приложение к договору. Оно снимало большинство противоречий и трактовало их по малагасийскому варианту текста. Договор был ратифицирован малагасийской стороной 10 января 1886 года, французской — 27 февраля 1886 года, но без Приложения.

Париж пошел на нарушение общепризнанных дипломатических норм, отказавшись от части того, что было подписано его полномочными представителями. Борьба между Францией и Мадагаскаром переместилась в дипломатическую и экономическую сферы. Малагасийцы избрали тактику выполнения всех статей договора в соответствии с Приложением, не обращая внимания на протесты французской стороны. Париж потерпел дипломатическое поражение и начал подготовку ко второй малагасийско-французской войне.

Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Еще раз о числительных в языках адамауа

Системы счета в африканских языках давно привлекали внимание исследователей. Интересовался ими и Д. А. Ольдерогге (Ольдерогге 1982, 1984). Хотя языки адамауа не относятся к наиболее описанным семьям макросемьи нигер-конго, именно системы числительных описаны достаточно хорошо.

В статье Раймонда Бойда (Boyd 1989) приводится большой фактический материал по числительным различных групп адамауа и высказываются гипотезы по возможной реконструкции некоторых форм. В то же время за последние годы накоплен новый полевой материал (в ходе лингвистической экспедиции в Нигерии в 2012–2014 гг.), а также появились новые описания языков адамауа, например грамматика самба леко (Fabre 2004). В этом контексте представляется актуальным сравнить новые материалы с данными Бойда, рассмотреть числительные адамауа в типологическом контексте существующих систем счета, а также привести некоторые наблюдения о субморфной подстройке некоторых числительных. Этому и будет посвящен доклад.

Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Этнические взаимодействия и конфликты в Западной Африке на примере Гвинеи

Известно, что даже небольшие «несогласия» представителей разных этносов перерастают в статус межэтнических конфликтов, если они начинают так восприниматься окружающими и самими участниками. Как правило, этнический конфликт не является изначальным. Сами конфликты всегда имеют иную причину, этническая же причина появляется позже как некое объяснение происходящего. Этнос сам по себе психологическое образование; основа, его составляющая, — самоидентификация, в некотором роде это результат защитного механизма группы людей.

При детальном анализе ряда этнических конфликтов в Гвинее, становится понятным, что они начинались вовсе не как этнические, толчком к ним послужили совершенно иные события: в августе 1977 — массовые беспорядки, начатые на базаре в Конакри женщинами; политический конфликт 1984 года, когда к власти в стране пришли полковники этнический сусу Лансана Конте и манинка по национальности Диарра Траоре; 2 февраля 1996 — требования повышения зарплат в армии, вылившиеся в мятеж. Все эти конфликты переросли в этнические, как и недавний серьезный межэтнический конфликт в Нзерекоре и области в середине июля 2013.

Сегодня этническая напряженность в Гвинее, благодаря политическим несогласиям, сдвинулась с плоскости сусу — манинка (что было при правлении президента сусу), на плоскость фульбе — манинка (сейчас президент манинка).

Основываясь на фактах, мы понимаем, что хотя обстановка в Гвинее и более спокойная, нежели в остальной Африке, этнические конфликты там не редкость и разгораются они мгновенно. Одна из причин заключается в том, что на территории одной страны проживает большое количество этносов, причем в силу специфики исторического развития все они живут компактно. Другая причина — специфические особенности темперамента и характера.

Тем не менее, толерантность у манинка, как и у других представителей народов манден, довольно велика, что прослеживается и в их устной традиции. Кроме того, сами народы манден: бамана и манинка, имеют собственную скрепляющую историю, что во многом объединяет Мали и Гвинею. Что касается двух других больших этнических групп Гвинеи, то фульбе отличаются также спокойствием и образованностью, что должно способствовать взаимопониманию. Необходимо отметить, что некоторые из их семей входят в систему *джаму* манден, также как и некоторые семьи сусо. Таким образом, в исторической и культурной традиции имеются значимые факторы, скрепляющие разные этнические группы.

Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва)

Мобильные телефоны в Африке: культурная трансформация

Появление и стремительное распространение мобильных телефонов в африканских странах оказало и продолжает оказывать значительное влияние на трансформацию культурных ценностей, на социальные и личные отношения. И эти изменения происходят стремительно быстро. Активное использование мобильной связи затронуло практически все аспекты жизни различных слоев

населения, внесло существенные (и порой, необратимые) коррективы в систему традиционных ценностей и систему традиционных связей, представления о времени и пространстве.

Наличие мобильной связи позволяет решать многие проблемы (например, налаживание контактов между членами семьи, проживающими в разных частях страны, контроль заболеваний, получение своевременной информации по различным вопросам, противостояние коррупции чиновников, выступающих в роли посредников, усиление контроля за их действиями и т. п.), однако та же мобильная связь порождает еще больше проблем другого уровня: где взять деньги на пополнение телефонного счета, каким образом зарядить телефон, откуда лучше уловить сигнал, как скрыть наличие телефона от родственников, чтобы не пришлось его им одалживать или скрыть нескромные связи, не приемлемые в традиционном обществе и т. п.

В докладе предполагается рассмотреть, какое влияние оказало наличие мобильной связи на взаимоотношения африканцев с церковью, на внутрисемейные связи, складывание межгендерных отношений, как изменились взгляды на воспитание молодого поколения, какие изменения претерпела система образования, как изменились представления об окружающем мире и собственном месте в нем у народов африканского континента.

Карпов Г. А. (ИнАфр РАН, Москва)

Реакция африканских СМИ и общественных деятелей на теракты в Париже 7–9 января 2015 г.

7–9 января 2015 г. в Париже подвергся нападению офис французского сатирического еженедельника «Шарли Эбдо» («Charlie Hebdo»), опубликовавшего карикатуры на пророка Мухаммеда. 9 января 2015 г. был осуществлен захват заложников в магазине кошерных продуктов у Венсенских ворот в Париже. Всего погибло 17 человек, 11 — ранено.

Эта трагедия стала одной из самых драматичных страниц современной истории Франции, вызвала огромный общественный резонанс по всему миру. В этой связи представляется небезынтересным оценка реакции на эти теракты африканских СМИ, общественных и политических деятелей. Актуальность данных событий обусловлена проживанием в России свыше 20 млн мусульман.

Практически все ведущие политические лидеры Африки осудили теракты и выразили глубочайшие соболезнования руководству Франции и французскому народу. Однако реакция африканцев не ограничилась сочувствием к пострадавшим, на лицо четкая религиозная подоплека.

Радикальные исламские организации («Боко Харам», «аш-Шабаб», «Ансар аш-шариа») одобрили действия террористов. Умеренное духовенство Сомали и Кении осудили публикацию карикатур, но открестились от силового решения данной проблемы. В Нигере протестующие сожгли несколько христианских церквей. Вопрос о границах слова был поднят даже со стороны представителей христианских общин африканских государств, в том числе Нигерии.

В сознании западных христиан и, тем более, атеистов нет понятий, которые по значимости были бы сопоставимы с Кораном и Мухаммедом в сознании мусульман. Библия и Иисус Христос для европейцев совсем не то же самое, что Коран и Мухаммед для мусульман. Нежелание понять эту разницу порождает разногласия и конфликты.

Свобода слова остается важнейшей ценностью французского общества. После теракта карикатуры из «Шарли Эбдо» были перепечатаны множеством других французских изданий, тираж самого еженедельника вырос в 50 раз. Нельзя исключать возможность новых карикатурных скандалов с не менее печальными последствиями.

Колесникова М. А. (Ф-т МО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Мягкая сила» Турции в Африке: pro et contra

Исторический фактор играет ключевую роль в процессе развития турецко-африканских отношений на современном этапе. Именно на позитивных аспектах общего прошлого стремится акцентировать внимание Турция, разыгрывая африканскую карту во внешней политике. Трансформация системы международных отношений после окончания «холодной войны» открыла перед Анкарой новые возможности на мировой арене.

Начало нового этапа активизации Турции в Африке относится к 1998 г., когда министр иностранных дел страны Исмаил Джем инициировал «политику открытости» в отношении государств африканского континента. «План действий в отношении Африки», принятый в том же году, предполагает турецко-африканское сотрудничество в сфере политики, экономики, образования и культуры.

Политические меры, согласно Плану, включают в себя организацию встреч на высшем и высоком уровнях, установление механизма политических консультаций, интенсификацию контактов со странами Африки в рамках международных организаций, расширение сети дипломатических представительств.

Комплекс мер по оптимизации торгово-экономического сотрудничества предполагает формирование договорной базы отношений, развитие воздушного и морского сообщения, создание деловых советов и совместных торговых палат.

Гуманитарная сфера включает в себя сотрудничество в области здравоохранения, развития инфраструктуры, образования, финансирования программ ООН по оказанию гуманитарной помощи.

Несмотря на очевидные успехи Турции на африканском направлении, необходимо учитывать ряд негативных факторов, сопряженных с особенностями геополитической ситуации на региональном и глобальном уровнях, внутриполитическими противоречиями в самой Турции, а также объективными проблемами экономического характера. Тем не менее, можно утверждать, что Турция является одним из наиболее перспективных игроков на африканском континенте. Заявив о намерении проводить многовекторную внешнюю политику, Анкара последовательно реализует эту стратегию, предполагающую интенсификацию политических, культурных и экономических связей со странами Африки, т. о. отдавая приоритет «мягкой силе».

Кондратьев П. С. (ЯрГУ, Ярославль)

Суфизм и проблема мира в современной Нигерии

Нигерия, пережившая гражданскую войну, государственные перевороты и военные диктатуры, сегодня вынуждена бороться с исламским радикализмом. Основные причины его роста типичны для стран Тропической Африки, а именно: этно-конфессиональные и этно-региональные противоречия; медленное социально-экономическое развитие, слабая образовательная система и неравномерное развитие регионов; рост влияния радикальных групп Северной Африки[1]. Дополнительным катализатором для Нигерии стала проблема шариата[2]. В условиях, когда действий правительства недостаточно, чтобы справиться с этим вызовом, важное значение приобретает деятельность других акторов, в том числе и суфиев.

В современной Нигерии радикальный ислам представлен рядом организаций: достаточно миролюбивой и заметно ослабевшей Изала[3]; более политизированным Исламским движением в Нигерии, вдохновленным иранским

[1] *Furnish, T. R.* Sufis v. Salafis: Winning Friends and Interdicting Enemies in Islamic Africa / T. R. Furnish // RIMA Policy Papers. 2013. Vol. 1, № 1 // Research of Islam and Muslims in Africa. URL: http://muslimsinafrica.wordpress.com/2013/04/11/sufis-v-salaf-is-winning-friends-and-interdicting-enemies-in-islamic-africa-dr-timothy-r-furnish/ (дата обращения: 24.01.2015).

[2] *Harnischfeger, J.* Boko Haram and its Muslim critics: Observations from Yobe State / J. Harnischfeger // Boko Haram: Islamism, politics, security and the state in Nigeria / Ed. by M-A. P. de Montclos. Leiden: African Studies Centre, 2014. P. 34–39.

[3] *Ben Amara, R.* Shaykh Ismaila Idris (1937–2000), the Founder of the Izala movement in Nigeria / R. Ben Amara // Annual Review of Islam in Africa. 2012. № 11. P. 74–77.

опытом[1]; ультрарадикальным Боко Харам, вопросы о сущности и основных характеристиках которого являются дискуссионными[2].

Активное распространение суфизма на территории Нигерии началось в период существование халифата Сокото и было связанно с орденами Кадирийя и Тиджанийя[3]. 80–60-е гг. XX в. ознаменовались для Нигерии упадком суфизма и ростом салафитских настроений[4]. Несмотря на этот кризис, суфизму удалось сохранить своё влияние.

Сознавая угрозу со стороны радикального ислама и бедственное социально-экономическое положение, ордена выработали особую стратегию. Тарикаты создали и финансируют ряд благотворительных программ, которые являются последней надеждой для самых бедных северян. Большое внимание уделяется образовательным программам: оба ордена содержат различные учебные заведения. Кроме того, суфии не упускают возможности вести идейную борьбу с помощью проповедей, а также используя возможности СМИ. Таким образом нигерийские суфии сочетают борьбу за сердца мусульман с политикой «реальных дел»[5].

Коношенко М. Б. (РГГУ, Москва)

Лично-числовое согласование в языках манде и ква — ареальное явление?[6]

Для языков макросуданского пояса в целом характерен особый тип служебных слов, которые одновременно выражают значения лица и числа, а также предикативные значения вида-времени, модальности, полярности[7].

[1] *Zenn, J.* The Islamic Movement and Iranian Intelligence Activities in Nigeria // CTC Sentinel. 2013. Vol. 6. Issue 10. P. 13–17.

[2] *Montclos de, M.-A. P.* Boko Haram and politics: from insurgency to terrorism / M-A. P. de Montclos // Nigeria / Ed. by M-A. P. de Montclos. Leiden: African Studies Centre, 2014. P. 135–151.

[3] Ислам в Западной Африке / отв. ред. А. М. Васильева. М.: Наука, 1988. С. 56–57.

[4] *Umar, M. S.* Changing Islamic Identity in Nigeria from the 1960s to the 1980s: From Sufism to anti-Sufism // Muslim Identity and Social Change in Sub-Saharan Africa / ed. by L. Brenner. Bloomington: Indiana University Press, 1993. P. 157–168.

[5] Hill, J. N. C. *Sufism in Northern Nigeria*: A *Force for Counter-Radicalization*? / J. N. C. Hill. Carlisle: Strategic Studies Institute of the US Army War College (SSI), 2010. P. 18–28.

[6] Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ 14–04–00488 «Языковые контакты в Африке».

[7] *Anderson, Gregory D. S.* 2011. Auxiliary Verb Constructions in the Languages of Africa. Studies in African Linguistics 40 (1–2): 1–409. Creissels, Denis. 2005. A typology of subject and object markers in African languages. In Voeltz (ed.), pp. 43–70. Vydrin, Valentin. 2011. Ergative/Absolutive and Active/Stative alignment in West Africa: The case of Southwestern Mande. Studies in Language 35:2. P. 409–443.

Диахронически такие показатели возникли в результате слияния субъектных местоимений и вспомогательных глагольных показателей. Наличие подобных портманто-морфем можно считать результатом конвергентного развития языков макросуданского ареала (Anderson 2011).

Однако до сих пор в литературе не обсуждались ареальные аспекты *дистрибуции* лично-числовых показателей, или прономиналов, в том числе упомянутых портманто-морфем, в языках макросуданского пояса. В докладе этот вопрос обсуждается на материале языков семьи манде и семьи ква, распространенных в Западной Африке.

В языках манде и ква есть прономиналы, которые можно разделить на два типа в соответствии с их дистрибутивными свойствами: 1) находящиеся в дополнительной дистрибуции с полными именными группами (анафорические); 2) сочетающиеся с полными именными группами (согласовательные). Диахронически эти два типа, очевидно, связаны между собой — анафорические прономиналы в языках мира становятся согласовательными, но не наоборот[1]. Возникает вопрос: можно ли интерпретировать возникновение согласовательных прономиналов в языках манде и ква как конвергентную инновацию или результат параллельного развития. Как показано в докладе, на этот вопрос нельзя дать однозначно утвердительный или отрицательный ответ. Вероятно, в одних случаях эта была независимая инновация — прежде всего, в юго-западных манде, в других — конвергентное явление, например, согласовательные показатели в бен (< манде) и бауле (< ква).

Косогорова М. А. (ИСАА МГУ; ИЯз РАН, Москва)

Особенности франкоязычных заимствований в язык пулар-фульфульде[2]

Язык пулар-фульфульде (фула) представляет собой набор диалектов, дисперсно расположенных на весьма обширной территории Африки южнее Сахары. Благодаря такому широкому ареалу, этот язык за историю своего существования контактировал с большим количеством разнообразных языков, как африканских, так и азиатских и европейских, что существенно повлияло на сам пулар-фульфульде.

[1] *Givón, T.* Topic, Pronoun and Grammatical Agreement // Ch. Li (ed.). Subject and Topic. New York, 1976. P. 149–188. Givón, Talmy. Syntax: An Introduction, vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. Siewierska, Anna. 2004. Person. Cambridge: CUP. Kibrik, Andrej A. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.

[2] Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 14–04–00488 «Языковые контакты в Африке».

Его активное взаимодействие с французским языком началось в середине XIX века и продолжается в наши дни. Французский язык кажется нам удобным языком-источником для исследования заимствований, поскольку историю этих контактов возможно проследить практически от начала до текущего момента. Франкоязычные заимствования составляют значительную часть заимствованной лексики пулар-фульфульде, однако языковые данные позволяют выделить некоторые семантические границы, внутри которых франкоязычные заимствования встречаются чаще заимствований из других языков и в некоторых случаях вытесняют исконную лексику.

В докладе приводятся результаты исследования языкового материала с целью определения этих границ. Также в исследовании стояла задача проследить возможные изменения этих границ с течением времени, поскольку изменение жизненных реалий и социолингвистической ситуации в ареале не могло не отразиться на процессе адаптации в язык заимствований.

Кудрявцев Д. В. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербруг)

Алжирское детство Эмманюэля Роблеса

Известный французский писатель, член Гонкуровской академии, обладатель ряда литературных премий. Эмманюэль Роблес родился и провел половину жизни в Алжире. Поэтому вполне закономерно, что одной из основных тем его творчества является тема Алжира и Средиземноморья.

В данной статье мы хотим обратиться к позднему периоду творчества Э. Роблеса, к его автобиографическим произведениям — повести «Молодые годы» (1961) и роману «Горячая пора» (1974). Они резко отличаются от его ранних книг об Алжире, которые сам писатель считал несоответствующими собственным требованиям в плане стиля и языка.

Как нам кажется, его автобиографические книги позволяют понять, как формировалась личность писателя, какое влияние на него оказали окружение, средиземноморские природа и менталитет, условия жизни, наличие различных этнических групп. Это плод размышлений достаточно пожившего и много пережившего человека, на пути которого были и удачи, и невосполнимые потери. Ему свойственен более спокойный и глубокий взгляд на вещи, когда на смену пламенным призывам к действию приходит стремление понять обоснование поступков и, как следствие, психологически более тонко разработанные и более сложные образы героев.

Мы собираемся провести параллели между автобиографическими книгами Э. Роблеса и его интервью и письмами. Их сочетание является информацией из «первых рук». Журналист Жан-Луи Депьерис провел в 1966 году шесть интервью на радио с Э. Роблесом. Затем в 1967 году в издательстве «Сёй»

вышла его книга «Беседы с Эмманюэлем Роблесом». Это, пожалуй, самая богатая фактическим материалом о жизни писателя книга.

В данной статье мы приводим конкретные страницы из разных книг писателя и его интервью, что еще раз подчеркивает — Э. Роблес основывается в своем творчестве на том, что он хорошо знает, что ему близко по духу. А Алжир и Средиземноморье с раннего детства и до конца жизни оказывали огромное влияние на его творчество.

Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва)

«Сейчас мы свободны»? Особенности свободы слова в демократической ЮАР

После первых демократических выборов, состоявшихся в ЮАР в 1994 г., и принятия новой Конституции, провозгласившей основные демократические свободы (в том числе свободу слова), многим казалось, что времена цензуры остались позади. Однако полной свободы слова южноафриканское общество не получило. Два института, в ведении которых находилась цензура при апартеиде, продолжили свое существование в демократической Южной Африке, просто сменив названия. Все прежние функции обоих инстанций были сохранены.

Согласно новым законам о фильмах и публикациях (первый был принят в 1996 г., в дальнейшем в него были внесены ряд поправок) цензура была, по сути, заменена «классификацией» всей печатной продукции, а также фильмов и игр. Все производители указанной продукции должны до выпуска ее в свет предоставить материал на экспертизу в Совет по фильмам и публикациям (бывшая Дирекция по публикациям). Если продукция попадает под одну из четырех категорий (XX, X18, R18, F18), ее распространение может быть запрещено или ограничено на территории ЮАР.

Однако, несмотря на такие строгие правила и обширный аппарат сотрудников, контролирующих СМИ, литературу и кинематограф в ЮАР, на практике решения суда и Совета часто кажутся весьма спорными. Суды нередко становятся не столько на защиту свободы слова, сколько на защиту интересов правящей партии. Так, когда журналистам удается предать гласности случаи коррупции на высшем уровне, причастность чиновников к преступлениям и подобного рода скандалы, это нередко заканчивается арестами журналистов, обысками, штрафами (как в случае ареста в 2010 г. Мзиликази Ва Африка, работающего в журнале Sunday Times, по обвинению в клевете, подлоге и мошенничестве). В то же время суд встал на защиту «свободы слова» Джулиуса Малемы (в то время лидера Молодежной лиги АНК), который в 2011 г. был обвинен в разжигании расовой ненависти (в частности за пение песни «Убей бура, убей фермера»).

Литвинова Л. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Личные местоимения в языке кугама

Языки адамауа являются наименее изученными в семье нигер-конго. В настоящее время существует сравнительно мало исследований, посвященных данной языковой группе. Одним из языков адамауа является кугама.

В январе–феврале 2014 года в рамках лингвистической экспедиции в Нигерию (г. Йола, штат Адамауа) была предпринята попытка описать аспекты базового морфосинтаксиса данного языка. Представленные сведения по личным местоимениям кугама следует рассматривать как начальный этап изучения данной темы.

Местоимения в языке кугама могут выражаться, во-первых, в виде местоименных аффиксов, во-вторых, в виде отдельных словоформ. В языке кугама можно выделить три серии личных местоимений. Первые две серии используются в именных конструкциях. Из них одна участвует в образовании идентификативных конструкций, где порядок слов VS. Другая серия местоимений используется в презентативном предложении. Здесь уже порядок слов SV. Третья серия местоимений — глагольная (простое глагольное, локативное предложения).

В рамках традиционного подхода к описанию прономинальных систем местоимения кугама характеризуются: отличием по лицу и числу (ед. ч. и мн. ч.), отсутствием маркировки по роду, отсутствием вежливых форм, наличием признака личность/неличность. Семантико-прагматические признаки личных местоимений кугама представлены следующим образом: локуторы — «только говорящий», «только адресат», «говорящий +», «адресат +», не-локуторы — «человек», «не человек», «люди», «не люди»[1].

В языке кугама также можно выделить субъектную и объектную серии местоименных аффиксов. В дитранзитивных конструкциях порядок слов фиксирован. Здесь адресат всегда предшествует пациенсу. Если адресат выражен местоимением, то он индексируется в глаголе.

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва)

«Образ другого» и его эволюция (европейцы об африканцах)

Записки, отчеты, наблюдения европейцев, посещавших Африку, изучавших этот незнакомый континент, а то и нередко живших и работавших там в течение многих лет (XVI–XIX вв.) до сей поры остаются важным источником по истории африканских народов. Именно благодаря им складывался образ африканца. Не всегда он совпадал с действительностью. Недаром Н. А. Ерофеев назвал одну из

[1] *Желтов А. Ю.* Языки Нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., 2008.

своих статей «Африка в королевстве кривых зеркал». Долгое время в западной литературе африканцев представляли не способными к развитию дикарями, ленивыми, лживыми, вероломными и т. д. Это мнение встречается даже в XX веке (см., например, описание жителей берегов озера Виктория в книге Троицкого «В стране чернокожих»). Однако сложилось оно далеко не сразу.

Впечатления португальцев, как и голландцев, первыми встретившими жителей этого континента, были весьма благоприятны. В XVI, да и в XVII вв. они видели красивых, статных, умных и умелых людей с благородной осанкой. Города сравнивали с Гарлемом и Амстердамом. Старались поддерживать мирные торговые отношения, торговались как с равными, отмечали хорошее знание рыночной конъюнктуры за пределами своего проживания. Да и тогда, когда вступали в военные столкновения, с уважением писали о противнике. Так, типичны высказывания современников о дипломатическом и военном таланте Нзинги Мбанди Нгола, более 40 лет сражавшейся с португальцами на территории современной Анголы (XVII в.). Португальцы отзывались о правителях средневекового Конго как о людях благородных, умных, с интересом относившимся к культуре пришельцев.

С годами этот образ трансформировался. Положительные отзывы сохранялись лишь у единичных авторов, таких как Д. Ливингстон или А. К. Булатович. В основной же массе авторы записок в XVIII–XIX вв. дают отрицательные характеристики африканцам. По мере того, как менялась политика европейцев (от торговли к колонизации) и африканцы начали оказывать ей сопротивление, менялся и образ последних в глазах европейских авторов. Не зная о господствующем половозрастном разделении труда и видя, что мужчины не работают в поле, их стали считать ленивыми. Вооруженное сопротивление проникновению европейцев оценивалось как действия разбойников. Когда же устраивались засады на пути колониальных войск, это объяснялось врожденным вероломством. Европейцев интересовали природные ископаемые (не только золото и серебро, но и медные и железные руды)? и когда африканцы не хотели показывать дорогу к рудникам или направляли по заведомо ложному пути, считали их лживыми. Таких примеров можно найти множество в работах и английских, и немецких, и французских или бельгийских авторов XVIII–XIX вв. Лишь постепенно пришло осознание неадекватности подобных характеристик и признание африканцев как искусных мастеров, трудолюбивых рабочих, а затем и интеллектуалов.

Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Логофорические местоимения в вака

Логофорические местоимения представлены в сравнительно большом числе африканских языков. Данный доклад посвящен логофорическим место-

имениям и их употреблению в языке вака (адамауа, нигер-конго). Язык вака распространен в нигерийской провинции Адамауа.

Основная задача данного исследования — описать систему логофорических местоимений в вака. Практически все прономинальные серии в языке имеют логофорические аналоги, которые выражают кореферентность между субъектом основной части предложения и субъектом/объектом/посессором зависимой части. Эти местоимения используются в зависимой части предложения, где в качестве предиката основного предложения выступают глаголы «знать», «видеть», «говорить». Количество логофорических местоимений в вака для тех или иных прономинальных серий может быть разным. Наибольшее их число соответствует местоимениям посессивных серий.

В докладе прослеживается характер соотношения между логофорическими и не-логофорическими местоимениями в вака. Логофоричность в данном языке представлена типичным явлением нейтрализации 2 и 3 лица, а также отсутствием выражения логофоричности в 1 лице[1]. Отдельно рассматриваются три прономинальные серии, которые не имеют логофорических аналогов.

Макеева Н. В. (ИЯз РАН, Москва)

Грамматические заимствования из языков манден в языке кла-дан[2]

В докладе будут рассмотрены грамматические явления языка кла-дан (нигер-конго > манде > южные манде), свидетельствующие о контактном влиянии языков манден (нигер-конго > манде > центральные манде). Среди таких явлений могут быть отмечены следующие.

1. Отсутствие логофорических местоимений, типичных для южных языков манде.

2. Отсутствие стратегии релятивизации с внешней вершиной, типичной для южных языков манде.

3. Наличие префиксального показателя каузатива.

В кла-дан существует морфологический показатель каузатива *lɛ̃-*. Он является превербом, восходит к относительному существительному *lɛ̃* ‘кончик, остриё’ и омонимичен послелогу *lɛ̃* ‘перед’. Преверб *lɛ̃-*, с одной стороны, является регулярным средством образования каузативных дериватов, а с другой, участвует в образовании новых глагольных лексем с семантически

[1] *Hyman, L. M., Comrie B.* 1981. Logophoric reference in Gokana. Journal of African Languages and Linguistics 3: 19–37. Nikitina, Tatiana 2010. Logophoricity and number in Wan (South-eastern Mande). Paper presented at the Workshop on personal pronouns in Niger-Congo languages in St. Petersburg (Russia) on September 13–15, 2010. P. 1–5.

[2] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14–04–00488.

неаддитивным значением. В других южных языках манде префиксальный каузатив отсутствует, морфологический каузатив есть только в языке гбан, но там он выражается суффиксом. По-видимому, каузативное значение преверб *lɛ́-* приобрёл под влиянием языков манден. Так, в бамана имеется преверб *lá-*, являющийся регулярным словообразовательным средством и имеющий фактитивное, интенциональное значение. Аналогичным образом в бамана имеется большое количество случаев лексикализации, когда дериваты на *lá-* имеют идиоматизированное значение, не выводимое из семантики производящей глагольной основы и преверба.

4. Суффикс отрицательного причастия *-bɛ́ɛ́ɛ́*.

Этот суффикс, по-видимому, был заимствован из языков манден, где имеется суффикс дезабилитивно-приватив ного причастия *-bali*. Это причастие в языках манден передаёт значение «не совершивший, неспособный совершить данное действие» в отношении агенса и «не подвергающийся и/или неспособный подвергаться данному действию; такой, на котором данное действие не реализовалось в полной мере» в отношении пациенса.

Макеева Н. В., Шлуинский А. Б. (ИЯз РАН, Москва)

Актантная деривация и лабильность глаголов в языке акебу: предварительные данные[1]

Язык акебу относится к малоизученной ветви кебу-анимере левобережной ветви семьи ква и распространен в префектурах Акебу и Вава республики Того. В настоящем сообщении мы, опираясь на полевые данные, собранные в экспедициях 2012–2013 гг., представим предварительные сведения об актантной деривации и лабильности глаголов в этом языке. Речь идет о возможных способах морфологического соотношения переходного и непереходного употребления глагола, так что подлежащему непереходного употребления соответствует прямое дополнение переходного употребления. В акебу представлены четыре таких способа.

1. Лабильные глаголы представляют собой глаголы, которые без специального формального маркирования могут иметь и переходное, и непереходное употребление. Например, глаголы *tà* ‘закрывать, закрываться’, *wɔ̀ɔ́* ‘уносить (о воде), быть унесенным (водой)’.

2. Непроизводные глаголы являются непереходными, а переходные образуются от них при помощи суффикса каузатива *-ʧV̂ / -lV̂ / -nV̂*, при этом удваивается конечный гласный основы. Например, *cí* ‘пачкаться’ > *cíí-ʧî* ‘пачкать’, *tī* ‘садиться’ > *tīī-nî* ‘сажать’.

[1] Работа выполнена в рамках проектов РГНФ 14–04–00488 и 15–34–01237.

3. Непроизводные глаголы являются переходными, а непереходные образуются от них при помощи суффикса декаузатива-пассива *-ɬV* (тон показателя зависит от тона основы), при этом иногда удваивается конечный гласный основы. Например, *là* ‘рвать’ > *lāā-ɬə̄* ‘рваться’, *símí* ‘закрывать’ > *símí-ɬə́* ‘быть закрытым’.

4. Наконец, наиболее интересен сравнительно распространенный в акебу случай эквиполентных пар глаголов, когда и переходный, и непереходный глаголы оформлены соответствующими показателями — *-lV̂ / -nV̂* для переходных и *-lV́ / -nV́* для непереходных. Например, *sáá-nt̂* ‘будить’ ~ *sáá-nt́* ‘просыпаться’, *pə̄-lə̂* ‘портить’ ~ *pə̄-lə́* ‘портиться’. Примечательно, что во всем массиве примеров этого типа переходный и непереходный глаголы различаются исключительно тонами, что, в свою очередь ставит вопрос о возможной диахронической связи этих показателей.

Манирагена Валенс (СПбГУ; СПбГЭТУ ЛЭТИ, Санкт-Петербург)

Историческая ценность династической поэзии Руанды на примере неопубликованной поэмы Алексиса Кагаме

Среди исторических источников в руандийской устной культуре династической поэзии отводится особое место. Это вызвано тем, что она посвящена делам королей, передавая через поколения деяния ушедших правителей. Исследователи справедливо заметили, что династическая поэзия могла претерпеть серьезные изменения в угоду правителям последующего периода, именно поэтому её достоверность оценивается по-разному.

Неопубликованная поэма в честь короля Мусинга, который правил в стране с 1896 по 1931 г., является особенной. Во-первых, поэма появилась, когда в Руанде уже была принята письменность. Во-вторых, поэма является последней в серии поэм, посвященных королям Руанды. Описанные в ней факты могут быть проверены и даже оспорены на основе письменных документов колонизаторов. Кроме того поэма представляет интерес с точки зрения руандийского языка и своих художественных достоинств.

Манирагена Валенс, О. Ю. Завьялова (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Об изменениях в современной Руанде по результатам экспедиции 2015 г.

Экспедиция в Руанду 2015 предполагала сбор новых данных по мировоззренческим особенностям народов Руанды на основе исследования

современных настроений в социуме, путем наблюдения, анкетирования и опросов, а также бесед. Состав экспедиционной группы: Завьялова Ольга Юрьевна, Манирагена Валенс. Задачи исследования: изучение межэтнической обстановки в Республике Руанде.

В ходе экспедиции были проведены исследования в различных районах Руанды с целью изучения современной этнопсихологической обстановки, как сельского населения, так и городского, в том числе в разрезе различных возрастных групп. Нас интересовало, как сегодня воспринимается геноцид, как изменилась психология населения спустя 20 лет.

Современная ситуация в Руанде показывает ориентировку на западный путь развития в экономике, усиление позиций английского языка (в ущерб французскому), что явилось причиной еще большего разрыва между поколениями (поколением пережившим геноцид и поколением, родившимся после него). Интересны также меры, которые предпринимает правительство для абсолютной смены парадигмы мышления.

Мокрушина З. В. (ЯрГУ, Ярославль)

Институционализация нигерийской англоязычной литературы

Гражданская война в Нигерии (1967–1970 гг.) ознаменовала конец «умственной революции»[1], вызванной провозглашением независимости страны. Важными результатами этого периода стали опровержение тезиса об историко-культурном вакууме в регионе до прихода европейцев и начало процесса возвращения исторической памяти. В условиях дефицита историков их функции приняли на себя литераторы, полагавшие, что репрезентация истории и культуры черного континента станет средством разрушения «инкрустаций колониального менталитета»[2], важным компонентом «пробуждения»[3] и способом «познания своего естества»[4].

В отличие от ученых, писатели и публицисты активно тиражировали накопленные знания, создавая различные культурные объединения и знакомя обширную аудиторию читателей, радиослушателей, телезрителей (прежде всего европейских) с образом мысли и жизни африканца, его психологией, всем, что принадлежало африканскому миру.

[1] *Achebe Ch.* Morning Yet on Creation Day. P. 70.

[2] *Chinweizu, Onwuchekwa J., Ihechukwu M*. Toward the Decolonization of African Literature. P. 329.

[3] *Soyinka W.* Art, dialogue & outrage. P. 141–142.

[4] *Okigbo Ch.* Limits. Ibadan, 1964. P. 4.

Уже в конце 1960-х гг. ряд авторов перешли к комплексному изучению наследия народов Нигерии. Этому способствовало начало преподавательской деятельности многих из них в первых университетах страны, а также открытие при университетах обществ и курсов африканских исследований. Литераторы активно включились в процесс перевода африканских идей, философии и фольклора с национальных языков на европейские языки, видя в этом единственный способ их эффективного использования. Вместе с комментариями эти переводы публиковали специализированные журналы — «Black Orpheus», «Okike», «Uwa Ndi Igbo» и др.

После войны процесс наращивания «национальной корневой системы» возобновился. При этом произошел переход от демонстрации и инвентаризации прошлого к разработке концепции «всеобщего синтеза» исторического и современного.

Интеграция во власть одних литераторов и переход к конфронтации других, появление нового поколения авторов, обострение социально-политической и экологической ситуации в 1970–1980-е гг. привели к расслоению литературной среды Нигерии, изменению ее функций, состава и аудитории.

Морозенская Е. В. (ИнАфр, Москва)

Внешнеторговая политика африканских государств в 2010-е годы

Африканские страны являются крупными поставщиками углеводородов (нефти и природного газа), ряда видов минерального и сельскохозяйственного сырья, руд черных и цветных металлов, а также продукции тропического земледелия. В XXI в. страны Африки стали играть на мировом рынке все более заметную роль как покупатели машин, оборудования и других видов готовой продукции, а также зерна и других продовольственных товаров.

Последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и политические события 2011–2013 гг. в Северной Африке способствовали ухудшению показателей внешней торговли всего континента.

Изменяется географическая структура экспорта и импорта, прежде всего, за счет роста инвестиций Китая в экономику стран континента: их товарооборот с КНР десятикратно возрос с 2000 г. Заметно увеличился ввоз в страны Африки (до 60% общей стоимости импорта) машин и оборудования из развивающихся стран. Это способствует дальнейшему обострению конкурентной борьбы между потребителями африканских ресурсов, прежде всего, Китаем, США, ЕС, Индией.

Наблюдаются определенные изменения в экономической политике африканских государств, связанные с активизацией их регионального торгово-

экономического сотрудничества. Соглашения между странами-участницами экономических группировок создают правовую основу не только для расширения их взаимного товарооборота (пока его доля в общем объеме их международной торговли составляет 11 %), но и для повышения конкурентоспособности национальных производителей, особенно в обрабатывающей промышленности.

Никитина Т. В. (CNRS-LLACAN, Париж)

Обыденное и виртуозное использование языка: к проблеме описания грамматики западноафриканского нарратива

В докладе рассматривается социолингвистическая ситуация, характерная для деревенских сообществ, говорящих на языке уан (Кот д-Ивуар), переживающих переход от основанных на языковом общении традиционных практик проведения досуга к практикам, связанным с распространением заимствованных форм массовой культуры (теле- и радиовещание). Несмотря на достаточно активное использование языка в бытовых сферах и увеличение числа говорящих, степень сохранности языка оценивается частью носителей как низкая, а сам язык воспринимается как находящийся под угрозой исчезновения.

При ближайшем рассмотрении причиной такого расхождения субъективной и объективной оценок жизнеспособности языка оказываются качественные различия в использовании одних и тех же грамматических ресурсов разными поколениями носителей. В активном запасе более молодых носителей отсутствует целый ряд морфосинтаксических стратегий, характерных для речи носителей старших поколений. Особенно явно эти различия проявляются в сфере оформления дискурса в пределах традиционных языковых жанров. К наиболее характерным явлениям относится оформление чужой речи, стратегии поддержания референции, оформление временных отношений между событиями и использование сложных типов конструкций для выражения сложных логических и коммуникативных отношений между пропозициями и их аргументами.

В докладе будет рассмотрен ряд грамматических стратегий, характерных для «старого» нарратива на языке уан. Владение этими стратегиями воспринимается носителями как проявление виртуозности в использовании языковых средств, а их утрата — как признак обеднения языка, в конечном счете, ведущего к его вымиранию. В докладе затрагивается проблема взаимодействия грамматики языка и контекстов его использования, а также рассматривается роль жанровой системы в формировании и поддержании грамматической системы.

Огородникова Д. А. (University of Hamburg, Гамбург)

Письменная традиция *аджами* для языков манде в западноафриканских рукописях

Традиция использования адаптированного арабского алфавита для записи западноафриканских языков (известный так же как *аджами*) для языков манде до недавнего времени получала мало внимания со стороны исследователей. Однако, последние десятилетия отмечены появлением ряда работ, посвященных анализу текстов, записанных на языках манде в арабской графике, различной тематики: исторический хроники, поэтические тексты, личная корреспонденция и т. д.[1] Рукописи, аннотированные на манде-*аджами*, были также идентифицированы в ряде европейских библиотек. В подобных рукописях основной текст на арабском дополнен переводом/толкованием и комментариями на языке, являющимся, очевидно, вариантом языка сонинке. Некоторые тексты, глоссированные на сонинке, содержат также записи на мандинка. Анализ информации, содержащейся в колофонах рукописей, включающей топонимы, имена владельцев и/или переписчиков, показал, что рукописи происходят из восточных и южных областей Сенегала, из Гамбии и Гвинеи.

В ходе полевых исследований в 2013–2014 гг., было выяснено, что рукописи, аннотированные на сонинке и джула *аджами* хранятся также в частных собраниях эрудитов Сенегала и Буркина-Фасо. Помимо этого, было установлено, что письменность *аджами* вплоть до наших дней используется в южном Сенегале, в частности, для записи поэтических текстов, магических текстов и талисманов на мандинка. Доклад предполагает представить некоторые аспекты, связанные с производством, функционированием, хранением таких рукописей.

Панцерев К. А. (Ф-т МО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Страны Африки, расположенные Южнее Сахары, в меняющемся мире: возможность прорыва

На протяжении многих десятилетий правительства африканских стран предпринимали попытки по обеспечению устойчивого социально-экономического развития своих стран. Но все их попытки заканчивались усилением зависимости от высокоразвитых западных государств, которые преследовали свои стратегические интересы на континенте.

Можно попытаться объяснить природу зависимости африканских обществ тем обстоятельством, что после провозглашения независимости

[1] Schaffer 1975; Vydrine 1998; Giesing / Vydrine 2007; Ngom 2010; Donaldson 2013; Vydrine 2014; Vydrine / Dumestre 2014.

перед странами Африки встала насущной необходимость встраивания в существующую мирохозяйственную систему на правах равноправных акторов. Однако для достижения поставленной цели необходима прочная финансовая и материальная база, которой страны Африки по понятным причинам не обладали.

Страны Запада выразили готовность оказать помощь, но только в том случае, если страны Африки будут проводить выгодные им экономические преобразования, направленные на создание благоприятных условий для действия западных инвесторов в регионе.

Страны Африки осознавали опасность чрезмерного участия западных государств в решении внутриафриканских проблем. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в Африке появились концепции, ориентированные на минимизацию присутствия западных инвесторов в экономике. Однако политика опоры на собственные силы оказалась крайне несостоятельной. Слишком много факторов препятствовало успешной реализации этой стратегии, и прежде всего — социально-экономическая отсталость стран Африки.

Сегодня интерес к Африке проявляют не только Западные государства, но также Китай, Индия, Иран и Бразилия. Постепенно наращивает свое присутствие на континенте и Россия. Однако включение этих стран в борьбу за влияние в регионе может привести к изменению сложившейся в Африке структуры зависимости, но не к ее преодолению.

Минимизация указанной зависимости возможна только в случае активизации процессов внутриафриканской интеграции и объединения усилий всех африканских стран перед лицом общих вызовов и угроз. Однако реализации подобного сценария представляется маловероятным в обозримой перспективе.

Перехвальская Е. В. (ИЛИ РАН; Филологический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

Типы связок в муан

Муан (< южные манде < манде < нигер-конго), как и другие языки группы, обладает несколькими элементами, которые можно считать связками[1]. Под связкой, вслед за Пустет, я буду понимать единицу, не имеющую лексического значения и являющуюся вершиной предикации[2].

В муан есть 3 связки: две неглагольные связки и одна глагольная.

[1] *Vydrin V.* “Pronominal predicative markers” and other copula-like elements in Dan-Gwɛɛtaa, ms. Кузнецова О. В. Глагол в языке гуро. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. СПб. 2013. Paperno D. Grammatical sketch of Beng // Mandenkan. 51. 1014.

[2] *Pustet, R.* Copulas — Universals in the Categorization of the Lexicon. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P.7.

Для южных манде характерно наличие неглагольных связок, которые образуют закрытый класс слов. От глаголов их отличает синтаксическое поведение и отсутствие глагольной морфологии.

Связка ò (*связка существования и тождества*), возможно, восходит к пра-ЮМ состоянию. Является частью глагольных форм: прогрессива и результатива. Основные функции: 1) аскриптивная классификационная (указание на принадлежность объекта некоторому классу); 2) аскриптивная аттрибутивная (приписывание объекту качества); 3) локализация предмета в пространстве и времени; 4) экзастенциальная; 5) квантификативная; 6) предикация при послеложной группе, выражающей посессивность.

Связка lè (*презентативная связка*), по форме совпадает и, по-видимому, восходит к показателю фокуса. Основные функции презентативной связки: 1) идентификация (указание на тождество двух объектов); 2) презентация объекта.

Глагольную связку klɛ̄ следует считать квази-связкой, поскольку она не имеет своих особых функций. Она заменяет связку существования *ò* во всех не-индикативных видо-временных, а также в нефинитных формах. Эта ситуация является типологически нередкой: «во многих языках объекты связываются напрямую при условии временной и видовой немаркированности, что невозможно в других формах ТАМ»[1].

Попов В. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Новый этногенез в постколониальной Тропической Африке как результат конструирования этничности в эпоху колониализма[2]

В течение последних ста лет конструирование этничности стало определяющим этнотрансформационным процессом и в значительной степени обеспечивает динамику этнокультурного развития человечества. Однако так называемому «новому этногенезу» в постколониальной Тропической Африке как результату конструирования этничности в эпоху колониализма в африканистике уделяется неоправданно мало внимания. Между тем, этногенетическая проблематика приобретает исключительную значимость для развития современного диалога цивилизаций и этнических культур не только в африканском, но и в глобальном масштабе.

[1] *Adamou, E., Costaouec, D.* Connective constructions in the world's languages: a functionalist approach. *La Linguistique* 46(1). 2010. P. 69.

[2] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 12–06–00074 «Новый этногенез: опыт комплексного исследования процессов этнокультурной миксации и конструирования этничности в эпоху глобализации».

Наряду с этнической миксацией (прежде всего, процессами метисации и креолизации) мощнейшим фактором нового этногенеза в колониальной и постколониальной Африке южнее Сахары выступила урбанизация. При этом, африканские города и особенно столицы не стали «плавильными котлами» этнических общностей и в них не появились нигерийцы, кенийцы или намибийцы. Они превратились в центры консолидации наиболее крупных этнолингвистических кластеров (типа хаусанцев, йоруба и игбо в Нигерии), когда колониальные «племена» в процессе национально-административного строительства во взаимосвязи с языковым планированием («один народ = один язык») относительно быстро превращались в новые этнические общности, сопоставимые с этносами Европы. Часто этот процесс (особенно в Восточной Африке) сопровождался созданием и внедрением новых этнонимов, способствуя формированию новой этнической идентичности.

Представляют интерес и попытки интеграции этнических групп крупных этносов, оказавшихся в колониальный период в разных странах (например, йоруба). Более того, те же йоруба и их потомки в Латинской Америке (наго Бразилии и лукуми Кубы) рассматривают себя в качестве некой всемирной йорубской идентичности (теория о йорубском трансатлантическом комплексе, сопоставимым с локальной цивилизацией).

Поручиков С. И. (ТГУ, Тамбов)

Интеллектуальная миграция в государствах Юга Африки

По классификации ООН к странам Юга Африки относятся: Ботсвана, Лесото, Намибия, Южно-Африканская Республика и Свазиленд[1].

Одной из основных задач, стоящих на повестке дня перед правительствами указанных государств, является: сокращение масштабов иррегулярной миграции, поддержка легальной профессиональной мобильности и расширение трансграничного сотрудничества в целях социально-экономического развития региона.

Согласно результатам социологических опросов, проводимых в рамках Южноафриканского миграционного проекта (САМП) с целью выявления ключевых особенностей циркуляции работоспособного населения в регионе, большинство респондентов предпочитает перемещаться в места с наиболее высоким уровнем занятости, оплаты труда, гарантий карьерного роста и отсутствием политической нестабильности. В этой связи главным иммиграционным центром по праву признается ЮАР[2].

[1] Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division, 2015. URL: http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm (Дата обращения 30.01.2015)

[2] *Glennie A., Chappell L.* Show Me the Money (and Opportunity): Why Skilled People Leave Home — and Why They Sometimes Return [Электронный ресурс] // Migration Policy

Влиятельным региональным игроком является Сообщество развития стран Юга Африки (САДК), под эгидой которого на постоянной основе проводится консультативный форум по консолидации совместных действий в области южноафриканской миграции под названием «Миграционный диалог для Южной Африки» (МИДСА).

Одним из примеров деятельности форума может служить официальная встреча министров на высшем уровне в июле 2013 года в Мапуту (Мозамбик), внимание на которой, в частности, было сконцентрировано на вопросах эффективного управления и повышения качества трудовой мобильности в рамках углубления политико-экономической интеграции всех участвующих сторон[1].

При анализе проблемы использованы официальные документы САДК, САМП, форума МИДСА, данные межправительственных совещаний, а также исследовательские статьи и материалы региональной прессы.

Порхомовский В. Я. (ИЯз РАН, Москва)

О месте хауса и арабского языка в афразийском (семито-хамитском) языкознании

В настоящем докладе будет рассмотрена особая роль языка хауса и арабского языка в истории и развитии семито-хамитского сравнительно-исторического языкознания.

Язык хауса занимает исключительное место в рамках чадской ветви семито-хамитских языков. Благодаря своему демографическому и социолингвистическому статусу язык хауса всегда находился в центре внимания африканистов. При этом очень важную роль играли собственно лингвистические факторы. В языке хауса даже при поверхностном знакомстве легко обнаруживаются грамматические изоглоссы, убедительно свидетельствующие о генетических связях языка хауса с семитскими и древнеегипетским языками. Это послужило сильнейшим стимулом для дальнейших исследований в этом направлении, так что, несмотря на распространенные альтернативные интерпретации этих изоглосс (хамитская теория и др.), концепция принадлежности хауса и чадских языков в целом к афразийской семье получила признание. Очевидно, что если бы на месте хауса находился один из языков центральной ветви чадских

Institute, 2010. URL: http://www.migrationpolicy.org/article/show-me-money-and-opportunity-why-skilled-people-leave-home-and-why-they-sometimes-return (Дата обращения 30.01.2015).

[1] Southern Africa Ministers Discuss Regional Migration [Электронный ресурс] // Migration Dialogue for Southern Africa, 2015. URL: http://www.migrationdialogue.org/index.php/press/4-southern-africa-ministers-discuss-regional-migration (Дата обращения 30.01.2015).

языков, а, возможно, и любой другой чадский язык, формирование афразийского языкознания в его нынешнем виде потребовало бы значительно больше времени и усилий.

Что касается арабского языка, то здесь речь, прежде всего, идет о роли классического арабского языка в общей парадигме сравнительно-исторического семитского и семито-хамитского языкознания. На ранних этапах семитской компаративистики именно арабский язык выполнял функцию модели (или эталона) в исторических реконструкциях. Лишь на более позднем этапе удалось определить некоторые существенные инновации в арабской фонетике и грамматике благодаря включению в общий контекст сравнительной семитологии современных южноаравийских и эфиосемитских языков.

Особое внимание в докладе уделяется корневым чередованиям согласных, известным в семитских языках в целом, но особенно широко распространенным в арабском языке. Именно данные арабского языка послужили основой для разнообразных глоттогенетических построений (Майзель, Газов-Гинзберг, Муртонен, Боас и др.), не совместимых со стандартной компаративистикой.

Русских А. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отрицание в языке киньяруанда

Отрицание — это универсальная логико-грамматическая категория. В языках мира данная категория получает различное формальное выражение: морфологически-словообразовательные средства (суффиксы, префиксы, аффиксы), лексические средства (частицы, союзы, предлоги, постпозитивные слова и т. д.) и синтаксические (контекст, порядок слов).

Язык киньяруанда — официальный язык Республики Руанда. По генетической классификации он относится к языкам банту макросемьи нигер-конго. Типологически он относится к языкам агглютинативного строя с элементами флексии, которые проявляются в наличии грамматически многозначных морфем. Отрицание в языках банту может выражаться как с помощью морфем, входящих в глагольную словоформу, так и с помощью аналитических конструкций, т. е. с помощью отрицательных копул. В языке киньяруанда существуют три глагольных показателя, которые занимают разную позицию и закреплены за разными грамматическими формами. Отрицательная парадигма в этом языке обладает редуцированным набором конструкций. Так, например, происходит нейтрализация отрицательных форм императива и оптатива. С другой стороны, одной утвердительной конструкции может соответствовать несколько отрицательных, которые образуются с помощью показателей в глаголе и с помощью отрицательной частицы.

Рябова И. С. (ИЯз РАН, Москва)

Определенно-количественные и порядковые числительные в языке луганда

Самостоятельную лексико-грамматическую категорию числительных в луганда (банту, E15 (J)) образуются лишь названия чисел от одного до пяти: *-mu* ‘один’, *-biri* ‘два’, *-satu* ‘три’, *-na/-nya* ‘четыре’, *-taano* ‘пять’, имеющие собственную классную словоизменительную парадигму. Названия чисел 6–10, 60–100, 600 -1000, 6000 -10000 выражаются существительными с корнями *-kaaga, -sanvu, -naana, -enda, -kumi:* ***mu****kaaga* ‘6’, ***n****kaaga* ‘60’, ***lu****kaaga* ‘600’, ***ka****kaaga* ‘6000’ Они образуют пять словообразовательных рядов с единым для каждого ряда числительным корнем и пятью деривационными именными префиксами *mu-*, *ki-, N-/C-, lu-, ka-* классов 3, 7, 9, 11, 12, каждый из которых называет разряд числительного: *mu-* и *C-* относит корень к единицам, *ki-, N-/C-* к десяткам*, lu-* к сотням, *ka-* к тысячам: *kkumi* ‘10’ (единиц десять), *nkumi* ‘100’ (десятков десять), *lukumi* ‘1000’(сотен десять), *kakumi* ’10 000’ (тысяч десять).

В составных числительных, называющих кратные десяти числа 20–50, 200–500 (*amakumi abiri* ‘20’, букв. ‘десятки два’, *bikumi bibiri* ‘200’, букв. ‘сотни две’), элементы *amakumi* и *bikumi* опускаются, если контекст это позволяет: ‘22’ *amakumi abiri mu bbiri > abiri mu bbiri*; ‘220’ *bikumi bibiri mu amakumi abiri > bibiri mu abiri.*

Составные числительные состоят из двух и более слов, которые соединены связью умножения, если называют целые десятки, сотни и т. д.: *amakumi asatu* ‘тридцать’ [10x3], и связаны сложением, если называют разные числовые разряды: *kkumi na ttaano* ‘пятнадцать [10+5].

Значение порядкового номера, присваиваемого предметам, передается количественными числительными, когда они занимают позицию *Num* в модели *N + коннектор -a + Num.*

Саватеев А. Д. (ИнАфр РАН, Москва)

Социология религии: еще одна грань африканистики

Социология религий в Африке — одно из сущностных, по-нашему мнению, направлений в африканистике. Как правило, исследования восточных и африканских обществ предполагают комплексное использование данных в области лингвистики, истории, религиоведения, политической науки, культурологии, философских и социальных наук. Только в этом случае, т. е. при условии междисциплинарных исследований может быть достигнуто наиболее полное и всеобъемлющее понимание сути африканского общества, происходящих в нем процессов и их направленности.

Само понятие африканистика подразумевает совокупность знаний из различных отраслей науки, оперируя которыми как цельностью, можно изучать африканские народы, их цивилизационные особенности во всем их разнообразии и многоплановости. Этот синтез наук, воплощаемый в цивилизационном подходе, обладает наиболее широким и глубоким творческим потенциалом, поскольку включает в процесс научного постижения социокультурной сферы практически все направления гуманитарной мысли. Он не отвергает, но, напротив, настаивает на использовании, например, данных языковедения в исторических и социологических исследованиях, а лингвистический анализ, в свою очередь, обогащается и приобретает особый смысл, если опирается на знание исторических, этнографических реалий, учитывает социальные изменения и появление новых ожиданий в обществе.

Методология цивилизационного анализа позволяет африканистике, как и востоковедению, не без оснований претендовать на особый статус отдельной научной дисциплины. Попытка же свести африканистику, к примеру, к филологическим дисциплинам, или к этнографии, явно обедняет предмет нашего интереса, как ограничивает и познавательные возможности науки об Африке.

Свою роль в исследовании народов Африки в рамках цивилизационного подхода призвана сыграть социология религии. Во-первых, ее самостоятельность носит относительный характер — она позволяет провести анализ (хотя и отчасти формализованный) ключевой сферы общественного бытия, обретающей в последние годы во всех смыслах особое значение (исламский радикализм). Во-вторых, возрастающее влияние религии, особенно политическое, способствовало возникновению кафедр и отделений социологии религии в ряде университетов и центров африканских государств. В-третьих, появились журналы, в том числе по вопросам религий. Часть их специализируется на общей религиозной проблематике, две другие группы журналов соответственно — на христианской и исламской темах и, наконец, издания нерелигиоведческого профиля, где нередко появляются качественные материалы по религиозным вопросам.

Савельева Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Современная поэзия Эфиопии на примере творчества Белайнех Хайлю Денеке

Поэзия в Эфиопии существует с древних времен. На сегодняшний день есть лишь работы по традиционной поэзии, в то время как про современный этап развития эфиопской литературы мало что известно. В рамках данной работы освещается поэзия, созданная Белайнех Хайлю Денеке в конце XX — нач. XXI вв. Основным источником настоящей работы послужил сборник стихот-

ворений «Лепёшка» (Ынгоча) Белайнех Хайлю Денеке. Он охватывают период творчества поэта с 1992 по 2008 гг.

Творчество Белайнех Хайлю Денеке — один из примеров современной поэзии XXI века. В своих стихотворениях поэт, с одной стороны, уделяет внимание социальным проблемам (бюрократия, взяточничество), и в то же время обращается к характеру человека, подвергает критике его негативные качества. Есть и лирика, например стихотворение, посвященное матери, «Ынгоча», и «Вечереет», о взаимоотношениях близких людей. Есть также модернистские стихи, где поэт использует только образ какого-либо явления, например, возраст. Автор использует разные манеры изображения. Иногда его произведения — это простые истории без потаенного смысла, однако в его творчестве присутствуют также стихи-загадки с закодированным смыслом. В своем творчестве Белайнех Хайлю Денеке использует философский контекст. К примеру, он трактует жизнь как борьбу, пишет о смерти. Окружающий мир поэт рассматривает отнюдь не с религиозной точки зрения. Однако, религиозная символика присутствует — например, стихотворение «Молитва».

Поэзия автора представлена небольшими по размеру произведениями, Белайнех Хайлю Денеке не опирается ни на традиционную поэзию, ни на поэзию европейских стран. Стихотворения либо не имеют четкой рифмы, либо написаны верлибром.

Поэзия Белайнех Хайлю Денеке разноплановая. Можно предположить, что автор обращется к традиционным канонам, поскольку часто использует загадки. Основная задача, стоящая перед читателем, — разгадать тайный смысл, скрытый в стихотворении и дойти до истины. Но наличие стихотворений модернистского характера показывает влияние зарубежной литературы, где в основе стихотворений лежит образ, символ. Белайнех Хайлю Денеке не стремится к идеальной рифме и изобилию изобразительных средств, хотя при этом часто использует метафоры. Его стихотворения короткие и основная мысль чаще всего заключена в конце.

Саркисова-Куаме В. Ю. (Université d'Etat de Côte d'Ivoire, Абиджан)

«Хозяйка воды» Мамми Вата (Кот-д'Ивуар)

Мамми Вата (Mami Wata, Mammi Wata, Mamy Wata или же Mammi Watta) — это водяное божество, чей культ распространен в западноафриканских странах (Гана, Того, Нигерия, Камерун, Сенегал, Конго-Браззавиль, Бенин и Кот-д'Ивуар), на Карибах и в местах расселения выходцев из этих регионов в Северной и Южной Америках. Характерная особенность распространения культа богини — наличие в регионе моря или океана (соленой воды).

Мамми Вата также называют «Матерью воды» или «Хозяйкой воды», подразумевая прежде всего морскую или океаническую воду. Поклонение Мамми Вата тесно связано с культом вуду (религия, которой придан почти официальный статус в Бенине и на Гаити).

Как и многие божества, Мамми Вата двойственна — она олицетворяет собой море, которое кормит людей, живущих на его берегах, но также и разрушительную океанскую стихию, перед лицом которой люди ничтожны. Собственно, также амбивалентна и вечная спутница Мамми Вата — змея, которую богиня носит на шее в виде колье или на предплечьях в виде браслетов. Хозяйка воды — существо не только сверхестественное, но и надприродное. Она сочетает в себе три мира: животный (рыбий хвост), человеческий (верхняя часть тела) и спиритуальный (может проникать в сны и насылать лихорадку).

Западноафриканскую Мамми Вата часто отождествляют с гаитянской Симби (Simbi) и бразильской и кубинской Йеманжой (Yemanja).

Однако, в отличие от Йеманжи, Мамми Вата не дарует семейного счастья или беременности своим «дочерям». Бессмысленно и небезопасно просить этого у бездетной и безмужней Хозяйки воды. Сфера влияния западноафриканской морской богини — соблазнения и обман (измена). Не случайно в странах Западной Африки Мамми Вата является патронессой представительниц первой древнейшей профессии, и чем-то вроде «цехового» божества, которому регулярно приносятся пожертвования. Богиня тщеславна, корыстна, суетна и «слишком женщина».

Легенды о Мамми Вата множатся благодаря тому, что богиня слишком выбивается из принятых традицией поведенческих рамок для женщин. Образ Мамми Вата олицетворяет мечты и страхи современного ивуарского общества.

Семенова В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эфиопская иконография как источник по политической истории страны конца XIX — начала XX вв.

Светская картина, появившаяся в эфиопской культуре на рубеже XIX–XX вв., представляет интерес, прежде всего, с точки зрения художественного выражения некоторых политических и исторических реалий того времени. Сложился этот жанр под влиянием западноевропейской культуры, активно проникавшей в страну с открытием дипломатических миссий и торговых представительств. Появляются художники, пишущие картины исключительно на светские темы. Это были иконописцы, то есть люди, получившие церковное образование. При необходимости изобразить реально живущее лицо они были вынуждены пользоваться иконописной техникой, которая была им знакома. Первым это отметил С. Б. Чернецов, обратившейся в своем исследовании эфиопской иконографии в том числе к светской живописи Эфиопии указанного периода.

Подобные светские картины включались в росписи эфиопских церквей. Интересный материал в плане конструирования образа монарха представляет церковь Энтото Мариам, которая содержала, по свидетельствам очевидцев, изображения Менелика и раса Мэконнена. Со сменой правящей верхушки эти образы были заменены. В конце 40-х гг. XX в. роспись включала портреты Менелика, Таиту, Заудиту и Тэфэри. В религиозные сюжеты были также включены правящие на тот момент лица: Коронация Девы с сидящей императрицей Заудиту и Богоматерь с Младенцем в окружении Менелика и Таиту. Факт замены в церковной росписи правителей в зависимости от того, кто находился у власти, отмечает ряд исследователей — открывателей Абиссинии рубежа XIX–XX вв.

С этой точки зрения продуктивным выглядит использование религиоведческого и связанного с ним искусствоведческого подхода, а именно: рассмотрение особенностей иконографического канона, системы образов и способов их воплощения в эфиопской сакральной живописи.

Симонсон К. Е. (Вильнюсская худ. академия;
Литовский ин-т исследования культуры, Вильнюс)

Сквозь призму памяти: письма южно-африканского литовца фотографа Эли Вайнберга

В своем докладе я хочу представить исследование 4 писем южно-африканского фотографа Эли Вайнберга к своей подруге — художнице Эстер Лурье. Эта переписка датирована 1930–1931 г., сразу после его эмиграции в Южную Африку. Эти письма еще не были изучены, и этот доклад — первая научная презентация этого исследования.

Четыре сохранившиеся письма, написанные Эли Вайнбергом своей знакомой Эстер Лурье, хранятся в частном архиве семьи Лурье. Эти письма зафиксировали первые впечатления и переживания Вайнберга в Южной Африке. Это единственные известные ранние письма фотографа из Южной Африки в Европу. Остальные письма Вайнберга, значительно более поздние, адресованы членам Компартии и хранятся в Южно-Африканском историческом архиве. В письмах Вайнберг также посылал свои фотографии из жизни в Африке: пейзажи, городские мотивы, людей и автопортреты.

Письма Вайнберга являются ценным источником для истории как европейского, так и южно-африканского искусства. Во-первых, они сообщают немало нового о жизни автора, об истоках его социальной документальной фотографии. Во-вторых, раскрывают его политические взгляды. В-третьих, указывают на их тесную связь со взглядами эстетическими, подчеркивая, что искусство не существует само для себя. И в-четвертых, они показывают его отношение к южно-африканской и европейской культуре.

Суетина Ю. Г. (ИСАА, МГУ, Москва)

О некоторых инновациях в словообразовании хауса

В последнее время в языке хауса появился ряд неологизмов, созданных по единой модели, которая раньше не была задействована в словообразовании. В роли этой модели выступило наречие a hausance *по-хауса*, которое, впрочем, весьма редко употреблялось в языке по сравнению с конструкцией da hausa, имеющей то же значение: *на хауса, по-хауса*. В середине 70-х годов прошлого столетия появилось созданное по этой модели наречие a turance *по-английски*, однако оно не закрепилось в языке и в настоящее время не встречается.

В середине первого десятилетия нашего века в языке СМИ на хауса стало все чаще появляться выражение a hukumance *официально*, образованное от существительного hukuma *орган власти*: Shi ne karo na farko da shugaban ‘kasa ya ba da labarin nan a hukumance. *Впервые президент сообщил об этом официально*.

Вслед за этим неологизмом появились и другие, образованные по той же модели: a tarihance *исторически* <tarihi *история*, a iyalance *частно* <iyali семья, a al’adance *традиционно* <al’ada *традиция,* a diflomasiyance *дипломатически* <diflomasiya *дипломатия*, a addinance *религиозно* <addini *религия* и др. Например: Ina ganin har a addinance ma ba zai zama laifi ba in har aka gane yiwuwar yaran da za a haifa su zama masu wannan cuta. *Я думаю, что даже с точки зрения религии не будет преступлениме определить, будут ли дети, которые должны родиться, носителями этой болезни*. A birnin Geneva ana ‘ko‘karin samun mafita a diflomasiyance. *В Женеве пытаются найти выход дипломатическим путем*. По своему звучанию эти неологизмы очень похожи на второе отглагольное имя или имя состояния (Noun of State), где в том случае, если основа глагола оканчивается на –t-, это –t- палатализуется перед суффиксом –e: kwanta *ложиться* — a kwance *лежащий.* Но имя состояния может быть образовано только от глагола, тогда как эти неологизмы образованы от существительных.

Встает вопрос о выделении некоего словообразовательного форманта. Морфологический анализ показывает, что можно выделить основу al’ad-, iyal-, addin- и словообразовательный суффикс –ance.

Топорова И. Н. (ИЯз РАН, Москва)

Особенности классной системы языка мбоши (банту)

Язык *мбоши*, относящийся к языкам банту зоны С, группе *мбоши,* наряду с языками *аква, куйю (*распространен в Народной республике Конго), обладает достаточно ограниченной системой именных классов, что характерно для языков банту северо-западного ареала (в отличие от северных и северо-восточных банту, имеющих порядка 20 ИК). Система ИК *мбоши* содержит 10 классов

и один подкласс, причем, некоторые из них нуждаются в комментариях, связанных в основном с некоторыми особенностями их реализации.

Примером такого комментария является, например, ситуация с 4 классом в мбоши, которую нельзя определить однозначно. Имеющийся в нашем распоряжении материал по языку позволяет сделать некоторые наблюдения. Признаки наличия традиционного для языков банту 4 кл. прослеживаются в форме именного префикса (mi-) в нескольких лексемах. Относительно зависимых согласователей нет такой ясности. Дело в том, что зафиксированные в мбоши ЗС представлены в основном морфемой i-, которая может интерпретироваться двояко — как показатель 4 или 8 классов. Нам представляется более оправданным считать, что в случае мбоши речь идет все-таки о реализации класса 4, поскольку, во-первых, в большинстве языков банту именно 4 кл. является множественным коррелятом 3 класса, и, во-вторых, в ряде языков банту в данном классе реализуется показатель класса i-, а не mi- . В таком случае приходится допустить, что наряду с формой ИП mi- реализуется также и форма ИП с показателем i-.

Представленное описание системы Именных классов языка *мбоши* было сделано нами на основе перевода и анализа фольклорных текстов [Obenga] и списков лексем (того же автора). Мы не располагаем никакими сведениями грамматического характера данного языка. В связи с этим мы не исключаем возможности некоторой коррекции и уточнений в дальнейшем. Несмотря на все эти недостатки, предлагаемое описание представляется нам вполне корректным, а языковые данные, приведенные в нем, вполне согласуются с данными по близкородственному языку *аква*, входящему с *мбоши* в одну языковую группу языков [см.: Аксенова, Топорова, 2002; Топорова 2013].

Турьинская Х. М. (ИЭА РАН; ИнАфр РАН, Москва)

Постконфликтное урегулирование и квазифедерализм в Африке

Термины «квазифедерализм», «региональное государство» принято употреблять в тех случаях, когда унитарное, в соответствии с конституцией, государство по фактическому содержанию отношений между центром и регионами приближается к федеративному, а принципы децентрализации и деволюции законодательно оговариваются и используются на практике. Реже квазифедерализм рассматривается как федерализм по букве конституции, но как унитаризм по духу государственного устройства.

Федерализм расценивается как способ решения «национального вопроса», единственно возможный путь сохранения культурных различий и исторического статуса территориальной единицы в составе государства. Асимметричный федерализм применяется как инструмент постконфликтного урегулирования

или как средство для «умиротворения» региона и предотвращения сецессии. С этим связан негативный взгляд, который ассоциирует федерализм с сепаратизмом и дезинтеграцией государства. Правящие элиты в Африке избегают использования федеративных механизмов или применяют их вынужденно, не называя федеративными из опасений «раздавать авансы» регионам.

В докладе анализируется применение квазифедеративного дизайна, или «де факто федерализма»:

- в Южноафриканской Республике — «регионалистском» государстве, система устройства которого характеризуется как гибридная, переходная от унитарной к федеративной, либо как централизованная федерация с предусмотренными для провинций широкими правами автономии;
- в Судане, где южный регион с 1972 г. получил автономный статус, что позволяло говорить о фактическом введении федеративной модели в качестве вынужденного компромисса во взаимоотношениях центральной власти с «культурно отличительным» Южным Суданом;
- в Кении, ДРК, Камеруне, где квазифедерализм также используется как вариант постконфликтного сценария;
- в Танзании, *де юре* унитарной, *де факто* федеративной, где официальное конституционное принятие федеративной модели призвано нейтрализовать занзибарский сепаратизм, удержать регион в составе ОРТ.

Французов С. А. (ИВР РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Некоторые текстологические критерии для датировки династического трактата *Кэбра нагаст*

Составление окончательной редакции трактата «Слава царей» (*Кэбра нагаст*), в котором изложен династический миф, обосновывающий легитимность пребывания Соломонидов у власти в Эфиопском христианском государстве, принято датировать концом первой четверти XIV в. Предпринятая недавно попытка отнести его появление к VI в. н. э., представив его как апокриф, в котором нашли отражение мученичество христиан Награна в 623 г. и последующая война Аксума с Химйаром[1], не выдерживает критики.

Между тем, при внимательном текстологическом анализе трактата в нем обнаруживаются аллюзии на противоборство между царями Амда Сионом I (1314–1344) и его сыном Сайфа Арадом (1344–1371), с одной стороны, и южной (Дабра-Либаносской) монашеской конгрегацией, с другой, из-за вызывавшего недовольство царской власти чрезмерного роста монастырских земельных

[1] *Debié M.* Le Kebra Nagast éthiopien: une réponse apocryphe aux événements de Najran? // Juifs et chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècle: regards croisés sur les sources. Paris, 2010, p. 255–278.

владений. Внешне этот конфликт принял форму осуждения церковными деятелями полигамии монарха, объяснявшейся политическими соображениями. Сайфа Арада, взявшего в жену одну из супруг своего покойного отца, даже обвиняли в инцесте, хотя та не была его матерью. Составители *Кэбра нагаст* не только специально подчеркнули, что в отличии от ветхозаветного Соломона для христиан обязательна строгая моногамия[1], но и пошли на сознательное искажение текста Писания, заменив вторую часть стиха Лев. 18: 8 («Наготы жены отца твоего не открывай; это нагота отца твоего») на «ибо это — нагота матери твоей» (Ibid., S. 43, Kol. 8–10). Таким образом, следует признать, что свою нынешнюю форму текст трактата обрел лишь в середине XIV в.

Хохолькова Н. Е. (ЯрГУ, Ярославль)

История Африки — «моя история»: версия сторонника афроцентризма

Эпоха постмодерна вызвала к жизни множество теорий, целью которых было противостояние европоцентризму. Это был своего рода ответ «варваров», «дикарей» на «вызов» цивилизации.

История диалога Запад — Восток исчисляется столетиями, но взаимопонимание пока не достигнуто. По мнению Э. Саида, автора бестселлера «Ориентализм», «есть «мы» и есть «они». Это деление вполне устоялось… всем понятно, неопровержимо и самоочевидно»[2]. Со временем оно ретранслировалось на все сферы жизни и деятельности. Даже в традиционно толерантной академической среде упоминания о «нашей» и «их» культуре, философии, истории провоцируют не столько интерес, сколько отчуждение.

Афроцентризм — одно из альтернативных направлений гуманитарных знаний — инициировал изучение Африки и мира в целом с позиций африканцев. Американская разновидность афроцентризма изначально оказалась более радикальной, так как возникла и эволюционировала параллельно с активизацией борьбы за права чернокожих в США.

Афроамериканец Молефи Кете Асанте создал эксклюзивную историю Африки — «историю африканцев, рассказанную ими для самих себя»[3]. Будучи гражданином США и идентифицируя себя в полной мере как американец, он несет в массы сомнительную идею о духовной связи с Африкой, ее историей и традициями, благодаря «памяти крови». Его Африка — очевидный симулякр,

[1] Kebra Nagast: Die Herrlichkeit der Könige / Hrsg. … von C. Bezold. München, 1905, S. 22, Kol. 1.23–2.1.

[2] *Саид Э. В*. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 31.

[3] *Asante M. K*. The History of Africa: The Quest for Eternal Harmony. NY.: Routledge, 2007.P. XII.

система кодов, дешифровка которых оказалась весьма привлекательна для миллионов афроамериканцев.

Произведения М. К. Асанте представляют собой пример «славной истории», идиллический хронотоп. Созданные на основе легенд и мифов, дополненные вырванными из контекста фактами и фальсифицированными данными, они были восприняты интеллектуальной элитой и малообразованными афроамериканцами, желающими поверить в великое прошлое предков.

Цветков Э. Г. (ЯрГУ, Ярославль)

Ярославские учителя в Гане в 1960-е гг.

История тесных российско-африканских отношений началась более полувека тому назад во времена СССР и прошла через периоды подъемов и спадов. Внимание исследователей в основном привлекали вопросы военно-политического и социально-экономического характера. Формы и направления сотрудничества были различны, но проблемы образования не часто оказывались в поле зрения исследователей.

На практике вся политика помощи Африке в 1960–1980-е гг. осуществлялась силами обычных людей: тысячи советских специалистов, в том числе и учителя, ехали в длительные командировки в страны Африки. Среди них были и ярославцы, оставившие свой след в развитии отношений с Африканским континентом. По линии образования основной массив специалистов обеспечивали выпускники советских ВУЗов, в том числе ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, выпускники которого в разное время работали в странах «социалистической ориентации».

Далекие друг от друга Ярославскую область и Республику Гана связывают общие страницы истории. Сейчас не многие задумываются о существовании достаточно долгого и системно организованного партнерства, в котором Ярославский край занимал достойное место. Но полвека назад все было несколько иначе. Советский союз активно развивал отношения с африканскими странами, и Гана стала пионером этого сотрудничества.

Непосредственными участницами этих процессов были выпускницы ЯГПИ: учителя математики Рицкова Светлана Константиновна и биологии Старова Лидия Николаевна. Их воспоминания — ценный источник по истории советско-ганских отношений и политики СССР в Африке. Анализ и сравнение их интервью позволит не только осмыслить точку зрения непосредственного участника исторических событий и внутреннее понимание стоящих перед ними государственных задач, но и вписать их в общие тенденции советско-африканских отношений.

Шарова А. С. (ЯрГУ, Ярославль)

Детские рисунки догонов — попытка самоопределения или дань современности?

Страна догонов — одно из самых посещаемых туристами мест в Африке. Многое здесь привлекает иностранцев, и многое они увозят с собой в качестве сувениров. Одним из таких памятных приобретений являются детские рисунки.

Чаще всего это изображения танцоров в масках, жилищ догонов, алтарей и жертвоприношений, элементы ритуальных церемоний плато Бандиагара. Рисунки выполнены простым карандашом и маркерами на обычных тетрадных листах. Каждый «шедевр» имеет подпись маленького художника 7–12 лет. Возраст также обозначается на произведении. Все изображения сделаны исключительно мальчиками[1].

Рисунки продают сами дети, иногда целыми тетрадями, в местах наиболее популярных среди туристов, таких как деревни Сангха, Банани и Тирели, попутно предлагая свои услуги в качестве гидов.

С одной стороны, продажа рисунков детьми — способ получения денег от иностранцев, что обусловило тематику изображений. С другой — это средство самоопределения. По мнению психологов, дети растут в определённой среде и изображают то, что чувствуют и замечают вокруг[2]. Они показывают таким способом свое восприятие и понимание мира. Маски, ритуальные церемонии — то, что окружает детей догонов в повседневной жизни. Примечательно, что во время экспедиции Марселя Гриоля в 1930-е годы они рисовали машины и самолеты[3], а сейчас такие изображения уже не встретишь, только элементы традиционной культуры.

Хотя тематика детских рисунков догонов и связана отчасти с такими явлениями, как глобализация и глокализация, тем не менее для ребенка творчество — способ выражения своих мыслей и чувств, отражение той реальности, в которой он живет, поэтому и изображать он будет наиболее значимые для него объекты.

Шипилов А. Ю. (НИУ ВШЭ, Москва)

Политика Ирана в Западной Африке в контексте международного шиитского ислама

Усиление глобального шиитского ислама связано с Исламской Революцией 1979 г. в Иране, а также с военными и политическими успехами Хизбаллы,

[1] *Schildkrout E*. Drawing tradition: Dogon Children's Art in the Age of Tourism // African Arts. 2004. V. 37. №1. P. 51.

[2] *Новикова О*. «Тайный язык» детского рисунка // Мама и малыш. 2005. №5.

[3] *Griaule M*. Jeux dogons. Paris, 1938. P. 181.

однако он не ограничивается Ираном и Ливаном. Западная Африка интересна в этой связи как место проживания большой диаспоры ливанских шиитов, контролирующей местный рынок алмазов и прочих природных ресурсов. Еще это удобная перевалочная база для теневых финансовых потоков от ливанской диаспоры Южной Америки к Хизбалле и другим международным шиитским организациям. Так можно обойти последствия международных санкций, наложенных на Иран — основной легальный источник их финансирования. Самому Ирану использование теневых банковских механизмов Ливана и Западной Африки также выгодно.

Иран интересует и продвижение в регионе политических идеалов имама Хомейни, прежде всего, содействие освобождению угнетенных и пропаганда шиизма. Поэтому в Западной Африке Иран ведет активную политику в сфере образования: финансирует просветительскую деятельность посольства, культурного центра и местных отделений шиитских НКО, выделяет стипендии для обучения за рубежом. Тегеранский режим финансирует инфраструктурные проекты, особенно актуальные в связи с восстановлением стран после гражданских войн в регионе.

Также за счет ИРИ построена центральная мечеть в Фритауне и другие мечети, продвигающие идеи социального консерватизма и чистоты ислама. Проиранские НКО организуют массовые протесты против угнетения мусульман во всем мире, избегая систематического насилия и связей с глобальными джихадистами.

В целом мирное продвижение Ираном хомейнистских идеалов в Западной Африке имеет ограниченный масштаб, зато способствует экономически крайне важному теневому финансированию международного шиизма.

Шлуинский А. Б. (ИЯз РАН, Москва)

«Зависимые» показатели согласования предиката у одушевленного именного класса в языке акебу[1]

Язык акебу относится к малоизученной ветви кебу-анимере левобережной ветви семьи ква и распространен в префектурах Акебу и Вава республики Того. В докладе, на материале полевых данных, собранных в экспедициях 2012–2013 гг., будет описано нетривиальное явление, находящееся на периферии системы согласования предиката по именному классу.

В акебу представлена система из семи именных классов, каждому из которых соответствует набор портманто-показателей предиката, кумулятивно выражающих согласование по именному классу и модально-видо-временное значение (1).

[1] Работа выполнена в рамках проектов РГНФ 14–04–00488 и 15–34–01237.

Среди именных классов особое место занимает имеющий нестандартную морфологию одушевленный класс ŋʊ. Самая яркая из нетривиальных особенностей — наличие особых «зависимых» показателей согласования предиката, ср. (2). У других именных классов в контекстах «зависимых» показателей используются те же, что и в соответствующих им независимых.

(1) fūʈí-yə̂ **lā**-tɔ̀
птица-ŋʊ 3.PFV-падать
‘Птица упала.’

(2) ná-ɲìŋ̀ fūʈí-yə̂ wé **nā**-tɔ̀ wə̀
1SG. PFV-видеть птица-ŋʊ FOC DEP.3.PFV-падать SUB
‘Я видел птицу, которая упала.’

«Зависимые» показатели согласования предиката употребляются в следующих контекстах.

1. Зависимые клаузы в полипредикативных конструкциях всех трех структурных типов — относительных, обстоятельственных и актантных.

2. Сочиненные клаузы, следующие после показателя клаузального сочинения, а также клаузы, вводимые таким показателем в его дискурсивной функции.

3. Конструкции с левым выносом фокусной именной группы с показателем фокуса, в частности — с выносом несубъектного вопросительного слова (но если вопросительное слово остается in situ, «зависимые» показатели не употребляются).

4. Частно-вопросительные предложения с вопросом к субъекту, выраженному специализированным вопросительным местоимением (но в общем вопросе, выраженном интонацией, «зависимые» показатели не употребляются).

В докладе будут рассмотрены возможные основания для общности перечисленных контекстов.

Щербаков Н. Г. (ИВИ РАН, Москва)

Африка в XX веке: взгляд из прошлого. (Новейшая история Африканского континента в самом массовом российском учебнике для вузов)

Изучение Африки в нашей стране имеет давнюю и богатую традицию[1]. В последние годы в системе Высшей школы появились несколько учебных

[1] Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / Отв. ред. А. Б. Давидсон; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003.

пособий, в той или иной степени подводящих итоги развитию истории народов Африки в XX веке[1]. Преподавательская практика последних пятнадцати лет свидетельствует, что для изучения и понимания африканской истории в рамках традиционного курса «Истории стран Азии и Африки» сегодня наиболее востребован учебник, в студенческом просторечии именуемый чаще всего «учебник Родригеса»[2].

Какой же предстает африканская история XX века в наиболее массовом и распространенном учебном пособии? К сожалению, учебник сохраняет одни и те же ошибки и неточности, стилистические огрехи и опечатки при всех многочисленных переизданиях. Вероятно, это значит, что профессиональное сообщество не обратило на них серьезного внимания ни в момент первого появления, ни спустя годы. Но главный адресат этих учебных пособий — студенты разных специализаций активно их используют как в «бумажном» виде, так и в многочисленных электронных ипостасях. Тем самым указанные недостатки тиражируются, воспроизводятся в студенческих работах, год за годом усложняют работу преподавателей, вынужденных бороться с повторением примитивных, устаревших и бессмысленных положений, давно опровергнутых не только в исследованиях других авторов, но и самой жизнью. Но магическая власть написанного, изданного и переизданного в твердой обложке текста, закабаляет все новые поколения студентов. Африка остается все тем же «заповедным полем охоты за чернокожими», лишенными ума, воли, талантов уже в XX веке стараниями самопровозглашенных «африканистов».

[1] *Балезин А. С.* Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время. М.: КДУ, 2008; Емельянов А. Л. Колониальная история Африки южнее Сахары: учеб.пособие. М.: МГИМО-Университет, 2011.

[2] *Родригес А. М.* История стран Азии и Африки в Новейшее время: учебник для вузов. М.; Проспект, 2010 (последнее издание, неоднократно переиздавался с 2004 г.).

СЕКЦИЯ XI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT ORIENT

Tork Dalalyan (Mondes iranien et indien, Paris)

The Earliest King of Armenia Mentioned by Foreign Authors

Diodorus Siculus in his "*Bibliotheca historica*" mentions Armenian king Βαρζάνης in connection to his conflict with the Assyrian king Ninus [II, 1, 8–9]. This probably Scythian name (Βαρζάνης) can be etymologized by Iran. *warz- 'charm' (cf. Osset. warzən / warzun 'to love', M. Pers. warz- 'charm'). Iran. *warz- is connected with I. E. *welgh- or *werg- which is reflected in Armenian geł-j 'intense desire'. Thus the Iranian name *Wārz-āna could be a translated form of Armenian Geł-ec'ik (or, on the contrary, the last could reflect the name *Wārz-āna).

Movsēs Xorenac'i calls the Armenian legendary king Ara Geł- ec'ik (literally Ara the Beautiful) as a contemporary of Ninus and the lover of Semiramis, Ninus's wife. This royal couple is the symbol of the Assyrian might (9th c. B. C.). Semiramis, however, has typical features of the goddess Ištar.

The Urartian king Sarduri or Ištarduri I (second half of the 9th c. B. C.) seems to be a historical prototype for Barzanes of Diodorus and Ara of Xorenac'i. The cuneiform writing of the name Sarduri contains the ideogram of Ištar, so it was read also as Ištarduri and can be translated as 'Ištar-s lover'. Therefore one can suppose that the name Βαρζάνης attested by Diodorus is the second part of some lost name, like the names of Ἀριοβαρζανης, Μιθροβαρζάνης, Bagawarza, etc.

The scythian version of the name of this king might have been preserved in Achaemenid archives, which were the main sources for Ctesias (and through him for Diodorus Siculus).

Вавилина Д. А. (ИТАР ТАСС, Москва)

Исторические реалии, отраженные в вавилонской поэме о боге чумы Эрре[1]

Произведение, условно называемое «Эпосом об Эрре» (далее: ЭЭ), по своему содержанию, размеру и степени сохранности является одним из крупнейших письменных литературных памятников на аккадском языке. Поэма сохранилась в виде нескольких десятков фрагментов, датируемых VIII–VII вв. до н. э. ЭЭ состоит из пяти таблиц и содержит ок. 800 строк. В тексте произведения указан автор-составитель: некий Кабти-илани-Мардук, сын Дабиби.

В основу содержания ЭЭ, вероятно, легли некие исторические события, происходившие в Месопотамии либо в конце II, либо в I тыс. до н. э. Таблица IV текста ЭЭ посвящена описанию вражеского нашествия, в ходе которого были разрушены ряд городов Месопотамии и уничтожена значительная часть населения. В тексте подчеркивается, что в это время привычный ход жизни прервался, сообщается о политической нестабильности, отсутствии сильной царской власти. Неоднократно употребляется слово «враг», с которым связаны обрушившиеся на страну бедствия. В качестве враждебного народа, представляющего главную угрозу Вавилонии, в ЭЭ названы *сутии*. В качестве места обитания врагов (сутиев) указывается горная местность Шаршар — историческая область в Сирийской пустыне, которую отождествляют с горным массивом Джебель эль-Бишри. О том, что сутии действительно жили в этой местности, упоминает и вавилонская хроника, сообщающая об укреплении здесь крепостей после разгрома сутиев царем Вавилонии в 1333 г. до н. э. У. Ламберт[2] предложил сопоставить содержание Таблицы IV ЭЭ с историческими реалиями Вавилонии конца II тыс. до н. э., а именно с набегами на территорию Месопотамии сутийских племен в XI в. до н. э. В своем докладе автор предлагает новые подтверждения этой гипотезы.

Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Прерывность исторической памяти в восприятии правителей Месопотамии бронзового века

В клинописных источниках II–I тыс. из древней Месопотамии ясно просматриваются четыре варианта прерывности исторической памяти:

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

[2] *Lambert W. G.* Das Era-Epos by F. Gössmann (Rezension) // AfO. Bd. 18.

а) несознательное забвение (в царском списке из Лагаша есть неизвестные по надписям имена правителей, некоторые правители не упомянуты, а последовательность названных правителей не всегда указана верно);

б) сознательное забвение, намеренное вычеркивание из памяти (отсутствие Гильгамеша в надписях саргоновской династии, отсутствие Лагаша в «Царских списках» из других городов);

в) искажение в сторону более позднего времени (Гудеа в тексте из Ларсы считается современником и даже подданным Шульги; Шульги в тексте «Пророчество Шульги» предсказывает восстановление разрушенного Вавилона и переход власти к Ассирии);

г) контаминация (Энмебарагеси, рыбак Думузи).

Но при этом неизвестно искажение в сторону более раннего времени. Гудеа не может считаться современником Урукагины. Саргон в писцовой традиции может ходить в Пурусханду, как цари середины II тыс. до н. э., но в Аратту, как старошумерские цари, он не пойдет.

Кагиров И. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Акциональные классы глаголов в среднеегипетском языке

Несмотря на существование обширной литературы, посвященной среднеегипетскому глаголу, описания акциональных классов египетского языка на сегодня практически отсутствуют. В представленном докладе выделяются основные акциональные классы глаголов среднеегипетского языка и исследуется их взаимодействие с основными граммемами темпорально-аспектуального кластера.

Настоящее исследование проведено на материале египетских текстов, датируемых эпохой Среднего царства (XX–XVII вв. до н. э.); язык этих памятников традиционно называется «среднеегипетским» (СЯ).

Для выделения акциональных классов СЯ применяется подход, сформулированный в работах С. Г. Татевосова. Для СЯ в качестве основных видо-временных форм были выбраны ИМПЕРФЕКТИВ и ПУНКТИВ. В итоге:

а) для СЯ не было выявлено ни одного «слабого» акционального класса;

б) значения ПУНКТИВА легко предсказуемы: так, интуитивно понятно, что при телисизации статальные глаголы приобретают ярлык ES, процессуальные — EP, предельные — EP. Иными словами, граммема ПУНКТИВА ведет себя как универсальный акциональный рекатегоризатор (трансформатив);

в) влияние контекста на значения ИМПЕРФЕКТИВА практически незаметно.

Для расширения классификации была дополнительно проанализирована сочетаемость граммем аспекта с различными глаголами (выборка из 150 лексем). Были получены следующие результаты:

	события с результативом	события с прогрессивом
стативные <S; --->	+	-
инцептивно-стативные <S; ES>	+	-
инцептивно-стативные <S; ES>	–	+
предельные <P; ES>	– (+ пассивное значение)	–
предельные <P; ES>	– (+ пассивное значение)	+
предельные <P; ES> *непереходные*	+	+
процессуальные <P; ES>	-	+
ингрессивно-процессуальные <P; EP>	+	+
моментальные	–	-
мультипликативные <M; M>	?	?

1. Показатель ПУНКТИВА сочетается с абсолютным большинством глагольных лексем, обнаруживая практически неограниченные способности к рекатегоризации.

2. Основные аспектуальные показатели обнаруживают «естественную» для своего класса сочетаемость, так, процессуальные глаголы сочетаются с показателем прогрессива; непредельные глаголы плохо сочетаются с показателем результатива и трансформатива-пунктива; прогрессив и статив практически не встречаются вместе.

Данное исследование дает общее представление об акциональных классах глаголов в СЯ и их взаимодействии с основными видо-временными категориями, делая материал среднеегипетского языка доступным для типологии.

Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН , Санкт-Петербург)

Городские восстания в Южной Месопотамии в XXIII и XVIII вв. до н. э.[1]

История Месопотамии периода ранней древности (III — сер. II тыс. до н. э.) во многом определялась взаимодействием двух различных традиций: южной

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

(шумерской) и северной (сирийской и северо-месопотамской). Развитие государственности северной и южной части региона, занятых носителями разных культурных традиций, шло разными путями, что привело к формированию здесь двух разных вариантов управляющих структур: города-государства и территориального (регионального) государства. Два варианта политического развития севера и юга Месопотамии были, вероятно, следствием не только разных масштабов этих двух регионов, но и совершенно разных условий земледелия на естественно орошаемых полях севера по сравнению с ирригационным земледелием юга.

Попытки объединения севера и юга в единую централизованную государственную структуру на протяжении периода ранней древности предпринимались не менее трех раз: в XXIII (государство Аккада), в XXII (государство III династии Ура) и в XVIII вв. до н. э. (государство I вавилонской династии). Однако такая система организации власти не устраивала городское население и старую городскую элиту юга. Периодически происходили восстания городов, которые, отказываясь подчиняться центральной администрации и передавать в центр ресурсы, выбирали своих правителей. Эти восстания жестоко подавлялись, но как только центральная власть приходила в упадок, новые административные структуры этих государств также быстро распадались, в то время как местные городские власти заново восстанавливались, и юг возвращался к традиционной системе городов-государств.

В надписях, составленных от имени царя Самсуилуны в XVIII в. до н. э. и описывающих восстание городов юга против Вавилона, немало общих черт с надписями царей Римуша и Нарам-Сина, где излагается ход восстания городов юга против Аккада, происходившего почти на пять столетий раньше, в XXIII в. до н. э.

Корниенко Т. В. (Воронежский ГПУ, Воронеж)

К вопросу о методах и подходах в изучении культовых практик, идеологии и символических систем ранненеолитических сообществ Леванта и Северной Месопотамии

Рассматривается проблема изучения идеологии, ритуала и символических систем Леванта и Северной Месопотамии эпохи перехода от эпипалеолита к неолитическому образу жизни. Качественные психологические новообразования человека и социума в данный период его исторического развития археологически фиксируются свидетельствами различных категорий, в том числе появлением многочисленных символически оформленных объектов. В докладе

обсуждаются возможности изучения символических систем дописьменных культур, определения характеристик идеологии и действовавших концептов общественного сознания, утверждавшихся в эпоху раннего голоцена в конкретных областях зоны Благодатного полумесяца. Роль психосоциальных трансформаций рассматривается как важная часть процесса неолитизации на территории Ближнего Востока.

Предлагаемая нами методология базируется на принципах системного/контекстного, комплексного и междисциплинарного подходов в археологии; семиотического в исследованиях культуры. Помимо сравнительно-типологического и структурно-семантического анализа объектов символического содержания, привлечение стадиально-близких этнографических параллелей и мифологических универсалий, материалов палеозоологии, палеоботаники, палеоантропологии, палеоклиматологии и других данных естественных наук, а также знаний по нейропсихологии и социальной психологии помогает разобраться в особенностях организации социальных и идеологических систем; реконструировать контексты, в которых использовались символы и объекты культовых практик, в конечном счете, выделить особенности развития социально-идеологической сферы жизни населения Леванта и Северной Месопотамии на этапе неолитизации. Привлечение как можно большего круга источников с использованием адекватных методик и подходов для их изучения, последующая перепроверка полученных результатов методом верификации должны повысить вероятность объективного проведения исследований и точности в выводах.

Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фигура богини Сохмет в царских славословиях эпохи Среднего и Нового царств[1]

Среди эпитетов, описывающих ужас, внушаемый египетским царем его врагам, встречаются сравнения царя со свирепой львиноголовой богиней. Сравнения царя с гневной Сохмет, либо её присутствие рядом с царём во время сражения, характерны для царских славословий как Среднего (Лахунские гимны Сенусерту III), так и Нового царства (повествование о Кадешской битве Рамсеса II). Сходство фразеологии царских гимнов разных эпох свидетельствует о существовании древней традиции подоб-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

ных сопоставлений. Вместе с тем, анализ контекста памятников позволяет предположить, что упоминание богини Сохмет представляет собой не просто поэтическую метафору, но реалию царского культа. В докладе рассматривается ряд царских памятников разных эпох, в которых визуально или вербально актуализируется связь юноши-царя, вступающего в бой, и его матери, свирепой богини.

Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Семитские эпиграфические абецедарии II–I тыс. до н. э.[1]

До обнаружения алфавитных эпиграфических памятников (*абецедариев*) единственным древнейшим свидетельством существования в консонантном семитском письме I тыс. до н. э. алфавитного порядка были отдельные библейские поэтические тексты, формально организованные по принципу алфавитного акростиха (в кн. Псалмов, Плача Иеремии, Притч).

В XX в. был обнаружен целый ряд эпиграфических абецедариев (территория соврем. Сирии, Израиля, Ирака): из г. Угарит, включая угаритско-аккадский (XIV-XII вв. до н. э.); остракон из Избет-Серта (XII в. до н. э.); из Телль Зайта (X в. до н. э.); арамейско-аккадский из Вавилонии (датировка варьирует от VII до II в. до н. э.). Такого типа памятники, как и наличие устойчивого порядка знаков письма должны были сложиться в рамках системы обучения писцов. Зародившись в Ханаане во 2-й пол. II тыс. до н. э., она была воспринята как арамейско-еврейской, так и финикийско-греческой традициями I тыс. до н. э. Отмечается некоторая вариативность в порядке следования отдельных графем, а также различия в направлении письма и форме знаков.

Особый интерес представляют двойные абецедарии. Ряд ученых полагают, что аккадские CV-соответствия при угаритских знаках представляют собой аббревиатуры названий западносемитских графем и что угаритско-аккадский абецедарий является подтверждением протосинайской гипотезы происхождения консонантного алфавита (Cross-Lambdin 1960; Tropper 2012). Критика такой трактовки основывается на том, что, несмотря на достаточно широкое применение сокращений в месопотамской писцовой традиции, это не распространялось на силлабарии (Hallo 2004).

Согласно другой точке зрения, гласные угаритских графем в аккадско-у-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

гаритском абецедарии объясняются вокалическим компонентом египетских групп знаков «новой орфографии» (египетское силлабическое письмо, применявшееся с XV в. до н. э. для передачи иноязычных слов), к которым могли восходить угаритские знаки (Hodge 1969).

Николаев А. Н. (ВФ СПбГУ; ГЭ, Санкт-Петербург)[1]

К вопросу о датировке саркофага Пакеша из собрания Государственного Эрмитажа

Саркофаг человека по имени Пакеш состоит из внешнего (инв. № ДВ-771) и внутреннего (инв. № ДВ-770) гробов, которые поступили из Египетского музея Российской Академии наук в 1881 г. На внешнем саркофаге имеются две продолжительные надписи — жертвенные формулы — на наружной крышке по центру и на нижней по краю. Вся поверхность внутреннего саркофага от макушки до ступней заполнена различными иконографическими элементами и текстами, организованными в восемь горизонтальных регистров. Это фрагменты из глав 22, 61, 89, 100, 56 Книги Мертвых, а также изображения богини Нут (с распростертыми крыльями), богов, приводящих Пакеша на суд Осириса, мумии Пакеша с двумя богинями-плакальщицами по краям, бога Ра, плывущего на барке, фетишем Абидоса, Хором и Тотом, богинями Нейт и Селкет, Анубисом. На нижней крышке внутреннего саркофага во всю длину спины передан столб «джед».

Саркофаг кратко упоминается в пяти работах, однако датируется (X в. до н. э.) только в одной, вышедшей более 80 лет назад (Путеводитель по залам Отдела Востока. Л., 1939. С. 28). Вместе с тем, ряд признаков указывают на то, что предмет был изготовлен почти на три века позже, т. е. ок. 730 г. до н. э., в начале правления 25-й династии. Это, во-первых, примерно одинаковое по занимаемой площади соотношение изображений и текстов (в более ранние периоды преобладали изображения, в более поздние — тексты); во-вторых, наличие характерного конуса с благовониями на голове покойного и его одежда; в-третьих, имя собственное «Пакеш»; в-четвертых, еще присутствующий, но уже редуцированный фетиш Абидоса, широкое лицо, выступ вдоль спины на внутреннем гробе, постамент под ногами и ряд других.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

Редина-Томас М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Энлиль-кидинни — *šandabakku* касситского Ниппура[1]

Доклад посвящен происхождению и деятельности человека по имени Энлиль-кидинни, занимавшего должность *šandabakku* южномесопотамского города Ниппура в течение более чем 20 лет, с конца правления царя касситской династии Бурна-Буриаша II (1359–1333 гг. до н. э.) до начала правления царя Нази-Марутташа (1307–1282 гг. до н. э.). Сохранился архив, содержащий документы административной отчетности и переписку чиновников, занимавших эту должность на протяжении более чем 150 лет, подтверждающий, что пост *šandabakku* являлся самым высоким в административной иерархии города Ниппура в касситский период[2].

Среди всех чиновников, занимавших эту должность, наиболее хорошо освещена источниками деятельность Энлиль-кидинни. Он упоминается во многих документах, содержание которых связано с его непосредственными должностными обязанностями: контролем за ирригационными работами, межеванием полей, перераспределением запасов зерна. Также он фигурирует в текстах как покупатель (часто через посредников) рабов для некоего хозяйства (государственного или частного?), что встречается крайне редко в документах этого архива.

Сафронов А. В. (ФГБУН ИВ РАН, Москва)

Как на самом деле звали египтянина, владельца Кносской статуи?[3]

В 1900 г. Артуром Эвансом при раскопках Кносского дворца была найдена часть египетской статуи эпохи Среднего Царства с тремя строками иероглифического текста. Имя ее владельца, согласно общепринятому в науке мнению, читается как *Wsr*. Надпись следующая:

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

[2] *Brinkman J. A.* Materials and Studies for Kassite History. A Catalogue of Cuneiform Sources Pertaining to Specific Monarchs of the Kassite History. Chicago, 1977; *Clay A. T.* Documents from the Temple Archives of Nippur Dated in the Reigns of Cassite Kings. University of Pennsylvania Museum, Publications of the Babylonian Section. Vols. I/2, II/2. Philadelphia, 1912.

[3] Автор признателен канд. ист. наук, науч. сотруднику А. А. Ильину-Томичу, который любезно ознакомился с работой и сделал ценные замечания.

(1)

(2)

(3)

Традиционно она переводится как «(1) Почтенный, золотолитейщик, чадо нома *W3d.t* (Афродитопольского) *Wsr*, правогласный. (2) Почтенный перед великим богом, владыкой неба, золотолитейщик, чадо нома *W3d.t Wsr*, правогласный, рожденный почтенной *43.t-ḥw.t-1r.w*, правогласной»[1]. При этом группа графем в строках 1–2 трактуется как титул *wdḥw nbw* (золотолитейщик), а — как *ms W3d.t* «дитя нома *W3d.t*». Однако трактовка графемы как *wdḥw* выглядит крайне гипотетично. Кроме того, ни на одной стеле Среднего Царства перед личным именем не встречается комбинация ‘*ms* + название нома’. Для обоснования возможности подобного чтения Э. Эдель пытался привлечь два примера словосочетания ‘*ms pw n* + название нома’ из «Пророчества Неферти»[2]. Тем не менее, эта гипотеза выглядит сомнительно, поскольку в надписях на стелах и статуях Среднего Царства данная конструкция не зафиксирована.

Однако можно предложить альтернативное чтение. По мнению автора, в группе графем следует видеть имя владельца статуи *Jb-nbw*, а в последующей — указание на мать владельца по имени *Wsr-W3d.t* со стандартной транспозицией имени божества. Последнее имя крайне редкое, но все же встречается в мужском варианте на скарабее XII/XIII династии[3]. Женское аналог имени владельца статуи *Jb-nbw* встречается уже в Древнем царстве[4], его дериват *N.j-jb-nbw* — в эпоху XIII династии[5]. Таким образом, всю надпись можно перевести так: «(1) Почтенный *Jb-nbw*, рожденный *Wsr-W3d.t*, правогласный.

[1] *Edel E.* Die hieroglyphische Inschrift auf der Dioritstatuette des User aus Knossos // Studies in Egyptology presented to M. Lichtheim. Jerusalem. 1990. P. 124. Там же см. историю исследования надписи.

[2] Ibid. P. 131.

[3] *Martin G. T.* Egyptian administrative and private name seals. Oxford. 1971. P. 39, pl. 13:15. Можно было бы также предположить, что в нашем случае *Wsr-W3d.t* — мужское имя, и перевести как «чадо (человека) *Wsr-W3d.t*. Однако точных примеров эпохи Среднего Царства, когда *ms*/*ms.n* + личное имя передавало родство по мужской линии, неизвестно.

[4] *Abder-Raziq M., Kanawati N.* Mereruka and his family. Part 2: The tomb of Waatetkhethor. Oxford. 2008. P. 57, pl. 5–6.

[5] *Jacquet-Gordon H.* Karnak-Nord VIII: Le trésor de Thoutmosis Ier: Statues, stèles et blocs réutilises. Le Caire. 1999. P. 172–173.

(2) Почтенный перед великим богом, владыкой неба, *Jb-nbw*, рожденный *Wsr-W3d.t*, правогласной, которую родила почтенная *43.t-ḥw.t-1r.w*, правогласная»[1]. Если упомянутые рассуждения верны, то имя владельца Кносской статуи, более века ошибочно трактуемого как *Wsr*, следует исправить на *Jb-nbw*.

Сологубова М. В. (ВФ СПбГУ; ГЭ, Санкт-Петербург)

Изображение божеств на старовавилонских печатях[2]

Цилиндрические печати без преувеличения можно назвать самыми распространенными изобразительными памятниками древнего Ближнего Востока. Десятки тысяч печатей хранятся в музейных и частных коллекциях по всему миру. Из всего многообразия цилиндрических печатей выделяется глиптика старовавилонского периода (1894–1595 гг. до н. э.). Благодаря высокой прочности камня, который использовался в то время для изготовления цилиндров, печати этой эпохи сохранились лучше других.

Цилиндрическая печать старовавилонского времени — памятник, содержащий одновременно текст и изображение. Стандартные надписи («легенды» печатей) состояли из нескольких строк, обычно упоминающих имя владельца печати и его профессию. Встречаются надписи с именами божеств, а также легенды, где имя владельца печати дополняется формулой «слуга бога такого-то».

Изображения на многих старовавилонских печатях были стандартизированы. Они представляли сцены поклонения, в которых *адорант* (человек, обращающийся к богу) представал перед одним или несколькими божествами. Расположение фигур внутри сцены, позы и внешний облик персонажей повторялись от печати к печати. Главный бог или богиня изображались справа, в то время как второстепенные божества, божества-покровители, могли стоять позади адоранта. Фигуры главных богов обычно отличались от изображений второстепенных по ряду признаков. Им были присущи определенные атрибуты, а также характерная поза. Благодаря этому во многих случаях можно определить, какое именно божество изображено.

На примере старовавилонских печатей из собрания Государственного Эрмитажа автор доклада демонстрирует особенности иконографии некоторых богов вавилонского пантеона 1-й половины II тыс. до н. э.

[1] Упоминание двойной филиации по женской линии встречается, например, на стеле Wien AeS 95 (*Hein I., Satzinger H.* Stelen des Mittleren Reiches II. Einschliesslich der I. und II. Zwischenzeit. Mainz/Rhein. 1993. S. 25–27).

[2] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

Сущевский А. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К проблеме происхождения левантийской алфавитной системы на материале древнеегипетских источников[1]

Описание проблемы происхождения так называемого «алфавитного письма» по сей день, с точки зрения грамматологии, представляет собой контаминацию терминов. Алфавит в собственном смысле — это не вид и форма письма, а порядок букв, мнемоническая система. Отражение структур языка не имеют к этому непосредственного отношения. Предлагаемое сообщение посвящено проблеме формирования фонографии и соответствующего алфавита на примере буквы *алеф*.

В начале процесса графического преобразования, который привёл к появлению этой буквы, по мнению многих исследователей этого вопроса, находится египетская идеограмма ‘голова быка’. Согласно устойчивой научной традиции, выбор знака для передачи зап.-сем. *алефа* определялся принципом акрофонии: в рамках семитской лексики интерпретация знака соответствовала основе *’alp- («бык»), откуда функциональная семантика графемы по первому консонанту основы, то есть /’/.

Создатели *левантийского* (*ханаанского*) *письма*, используя египетскую модель морфографии, но транслируя её приёмы в среду с иным строем морфологии, получали знаки, изоморфные консонантам, так как египетская модель сегментации не учитывала гласных звуков. Знак этой модели в качестве денотата имел не фон (звук), а сегмент словоформы, изоморфный какой-либо консонантной основе. В писцовой практике такой сегмент получал лексическую интерпретацию, то есть название. Это не акрофония: здесь не лексема сокращалась до одного фона, а фон разворачивался до лексемы.

Эволюционное формирование знаков подлинной фонографии не может быть описано как непрерывный поступательный процесс. В данном случае египетская идеограмма ‘голова быка’ была преобразована в знак, отражающий сегмент словоформы, и в дальнейшем использовалась для передачи согласного звука, затем утратила свой изначальный облик, превратившись в условный росчерк, который левантийскими писцами X в. до н. э., обученными на египетский манер, был воспринят как скорописный знак ‘сидящий с пальцем у рта’, получив название *алеф* < ег. *i.n=f*.[2]

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

[2] Weidmüller W. Phoinikische Buchstaben — ägyptische Bildzeichen // *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel.* Nr. 39, 46. Frankfurt am Main, 1960).

Тантлевский И. Р. (Институт философии СПбГУ, Санкт-Петербург)

Возможные этимологии термина «ессеи» в свете религиозно-идеологических воззрений Кумранской общины

Докладчик анализирует ряд предложенных к настоящему времени этимологий загадочного термина «ессеи» (греч. Ἐσσαῖοι (вар. Ἰεσσαῖοι)/Ἐσσηνοί; наименование иудейской секты II в. до н. э. — I в. н. э.), в том числе, и выдвинутые в разные годы им самим. Полагая, что в наименовании данного религиозно-политического движения должен был отразиться существенный аспект истории, идеологии или религиозной практики его адептов (как это имело место с наименованиями других иудейских сект данной эпохи), И. Р. Тантлевский в поисках ответа рассматривает античные и раннехристианские сведения о ессеях в корреляции с данными рукописей Мертвого море об иудейской Кумранской общине (II в. до н. э. — I в. н. э.). В частности, исходя из того, что в ряде текстов Кумранской конгрегации данная религиозная община аллегорически изображает себя в качестве «нового Ишая» — духовного отца светского Мессии, «нового Давида», который, согласно ожиданиям общинников, появится в конечные дни именно в их среде благодаря их благочестивой деятельности, И. Р. Тантлевский допускает деривацию обозначения «ессеи» от имени отца царя Давида Ишай (yišay; греч. Ἰεσσαι).

С учетом того, что важнейшим отличительным аспектом учения секты «ессеев», специально выделяемым Иосифом Флавием, была доктрина о предопределении, можно допустить корреляцию обозначения Ἐσσαῖοι с арамейским понятием *ḥaš(š)ayyā'*, (pl. st. emph.), «предестинация». То есть «ессеи» — это «последователи судьбы», «фаталисты», те, кто верят в предопределение. И. Р. Тантлевский отмечает ad hoc, что эксплицитно выраженное в рукописях Кумранской общины учение о Божественном предопределении послужило важнейшим аргументом для исследователей, идентифицирующих эту конгрегацию как *ессейский* центр.

Судя по сообщениям античных авторов о «ессеях» и их египетской ветви, «терапевтах», члены этих сообществ, пренебрегая земными заботами, ориентировались на жизнь небесную. Согласно рукописям Мертвого моря, кумраниты верили в незримое присутствие небожителей в их общине во время сакральных действ, а с другой стороны, сами совершали небесные «вояжи» в экстатическом состоянии. Не исключена возможность, что в свете этого их прозывали «рефаимами (масор. огласовка)/рофеимами» (возможно, с некоторой долей иронии). Данный термин, означающий букв. «целители», в ряде западносемитских языков, в т. ч., в древнееврейском, служил, в частности, для обозначения душ почивших, а также тех, кто вступал с ними в контакт в рамках особых культовых сообществ. В переводе на арамейский язык этот термин звучал как *'asayyā'* (resp. гипотетически Ἐσσαῖοι в греч. передаче), а в переводе на греческий — «терапевты».

Юнусов М. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Античные авторы о сирийском (финикийском) островном городе Арвад

Арвад представляет собой небольшой каменистый остров, в 2,5 км от средиземноморского побережья Сирии, почти напротив современного г. Тартус. Размеры острова 800 м в длину и 500 м в ширину. По окружности длина острова в настоящее время составляет около 4000 м.

Описание острова было оставлено целым рядом греческих и латинских авторов. Город на острове был защищен не только морем и множеством рифов, но и мощными стенами, воздвигнутыми из каменных глыб, вытесанных из расположенных на побережье скал. Эти стены защищали город не только от нападений неприятеля, но и от морского прибоя, который постоянно угрожал городу затоплением.

Обращает на себя внимание разница в цифрах, когда античные авторы указывают на расстояние, отделяющее остров от материка: у Страбона это 3,7 км, в Перипле Псевдо-Скилакса — 1,5 км, у Плиния Старшего — 296 м, в *Itineraria et alia geographica* — 3 км. Э. Липински предлагает ряд конъектур, которые помогают согласовать эти цифры[1]. Таким образом, разница в расстоянии уменьшается до 300–400 м. Эти несколько сот метров в замерах расстояния от материка до острова представляются неслучайными и объясняются подъемом и снижением уровня Средиземного моря.

В настоящее время с помощью данных геофизических наук и подводной археологии было установлено, что изменения уровня воды в Средиземном море происходило и в относительно короткие промежутки времени в региональном масштабе, что, разумеется, отражалось на жизни людей, проживавших в прибрежных районах. По данным исследований Университета г. Хайфа (Израиль), в эпоху эллинизма, например, уровень моря был ощутимо ниже нынешнего (на 1,6 м). Этим же обстоятельством можно, вероятно, объяснить и разницу в оценке длины окружности острова у античных географов. Почти половина поверхности острова расположена близко к уровню моря, в то время как большое количество жилых построек находится на скалистой породе, сильно размытой приливной волной, на высоте 2–6 м над уровнем моря. Что касается условий жизни островитян, описанных античными авторами, то очевидно, они были такими же и в древности.

Якубович И. С. (РГГУ, Москва)

Киликийская Аххиява в источниках раннего железного века

Локализация топонима Аххиява в хеттских источниках позднего бронзового века продолжает оставаться предметом обсуждения, но большинство исследо-

[1] Lipiński E. *Itineraria Phoenicia*. Leuven, Paris, 2004.

вателей сходятся во мнении, что он является обозначением ахейской Греции или ее определенной части. Двадцать первый век принес нам информацию еще об одной Аххияве, расположенной в Киликии и упоминаемой в лувийских источниках постхеттского периода. По всей вероятности, данный топоним отражает проникновение в Киликию ахейских колонистов под руководством полулегендарного героя Мопса в XII-XI вв. до н. э. Значение данного региона для истории греческой цивилизации определяется, в частности тем, что здесь, вероятно, впервые имела место адаптация финикийской письменности для нужд греческих писцов.

Первоначально данный топоним был обнаружен в усеченном виде (Хиява) в лувийской версии недавно открытой билингвы из Чинекея[1]. Уже в данной работе был поставлен вопрос о сопоставлении Хиявы и Куэ, обозначения постхеттской Киликии в новоассирийских источниках. За этим последовала идентификация топонима Аххиява (без усечения) в давно известной финикийско-лувийской билингве из Каратепе[2]. В отличие от работы Текоглу и Лемэра, в целом благосклонно встреченной научным сообществом, статья Р. Орешко немедленно стала объектом оживленной и иногда чрезмерно эмоциональной дискуссии.

В своем докладе я постараюсь показать, что гипотеза Р. Орешко является в целом верной, однако в силу аргументов, несколько отличных от приведенных самим автором. В частности идентификация Аххиявы позволяет полностью избавиться от искусственного топонима *Аданава, предложенного для Киликии в традиционных изданиях лувийской версии надписей из Каратепе.

Янковский А. И. (Фонд «Александр», Санкт-Петербург)

Ученый перед лицом разбоя

Уже не первое десятилетие ближневосточная археология существует в условиях военного противостояния, которое сопровождается и отчасти финансируется нелегальной торговлей древностями. Находки, доступные на нелегальном или полулегальном рынках, лишены археологического контекста и значительная часть их информативности потеряна безвозвратно. В этой ситуации, что могут делать и что делают рядовые ученые, те, кто не может влиять на политические решения? Докладчик рассматривает три направления.

[1] Tekoğlu R., Lemaire A. 2000. La Bilingue Royale Louvito-Phénicien de Çineköy // *Comptes Rendus de L'Académie des Inscriptions 2000*. P. 961–1006.

[2] Oreshko Rostislav. The Achaean Hides Caged in Yonder Beams: The Value of Hieroglyphic Luwian Sign *429 Reconsidered and a New Light on the Cilician Ahhiyawa // *Kadmos* 52/1 (2013). P. 19–33.

1) Попытки охраны и обороны памятников на месте — охранные раскопки и защита археологических территорий от грабителей[1]. По состоянию на начало 2015 г. на юге Ирака мы вынуждены считать такую охрану памятников в целом несуществующей или неэффективной, за исключением отдельных мест (например, Вавилон, Урук, Ур). Более результативными представляются охранные раскопки, проведенные, в частности, на нескольких памятниках области Уммы в провинции Ди Кар[2].

2) Противостояние нелегальному распространению находок, сотрудничество в этой связи с правоохранительными органами. Отдельно стоит вопрос о моральной и практической допустимости аттрибутирования и публикации документов, заведомо происходящих из грабительских раскопок.

3) Специфические исследования, в которых сами факты грабежа служат отчасти источником информации, как серия исследований, сделанных Элизабет Стоун на основании космических фотографий Южного Ирака в высоком разрешении[3], или археологическая разведка области Уммы, проведенная Амиром Хамдани одновременно с его героическими усилиями по обороне памятников[4]. Исследования Стоун, в свою очередь, вызвали к жизни как детальные, так и обобщающие работы по истории региона[5].

[1] Hamdani A. Protecting and Recording our Archaeological Heritage in Southern Iraq // *Near Eastern Archaeology,* 2008/4. P. 221–230.

[2] См., в частности, Oraibi H. Gišša (Umm Al-Aqarib), Umma (Jokha), and Lagaš in the Early Dynastic III Period // *Al-Rafidan*, Vol. XXXV. Tokyo, 2014.

[3] Stone E. Patterns of Looting in Southern Iraq // *Antiquity* 82 (2008), p. 125–138.

[4] Готовится к печати.

[5] Adams R. An Interdisciplinary Overview of a Mesopotamian City and its Hinterlands // *Cuneiform Digital Library Journal* 2008/1.

СЕКЦИЯ XII.

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ: ПАМЯТИ С. Г. КЛЯШТОРНОГО (1928–2014)

EURASIAN NOMADS: IN MEMORIAM OF SERGEY KLYASHTORNIY (1928–2014)

Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вклад С. Г. Кляшторного в изучение истории Центральной Азии

С. Г. Кляшторный (1928–2014), крупнейший советский, российский востоковед, внес огромный вклад в изучение истории, культуры и письменности тюркских народов Центральной Азии. Этот вклад С. Г. Кляшторного в тюркологию, в частности, определяют:

а) серия источниковедческих статей;

б) публикация памятников древнетюркской рунической эпиграфики;

в) этнокультурная история тюркских каганатов;

г) работы исторического характера, опубликованные как в виде монографий, так и в виде отдельных статей.

За более чем полувековое служение отечественному востоковедению Сергеем Григорьевичем Кляшторным было опубликовано свыше трехсот научных работ. Особенно плодотворными были 90-е годы прошлого столетия и первое десятилетие начавшегося тысячелетия, когда он выпустил в свет серию основополагающих трудов по истории тюркских народов Евразии, древнетюркской текстологии и источниковедению. Многие из них используются как основные учебные пособия по истории и культуре Центральной Азии на Восточном факультете СПбГУ, в университетах Казахстана, Кыргызстана, на исторических факультетах Барнаульского, Омского, Оренбургского и других университетов России. Некоторые переведены и изданы в республиках СНГ и в странах зарубежного Востока и Запада (Китай, Япония, Турция, Германия и др.).

Отмечу здесь лишь некоторые из его научных достижений. Сергею Григорьевичу удалось подобрать ключ к информации, содержащейся в зашифрованной форме уже в известных источниках и доказать тождественность этнонимов *сир* (первые сведения в источниках относятся к 337–370 гг.) и *кипчак* (самый ранний случай фиксации в источниках — 742 год). Кипчак (в языке древнетюркских памятников: «неудачный», «злосчастный») представляет собой новое прозвище-оберег древних сирских племен, принятое ими после массового истребления их уйгурами и китайцами, гибели их государства и правящего рода в 646–647 гг. Объяснение принятия сирами нового имени-оберега кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления древних тюрков — представлении о неразрывной связи между существом (предметом) и его именем (названием). Новое охранительное имя должно было ввести в заблуждение преследующие племя (род, семью, человека) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Монгольские завоевания не только полностью изменили политическую карту Евразии, но также внесли определенные коррективы и в этническую карту расселения кочевых племен Восточной Европы и Азии. В начале XIII в. на степных просторах к западу от Иртыша простирались кочевья тюркоязычных кочевых племен, известных на Востоке под общим названием *кипчаков*, на Руси — *половцев*, в Центральной Европе — *команов*. Значение племен кипчаков в степи было столь велико, что всю Великую степь от Иртыша на востоке до Днестра на западе стали называть, начиная с XI в., Дешт-и Кипчак (букв.: «Кипчакская степь»; перс.), Полем половецким (на Руси), Команией (в Европе).

Таков общий контур этнической карты Дешт-и Кипчака начала XIII в., основанный на материалах средневековых западных авторов и принятый многими учеными разных стран. Однако, как показал Сергей Григорьевич в своих исследованиях последних десятилетий, отождествление кипчаков с команами и половцами, принятое средневековыми западными авторами и русскими летописцами, ошибочно. Выводы Сергея Григорьевича получили поддержку и свое дальнейшее развитие в работах ряда ведущих современных исследователей Евразийских степей.

Сергей Григорьевич открыл и ввел в научный оборот немало рунических памятников, снабдив их обстоятельными историко-филологическими комментариями; он — автор лучшей и наиболее полной на сегодня интерпретации исторических и географических известий Авесты, относящихся к территории Средней Азии; отец-основатель в России военного востоковедения. Это новое направление востоковедческой науки получило свое успешное развитие в трудах его ученика проф. А. А. Колесникова, профессионального военного с востоковедным образованием, опубликовавшего лично и в соавторстве с Сергеем Григорьевичем ряд ценных во многих отношениях книг о вкладе русских военных в изучение Центральной Азии.

Научные работы Сергея Григорьевича Кляшторного, посвященные истории Центральной Азии, продемонстрировали не только высочайшую квалификацию автора, но и стали поистине золотым фондом советского, российского востоковедения.

Синицын А. А. (СПГУП, Санкт-Петербург)

Путевка в археологию (по материалам воспоминаний С. Г. Кляшторного)

Одним из своих наставников в науке и своим первым Учителем в полевой археологии Сергей Григорьевич Кляшторный (1928–2014) считал Александра Натановича Бернштама — специалиста по археологии Центральной Азии и истории тюркских народов. А. Н. Бернштам ушел из жизни в 1956 г. в возрасте 46 лет, и «бернштамовцы» после его смерти в течении десятилетий собирались на квартире у его вдовы, вспоминали своего первого руководителя и свои «минувшие дни». В этот круг входили лица, ставшие крупными учеными-археологами и историками. Все ученики по возрасту пережили своего «шефа», сохранив память о нем и верность археологическому братству. С. Г. Кляшторный оставался последним из «птенцов гнезда Бернштама».

С Бернштамовых экспедиций все и началось, когда 19-летний Сергей Кляшторный впервые оказался в Памиро-Алайской экспедиции. В 1946/1947 уч. году он слушал лекции профессора А. Н. Бернштама на археологической кафедре ЛГУ. С. Г. вспоминал: «Я тогда был студентом второго курса восточного факультета, … представление об археологии имел самое что ни на есть книжное». Все изменилось летом 47-го, когда он попал на работы в Ферганскую долину. Здесь С. Г. познакомился с П. Н. Кожемякой, «безукоризненно владевшим методикой археологической работы того времени» (из воспоминаний С. Г.), С. С. Сорокиным, работавшим в экспедиции А. Н. Бернштама художником-чертежником. На всю жизнь С. Г. близко сошелся с Ю. А. Заднепровским, с которым они «были сокурсниками, только учились на разных факультетах». В круг его знакомств тогда вошли Г. Г. Бабанская, Т. Н. Вагнер (Заднепровская), Н. Куликова и др. практиканты-археологи из ЛГУ. И на всей экспедиции была «аура Натаныча».

В 1947 г. работы велись сначала вблизи Оша, а потом в Алайской долине. Были найдены «из по-настоящему крупного» (С. Г.) интересные комплексы скифского времени и серия подбойных могил. Два сезона подряд С. Г. работал на Памире в команде А. Н. Бернштама. Это были годы ученичества С. Г. — первые годы знакомства с практической археологией и бывалыми археологами.

Как вспоминал сам С. Г., «настоящую археологическую экспедицию я закончил в 1990 году в Монголии, но экспедиции посещал до середины 2000-х гг.».

За более чем 60-летнюю археологическую жизнь С. Г. участвовал в разных экспедициях. Но все они были *после* знаменитой Памиро-Алайской, которая ныне уже стала археологической легендой. Именно здесь, в 1947–1948 гг. будущий тюрколог С. Г. Кляшторный получил свою «путевку в археологию».

Mako Gerald (Cambridge University, UK)

Divergent Imperatives: A Comparison of Late 19th century Russian and Hungarian Scholarship on the Khazars

For 300 years, the Khazar Qaganate, formed by Turkic nomads, was the strongest empire in Eastern Europe. From a historical perspective, the main importance of the Khazars was that they shielded the region from attacks from the steppe. The *Pax Chasarica* — unintentionally — allowed the peoples of the Eastern European steppe, including the early Rus', to develop under relatively peaceful conditions.

The reason why the historiography of the Qaganate is so problematic lies in the Khazars' choice of religion: they adopted Judaism by 827 or 828 at the latest. Conversion to this earliest of the Abrahamic faiths may seem unusual in itself and in the history of nomadic conversions. Khazar Qaganate represents a unique example, being the only major group on the steppe who converts to Judaism. As a consequence, the scholarship is burdened by an extraordinary number of theories and prejudices, spiced up with ideologies in great variety. This is not only true to the 21th but to the 19th century as well.

Quantitatively, in the second half of the 19th century, Hungarian orientalists produced material on the Khazars that was second only to that of the Russian Empire. For the most part, the attitude of the scholarship in Hungary differed considerably from that in Russia, and 19th century nationalism had embraced what it thought to be the nation's nomadic heritage: not only it was not diminished, but rather it was often glorified. All this was in such striking contrast with most of the traditional Russian viewpoints, thus lends itself to a favorable comparative approach. In this paper I would like to establish the differences in the trends of scholarship in distinctively different yet somewhat interconnected cases.

Алпыспаева Г. А. (КАТУ, Астана)

К вопросу об урбанизационных процессах в среде кочевых племен Евразии

Научный интерес ученых к проблеме урбанизации кочевых обществ всегда был высок, так как города, наряду с государственностью и культурой,

выступают базовыми характеристиками любой цивилизации. Между тем, проблема урбанизации в кочевых обществах многоаспектная и дискуссионная.

Проблема специфики возникновения городов у кочевников Евразийского степного региона получила разработку в работах ряда авторов. А. М. Хазанов связывает возникновение и развитие городов у кочевников, как и в оседлых обществах, с государством. По его мнению, кочевники нуждались в городах для своего жизнеобеспечения не меньше, чем земледельческие культуры в силу неавтаркичности и специализированного характера кочевой экономики. Автор характеризует разные модели решения этой проблемы. По мнению Ж. Леграна, происхождение городов в кочевых степях и движущие факторы этого явления необходимо искать в самой логике кочевой социальной системы. Строительство города является материализацией сети отношений, на которой стоит империя. Город нужен как вводный пункт, как портал, от которого авторитет хана распространялся через социальные сети и по иерархическим линиям на всю империю. Эта функция города касается политических и экономических аспектов[1].

Анализируя истоки градостроительства у древних тюрков Ш. С. Камолиддин категорически отвергает тезис об отсутствии у них градостроительной культуры и негативном влиянии тюрков на развитие городской и земледельческой культуры. Градостроительные традиции тюрок автор относит к эпохе гуннов и более ранних племен, он актуализирует вопрос о возможном участии древних тюрок в создании древнейших протогородских цивилизаций Средней Азии[2].

Проблемы уровня урбанизированности кочевых обществ Евразийских степей изучают казахстанские ученые. Кумеков Б. Е. приводит документальные свидетельства о существовании городов у кимаков. По данным автора средневековые источники IX-XII вв. независимо друг от друга сообщают об освоении кочевниками городской культуры[3]. Документальные источники подтверждаются археологическими исследованиями средневековой урбанизации Центрального Казахстана, одного из регионов кочевой культуры кипчакских племен. Возникновение памятника городской культуры горо-

[1] *Хазанов А. М.* Кочевники и города в Евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 318–330; Легран Ж. Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 331–336.

[2] *Камолиддин Ш. С.* О градостроительной культуре у древних тюрков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 354–373.

[3] *Кумеков Б. Е.* Степная и городская культура кимеков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 102–107.

дища Бозок в верхнем Приишимье трактуется учеными как закономерный факт с позиций выгодных физико-географических условий и военно-стратегического плацдарма[1]. Особенности урбанизации кочевников Семиречья Казахстана отмечает К. М. Байпаков: «город в Казахстане выступает не только как противоположность деревне, но и вместе с деревней является противоположностью степи»[2].

Изучение исторических феноменов номадизма в контексте теории цивилизационного развития позволяет авторам выявить глубинные пласты и внутренние механизмы возникновения и развития городов как социоприродных организмов, показать специфику возникновения и особенности городской культуры кочевников, обосновать уровень урбанизированности номадных обществ.

Ананьева О. А. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Деревянные погребальные конструкции каменской культуры: классификация, динамика развития

Погребальные конструкции из дерева — важная составляющая погребального обряда. Разнообразие конструкций свидетельствует о развитии технологии деревообработки, характеризует общую историко-культурную ситуацию[3]. Несмотря на информативность материала, чётко выработанных критериев его классификации не существует.

Материал по древнейшей технологии обобщён С. А. Семёновым. Основные операции античной деревообработки рассмотрены Н. И. Сокольским. Классификацию погребальных конструкций предложил В. С. Ольховский[4]. В 2000-е гг. произведена первая экспресс-реконструкция срубной конструкции на памятнике Аржан-2. В. П. Мыльниковым предложена классификация конструкций с учётом технологии изготовления, угловых сопряжений.

Памятники каменской культуры распространены преимущественно в контактной зоне лесостепей, сконцентрированы на правом берегу р.Обь

[1] *Байпаков К. А., Хабдулина М. Г.* Средневековая урбанизация Сары-Арки: истоки формирования Астаны // Историко-политическая роль Астаны. Сб. докл. научно-практ. конференции. Астана, 2005. С. 33–46.

[2] *Байпаков К. М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алматы: Наука, 1990. 207 с.

[3] *Мыльников В. П.* Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (на примере исследования погребальных памятников). Новосибирск: Издательство Ин-та Археологии и Этнографии СО РАН, 2006. С. 3.

[4] *Ольховский В. С.* Обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991.

у с. Быстровка Новосибирской области и с. Новотроицкое Алтайского края. Полностью опубликованы три могильника.

В ходе работы проанализировано 560 погребений из могильников: Камень-2, Масляха-1, Рогозиха-1, Кирилловка-3, Новотроицкое-1, Новотроицкое-2. Большинство погребений совершены в грунтовых ямах с обкладкой по периметру могилы в один венец, с деревянным перекрытием. Способ соединения деталей обкладки в основном — беззамковый. Другим видом погребений являются погребения в грунтовой яме с надмогильной конструкцией в виде продольного, комбинированного, поперечного перекрытия. В некотором количестве погребений обкладка, перекрытие не фиксируются или отсутствуют изначально. Срубные конструкции представлены в малом количестве на материале одного могильника Локоть-4а. В шести погребениях присутствует деревянная колода с крышкой и без крышки, с продольным перекрытием на уступах и без перекрытия. В одном случае колода находится внутри обкладки, погребение имеет комбинированное перекрытие.

Аникеева О. В. (ГосНИИР, Москва)

Появление и распределение определенных типов каменных бус в раннесарматских погребениях Южного Урала

В работе по технологии изготовления определенных типов каменных бус и сравнительного анализа их распространения сделана попытка установить время появления этих типов бус в раннесарматских погребениях Южного Урала. Каменные бусы в наборах конца VI–IV вв до н. э. попадают в категорию многочисленных находок и обладают вариабельностью, так как их количество возрастает и не уступает стеклянным.

Анализ распределения каменных бус в наборах показал, что определенно можно выделить две ассоциации бус:

Каплевидные подвески, разнообразные удлиненные, эллипсоидные и «рубленые» бусы из оникса, сердолика, агата персидского происхождения, скарабеоидные бусы из сердолика с отчетливыми гранями появляются в конце VI в. до н. э. и исчезают на рубеже IV–III вв. до н. э. Каплевидные подвески быстро сменяются во времени эллипсоидными и «рублеными» бусами, которые исчезают к концу IV в. до н. э.

Сложносоставные глазчатые бусы из белого камня и горного хрусталя, мелкие кривогранные бусы из сердолика, аметиста и горного хрусталя персидского происхождения, мелкие шаровидные бусы из сердолика из Средней Азии, кривогранные бусы из хризолита и призматические восьмигранные бусы из флюорита, вероятно, появляются позднее и распространены в IV–III вв. до н. э.

Каплевидные подвески, удлиненные и рубленые бусы из агата и сердолика индийского происхождения и бусы из природных кристаллов пирита из Средней Азии присутствуют в наборах с VI по II вв. до н. э. Индийские бусы встречаются преимущественно с бусами первой ассоциации, пиритовые бусы — с бусами второй ассоциации.

Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Алтайская теория и смежные гуманитарные дисциплины

Алтайская теория как теория генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков, выступает как теория общего происхождения народов, говорящих на этих языках.

Генетическое родство алтайских языков для лингвистов ныне является доказанным и не имеет альтернатив в описании родственных связей отдельных групп алтайских языков, даже при разной степени изученности истории отдельных групп языков и наличии разных вариантов реконструкций. Изучение явных следов контактов алтайских языков между собой и контактов их отдельных групп с неалтайскими языками убедительно показывает, что трактовка алтайской общности как продукта ареальных связей языков является ошибочной.

Сходство любых этнографических материалов не дают ответа на вопрос о ранней истории этносов. Большая степень дисперсии антропологических типов всех групп народов, говорящих на алтайских языках (В. П. Алексеев, И. И. Гохман), как и данные археологии, не может свидетельствовать ни в пользу родства алтайских народов, ни против него.

Рассмотрение слов со значением «дом» в тюркских языках дает такие результаты: в словаре Э. В. Севортяна в одно гнездо включены три разных формы названия дома, восходящие к разным лексемам, но имеющие параллели в названиях жилища и его частей в большинстве алтайских языков: 1) тюрк. *eb* ‘дом’ соответствует тунг.-маньчж. *элбэк* ‘чум, покрышка чума’, 2) тюрк. *ög* ‘дом’ имеет параллель с монгольском *örügen* ‘комната’; 3) тюрк. **ju,* в производном *jurt* ‘дом, владение, земля, страна’ соотносится с тунг.-маньч. *зу:* «дом», корейск. *чип* ‘дом’, нивхск. амур. *тыф,* сахалин. *таф* ‘дом’ (< общенивх. **mun*), сюда же относится якут. *дьиэ* ‘дом’, заимствованое из тюркских языков иного (неякутского) типа.

Критика алтайской теории, озвученая в работах И. Л. Кызласова, неубедительна по многим причинам: небесспорны идентификации археологических культур с этносами, не учитывается вариантность и прогресс общеалтайской реконструкции, а тюркская реконструкция А. М. Щербака, как известно, также

не единственная и далеко не общепринятая. Как и А. М. Щербак, И. Л. Кызласов не смог ничего сказать о сепаратном этногенезе прототюрок вне алтайской семьи: бесперспективность поисков в этой сфере очевидна.

Вдовченков Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Проблема континуитета-прерывности в социальном развитии сарматского общества

Эволюция общества номадов имеет свои ограничения, обусловленные спецификой способа производства. Скудные ресурсы экстенсивного кочевого скотоводства не позволяют переходить к государству и создавать общество со сложной стратификацией. Еще один важнейший фактор, действующий на общества евразийских кочевников — постоянные миграции, которые приводят к политическим и этнокультурным трансформациям. В полной мере вышесказанное относится к сарматам. Каждые 100–150 лет новые волны номадов с востока приводили к смене власти и культуры Сарматии. Мы можем судить об этих миграциях на основании культурных изменений в погребальном обряде, смены антропологического типа, сообщений античных авторов,

фиксирующих появления новых этнонимов. Всего можно выделить пять масштабных миграций и пять последовательных этапов (приходящихся на три традиционные сарматские археологические культуры).

Каждая новая миграция приводила к политическим изменениям — как правило, новая орда одерживала верх над прежними властителями степей. Вслед за этим шел процесс этнической миксации и ассимиляции. На базе смешения местного и пришлого населения появлялась новая культура (не обязательно выделяемая археологами в отдельную археологическую культуру). Заново устанавливались отношения с оседлой периферией, система экономических и политических связей. Каждое объединение имело весьма небольшой исторически промежуток времени для развития, и с новым вторжением все начиналось сначала.

Можем ли мы говорить о цикличной модели развития, и в исторической перспективе — о «застойном» типе общества, или все же перед нами эволюционная модель на протяжении всех семи веков сарматского периода истории степей? Ряд наблюдений приводит к мысли о значительных изменениях у номадов, как по сравнению со скифским временем, так и со средневековыми тюркоязычными кочевниками. Но и на протяжении сарматского периода мы видим социальные и культурные трансформации, связанные с появлением новых видов вооружения и тактики: катафрактарной конницы, тяжелых копий, мощных гуннских луков. Они позволили вывести на новый уровень систему взаимоотношений с оседлым миром и усилить свое влияние. Также следует

обратить внимание на расширение пояса оседлых культур и увеличение их взаимодействия с сарматами в первые века нашей эры. Важную роль стало играть тамгопользование, которое актуализировало клановую идентичность и способствовало выделению аристократии.

Громов А. В., Радзюн А. Б., Казарницкий А. А.,
Учанева Е. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург),
Лазаретова Н. И. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Скифы и хунну в Сибири по данным физической антропологии

Авторами исследованы посткраниальные скелеты и черепа около 600 человек из могильников VII в. до н. э. — III в. н. э. с территории юга Сибири.

Сравнение серий методом канонического анализа по размерам длинных костей верхних и нижних конечностей показало, что мужские серии хунну отличаются от групп того же пола, принадлежащих скифскому кругу культур, размерами голени: длина большой берцовой кости в хуннских сериях в среднем меньше. У женщин, кроме указанного направления изменчивости, в хуннских группах в среднем меньше, чем в скифских, длина и массивность плечевой и бедренной костей.

При анализе краниометрических данных ожидаемо оказалось, что хуннские серии отличаются от скифских более широким черепом и лицом, ослабленной горизонтальной профилированностью и слабым выступанием носа (женщины еще и узким лбом), т. е. набором признаков, дифференцирующим монголоидов и европеоидов.

Сопоставление данных остео и краниометрии показало наличие значимой корреляции между первыми каноническими векторами обоих анализов. Т. е. усиление монголоидности достоверно связано с уменьшением размеров и массивности посткраниального скелета.

Отмечено также определенное различие между мужскими сериями тагарской культуры и скифскими сериями из Тувы. Однако мужские группы из раннетесинских склепов Минусинской котловины сходны скорее не с тагарцами, а с тувинскими скифами. Это верно как для остеометрии, так и для краниометрии. Данная тенденция в женских скифских выборках не прослеживается.

Таким образом, анализ метрических характеристик посткраниальных скелетов и черепов из скифских и хуннских могильников юга Сибири показал, что на рубеже скифской и хуннской эпох произошла смена значительной части населения этого региона. Также показана значимость остеометрических данных для сопоставления палеопопуляций разного происхождения.

Кашуба М. Т. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Первая миграционная волна ранних скифов и Среднеднестровский регион

Дискуссии относительно времени и содержания первой миграционной волны носителей раннескифского комплекса на юго-западе Восточной Европы, начатые более четверти века назад многими отечественными и зарубежными учеными, продолжаются в настоящее время. Достигнутые прорывы в исследованиях: выделение двух сменяющих друг друга «Европейских Скифий», понижение нижней хронологической границы Архаической Скифии до середины — второй половины VIII в. до н. э., выявление многокомпонентного характера этапа РСК-1, — в большей степени касались ситуации в Предкавказье, на Северном/Северо-Западном Кавказе и Днепровской лесостепи. Территории к западу, лежащие у подножья Карпат, традиционно не причислялись к базовым областям обитания ранних скифов.

В центральной зоне Среднего Днестра и Попрутье, помимо отдельных раннескифских захоронений (Ленковцы, Куконештий Векь и др.), зафиксированы изделия раннескифского облика в сравнительно ранних контекстах многослойных бытовых памятников (Рудковцы, Рудь и др.), а также раннескифские погребения в составе общих могильников с комплексами местного населения (Круглик). Имеющиеся данные показывают общую синхронность (вторая половина — конец VIII в. до н. э.) времени появления ранних скифов на юго-западе Восточной Европы. Однако степень вооруженности сообществ культурного комплекса Басарабь была достаточна для контроля своих территорий, куда входила и южная зона Среднего Поднестровья. Попав на Средний Днестр, носители раннескифского комплекса по северным путям (через северные перевалы Карпат или в обход Карпат с севера) продвигались далее в Карпатский бассейн и Среднюю Европу. Не исключен и маршрут вдоль правого берега Прута, который выводил в Подунавье и на Восточные Балканы.

Килуновская М. Е. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Роль наскального искусства в культуре кочевников Центральной Азии

С эпохи верхнего палеолита обитатели Центральной Азии создавали образы на скалах. Наскальные изображения, прежде всего, связаны с теми природными объектами и ландшафтами, где они нанесены. В наскальном искусстве отражается процесс познания «сверхприроды», которая отлична от природы и неотделима от неё.

Писаницы, включающие рисунки самых разных исторических эпох играли и продолжают играть большую роль в шаманских культах этнографических народов Центральной Азии. По-видимому, наскальные изображения связаны с культом почитания гор, имеющем свои истоки в глубокой древности.

Наскальные изображения в культовых действиях могли выполнять самую разнообразную функцию. По закону партиципации первобытные люди приписывают изображениям различные мистические силы, т. к. всякое изображение сопричастно природе, свойствам и жизни изображаемого объекта. Изображение является одновременно оригиналом, и поэтому от него можно получить то же, что и от изображаемого, а на этот субъект в свою очередь можно действовать через изображение[1].

Прежде всего, нужно отметить, что воспроизводились не конкретные животные или люди, лодки или колесницы, а сверхъестественные сущности (души, духи, божества), т. к. по законам первобытного мышления рисунок, лишенный мистического смысла, лишен всякого смысла.

Большая часть наскальных изображений Центральной Азии — это рисунки животных. Это могут быть отдельно выбитые одиночные фигуры, но чаще всего это простая совокупность фигур, связанных между собой ограниченным пространством скалы, позами, направлением движения. Здесь имеет место композиция, построенная на простой присоединительной связи. Акценты в такой композиции расставляются при помощи примитивных приемов — уменьшение или увеличение фигур (литота и гипербола) или помещение главной фигуры в центре изобразительного поля. Создается впечатление, что те, кто создавали петроглифы, стремились главным образом «назвать», обозначить то существо, к которому они обращаются.

Если принять точку зрения, что истоки шаманизма лежат в древности, может быть в бронзовом веке, то наскальные изображения можно интерпретировать по нескольким направлениям:

1) это воспроизведение духов-помощников древних служителей культа, тех кто совершал обрядовые действия;

2) это воспроизведение душ священных животных-ыдыков, посвящаемых божествам гор, рек и т. д.

Ковалев А. А. (Санкт-Петербург)

В поисках археологических свидетельств последнего похода Ли Лина (99 год до н. э.)

Подробности последнего похода западноханьского полководца Ли Лина раскрывает текст цзюани 54 «Хань шу». Отряд Ли Лина, насчитывавший пять тысяч человек, выступил на север из укреплений близ озера Цзюйянь (совр.

[1] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 96.

оз. Гашун-нур, АР Внутренняя Монголия) и после 30-дневного похода достиг гор Цзюньцзишань, где неожиданно встретился с превосходящими силами шаньюя и начал отступление, окончившееся полным разгромом китайского отряда и пленением его командира. В приказе императора от Ли Лина требовалось дойти до «реки Лунлэ, что к югу от гор Восточные Цзюньцзи». Поскольку о нарушении приказа в «Хань шу» не говорится, надо полагать, что полководец вышел к указанным горам в районе этой реки.

Китайские ученые справедливо полагают, что под горами «Восточные Цзюньцзи» подразумеваются несколько хребтов восточной части Гобийского Алтая, именуемых по монгольски «Богдын нуруу» (Их Богд, Бага Богд и Арц Богд). Единственной заметной «рекой», которую можно считать протекающей к югу от Гобийского Алтая, сегодня является конгломерат т. н. рек Цаган гол и Лэгийн гол, представляющий поток воды из многочисленных родников, текущий с северо-запада на юго-восток на протяжении не менее 100 км в районе уездных центров Баянговь и Баянлиг Баян-Хонгорского аймака. Даже в ханьскую эпоху, характеризовавшуюся большей влажностью климата, существование других рек с юга от Гобийского Алтая было практически исключено. Таким образом, Ли Лин должен был выйти в район нынешнего Баянлига, и именно оттуда начать отступление.

Как сообщает текст «Хань шу», отступающий отряд Ли Лина дошел почти что до «Чжэлучжана», то есть до той же укрепленной линии в районе озера Гашун нур, от которой начался поход. Это означает, что Ли Лин отступал строго на юг, нарушив приказ императора о продвижении далее в крепость Шоусянчэн, то есть на восток (как установлено в результате наших раскопок, ханьский Шоусянчэн находился около источников Баян булак в нынешнем Номгон сомоне Южногобийского аймака). На пути отступления от Баян-Лига до Гашун-нура Ли Лин должен был последовательно миновать три горных массива — Баян нуруу, Нэмэгт уул и, наконец, Тостын нуруу. Согласно источнику, хунну прижимали Ли Лина к горам, в результате чего его отряду пришлось по дороге три раза выдерживать неравные схватки с противником в горных теснинах. Более того, после выхода из первого горного района отряд Ли Лина попал в заросшее высокой травой болото. Отдельные островки травостоя с солеными озерцами — остатки именно такого болота — сегодня можно видеть с юго-востока от гор Баян нуруу, здесь местные жители заготавливают сено.

В ходе разведки, предпринятой нашей экспедицией по пути Ли Лина в 2011 году (экспедиция организована Санкт-Петербургским гос. музеем-институтом семьи Рерихов под эгидой Международной ассоциации монголоведения), были обнаружены несколько местонахождений бронзово-железных наконечников китайских арбалетных стрел, относящихся к концу II — началу I вв до н. э.: 1) в горах Баян нурру, 2) около горы Сумбэр уул (хр. Нэмэгт уул), 3) в горах Тостын уул. Наконечники не могли быть

Рис. 1. Реконструируемый по географическим, историческим и археологическим данным маршрут похода Ли Лина в 99 г. до н. э.

предметом обмена или торга: арбалеты были стратегическим оружием китайских войск, передавать которое варварам было запрещено под страхом смерти. Так что находки наконечников на предполагаемых местах боев Ли Лина с войсками шаньюя хунну свидетельствуют в пользу предполагаемой трассировки маршрута китайского полководца. Кроме того, близ Баянлига местными жителями был обнаружен арбалетный наконечник более раннего типа (около середины II в. до н. э.). Эта находка может быть свидетельством похода Чжао Пону, по «старому пути» которого изначально было приказано отступать Ли Лину.

Необходимо отметить, что место последнего боя Ли Лина уже пытались найти путем подобной «археологической разведки» в период династии Суй (589–619 гг.). Как сообщает в подтверждение локализации похода Ли Лина танское географическое сочинение «Юань хэ цзюнь сянь ту чжи» (цзюань 40, раздел «Цзюцюань сянь»), суйский военачальник Ян Сюань недалеко от упо-

минавшихся укреплений Чжэлучжан обнаружил «бронзовые арбалетные замки и наконечники стрел». Думаю, это было то же место в горах Тостын нуруу, где такие наконечники были зафиксированы и нашей экспедицией. Здесь же, судя по данным «Хань шу», должна была быть закопана и казна отряда печально известного полководца.

Кондорский Б. М. (Донецк, Украина)

Попытка сравнительного анализа архетипа кочевников Евразии

Основной задачей сравнительно-исторических исследований является поиск и выделение под внешне различными социальными структурами в пределах отдельных регионов того, что их объединяет на данном этапе исторического развития. Выделение того, что составляет основу данного архетипа. Здесь эта категория рассматривается как совокупность ключевых явлений и институтов, характеризующих тип социальной организации. Для примера — архетип млекопитающих представлен семью базовыми признаками.

Кочевое хозяйство теснейшим образом связано с природой. Видовой состав стад кочевников, протяженность и характер перекочевок детерминировался структурой и продуктивностью пастбищ.

Важную роль в формировании социального пространства играла престижная экономика, реципрокный характер отношений между правителем, вождями и народом. Правители выполняли функции сакральных посредников между социумом и небом, обеспечивающих покровительство потусторонних сил.

Управление кочевыми империями осуществлялось на основе родового сюзеренитета. Верховная власть принадлежала роду, а не отдельному лицу. В кочевых империях основные управленческие функции выполняла традиционная аристократия. Для этого кочевникам не нужна была отчужденная бюрократия. Руководство кочевниками в основном сводилось к распределению пастбищных земель, контролю за перекочевками, улаживанию конфликтов.

Следует отметить исключительную роль торговли в обеспечении стабильности кочевых государств, особенно на третьей стадии кочевания. Роль посредника, обеспечивающего безопасность международных торговых путей, способствовала достаточно длительному существованию империй. Проблемы с торговлей самым отрицательным образом сказывались на состоянии кочевых государств.

Появление феодальных отношений связано с феодальными революциями. Последующий потенциал развития сообществ нового типа зависел от глубины и последовательности революционного процесса. В кочевых державах феода-

лизм носил внешний характер. Их основу по-прежнему составляла племенная организация, кочевое сознание и престижная экономика.

Кукина Д. А. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Основные подходы к изучению памятников скифского времени Тувы[1]

За сравнительно недолгую историю исследования памятников скифского времени Тувы было сделано четыре периодизации и выделено, на материалах одних и тех же памятников, пять разных по названию культур. На научное восприятие археологии этого региона немалое влияние оказало сравнительно позднее относительно других сибирских территорий начало его изучения. Первые археологические изыскания были проведены только на заре двадцатого века и активно продолжены в связи с включением данной территории в состав СССР только в 1944 году. Первый период исследований (1950–1970- е гг.) характеризуется накоплением материала, созданием хронологии, первых периодизаций и определением места выделенных культур среди других археологических культур Сибири. Выводы строятся с учетом уже существовавших научных разработок, в частности касающихся исследований соседней тагарской культуры.

На втором этапе (1970–1990-е гг.) происходят новые значительные открытия. Это такие памятники как Аржан-1, Саглы-Бажи II, Алды-Бель I. В это время появляется идея А. Д. Грача [Грач, 1980] об отнесении рассматриваемых комплексов не к одной, а к двум, алды-бельской и саглынской, культурам, представляющим собой разные в этническом отношении группы людей. Эта идея явилась важной вехой в истории изучения Тувы, поскольку означала отказ от взгляда на исследуемые памятники с позиции автохтонной теории, когда фиксируемые изменения объяснялись преимущественно внутренними процессами.

Третий этап (1990 — настоящее время) знаменует выход за рамки старого спора о количестве культур, уступив место исследованию входящих в них различных компонентов. Круг проблем, образовавшийся сегодня вокруг этих памятников, становится гораздо шире, а решения научных задач представляются взаимосвязанными как друг с другом, так и с более глобальными вопросами, касающимися процессов, происходивших на значительно более широких территориях и затронувших разные культурные традиции.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ в рамках проекта 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)».

Кулешов В. С. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Серия поддельных динаров хазарского времени из Дагестана

В 2014 г. в русскоязычном сегменте интернета стали появляться объявления о продаже так называемых «динаров хашими» умаййадского типа. Объявления сопровождались фотографиями, а заинтересованным лицам предлагались различные «заключения» и «сертификаты подлинности», выпущенные коммерческими фирмами Москвы, Махачкалы и ОАЭ. В трёх «эпизодах» этой истории, ставших известными мне благодаря обратившимся за консультацией потенциальным покупателям, удалось проследить «нити происхождения» монет из Дагестана.

Что предметы, о которых идёт речь, не имеют прямого отношения не только к редчайшим умаййадским динарам, битым на «руднике повелителя верующих» (*ма'дин амир ал-му'минин*), но и к монетному производству Халифата, — полностью очевидно. Во-первых, три экземпляра, доступные по фотографиям, чеканены единственным лицевым и двумя оборотными штемпелями, имитирующими типы сторон стандартных куфических динаров 95 г. х. (2 экз., вес меньшего экземпляра неизвестен, вес второго — 4,24 г) и 123 г. х. (1 экз., вес 4,15 г). Эпиграфика в целом неплохая, но не лишённая ошибок и неточностей в начертаниях. Во-вторых, по технике изготовления (чеканка серебряных заготовок с последующей их плакировкой золотом; на фотографиях монет хорошо видны участки, где над «вспухшими»

участками патины золото облупилось) эти предметы — безусловные подделки. В-третьих, находки изготовленных таким способом подражаний и фальшивых куфических динаров и византийских солидов хорошо известны на территории исторической Хазарии — от Крыма до Дагестана.

Таким образом, документирована серия поддельных умаййадских динаров хазарского времени, сделанных в одной мастерской. Все они, несомненно, происходят из неизвестного или разрушенного археологического комплекса (клада или могильника) VIII–IX вв. Не лишним будет предположить, что этим памятником мог быть Таркинский могильник в черте Махачкалы, — по-видимому, некрополь хазарского города Самандара. Несколько десятилетий тому назад в одном из разрушенных погребений этого могильника был найден полностью аналогичный поддельный динар 114 г. х.

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Кочевники Евразийских степей и Ближнего Востока: сходство и различие

Проблема кочевничества выходит далеко за рамки одного континента, поэтому параллели между кочевниками разных регионов проводились давно. Так, например, предпринимались попытки сопоставить создание Арабского халифата и державы Чингис-хана — как двух крупнейших империй, созданных кочевниками. Однако они ограничивались внешним сходством: например, попытка найти «первопричину» создания двух империй в области «идеологии» — через сопоставление роли ислама и «тенгрианства» Чингис-хана[1].

Еще менее убедительны оказались марксистские теории о «разложении родового строя» у арабов/монголов/сельджуков/и т. п. как причине возникновения государства у кочевников. Подобное «разложение» было перманентным состоянием кочевого общества Аравии на любом этапе его истории вплоть до XX в. Исследования кочевых обществ Евразии показали, что высший уровень социальной организации кочевого общества, необходимый для обеспечения его существования, это «племя», которое обеспечивает систему сезонных перекочевок. Более высокий уровень организации с экономической точки зрения не требуется, отсюда принципиальная недолговечность кочевых объединений. Это хорошо видно и по доисламским «предгосударствам» Аравии, которые создавались лишь при поддержке оседлых соседей — Византии (Гассаниды), Ирана (Лахмиды), Йемена (Киндиты), а при утрате внешней поддержки мгновенно распадались.

[1] *Saunders J. J.* The Nomad as Empire-builder: A Comparison of the Arab and Mongol Conquests // Muslims and Mongols, Christchurch. NZ, 1977. P. 36–66.

Как показал Джозеф Флетчер[1], возникновение надплеменной системы организации было обусловлено исключительно внешними факторами: необходимостью экспроприации у оседлых соседей отсутствующих у кочевников специфических ресурсов. Кочевое общество не вполне самодостаточно, оно нуждается в продуктах земледелия (зерно) и оседлого ремесла (в т. ч. «предметы престижного потребления», необходимые для функционирования социальной системы: оружие, украшения, ткани). Обычно кочевники получали все эти ресурсы путем торговли, в пограничных районах совмещавшейся с набегами на оседлых соседей. Однако в случае столкновения с сильной империей и/или при невозможности торговли возникала необходимость объединения племен для совместной экспроприации сильного соседа (во многом благодаря инициативе С. Г. Кляшторного, на русский язык была переведена книга ученика Флэтчера — Т. Барфилда «Опасная граница»[2], где в этом ключе рассмотрены судьбы кочевых империй на границе с Китаем). Аналогичную ситуацию мы видим и в Аравии, где объединение арабских племен под руководством Мухаммада и его преемников-халифов было необходимо, чтобы экспроприировать соседние оседлые империи.

Таким образом, сходство деятельности Мухаммада и Чингиз-хана следовало бы искать в общей ситуации в регионе и проблемах, которые создатели двух государств должны были решать. Враждебная политика империи Цзинь, в том числе ее попытка взять под контроль и ограничить торговлю со степью, усугубила кризис в кочевом обществе Монголии — так же, как захват Ираном Йемена привел к аналогичным результатам в Аравии вследствие прекращения транзитной торговли через полуостров (см. с. 43 данного сборника). В результате, в обоих случаях создание единого государства стало единственно возможным путем выхода из кризиса.

Если говорить о различиях кочевников Евразийских степей и Ближнего Востока/Северной Африки, то ключевым является отношение к оседлым соседям, обусловленное спецификой степной и пустынной среды обитания. Если первые в большинстве своем жили вдали от оседлых и были с ними малознакомы, то вторые существовали в окружении земледельческих цивилизаций, а оазисы были обязательным элементом маршрутов перекочевок, отсюда — тесные связи с оседлыми. Для евразийских кочевников, наоборот, оседлый мир был незнакомым и чуждым, враждебным. Отсюда — исключительная жестокость монгольских завоеваний с десятками и сотнями тысяч жертв и полным разрушением городской и сельской инфраструктуры, и, напротив, «щадящая» политика арабских завоевателей, запретивших воинам убивать нон-комбатантов

[1] *Fletcher J.* The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS, XLVI/1 (1986). P. 11–50.

[2] *Barfield T. J.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., 1989.

и уничтожать сельскохозяйственные ресурсы (см. «наставление» халифа Абу Бакра [О. Г. Большков. История халифата. Т. II, с. 18]), что, в свою очередь, обеспечило лояльность местного населения и сделало ненужными превентивные репрессии в монгольском стиле.

Миняев С. С. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Современное состояние «гуннской проблемы»

В истории степной зоны Евразии одной из наиболее дискуссионных является проблема этнокультурного родства азиатских гуннов (сюнну) и гуннов европейских — т. н. «гуннская проблема». Для ее успешной разработки необходимо в первую очередь решить комплекс вопросов, связанных с историей сюнну. Принципиальной для разработки затронутой проблемы является трактовка исторической судьбы сюннуского племенного объединения. От решения этого вопроса зависит подход к европейским аспектам гуннской проблемы

Общеизвестно, что междоусобицы и природные факторы привели в I в. до н. э. — I в. н. э. к ослаблению сюнну и расколу возглавляемого ими объединения на «южных» и «северных». Учитывая полиэтничность сюннуского объединения, можно предполагать, что раскол произошел именно по этническому признаку. «Южные», основу которых составляли племена, подчинившиеся ранее сюнну, признали власть Хань и продолжали кочевать на северных границах империи. «Северные» пытались сохранить самостоятельность, но потерпели ряд поражений и распались на несколько группировок.

Эти события рассматриваются иногда как уход части сюнну за пределы Центральной Азии, что привело в итоге к «великому переселению народов». Такое мнение основано на произвольной интерпретации сведений письменных источников, где в действительности нет подобных указаний. После крупного поражения от сяньби в 93 г. н. э., сюнну принимают их племенное название и остаются в Центральной Азии. С этого момента, как отмечено в «Хоуханьшу», началось усиление сяньби.

Археологический материал подтверждает сведения письменных источников. Раскопки крупных могильников эпохи сяньби (Сичагоу, Лаохэшен, Ламадунь) показывают наличие признаков сюннуского культурного комплекса как в погребальном обряде, так и в инвентаре. В то же время какие-либо следы миграции сюнну в европейские степи отсутствуют. Совокупность данных показывает, что судьба сюнну после распада их объединения связана с Центральной Азией. Ранняя история европейских гуннов должна рассматриваться как отдельная проблема, прямо не связанная с восточным ареалом степей.

Насилов Д. М. (ИСАА МГУ, Москва)

Эпоха Махмуда Кашгарского в трудах С. Г. Кляшторного

Караханидской эпохе у С. Г. Кляшторного посвящены две очень важные работы — «Эпоха „Кутадгу билиг“» (1970) и «Эпоха Махмуда Кашгарского» (1972), в которых комплексно охарактеризована политическая и культурная ситуация в Центральной и Средней Азии в IX–XII вв. Говоря о месте двух монументальных памятников той эпохи — «Диване тюркских языков» Махмуда Кашгарского и дидактической поэме «Кутадгу билиг», в культурной жизни Караханидов, С. Г. Кляшторный много внимания уделил описанию языковой ситуации в рассматриваемом регионе и особенностях сложения тюркского литературного языка нового мусульманского государства.

Обращение к детальному лингвистическому анализу материала «Дивана» позволяет показать, насколько был точен историк в интерпретации сложных этноязыковых процессов в государстве Караханидов. Тюркско-арабский словарь Махмуда во многом перерастает рамки переводного двуязычного словаря. На его основе вполне выстраивается грамматика языка тюрок Караханидского периода, причем не только как формальный перечень морфологических показателей, но и с семантическими пояснениями, данными самим Махмудом. Но особо велика значимость этого труда в описании племенной структуры тюркского сообщества.

Прежде всего, следует согласиться с выводом С. Г. Кляшторного о том, что «чигили и ягма, а также одно их тюргешских племен – тухси – и остатки орхонских тюрок вошли в карлукский племенной союз и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна». Язык этих племен нашел отражение в письменных текстах. Другую составляющую литературного языка Караханидов представлял литературный язык религиозных текстов, распространенный в оазисах Восточного Туркестана еще до массового прихода карлуков. Он сохранился в памятниках буддийского, манихейского и христианского содержания.

Итак, можно говорить о двух основах литературных языков — уйгуро-карлукской и огузо-кыпчакской, которые в той или иной степени находили отражение в текстах караханидской эпохи и линия которых отчетливо прослеживается в памятниках последующих периодов, в частности XIV–XVI вв.

Панкова С. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Шелковые ткани из Оглахтинского могильника

В погребениях Оглахтинского могильника в Минусинской котловине найдены фрагменты полихромного и гладкого шелка, изготовленного в Китае

в первые века новой эры. Материалы из раскопок Л. Р. Кызласова 1969 г. хранятся в Государственном Эрмитаже, где эти ткани — в основном небольшие фрагменты — изучаются с точки зрения их технологии, контекста в погребениях и имеющихся аналогий.

Полихромные шелка периода Восточная Хань не сохранились на территории собственно Китая, где они производились, и основная информация об этих материалах происходит из памятников Восточного Туркестана, Сирии и Южной Сибири, где ткани сохранились благодаря особым благоприятным условиям. В отличие от элитных погребений Ноин-Улы, где крупные фрагменты шелка и сшитая из него одежда рассматриваются в качестве подношений шаньюям, проникновение шелка в Минусинскую котловину явно происходило как-то иначе. Определение конкретных источников оглахтинского шелка и способов его попадания в Южную Сибирь, характер использования шелковых тканей местным населением, возможность датировки Оглахтинских погребений по шелковым импортам — вот основные вопросы «шелковой проблематики» Минусинской котловины первой половины I тыс. н. э.

Наибольшее число аналогий оглахтинскому полихромному шелку происходит из памятников в районе Лоуланя на востоке Таримского бассейна. Совпадение целой серии тканых орнаментов позволяет предполагать, что попадание таких тканей к населению Минусинской котловины не было разрозненным и случайным, а имело вполне определенный источник. О том же свидетельствуют и некоторые технологические особенности, выявленные при изучении оглахтинского шелка.

Поляков А. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Появление элементов кочевнических традиций в эпоху поздней бронзы (на примере материалов карасукской культуры Среднего Енисея)

Формирование кочевого образа жизни на территории Южной Сибири фиксируется начиная с предскифского времени. Этот процесс можно проследить на примере современной относительной хронологии карасукских древностей[1]. Ключевым элементом нового хозяйственного уклада является верховое использование лошади. На самом раннем (I) этапе карасукской культуры она рассматривалась как пища и, вероятно, тягловое животное. Известно свыше 70 случаев, когда в ранних карасукских могилах в качестве сопроводительной пищи было положено мясо лошади.

[1] *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 33–55.

В дальнейшем в материалах II этапа фиксируется внешний культурный импульс, постепенно, но кардинально трансформирующий все грани культуры. Именно в этот момент в погребения перестают класть мясо лошади, а на памятниках (Торгажак, Каменный Лог I, Устинкино, Бырганов IV) начинают встречаться роговые или костяные псалии с тремя отверстиями, что является главным признаком использования коня под верх. Такое сочетание позволяет предположить, что произошел коренной перелом в восприятии роли лошади в жизни человека.

Начинают проявляться и другие признаки, которые свидетельствуют об изменении образа жизни и методов хозяйствования населения. Могильники ранних этапов карасукской культуры (I и II) очень обширны, насчитывают до нескольких тысяч курганов и всегда расположены вблизи крупных водных артерий. Поздние погребальные памятники (III и IV этапы) состоят обычно из нескольких десятков курганов. Они гораздо более многочисленны и значительно шире распространены. Небольшие могильники разбросаны по всей степи и зачастую привязаны к родникам или ручьям. То есть можно предположить переход от крупных статичных коллективов к небольшим группам, обладающим большой мобильностью. Можно полагать, что такой резкий переход как раз и связан, в первую очередь, с освоением верховой езды на лошади.

Рукавишникова И. В. (ИА РАН, Москва)

К вопросу о скифских железных мечах с золотым декором в зверином стиле в евразийской традиции оружия ранних кочевников (на материалах лесостепной Скифии и Среднего Дона)[1]

Для скифского времени характерна категория парадно-ритуального оружия, появление которой было связано как с развитием кочевого общества, его вооружения и металлообработки, так и с определенным мировоззрением.

В рамках исследования были рассмотрены:

- технология производства парадно-ритуального оружия в разные периоды скифского времени;
- место производства данного типа оружия в разные периоды данной эпохи;
- взаимосвязь декора подобных изделий в зверином стиле и технологических приемов его изготовления;
- вопрос преемственности в технике исполнения декора на широкой территории Евразийских степей.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13–01–00318 «Оружие скифского типа у древних народов Восточной Европы (по материалам из собрания ГИМ)».

В работе автор исходит из того, что на протяжении всего периода существования парадно-ритуального оружия в среде ранних кочевников технология его изготовления в сочетании с видами рельефного изображения звериных образов достаточно проста в своих приемах и не отличается разнообразием. Это косвенно подтверждает возможность изготовления подобных изделий в условиях отсутствия стационарных мастерских, тем более, что ритуально значимый зооморфный декор соответствовал местному варианту звериного стиля. Если рассматривать весь ареал встречаемости подобных предметов, то становится понятно, что они происходят из разных «мастерских», но традиции их изготовления во многом схожи.

Тип украшения парадного меча золотой фольгой с прочеканенными образами остается главенствующим для оформления железных парадно-ритуальных мечей с раннескифского времени и до скифских древностей V–IV вв. до н. э.

При проведении исследования, за основу взяты материалы Европейской России, где территория среднего течения Дона является зоной местной традиции металлообработки. Для сравнения привлекаются клинки азиатской части степного пояса VII–III вв. до н. э. с иной традицией декора.

Савинов Д. Г. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиционная культура раннесредневековых кочевников (по свидетельству древнетюркских надписей-эпитафий)

Памятники древнетюркской рунической письменности являются не только важнейшими источниками по истории раннесредневековых государств Центральной Азии, но и содержат многочисленные данные для изучения культуры кочевых обществ. В этом качестве они уже рассматривались С. Г. Кляшторным с точки зрения содержащихся в них мифологических и эпических сюжетов, представлений древних тюрков о пространстве и времени, реконструкции древнетюркской религии и пр. В русле этого направления, заложенного С. Г. Кляшторным, можно рассмотреть и свидетельства, которые касаются традиционной (палеоэтнографической), а не социально-ранжированной (династийной) культуры. По своему содержанию они делятся на несколько блоков или «тем».

Тема 1. Биография и прижизненная деятельность героя. Большинство из подобных надписей содержат биографические сведения и поэтому могут рассматриваться не только как эпитафии, но и как исповеди людей, от имени которых они были написаны. Особенно выделяется тема воинской доблести и установки победных камней-балбалов, которые, согласно исследованию С. Г. Кляшторного, являются обозначением погребального дара, в том числе символизирующих и силу убитого врага.

Тема 2. Реалии и ценности окружающего мира. Сюда входят сведения о составе воинской дружины (сподвижниках), количество захваченной добычи,

знаках социального престижа и воинской доблести (пояс и знамя), данные о хозяйственной деятельности (отгонное скотоводство, земледелие, облавные охоты), а также указания о добычи полезных ископаемых, строительстве оборонительных сооружений и др.

Тема 3. Обряды «перехода» и знаковые обозначения культуры. Это постоянно повторяющийся мотив «печали» по поводу ухода из жизни героя и сожаление о том, чем он «не насладился», упоминание об изготовлении заместителя умершего, составе сопроводительного инвентаря (изделиях из драгоценных металлов, сосудах), а также сопроводительном захоронении «скакуна».

Некоторые из приведенных сведений (установка рядов камней-балбалов, значение поясных наборов и сосудов в погребальном обряде, сопроводительное захоронение коня) имеют несомненное подтверждение в археологических материалах. В целом, модель традиционной культуры, которую можно восстановить по данным рунических надписей-эпитафий, сближается с этнографической культурой скотоводческих народов Саяно-Алтая, но выглядит более жесткой, насыщенной и архаичной.

Семенов В. А.(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Проблемы кочевого скотоводства степной Евразии

Проблема возникновения скотоводства была поставлена еще при существовании ГАИМК в 30-х годах прошлого века. Этой проблемой занималась небольшая группа исследователей: М. И. Артамонов, В. В. Гольмстен, М. П. Грязнов и Г. П. Сосновский. Эта группа установила на основании археологических материалов, что в степях Евразии до кочевников в бронзовом веке господствовало оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство[1]. Это касалось срубно-андроновских племен и частично «катакомбников». Затем племенная верхушка перешла к кочеванию, а остальные так и остались пахарями.

Расширение круга археологических источников, открытие крупных кочевнических культур в Центральной Азии не соответствует выводам марксистских ученых о сменах экономических формаций. Безусловно, скотоводы-кочевники могли засевать небольшие пригодные для земледелия участки, но это отнюдь не значит, что эта деятельность играла существенную роль в их жизнеобеспечении. Кроме того само по себе кочевание имеет в разных регионах степной Евразии совершенно неодинаковые масштабы. На территории современного Казахстана перекочевки в зависимости от поголовья скота могут охватывать сотни километров, в горностепных районах существовало

[1] *Клейн Л. С.* Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурное единство. Кемерово, 1980. С. 30–36.

так называемое вертикальное кочевание в пределах нескольких десятком километров[1].

Безусловно кочевое население опиралось на оседлые поселения, которые наряду с культивированием бахчевых культур и злаков были также центрами металопроизводства и т. п. Но эти отношения складывались по-разному и не всегда носили мирный характер.

Синицын А. А. (СПГУП, Санкт-Петербург)

«Азиатские рожи» номадов: замечания к образу причерноморских скифов в классической греческой иконографии

В нескольких тезисах выскажу соображения об изображении «косматых скифов» в иконографии в связи с восприятием греками облика причерноморских варваров в позднеархаическую и классическую эпохи.

Образ длинноволосых скифов запечатлен на многих памятниках с изображением бытовых и мифологических сцен: рельефные фигуры на сосудах, пекторалях, гребнях, обкладках горитов, пряжках, монетах и проч. Этих примеров легион и они общеизвестны.

Эллинские художники представляли соседей-скифов с шевелюрой до плеч, на некоторых рельефах у фигур «варваров» волосы ниспадают за спину или выбиваются из-под головных уборов — островерхих колпаков или башлыков. Художественные образы, стилизованные *à la grecque*, с уложенными волосами, линии прядей раздельные, обычно четко прорисованные; локоны имеют различную форму: они переданы прямыми или ленточными и спиральными линиями[2].

В аттической вазописи VI–V вв. до н. э. был устойчив образ «скифоидных лучников». Большинство изображений «варваров» на вазах – это бородатые воины в пестрых одеждах и «скифском» колпаке, также с выбивающимися из-под него длинными волосами. Но в «скифоидном» образе на афинских вазах содержится что-то комичное, экзотичное, но отнюдь не свирепое и дикое.

---

[1] *Длужневская Г. В., Семенов В. А*. Окружающая среда и хозяйственно-культурные особенности южной части Саянского каньона р. Енисей // Особенности географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 87–89.

[2] В статье «Ношение волос и бороды у скифов» Рената Ролле поместила прорисовки типовых изображений мужских и женских скифских причесок с античных рельефов – своего рода «модельные стрижки» (*Fassonschnitte*): Rolle R. Haar- und Barttracht der Skythen // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine / Hrsg. von R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel. Schleswig, 1991. S. 115–126.

Иконографические «варвары» обыкновенно «причесаны» и привлекательны, их облик не вызывает у зрителя отвращения или ужаса. Вероятно, облик «варваров», запечатленный античными мастерами классической эпохи, соответствовал общему восприятию чужаков эллинской аудиторией.

По-видимому, греческие художники руководствовались возросшим спросом на восточную экзотику. Изображения чужаков на памятниках классического искусства свидетельствуют отчасти о художественном вкусе мастеров, но они отражают общее восприятие «варваров».

Иного рода описание «азиатских рож» номадов мы встречаем позднее в античной литературной традиции, где определение «косматый» характеризует дикаря-варвара. Указание на «стрижку по-скифски» становится топосом характеристики внешнего вида, противного взору европейца, и *coma longa* «варваров» вызывают отвращение «цивилизованных» греков и римлян.

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Монгольские законы XVII–XVIII веков как источник для изучения социально-политической организации монголов

Период XVII–XVIII веков характеризуется кардинальными изменениями как в монгольском мире, так и в соседнем Китае, поскольку рядом с возрождающейся политической ролью монголов в регионе появляется новый фактор, изменивший политическую карту — маньчжуры. Соответственно, изменяется и социально-политическая организация монгольского общества, как вызванная внутренними потребностями, так и под влиянием внешних обстоятельств.

Реконструкция исторического контекста историками-монголоведами основывается на интерпретации терминов социально-политической структуры. Важнейшими источниками сведений о реальной политической структуре и социальной организации монгольского общества рассматриваемого периода могут служить и сборники законов, которые находятся в нашем распоряжении.

Прежде всего стоит назвать *Их цааз* (*Великий закон*) 1640 г., где моделируются границы общемонгольской идентичности тем, что отмечается, что этот сборник законов был принят «князьями сорока и четырех», как обозначали себя в то время монголы (40) и ойраты (4). Кроме того известны два сборника законов, составленных в Халхе: *Восемнадцать степных законов* и *Халха Джирум*.

Стоит обратить внимание на то, что наименование какого-либо закона (сборника постановлений, принятых собранием монгольских князей и чиновников) как «Великий закон» (*Их цааз — Yeke čaaja*) совсем не обозначало его исключительности. Нам известно несколько достаточно объемных

законодательных текстов, датированных разными годами и имеющих это название: «Великий закон» (Их цааз — Yeke čaaja) года обезьяны (1620), зайца (1639). Если *Восемнадцать степных законов* были приняты в период самостоятельности Халхи, отдельные части которой консолидировались разными составами (четыре, шесть или семь хошунов), то *Халха Джирум* отражают социально-политическую реальность периода, когда Халха уже является частью Цинской империи.

Анализ монгольских законов, составленных в разных частях монгольского мира, показывает как многообразие терминов, обозначавших таксоны разных уровней социальной структуры и политической организации монгольского общества рассматриваемого периода, так и вариативность их интерпретации исследователями.

Смирнов Н. Ю. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Пылающее золото скифов: от ордалий к стратификации

«Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало».
Herod., IV. *5*.

«По рассказам скифов, народ их — моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший — Колаксаис. *В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша.* Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему» (Herod., IV. *5*).

Разработанная Ж. Дюмезилем, Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским система трёхчленной стратификации скифского общества, основанная на анализе вышеприведенной скифской генеалогической легенды об упавших с неба золотых предметах, может быть подкреплена и дополнена параллелями, обнаруживающимися в категориальной системе древнеиндийских ордалий.

Параллелью общего характера является *ордалия огнём* (раскалённым металлом), соответствующая попытке сыновей Таргитая овладеть тремя (плуг и ярмо — семантически одно целое) пылающими золотыми предметами. А в частных случаях — это соответствие трём категориям «инвентаря» (*resp.*

трём стратам скифского общества) трёх видов древнеиндийских ордалий: *ордалии раскалённым лемехом*, *ордалии раскалённым топором* и *ордалии священной водой*.

Клятва «*царскими Гестиями*» в трактовке Д. С. Раевского (т. е. золотыми *ярмом и плугом*, *секирой* и *чашей*) в своих составных частях соответствует делению древнеиндийских клятв (*resp.* ордалий), исходя из кастового принципа, на клятвы *коровами*, *зерном* для вайшьи, *оружием* (и колесницей) для кшатрия и *истиной* для брахмана.

Соколов А. В. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

О признаках скотоводства в горных районах аридной Азии

На западе Внутренней Азии и в ее горном обрамлении (Тянь-Шань, Алтай, Саяны, Кунь-Лунь, Бэй-Шань, Нань-Шань, Хангай) доминирует горный эколого-географический тип скотоводства, где важнейшей составляющей является вертикальная поясность гор. Она определяет многопрофильный производственный цикл номадов с выраженной сезонно-ярусной («многоэтажной») организацией хозяйства и занятий (скотоводство, рыболовство, охота, земледелие и т. д.). Их соотношение и значимость изменчивы в пределах кратких расстояний, но в каждом случае они являются составной частью (а не факультативным дополнением!) номадизма отдельных горных стран или даже их областей при некоем общем для всех номадов региона наборе базовых черт (тип жилища, утварь, питание, выпасаемые животные и т. д.).

Особенности хозяйственной организации горных номадов этнографического времени нашли свое отражение также и в их погребальном обряде, который представляет собой спроецированные на объект (погребение, кладбище и т. д.) данные о задействованных в процессе жизнедеятельности географических нишах и производственных цепочках, в том числе через овеществление и качественно-количественное проявление ресурсов и свойств природной среды. Обряд содержит, с одной стороны, типичные и хорошо известные в евразийских степях предметы и атрибуты скотоводческой жизни, а с другой — элементы, отражающие род занятий, возникших в горах, и в частности, в тех или иных их типах и вариантах высотной поясности (а также элементы, воспринятые от соседей и/или унаследованные в ходе этногенеза, миграций и т. д.).

Анализ археологических материалов скифо-сарматского времени позволяет говорить, что во многом сходная ситуация наблюдается и в курганах ранних кочевников данного региона. Там выделяются признаки культур, близкие в своем распределении как к общим, (в том числе, зонально-широтным), так и к специфическим местным, а равно — временным, отражающим историко-географические этапы хозяйственно-культурной обстановки в регионе.

Стеганцева В. Я. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Один из аспектов заселения южнорусских степей в эпоху ранней и средней бронзы

Памятники ранней и средней бронзы в южнорусских степях представлены в основном курганными погребениями. Погребения ямной культуры сменялись катакомбными. Это подтверждается данными стратиграфии, всегда катакомбное погребение совершено после ямного, иногда прорезая последнее, случаи обратной стратиграфии неизвестны.

Устройство катакомбного сооружения резко отличалось от ямного, причем у наиболее ранних сооружений были тщательно проработаны детали: соблюдалась вертикальность стен, прямые углы, плоский потолок камеры, стены были обработаны узким желобчатым орудием, на предвходовой стене иногда находились резные изображения. Это в целом дало возможность увидеть сходство раннекатакомбного сооружения с дольменным и предполагать, что подобные сооружения пришли с северо-западного Кавказа[1].

При этом погребальный обряд в ранних катакомбах имел определенные черты сходства с ямным. Это дало возможность считать, что контакты представителей ямной и катакомбной культур были мирными.

Однако среди множества погребений обеих культур нам известны такие, в которых погребенные были снабжены различными предметами вооружения. Среди них — оружие ближнего (топоры и булавы) и дальнего боя (луки, стрелы, копья и дротики)[2].

В некоторых ямных и катакомбных погребениях наконечники стрел найдены в костях покойного и явились причиной его смерти[3]. Таких почти половина из учтенных со стрелами. Есть случаи, когда погребенный был убит двумя стрелами. Убитые находятся в восточной части ареала в более ранних погребениях; в западной, занятой ингульской КК, и в более поздних комплексах. Контакты представителей этих культур не всегда были мирными.

---

[1] *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов. Донецк, 1979. С. 49–50. *Стеганцева В. Я.* Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. Вып. № 5. СПб., 2010. С. 123–136.

[2] *Братченко С. Н.* Лук та стріли епохи енеоліту-бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. Київ. С. 70–82. Стеганцева В. Я. Военное дело в эпоху ранней и средней бронзы на Юге Восточной Европы // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции. СПб., 1998. С. 52–57.

[3] *Стеганцева В. Я.* Оружие дальнего боя в эпоху ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.

Следует отметить, что такие предметы вооружения как булавы и топоры, которые могут рассматриваться как знаки престижа и особого положения в обществе, имеются в небольшом количестве в ямных погребениях. В катакомбных могилах они появляются позже, в развитых катакомбных культурах: северскодонецкой, манычской и т. д.

Степанова Е. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Дождевики из 3 Пазырыкского кургана

В конском погребении 3 Пазырыкского кургана был найден так называемый «кафтан», сшитый из двух слоев тонкого белого войлока, с двумя парами завязок из пучков крученых шерстяных ниток и двумя разрезами сзади. Его длина от ворота до подола 1 м при ширине в плечах 1,18 см и 1,4 м по подолу, рукава длинные и широкие[1]. По материалу, размерам и крою, а также по наличию таких деталей, как завязки, два разреза сзади и капюшон, являющийся самостоятельным предметом и носимый отдельно, он практически идентичен тувинским дождевикам *хевенек*, которые одевались поверх шубы или другой верхней одежды в ненастную погоду[2]. Судя по многочисленным двухслойным фрагментам из такого же тонкого войлока (части рукавов, полочек, подола) и двум парам завязок из пучков шерстяных ниток, а также четырем однотипным деталям от двух капюшонов (?) в погребальной камере был еще один такой же дождевик[3].

Впервые зафиксированный в памятнике пазырыкской культуры III в. до н. э., данный вид одежды в дальнейшем получил широкое распространение в среде других кочевых народов и далеко за пределами Южной Сибири. Например, византийцы для экипировки своей конницы заимствовали у кочевников элементы не только конского снаряжения и вооружения, но и одежды. Согласно Стратегикону Маврикия, датируемому рубежом VI–VII вв., снаряжение всадников должно было включать просторные *гунии (γουννία)* — верхние одеяния из войлока с широкими рукавами: «всадникам следует позаботиться о том, что когда они в полном вооружении, в панцире и имеют при себе луки, и если, как это случается, пойдет дождь или воздух станет сырым от влаги, то они, надев эти гунии поверх панцирей и луков, смогли бы защитить свое вооружение, но и не были бы ограничены в движениях, если они захотели бы использовать

[1] *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. Рис. 57.

[2] *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 165, 167, 185–186, рис. 75, 3, 4, 77, 5.

[3] Удвоение стандартного набора сопроводительного инвентаря в богатых погребениях обычно для пазырыкской культуры. Так, в погребении мужчины в 3 Пазырыкском кургане были два блюда-столика, две шубы, два головных убора в форме капора и т. п.

либо луки, либо копья… прикрытые гуниями панцири издали не видны врагам, кроме того, гунии предохраняют и от ударов стрел» (Маврикий, кн. I, 2).

Дождевики сходного покроя, по свидетельству С. И Вайнштейна, бытовали также у монголов и казахов, а тувинскими пастухами они использовались еще в начале XX в.

Субботин А. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

К вопросу о тагарской оседлости

Дискуссия о степени оседлости тагарской культуры (далее ТК), имевшая место в археологической литературе в середине XX века, уже в конце его потеряла свой накал. Точка зрения сторонников полукочевого типа хозяйства тагарцев, отстаиваемая Г. П. Сосновским[1], А. Н. Бернштамом[2], М. П. Грязновым[3] и другими учеными, оспаривалась Ю. С. Гришиным[4], А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым[5], Э. Б. Вадецкой[6], Н. Л. Членовой[7]. Доводы об оседлости тагарцев базировались на данных раскопок свыше 20 тагарских поселений и анализе Боярских петроглифов.

Доказательствами сторонников оседлости ТК были: а) обнаружение в раскопанных поселениях остатков срубовых конструкций; б) изображения деревянных поселков-домов на Боярских писаницах; в) преобладание в остеологических материалах ТК костей коров — весьма надежного индикатора оседлости; г) серия серпов (свыше 200), а также находки зернотерок.

Но срубы выявлены лишь на 4 позднетагарских поселениях, находки зернотерок единичны[8]. Боярские писаницы датируются не ранее II в. до н. э. — временем заката и существенной трансформации ТК.

Сравнение количества открытых до 80-х годов тагарских поселений в зоне бытования культуры (около 100) и выявленных могильников (более 1800),

[1] *Сосновский Г. П.* К истории скотоводства в Сибири. ППЭПДЖ, 1940. Т. 1. С. 44.

[2] *Бернштам А. Н.* Краткий очерк истории гуннов. Л., 1950. С. 21–22.

[3] *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 1955. вып. 24. С. 19–29.

[4] *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА № 90 (1960). С. 130–132.

[5] *Мартынов А. И., Абсалямов М. Б.* Тагарские поселения. Красноярск, 1988. С. 121.

[6] *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 94.

[7] *Членова Н. Л.* Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 220.

[8] *Мартынов А. И., Абсалямов М. Б.* Тагарские поселения. Красноярск, 1988. С. 72, 101.

насчитывающих в сумме свыше 13000 курганов, не могут объяснить данную диспропорцию иначе, чем не оседлым способом расселения тагарцев на своих землях. Подтверждением этому являются десятки тагарских поселений без выраженного культурного слоя (т. н. «летники») в лесостепных районах ТК, зафиксированные в 90-е годы разведками археологов КемГУ и ИИМК РАН.

Следовательно можно допустить, что большинство тагарцев жили в жилищах, легко и, при необходимости (истощение пастбища), часто переносимых на новое место в пределах земель одного социума. Это, как минимум, подтверждает мнение М. П. Грязнова[1] (1968) об отгонном (яйлажном) скотоводстве в ТК.

Сутягина Н. А. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае[2]

С 2007 года на территории Рубцовского района Алтайского края продолжаются исследования кургана 1 могильника Бугры, которые проводит Южно-Сибирская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством К. В. Чугунова. В результате восьми полевых сезонов были изучены насыпь кургана, часть рва и три погребения.

Во всех захоронениях обнаружены фрагменты китайского лака черного и красного цветов. На поверхности некоторых лаковых чешуек сохранился орнамент. В сопроводительном погребении *3* были расчищены фрагменты китайской лаковой чашки *эр-бэй*. Точные аналогии её орнаменту известны в материалах погребений эпохи Цинь — начала эпохи Западная Хань центральной части провинции Хубэй (Чу…, 1996). Это позволило датировать раскопанное погребение кургана 1 могильника Бугры концом III в. до н. э.

Многочисленные фрагменты лаковых изделий найдены в центральной могиле кургана. Поверхность их была оформлена как тонким изящным узором, так и более крупным размашистым орнаментом. Эти предметы имеют аналогии среди находок III–II вв. до н. э. в центральных провинциях Китая и близки традициям княжества Чу.

Остатки лакового покрытия обнаружены в погребении 2 кургана 1 и нескольких погребениях кургана 4 могильника Бугры (Чугунов, 2014). Найденные фрагменты очень малы по размеру и зачастую лишены орнамента. Однако места скоплений лаковых чешуек позволили предположить их связь с оформлением предметов вооружения. Окрашенные предметы из различных курганов этого

[1] *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. Л., 1968. С. 195.

[2] В докладе изложены результаты исследований, проводимых при финансовой поддержке СПбГУ в рамках НИР 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций».

могильника оказались сходными между собой по химическому составу лакового покрытия; они близки лакам пазырыкского круга и отличаются от находок из погребений Ноин-Улы (Новикова, 2013). Эти наблюдения позволяют предположить, что на определенном этапе истории между населением Алтая и центральных районов современного Китая могли происходить активные контакты.

Тишин В. В. (ИВ РАН, Москва)

К семантике терминов *oγul* и *oγlan* в тюркоязычных памятниках VIII–XI вв.

В памятниках древнетюркской рунической письменности термин *oγul* обозначает ‘сыновей’, ‘детей’ (но не ‘потомство’ в целом). Наравне с ним в значении ‘сын’ известен термин *urï*, употребляющийся как самостоятельно, так и в функции детерминатива (*urï oγul*, *qïz oγul*). Случаи, когда *oγul* и *oγlan* выступают в роли определяемого, позволяют говорить об их более широком значении. Слово *urï*, имеющее семантику ‘мужской’, в текстах вытесняется после XI в. в значении ‘сын’ словом *oγul*, впоследствии обрастающим новой семантикой и приобретающим широкий спектр лексических и грамматических значений.

Термин *oγlan*, известный в тюркских языках в значении ‘парень’, ‘сын’ и т. д., является формой, образованной от *oγul* с помощью аффикса множественности *-(A)n*, и, по мнению ряда исследователей, в орхонских рунических текстах соотносимой с формой множественного числа (Ли Ён Сон, М. Эрдал).

Уже В. В. Радлов отмечал различные значения термина *oγlan* ‘мальчик, сын, воин’ по сравнению с *oγul* ‘ребенок, сын’. Подобным образом трактовали значение термина *oγlan* П. М. Мелиоранский, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, а также И. Л. Кызласов и И. В. Кормушин, отмечавшие, что термин *oγlan* обозначал возрастную категорию.

В пользу этого мнения говорит факт употребления в рунических текстах сочетания *oγlan atï* как ‘юношеское имя’ наряду с *er atï* ‘мужское имя’, которое носили полноправные члены древнетюркской общины (Л. Базен, С. Г. Кляшторный), а также употребление лексем *oγlan* и *er* в одной синтаксической конструкции в качестве однородных членов (E-29). В памятниках эпохи Караханидов (XI в.), где *oγul* употребляется в значении ‘сын’, слово *oγlan* чаще используется в значении ‘мальчик’, а иногда ‘слуга’, ‘паж’. В мамлюкском тюрко-арабском словаре XIV в. значение *oγlan* передается как *al-ghulām* (букв. ‘отрок’ (‘подросток, юноша’); с сер. IX в. слово *гулям* часто употреблялось как термин в значении ‘военный раб’ (синоним — ‘*мамлюк*’); также ‘молодой невольник’).

Косвенно о том, что расхождение семантики терминов *oγul* и *oγlan* происходит в период не ранее VIII–IX вв., говорит сочетание *otuz oγlan* таласских эпитафий, коррелирующееся с племенной группой *отуз уул* у кыргызов.

Чугунов К. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Золотые облачения у номадов Евразии как источник для реконструкции древних культов[1]

Исследованиями погребальных памятников древних кочевников в горно-степной зоне Центральной Азии, Западной Сибири и Казахстана выявлена традиция облачений, сплошь покрытых золотыми бляшками различных форм. Такие костюмы зафиксированы в основном в элитных курганах номадов, но встречены и в рядовых захоронениях. По материалам комплекса кургана Иссык (IV в. до н. э.) Алишером Акишевым была предпринята попытка реконструкции мировоззрения сакских племен, основанная на анализе золотого декора облачения.

Раскопки последних лет сильно увеличили источниковую базу и позволяют рассмотреть традицию золотых костюмов шире, на материалах как более ранних по отношению к дате Иссыка комплексов (Аржан-2, Шиликты, Талды-2), так и более поздних (Бугры, Тилля-Тепе, Хохлач и др.).

Вызывает интерес, что наряды, покрытые золотом, зафиксированы не только в мужских, но и в женских захоронениях. Это может быть объяснено отсутствием жесткого гендерного соответствия у определенных культов и богов. Некоторым божествам была присуща андрогинность, о чем свидетельствуют и нарративные источники. Люди, погребенные в золотых облачениях, могли не только выполнять при жизни функции служителей культа, но и сами ассоциировались с божеством.

Упоминание золотых облачений в письменных источниках (Геродот, IX, 22), анализ других текстов и сопоставление иконографии некоторых художественных образов позволяют реконструировать развитие у номадов культа солнечного божества, ассоциируемого с Митрой, уже в начале I тыс. до н. э. Между тем, этот культ, имеющий индо-иранские корни, возможно восходит к еще более древним пластам, уходящим в эпоху расселения индоевропейских племен. На это может указывать общность в солярной символике на огромной территории Евразии.

Эбертс Н. (Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен)

Значение гальштаттского влияния в изучении памятников раннескифской культуры Среднего Днестра

Среднее Поднестровье в раннем железном веке является важным регионом для изучения культурных связей между населением Карпатского бассейна

[1] Доклад основан на результатах исследований, проводимых при финансовой поддержке СПбГУ в рамках НИР 2.38.525.2013 «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций».

и Восточно-Альпийского гальштатта, с одной стороны, и раннескифской культуры, с другой. Культурные контакты прослеживаются на протяжении всего времени существования раннескифской культуры на Среднем Днестре, или Западно-подольской группы.

Памятники Западной Подолии и Северной Буковины являются самой западной периферией раннескифской культуры, погребальный обряд и инвентарь которых значительно отличаются от таковых, находящихся к востоку. Эти отличия прослеживаются как в конструкции погребальных камер и биритуальном (кремации и ингумации в одной могиле) способе захоронения умерших, так и в инвентаре. В конструкции погребальных камер прослежены влияния с территории Восточно-Альпийского гальштатта: западно-подольские каменные могильные камеры с дромосом имеют прямые аналогии в Паннонии и Восточной Австрии. В инвентаре Западно-подольской группы известны нетипичные для этого региона бронзовые изделия (ситечко, шампур, арфовидная фибула и др.), которые являются прямыми импортами из культур Восточно-Альпийского гальштатта — Зульмталь-группа в австрийской Штирии, группа Доленьска в Словении. Импортные изделия с территории Восточно-Альпийского гальштатта, найденные в раннескифских памятниках на Среднем Днестре, хорошо датируются согласно хронологической системе Гальштатта (HaC1/2), что позволяет сравнить даты некоторых памятников, датированных по хронологии раннескифской культуры, с гальштаттской. Это обстоятельство подчеркивает особое значение Западно-подольских памятников, которые благодаря гальштаттским импортам позволяют синхронизировать и уточнить хронологию раннескифской культуры в Северном Причерноморье.

При углубленном изучении комплексов с «гальштаттским типом» погребальных камер и импортными предметами возникает вопрос о значении таких захоронений. В то время как предметы из Восточно-Альпийского гальштатта фактически полностью отсутствуют в раннескифской среде на Среднем Днепре, в Западной Подолии и Северной Буковине они известны в богатых могилах. Такие «нетипичные» захоронения представляют собой немногочисленную группу, а погребенные в них мужчины и женщины, вероятно, имели особый прижизненный статус в раннескифском обществе Среднего Поднестровья.

Проведенные систематизация, классификация и анализ погребального обряда раннескифских памятников на Среднем Днестре поднимают вопрос о роли населения среднеевропейского Восточно-Альпийского гальштатта в становлении и развитии Западно-подольской группы. На данном этапе исследования можно предполагать наличие культурно-исторической связи между западно-подольским и среднеевропейским гальштаттским населением, начиная с периода первого появления скифской культуры в Европе.

СЕКЦИЯ XIII.
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

Аврутина А. С. (ВФ, ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Историко-типологическая фонология в европейском тюркском языкознании

Подробный анализ трудов, посвященных «звуковым аспектам» современной турецкой речи, позволяет сделать вывод, что исследователи занимаются решением сугубо фонологических проблем, подчас неверно принимая их за фонетические. Н. А. Баскаков в свое время заметил, что исследования по фонологическим и фонетическим вопросам в отечественной тюркской филологии составляют два направления: сравнительно-историческая фонетика тюркских языков и типологическое изучение фонологии тюркских языков в тесной связи со структурой слова, его строением и механизмом агглютинации[1].

Истоки изучения фонологии тюркских языков, как в России, так и в Европе, лежат в работах В. В. Радлова. В Европе его последователями были К. Фой, В. Гренбек, Х. Педерсен, Г. Ярринг, А. Бомбачи, Г. И. Рамстедт, Н. Поппе, О. Притцак, Г. Дерфер, М. Рясенен, Дж. Клосон и другие.

Знакомство с современной тюркологической литературой, посвященной вопросам изучения фонологии тюркских языков, убеждает в том, что разграничение сферы фонетики и сферы фонологии в нынешнем тюркском языкознании подчас представляется исследователям несущественным, кажется излишней теоретизацией процесса изучения языка. Кроме того, по-прежнему популярны идеи Хомского, и многие современные исследователи тюркской фонологии до сих пор работают в традициях «порождающей грамматики».

[1] Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М.: Наука, 1988. С. 6.

Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Объектное маркирование заимствованной лексики в современном языке иврит

В конце XX — начале XXI вв. Израилю не удалось избежать глобальных социально-политических процессов, которые вовлекли израильское общество в мировое информационное пространство, что оказало существенное влияние на развитие современного языка иврит. Развитие информационных ресурсов, повсеместное распространение средств массовой информации, многократное увеличение частоты языковых контактов, в том числе благодаря социальным сетям и другим средствам дистанционного общения, а также полилингвистическая языковая среда на территории самого Израиля — все это привело к появлению многочисленных лексических заимствований.

Для анализа особенностей объектного маркирования именных групп, содержащих заимствованную лексику, такая лексика была классифицирована по следующим критериям: язык-источник, степень адаптированности в языке, частотность и сфера употребления. Наиболее обширной стала группа англоязычных заимствований, а наибольшая вариативность была продемонстрирована по критерию «степень адаптированности в языке». В качестве материала исследования послужили различные интернет-источники, включающие как официальные периодические издания, так и примеры неформального межличностного общения.

В ходе исследования случаев употребления заимствований было зафиксировано достаточно нормативное употребление заимствованной лексики в позиции прямого дополнения и некоторый процент вариаций в оформлении именных групп в позиции косвенного дополнения, особенно в сочетании с многовалентными глаголами, способы управления которых подразумевают семантическую дифференциацию.

Отдельной проблемой стало объяснение дистрибуции определенного артикля, как наиболее частотного маркера определенности именной группы для данного класса лексики (другие способы для заимствований встречаются неизмеримо реже), а именно, взаимосвязь дистрибуции артикля с коммуникативной структурой высказывания.

Бекджаев Т. (Туркменский ГУ, Ашхабад)

Фразеологизмы и профессионализмы в туркменском языке

В туркменском языке существует огромный пласт фразеологизмов, к которым относят и профессиональную лексику. Происхождение профессионализмов исторически связано с жизнью, бытом, психологией и менталитетом

туркменского народа. В повседневной жизни активно употребляются лексемы, обозначающие названия предметов и явлений. Так, очень часто встречаются профессионализмы, связанные с животноводством, земледелием, кузнечным делом, рукоделием, ювелирным искусством, столярным делом, военным делом и т. п., поскольку эти профессии играли очень важную роль в жизни туркменов.

Активность профессионализмов в образовании фразеологических единиц и их частотность зависит от того, к какой сфере они относятся, поскольку популярность той или иной сферы деятельности приводит к популярности слов, с ней связанных. А чем шире употребление слов, тем более высока вероятность их включение в состав фразеологизмов.

В языке долго живут слова, вошедшие в состав фразеологизмов. С исчезновением профессий, выходят из употребления и становятся архаизмами слова, связанные с этими профессиями. Однако, избежать этой участи могут слова, вошедшие в структуру фразеологизмов.

Вердиева Г. В. (ИВ НАНА, Баку)

Термины-неологизмы в современном персидском языке

В современном персидском языке отчетливо прослеживается постоянный интенсивный приток новой лексики, создание неологизмов, подавляющее большинство из которых представляют собой термины.

Термины в персидском языке, а точнее, их систематизация, является сферой деятельности Академии Персидского языка и литературы (АПЯиЛ) — государственного органа, действующего на территории современного Ирана. Задачей Академии является, в первую очередь, очищение языка от иностранных слов, а также создание новых слов и терминов. За последние несколько лет были подготовлены и опубликованы 10 сборников — словарей терминов и новых слов, утвержденных АПЯиЛ. Академия Персидского языка и литературы приложила огромные усилия для отбора слов и создания неологизмов с целью замены иностранных слов в персидском языке. В составе Академии действует так называемый «Терминологический совет» (*Qoruh-e vajeqozini*, Terminology Department). В настоящее время в рамках этого отдела функционирует около 50 специализированных групп по различным тематическим направлениям, в которых занято около 200 высококвалифицированных специалистов. Словообразовательные способы терминообразования в современном персидском языке играют важную роль по причине того, что являются наиболее распространенным путем пополнения лексического состава персидского языка.

К самым продуктивным способам образования терминов в персидском языке относятся такие, как аффиксация, полуаффиксация, словосложение и т. п.

При помощи этих способов и были созданы новые слова и термины, а именно путем прибавления различных компонентов к производящим основам.

Термины-неологизмы, являющиеся продуктом деятельности АПЯиЛ Ирана, составляют важную часть лексического состава современного персидского языка, служат обогащению и обновлению современного персидского языка, и надеемся, что в дальнейшем они также будут выступать в качестве объекта исследований иранистов-филологов.

Гамидли Г. Ш. (НАНА, Баку)

Комментарий Хатиба Табризи на труд ибн Сиккита «*Ислах ал-мантик*»

Ибн Сиккит (185/801 — 204/859) — выдающийся средневековый арабский филолог, один из видных представителей куфийской грамматической школы. Ибн Сиккит является автором таких произведений как «إصلاح المنطق», «أضداد», «القلب و الإبدل», «الالفظ», а также многочисленных комментариев к поэтическим произведениям.

Труд Ибн Сиккита «*Ислах ал-мантик*» — один из самых популярных произведений в арабской языковедческой науке. Следуя средневековой традиции, лексикограф подкрепляет свои утверждения ссылками на известных в то время авторов, таких как Юнис ибн Хабиб, Кисаи, Фара, Абу Убейда. Он так же приводит примеры из классической поэзии, в частности из стихов ал-Асмаи, ал-Аша, Зу-Румма.

Книга Ибн Сиккита в течение двух с половиной веков была объектом многочисленных комментариев. Согласно книге доктора Февзи Абдаль-Азиза Масуда, который в 1991 году в Багдаде опубликовал известный комментарий Хатиба Табризи, написанный в 1079 г., комментирование сочинения началось в 370 г. х. и продолжалось до 616 г. х. Он приводит имена ученых, которые написали эти комментарии[1]. По мнению вышеупомянутого ученого лучшим комментарием на труд Ибн Сиккита является комментарий Хатиба Табризи.

Во время учебы у знаменитого «слепца» Табризи вместе со своим учителем прочел много известных трудов, как самого ал-Маарри, так и других авторов[2]. Во время чтения «*Ислах ал-мантик*» они обнаружили множество повторов и неточностей. Впоследствии Табризи, уже в конце своей жизни, вновь обращается к этому труду, дабы улучшить его.

[1] كتاب تهذيب إصلاح المنطق لأبي زكريا بن علي الخطيب التبريزي تحقيق كتور فوزى عبد العزيز مسعود. بغداد، 1991 – С. 3

[2] Шидфар Б. Я. Абу-ль-Аля аль-Маарри. М.: Наука, 1985. С. 72.

«Египетско-Суданское лингвистическое общество» издало его первым в списке десяти редких классических произведений литераторов и лингвистов[1].

Гуревич И. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Внутренний мир языка текстов «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» (XIV в.) и романа «Возвышение в ранг духов»[2]

Задачей данного доклада является выявление ресурсов грамматической стилистики двух идентичных по содержанию текстов «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и романа «Возвышение в ранг духов». При определенном стилистическом однообразии для языка пинхуа характерны приемы анафоры (*Nage shi nan, nage shi nü* ‘У которой из них будет мальчик? У которой — девочка?’), которая привносит ощущение монотонности; эпифоры (*Ling yi gongren... du yu* ***Da-ji***. ***Da-ji*** *bu jian, wanshi ju xiu*. ‘Он приказал придворному... передать **Да-цзи**. Если бы **Да-цзи** его не видела, все было бы прекрасно.’), которая, напротив, создает напряженность; антитезы, которая еще больше усиливает напряженность.

Эти приемы целесообразно рассматривать расширительно, то есть учитывать не только соседние фразы, но и привлекать более широкий контекст. В одном предложении часто используются одновременно несколько стилистических приемов. Прием антитезы может охватывать целые пассажи, отмечен и прием инверсии. Используется также такой прием лексико-грамматической стилистики, как архаизация, когда в тексте XIV в. используются значения слов, характерные для древнекитайского языка.

Для романа, который по объему превосходит пинхуа почти в восемь раз, используемые в пинхуа приемы встречаются реже. Чаще всего можно говорить о параллелизме, который характерен почти для любого китайского текста. Примеры эпифоры могут быть оценены как случайные. Особо высокой частотностью удивляет такой своеобразный прием лексико-грамматической стилистики, как редупликация, или удвоение. Редупликации подвержены слова, принадлежащие ко всем классам лексики. Именам редупликация придает значение множественности (иногда — «каждый»), словам со значением качества — более высокую степень качества, со значением признака действия — более высокую степень признака, со значением действия — значение кратковременности действия. Трудно передаваемый оттенок приобретают в результате удвоения слова со значением количества (*sansan wuwu* ‘три три’

[1] *Махмудов М.* Жизнь и творчество Хатиба Тебризи. Баку, 1972 (на азербайджанском языке).С. 151.

[2] Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 12–04–00007.

‘пять пять’ — ‘беспорядочно’). Эта черта лексико-грамматической структуры текста превалирует в памятнике и служит отличием его стилистики от идентичного с ним по содержанию текста пинхуа.

Гурьян Н. В. (ДВФУ, Школа педагогики, Уссурийск)

О заглавии древнекитайского словаря «Эръя»

Полемика по вопросу трактовки заглавия древнекитайского словаря «Эръя» 爾雅 (кон. III в. до н. э.), как впрочем и по проблемам его авторства и датировки, в китайской филологии велась вплоть до наших дней, начиная еще с эпохи Хань. Сам словарь никаких разъяснений на этот счет не содержит.

В отечественной синологии приняты следующие варианты перевода заглавия «Эръя»: «Близкий к канону» (Крюков 1972), «Приближение к правильному» (Яхонтов 1980; Софронов 1987; Карапетьянц 2008), «Приближение к изысканному» (Карапетьянц 1996), «Приближение к классике» (Кобзев 1993), «Приближение к правильному [языку]» (Завьялова 2010).

За историю существования «Эръя» китайскими филологами выдвигались семь основных версий истолкования смысла его заглавия. На сегодняшний можно констатировать следующее:

1. Наиболее корректными следует признать две близкие по смыслу версии трактовки заголовка: 1) «Приближение к правильному» 近正; 2) «Приближение к стандартному языку» 近夏. В обоих случаях первый иероглиф 爾 *эр* понимается как альтернативный вариант (заимствование) знака 邇 *эр* «близкий/приближаться».

2. Для именования словаря составителями было использовано бытовавшее в языке того времени выражение «*эр я*» («близкий/приближаться к правильному/изысканному»).

Интересно, что версия «Приближение к правильному» впервые была предложена Лю Си, автором известного словаря «Ши мин» (нач. II в.) в разделе «Ши дянь и» 釋典藝 («Объяснение древней литературы»):

《爾雅》，爾，昵也；昵，近也；雅，義也；義，正也。五方之言不同，皆以近正為主也。 «*Эръя*»*: эр [означает] ни [близкий]; ни [означает] цзинь [близкий, приближаться]; я [означает] и [изящный; правильный]; и [означает] чжэн [правильный; образцовый; официальный]. Речи пяти сторон различаются, поэтому везде главным считают приближение к правильному*.

Таким образом, под «изысканным» следует понимать правильный (образцовый, нормативный) язык.

Вторая версия принадлежит Хуан Каню (1886–1935), по мнению которого, иероглиф 雅 *я* , заимствованный здесь вместо знака 夏 *Ся*, указывает на язык государства Ся, т. е. на стандартный язык в противовес диалектам.

Учитывая, что «Эръя» появился под воздействием гносеологической концепции *чжэн мин* («исправление имен») как следствие нормализационных процессов, протекавших в литературном языке того времени, можно заключить, что в названии этого толкового словаря эксплицирована идея возведения к нормативности (нормативному языку), определившая его концепцию и предназначение.

С этой точки зрения, перевод «Приближение к правильному [языку]» нам кажется наиболее точным.

До Валерия (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Ермолаева Любовь (Петербургское лингвистическое общество, Санкт-Петербург), Кагирова Василиса (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Костина Екатерина (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Лукин Олег (Ярославский ПУ, Ярославль)

«Части речи» и/или структурные классы слов в картвельских языках? (в типологическом аспекте)

Доклад отражает результаты работы существующего с 2007 г. в рамках Петербургского лингвистического общества картвелологического семинара.

Отвергая ранее распространенную теорию якобы эргативного строя картвельских языков, авторы причисляют картвельские языки к типу языков с выдвижением топика и подлежащего (тип, описанный ранее на материале других языков Ч. Ли и С. Томсон). Дается типологическая характеристика этих языков в сопоставлении с языками с выдвижением подлежащего.

В докладе отмечается недостаточность и неубедительность принципа выделения «частей речи» на основе лишь семантического критерия и анализируются причины сложившейся традиции. Предпринимается попытка дополнить (или заменить?) существующую классификацию «частей речи» классификацией слов по их структурным признакам на основе их изменяемости по грамматическим категориям (данная точка зрения представлена в «Курсе теоретической лингвистики» Т. В. Гамкрелидзе, З. Кикнадзе, И. Шадури, Н. Шенгелия (Тбилиси, 2008)). На основе структурных признаков выделяются имя, глагол, местоимения, частицы. Данная классификация не является универсальной. В докладе подтверждается правомерность данного принципа выделения «частей речи».

На основе анализа отмечаются признаки картвельских языков, находящихся на ранней ступени номинативизации, в отличие от индоевропейских. Картвельские языки отличаются рядом специфических признаков, например, наличием масдара, в котором слова, имеющие одинаковые основы, но различные парадигмы, входят в классы имени и глагола, набором морфологических

категорий, типичных для той или иной «части речи» (в особенности глагола), характером общих категорий, наличием специальных морфологических способов выражения топика, составом классов местоимений и частиц и грамматических категорий местоимений.

Ставится вопрос о степени типологической близости картвельских языков к японскому и хинди.

Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О соотношении понятий «язык» и «мышление» в работах отечественных и зарубежных лингвистов

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления на протяжении многих десятилетий составлял одну из центральных проблем, как общего, так и различных прикладных, в том числе и тюркского языкознаний. Это не только глубокая теоретическая проблема, связанная с вопросами общего языкознания, но и проблема методологического характера. Обладая самостоятельной значимостью, она определяет направление всего лингвистического исследования, его методы, цели и задачи. В настоящее время возникло много течений, лингвистические изыскания которых напрямую связаны с обозначенной темой: например, популярная в последние годы концептуальная лингвистика и само понятие «концепт»; течения, которые стремятся к моделированию «картин мира» различных коммуникативных обществ, а также занимающиеся выявлением семантики языкового «знака» и высказывания целиком. Тем самым выявление соотношения между мышлением и языком должно стать одним из центральных вопросов новейшей лингвистики, ведь оно вторгается во многие конкретные языковедческие проблемы, такие как проблемы семасиологии, лексикологии, морфологии и синтаксиса.

Согласно историографическим наблюдениям, исследователи склонялись к двум противоположным точкам зрения относительно сущности и соотношения понятий «язык» и «мышление». Одни лингвисты доказывали, что мышление и язык — это одно и то же, точнее утверждали, что мышление без языка невозможно, другие отстаивали идею о необходимости разделения мышления и языка, говорили о том, что мышление может быть как языковым, так и неязыковым.

Несмотря на ту важность, которая заключена в сформулированной выше теме, в последние годы, к сожалению, количество специальных работ, касающихся ее, сократилось до минимума. Именно этим обстоятельством руководствуется автор, желая вновь обратиться к тем спорам о сущности языка и мышления, которые занимали лингвистическую общественность в течение XIX и XX веков, и предложить своего рода историографию этого вопроса.

Еловков Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Язык и культура — религия, боги[1]

Язык есть выражение менталитета народа, его культуры. Это проявляется, в частности, в обозначении и понимании феномена «религия», «бог».

В индийско-кхмерской культуре индуизм, буддизм, христианство обозначаются словами Закон (*dharma*) или Учение (*sa:sana:*): в санскрите — «Вечный Закон» (*sana:tana-dharma*), в хинди «Закон индусов» (*hindu-dharm*), в кхмерском «брахманское Учение» (*brahmañ-sa:sana:*), буддизм (*Buddha-sa:sana:* = Будда+Учение,), христианство «*krih-sa:sana:* = Христос + Учение».

Это показывает, что употребление слова «религия» применительно к индуизму или буддизму не соответствует восприятию этого явления индийцами и кхмерами.

Главное понятие христианства — ВЕРА. Слово «вера» даже является синонимом слову «религия» (тж. верования; вероисповедание).

В индийско-кхмерской культуре — это ЗНАНИЕ (Закона/Учения). Главный принцип тхеравады — противопоставление «знание — незнание» (*vijja — a-vijja*)

Восприятие понятия «бог» тоже существенным образом различаются.

В христианстве Бог — «уникальное» существо. Он един (хотя существует в трех лицах). Он — Творец, Спаситель.

В индийско-кхмерской культуре главное понятие — «живое существо» (*скр. sattva*; *кхм. satt* / *satv*), и боги это только один из видов живых существ, наряду с человеком, животным, птицей, демоном, домовым, лешим и т. п.

Среди богов выделяются несколько таких, которые являются объектом почитания. Они выделяются среди «толпы» богов и аналогичны VIP'ам человеческого общества. Это Брахма, Вишну-Кришна, Шива.

Но существуют Бог закона и порядка (*dharma-pati*), Бог священных текстов (*br̲has-pati*), Богиня красноречия (*sarasvati:*), Богиня счастья (*lak̲šmi:*) и много других.

Важной чертой индуизма является способ наименование богов: их прозвания (имена) — это обозначения их качеств-свойств: Вишну — «действующий, активный», Шива — «благожелательный; счастье».

Исмаилова А. Х. (НАНА, Баку)

Джирджи Зейдан об истории арабской письменности

Известный арабский писатель, публицист, автор ряда исторических романов Джиржи Зейдан (1861–1914) посвятил изучению арабо-мусульманской

[1] Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 2.38.307.201.

культуры пятитомный научный труд «История мусульманской цивилизации». В третьей части этой книги даются сведения об истории возникновения арабского письма.

Как отмечает Джиржи Зейдан, в доисламский период в Хиджазе первоначально не было письменных памятников, хотя аравийские племена веками жили в соседстве с народами, имеющими древнюю и развитую письменную культуру, самыми известными из которых были химйариты и набатейцы. Химйариты, жившие на юге Аравии, пользовались письмом, которое арабы называли *муснад*, а набатейцы, жившие на севере полуострова, пользовались т. н. набатейским письмом.

Со временем, во время путешествий в Сирию и Ирак, арабы Хиджаза переняли у жителей этих стран набатейское и арамейское письмо. Зейдан пишет, что из набатейского письма возник почерк «насх», а из арамейского — «куфи». Почерком «насх» писались письма, книги, документы и соглашения, а почерком «куфи» записывался текст Священного Корана. Почерк «насх» широкое развитие получил при везире Ибн Мукле, который являлся знаменитым каллиграфом.

Джиржи Зейдан приводит предание, рассказывающее о проникновении письменности в среду арабов, называет имена известных писцов пророка, которые и записали Коран. Изначально в арабском письме не было ни точек, ни иных значков, и арабы читали и писали Коран без точек приблизительно сорок лет. После того, как ислам распространился и в других странах и его приняли неарабы, они стали допускать ошибки при чтении Корана. В результате появилась необходимость огласовывать текст Корана. И первым кто поставил точки и знаки в Коране считают Абу Асвада Дуали.

Труд Джиржи Зейдана «История мусульманской цивилизации» показывает интерес писателя к данной теме и является важным этапом в изучении процесса возникновения, развития и становления арабской письменности.

Касевич В. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вечность и время, язык и речевая деятельность

По данным Дж. Байби, из 5–7 тыс. живых языков около половины не имеют грамматической категории времени; большинство из них принято относить к *восточным языкам* (австронезийские, афразийские и ряд других).

Над разными аспектами категории времени, над соотношением Времени и Слова размышляли уже в античности. В Древней Индии (в IV стихе «Ригведы» и, позднее, у Бхартрихари) Речь (бог Слово) предстоит на первой стадии своего развития как «неделимая и вечная». В христианстве важным

выступает положение, согласно которому Бог (также Слово, Логос) находится вне пространства и времени — в вечности; время — это изменение, тогда как любое изменение Богу чуждо. У И. Канта уже в «Критике чистого разума» время «есть ничто».

Язык и речевая деятельность соотносятся как статика и динамика. В этом смысле язык постоянен, неизменен, в пределе он покоится в вечности. Когда же механизм языка приводится в действие, система изменяется во времени, функционируя по соответствующим правилам. Действующей системе постоянство чуждо; придание ей временной координаты с неизбежностью приводит к трансформациям по известной схеме «инновация → принятие» (где принятие нормально реализуется по «кривой У. Вана»).

Ежемоментное «перетекание» времени из будущего в прошедшее «через» настоящее превращает это последнее в неуловимую точку. Учитывая, что будущего еще нет, прошедшего уже нет, а настоящее эфемерно, мы, вероятно, и получаем своего рода философскую основу для устранения временного измерения в картине мира, отражаемой многими языками.

Клычева М. М. (МГИМО (У) МИД России, Москва)

Проблемы словообразования в современном туркменском языке

После распада СССР в мировом геополитическом пространстве возникли новые государства со своими национальными языками. В связи с необходимость налаживания дипломатических, экономических и культурных отношений между молодыми государствами возникла необходимость в специалистах, владеющих языками, распространенными в бывших союзных республиках.

С начала 2000-х годов в МГИМО (У) МИД России и ряде других российских ВУЗах началось постепенное внедрение в учебную программу преподавания в качестве иностранного языка языков стран СНГ (например, с 2000 года в МГИМО стал преподаваться туркменский язык). Налаживание учебного процесса затруднялось новой языковой политикой самих государств.

Активный словообразовательный процесс в Туркменистане осуществлялся как за счет собственных ресурсов туркменского языка (диалектизмы, архаизмы), так и за счет родственных языков. Имела место и искусственно созданная лексика, и ее срочное внедрение в язык посредством СМИ. К сожалению, из виду было упущено понимание важности упорядочения и систематизации новой терминологии. Многозначность терминов существенно усложняет работу переводчиков. В настоящее время возникла необходимость создания

комиссий по определению норм в терминологии, а также комиссий, занимающихся вопросами профессиональных языков.

Таким образом, за относительно небольшой с точки зрения развития туркменского языка период произошло ускоренное развитие и обновление самого языка, что привело к изменению стилистики письменной и устной речи в целом.

Ковыршина Н. Б. (Гимназия № 1257, Москва)

К вопросу о преподавании арабского языка в школе

На современном этапе развития нашего общества новым направлением деятельности ряда московских школ стало введение преподавания арабского языка. Однако на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствуют релевантные государственные образовательные программы, единые стандарты, предъявляемые к обучению школьников арабскому языку и их подготовке к ЕГЭ.

Основная мотивация учащихся к изучению арабского языка определяется стремлением углубить свои знания по общеобразовательным дисциплинам (истории, географии, литературе) на материале арабских стран, а также получить элементарные практические навыки по арабскому языку, что в дальнейшем создаст для них большие возможности в коммуникативной и профессиональной деятельности. Перед преподавателем стоит сложная задача за минимальное количество часов (4–6 часов в неделю) дать максимум языкового и лингвострановедческого материала в занимательно-игровой манере с использованием всех технических средств обучения.

Как показывает опыт, «принудительные» элементы учебного процесса (многократное прописывание *харфов*, лексики, текстов или их заучивание наизусть в порядке пассивной «подчиняемости» и т. п.) недопустимы. Отбор учебного материала должен осуществляться на принципах новизны, занимательности, доступности и привлекательности для учащихся, чтобы стать образцом при построении собственных речевых высказываний на арабском языке с учётом ранее сформированных навыков и умений. В настоящее время остро стоит проблема разработки программ, учебников, пособий, наглядного и раздаточного материала для охвата всего курса обучения (от начального до нормативного уровней) на основе компетентностного подхода.

В рамках доклада будет осуществлена демонстрация программы и учебно-методических пособий «Начинаем изучать арабский язык» (авторы Н. Б. Ковыршина, И. Ю. Иванова, 2012) и «Основы арабского языка» (авторы Н. Б. Ковыршина, Л. В. Самоделкина, И. Ю. Иванова, 2013).

Колпачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Влияние гендерного фактора на выбор средств обеспечения связности китайского текста (на основе лингвистического эксперимента)[1]

В настоящем докладе представлены результаты проведенного нами лингвистического эксперимента, нацеленного на изучение гендерных различий при выборе средств обеспечения связности текста на китайском языке.

Очевидно, что во многих культурных и языковых сообществах существуют расхождения в речевом поведении полов. Такое влияние гендерного фактора проявляется в предпочтении одних коммуникативных стратегий и блокировании других. Реальный языковой узус в определенной степени предопределен традициями и ритуалами общения в Китае. Китайский язык считается довольно андроцентричным, т. е. ориентирован прежде всего на мужчину, что, учитывая отсутствие грамматической категории рода в данной языковой системе, ярче всего выражается в номинативной системе языка. Гендерно ориентированная лексика китайского языка уже не раз становилась объектом научных исследований, вместе с тем данные о гендерной специфике речевого поведения носителей китайского языка весьма скудны.

В данном исследовании мы решили восполнить эту лакуну и рассмотреть воздействие гендерного фактора не с точки зрения выбора тех или иных лексических единиц китайского языка, а с позиций употребления особого функционально-семантического и прагматического класса единиц, которые не составляют семантическую структуру предложения, но обогащают текст, подчеркивают отдельные части высказывания, повышают эмоциональную насыщенность или продвигают повествование «вперед», соединяя его в единое целое. Именно так были определены дискурсивные слова в (Касевич и др., 2014).

Как показали наши исследования (Колпачкова, 2014), китайский язык относится к языкам, активно использующим дискурсивные и модальные слова для фиксации отношений между отдельными компонентами дискурса, передачи акцентно-выделительных значений или логической и/или эмоциональной оценки ситуации. Мы предположили, что для женщин, которые более эмоциональны, в том числе и в речи, будет характерно употребление дискурсивных слов эмфатического характера, тогда как в речи мужчин высокую частотность обнаружат коннекторы и различного рода маркеры-переключатели контрастивной темы. В ходе эксперимента информантам было предложено заполнить пропуски в текущем тексте (cloze test) дискурсивными словами из списка с условием сохранения грамматической правильности и семантико-логической естественности текста.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 2.38295.2014.

Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Личные местоимения в языке хинди: опыт выделения семантико-прагматических признаков

Применение к материалу хинди предложенного А. Ю. Желтовым[1] метода выделения семантико-прагматических признаков (СПП) местоимений позволяет дать более полноценную характеристику каждого из них и избежать проблем, характерных для традиционной классификации по таким категориям как лицо, число и субординация.

Релевантные для хинди СПП:

Роль в речевом акте	Локутор: говорящий, адресат Не-локутор	
Соотносимость с одним или несколькими предметами	Индивидуальное (указывает только на 1 предмет/лицо) Не-индивидуальное (указывает на 1 или несколько предметов/лиц)	
Субординация/близость	Интимное	не-онорифическое
	Нейтральное	
	Онорифическое	

В прямом падеже СПП реализуются следующим образом:

Местоимение	Традиц. классификация	Перевод	СПП
maĩ	1 Sg	я	Только говорящий
ham	1 Sg	мы, я	Говорящий включен: 1) Говорящий 2) Говорящий и адресат или не-локутор(ы))
tū	2 Sg, пониж.	ты	Только адресат, интимное
tum	2 Pl, нейтр.	ты, вы	Адресат включен, не-онорифическое: 1) Адресат и не-локуторы, интимное 2) Адресат, нейтральное 3) Адресат и не-локуторы, нейтральное
āp	2 Pl, онориф.	Вы	Говорящий исключен, онорифическое: 1) Адресат, онорифическое 2) Адресат и не-локуторы, онорифическое 3) Не-локутор, онорифическое
vah, yah	3 Sg	он, она	Не-локутор: 1) Не-локутор, нейтральное 2) Не-локутор, онорифическое

[1] *Желтов А. Ю.* Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., 2008. С. 113–162

Местоимение	Традиц. классификация	Перевод	СПП
ve, ye	3 Pl	он, она, они	Не-локутор(ы): 1) Не-локутор, онорифическое 2) Не-локуторы

При рассмотрении парадигм местоимений, синтагматического окружения, а также субморфных составляющих возникает возможность выявить дополнительные наборы признаков (например, «адресат +, нейтральное», «не-локутор, нейтральное»), а также случаи нейтрализации некоторых их них, в результате чего возникают группы «локутор(ы)», «говорящий исключен, индивидуальное», «говорящий исключен, неиндивидуальное» и т. п. Выявление СПП местоимений хинди может оказаться полезным как при дальнейшем анализе их функционирования, так и при проведении типологических исследований в этой области.

Кравчук А. И. (ДВФУ, Уссурийск)

Список иероглифов «Ши Чжоу пянь» в истории китайской лексикографии

Самым ранним из китайских учебных списков слов, как известно, считается «Ши Чжоу пянь» («Список историографа Чжоу»), составленный, согласно традиционным представлениям, при династии Чжоу во времена правления Сюань-вана (827–782 гг. до н. э.). «Ши Чжоу пянь» был создан для обучения иероглифам *дачжуань*, когда же данный стиль был заменен на новый стандарт, постепенно и сам «Ши Чжоу пянь» вышел из употребления.

Список этот до наших дней не сохранился, а всё, что осталось, — упоминания о нём в других памятниках, а также 223 иероглифа, отмеченные в качестве иероглифов письменности Чжоу в составе известного ханьского словаря «Шо вэнь цзе цзы» (начало II в.).

Авторы монографии «Китайская лексикография: история от 1046 г. до н. э. до 1911 г. н. э.» полагают, что есть все основания считать «Ши Чжоу пянь» стандартным учебником своего времени, служившим для обучения грамоте царских детей [Yong 2008, с. 47]. Предназначение «Ши Чжоу пяня» определило отбор иероглифов, который ограничивался «названиями вещей и людей». Иероглифы для записи названий людей и объектов, часто встречающихся в повседневной жизни, были кандидатами на включение в этот список в качестве ключевых слов, и это означало, что они имеют большое значение и широко используется в повседневном общении. Эти иероглифы были двух видов: распространенные (знаки, ставшие частотными еще во времена Шан,

когда доминирующей системой был стиль *цзягувэнь*, к примеру иероглифы 人 *человек*, 雞 *курица*, 車 *телега*, 西 *запад*) и «новые» (знаки, созданные при Западной Чжоу — такие, как 城 *город* и 道 *путь*, которые не обнаруживаются в памятниках до времен Сюань-вана).

Хотя «Ши Чжоу пянь» не сохранился, об особенностях его организации судят по более позднему своду «Цан цзе пянь» времен Цинь Шихуана. Разделяет эти списки не очень большой период времени, оба составлены в одном стиле. На основе найденных в западноханьских погребениях бамбуковых планок с текстом последнего специалисты называют следующие особенности его текста: иероглифы сгруппированы семантически и по ключам, предложения состоят из четырех иероглифов, зарифмованы, легко читаются и заучиваются.

Куприянова Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Экстралингвистические факторы возникновения неологизмов в современном китайском языке

Данное исследование посвящено изучению новых слов китайского языка во взаимосвязи с социальными явлениями, породившими их. Анализ неологизмов, появившихся в последние годы, позволяет сделать выводы о процессах, имеющих место в культурной, экономической и социальной жизни общества в данный момент времени, а также о тех тенденциях, которые будут определять социально-экономический климат в стране в ближайшие годы.

Словарный запас современных китайцев, в первую очередь горожан, с каждым годом пополняется новыми лексическими единицами, которые быстро становятся популярными благодаря Интернет-сообществу. Абсолютное большинство неологизмов изначально возникает на пространстве блогосферы, быстро внедряясь в разговорную речь и СМИ. В связи с этим основу исследования составляют не только новые слова, официально зафиксированные в двух последних изданиях «Словаря современного китайского языка», но также и неологизмы, активно обсуждающиеся в Интернет-среде в последние несколько лет, но еще не включенные в словари.

Изменения в лексиконе под воздействием экстралингвистических факторов позволяют дать оценку настроениям масс и происходящим трансформациям в режиме реального времени. С данной точки зрения особенно интересны китайские неологизмы, связанные с реформированием социальной системы, появлением определенных групп горожан, характеризующихся отличными поведенческими моделями, особым имущественным или семейным положением. Ряд рассматриваемых неологизмов также связан с новыми ценностными концепциями и ориентирами молодежи, набирающими популярность в последние годы.

Лемешко Ю. Г. (АмГУ, Благовещенск)

Иероглифические ребусы на народной картине *няньхуа*

Сюжет «Восемь бессметных» и его варианты, транслируемые народными картинами *няньхуа*, воспроизводила каждая региональная школа по производству ксилографических картин. Мастера, руководствуясь предпочтениями широкой аудитории, создавали картины, иллюстрирующие общие представления о талантах *сяней*. Речь, прежде всего, идет о *няньхуа* «Восемь бессмертных пересекают море» (*Ба сянь го хай*, 八仙过海). Не меньшей популярностью пользовалась картина «Восемь бессмертных пьют вино» (*Цзуй цзю ба сянь*, 醉酒八仙). Среди многочисленных иллюстраций, посвященных восьми бессмертным, несомненный интерес вызывает картина, созданная в мастерских города Гаоми (провинция Шаньдун). В региональном центре, расположенном в городском уезде Гаоми городского округа Вэйфан, производят уникальные картины *пухуэй няньхуа* (扑灰年画; *няньхуа*, созданные посредством наложения на лист рисунка, выполненного обожженной веточкой ивы).

На двух вертикальных свитках, предназначенных для наклеивания на створки ширмы, представлены 16 сложных (на первый взгляд неподдающихся дешифровке) иероглифических композиций. На каждом свитке 8 сложных знаков скрывают таланты небожителей. Это так называемые *хэтицзы* (合体字), первый, третий, пятый, т. е. нечетные знаки состоят из 4-х иероглифов, четные знаки — из 3-х иероглифов, все 56 иероглифов образуют регулярный восьмистрочный стих *люйши*. Каждая строка получившегося стихотворения посвящена конкретному персонажу, для лучшего восприятия иероглифических композиций авторы картины изобразили бессмертных, образы *сяней* легко узнаваемы благодаря их атрибутам:

拐李先生德道高 / 鍾离般石把扇摇… — *Ли Тегуай был лучшим в постижении Дао / Чжунли Цюань подобен скале, в его руках — веер...*

Поскольку сюжет о восьми даосах был сверхпопулярным среди всего населения, мастера, создавая подобные иероглифические ребусы, рассчитывали в первую очередь на знание религиозной культуры и только потом на языковую компетенцию аудитории.

Морозова В. С. (Институт практического востоковедения, Москва)

Арабский литературный язык и его место в межкультурной коммуникации нового тысячелетия

В настоящее время в условиях растущей глобализации межкультурная коммуникация приобретает насущное значение, а вопрос об использовании понятного всем языка вновь становится актуальным.

Для арабского сообщества актуальна проблема поиска путей создания общеарабского информационного пространства. Изначально основным языком интернет-ресурсов был английский. За последние 10 лет круг арабских пользователей значительно расширился, и арабский литературный язык (АЛЯ) уверенно занимает свою нишу в сфере межкультурной коммуникации. Серьезную роль в данной ситуации играет арабская пресса, во многих статьях новейшие компьютерные термины снабжены пояснением и переводом на арабский язык.

Лишь относительно недавно в сети интернет появился ряд ресурсов, позволяющих выбирать интерфейс приложения на арабском языке с поддержкой ввода текста справа налево. До этого наиболее распространенным способом общения арабов в интернете было использование латинской транскрипции, что имеет свои недостатки, так как этот метод неприемлем для официальной и деловой переписки, а также в силу отсутствия упорядоченной системы соответствий арабских и латинских букв.

Другой проблемой является стандартизация и унификация арабской компьютерной терминологии. Главное — отсутствие координации между создателями новейшей терминологии, а также попытки внедрения компьютерной терминологии «сверху», без учета современных тенденций ее функционирования. Путь стихийного появления неологизмов в сфере компьютерных технологий есть одна из причин отсутствия стандартизации.

На данном этапе приоритетным в терминологии считается поиск исконных арабских слов и их семантическое переосмысление. Существуют многочисленные термины-дублеты. Отмечаются и различия в употреблении неологизмов иноязычного происхождения в различных арабских странах.

Нахмедов А. П. (Университет Аднана Мендереса, г. Айдын, Турция)

О некоторых особенностях перевода *Калилы и Димны* на староанатолийский тюркский язык

Сборник «*Калила и Димна*» впервые был привезен из Индии в Иран во время правления Хосрова Ануширвана (531–579 гг. н. э.) и был переведен на пехлевийский язык. В последующие годы книга была переведена на сирийский, арабский языки, а с арабского (в переводе Ибн аль-Мукаффа‘) на многие восточные и европейские. В основе нашего исследования лежит один из первых переводов на староанатолийский тюркский язык, сделанный Кул Месудом для Умур бека (1309–1348 гг.), правителя бейлика Айдыногуллары.[1]

Распад государства сельджукидов в Малой Азии (1307 г.) и образование *бейликов* оказало положительное воздействие на культуру и язык.

[1] Рукопись находится в Стамбуле, в библиотеке Сулеймание под № 1897.

Беки-правители в политических и государственных делах, в литературе и науке начали уделять большое внимание тюркскому языку. Наряду с религиозными научными книгами на тюркский были переведены и произведения, связанные с государственным управлением и морально-дидактические, идущие из индийской и иранской традиций.

Новый письменный язык на основе огузского диалекта, сложившийся в Малой Азии, продолжил традиции древнетюркского, древнеуйгурского и караханидского письменного языков. Большая часть лексики «*Калилы и Димны*» как раз и состоит из слов, фиксируемых в памятниках того периода.

Для определения лексического состава «*Калилы и Димны*» были спорадично выбраны 6 страниц перевода (2б, 45а, 99б, 116а, 151а, 192а). В 2б, где речь идет о религиозных темах, из 160 слов 88 арабско-персидского (58 корневые, а 30 с тюркскими суффиксами) и 72 слова тюркского происхождения. На остальных отобранных страницах (по порядку), содержащих различные рассказы: из 135 слов 41 ар.-пер. (16+25) и 94 тюрк.; из 165 слов 40 ар.-пер. (20+20) и 125 тюрк.; из 160 слов 51 ар.- пер. (23+28) и 109 тюрк.; из 164 слов 71 ар.- пер. (35+36) и 93 тюрк.; из 180 слов 63 ар.- пер. (40+23) и 117 тюрк. То есть в зависимости от темы меняется лексический состав, и количество тюркских слов увеличивается.

Некоторые слова, имевшиеся в лексике древнетюркских письменных языков, претерпели фонетические изменения (t>d, k>g, b>v и т. п. tag>dag, kel->gel-, bar->var-), поменяли значение или же через некоторое время вышли из употребления и место их заняли огузские слова. От старых корней с использованием суффиксов (-lIk, -mAk, -mAklIk, -lU, -Iş, -sUz) были образованы новые слова. Огузские слова и выражения из разговорной речи перешли в письменный язык и тем самым расширили его лексический состав. От арабско-персидских корневых слов с помощью суффиксов (-lU, -lIk, -cI, -sUz, -lAşmAk), а также вспомогательных глаголов (dut-, al-, ol-, id-, idin-, kıl-, eyle-, vir-) были образованы новые слова.

Передня А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Перербург)

К истолкованию некоторых наречных форм в древнеуйгурском языке

Древнеуйгурский язык является один из древнейших тюркских языков, которые зафиксированы в письменных памятниках, датируемых VIII–XIV вв. При изучении материала древнеуйгурских памятников обнаруживаются уникальные случаи употребления форм, относящихся к словоизменительному механизму языка. Так, нами были выявлены словоизменительные формы наречий, кото-

рые следует выделить в отдельную категорию сравнительной степени: *kenräk* «позднее», *üküšräk* «в высшей степени», *artuqraq* «еще больше» и т. д.:

*...azu kenr**äk***...(BTT V 424) «…или позднее…»

*…üküš**räk** sevinip tegintilär…* (Hüen. VII 0868) «…они в высшей степени возлюбили и приняли [эту сутру?]…»

*… bu savyγ ešidip men ötrü taqy artuq**raq** qorqynčym emgäkim üstalty…* (Suv 5) «…я услышал эти слова, после этого мой страх и мои мучения еще больше усилились…»

Следует отметить, что под *наречием* мы понимаем лексему, означающую *обстоятельство*, т. е. событие, «явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное» (С. И. Ожегов), и таким образом обладающую помимо вещественного значения, в котором отражено какое-либо явление объективной реальности, еще и категориальным классифицирующим значением обстоятельственности (В. Г.Гузев).

Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Абу ‘Амр ибн ал-Хаджиб как представитель арабской грамматической традиции эпохи Айюбидов

Относительная политическая стабильность в Египте и Сирии в эпоху правления династии Айюбидов (1169–1252) делали эти страны привлекательными для ученых мусульманского мира. Айюбидские правители были заинтересованы в культурном и научном развитии, что выражалось в открытии новых школ и образовательных учреждений.

Научные исследования по грамматике арабского языка, созданные в эпоху правления Айюбидов, в большинстве своем носили компилятивный либо разъяснительный характер. Основной задачей ученых того периода был сбор и упорядочение накопленных знаний. Два наиболее распространенных жанра, которые использовались при составлении трудов по языкознанию, были *мухтасар* (*ар*. — «конспект», «краткое извлечение», «сокращение») и *шарх* (*ар*. — «комментарий», «разъяснение», «толкование»).

Данная эпоха породила немало известных ученых-грамматиков. Среди них — Абу ‘Амр ибн ал-Хаджиб (570/1174–646/1249), выдающийся правовед, богослов и языковед, живший в разные периоды своей жизни в Египте и Сирии. В своих языковедческих взглядах он опирался в основном на труды ученых басрийской грамматической школы. В трудах Ибн ал-Хаджиба по грамматике во многом отразились его богословские и правоведческие взгляды; известный языковед Абу Хаййан (ум. в 1344–1345) назвал его грамматику «грамматикой

факихов». На популярность и значимость исследований Ибн ал-Хаджиба в области языкознания указывает то, что почти во всех крупных рукописных фондах мира имеются рукописи его трудов, а также сокращений и комментариев к ним авторов более поздних периодов.

Известно 17 трудов Ибн ал-Хаджиба по грамматике арабского языка, многие из которых так и не были опубликованы и до сих пор остаются в рукописном виде. Наиболее известные сочинения Ибн ал-Хаджиба — это «Ал-Кафийа» и «Аш-Шафийа» (по синтаксису и морфологии арабского языка соответственно), в которых представлены основные грамматические взгляды автора.

Сахатова Гюльшен (Aristotle University of Thessaloniki, Greece)

Турецкий язык на Кипре: его архаичность и новаторство

Систематическое исследование турецкого языка на Кипре продолжается до наших дней и пока еще не закончено. Первые филологические исследования по сопоставлению кипрского варианта с анатолийскими диалектами турецкого литературного языка были начаты в 60-х годах XX в. (Eren 1964; Islamoğlu 1961). В последующий период появляются исследовательские работы по вопросам фонологии/фонетики и морфологии кипрско-турецкого языка, а также работы, анализирующие говоры турецкого языка, появившиеся на Кипре после политических событий 1974 года (Boztaş 1999; Argunşah 2000; Demir 2002, 2003, 2006). Существует также ряд исследований по вопросам турецко-греческих языковых контактов (Osam&Kelepir 2006).

Во многих исследованиях авторы едины во мнении, что турецкий язык на Кипре является диалектом турецкого литературного языка и наряду с изменениями, например в структуре предложения, связанными с греко-турецкими языковыми контактами, сохранил ряд архаичных признаков, которые отсутствуют, к примеру в современной литературной турецкой речи, а также в других тюркских языках. Однако, эти архаичные признаки, в особенности фоно-морфологические, встречаются, например, и в современной туркменской литературной речи, а также в туркменских и азербайджанских диалектах.

Поскольку исследования подобных вопросов пока отсутствуют, настоящий доклад преследует цель на основе собранных материалов (2007; 2013) и их анализа дать общий обзор состояния кипрско-турецкого языка, продемонстрировать выявленное сходство в области фоно-морфологии с такими языками, как туркменский. Результаты исследования вносят вклад как в систематическое изучение турецкого языка на Кипре, так и в сравнительное изучение тюркских языков и их диалектов. В частности, они важны для уточнения вопроса о род-

стве тюркских языков огузской ветви, несмотря на тот факт, что кипрско-турецкий язык в географическом плане далек от туркменского, гагаузского или азербайджанского языков (Benzing 1956; Баскаков 1952:121–134; Johanson 2006; Щербак 1994).

Тавастшерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вспомогательные глаголы в языке пали

В среднеиндийском языке пали, ближайшем родственнике древнеиндийского, происходят значительные изменения в системе глагола по сравнению с древнеиндийским: исчезновение двойственного числа, устранение двух из трех прошедших времен, утрата среднего залога, упрощение системы глагольных классов и проч. Вместо личного глагола начинают активно использоваться конструкции с неличными формами глагола, среди которых становятся довольно частотными конструкции со вспомогательными глаголами, выстроенные по схеме: неличный (смысловой) глагол + вспомогательный. В качестве вспомогательных используется большое количество глаголов (быть, стоять, брать, давать, мочь, хотеть, жить и др.), передающих разнообразные грамматические значения: видовые, залоговые, временные, модальные. Данные синтаксические конструкции могут дублировать имеющиеся в языке (личные) формы, которые находятся на стадии отмирания (например, дезидератив), восстанавливать утраченные (активный/средний залоги), порождать новые грамматические формы (например, предположительное наклонение).

Изучение данных конструкций может пролить свет на генезис так называемых интенсивных глаголов, которые являются отличительной чертой новоиндоарийских языков.

Таганова М. А. (Национальный институт рукописей АН Туркменистана, Ашхабад)

Грамматика тюркского языка в арабской графике

В фонде Национального института рукописей Академии наук Туркменистана хранится фотокопия рукописи грамматики тюркского языка, привезенная в 2006 году из Венской национальной библиотеки Австрии (номер N. F.400). Эта малоизвестная научной общественности грамматика представляет большой интерес для специалистов.

Интересным и ценным, безусловно, является и сопровождающее ее письмо от 1 мая 1839 г., адресованное русским генералом Григорием Ефимовичем Шварцем известному востоковеду и дипломату Йозефу фон Хаммер-Пургшталю.

Предположительно рукопись была обнаружена во время Кавказских кампаний 1837–1845 гг.

Грамматика неизвестного автора интересна с точки зрения лингвистики и методики описания тюркских языков. Ее условно можно разделить на три части. Первая — основная часть — посвящена непосредственно грамматике (морфология и синтаксис). При объяснении грамматических тем автор опирался на арабский язык, употребляя его термины. Это позволяет сделать вывод, что грамматика была предназначена для арабоязычной аудитории. Вторая часть рукописи посвящена стихосложению. Здесь говорится о значении поэтического искусства, подробно описываются все способы тюркского стихосложения, при этом приводится сравнение с особенностями арабской поэзии. В третьей части приведены тексты для чтения и пословицы.

В грамматике слова делятся на три вида: *исм* (имя), *фи'ил* (глагол) и *харф* (аффикс и частица). Каждый из них подробно описывается, включая особенности образования и изменения. Например, приводятся 24 формы слова, из которых 13 свойственны глаголу и 11 имени. Сначала все эти формы перечисляются, затем на конкретных примерах объясняются их особенности. Особое внимание уделено образованию временных форм глагола, изменению по лицам, переходности и непереходности. Существительные разделены на одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные, объяснено их образование, изменение и функции.

Следует также отметить, что в грамматике детально описаны особенности словообразования и словоизменения, а также вопросы синтаксиса, стихосложения и методики преподавания тюркского языка.

Телицин Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Несколько замечаний к выделению условного наклонения в древнеуйгурском языке

Условное наклонение (*modus conditionalis*) в грамматиках многих языков традиционно трактуется как имеющее своим значением «условную модальность».

Среди глагольных имен древних и средневековых тюркских языков к категории условного наклонения относят форму *-sar*, отмеченную уже в первых памятниках, датируемых VII в. Однако можно встретить и упоминание *-sar* как «условное деепричастие» или «причастие».

Нет единодушия и в вопросе происхождения самого показателя. К наиболее распространенным следует отнести точку зрения В. В. Радлова, который возводил ее к производной от двух «причастий»: *-sar*< *-syq* + *-ar*. Другая, признаваемая большинством исследователей, точка зрения была высказана

В. Бангом: показатель *-sar* восходит к тюркскому глаголу *sa-* «думать, считать». В дальнейшем эта точка зрения была развита Г. И. Рамстедтом, предположившим, что показатель состоит минимум из трех компонентов: *-sar*< *-yγ~-yw* (отглагольное) + *sa-* («желать, хотеть»)+ *-ar* (причастная форма).

Применительно к древнейшим тюркским языкам следует особо отметить, что форма *-sar* трактуется как «деепричастие» лишь на материале памятников древнетюркского рунического письма (VII-IX вв.). Такой же подход к интерпретации формы *-sar* в древних и средневековых тюркских языках можно наблюдать и в настоящее время. Основным признаком отнесения к деепричастиям или наклонению является отсутствие или наличие «личных» форм, т. е. иными словами, деепричастие традиционно трактуется как «неличная» форма.

С другой стороны, если какое-либо действие воспринимается как условие другого действия, то речь идет об отношении элементов объективной реальности, а само условие представляет собой разновидность обстоятельства. Под «обстоятельством» чаще всего понимают «второстепенный член предложения со значением характеристики действия, способа действия и *условий*, сопровождающих действие, синтаксически вводимый посредством атрибутивной связи (при имени и при соотнесении с предложением в целом) или комплетивной связи (при глаголе)» (Ахманова).

«Условная форма» *-sar* в древнетюркских языках представляется деепричастием, т. е. глагольной инфинитной (для языка древнетюркских рунических памятников) или финитной (для древнеуйгурского языка) формой, означающая действие, которому приписывается роль обстоятельства, т. е. события или явления, уточняющего, поясняющего и т. п. другое событие или явление.

Фаттахова А. Р. (ИМОИиВ, КФУ, Казань)

Семантическое освоение арабских слов в языке суахили

Формирование языка суахили происходило под воздействием арабского языка, который оказал на него наиболее глубокое влияние в религиозном, научном и культурном аспектах. Арабские слова, проникая в язык суахили, постепенно приспосабливались и в той или иной степени подчинялись правилам словообразования и словоизменения языка суахили. В настоящее время существуют арабские заимствования, которые не обнаруживают своего иностранного происхождения (*kitabu* «книга» — *vitabu* «книги», от араб. *kitab*).

Семантическое освоение заимствований представляет собой определенный процесс, в котором иноязычное слово проходит стадии освоения лексического значения. Можно выделить следующие способы семантического освоения лексики арабского происхождения в языке суахили:

1. Заимствование одного значения арабского многозначного слова.

2. Заимствование нескольких значений арабского многозначного слова.

3. Заимствование, утратившее связь с семантикой слова-оригинала. (Например, слово *sakafu* «пол, настил» от араб. *saqf* «крыша, потолок». Слово *a[h]sante* восходит к арабскому *aḥsanta* (*букв.* Ты сделал превосходно!). Обычно арабы используют данное слово для выражения восхищения, похвалы в значении «Браво!», «Отлично!». В суахили *a[h]sante* употребляется в значении «Спасибо!»).

При заимствовании арабских слов языком суахили характерен процесс копирования семантики слова-оригинала. Во многих случаях значение иноязычного слова совпадает со значением слова в языке-реципиенте. Как правило, это происходит тогда, когда заимствуется конкретное или предметное значение. В процессе семантической адаптации значение арабских слов могло меняться: сужение (конкретизация), расширение (генерализация) или полная замена значения иноязычного слова.

В процессе семантического освоения заимствования немаловажную роль играет менталитет суахилиязычного народа и языковые контакты как результат общения между представителями различных этнических и языковых групп.

Шатравка А. В. (Амурский ГУ, Благовещенск)

Звукоподражания в современном китайском языке: особенности функционирования

В языках различных типов существует достаточно большое количество звукоподражаний, которые делают речь более красочной и выразительной. Набор фонетических средств в языках различен, отсюда и разница в звукоподражательных словах, передающих один и тот же звук. Таким образом, возникает проблема перевода звукоподражаний с одного языка на другой.

Посредством имитации звуков природы, человека, предметов, достигается более точное и детальное описание того или иного явления. При переводе с китайского языка, как правило, сложно осуществить адекватную передачу звуков на русском языке.

При решении данного вопроса, прежде всего, необходимо сделать грамматический анализ предложения, определив синтаксическую функцию звукоподражания. На материале современной китайской прозы нами было проанализировано 2500 предложений. Исследование показало, что звукоподражание в предложении может выполнять функции различных членов предложения: обстоятельство (47%), определение (15 %), эквивалент предложения (14 %), сказуемое (10 %), дополнение (11 %), подлежащее (3 %).

Такой набор синтаксических функций не характерен ни для одной части речи современного китайского языка. При решении вопроса о принадлежности слова к определенной части речи, решающим является грамматический критерий, а именно — весь набор синтаксических функций слова в предложении и сочетаемость слова с другими словами. Исследование показало, что звукоподражания обладают своим специфичным набором грамматических функций, который позволяет рассматривать звукоподражания как особый класс знаменательных слов.

Ямпольская С. Б. (ВФ СПбГУ; Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Диглоссия иврита-идиша и арабская диглоссия: сходные черты и различия

В 1959 году Чарльз Фергюссон опубликовал статью под названием «Диглоссия»[1]. С тех пор статья эта стала программной для социолингвистики, а само понятие диглоссии быстро заняло место одного из базовых концептов в понятийном аппарате исследователей языка. Языковая ситуация в арабоязычных странах считается классическим примером диглоссии, в которой литературный арабский играет роль верхнего языка (H), а диалект — нижнего языка (L).

Джошуа Фишман расширил понятие диглоссии, распространив его и на неродственные языки. Он же первым определил языковую ситуацию еврейских общин Восточной Европы XIX века как диглоссию, в которой иврит выступал верхним языком, а идиш — нижним[2]. И действительно, социальное распределение функций иврита и идиша имеет много общего с арабской диглоссией: высокий язык (H) — язык религии, образования, мужской язык, выученный для всех носителей, обладающий высоким статусом; и низкий язык (L) — язык домашнего общения, рынка, женский язык, имеющий низкий статус в обществе.

В данном докладе будет обсуждаться вопрос о целесообразности использовать термин «мертвый язык» применительно к верхнему языку диглоссии на примере этих двух случаев.

[1] Ferguson C. Diglossia // Word 15. 1959.

[2] Fishman J. Bilingualism With and Without Diglossia; Diglossia With and Without Bilingualism // Journal of Social Issues. 1967. № 23(2).

СЕКЦИЯ XIV.
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

Joachim Kolb (Trinity College, Dublin)

Building a National Literature: the Case of the UAE (1971–2014)

Since its formation, the United Arab Emirates (UAE) have faced the challenge of reconciling rapid economic growth, practically unfettered immigration, and a rapid development of the physical infrastructure that allowed new lifestyles to emerge with the proclaimed continuity of an autochtonous culture that is at onceliving heritage, a projection of the current political order into the past, and a reinvention of the latter under conditions of globalized acculturation.

This talk gives an overview of the organizational support, as well as the challenges for the emergence of a national literature in the UAE. It documents the role of Arabic and specifically Arabic literature as a core element in building soft power in the region, as well as in reinforcing the ties that bind Emirati society internally. Finally, the field of Emirati prose literature is scrutinized, and some preliminary conclusions are drawn as to its themes, motives and protagonists. Here, a periodization of Emirati prose literature is attempted on the basis of the thematic structure of the literary works, the biographies of their author, and their social and economic embedding in existing mechanisms of social exchange and patronage in the UAE.

In so doing, particular attention is given to the emergence of a new generation of Emirati authors, who have come to take conditions and material affluence for granted, but also articulate the voice of a dominant minority population in a country where the sheer numbers of resident foreigners tend to limit their participation and their sheer presence. Emergent literary and thematic conventions are explored, as are the institutions that have come to support the incipient literary activity in the UAE.

Angelina Saule (St. Petersburg State University, St. Petersburg)

The Modernist poetics of the erotic: the metamorphosis of desire formalised in the work of the Modernist poet Nizar Qabbani

The paper wishes to provide an illuminating analysis on the formal innovation that desire can generate, as elucidated in the works of Nizar Qabbani, who represents the formal innovations of Modernism within Arabic poetry.

The poet analysed offered a means of resistance through the pursuit of pleasure and its recoded representation. The paper is an attempt to summarize the poetic revolution emblematic of his vision in the book 'Republic of Love' and how it actually helped rescue from neglect and oblivion the tired poetic expressions of desire in earlier Arabic poetry. The erotic desire to possess and thus express the other, yet to always elude the other and to continue desiring, arises from a poetic language and mythopoeia of metaphor, that goes beyond existing limits of expression. Eroticism exists as a desire for transgression, thus dissolving the rational world which is always temporary.

Because the nature of desire is intertwined with the erotic and sexual, it stands to reason that Qabbani attempted to conceive eroticism as some form of dissoluteness or an excess connected with the future of mechanization and war. It is imperative to note that the objectives of the Qabbani can be considered within the wider scale of the Modernist project in the English-speaking and Russian-speaking world as well. Despite the innate preoccupation with innovating form and content, poets within Modernism were also inevitably tied to the past as a poetics after repression — historically, after Imperialism, Tsarism, WWI, revolution.

Sexual aberration, including sadism, masochism, homosexuality, fetishism, and necrophilia became a way to displace the language of power: did Imperialism, war or revolution threaten or defeat the Erotic? Did these poets offer a means of resistance through a pursuit of pleasure and its recoded representation? As sexuality and eroticism play a central role in the formation of the poetic voice throughout poetic history, were the Modernists able to recodify the erotic?

Абдуллаева Ш. А. (Архив Политических Документов УДП Азербайджана, Баку)

«Йусуф и Зулейха» тюркского поэта XV в. Хамдуллаха Хамди

Легенда о Йусуфе и Зулейхе на протяжении столетий являлась одной из популярных и любимых тем как в персоязычной, так и тюркоязычной литературе. Известный турецкий литературовед Агах Сирри Левенд (1893–1979)

установил, что только в период после XV в. на эту тему было написано 27 произведений такими авторами, как Бехишти Ахмед Синан, Джалили, Ахмеди, Шейхоглу Мустафа, Кепрюлюзаде Асад Паша, Мехмет Иззет Паша, Йусуф Челеби, Шикари, Зихни и др.

Одним из самых знаменитых произведений на тему Йусуфа и Зулейхи является одноименный *маснави* Хамдуллаха Хамди (1449–1503), сына великого суфия своего времени Акшамсаддина (1389–1459), учителя Султана Фатиха Мехмеда (1432–1481). В Институте Рукописей НАНА хранятся два рукописных списка «Йусуфа и Зулейхи» (ш. А-438 и ш. А-204), по палеографическим и орфографическим данным относящиеся к XVI и XVII вв.

Бытует мнение, что в западную литературу притча об Иосифе пришла из Ветхого завета, а в восточную — из Корана. Однако, надо отметить, что в «Йусуфе и Зулейхе» Хамди описаны эпизоды, имеющиеся только в Торе («Бе-решит», главы 27, 46): история Эсава, родного брата-близнеца Иакова, зависть братьев, которая позже проявилась в отношениях между братьями Иосифа, желание пророка Исаака передать пророчество Эсаву, которое с помощью матери переходит к Иакову, а также упоминание имен сынов Израилевых — Иакова, его сыновей, их матерей, потомков и т. д. Вероятно, основной причиной этих заимствований является то, что история об Иосифе Прекрасном в Торе описана более подробно (главы 37–50 «Бе-решит», «Книга Бытия»).

В восточной литературе история пророка Иосифа стала основой для сочинений, восхваляющих любовь Йусуфа и Зулейхи, аналогичных истории любви Лейли и Меджнуна, Хосрова и Ширин и т. п. Однако следует отметить, что во все эти произведения, на первый взгляд представляющие собой истории о любви, в действительности заложен еще и скрытый смысл, связанный и с каббалой, и с суфизмом, отражающий священный путь к мудрости и совершенству.

Азизалиева Б. Г. (НАНА, Баку)

Проблема Восток — Запад в творчестве Амина ар-Рейхани и Михаила Нуайме

Проблема Восток — Запад берет свое начало в появлении культурных и литературных связей между восточными и западными странами. Большую роль в разработке этой темы сыграла арабская эмигрантская литература, занимающая особое место в истории мировой литературы.

Одна из важных особенностей арабской эмигрантской литературы связана с отражением синтеза восточной и западной культур в мировом литературно-философском наследии. Арабские писатели Амин ар-Рейхани и Михаил Нуайме, творческая деятельность которых разворачивалась в первой половине двадцатого века в США, интегрируя национальную арабскую литературу

в мировой литературный процесс, способствовали созданию своеобразной модели синтеза культур Востока и Запада.

Писатели-эмигранты, стремившиеся к примирению разных культур в форме их синтеза, обращали внимание на противоречия, порождающие проблемы, и выдвигали конкретные суждения по поводу перспектив их разрешения. Все это обусловило особое место их произведений в истории мировой литературы.

Али-Заде Э. А. (ИВ РАН, Москва)

Ф. М. Достоевский в арабской рецепции

Впервые имя Достоевского на Арабском Востоке было упомянуто в 1887 г. в бейрутской энциклопедии «*Даират аль-маариф*» в качестве «крупнейшего русского писателя современности». Достоевский вошел в духовный мир арабов в первые десятилетия XX в. на волне увлечения русской литературой. Ее ранние почитатели (Х. Бейдас, М. Нуайме, С. Муса, М. А. ас-Сеййид и др.) высказывались о Достоевском параллельно с другими знаменитыми русскими прозаиками, называя его «выдающимся мыслителем», «гигантом искусства», символом «высокой человечности», повлиявшим на формирование их мировоззрения и художественных вкусов. Целый ряд представителей последующих поколений арабских писателей также признавали воздействие Достоевского на свое творчество.

Знакомство арабского читателя с Достоевским происходило через переводы его произведений. Начало этому положил С. Муса, переводчик первой части «Преступления и наказания» (Каир,1914). Событием стал выход в Каире «Полного собрания сочинений» Достоевского в 18 томах (1967–1971) в переводе сирийца Сами ад-Даруби с его вступительными статьями к каждому тому.

Одной из первых отдельных публикаций о Достоевском стала статья в каирском журнале «*аль-Иха*» (1931). Первым крупным трудом о писателе на арабском языке явилась книга египтянина Х. Махмуда «Достоевский. Его жизнь» (1943). Начиная с 1950-х гг. статьи о Достоевском публиковали многие арабские журналы. Авторы статей говорили об актуальности для арабского общества проблем, поставленных писателем. В 1970–1980-е гг. арабские журналы активно печатали статьи зарубежных авторов о русском классике.

Анализ романов Достоевского дан в монографии египтянки Макарим аль-Гамри «Русский роман XIX века» (1981). «Рассказ о жизни Достоевского» — статья в сборнике сирийца Саида Хуранийи (1994). Другой сириец М. Абу Альвай выпустил книгу «Толстой и Достоевский в арабской литературе» (1999).

Рашид Бу Шаир в статье «Арабская литература между глобальностью и глобализацией» (2003) отнес к «всемирной литературе», ее «величайшим, бессмертным шедеврам» произведения Достоевского «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот».

Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

Персидские поэтические сочинения в дагестанской книжной культуре

С распространением ислама в Дагестане связано появление здесь эпиграфических, эпистолярных, научных и художественных сочинений на персидском языке. Персидский язык вслед за арабским приобретает в Дагестане статус языка науки, художественной литературы, официальной и частной переписки. Персидский язык изучали по произведениям персидских поэтов. Так например, дагестанские ученые Дибир-кади из Хунзаха (XVIII в.) и Хасан Алкадари (XIX в.) отмечают в своих сочинениях, что персидский язык они осваивали по «Гулистану» Саади Ширази. В учебных целях привлекались и другие персидские поэтические тексты: «Шах-наме» Фирдоуси, стихи Анвари, Низами, Омара Хайяма, «Бустан» Саади, диваны Хафиза, Джами, Орфи Ширази и др.

Поэзия и проза средневекового Дагестана представляет собой сочетание широкого спектра персидских, арабских и исконно национальных литературных традиций. Дагестанская художественная литература содержит классические иранские сюжеты героического, лирического и трагического характера. В канву художественных повествований органично вплетены образы мифических героев «Шах-наме» Рустама, Заля, Исфандияра, злодея Заххака и кузнеца Кавы, восставшего против тирана. Широко используются назидательные рассказы Саади Ширази, стихи Хафиза, философская поэзия Руми. Отдельные изречения этих поэтов вошли в фольклорный обиход дагестанцев.

Со сменой веков и эпох интерес к персидской литературе не исчезает, но уже все больше в переводах на русский язык. Персидских классиков переводят и на национальные языки: Низами Гянджеви (З. Гаджиев), Рудаки, Фирдоуси, Омара Хайама (А. Сулейманов) — на аварский язык, рубаи Хайяма на аварский язык (М. Хамзаев), на лакский язык (Д. Дигиев), на кумыкский язык (М. Хангишиев и А. Гамидов), на лезгинский язык (Г. Фаталиев); стихи из «Гулистана» Саади на лакский язык (Ю. Муркелинский) и т. д. Поэты в Дагестане писали по мотивам персидской лирики свои стихи (на персидском и национальных языках): Дибир-кади из Хунзаха (XVIII в.), Гасан Алкадари (XIX в.), Мирза Али ал-Ахты (XIX в.), Гаджимурад Цый-

шинский (2-я пол. XIX в.), Юсуп Муркелинский (2-я пол. XIX в.), Расул Гамзатов (XX в.).

Влияние высокой персидской поэзии, усвоение восточной поэтики, несомненно, привело к творческому обогащению поэзии Дагестана.

Алиева Л. К. (ИВ НАНА, Баку)

Краткие сведения о палестинской литературе сопротивления

В настоящее время палестинская литература занимает особое положение среди арабских литератур, поскольку принадлежит народу, который по стечению трагических обстоятельств лишился родины. Эмигрировав в другие страны, или оставшись на своей земле, оказавшейся оккупированной, народ Палестины старается сохранить свою национальную культуру, включая литературу.

На протяжении первых десятилетий после оккупации палестинских земель израильтянами в палестинской литературе задавала тон поэзия. Критики упрекали неспособность палестинской прозы воссоздать реалии жизни, но постепенно накопленный опыт осмысления реальности выдвинул на авансцену палестинскую прозу. Основная мысль литературных произведений сводится к трагедии арабского народа, лишившегося Родины и не имеющего национальной независимости. Данный доклад будет посвящен анализу поэтических и прозаических произведений современной палестинской литературы.

Алимухамедов Р. А. (ТашГИВ, Ташкент)

О жанровом разнообразии тюркско-манихейских поэтических текстов в истории древнетюркской литературы

Манихейство как религия сыграло немаловажную роль в развитии культуры и литературы древнетюркской эпохи. В истории древнетюркской литературы тюркско-манихейская эпоха играет особую роль. До сегодняшнего дня сохранилось более двухсот манихейских рукописей и фрагментов на тюркском языке, в состав которых входят документы, содержащие проповеди, гимны богам, покаянную молитву «*Xuastuanivt*», книгу гаданий «*Ïrq bitig*», стихотворения религиозно-философского и лирического содержания.

Ученые дают рассматривают тюркско-манихейскую литературу как одно из особых направлений в развитии древнетюркской литературы. Одной из

отличительных черт этого направления, отличающих ее от тюркско-буддийской литературы, является свобода литературного творчества. В частности, для рассматриваемой эпохи характерна не только религиозно-философская поэзия, но и стихотворения лирического характера. Одно из таких стихотворений, написанных поэтом Апринчур-тигином, является первым лирическим стихотворением в истории тюркской литературы.

Изучение тюркско-манихейской литературы свидетельствует о жанровом и тематическом разнообразии поэтических произведений рассматриваемой эпохи. Жанр многих стихотворений определен уже в самом их названии, как правило тюркском, но заимствованном из древнеиранских языков. Например, *küg, baš* или *bašïq*, *taqšut*. Есть основания утверждать, что жанровые разнообразие поэтических текстов не только сложилось фактически, но и получило терминологическое закрепление.

Таким образом, тюркско-манихейские поэтические произведения стимулировали формирование тюркско-манихейской литературной среды, новых жанров, а также развитие литературной терминологии.

Алонцев М. А. (РГГУ, Москва)

Апологетические аспекты жития Джа‘фара Садика в сочинении Фарид ад-дина ‘Аттара «Поминания друзей Божьих»

Конец X в. является периодом окончательного формирования суфийской традиции. В это время создается обширный корпус апологетической суфийской литературы, которая лежит в основе современного развития суфизма. С 967 г. по 1074 г., возникает большое число биографических сводов, трактатов и руководств, охватывающих все основные аспекты «суфийской науки». В них объяснялась суфийская терминология, обсуждалась природа чудес, приписываемых суфиям, подробно излагались правила подвижничества и отношений внутри суфийских сообществ. Все важные тезисы этих сочинений подкреплялись ссылками на авторитетные высказывания важнейших представителей традиции. Интересно, что среди них мы находим подвижников, которые жили и умерли еще до того момента, как суфизм оформился в качестве самостоятельного религиозно-мистического учения.

Сочинение Фарид ад-дина ‘Аттара (ум. 1221) «Поминания друзей Божьих» без сомнения продолжает традиции агиографических сочинений, заложенные авторами X–XI вв. Более того, ‘Аттар в значительной степени использует информацию, приводимую в агиографических сводах предыдущих эпох. Произведение открывается житием Джа‘фара Садика — потомка пророка Мухаммада, шестого шиитского имама, святого, присутствующего в генеалогических

цепочках многих суфийских братств. Именно эту популярную и авторитетную фигуру автор выбирает для «легитимации» суфийского движения, действуя в рамках уже сложившейся апологетической традиции.

Можно выделить несколько ключевых апологетических аспектов этого жития:

Авторитет, благочестие и аскетический образ жизни Джа‘фара Садика восхваляется всеми мусульманами.

Джа‘фар Садик дает наставления т. н. «прото-суфиям», а также является учителем знаменитого суфия Абу Йазида Бистами.

Житие Джа‘фара Садика служит одной из главных целей этого сочинения — примирить людей, живущих в «дурные времена».

Амонов Ш. Н. (НУУз, Ташкент)

Лирика Хамзы Хакимзаде Ниязи: источник и текстологическое исследование

Лирическое наследие Хамзы Хакимзаде Ниязи составляют в основном диван поэта («Дивани Нихани»), сборник «Национальные стихи для национальных песен», а также стихи в «Документах архива Хамзы», хранящегося в Государственном музее литературы им. Алишера Навои АН РУз.

Изучение «Полного собрания сочинений» Хамзы, опубликованного в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века, а также стихов, вошедших в опубликованный десятилетием позже пятитомник, в сопоставлении с оригиналами рукописей поэта, показывает, что значительная часть произведений талантливого автора была отредактирована с идеологической подоплекой.

Например, первое стихотворение сборника «Желтый цветок» называется «Да здравствует сын родины». Оно основано на музыке османского марша под названием «Песни нации и родины». Поводом для написания стихотворения стало восстание против мобилизации мусульман для прифронтовых работ в 1916 году. Героями стихотворения являются господин Чайкин, один из известных и авторитетных чиновников русского правительства, живший в Коканде в период Первой мировой войны, и редактор газеты «Садои Туркистон» Убайдулла Ходжаев. Стихотворение написано в 1916 году, в середине месяца рамадан. Высокопарный слог поэта не затмевает собой мотивы горечи и сожаления. В современном издании из стихотворения была изъята ключевая строфа, являющаяся кульминацией сюжета, что вполне объяснимо. Строфа содержит нелицеприятный отзыв о колонистах. Поэтому в издании стихотворение сопровождается комментарием: «Издается впервые»[1].

[1] *Ниязи Х. Х.* Полное собрание сочинений. Ташкент: Фан, 1988. Т. II. С. 480.

В отличие от других разделов, последняя часть сборника «Национальные стихи» издана под двумя названиями — «Память о свободе» и «Фиолетовый цветок»[1]. В данную часть включены стихи, посвященные все тем же событиям 1916 года — *«Герой родины», «Не судьба», «Соскучились», «Передайте привет»*. Двойное название сборника также имеет определенный смысл, а именно — показывает, что поэт возлагал большие надежды на революцию, надеялся на приход светлых дней.

Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва)

Первая мировая война в турецкой поэзии и фольклоре

Первая мировая война отражена во множестве произведений турецкой литературы, главным образом — в прозе. Тем не менее, события Первой мировой войны не могли не найти отражения как в творчестве турецких поэтов самых различных направлений и школ (например, в произведениях Зии Гёкальпа, Мехмеда Юрдакула — литераторов, чье творчество принято связывать с подъемом националистической идеологии в Турции), так и в фольклоре.

Если в турецкой поэзии тех лет господствуют патриотические настроения, повлиявшие и на форму стиха, призванного приблизить поэзию к фольклору, то собственно в турецком фольклоре этого времени, в народных песнях нашли отражение самые мрачные и драматические для Турции события Первой мировой войны — сражения при Сарыкамыше и Чанаккале. В жанровом отношении эти песни представляют собой *тюркю* — один из самых древних жанров турецкого лирического песенного фольклора. Безусловно, данные фольклорные материалы требуют дальнейшего изучения, введения их в научный оборот, комментированного литературно-критического перевода и публикации.

Афанасьева Е. Н. (ИМЛИ РАН, Москва)

Судьбы фольклорных сюжетов тайских народов в литературе и традиционном театре («Паннасаджатака»)

Фольклорные сюжеты тайских народов, обработанные и зафиксированные на языке пали буддийскими монахами Чиангмая (Северный Таиланд) в начале XVI столетия (до 1520 г.), оказались популярными не только в самом Чиангмае (Лааннаа — Миллион рисовых полей), но также в соседних странах — Бирме, Камбодже и, прежде всего, в государствах, населенных тайскими наро-

[1] Ниязи Х. Х. Т. I. С. 484.

дами — в Таиланде (Аютии, XIII — сер. XVIII вв.) и Лаосе (Лаансаанг — Миллион Слонов, XIII — нач. XIX вв.).

В XIX столетии, когда Лаос был аннексирован Сиамом, и под страхом смертной казни было запрещено употребление лаосского алфавита, что привело к прерыванию письменной литературной традиции, «джатаки» из чиангмайского апокрифа и произведения, основанные на их сюжетах, переписывались в монастырских библиотеках послушниками по мере гниения рукописей на пальмовых листьях. Как в Лаосе, так и в Таиланде сюжеты «Паннасы» стали основой не только большинства поэм, созданных в классический период, но также послужили теми элементами словесности, которые были использованы при формировании народной концепции буддизма тхеравады, поскольку многие из поэм вошли в репертуар традиционного театра (например, 19 аютийских пьес написаны на сюжеты «Паннасы»). Именно посредством театра, а также через лаосские сборники для иллюстрации проповедей чиангмайские «джатаки» стали гораздо более популярны, чем джатаки буддийского канона, из числа которых в «народный» буддизм вошла только «Вессантара-джатака».

Анализ сюжетов «Паннасы» свидетельствует о сходстве основных положений местной религиозной концепции с даосизмом, а не с классическим буддизмом. Для героев «Паннасы» характерно стремление к воссоединению со «спутницей рождения» — «кхуу чаат», а не накопление религиозных заслуг. Именно в этом и состоит принципиальное различие между джатаками «Паннасы» и наиболее значимыми аютийскими поэмами (пьесами), герои которых, подобно местным принцам, заняты любовными интригами и имеют несколько жен, в отличие от «моногамных» героев первоисточника.

Ахмедова Ш. И. (ТашГИВ, Ташкент)

Специфика развития современной прозы арабских стран Персидского залива

Изучение литератур арабских стран Персидского залива, продолжающих на современном этапе свое вхождение в мировой литературный процесс, имеет особое научное значение, подтверждая известную теорию ускоренного развития культуры на современном этапе. Если литературное обновление в Египте, Ливане и Сирии в целом началось во второй половине XIX века, то в странах Аравийского полуострова этот процесс начался на целое столетие позже — во второй половине XX века.

Становление современной литературы Кувейта, Бахрейна, Йемена и Саудовской Аравии началось в 40–50 годах XX века. В дальнейшем, в результате ускоренного ознакомленным с мировым литературным опытом, в литературах этих стран наблюдалось одновременное сосуществование нескольких художествен-

ных направлений: от просветительского до модернистского, при недостаточном уровне развития каждого из них. Процесс обновления литературы в Катаре, Омане и Объединенных Арабских Эмиратах начался еще позже — в 70-х годах XX века, причем просветительская литература практически не развивалась: почти не создавались такие характерные для просветительства жанры как исторические романы, философские и энциклопедические произведения. Их место заняли социально-бытовые рассказы, романы, и одновременно появился интерес к модернистской эстетике. При всем разнообразии художественных методов и стилей в литературах стран Персидского залива сохраняются, тем не менее, черты самобытности и национального своеобразия.

Банит С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Поп-литература в Индонезии (женская литература XX века)

Женскую литературу 1970–1980-х годов принято считать лёгкой развлекательной литературой. Основная аудитория читателей — это школьники и студенты, главные герои, как правило, их ровесники. Молодежь, уставшая от учёбы, от требований общества и времени, искала утешения и простых, но обильных переживаний, предложенных авторами. Но почему же большая часть писателей тех лет женщины?

Основная причина в большом количестве женских журналов в Индонезии, которые традиционно содержат литературный раздел. Но есть и другой ответ, женщина пишущая выражает свой внутренний мир, отражает полную эмоциональную картину общества, где писатели-мужчины заняты постановкой и решением глобальных проблем, оставляя за рамками повествования переживания маленького человека. Читатели легко откликаются на такую литературу. Основной недостаток этих произведений в их отрыве от реальности, уводе читателей в привлекательный мир фантазий и грез. И чем труднее становилась жизнь индонезийского общества, тем более востребованными становились романы поп-литературы.

Критика свысока оценивает произведения женщин, указывая на шаблонность и примитивность сюжетов и образов, недостаточность идей и отсутствие развития; сиюминутный развлекательный характер. Термин стал означать литературу низкого качества, а авторов обвиняли в сочинительстве ради денег. Отнеся все произведения женщин к поп-литературе, критика не давала себе труд рассмотреть отдельные романы и рассказы и отдельных авторов.

Поп-литература — это не просто изложение жизненных событий красивым языком, это литература утешения, традиционный классический жанр, это также отражение мелочей жизни (не замеченных авторами «серьёзной» литературы),

которые, собранные воедино, дополняют картину мира. Это картина внутреннего мира и переживаний женщин, подростков, детей. Из авторов небольших рассказов и повестей так называемой поп-литературы вышли такие большие авторы, как Марга Т. и Мария А. Сарджоно.

Бросалина Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Г. С. Лебедев и Бх. Рай: перекрестки судеб

Аспекты разносторонней деятельности русского путешественника, музыканта и переводчика Г. С. Лебедева тесно связаны с особенностями социокультурной ситуации, сложившейся в Калькутте конца XVIII в. Она имела немало общих черт с той, которая была характерна для России на полстолетия раньше. В обоих случаях ее результатом стала своеобразная «разгерметизация» общественного сознания. Для творческой личности этот процесс означал стремление обнаружить через опыт знакомства с иноязычной культурой черты общего и особенного. Это имело следствием начало интенсивной переводческой деятельности, а также пересмотр иерархии жанров отечественной словесности. Принцип отбора переводимого стал зависеть главным образом от притягательности для переводчика творческих позиций автора оригинала.

В случае с переводами Г. С. Лебедевым с английского на бенгальский, хиндустани и русский комедии Р. П. Джодрелла «Обманчивая внешность» и средней части поэмы Бх. Рая (1712–1760) «Благодарение богине Онноде», а также его деятельностью в качестве режиссера-постановщика мы имеем дело с тем же комплексом побудительных причин.

В этой связи особого внимание заслуживает сходство «линий жизни» бенгальского поэта и его русского переводчика. Обращает на себя внимание также музыкальная одаренность и дерзновенный поиск ими обоими новых путей самовыражения.

Для Бх. Рая этот новый путь заключался в преобразовании внутренней структуры поэмы во славу божества в сторону десакрализации содержания. Именно эти особенности поэмы сделали ее привлекательной для использования в качестве сюжета массового народного представления «джатра».

Очевидно, что именно популярность этой любовной истории в формате площадного театрального действа навела Г. С. Лебедева на мысль использовать некоторые его приемы при постановке пьесы П. Джодрелла. Сущность театрального эксперимента Г. С. Лебедева заключается в том, что ему удалось в рамках постановки одной пьесы совместить, казалось бы, несовместимое: местную традицию народных представлений с постановочными приемами европейской комедии, причем в театре, построенном по образцу театра своего земляка Ф. Волкова.

Букатая А. М. (БГУ, Минск)

Проблема национальной идентичности в повести Чжан Лин «А-си идёт в школу»

Доклад посвящён анализу проявлений национальной идентичности в повести Чжан Лин (张翎) «А-си идёт в школу» (《阿喜上学》).

Чжан Лин (1957 г. р.) является одной из представительниц современной китайской литературы зарубежья. В повести «А-си идёт в школу» (2009) автор описывает судьбы китайских эмигрантов в Канаде начала XX в. Главная героиня А-си родилась и выросла в Китае, она не видела отца, а мать переехала в Канаду, когда девочке было пять лет. Семья находит способ воссоединиться с дочерью лишь тогда, когда той исполняется уже четырнадцать лет.

Внешними приметами проявления идентичности является изображение элементов бытовой культуры Китая, которые наиболее рельефно выделяются при сопоставлении с элементами бытовой культуры Канады. Внешнее воплощение избранной идентичности главной героини А-си однозначно определено через изображение предметов и явлений, относящихся к западной или восточной культуре. События происходят в китайском квартале Ванкувера, но именно западная традиционная культура представляется главной героине инородной. Описываемые автором предметы обстановки в доме, где живёт А-си, продукты питания и традиционные блюда, предметы одежды, приметы внешности свидетельствуют о том, что у персонажа нет сомнений в национальном, гендерном и социальном самоопределении.

По различным причинам идентичность героини испытывает влияние иноземной культуры. Это проявляется в её желании получить образование, в необходимости обретения нового английского имени, в развитии творческих способностей, в неосознанном принятии западной религиозной культуры и т. д. Главная героиня начинает остро ощущать свою индивидуальность, но ещё не знает, как её использовать. Повесть «А-си идёт в школу», как и другие произведения Чжан Лин, иллюстрирует тот факт, что столкновение мировоззрений представителей разных культур часто ведёт к синкретизму, но отнюдь не свидетельствует об исчезновении национальной самобытности.

Вюсала Мусалы (Кастамонийский Университет, Турция)

«*Кемаль аш-шуара*» как источник по истории турецкой литературы

Турецкий литературовед Махмуд Кемаль Иналь (1871–1957) написал свой труд «*Кемаль аш-шуара*» как продолжение к *тезкире* Фатина. Его сочинение

охватывает биографии и поэтические образцы 556 поэтов, которые жили и творили между 1800–1941 гг.

«*Кемаль аш-шуара*» впервые был опубликован в 1930–1942 гг. Министерством народного образования Турецкой Республики. Эта публикация состоит из 3-х томов и носит название «*Сон асыр Тюрк шаирлери*» («Турецкие поэты последнего века»). В 1970 и 1988 гг. факсимиле первого издания этого сочинения увидело свет в 4-х томах. Автором предисловия к этому изданию является проф. М. Чавушоглу.

Тезкире М. К. Иналя было снова подготовлено к печати в 5 томах Президиумом Центра Культуры им. Ататюрка и опубликовано в 1999–2013 гг. Эта последняя публикация является наиболее совершенным изданием труда М. К. Иналя. 1-й том сочинения подготовил к печати М. Джунбур (1999), 2-й том — К. Озгюль (2000), 3-й том — Х. Озджан (2000), 4-й том — И. Баштуг (2002) и 5-й том — А. Джелепоглу (2013).

При жизни автора его дом превратился в место встречи поэтов, учёных и государственных деятелей. Эти знакомства помогли ему составить свое *тезкире*: по просьбе автора многие поэты посылали ему свои автобиографии. Во введении автор говорит о значении биографических произведений, даёт сведения о сочинениях этого жанра, излагает причины появления своей книги и упоминает трудности, с которыми ему пришлось столкнуться.

В своем *тезкире* М. К. Иналь даёт сведения о знаменитых литераторах и поэтах своей эпохи, таких как М. А. Эрсой, И. А. Гёвса, А. Гёльпынарлы, А. Дж. Йонтем, А. Джевдет, М. Э. Юрдакул, М. Ф. Кёпрюлю, Т. Фикрет, З. Гёкалп, О. Ш. Гёкъяй, О. Сейфеддин и др. В этом сочинении мы встречаем имена таких турецких поэтесс, как Адуле Султан, Фериде, Фытнат, Шюкуфе Нихаль, Шереф, Яшар Незихе, Лейла, Макбуле Леман. Кроме того «Кемаль аш-шуара» привлекает внимание тем, что содержит информацию о жизни и творчестве азербайджанских поэтов (Бехайи, Фейзи, Нигари, Ремзи, Себати, Ками и др.), эмигрировавших в Турцию.

Гайда (Самсонова) И. В. (Обучающий центр «Конессанс», Санкт-Петеребург)

Детективы Ахмета Митхата «Тайна преступлений» и «Разбойник Монтари»

Автор первого турецкого оригинального детектива — Ахмет Митхат (1844–1902). Детективы А. Митхата дидактичны, имеют запутанный сюжет, изобилуют подробностями, что свойственно восточной, в частности, османской литературной традиции. В то же время они просты по языку и занимательны. «Тайна преступлений» — первый турецкий оригинальный детектив,

а «Разбойник Монтари» — самое удачное произведение детективного жанра А. Митхата.

В первом из них писатель следует классическим образцам. Интрига линейна, хотя сам сюжет довольно сложен. Есть признаки классического детектива, которые в совокупности были названы Н. Н. Вольским *гипердетерминированностью мира детектива*: обыденность обстановки, стереотипность поведения персонажей, отсутствие случайных ошибок[1].

В «Тайне преступлений» прослеживаются зачатки особенностей детектива, получивших дальнейшее развитие в турецкой литературе XX в., — в полицейском и, отчасти, психологическом детективе. Заметны компенсаторная функция и, в меньшей степени, — транслирующая.

«Разбойник Монтари» — наиболее удачный детектив Митхата — построен по менее традиционному шаблону. В значительной степени в нем прослеживается влияние французской литературы: мелодраматический момент — один из основных. Сюжет запутан, интрига не линейна, есть параллельные линии. Герои обладают яркими, выпуклыми, чётко прописанными характерами. Ряд особенностей классических образцов детектива здесь не просматривается.

Первые турецкие детективы, безусловно, самостоятельные произведения, хотя часто ещё незрелые. Они представляют ценность не только как первые опыты на турецком языке в этом жанре, но и как произведения зарождающейся массовой культуры. Они наделены всеми её функциями, в первую очередь компенсаторной и социально интеграционной: массовая культура преподносит стандарты миропредставления, ценностей, способов коммуникации и взаимодействия, шаблоны «правильных» моделей поведения.

Гамидов М. Б. (НАНА, Баку)

Поэзия Михаила Нуайме: философия и мастерство

Во второй половине XIX века арабская эмигрантская литература, создававшаяся в основном ливанскими арабами-христианами, эмигрировавшими в Европу и Америку, сыграла особую роль в развитии современной арабской литературы. Прозаик и поэт Михаил Нуайме является одним из видных представителей этой литературы — наряду с Джебраном Халилем Джебраном, Амином ар-Рейхани, Насибом Арида. Творчество Михаила Нуайме, родившегося и выросшего в Ливане, получившего образование в России и долгое время жившего в Америке, сформировалось под влия-

[1] *Вольский Н. Н.* Лёгкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра: монография. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 14.

нием различных культурных традиций. Его стихи составили сборник «*Хамс ал-джуфун*» («Шепот век»).

Стихи, включенные в сборник, имеют, по большей части, философское содержание: поэт концентрируется на важности осознания человеком своей собственной личности, через которую он познает Творца. При этом выразительность мысли автора достигается особой поэтикой языка произведения. Доклад будет посвящен детальному разбору творческого метода автора, нашедшего яркое выражение в стихах, собранных в данном сборнике.

Гасанова Л. Т. (Институт Литературы НАНА, Баку)

Постмодернистская стратегия повествования в современной азербайджанской прозе (на примере повести «*Гезмунджугу*» Анара)

В конце 2014 года была опубликована повесть народного писателя Анара «*Гезмунджугу*»[1]. Это произведение вызвало большой интерес в литературных кругах.

В повести с детективным сюжетом события начинаются с театрального фарса — воскрешения мертвеца. Сюжет расходится на несколько линий. Главная идея произведения — соотношение добра и зла — одна из вечных проблем литературы, актуализируется не на принципе бинарных оппозиций, а через деконструкцию (Деррида)[2]. В постмодернистском произведении имеет место децентрирование, распадение семантической основы произведения, превращение текста в ризому. Писатель использует двойное кодирование. Каждый читатель выбирает свой путь, становясь участником игры.

Главного героя произведения — Ахлимана, осознающего свою беззащитность перед сильными мира сего, называют Ариманом, и он пытается отомстить всем, кто его обижает. Каким-то мистическим путем его недруги умирают. После встречи со старцем происходит раздвоение персонажа: Ариман, который творит зло, и Ормузд, который пытается помешать ему. Их встреча, диалог, способствует раскрытию философского подтекста произведения. «Ты должен знать, что отвечая злом на зло, ты умножаешь зло… Если один победил в бою тысячи людей, а другой самого себя, то победителем является последний».

В повести много вопросов: «Ты верующий. Но у тебя много вопросов к Богу. Почему в мире столько несправедливости, зла? Бог не в силах сразить

[1] *Анар*. Гезмунджугу // Азербайджан, 2013, № 11 (на азерб. языке). (Перевод текста произведения мой).

[2] *Алексеева Е. А., Тузова Т. М.* Деконструкция //История философии. Энциклопедия. Минск, 2002, с.292–293.

дьявола. Хотя говорят что, в душе любовь к Богу должна быть такой сильной, чтобы там не осталось места дьяволу». В поисках ответа на этот вопрос автор ссылается на многие философские труды, исторические трактаты, предания, создавая реальные и мнимые интертекстуальные связи. Много эпиграфов из произведений Ф. М. Достоевского. Повесть иронична, включает фарсовые элементы.

Таким образом, можно утверждать что, текст написан на основе постмодернистской эстетики, которая открыта множественным прочтениям.

Давлатов О. Д. (ТашГИВ, Ташкент)

Хадисы в поэзии Алишера Навои

Слово «*хадис*» в творчестве Алишера Навои встречается и в прямом лексическом значении корня, и как теологический термин. Например, в газели с редифом «*хадис*» в диване «*Гара'иб ас-сигар*» (Чудеса детства) это слово употребляется в значении «изречение Пророка». В этом же диване (276-газель) слово «*хадис*» употребляется в прямом лексическом значении: «рассказ, высказывание».

В мусульманской литературе цитаты из Корана и хадисов вводятся через поэтические фигуры и иными средствами повествования. Впервые эти правила были систематизированы в «*Китаб ал-балага*» арабского филолога Абдаллаха ибн ал-Му'тазза. Алишер Навои, используя хадисы, украшает стихотворения сразу несколькими стилистическими фигурами и приёмами. Их можно классифицировать следующим образом:

1. Приведение текста хадиса полно и дословно (поэтическая фигура *иктибас*).
2. Частичное приведение текста хадиса (поэтическая фигура *иктибас*).
3. Приспособление текста хадисов к стихотворному размеру и рифме стихотворения (поэтическая фигура *акд*).
4. Обращение к какому-либо хадису для усиления художественно-эмоционального воздействия стихотворения (поэтическая фигура *талмих*).
5. Стихотворный перевод хадиса.
6. Свободный перевод хадиса в качестве доказательного аргумента.
7. С помощью поэтических фигур *тазадд* и *ишара* излагать идеи, соответствующие теме и смыслу хадиса.
8. Создать самостоятельный сюжет на основе хадиса.

Навои использовал и хадисы, не встречающиеся в наиболее достоверных источниках таких как «Сихах-и ситта» (6 сборников самых достоверных хадисов). Это связано с тем, что в вопросах теологии было обязательным опираться только на достоверные хадисы, но в комментариях и нравственно-этических вопросах было позволено использование и менее надежных источников. Кроме

того, Алишер Навои считал основой мироздания принцип «*нур-и Мухаммади*», полагая, что каждый афоризм, каждое благое слово, которые обогащают духовный мир человека, берут свое начало от этого источника. Пророк Мухаммед был просвещен во всех истинах, которые только мог знать сын человеческий, поэтому Навои обращал внимание не на степень надежности хадиса, а на то, какое значение имело сказанное в нем.

Дрейзис Ю. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Конвергенция визуального и вербального планов в современной китайской поэзии

Китайская поэзия в XXI в. демонстрирует тенденцию к конвергенции слова и образа в постоянном взаимодействии с классической традицией, а также с экспериментами «новой» поэзии XX в. Многие авторы используют сближение визуального и вербального планов в качестве средства обновления поэтики. Такое сближение свидетельствует не только об ориентации на творческий диалог с произведениями предшествующих эпох, но и о возникновении новых средств выразительности через работу со словом, в т. ч. как с асемантичным образом.

Примером подобного подхода могут служить формальные эксперименты поэта Янь Ли (род. в 1954 г.), работа со зрительными образами у Ман Кэ (род. в 1951 г.), каллиграфические опыты Оуян Цзянхэ (род. в 1956 г.), а также творчество нескольких поэтических групп и кружков, среди прочих — каллиграфической школы «чудесного постижения» (*мяо у*). Так, в частности, Янь Ли оперирует пространственной метафорой слова-кирпича, визуализируя образ «зияния», который служит отсылкой к конструированию «я» из текстовых блоков. Это реализуется и в его графических работах, что связывает их с поэзией в единый «макротекст». Живопись Ман Кэ, в свою очередь, даёт представление поэтизированного пространства при «обнулении» слова и замещении его бессловным знаком. У Оуян Цзянхэ, как и у Ли Чжаньгана (род. в 1963 г.), Чэ Цяньцзы (род. в 1963 г.) и др., отношения слова и его зримого воплощения исследуются через те возможности, которые предоставляет каллиграфия.

Подобное использование гибридных форматов представления информации фиксирует новые способы визуально-вербального взаимодействия в практике переосмысления традиции *вэньжэнь*. В то же время оно соотносится с необходимостью существования в глобальном текстовом поле, важной частью которого всё в большей степени становится непонимание языка текста в условиях постоянного пересечения лингвистических границ.

Зидан Ж. Р. (ИСАА, МГУ, Москва)

Эволюция жанра *рихла* в новой арабской литературе

В арабском литературоведении жанр, описывающий путешествия, называется *рихла.* В связи с распространением ислама и завоеваниями новых земель в VII в., арабы начинают знакомиться с культурными традициями завоеванных народов. В условиях постоянных войн и необходимости иметь подробную информацию о государствах-соседях, *рихла* начинает стремительно развиваться.

В XIX в. начинается эпоха арабского «Просвещения», и появляются работы в жанре *рихла* нового типа. Среди авторов этого времени — Рифа‘а Рафи’ ат-Тахтави, Шейх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави, Мухаммад Мувайлихи.

В новой арабской литературе, также как и в мировой литературе, произведения о путешествиях делятся на следующие категории: автобиографический травелог, вымышленный травелог, роман-путешествие, путевые заметки, путешествие в вымышленном мире, путешествие в рамках улицы/города/страны, паломничество, дипломатическая поездка, познавательное путешествие.

Вместе с эволюцей стиля и языка жанра (например, в XIX в. появляются вставки на диалектах, авторы занимаются словообразованием, приспосабливая иностранные слова к арабским моделям), путешественники не забывают о средневековой арабской традиции: мы находим в произведениях описания «чудес и диковинок», а также многочисленные отсылки к средневековым ученым и поэтам. Разнообразны и объекты, описываемые авторами в произведениях жанра *рихла*. В XIX веке к привычному описанию женщин, природы, торговли, рынков, развлечений добавляется описание системы образования, технического прогресса и, зачастую, обзор прессы. С течением времени меняются цели поездок, происходит все более близкое знакомство с западной культурой, что существенно влияет на развитие жанра, продолжающееся и сегодня.

Зиявуддинова М. (ТашГИВ, Ташкент)

Искусство *исти‘ары* в интерпретации Йусуфа ас-Саккаки

Памятники арабской письменности составляют неотъемлемую часть культурного наследия народов Востока. В настоящее время интерес к выявлению, исследованию и введению в научный обиход малоизученных рукописей и литографированных изданий приобретает большую значимость.

Терминология поэтических тропов, впервые созданная в IX веке арабским ученым Ибн ал-Му‘таззом в его сочинении «*Китаб ал-бади‘*», была подробно рассмотрена и систематизирована хорезмийским учёным XIII века Абу Йакубом Йусуфом б. Абу Бакром б. Мухаммедом б. Али ас-Саккаки (1160–1228/1229) в третьей части его сочинения «*Мифтах ал-‘улум*».

Большое внимание автор уделил категории *исти'ары*, которую он переносит из раздела «*'илм ал-бади'*» («поэтики») в раздел «*ал-байан*» («стилистики»). Ас-Саккаки выделяет два основных вида *исти'ары*: «*ал-исти'ара ат-тасрихийа*» и «*ал-исти'ара би-л-кинайа*», первый из которых он делит на три категории. Анализ классификации ас-Саккаки показывает, что *исти'ара* в его интерпретации включает в себя современные понятия метафоры, метонимии и синекдохи.

Иброхимова Ш. Б. (ТашГИВ, Ташкент)

Отображение узбекского национального колорита в переводах исторических романов Адыла Якубова на турецкий язык

Художественный перевод требует от переводчика умения воссоздавать для своего читателя не только идейно-художественное содержание переводимого произведения, но и его эстетическую форму. Выбор произведений Адыла Якубова в качестве фактического материала не случаен. Его романы «Сокровищница Улугбека» и «Древний мир» являются яркими образцами узбекской исторической романистики конца XX века, и их переводы на разные языки мира свидетельствует об их широкой популярности.

Трудность перевода романов Адыла Якубова заключается в том, что в них содержится большое количество исторических реалий и выражений, отражающих историчность и национальную особенность произведений автора. Так, например, передача на другой язык обозначений национальной одежды, обуви, головных уборов, украшений представляет немалые трудности даже в том случае, когда язык оригинала и язык перевода родственны. Даже историческая близость узбекской и турецкой культуры не способна предотвратить появление искажений и неточностей в переводе. Напротив, эта близость иногда создает обманчивое представление о подобии культурных явлений, которые на самом деле различны. Такие исторические реалии, использованные автором узбекских исторических романов, как *кимхоб тўн (парчовый халат), чакмон (грубошерстная верхняя одежда)*, *қалпоқ (калпак), хуржун (хурджун)* в переводах на турецкий даны как *çuha don, çakman, kalpak, heybe* и т. п. В турецком переводе слова *чакмон, қалпоқ*, скорее, транслитерированы, а не переведены, т. к. имеют прямые аналоги. Турецкий переводчик, удачно используя гипонимический метод, выбрал для слова «*хуржун*» эквивалент *"heybe"* (накидка на седла, сделанный из грубой шерсти или полотняной ткани, перемётная сума). Перевод же *кимхоб тўн* как *çuha don* абсолютно искажает смысл, т. к. *çuha* — это сукно, но не парча, а *don* — это одежда вообще или нижнее белье, но не собственно халат, который по-турецки — *kaftan* или

cüppe. Анализ перевода узбекских реалий на турецкий язык показывает, что перевод названий национальных костюмов всегда затрудняет переводчика, так как требует не только знание языка двух народов, но и хорошего знания их истории, образа жизни, традиций и обычаев.

Нами сделана попытка определить своеобразие передачи национально-культурного колорита при переводе исторических произведений. Рассмотрены приемы и средства точного перевода оригинала, даны практические рекомендации по решению проблем художественного перевода с близкородственных языков.

Ивлева Р. В. (1-й СПбГМУ, Санкт-Петербург)

Монгольский исследователь литературы новейшего периода А. Мунх-Оргил

А. Мунх-Оргил является одним из немногих литературоведов, занимающихся новейшей монгольской литературой 2000-х годов. Можно говорить о том, что в современном монгольском литературоведении прозе уделяется меньше внимания, чем поэзии. Возможно, это продиктовано определенными тенденциями в литературе. Работы А. Мунх-Оргила посвящены как поэзии, так и прозе. В своем докладе я хочу остановиться на его работах, посвященных прозе новейшего периода.

В своей работе «Монгольская повесть» (2011 г.) А. Мунх-Оргил выводит некоторые закономерности развития жанра, а также подробно разбирает самые яркие и характерные произведения ключевых современных прозаиков: П. Баярсайхана, Д. Норова, Ц. Туменбаяр, С. Жаргалсайхана, Д. Цэнджава, Д. Энхболда, Б. Догмида.

Имя молодого монгольского исследователя А. Мунх-Оргила ново для российских монголистов. Тем не менее, труды его интересны и полезны для тех, чья сфера научных интересов лежит в области изучения монгольской прозы 2000-х годов.

Ишмухамедова М. (ТашГИВ, Ташкент)

Поэтические повести в тюркоязычной литературе

В тюркоязычной литературе классического периода поэтические повести восходят к двум литературным традициям: письменной — сказание (легенда), написанное каким-либо конкретным автором и повествующее о жизни и приключениях героя, и устной — народные повести, позже литературно обработанные и в таком виде дошедшие до нас.

Эти поэтические повести встречаются во многих рукописях, которые хранятся в научном центре ТашГИВ, в институте Востоковедения имени Абу Райхана Бируни и в фонде Музея литературы имени Алишера Навои АН РУз.

Поэтические повести, относящиеся к первой группе, принадлежат перу поэтов школы Ахмада Яссави, их общее количество около 40. Среди них можно упомянуть следующие: "Bibi Fātime qissasī" (рукописный фонд ИВАН РУз, № 7277, $2^{а}$-$60^{б}$ л.л.), "Qissa-i kiyiknāme" (рук. фонд ИВАН РУз, № 4002, $120^{а}$-$124^{а}$ л.л.), "Imām Hasan va Imām Huseyn qissasī" (рук. фонд ИВАН РУз, № 8405, $1^{а}$-$89^{а}$), "Ibrāhim qissasī" (рук.фонд ИВАН РУз, № 1717, $177^{а}$-$179^{а}$ л.л.), "Vafātnāme-i Rasul" (рук.фонд ИВАН РУз, № 3658, $31^{а}$-$36^{б}$ л.л.). Эти поэтические повести встречаются в разных рукописях под разными названиями: например, повесть "Qissa-i Ibrāhim" в другой рукописи помещена под именем "Vafātnāme-i Ibrāhim". Кроме того, эти поэтические повести существуют в нескольких вариантах.

Вторая группа — народные повести, их свыше 20: "Sanavbar" (рук.фонд ИВАН РУз, № 1717, $166^{а}$-$172^{а}$ л.л.), "Baba Ravšan" (рук фонд ИВАН РУз, № 1090, $1^{б}$-$38^{б}$ л.л.), "Fal-nāme" (рук.фонд ИВАН РУз, № 8257, $86^{б}$-$97^{б}$ л.л.), "Qissa-i Jābir" (рук.фонд ИВАН РУз, № 7154, $31^{а}$-$54^{б}$ л.л.), "Qissa-i Mašrab" (рук.фонд ИВАН РУз, № 1717, $5^{б}$-$106^{б}$ л.л.), "Anušervān va Hātamtau qissasī" (рук.фонд ИВАН РУз, № 4002, $56^{а}$-$78^{б}$ л.л.) и другие. Эти повести призывают к добру, любви, верности, они носят назидательный характер.

Характерно, что в рукописях поэтические повести, принадлежащие двум разным литературным традициям, переписаны не отдельно друг от друга, а вперемешку. До настоящего времени специального исследования этих произведений не проводилось. Для их полноценного изучения необходимо провести большую источниковедческую и текстологическую работу, и лишь только затем можно будет установить принадлежность конкретных произведений к той или иной группе, а также определить общие и частные стороны поэтических повестей.

Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Жизнь турок Германии под прицелом кинокамер

На сегодняшний день в Германии проживает приблизительно 2 миллиона турок (2,5% от общего населения страны). Выходцы из Турции оказывают значительное влияние на многие сферы жизни современной Германии, в том числе они работают и в киноиндустрии. К немецким режиссерам турецкого происхождения принадлежит целая плеяда талантливых кинодеятелей. Наиболее известный и титулованный из них — Фатих Акин.

Словно вторя фильму «Страх съедает душу» (1973) классика немецкого кинематографа Р. Фассбиндера, режиссеров-турок волнуют темы эмиграции, языкового барьера, трудоустройства, межкультурных противоречий и противостояний, поиска своего места во враждебном мире и, конечно, часто не принимаемой окружающими влюбленности главного героя.

Однако турецкое кино в «изгнании» за последние годы получило неоднозначное развитие. Помимо драматических историй об эмигрантах турецкие режиссеры Германии снимают яркие полотна мелодраматического и комедийного содержания, а турецкие образы появляются не только в произведениях артхауса, но обыгрываются и высмеиваются в популярных фильмах и сериалах. Достаточно вспомнить оглушительный успех сериала «Турецкий для начинающих» (2006–2008) в самой Германии и за рубежом.

Сегодня турецкий компонент в немецком кинематографе столь ярок, что исследователи задаются вопросами: не является ли «новое немецкое кино — турецким кинематографом»[1] и какова турецкая душа немецкого кино?[2]. В продолжение темы специалисты анализируют сюжетную трансформацию фильмов от «культурного противостояния к феномену транснационального кино»[3].

В докладе на примере фильмов разных жанров будет продемонстрировано, что за колоритными аудиовизуальными образами турецко-немецких фильмов стоят серьезные этнические, конфессиональные и политические контексты. Благодаря киноматериалу эти явления можно проследить в динамике и во времени, отметив нюансы и оттенки диалога между турецкой и немецкой аудиторий на территории Германии и за ее пределами.

Кокова Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Женщины Вриндаванлала Вармы

Классик литературы хинди В. Варма заслужил славу создателя жанра исторического романа на языке хинди. Его перу принадлежит десять исторических романов, в большинстве своем посвященных истории родного края писателя — Бундельхканда (юго-восток территории современного штата Уттар-прадеш и северо-восточные области штата Мадхья-прадеш). Расположенный в самом центре Индии, этот край на протяжении многих веков

[1] Kulaoğlu T. Der neue „deutsche“ Film ist „türkisch“? Eine neue Generation bringt Leben in die Filmlandschaft // Filmforum. 1999 (16). S. 8–11.

[2] Schäffer D. Deutscher Film mit türkischer Seele. Entwicklungen und Tendenzen der deutsch-türkischen Filme von den 70er Jahren bis zur Gegenwart. Saarbrücken, 2007.

[3] Burns R. Turkish-German Cinema: From Cultural Resistance to Transnational Cinema? // German cinema. Since unification. London, New York, 2006.

был средоточием интересов и делийских правителей, и маратхских князей, и английских колонизаторов. Работая над своими романами, В. Варма проводил серьезные источниковедческие изыскания. Вместе с тем он был хорошо знаком с местной фольклорной традицией.

Творчество В. Вармы не избежало влияния европейского исторического романа, истоки которого — в характерной для романтизма увлеченности историей и фольклором. Однако принадлежащий к тому поколению писателей хинди, которые считали литературу действенной силой по преобразованию общества, В. Варма использует прошлое как способ донести до читателя свои взгляды на настоящее и будущее родной страны.

Главные героини романов «Рани Джанси» (1946), «Мриганаяни» (1950), «Ахильябаи» (1955) — реальные исторические лица: Лакшмибаи — рани княжества Джанси, героиня крупнейшего восстания против англичан 1857–1858 гг.; девушка из касты гуджаров Мриганаяни, ставшая любимой супругой раджи Гвалиора; Ахильябаи Холкар — правительница Мальвы, которая возвела не один десяток храмов и общественных зданий по всей Индии.

Рассказанные писателем истории этих женщин во многом диссонируют с проявлениями женского в патриархально ориентированной брахманско-индуистской традиции, его изображением в литературе, философско-правовых трактатах, социальных и культурных институтах. Героини В. Вармы — созидательницы и воительницы, деятельные, пекущиеся об общественном благе и отстаивающие интересы родного края. В них органично переплетены характеры их исторических прототипов и архетипические черты многочисленных женских божеств Индии. Разные в своих проявлениях, но близкие по духу героини В. Вармы воплощают новый идеальный женский образ, знаменуя существенное изменение в развитии «женской темы», весьма значимой как в художественном, так и в общественно-политическом дискурсе Индии XIX–XX вв.

Колтыга О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Филиппинский роман в стихах (XVII–XIX вв.): о возникновении жанра и причинах его популярности

С середины XVII до первого десятилетия XX в. главенствующее место в литературе Филиппин занимает жанр романа в стихах, представленный в лиро-эпических формах *авит* и *коридо*, и в драматических формах *моро-моро* и *комедья*.

Филиппинский роман в стихах фактически продолжает европейскую романную традицию: многочисленные сюжеты средневековых испанских

и французских народных песен, итальянских и английских новелл, даже арабских сказок попадали на Филиппины в период колониальной зависимости архипелага от Испанской империи. Несмотря на попытки метрополии сдерживать проникновение рыцарских романов в колонии, на Филиппинах такие произведения прочно укоренились и стали неотъемлемой частью литературной и культурной жизни большинства христианизированных народов — вплоть до того, что их собственный эпос был практически вытеснен различными формами романа в стихах.

Популярность новых произведений объясняется, с одной стороны, любовью самих филиппинцев к волшебно-авантюрной и лирической стороне романа. Важнейшим фактором было отсутствием цензуры и ограничений со стороны католической церкви, которая видела в новом жанре эффективное орудие, помогающее миссионерам распространять христианские догматы и ценности.

Комилова Ш. Т. (ТашГИВ, Ташкент)

Драматургия Китая последней четверти XX века

80-е годы XX в. считаются периодом коренных изменений в драматургии Китая. *Первый этап* приходится на 1977–1979-е гг. и характеризуется «пробуждением» драматургии, возрождением традиций реалистической драмы. 1977 год считается годом начала «возрождения» драматургии Китая, усиления реалистических трациций в драме. В этот период ставятся драмы в жанре острой сатиры и политической комедии. В них находит своё отражение острая критика, направленная против заговора членов одной из политических фракций Китайской Коммунистической Партии. На *втором этапе,* в 1980–1985-е гг., уменьшается количество традиционных пьес. Драматурги осваивают новое художественное направление, создавая пьесы в духе западного модернизма. *Третий этап*, охватывающий 1986–1989-е гг., характеризуется созданием произведений, направленных на укрепление новых теоретических принципов драматического жанра[1].

Пьеса «Когда краснеет клёновый лист» и драма «Утренняя заря» послужили толчком для создания многочисленных драматических произведений. В этих пьесах прослеживаются и получают своё дальнейшее развитие традиции периода «движения 4-го мая». Пьеса «Безмолвие» стала первым шагом к реабилитации героев «движения 4-го мая». После постановки пьесы «Когда краснеет клёновый лист» наблюдается тенденция сближения драм севера и юга.. Драматурги, отказавшись от тенденции создания произведений, отвечающих только интересам определенной политической идеологии или

[1] 中国现 代文学史/2008: 145.

классовой группы, уделяют большее внимание художественности, технике написания драматических произведений, совершенствованию их формы и содержания.

Освоение особенностей западной модернистской драмы, изменение традиций реалистической драмы, споры вокруг реформирования театральной сферы послужили благодатной почвой для формирования новых теорий и зарождения своеобразной творческой атмосферы в китайском театре.

Кудрявцева Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образная система отшельнической поэзии раннего буддизма

Отшельническая поэзия раннего буддизма, представленная, в частности, в двух канонических сборниках буддийской поэзии Тхерагатха (Песни монахов) и Тхеригатха (Песни монахинь), имеет ряд отличительных особенностей, которые выделяют ее из всего корпуса поэм этих двух сводов.

Отшельническую поэзию от остальной поэзии гатх отличает яркая образность, что нетипично для других поэм корпуса, которые крайне скупы на описания. В них большое, если не наибольшее, внимание уделяется природным явлениям, которые окружают монаха в его уединенной жизни вдали от общества. Эта образность — наследие добуддийской словесности, из которой авторы-монахи черпали вдохновение и изобразительные средства.

Основным источником заимствования для монахов-отшельников являлись народные сезонные (календарные, обрядовые) песни, из которых авторы гатх почерпнули как образы (дождя, мусонного сезона, цветущих деревьев, диких животных), так и изобразительные приемы и клише. Те же образные и иные художественные заимствования встречаются в более поздней светской традиции, например, в классической санскритской поэзии.

Назначение данных образов и их трактовка в отшельнических поэмах, тем не менее, в большинстве случаев отличается от их интерпретации как в народной поэзии, так и в более поздней светской литературной традиции на пракритах и санскрите. Образы отшельнической поэзии — в большинстве своем, образы дикой природы — амбивалентны, отношение к ним разнится от негативного до позитивного. Тем не менее, всякий раз они используются для создания антитезы «природа — нечто, ей противопоставленное», при этом второй компонент противопоставления меняется.

Перечень образов и мотивов, речевых оборотов и целых клише, встречающихся в отшельнической поэзии, достаточно ограничен, укладывается в рамки определенного набора, который повторяется от поэмы к поэме. Однако это

указывает не на скудость буддийской отшельнической поэзии, а на формирование в недрах традиции своеобразного канона, которому необходимо было следовать при создании подобных произведений.

Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности современной женской литературы арабских стран на примере творчества иракской поэтессы Ламӣ‘а ‘Аббāс ‘Имāра

На сегодняшний день в арабской литературной среде все большее место занимает творчество женщин-писательниц. Круг тем, затрагиваемых ими, также стал значительно шире — от бытовых до социально-политических. Тем не менее, большинство современных арабских писательниц предпочитают поэзии прозу. Шарӣфа ал-Ḳийāдӣ (Ливия) — автор коротких рассказов, отражающих внутренние переживания героинь и описывающих положение арабской женщины в обществе, большинство рассказов Салвы Зāкӯ (Ирак) посвящены вопросам социально-политических изменений, затронувших все слои населения. Повести писательницы из ОАЭ Кулсӯм Ṣāлиҳ построены в виде воспоминаний.

Творчество иракской поэтессы Ламӣ‘а ‘Аббāс ‘Имāра можно считать традиционным по содержанию — это лирика, проникнутая местным колоритом. Показательным в этом смысле является небольшое стихотворение «Родом из Ирака», вошедшее в одноименный сборник (1972). Поэтесса родилась в 1929 году в Ираке в большой, уважаемой семье. Ее дядя ‘Абд ар-Раззāḳ ‘Абд ал-Ҳāлид также был известным поэтом. В 1955 году будущая поэтесса оканчивает Педагогический университет. Ламӣ‘а ‘Аббāс ‘Имāра являлась членом союза иракских писателей (1963–1975 гг.). Затем поэтесса эмигрировала в США, где живет и по сей день.

Первые шаги в поэзии она сделала очень рано: в двенадцать лет она отправляет свои работы одному из друзей отца, уже известному поэту Илийā Абу Мāдӣ, который дает на них восторженный отзыв. Спустя два года публикуется ее первое стихотворное произведение. Среди наиболее известных сборников стихов поэтессы — «Пустой уголок» (1960), «Песни Иштар» (1969), «Ее называют любовь» (1972) и др.

Специалисты отмечают у Ламӣ‘а ‘Аббāс ‘Имāра искусное владение литературным арабским языком, хотя в ее произведениях можно встретить и формы, присущие диалекту, что, по мнению большинства поклонников поэтессы, придает большую живость ее лирике.

Произведения Ламӣ‘а ‘Аббāс ‘Имāра проникнуты легкой грустью, наполнены воспоминаниями и переживаниями героини, обращающейся к своему возлюбленному.

Мухиддинова Д. З. (ТашГИВ, Ташкент)

Жанр «очень короткого рассказа» в современной арабской литературе

Анализ развития современной арабской новеллистики в 1980–2000-е годы свидетельствует о появлении в ней новых видов и новых форм рассказа. Внимание новеллистов этих лет продолжают привлекать внутренний мир и душевное состояние человека, и всё чаще соответствующие сюжеты облекаются в форму рассказа объемом в одну-две страницы. Подобный тип произведений получил название «очень короткий рассказ» (*кисса касира джиддан*). В произведениях этого типа действие очень сжато, как бы спресовано, вследствие чего главная эстатическая роль отводится художественному языку.

В арабской литературе к такому типу рассказа обращался и представитель старшего поколения писателей Юсуф Идрис (например, рассказ «Взгляд»). В творчестве Мунира Утейбы, Иззата ал-Камахави, Мухаммада ал-Махзанги, Закарии Тамера и других писателей «очень короткий рассказ» сформировался уже как самостоятельный жанр. В творчестве египетского писателя Иззата ал-Камахави объем такого рассказа не превышает полутора страниц, порой доходя в своей краткости до шести–восьми строк. Писатель называет свои «очень короткие рассказы» «картинками жизни» (как бы «рассказы мимоходом») и, облекая события в сжатую форму, поднимает в них различные нравственные, бытовые и философские проблемы. В «очень коротких рассказах» другого египетского писателя, Мунира Утейбы наблюдается тенденция к мифологизации, в них затрагиваются проблемы общечеловеческого характера, которые автор выражает в форме аллегорий, символов и ассоциаций.

Образцов А. В. (ВФ СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Танпынар — первый теоретик турецкого модернизма

Ахмет Хамди Танпынар (1901–1962) — классик современной турецкой литературы, он считается, наряду с Пеями Сафа, одним из столпов турецкого литературного модернизма. Перу Танпынара принадлежат и многочисленные литературно-критические работы, среди которых выделяется статья «Роман у нас» (Bizde roman), напечатанная еженедельником «Kültür Haftası» в № 2 и 3 за 1936 г. Насколько известно, это первое специальное исследование романа в Турции.

Предшественники Танпынара пытались осмыслить этот жанр, но их суждения носили, так скаать, «утилитарно-практический» характер. Р. М. Экрем противопоставлял «длинную историю» (роман) «короткой истории» (новелле). А. Митхат считал роман современной разновидностью народного *дестана*, а его главным признаком — разговорный язык.

Статья Танпынара начинается провокационным утверждением, что в Турции роман есть, но турецкого романа нет. Автор разбирает претензии к турецкому роману т. н. «идеалистов» и «детерминистов». Упреки первых сводятся к тому, что писатели не интересуются турецким обществом и не знают его жизнь; находятся под влиянием западных авторов; не искренни в своих произведениях. «Детерминисты» же считают, что время романа в Турции еще не пришло. Танпынар предлагает собственный взгляд на причины, препятствующие появлению подлинного турецкого романа: отсутствие литературной среды, литературной критики и интеллектуального сообщества, экономические причины.

Рассматривая условия, при которых оригинальный турецкий роман может появиться, и творческий метод такого романа, Танпынар отстаивает чисто модернистский принцип: не литература следует за жизнью, но жизнь за литературой, и фактически предлагает стратегию модернистского письма. При этом упор делается на личность автора: «Расскажи нам о часах, которые ты прожил, о днях, которые ты запомнил, о боли, которая каждый день рвала тебе душу, о тех надеждах, которые давали тебе любовь к жизни каждый вечер. Нам достаточно лиц, которые ты заметил, пейзажей, которые ты видел, твоей тоски и скитаний. Потому, что мы знаем — в тебе вся Турция и все турки. Заставь говорить себя. Даже твоя ложь имеет для нас ценность».

Следовательно, Танпынар является не только одним из первых турецких модернистов, но и первым теоретиком турецкого модернизма.

Охват Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Кхмерский роман на рубеже XX–XXI вв.: эволюция жанра

Роман как новый жанр в истории кхмерской литературы появился в тридцатые годы двадцатого века и стал самым популярным и практически единственным литературным жанром. Несмотря на то, что факт заимствования этого жанра из европейской, в частности французской литературы, является неоспоримым, некоторые кхмерские ученые считают, что роман возник в литературе Камбоджи спонтанно, вне зависимости от французской литературной традиции. Важнейшей датой в истории кхмерской литературы становится 1936 г., когда в свет вышел роман Ньок Тхаема «Пайлинская роза», который до сих пор остается одним их самых популярных художественных произведений в Камбодже.

Одной из главных тем авторов середины XX века являлась тема «героя-сироты». Несомненно, это является наследием средневековых литературных памятников, подчиненных влиянию буддистской идеологии. Писатели 30–60-х гг. старались вызвать жалость и сочувствие к тяжелой судьбе своего персонажа.

В произведениях присутствует дидактизм, присущий джатакам. Писатели обращали внимание на идею кармы, доказывали, что даже нищий сирота способен занять высокое положение в жизни, соблюдая заповеди буддизма. В 90-е годы XX века в Камбодже появилось достаточно большое количество новых авторов. Произведения этого периода становятся более реалистичными и разнообразными.

Все без исключения кхмерские авторы затрагивают тему несчастной любви. Обычно герои не могут быть вместе из-за разницы в социальном статусе. Тема социального неравенства остается одной из ключевых в творчестве кхмерских писателей. В конце двадцатого века в кхмерских романах появляется тема неразделенной любви.

Современные кхмерские авторы часто оформляют свои произведения в виде дневников, писем или блогов. В последние годы молодые писатели активно используют социальные сети и интернет-дневники (блоги) для общения с потенциальными читателями и для рекламы своих произведений.

Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Цвет и звук в романе Г. Аюурзаны «Белый, черный, красный»

В начале XXI в. в монгольской литературе наблюдается не только становление новых для неё модернистских и постмодернистских направлений, но и дальнейшее развитие реалистической традиции. Главенствует здесь историческая тематика. Современные монгольские поэты, прозаики и драматурги продолжают создавать произведения, героями которых являются известные исторические личности, а сюжеты затрагивают события далекого и недавнего прошлого. К числу таких авторов можно отнести Г. Мэнд-Ооёо, Ц. Тумэнбаяр, Л. Удвала и С. Жаргалсайхана, Л. Дашняма, Б. Лхагвасурэна, Л. Сарантуюу и других. Однако сегодня мы можем говорить и о развитии психологической направленности современной литературы. Монгольских писателей все больше волнует внутренний мир человека, его чувства, эмоции, те или иные состояния его души.

Одним из таких авторов является Гун-Аажавын Аюурзана (род. в 1970 г.). Его перу принадлежит постмодернистская трилогия, в которую вошли романы «Мираж» (2003)[1], «Долг в десять снов» (2005)[2], «Рождённые эхом» (2007)[3]. Значительным событием литературной и культурной жизни страны явилось

[1] *Аюурзана Г.* Илбэ зэрэглээ.УБ., 2003.

[2] *Аюурзана Г.* Арван зүүдний өр. УБ., 2005.

[3] *Аюурзана Г.* Цуурайнаас төрөгсөд. УБ., 2007.

появление романов «Шаманская легенда» (2010)[1] и «Шугдэн» (2012)[2]. В 2014 г. вышел в свет роман Г. Аюурзаны «Белый, чёрный, красный»[3]. На этот раз автор обращается к анализу философских и психологических аспектов творчества. Его герой — преуспевающий художник — пытается постичь природу вдохновения.

Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Афганский перевод персидской поэмы Мохаммада Акрама Ганимата «Волшебство любви» (*Nayrang-i ʻishk*)

Перевод на язык пашто персидской поэмы-*маснави* Мохаммада Акрама Ганимата «Волшебство любви» (*Nayrang-i ʻishk*) был создан его современником, афганским поэтом-классиком рубежа XVII–XVIII вв. ʻАбд ал-Хамидом Момандом. Поэма «Волшебство любви» известна также под названием «Азиз и Шахид» по именам ее главных героев.

Хамид Моманд продолжил традицию перевода произведений персидской литературы на язык пашто, заложенную ʻАбд ал-Кадиром Хаттаком (1653 — ум. после 1714), автором популярных переводов на пашто «Гулистана» Саʻди и поэмы Джами «Йусуф и Зулайха». Представляет интерес тот факт, что Хамид Моманд обратился к произведению поэта-современника, не вошедшему в фонд персидской классики, но ставшему достаточно популярным среди персоязычных произведений, созданных в индийском Пенджабе. Возможно, что обращение Хамида к поэме «Волшебство любви» связано с близостью его творческой манеры поэтам «индийского стиля», для которого характерна особая изысканность и усложненность.

Поэма повествует о любви ʻАзиза и Шахида, которую можно трактовать в мистическом ключе. В переводе Хамида отсутствует ряд начальных глав, в частности глава «Восхваление шаха Аурангзеба Аламгира». В некоторых своих газелях Хамид выступает с хулой на этого правителя, поэтому пропуск данной главы может быть связан с негативным отношением переводчика к данной исторической фигуре.

Анализируя афганский перевод поэмы Ганимата, можно утверждать, что не выходя за рамки персидского оригинала, Хамид создает высокохудожественный текст, насыщенный исконно афганской лексикой, выражениями и изысканными литературными тропами. Афганские исследователи отмечают, что в некоторых случаях афганский перевод поэмы оказывается сильнее персидского оригинала.

[1] *Аюурзана Г.* Бөөгийн домог. УБ., 2010.

[2] *Аюрузана Г.* Шүгдэн. УБ., 2012.

[3] *Аюрузана Г.* Цагаан, хар, улаан. УБ., 2014.

Посохова Е. В. (Таврическая академия КФУ, Симферополь)

Диалогизм в романе Э. Шафак «Стамбульский подкидыш»

В центре романа Э. Шафак «Стамбульский подкидыш» — проблема самоидентификации, вокруг которой формируется особый диалог, определяющий поэтику данного произведения. В настоящей работе рассматриваются поэтологические доминанты, совокупность которых позволяет говорить о наличии диалогизма в романе.

Сюжет романа развивается через столкновение мировоззрений двух героинь, находящихся в поисках собственной идентичности. Асья, рожденная вне брака, пытается обрести себя в забвении прошлого, в отказе от памяти, исторической и индивидуальной. Арманush, дочь армянина и американки, приезжает в Стамбул, чтобы стать частью истории своего рода, поскольку, по ее мнению, прошлое определяет человека. Острота конфликта бинарно оппозиционных идей, который носит универсальный характер, усиливается принадлежностью героинь к разным культурным пространствам и болезненной темой армянского геноцида.

Автор не выступает сторонником ни одной из позиций, что делает героев независимыми идеологами. Так формируется авторская дистанция. В паре Асья — Арманush отсутствует противопоставление «положительный — отрицательный герой», что указывает на их равноправие их точек зрения. Идейный конфликт романа, четко сформулированный на его страницах, — что лучше для человека: знать о прошлом как можно больше или как можно меньше и даже забыть то, что знаешь? — остается нерешенным.

Итак, поэтологические доминанты «Стамбульского подкидыша», а именно авторская дистанция, равноправие идей, персонифицированных героями, универсальный характер обсуждаемого идейного конфликта, противопоставление идей в бинарной оппозиции и нерешенность конфликта, позволяет определить данное произведение как диалогическое. Диалогизм реализуется в своей антитетической модели, где оппозиционные идеи персонифицируют два героя, а центральный вопрос романа остается открытым.

Сапожникова О. А. (ИСАА МГУ, Москва)

«Врата литературы» — первая монгольская поэтика

Поэтический трактат С. Буяннэмэха «Врата литературы» (*Утга зохиолын үүд*) датирован 1935 годом. Эта первая монгольская поэтика. Сочинение монгольского автора, состоящее из двух тетрадей и пяти глав, представляет собой своеобразный учебник для начинающих литераторов с заданиями и упражне-

ниями. Трактат монгольского филолога является связующим звеном между старой восточной традицией монгольской словесности и нарождающейся новой литературой в стиле русской и европейской классики. Само восприятие литературы Буяннэмэхом, упомянутые в трактате литературно-эстетические категории говорят о продолжении поэтической традиции, а не о совершенном новом этапе в литературе.

Буяннэмэх описывает практически все жанры и виды современной ему монгольской литературы конца XIX — начала XX вв., при этом он остается верным канону индийского поэтолога Дандина (VII в.), подчинившему себе всю монгольскую поэзию. Можно сказать, что для Буяннэмэха подлинная литература — это письменные сочинения. При этом он обращается к таким исконно народным жанрам как басни, магталы, юролы в контексте авторской литературы.

Большая часть трактата посвящена поэзии — преобладающем виде литературного творчества в тот период. Несколько глав автор посвящает парным строкам и двустишиям, составляющим специфическую нишу в монгольской старой литературе, этот стиль и вид творчества до сих пор не изучен.

В трактате «Врата литературы» содержатся столь же интересные суждения о повествовательных жанрах. Впервые С. Буяннэмэх вводит новые термины для обозначения миниатюры: *өгүүллэг* (рассказ) и *үлгэр-өгүүллэг* (рассказ-сказка). Интересно, что автор использует слово *үлгэр* (сказка), служившее обозначением любых повествовательных жанров в старой литературе наряду с термином *туужс* (повесть).

В работе Буяннэмэха немало интересных открытий и идей. Монгольский автор составил образ национальной литературы в очень важный, переходный период первой половины XX века.

Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взаимодействие хинди и непальской литератур

Индия и Непал — соседние страны, у которых общее культурное прошлое, религия и традиции. Хинди и непальский языки из одной языковой семьи, у них один шрифт и общий прародитель — санскрит, что существенно облегчает носителям этих языков понимание друг друга. Варанаси и Даржилинг долгое время были культурными центрами, через которые в непальское общество и литературу проникали новые тенденции и веяния.

В силу исторических причин развитие непальской литературы шло с некоторым опозданием по сравнению с литературой хинди. Многие тенденции, возникшие в литературе хинди, нашли свое дальнейшее развитие в непальской литературе.

Первым поэтом, писавшим на непальском языке, считается Бханубхакта Ачарья (1814–1868). Взяв за основу санскритский текст «Адхьятма-Рамаяны», Бханубхакта создал непальскую «Рамаяну»[1]. Огромную роль в сохранении литературного наследия Бханубхакты сыграл Мотирам Бхатта (1866–1896). Следуя примеру индийского литератора Бх. Харишчанды (1850–1885), Мотирам посвятил свою жизнь развитию литературы на непальском языке.

Эпоха *чхаявада* (1910–1920) оказала значительное влияние на непальскую поэзию: в этот период можно найти общие мотивы в произведениях индийских и непальских поэтов. Многие индийские литераторы высоко ценили творчество Лакшмипрасада Девкоты (1909–1959). Рахул Санкритьяян отмечал, что по силе выразительности Девкота превосходит трех великих поэтов хинди — Дж. Прасада, С. Панта и С. Трипатхи «Ниралу». Под влиянием чхаявада находился и Бхавани Бхикшу (1914–1981), печатавшийся не только на непальском, но и на хинди.

В непальской литературе до начала 1930-х годов не было прозаических произведений, читатели стали с ними знакомиться через литературу хинди, в частности через творчество Мунши Премчанда (1880–1936).

В Непале после реформ 1950-х годов окончилась политическая изоляция, и литераторы стали посещать конференции азиатских писателей и обмениваться опытом с индийскими коллегами. Приезжали и индийцы в Непал: представители бенгальского движения «Голодное поколение» тесно сотрудничали с поэтессой Б. К. Ваиба «Париджат» (1937–1993).

Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабский жанр «очень короткого рассказа»: продукт развития модернизма или возрождение средневекового формализма?

В 1970-е годы по мере распространения в арабской прозе таких модернистских приемов как внутренний монолог и поток сознания начинаются эксперименты по выработке особого стиля повествования, передающего «внутреннюю» речь. Поиск идет, в частности, в направлении большей лаконичности повествования с одновременным максимальным смысловым и выразительным насыщением его сегментов. При этом активно используются средства лирической поэзии: риторические украшения, метафоры, иносказание. Все это приводит к появлению в 1980-е годы нового художественного направления — поэтического модернизма. Одновременно формируется — в основном в творчестве приверженцев поэтического модернизма — жанр «очень короткого рассказа».

[1] *Аганина Л. А*. Непальская литература. М.: Наука, 1964. С. 103.

Произведение этого жанра представляет собой одну или несколько фраз, в яркой, часто метафорической форме передающих какую-либо одну мысль или одно ощущение, и поэтому его эстетика базируется не столько на содержании текста, сколько на его языковом оформлении. Таким образом, основой жанра служит присущее средневековой арабской литературе представление о приоритете формы над содержанием. Учитывая популярность, которую этот жанр приобрел в последние десятилетия среди арабских авторов (о чем свидетельствуют многочисленные авторские и коллективные сборники, страницы в интернете, ежегодные всеарабские конкурсы), можно сделать предположение о том, что формализм до сих пор во многом остается определяющей чертой арабского художественного сознания.

Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Авторская маска» Орхана Памука

Смена художественных направлений, как правило, влечет за собой изменение творческого метода. Отношение к автору как к демиургу, объективному, вездесущему, но невидимому, сменилось в модернизме его изгнанием из художественного пространства, сводя его роль к функции переводчика одних ценностей в другие и одних смыслов в иные. Постмодернизм вернул автора в художественное пространство, причем, подчеркнуто экстравагантным образом, в виде «авторской маски».

«Авторская маска» — принцип игровой реализации образа автора, предполагающий его введение в текст в качестве травестированного автора-персонажа, мутирующего от гения до клоуна и ведущего повествование от своего лица. Исторически-конкретный автор ставится на один уровень с своими персонажами, продуктами его творческого вымысла.

Прием «авторской маски» у Орхана Памука реализуется в мотиве «двойников», как героев его романов, так и самого романиста. Пример — писатель Орхан из «Снега». Другой способ реализации «авторской маски» находим в псевдобиографии «Стамбул: город воспоминаний» — постмодернистском, имиджевом проекте, существующем на грани мистификации. «Стамбул» иллюстрирован авторским подбором репродукций и фотографий, как личных, так и принадлежащих известным фотохудожникам. Они призваны дополнить текст, подчеркнуть его адекватность реальности. Читатель решает, в каких отношениях находятся Памук-автор и Памук-персонаж «Стамбула», но, отметим, что писателю удалось создать для публики своего двойника, продолжающего воспроизводить себя в литературных героях, т. е., по Ж. Бодрийяру, происходит многократная редупликация симулякра. В той степени, в какой автор создает собственный симулякр-имидж, ровно в такой же степени этот

имидж, в попытке обрести свое означаемое, конструирует судьбу своего создателя.

Такая стратегия в отношении «авторской маски» ведет О. Памука от постмодернизма к концептуальному искусству, реализованному им в проекте «Музей невинности»[1].

Ташгын Ахмед (Конийский Университет, Турция)

У истоков бекташийской агиографической литературы (к вопросу о трансформации устных рассказов в письменных текстах)

Основной тематикой бекташийской агиографической литературы являются описания путешествий духовных наставников из Туркестана и Хорасана в Рум, их морально-религиозная доктрина, их последователи и среда, на которую они влияли. Героями отдельных агиографических сочинений, которые носят название *менакыб-наме*, являются Дедиги-султан, Хаджи Бекташ Вели, Караджа Ахмед, Хаджим-султан, Сейид Али-султан, Отман-баба, Шуджа ад-Дин Вели и Койун-баба. В этих произведениях даются сведения об учении, путешествиях и чудесах этих наставников, а также имеются рассказы об их взаимоотношениях со своими учителями и учениками, с другими шейхами. Моральная эволюция агиографических личностей описывается не только в индивидуально-личностном плане, но и на фоне общественных отношений.

В бекташийских агиографиях используется своеобразная лексика и терминология, которая нуждается в дополнительном истолковании. В нашем докладе мы попытались обратиться к истокам этой литературы и найти ключ к этим загадочным смыслам. В результате наших исследований мы пришли к выводу, что адекватное понимание этих текстов возможно только через изучение тех общин, которые читали эти тексты. В противном случае степень понимания текстов и научная ценность информации этих источников будет уменьшаться. За каждым из этих рассказов стоит своеобразный тип мышления и сложный мир смыслов, столетиями передававшийся из поколения в поколение.

Когда эти агиографические сочинения, которые в течение длительного времени передавались из уст в уста, были записаны как текст, они утратили свои тесные связи с мировоззрением тех общин, в среде которых эти агиографии появились, и, в результате, стали терять свой первоначальный смысл.

[1] См.: *Образцов А. В., Сулейманова А. С.* Conceptual art Орхана Памука // Вопросы тюркской филологии. Вып. X: Материалы Дмитриевских чтений. М.: ООО «Издательство МБА», 2014. С. 221–243.

К сожалению, многие исследователи этой литературы рассматривают эти агиографии только как письменный источник, не учитывая их тесной связи с устной традицией. В результате этого бекташийская агиографическая литература не получала должного внимания в научных кругах и не подвергалась достойному научно-критическому анализу.

Томихай Т. Х. (Санкт-Петербург)

Ли Тайбо (701–762): Вселенная — мой дом

Возраст письменных памятников китайской поэзии весьма почтенный, более 2500 лет. Если дополнить индивидуальную поэзию фольклорным творчеством, которая собрана в канонической книге «Шицзин» («Книга песен») Конфуцием (551–479 гг. до н. э.), то её возраст станет ещё солиднее. Памятник народных песен поражает тематическим разнообразием (трудовые, лирические, патриотические, военные, утопические), не случайно «Книга песен» стала идейной и художественной основой авторской поэзии. Уже первое поэтическое произведение «Лисао» («Скорбь изгнанника») первого китайского поэта Цюй Юаня (427–345 гг. до н. э.) звучало как колокол по своей идейной значимости и художественному воплощению.

Только памятники поэзии «золотого века» китайской истории — эпохи Тан (618–906) насчитывают 25 000 произведений 2500 поэтов. Детальный обзор поэтических произведений позволил выявить одну интересную деталь: из нескольких тысяч поэтов только Ли Тайбо (701–762) поднялся в своих стихах в безбрежное космическое пространство, и так свободно там чувствовал себя, как в родном доме. Великий поэт Ли Тайбо, сын Земли, свободно летал в надземном пространстве, как с равными общался с небесными светилами, наполнял Ковш Большой и Малой Медведицы вином, Волшебным напитком угощал свою Великую подругу Луну, под звуки небесной Тишины грациозно исполнял Танец с Тенью. Прикасаясь рукой к звездам, боялся разговаривать громко, дабы не потревожить сон небесных жителей.

Ли Тайбо жил в «золотой век» китайской цивилизации, но и в этот период Поднебесная не избежала трагических моментов, жертвой которых не раз бывал и сам поэт. В его поэзии нашли свое отражение все перипетии судьбы: радость встреч, горечь разлук, целомудренное воспевание мужской дружбы, надежды на мудрое правление государя, святое дело защиты государства и осуждение захватнических войн. Эти темы получили глубокое воплощение и в творчестве его друзей — Ду Фу, Ван Вэя, Бо Цзюйи, Мэн Хаожаня. Но только он один смог подняться над Землей в свободный и дерзкий полет.

Турдиева О. З. (ТашГИВ, Ташкент)

Модернистские тенденции в творчестве Розии Туджжар

Одна из самых ярких представительниц современной иранской новеллистики, Розия Туджжар является по большей части автором-сюрреалистом, концентрирующим все внимание на душевных переживаниях и глубоком внутреннем состоянии своих героев. На сегодняшний день опубликовано несколько сборников её рассказов, среди которых «زن شیشه ای» («Стеклянная женщина»), «هفت بند» («Семь узелков»), «نرگسها» («Нарциссы»), «سفر به ریشه ها» («Путешествие на Родину»), «سفر به ریشه ها» («Камень терпения»), «کوچه اقاقیا» («Улица акации»), «آرام. شب بخیر» («Спокойной ночи»), «شعله و شب» («Заря и ночь»).

В своих произведениях писательница сочетает реалистическое изображение с сюрреалистическими картинами, в которых на первой план выступают подсознание, полугалюцинационное состояние, разрыв логических связей. Сюрреалистическая эстетика наиболее сильно ощущается в последнем сборнике писательницы «هم سیب هم ستاره» («И яблоко, и звезда»), рассказы которого отличаются изобилием символов, знаков, толкований снов, неких таинственных голосов. Автор также придаёт большое значение оттенкам цветовых гамм, которые она выбирает для передачи своего мироощущения.

Успенская Н. А. (МГИМО МИД РФ, Москва)

Современный египетский политический, антивоенный, любовный роман

Предметом моего доклада является роман «Любовь в изгнании» (*ал-Хубб фи-л-манфа*) Баха Тахира. Б. Тахир принадлежит к писателям так называемой «новой волны», которые начали свою творческую деятельность в шестидесятых годах XX века. В то время в России был переведён и опубликован его рассказ «Сватовство» из сборника рассказов под тем же названием.

Роман «Любовь в изгнании», о котором пойдёт речь в докладе, был опубликован в 1995 г. в Египте, в 2010 г. он был переведён на русский язык и опубликован в России. Баха Тахир является автором ряда других произведений, а его роман «Оазис, где заходит солнце» (2007) получил Арабскую Букеровскую премию.

Таким образом, можно говорить о творческом долголетии данного автора, как и многих других писателей-шестидесятников. Причиной такого долголетия является активная жизненная позиция писателя, которая неизменно передаётся его героям. Главный герой романа — журналист, представитель одной из центральных каирских газет в одном европейском государстве. Он когда-то был сторонником политики Насера и его горячим почитателем. После смерти

Насера при Садате он становится нежелательной фигурой в редакции газеты. Его командировка в Европу — это своеобразная ссылка. Работа героя состоит в написании статей для газеты, большинство из которых не публикуется по самым разным причинам — скорее, вежливым отговоркам. Журналист, который привык быть честным и старается передавать все самые животрепещущие новости о событиях, свидетелем которых он является, вынужден находить какие-нибудь гламурные темы для своих статей.

В романе описываются реальные события, которые происходили в Ливане, в частности резня в Сабре и Шатиле, которую устроили израильские отряды, запустившие туда боевиков-головорезов, которые в течение нескольких дней уничтожали там женщин, стариков и детей.

Этот роман может быть назван политическим, так как автор наглядно показывает тех, кто стоит за всем происходящим в Арабском мире. Однако в романе очень лирично представлена и его главная тема — это тема любви.

На мой взгляд, его можно сравнить с романом «Прощай, оружие» Хемингуэя.

Филимонов А. О. (Союз писателей России, Санкт-Петербург)

Китайская поэзия 2-й пол. XX — нач. XXI в. в переводах Гу Юя: диалог переводчика и китайской поэзии с русской поэтической традицией

Гу Юй (1940 г. р.) — классик перевода русской поэзии на китайский язык, им переведены русские поэты XIX и XX столетия, советские поэты и современные авторы. Сегодня он открывает российскому читателю современную китайскую поэзию. Она почти не известна в России, а между тем это самобытнейшая ветвь мировой поэзии, питающаяся многовековыми корнями традиции и обогащённая трагическим опытом недавнего прошлого. Темы современных авторов близки нам. В них боль от невозможности слияния с природой, уход в лабиринты мегаполисов, где деформируется душа. И вместе с тем китайская поэзия дарит нам просветление. Возможно потому, что переводя китайские стихи на русский язык, Гу Юй вступает в диалог с русской поэтической традицией.

В лирике Поднебесья есть многое, что объединяет ее с лирикой Пушкина, Тютчева, Фета, И. Анненского, Бунина, Пастернака, Есенина, Рубцова, где природа и вещный мир сострадают человеку и неразрывны с его бытием. «О, кабарга / не беги в нашу сторону», — заклинает поэтесса Ню Хань доверчивого зверя. Столь же беззащитными были сердца поэтов, подвергавшихся гонениям. Но они выстояли — как дерево, выросшее на скалах: «Его искривлённое тело / хранит очертанья ветра…» — говорит о подобном противостоянии стихиям Цзэн Чжо. Вера в человека, в его духовную мощь, в силу милосердия

наполняет произведения китайских поэтов. Ощущение тайны жизни всегда присутствует в них, как свежее дыхание природы, сопричастное написанному слову и произносимому звуку: «В цветочную клумбу тетрадь стихов положу, // Пусть слива и персик льют на неё аромат», — пишет Фань Чжуньвэй, и тут мы не можем не вспомнить размышления Ф. Тютчева о том, что природа — «Не слепок, не бездушны лик». Китайская поэзия в переводах Гу Юя и его коллег являет мощный животворящий источник, объединяющий времена и культуры.

Ходжаева Т. А. (ТашГИВ, Ташкент)

К проблеме модификаций современного рассказа хинди

Исследования индийских литературоведов свидетельствуют о том, что в конце XX в. в новеллистике Индии молодые герои чувствуют себя «зажатыми между прогрессом и внутренним ограничением свободы», и писатели ставят перед читателями дилемму: современная действительность начала XXI в. и разрушаемые традиционные ценности. Используемый ранее традиционный стиль повествования отбрасывается, вместо него возникают новые типы повествования.

В настоящее время в индийской литературе на первый план выдвинулись жанры, непосредственно, оперативно отзывающиеся на быстро меняющуюся действительность: репортаж, художественный очерк, зарисовка, а также новеллистика, опирающаяся на опыт очерка, зарисовки, репортажа.

Новые сочетания структурообразующих элементов отражаются на построении сюжета рассказа — он уже не является органическим, логически завершенным целым. Стало характерным совмещение различных идейно-эмоциональных планов: исследование внутреннего состояния героя и назидательность, гражданственность и философия. Наблюдается тенденция развития документализма как стилевой и жанровой особенности современной малой прозы. Идет процесс жанровой дифференциации: появляются рассказы-очерки, рассказы-эссе, рассказы-притчи, рассказы-дневники и т. д. В самих рассказах усиливаются принципы психологизма, биографизма, документализма, используются элементы хроники и мемуарной литературы.

Ходжаева Р. У. (ТашГИВ, Ташкент)

Тюркский элемент в культуре мамлюкского Египта

После крушения аббасидского халифата Египет становится центром арабской культуры, куда съезжаются учёные и литераторы со всего мусульманского мира. Одним из заметных явлений в культурной жизни Египта со второй поло-

вины XIII века стало усиление в ней тюркского элемента. Учёные из Хорезма, Золотой Орды, Азербайджана и других тюркоязычных регионов преподают в *аз-Захирии, ас-Сарагатмашии, аль-Бейбарсии* и других знаменитых медресе Египта хадисы, логику, ораторское искусство, фикх и другие мусульманские науки. Известные учёные своего времени, такие как Рукн ад-Дин ал-Крими, Шихаб ад-Дин ас-Сарайи, Махмуд ибн Кутлушах, Махмуд ал-Гулистани и др. создают свои труды в равной степени на тюркском и арабском языках.

В мамлюкском Египте наблюдается большой интерес к тюркским языкам, особенно к его огузско-кипчакскому диалекту. Арабские филологи пишут специальные труды по лексике и грамматике тюркских языков, составляют арабо-тюркские словари, как, например, «*Тарджуман*» (1247), состоящий из 2 частей: грамматической и словарной, куда включены арабские, тюркские, персидские и даже монгольские слова. Такие сочинения, как «*Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак*» Асир ад-Дина Абу Хайана, «*Китаб булгат ал-муштак фи-л-лугат ат-турк ва-л-кифчак*» Джамал ад-Дина ат-Турки, труд неизвестного автора «*Китаб ат-тухфат аз-зикийа фи-л-лугат ат-туркийа*», посвящены вопросам фонетики, морфологии, синтаксису и лексике кипчакского, туркменского и других тюркских языков.

Художественная литература на тюркском языке в Египте представлена поэзией Сайфа Сарайи, который поместил свои стихи в рукопись вольного перевода с персидского «Гулистана» Саади — «Гулистан би-т-тюрки». Кроме своих стихов он поместил в своей рукописи подборку газелей тюркоязычных поэтов, в основном неизвестных, за исключением ал-Хорезми, автора знаменитого «*Мухаббат-наме*».

Тюркский элемент оказал влияние на все сферы жизни мамлюкского Египта. Именно в этот период тюркские слова широко проникают в арабский язык. Тюркское влияние ощущается в военной и бытовой лексике, внедрении новых обрядов, придворного этикета, в изменении критериев в оценке прекрасного, пищи, одежды и т. д. Выходцы из тюркских племён, такие исторические личности как Байбарс, Кутуз, Шаджарат ад-Дурр, становятся героями народных романов-*сир*. Все это свидетельствует о том, что влияние тюркского элемента на жизнь и культуру мамлюкского Египта было достаточно весомым и длительным.

Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Лирическое «я» в поэзии Миры Баи

Мира Баи (1499–1547), последовательница кришнаитского бхакти и прославленная в Индии поэтесса, посвятила себя сочинению песен-гимнов (*бхаджанов*) — славословий Кришне, молитв и исповеди о самоотреченной

любви к нему. В своем служении Кришне она отождествляла себя с пастушкой (*гопи*), в далеком прежнем рождении бывшей супругой земного воплощения бога. Многих исследователей поражает в творчестве поэтессы ее стремление выразить сугубо личное чувство к возлюбленному богу, индивидуальную реакцию на окружающий мир и людей.

На первый взгляд песни-исповеди Миры в самом деле производят такое впечатление. Обращает на себя внимание обилие в текстах личных местоимений 1-го лица, упоминания об обстоятельствах личной жизни, прямая полемика с родней и т. п. Однако при более близком рассмотрении структуры стихов обнаруживаются факты, не поддерживающие первого впечатления. Местоимения 1-го лица (чаще ед. ч.) более чем в половине случаев занимают в стихе ритмически «слабую», неударную позицию или являются клитиками, нередко служат средством урегулирования квантитативных параметров стиха.

В *бхаджанах* встречается большое количество клише, отчасти фольклорного происхождения, чаще заимствованных из разных традиций проповеди бхакти. Эти клише, особенно в той их части, которая относится к сфере эмоциональных проявлений, обычно представляют собой речевые фразеологизмы. Выражения предположительно «авторские» как правило составлены по модели фразеологизмов и также клишированы. Все это говорит о высоком уровне формульности стихов-исповедей Миры Баи.

Вне сомнения в своем «приношении чувств» возлюбленному богу поэтесса пользуется «готовым словом», узаконенным в каноне проповеди кришнаитского бхакти. Эта практика индивидуального эмоционального служения аналогична самоотождествлению адепта с «я» любой «чужой» устной речи, обращенной к божеству и сознаваемой традицией кришнаитского бхакти как ритуальный текст. «Личная» исповедь Миры Баи оказывается не более индивидуализированной, чем всякий иной текст, созданный в этом каноне.

Челнокова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Литература далитов: ее герой и специфические особенности

Литература далитов (низкокастовых, букв. «отверженных») занимает особое место в литературе современной Индии. В литературе хинди это течение существует с 1970-х гг., а в настоящее время стало одним их ведущих. Существуют две трактовки этого термина — в узком смысле это произведения, созданные писателями-далитами, в широком — произведения, посвященные жизни далитов, независимо от того, кем они написаны.

Литература далитов обладает рядом особых характеристик, прежде всего связанных со специфическими сюжетными построениями и героем особого

типа. Часто в литературу хинди далиты входят со своей собственной историей, начиная писательскую карьеру с автобиографии: например, Омпракаш Вальмики «Joothan» («Мусор»), 1997; Сураджпал Чаухан «Tiraskrit» («Отверженный»), 2002 и др. Это автобиографии особого рода — не личные истории, а истории типичного представителя низшей касты, воспринимаемого окружающими не как личность, а как «неприкасаемый». Сюжетные акценты делаются не на важных событиях (свадьба, рождение детей, смерть родственников), а на бедах и унижениях героя. Такая автобиография, оставаясь предельно субъективным жанром, вписывается в гораздо более широкий социально-исторический, а не литературный контекст.

Герой литературы далитов — самый обычный представитель своей кастовой общности. Он повествует о своих злоключениях как хроникер, без пафоса и обличений. Его речь проста, часто излишне грамматически выверена, как у человека, не от рождения владеющего литературным языком, но он не стесняется в выражениях. Героиней писателей-мужчин редко оказывается женщина, т. к. у далитов развита социальная стратификация внутри каст, и не все готовы видеть в центре повествования женщину, изначально зависимое от мужчины существо.

Последние 10 лет литература далитов в Индии имеет огромный резонанс, однако это происходит не столько за счет ее литературных достоинств, сколько из-за высокой социальной значимости: это явление, бесспорно, выходит за литературные рамки.

Шуйская Н. М. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва)

Три года после арабских революций: арабские писательницы объясняют жизнь

Проблемы, затрагивавшиеся арабскими женщинами-прозаиками на протяжении самых последних лет, по преимуществу вневременны. Прежде всего это брак, где не спрашивают согласия невесты, а также ситуация, когда между женщиной и настоящей жизнью стоит посредник — муж, который волен открыть для неё полноценную жизнь или оставить закрытой. Это приводит либо к отказу от замужества (Л. ад-Дулейми, «Мир одиноких женщин»), либо к «раздвоению» сознания, уходу от тусклой действительности в мир иллюзий (М. Хасан, «Рассказчицы»), либо к отказу от женственности, к принятию на себя маскулинной роли (Х. А. аль-Гувейли, «Женщина без страсти»). Б. аль-Башар в «Любовных приключениях на улице аль-А‘ша» показывает: как только живые чувства сталкиваются с обычаями и традициями, их (чувства) приходится подавлять и душить. Единичные случаи протеста встречаются, но они имеют успех, если только к неуступчивости девушки добавляется мудрость семьи.

В XXI в. по-прежнему убивают женщин по обвинению в «преступлении чести» (В. Хури-Гата, «Семь камней для грешницы»).

Здесь же звучит несмолкающий мотив противостояния Востока и Запада, при этом Восток не идеализируется, но вскрываются проявления его ужасающей косности. Ливанский роман черпает темы из войны 1975–1990 гг. Д. Мазлюм в «Бейруте ночью» повествует о поколении (о тех, кому чуть больше 30), теряющем свою принадлежность к арабизму (*аль-'уруба*).

Писательницы-эмигрантки показывают родину до и после происшедших там перемен. И. Каджах Джи в романе «Ташари» изображает Ирак, которого больше нет, стремясь оставить достоверное свидетельство очевидца, адресованное поколениям, живущим в обстановке насилия, захлестнувшего современный Ирак. Писательницы пытаются объяснить своим читателям их жизнь, даже если они используют приёмы сюрреализма: причины иллюзий персонажей материальны — жизненное неблагополучие, разочарование, желание найти утешение и надежду, хотя бы и в некоем инобытии (И. А. ар-Рахим, «Комнаты»).

Шулунова О. В. (БГУ, Улан-Удэ)

Концептуализация лирического героя в поэзии Хань Дуна

Современная китайская поэзия в 90-е годы прошлого века обретает новый вид. Молодые поэты отказываются от патетики и принимают заурядность лирического «я». Поэтическая практика Хань Дуна, представителя «нового поколения», отличается простотой, разговорностью, его лирический герой — он сам.

Творчество Хань Дуна автобиографично, поэтому причины, истоки тех или иных качеств лирического героя следует искать в русле жизни самого поэта. Детство он провел в деревне, поэтому в стихотворениях пейзажной лирики поэтическое «я» тоскует по сельской местности, простому труду, близости с природой. Традиционные для китайской поэзии черты лирического героя раскрываются в концептах природы, естественности и невинности. В стихах же любовной тематики раскрываются иные черты лирического героя, знавшего любовь, разлуки и расставания: концепты женщины, красоты, судьбы. В стихах о дружбе лирический герой традиционен, эта тема ему близка, отношения с другом дороги, он старается поддерживать связь с друзьями в разлуке, терзается, тоскует, вспоминает. Лирические герои у Хань Дуна, как и всегда, выражены местоимениями первого и второго лица, между которыми как бы происходит диалог, что позволяет поэту напрямую обращаться к читателю, а также придает произведению субъективный характер. Наконец, стихи, в которых лирический герой раскрывается наиболее полно и ярко — урбанистическая лирика. Лирический герой Хань Дуна — представитель именно городской интеллигенции, как и сам поэт: многогранные

концепты города, одиночества, бренности, темноты, суетности, пространства и времени. Лирический герой — наблюдатель и тонкий лирик, ведущий диалог с читателем.

Средства художественной выразительности, умело подобранные выражения, простой, ясный и доступный язык позволяют читателю понять, что в конечном итоге лирический герой у Хань Дуна — не только и не столько сам поэт, сколько каждый из нас, читателей, живущих в современной действительности.

Эльсабрути Р. Р. (КФУ, Казань)

Художественная интерпретация социально-политической жизни Египта второй половины XX века в романе Аля аль-Асуани «Дом Якобйана»

Египетский прозаик, активный член оппозиционного движения «*Кифая*», Аля аль-Асуани является автором известного романа «Дом Якобйана», который принес ему мировую славу. Действие романа датируется второй половиной XX века. Главным его героем является многоэтажное общественное здание, построенное армянином Якобяном в центральной части Каира. В 1952 году революционное руководство выдворило прежних жителей дома, а квартиры их были заселены семьями вершителей революции — элитой нового времени. Общественное здание перевоплощается в арену новых исторических событий, становится свидетелем социальных перемен.

Название романа передает максимально сжатую концептуальную сущность произведения. Значение лексемы «дом» в композиционно-сюжетном движении получает новый семантический оттенок: это не просто обозначение жилища, а слово-символ, передающее структуру и жизнь современного египетского общества в целом. Роман состоит из глав, каждая из которых представляет собой рассказ об одном из его героев. Внимание автора сосредоточено на отношение людей к происходящим в стране событиям. Здесь ощутимо наличие разных точек зрения в восприятии событий.

«Дом Якобйана» — это панорама социально-политических и идеологических конфликтов. Египет во 2-й половине XX века переживал серьезные перемены, повлекшие за собой ломку устоев в общественной жизни страны. Президент Садат, придя к власти в 1971 г., апеллировал к исламу в борьбе со сторонниками бывшего режима. Огромный спектр нерешенных социально-экономических проблем привел к распространению исламского экстремизма, который поглощал талантливую молодежь. Переполнившись чувством ненависти к окружающему миру, они превращались в профессиональных боевиков, способных хладнокровно расстреливать невинных людей.

Роман, как зеркало, отразил общественно-политическую ситуацию в стране. Масштаб личностей персонажей романа мал; в своей совокупности они составляют лишь «население» многоэтажного общественного здания. Но их судьбы позволяют читателю проникнуть в глубинные пласты египетского общества, проследить процессы, протекающие в нравственной и духовной жизни современных египтян, изображенных Аля аль-Асуани.

Юсупова Д. Р. (НУУз, Ташкент)

«*Фунӯн ал-балāга*» Ахмада Тарази как ранний трактат об *ʻарӯде* на тюркском языке

ʻАрӯд является традиционной и широко распространенной системой стихосложения в литературах мусульманского Востока. Трактаты об *ʻарӯде* шейха Ахмада Тарази, Алишера Навои и Захириддина Мухаммада Бабура показывают, что тюркское «ʻарӯдоведение» развивалась как отдельная отрасль поэтики в эпоху Тимуридов. Трактат Тарази «*Фунӯн ал-балāга*» отличается особенно подробным рассмотрением явлений и понятий связанных с *ʻарӯдом*.

Трактат «*Фунӯн ал-балāга*» был написан 1436–1437 г. и посвящен Улугбеку, правителю Мавераннахра. Трактат включает в себе введение и 5 разделов, посвященных вопросам мусульманской поэтики, таких как стихотворные жанры, наука о рифме, наука о поэтических фигурах, наука об *ʻарӯде* и о *муамме* (стихотворный жанр, представляющий собой ребус). К сожалению, конечная часть четвертого раздела (т. е. раздела об *ʻарӯде*) и пятый раздел трактата (наука о *муамме*) не дошли до нас.

В «*Фунӯн ал-балāга*» *бахры* (поэтические метры) по составу правильных основных стоп разделяются на две большие группы: группа *бахров муттафик ал-аджза'* (бахры состоявшиеся из одинаковых основных стоп) и группа *бахров мухталиф ал-аджза'* (*бахры* состоящие из двух различных основных стоп). Такая классификация была нововведением в «ʻарӯдоведении» того времени. Позже она была использована Бабуром в «*Рисала-и ʻарӯд*».

В трактате автор пишет, что он приводит 366 стихотворных размеров из 40 *бахров*, но поскольку раздел об *ʻарӯде* дошел до нас в неполном виде, фактическое количество приведенных стихотворных размеров составляет 193. В отличии от своих персидских предшественников, Тарази считает, что правильная стопа *маф'улату* может самостоятельно образовать отдельный *бахр*, т. е. *бахр сакил*.

В трактате приведено 20 новых (включая *сакил*) бахров не встречающихся в персидских трактатах об *ʻарӯде*, известных сегодняшней науке. Автор подробно описывает 8 *бахров* и 193 *вазнов* и приводит их примеры на тюркском языке.

СЕКЦИЯ XV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

Vladimir Bobrovnikov (Institute for Oriental Studies, Moscow)

Translation in the Making of Post-Communist Islamic Language: The Case of *Majmu'at al-Fawa'id* by Sa'id-afandi al-Chirkawi

This presentation proposes a discursive analysis of linguistic and cultural translation in the re-making of Islamic normative texts in the historical context of post-communist Dagestan. It concerns 'new' written languages of Islam brought into the common use of Russia's Muslims in the 20th century.

As such, translation always played an important role in transmitting of Islamic knowledge. In the pre-modern (and colonial) times Dagestani Muslims learned, wrote and read mostly in medieval Arabic and had to translate into it their contemporary realities. Language repertoire much changed in the 20th century. The knowledge of Arabic script degenerated. Following the Soviet reforms vernacular languages were provided with unified written forms. Russian replaced Arabic as the language of power, law and public culture. These radical changes influenced religious growth of the 1990s when Islam returned in the public sphere. Now most texts of Islamic learning are published in Russian and 'national' languages.

The cultural role of translations between Russian, Arabic and Caucasian vernacular languages is still understudied. We know nothing of interpreters as actors of Islamic knowledge, whose help today Muslim leaders often have recourse to when translating their own works or the works attributed to them. Islamic writings include numerous citations (and translations) without references, whose authors, titles and meaning are often uncertain.

To start filling up this serious gap I propose to investigate popular yet contested compendium of legal opinions (*fatawa*) published by influential Sufi master Sa'id-af-andi (1937–2012) from the Avar village of Chirkey. This work on Islamic law and Sufi ethics first appeared in Avar (1997), and was soon translated into Russian (2002), and supplemented with numerous Arabic citations. Comparative study of both versions of the book should help in deconstructing of today Islamic narratives and establishment of their changing vocabulary, actors and sources.

Alfrid K. Bustanov (European University, St. Petersburg)

The Tatar Salafi Discourse and the Borders of 'Traditionalism'

Over the last decades we have witnessed an increase of the role of the Russian language for Muslims of the former Soviet Union. Muslims are thinking, writing and speaking on specifically Islamic issues in the Russian language. The language of Pushkin and Lermontov has quite surprisingly set up a platform for discussions among Muslims of a broad ideological spectrum, from jihadists and Salafis to the state-supported Muftis loyal to the Kremlin, with a vast array of Muslim public intellectuals and preachers in between. In our pilot-study (Bustanov/ Kemper, 2012; 2013) we argued that before our eyes, "Islamic Russian" emerges as a new sociolect to express the interests of Russia's Muslims. Among other things, we argued that there must be a link between the Russification of the Islamic discourse in the RF and the growing popularity of the moderate Islamic fundamentalism. This embrace of the Russian language by Salafis (and, conversely, the trend of Tatar state-loyal "traditionalism" to defend the use of the Tatar language for Islamic purposes was already observed by the late Valiulla Iakupov (assassinated by jihadists in 2012), who served as deputy Mufti of the Republic of Tatarstan. Iakupov regarded the spread of Russian among the Muslim youth as a factor of radicalization. But he himself — by necessity — also used Russian for his book publications, next to Tatar. In fact, the distribution of languages of Islam and their assignment to theological/political positions is very complex, and calls for a closer examination.

What is the place of national languages for the multi-ethnic community of Muslims in Russia? Can we say that this place is marginal, reserved mainly for rural communities and associated largely with the state-promoted 'Islamic traditionalism'? Does being a Salafi and using fundamentalist rhetorical devices mean a linguistic Russification and a break with the legacy of national Islams in the Russian Federation? In other words, does the Russian language serve as a border marker between the cosmopolitan/globalized 'fundamentalists' and the ethnically-oriented 'traditionalists'?

This paper will examine a curious case of Tatar Salafis who insist on using the Tatar language, and who thus consciously embrace a Tatar heritage of Islam. The community in question is located in the Zakam'e region in the Republic of Tatarstan,

where I have been conducting fieldwork since February 2014. We are dealing here with a coherent and stable group of believers who are using a moderate fundamentalist rhetoric expressed orally and in written form in the literary Tatar language. In the cities of Nizhnekamsk and Naberezhnye Chelny a number of Islamic authorities are promoting a nationally-oriented and historically informed 'pure' version of Islamic belief, in defiance of the politicised "traditional" Islam of the Kazan Muftiate.

Eva Rogaar (University of Amsterdam, The Netherlands)

Ali Viacheslav Polosin: Moderation, Loyalty and Patriotism in Islam

This paper presents a case study on Ali Viacheslav Polosin (b. 1956), a former Russian Orthodox priest with a PhD degree who converted to Islam in the late 1990s. Since his conversion, Polosin has maintained close relations with the Russian state, the Muftiate of Moscow and the Russian Council of Muftis. Polosin is supported by the official Islamic structures and the Russian state in his activities.

After being affiliated for several years with the "National Organization of Russian Muslims" (NORM) — Vadim (Kharun) Sidorov's now controversial organization which claims to represent the interests of all Muslims who want to preserve their Russian identity in Islam — Polosin disagreed with the path NORM took in the late 2000s, and went in another direction. In 2011 he founded a Russian branch of the Kuwaiti Islamic organization "Al-Wasatiyya" ("moderation"), of which he is now the director. This organization presents itself as a counterbalance to "radicalism", supports the concepts of democracy and rule of secular law, and rejects ethnic nationalism in Islam. The organization receives generous state funding in order to carry out its agenda.

This paper explores in particular the way in which Polosin articulates his views on the relationship between Islam, the Russian state/secular rule, and modernization; his discourse of "good" and "bad" Islam in Russia; and his call for a moderate, patriotic Islam in Russia. Polosin's utterances are compared with the official Russian state and media discourse on these topics. Where possible, this paper also tracks down change in Polosin's organizational affiliation and in his discourse since the mid-2000s — against the backdrop of developments in Russian domestic politics and in the Muslim world.

Алмазова Л. И. (К(П)ФУ, Казань)

Татарский язык ислама (анализ устной и письменной речи на религиозную тематику)

Ислам среди предков современных татар начал распространяться, по крайней мере, с начала X века. За тысячелетнюю историю религия глубоко проникла

в менталитет и быт народа, татарский язык вобрал в себя множество арабских слов, как религиозного содержания, так и касающихся других областей жизни. Даже несмотря на 70 лет пропаганды атеизма и официальную политику партии, направленную на искоренение влияния исламской составляющей на мировоззрение народа, возвращение слов религиозного характера в 90 годы XX века произошло естественно вместе с возрождением религии.

Данный доклад посвящен изучению полуторачасового интервью татарского богослова Рамиля Бикбаева (27 страниц), взятого в сентябре 2013 года. Главное внимание будет уделено квантитативному анализу современного татарского языка религии: количеству слов тюркского, арабского, персидского, русского происхождения, частоте употребления слов религиозного характера. В качестве источников также привлечены брошюры религиозного содержания, изданные в 2012–2014 гг. в рамках деятельности центра исламоведческих исследований АН РТ и учебные пособия на татарском языке, разработанные в ходе реализации программы по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

В качестве вывода можно отметить повышение количества арабизмов, вместо имевшейся ранее в татарском языке тенденции замещения татарских слов русизмами. Возвращение религиозной риторики может сыграть существенную роль для сохранения татарского языка, если не вмешается другая тенденция — глобализационные процессы с замещением национальных языков на более распространенные и универсальные, каковым в контексте Российской Федерации, несомненно, является русский.

Валеев Р. М., Набиев Р. А. (КФУ, Казань),
Шайдуллин Р. В. (ИТЭ АНТ, Казань), Рахимова Я. Р. (КФУ, Казань)

Электронный проект энциклопедии «Ислам в татарском мире»[1]

В последние десятилетия XX — начале XXI вв., в связи с глобальными общественными и культурными трансформациями в многоэтничных конфессиональных социумах России и мира в целом, особую роль приобретает углубленное изучение истории мировых религий и их духовно-культурных устоев. Весомый научно-практический вклад в развитие исследовательской практики в этой области вносит комплексная обобщающая литература энциклопедического характера. К настоящему времени опубликованы многочисленные научные и научно-популярные работы, посвященные различным аспектам заяв-

[1] Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 14–11–16015 а/В/2014, № 15–01–00061 а/2015 и № 15–11–16009 а/(р)/2015.

ленной проблематики. Все это создало необходимые условия для разработки и издания соответствующей тематической энциклопедической литературы.

Все вышеизложенное в полной мере относится и к татарскому миру. Первые попытки подобного характера предпринимались уже во второй половине XIX — начале XX вв., когда Ш. Марджани (1818–1889) и Р. Фахретдин (1859–1936) создали свои фундаментальные труды энциклопедического характера, в основе которых лежал принцип комплексного изучения наследия мусульманского мира в целом и татарского мира в частности.

Новое электронное энциклопедическое издание «Ислам в татарском мире», посвященное более чем тысячелетней истории развития духовных ценностей мусульманской цивилизации среди татар и их предков, представляет собой комплексное и универсальное научно-справочное исследование. Оно состоит из четырех основных разделов: классическая исламская богословская догматика, традиционная мусульманская духовная и культовая обрядность; мусульманская мифология, история и культура; мусульманские духовные, культовые и образовательные учреждения; видные представители мусульманско-татарской *уммы*.

Основной целью предлагаемой электронной тематической энциклопедии «Ислам в татарском мире» является разработка комплексного фундаментально-прикладного издания по исламу, его истории, традициям и культурным ценностям, рассмотренным в контексте развития татарского народа.

Гараев Д. М. (Амстердамский университет, Нидерланды)

Джихад как пассионарность: медиа-стратегия Саида Бурятского

Доклад посвящен изучению медиа-стратегии одного из самых известных русскоязычных салафитских проповедников — Саида Бурятского. В фокусе данного исследования те его работы и выступления, которые, так или иначе, посвящены теме *джихада*. В работе исследуется, каким образом Саид Бурятский выстраивает свою дискурсивную стратегию и какие методы он использует в медиа-пространстве, чтобы популяризировать свои взгляды на ислам и *джихад*. В частности, анализируются его видео-посты и статьи, которые он публиковал в Интернете в период своего нахождения в рядах джихадистских групп на Северном Кавказе с момента присоединения к ним в мае 2008 г. и до его смерти в марте 2010 г. Особый акцент я делаю на том, каким образом он использует теорию пассионарности Льва Гумилева для объяснения феномена джихадистов-смертников.

Кроме того, на основании изучения биографии Саида Бурятского и анализа его текстов я постараюсь реконструировать факторы, повлиявшие на выбор им того или иного метода или стратегии в его проповеднической деятельности.

Рагозина С. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Дискурс об исламе в российских печатных СМИ

В рамках данного доклада будут представлены результаты эмпирического исследования, посвященного дискурсу об исламе в современной российской прессе. Работа выполнена в рамках критического дискурс-анализа с использованием инструментария корпусной лингвистики. Корпус был сформирован из 9822 статей, так или иначе затрагивающих исламскую проблематику. В качестве источников нами были отобраны 6 российских общефедеральных газет за период с 1.01.2010 по 31.12.2013: «Российская газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета».

В ходе исследования была выявлена структура дискурса об исламе и его семантическое ядро на основе анализа ключевых слов для каждой из газет. Реализация функций «коллокация» и «n-грам» позволили проанализировать лексическую сочетаемость лексемы «ислам» на основе анализа словосочетаний типа «прилагательное + ислам» и «исламский/исламисткий/мусульманский + существительное». Были рассмотрены контексты употребления различных групп понятий, относящих к сфере ислама (столпы ислама, *мазхабы*). Неоднозначные выводы были получены в ходе анализа частотности и контекстов репрезентации различных направлений в исламе.

В начале нашего исследования мы хотели отказаться от распространенного представления об исламофобском характере газетного дискурса об исламе, однако подробный анализ материала доказал несостоятельность этой попытки. Большое количество контекстов употребления лексемы «ислам» являются источниками негативного образа ислама. Концепт ислама в этом дискурсе включает в себя такие образы, как политические акторы, готовые использовать насильственные методы борьбы для достижения своих целей, идеология, оправдывающая их действия. Негативный образ заключается в семантическом приравнивании ислама к военизированному, агрессивному явлению. Кроме того, анализ концепта «ислам» обнаруживает четкую семантическую просодию, ярким примером которой является дихотомия «традиционный VS радикальный ислам».

В докладе более подробно будут описаны методы, которые были использованы в данном исследовании, что позволит проиллюстрировать выводы конкретными примерами.

Сибгатуллина Г. Р. (Университет Лейдена, Нидерланды)

Об особенностях и функциях религиозного языка кряшен

«Этническая мобилизация» после распада СССР, характеризовавшаяся ростом национального самосознания, привела к обострению в Республике

Татарстан «кряшенской проблемы» — споров вокруг статуса этноконфессиональной группы крещеных татар. По мнению самих кряшен, православие и сформировавшийся под его влиянием язык являются особенностями данного меньшинства, отличающими его от основной массы татар — этнических мусульман.

Созданием алфавита на основе кириллицы и описанием грамматики языка кряшен в конце XIX в. занималась группа православных миссионеров под руководством Н. Ильминского, основной целью которых было распространение православной литературы на тюркском языке, свободном от арабизмов и персизмов, семантически нагруженных мусульманскими символами.

Данный доклад, основанный на результатах анализа религиозных текстов на языке кряшен и сравнении их с православными молитвословами на современном литературном татарском языке, имеет своей целью поиск ответов на следующие вопросы:

1. Применим ли опыт создания языка кряшен для разработки варианта русского языка ислама, построенного на принципах, отличных от «русификации» и «арабизации» (Кемпер, Бустанов; 2012)?

2. Уместно ли говорить о схожести функций церковнославянского и церковнокряшенского языков?

3. Какова роль религиозного языка кряшен в развитии диалога между РПЦ и ДУМ РТ?

Шаблей П. С. (Кустанайский филиал ЧелГУ, г. Кустанай)

Источники для изучения мусульманской благотворительности в Семипалатинске во второй половине XIX — начале XX вв.

Семипалатинск был одним из крупнейших мусульманских центров Российской империи, в котором в начале XX в. проживало около 10 тыс. мусульман. Торгово-предпринимательская среда была внушительной, учитывая, что власти не финансировали мусульманские институты, но в начале XX в. в городе имелось уже 11 мечетей и почти у каждой собственное медресе.

Источники, которые позволяют нам выявить особенности мусульманской благотворительности в Семипалатинске, можно разделить на несколько групп. В первую входят записи крепостных книг нотариального архива г. Семипалатинска. Эти документы позволяют рассмотреть механизмы передачи недвижимого имущества в собственность мечетей, детали оформления юридических документов, размеры отдельных вакфов, а также оценить социальный состав благотворителей. Имеющиеся в нашем распоряжении записи позволяют говорить о двух крупных вакфах при 6-й и 7-й мечетях города.

Во вторую группу входят мемории Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). В этих записях, включающих анализ делопроизводства ОМДС, можно найти информацию о способах финансирования мечетей, о том, каким образом организовывалась взаимопомощь в пределах мусульманских общин (например, в случае. если сгорела мечеть), какую роль играли местные религиозные лидеры во взаимоотношениях с властями, когда приходилось решать вопросы о реставрации культовых мест, поддержки мусульманского образования, помощи бедным, организации *хаджжа* и др.

К третьей группе относятся сочинения крупных религиозных и общественных фигур Семипалатинска. Это работа ахуна Ахмад-Вали ибн Али ал-Казани *«Китаб-и таварих-и Семипалат кала»* («Книга истории города Семипалатинска») и три произведения имама, а также известного историка и этнографа Курбан Али Халиди. Первое, не озаглавленное сочинение включает в себя историю мечетей Семипалатинска. Оно было опубликовано в английском переводе А. Франка и М. Усманова в 2001 г. Вторая работа представляет собой исламский биографический словарь, раскрывающий важные детали социальных отношений в пределах мусульманских общин. Третья и самая крупная работа Курбан Али Халиди — *«Таварих-и хамса-ий шарки»* («Пять историй Востока») — классический образец сочетания региональной и всеобщей истории. В ней мы можем найти не только описание характера финансирования мусульманских институтов, но и споры о распределении *закята* и *ушура*. Автор обращает внимание на специфику организации подобных сборов в земледельческих и скотоводческих районах.

Шихалиев Ш. Ш. (ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

Развитие арабографической литературы в Дагестане в контексте деятельности мусульманских реформаторов начала XX в.

Идеи джадидизма в Российской империи были направлены на реформу системы мусульманского образования, введение в систему мусульманских школ естественных дисциплин и развитие единого тюркского языка[1].В отличие от джадидов внутренних регионов Российской Империи, многие дагестанские реформаторы выступали с идеями широкого развития местных национальных языков[2]. Это в корне отличало их взгляды от идей джадидов Крыма и Волго-У-

[1] *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва-Петроград, 1923; Ahmed Kanlidere, Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars. Istanbul, 1997.

[2] *Акаев А.* Пайхамарны ёлу булан / сост. Гасан Оразаев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. С. 63–65.

ральского региона, где были популярны идеи использования общетюркского языка в образовательном процессе.

Деятельность дагестанских реформаторов привела к широкому развитию богословской, учебной и художественной литературы на дагестанских языках в арабской графике (*аджам*). Богословскую литературу на местных дагестанских языках отличало широкое использование специфических мусульманских терминов, которые не переводились[1]. Часто арабские заимствования употребляли в текстах даже в том случае, когда в местных языках имелся соответствующий эквивалент. В дальнейшем дагестанские национальные языки получили более широкое развитие уже в советский период.

Юнусова А. Б. (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа)

Архивные ресурсы по изучению истории ислама и мусульман на Южном Урале

Государственные архивы Оренбурга и Уфы обладают большими ресурсами по истории российского ислама. В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) это фонды Оренбургского губернского правления (Ф. 6), Оренбургского жандармского управления (Ф. 21), Оренбургской Духовной консистории (Ф. 172), Оренбургской городской думы (Ф. 368). Опись самого большого и содержательного в плане документов по истории ислама фонда Оренбургского губернского правления включает 18 порядковых номеров в 25 томах.

В Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦИА РБ) находится фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (Ф. 295), включающий 72 тысячи дел, в том числе журналы заседаний ОМДС с 1832 по 1918 г., метрические книги мусульманских приходов России, дела об утверждении мулл к мечетям, дела о строительстве мечетей, формулярные списки, личные дела высшего духовенства, бракоразводные и наследственные дела. В фонде Уфимского губернского правления (Ф. 9) хранятся императорские указы о назначении мулл к мечетям, наградные и выездные дела, распорядительные документы губернского правления, жалобы и обращения духовенства, в фонде Оренбургской казенной палаты (Ф. 138) — материалы ревизских сказок.

Материалы XIX — начала XX в. присутствуют также в фондах Уфимского губернского жандармского управления (Ф. 187), Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия (Ф. 10) и др. Особый интерес представляют

[1] *Шихалиев Ш. Ш.* Арабографические сочинения по суфизму на кумыкском языке в контексте развития дагестанской суфийской литературы // Вестник Института ИАЭ (2014). № 3. С. 71–79.

отчеты губернаторов (ежегодные, в связи с отставкой, по запросам), отчеты гражданских должностных лиц, рапорты и донесения командующих башкиро-мещеряцким войском, составленные ими ведомости о мечетях, доклады и отчеты ОМДС.

Материалы архивов позволили создать источнико-ориентированные базы данных, на основе которых проводится реконструкция истории ислама и мусульманских объединений на Южном Урале в XVIII — начале XX вв. На основе свыше 2 тысяч дел ГАОО и ЦИА РБ к настоящему времени нами созданы базы данных по массовому закрытию мечетей в 1-й половине XX в., мусульманскому населению Уфы в начале XX в., мусульманскому населению на Южном Урале в XIX в. и др.

Ярлыкапов А. А. (ИМИ МГИМО (У) МИД РФ, Москва)

Ногайский язык как язык богословия: идеология и практика

Ногайцы после начала исламского подъема оказались в центре идеологических споров относительно пути исламского развития. В 1990-е годы шла серьезная дискуссия о *мазхабах*. С одной стороны, из-за советской антирелигиозной полити и испытывали влияние соседей-шафиитов. С другой стороны, часть радикаль ки ногайцы потеряли традиции ханафитского *мазхаба* ной молодежи призывала отказаться от *таклида*, забыть как о ханафитском, так и о шафиитском *мазхабе*. Эти споры были о намерениях, в них не было богословского наполнения: *таклид* касался по большей части правил совершения молитвы.

Последнее пятилетие характеризуется серьезными переменами в этой области. Произошли изменения в подходе салафитов к *таклиду* — большинство их лидеров прошло эволюцию от *такфиризма* к признанию и принятию *таклида*. Ее подстегнуло проникновение в Ногайскую степь последователей шейха Саида-афанди Чиркеевского. Позиция салафитов состоит в том, что необходимо распространять религиозные знания по принципам ханафитского *мазхаба* в пику суфийскому учению. В целях их распространения салафитская молодежь стала разрабатывать сайт «Ногайцы в Исламе»: http://www.islamngy.biz.

Практически сразу встал вопрос языка, особенно в связи с амбициями разработчиков, которые ориентировались также и на диаспору, проживающую в Турции. Было принято решение развивать ногайскую часть сайта. Более того, ногайскую часть материалов сайта можно транслитерировать, что важно для диаспоры.

Организаторы сайта подвергались салафитами критике на форумах за обращение отдельно к ногайцам, за повышенное внимание к правилам

ханафитского *мазхаба*. Но такой подход имеет четкую цель: показать, что современный «традиционный» ислам не имеет ничего общего с тем, что предписывается согласно четырем *мазхабам*. Показательно избирательное использование наследия ханафитских ученых. В частности, переведены на ногайских язык и распространяются выдержки из книги Ризауддина Фахруддина 1916 г. «*Джавами‘ ал-калим шархе*», причем из этого труда были взяты именно те фрагменты, где критикуется чтение Корана за деньги и посещение могил с целью обращения к мертвым.

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ: ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ, ИСТОЧНИКИ И ПОДХОДЫ

Кункова В. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О принципах исламской деловой этики

В источнике правовой системы исламского общества — Коране, нравственный аспект экономической деятельности выдвигается как один из важнейших в жизни человека. Тема торговли в Коране ярко отражена, прежде всего, из-за того, что пророк Мухаммад был торговцем-караванщиком и с ранних лет участвовал в путешествиях с торговыми целями. Торговая сделка, которую мусульманское право рассматривает как одну из разновидностей обмена, могла скрепляться договором.

С точки зрения фикха, при заключении контракта две стороны должны четко определить цену, количество, качество, сроки, обязательства в соответствии со своим свободным выбором без какой-либо недоговоренности; для осуществления сделки и заключения контракта, которые бы точь в точь соответствовали требованиям мусульманского права, стороны должны принять множество мер предосторожности, чтобы избежать так называемой «прибыли без эквивалента». Что касается вопроса ценообразования, то фикх отдает предпочтение свободным ценам, подчиненным только закону спроса-предложения, во избежание возникновения искусственных и специально завышенных цен.

Шариат выделяет товары, продажа которых должна запрещаться на мусульманских рынках; к ним относятся, например, алкоголь, свинина, собаки и вообще все ритуально нечистое. Недопустимым считается покупать то, от

чего нет никакой пользы. Например, диких животных, которых нельзя использовать для охоты.

Трудновыполнимым, а иногда просто невозможным является шариатское предписание доставить товар покупателю в течение трех дней после заключения сделки. В категорию «макрух» (то есть неодобряемое, но приемлемое) подпадают, например, такие товары, как «виноградный сок, купленный у человека, который делает вино», «оружие, купленное у того, кто сражался против Аллаха», либо товар, «купленный у того, кто приобрел его незаконным путем».

На практике, когда требования шариата были невыполнимы или противоречили коммерческой выгоде, купцы и мелкие торговцы действовали в соответствии с обстоятельствами и следовали сложившимся обычаям своей местности.

Маточкина А. И. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Истоки религиозной грамотности советских мусульман в Волго-Уральском регионе

Большевистская борьба с религией, судебные преследования религиозных деятелей, массовые пропагандистские публикации атеистического характера, переход на латиницу и на кириллицу, — все эти меры, казалось бы, должны были привести к искоренению традиции религиозной учености среди мусульман советских республик, заставив их позабыть о временах тесных контактов с арабоязычным и арабографическим миром. Однако традиция сохранения и передачи религиозных знаний выжила благодаря деятельности местных улемов, как имевших, так и не имевших официального статуса. Они адаптировались к неблагоприятным условиям и нашли новые формы передачи религиозных знаний, продолжая при этом обсуждать богословские, правовые и ритуальные вопросы, а также идеи реформации и обновления ислама. Мусульманские религиозные деятели Поволжья и Урала играли одну из ключевых ролей в этом процессе.

Интерес представляют не только, и не столько религиозный официоз, сколько грамотные верующие люди в том или ином городе или селении. Кредо религиозных деятелей, выработанное в этот период, звучало следующим образом: «разумная осторожность во имя сохранения религии». Задачи были конкретно определены: передать религиозные знания новому поколению и постараться сохранить приверженность основной части общества догматам ислама. Выполнению такого рода задач способствовали моральные и этические принципы ислама: мусульманин, обладающий религиозными знаниями, обязан передавать их другим, то есть осуществлять *дават*.

Анализ имеющихся источников показывает, что подвижническая работа отдельных верующих внесла существенный вклад в сохранение мусульманской религии. В частности, изучение истории села Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области в советский период и биографий отдельных его жителей подтверждает факт распространения религиозного знания среди односельчан силами грамотных верующих людей (чаще всего детей религиозных деятелей и учителей), а также свидетельствует о сохранении связей со Средней Азией.

Розов В. А. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Лексика исламских финансов: формируя идентичность

Исламские финансы являются стремительно развивающимся сектором экономики, имеющим большое значение для развития мусульманских, в т. ч. арабских стран. Исламский банковский сектор, появившийся относительно недавно — в середине XX в., активно использует лексику Корана и хадисов, отражающую реалии доисламской и раннеисламской Аравии. Ключевыми правилами исламской экономики является запрет на ростовщичество (*риба*) и неприятие спекулятивного риска или неопределенности относительно предмета договора (*гарар*)[1].

Значительное число терминов исламского финансового сектора заимствованы из текста Корана и хадисов. При коммуникации вне арабского языкового поля в сфере исламских финансов используются заимствованные арабские термины. Отчасти это связано с тем, что значительная их часть не имеет аналогов в других языках, а также со стремлением пишущих подчеркнуть уникальность этой сферы финансово-экономической деятельности и ее религиозную составляющую.

Термины исламских финансов находятся в состоянии жесткой дихотомии, противопоставляющей «дозволенное» (*халал*) и «запретное» (*харам*). Прочая лексика, используемая в сфере исламских финансов, также находится в рамках этого противопоставления. Это выражается в стремлении использовать лексику, не содержащую коннотаций, которые могли бы ассоциироваться с порицаемыми исламом явлениями, поведением и способами ведения бизнеса.

Таким образом, лексика, используемая в исламских финансах, является важным инструментом формирования образа этой сферы экономики и противопоставления ее другим формам хозяйственной деятельности.

[1] Определение по: *Марчуков В. Ф.* Деньги, кредит, банки в исламских странах: Учебное пособие. Казань: ТГГПУ, 2008. С. 201.

Соколов О. А. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ)

Образ *муджахида* в пропагандистских журналах «Инспайр», «Сада аль-Малахим» и «Дабик»

Исламистская пропаганда в интернете является одним из важнейших способов распространения идей радикального ислама в настоящее время. В качестве примера рассматриваются три интернет-журнала, имеющие довольно широкую аудиторию: «Инспайр», «Сада аль-Малахим» и «Дабик». Как принято считать на Западе, первые два издаются под эгидой радикальной исламистской организации «Аль-Каида на Аравийском полуострове», а последний выпускается «ИГИЛ». Журналы имеют разные целевые аудитории, что неизбежно порождает различия в подходе к подаче информации и содержании.

Настоящее исследование представляет собой критический анализ вышеназванных журналов, направленный на выявление создаваемого в них образа «джихадиста». В докладе будут освещены следующие вопросы:

1. Средства пропаганды «Аль-Каиды» и «ИГИЛ», формирующие этот образ.
2. Качества, которые авторы данных интернет-публикаций приписывают «воинам *джихада*».
3. Примеры, иллюстрирующие формируемый ими образ *муджахида*.
4. Использование ссылок на Коран и сунну Пророка в пропагандистских целях.

Улангина А. О. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отношение к исламу в современном саудовском романе

Художественная литература выступает одним из ценных источников сведений о жизни общества. В ней отсутствует сухая статистика, но есть живое мнение представителя интеллектуальной элиты страны — писателя. Литература Саудовской Аравии представляет в этом отношении особый интерес: существует не так много возможностей прочувствоватьизнутри жизнь одной из наиболее закрытых стран мира. Особенно интересен в этом плане жанр романа, представляющий, как правило, широкую панораму общественной жизни.

Изучение саудовского литературного дискурса проводилось с целью выявить роль религии в повседневной жизни и отношение к ней граждан страны, практически все население которой официально исповедует ислам.

В Саудовской Аравии жанр романа сформировался лишь к середине XX в., но на протяжении последних тридцати лет литература в этой стране активно развивалась, подарив литературному миру несколько поистине выдающихся

авторов. Для исследования были выбраны те из них, кто получил наибольшее признание не только в арабской, но и в мировой литературе. Среди них Абду Халь, Раджа Алем, Юсиф Мухаймид, чьи произведения удостоились ряда международных литературных премий и были переведены на английский язык.

В результате исследования удалось выявить следующие особенности рассмотренных произведений: несмотря на довольно активное порицание саудовского общества, авторы не ставят под сомнение религиозные догмы ислама. Складывается ясное понимание того, что ислам для жителей Саудовской Аравии — неотъемлемая и органичная часть их жизни: он всегда присутствует на заднем плане, даже если и не является центром повествования. В то же время в современном саудовском романе постоянно поднимается проблема использования религии для оправдания или прикрытия преступных замыслов, начиная от финансовых махинаций и вплоть до убийства. Таким образом, не подвергая сомнению истинность мусульманских ценностей и доктринальных установок, современные саудовские писатели обличают стремление людей использовать религию в качестве рычага для достижения собственных целей.

Уланова Д. В. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фетвы шейх ул-исламов **османской империи XV–XVII вв. как источник по истории османского семейного права**

Фетвы не являются непосредственным источником исламского права, однако это продукт интерпретации права авторитетным религиозным деятелем. С одной стороны *фетвы* представляли собой фиксацию конкретных юридических решений, отражающих современную юридическую практику, с другой стороны — в некоторых случаях, предлагают оригинальное решение вопроса.

В исследовании рассмотрены сборники *фетв шейх ул-исламов* Османской империи конца XV — начала XVII вв. Ибн Кемаля, Абу Су'уда-эфенди, Яхьи-эфенди (общим количеством 1180). *Фетвы* Ибн Кемала и Яхьи-эфенди ранее не переводились с османского на другие языки.

Учитывая обширный объем информации, все *фетвы* были классифицированы в таблицах в соответствии с разделами исламского семейного права в империи. Всего получилось 6 таблиц: 1. Общая (представляет собой пять крупных разделов исламского семейного права, актуальных в Османской империи в указанный период); 2. Заключение брака (*nikâh*); 3. Выкуп (*mehr*); 4. Содержание жены (*nafaka*); 5. Прекращение брачных отношений (*ölüm, talâk, fesih, tefrik*); 6. Период ожидания (*'iddet*).

Анализ материала позволил сделать следующие выводы:

1. В Османской империи законодательство развивалось до конца XV вв. по двум линиям. Первая была связана с принципами исламского права и соответствовала официально принятому в империи толкованию ханафитской правовой школы. Вторая — султанское (светское) законодательство, которое выросло из местного обычного права. Однако четкая граница, проходящая по сферам разделения компетенции этих линий, постепенно стиралась.

Преобразования Абу Су'уда-эфенди служили узакониванию и поддержанию власти султана-халифа, что вело к централизации и усилению власти, сосредоточенной в руках правящего монарха. Власть становилась формально в большей степени личной, в меньшей — институционной.

2. Выделялись актуальные отрасли права, существовавшие в Османской империи конца XV — начала XVI вв., такие как *заключение* и *расторжение* брачных отношений. Среди наиболее разработанных подотраслей — разделы о выкупе (*mehr*), о содержании жены (*nafaka*), о периоде ожидания после развода (*'iddet*).

3. В XVI — начале XVII вв. произошли важные изменения в структуре и терминологии мусульманского османского семейного права: институт брака стал наполовину государственным; закон, запрещающий девушкам выходить замуж без разрешения опекуна (1544 г.), превратил этот поступок в преступление, за которое следовало административное наказание; появился новый термин для обозначения уже давно существовавшей категории выкупа — *оговоренного выкупа*.

Хабутдинов А. Ю. (МОИВ, КФУ, Казань)

Источники по истории мусульман Волго-Уральского региона эпохи *джадидизма*: выбор приоритетов

Основными группами источников по истории мусульман Волго-Уральского региона эпохи *джадидизма* можно назвать следующие: хроники собственно мусульманской *улемы* (прежде всего «Асар» Ризаэтдина Фахретдина); общественная и политическая литература, издаваемая в исследуемый период (труды *улемов* и светских национальных лидеров); неопубликованные материалы (важнейшими из них являются протоколы и отчеты заседаний национальных и религиозных органов); опубликованные программные документы, материалы мусульманских и национальных общественных форумов; произведения татарской литературы конца XIX — начала XX в.; решения совещаний земских и городских органов по мусульманскому вопросу, земская статистика и документы, особенно в сфере просвещения; наконец, восьмой важнейшей группой

источников является российское законодательство, раскрывающее политику империи в отношении мусульман.

Как ни важны архивные материалы, хотелось бы подчеркнуть, что они зачастую являются вторичными. Их значение неоценимо для понимания правительственной политики, получения статистических сведений, учета и анализа обращений мусульман. Однако они абсолютно неадекватно отражают позицию самого мусульманского сообщества, спектр его идей, наличие группировок, легитимность тех или иных действий властей в глазах мусульман. Архивные данные не дают нам представления о том, как формировалась, самовоспроизводилась и сотрудничала между собой и с низшими слоями мусульманская элита. Поэтому приоритетом является, прежде всего, анализ источников, которые показывают, как мусульманская элита России стремилась к модернизации и сохранению мусульманской общины, при этом в большинстве случаев поддерживая и развивая общегосударственную имперскую идентичность.

Эйдемиллер К. Ю. (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Место и роль мусульманской общины в политической жизни стран Северной Европы: опыт Дании. 10 лет спустя после «карикатурного скандала»

К сожалению, сегодня, спустя практически 10 лет с момента начала «карикатурного скандала», ситуация в отношении мусульманского населения Дании практически не изменилась. Несмотря на то, что в Дании существуют достаточно много мусульманских организаций, ни одна из них не уполномочена представлять всё исламское сообщество Дании. Мусульманские организации не раз призывали правительство Дании поддержать идею создания демократически избранного национального совета, представлявшего бы в том числе и интересы мусульман Дании, но, в отличие от правительств других стран-членов Европейского Союза, датское правительство до настоящего времени не поддержало данную инициативу.

Статус и легитимность мусульманских организаций в Дании — комплексный по своей сути и достаточно спорный по своему существу вопрос. Большая часть мусульманских общин в Дании представляет собой конгломерат относительно скромных местных религиозных сообществ и объединений. Более серьёзные мусульманские организации были вытеснены из общественного и политического пространства страны ещё 10 лет тому назад (в начале 2000-х годов) после национальных дебатов о судьбе и положении ислама и мусульманских общин в Датском королевстве.

Дебаты же в Дании разразились, когда всем стало понятно и очевидно, что ислам становится второй по числу верующих религией в Дании и доми-

нирующей среди всех религиозных меньшинств. Единственный вопрос, который ставился на повестку дня внутри датского общества, — место и роль мусульман и мусульманской общины в датском социуме. Спор на эту тему вышел за пределы Дании и перерос в международный скандал. Именно поэтому возвращение мусульманских организаций Дании в общественную жизнь государства и в «большую политику» до сих пор ограничивается, так как связывается с опасениями возникновения новых споров и конфликтов в датском обществе.

АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСЛАМОВЕДЕНИИ

Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Компаративный анализ электронных коллекций арабографических рукописей: определение принципов функционирования

Электронные коллекции арабографических рукописей играют важнейшую роль в сохранении и распространении культурного наследия, содействуют формированию ценного материала для исследовательской деятельности и образовательного процесса.

Целью нашего исследования является анализ принципов функционирования электронных коллекций арабографических рукописей. Материал для исследования был собран в ходе посещения Центра культурного наследия в г. Дубай (ОАЭ), университета Ан-Наджах (г. Наблус, Палестина), также были изучены доступные онлайн рукописные коллекции.

Анализ имеющегося материала позволил выделить следующие особенности работы данных систем:

1. Изученные примеры электронных коллекций по сути являются попытками создания электронных баз данных с возможностью автоматизированного поиска.

2. Несмотря на то, что разработчики большинства электронных коллекций отмечают осуществленную «оцифровку» рукописей, в действительности речь идет о создании сканированных копий манускриптов, не прошедших сегментацию на отдельные символы.

3. Ряд электронных коллекций содержат в своем описании указание на возможность осуществления полнотекстового поиска. Однако наш эксперимент показал, что такого рода поиск осуществляется фрагментарно, очевидно, в рамках тех разделов, которые были набраны вручную и фактически перестали представлять собой рукописный текст.

Метод дигитализации и каталогизации рукописного наследия должен отличаться от обычной оцифровки текста. Возможность учитывать метаданные, традиционно использующиеся при описании рукописей, значительно расширит тематику научных исследований и будет способствовать совершенствованию процесса автоматической каталогизации. Последнее требует применения междисциплинарного подхода при работе с рукописным материалом, сочетания методов кодикологического и компьютерного анализа метаданных (методов оптимизации и визуализации).

Граничин О. Н. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Рандомизированные алгоритмы при исследовании моделей культурно-исторических и социальных явлений

Многочисленные примеры рассмотрения культурно-исторических или социальных явлений в развитии по времени или при распространении в пространстве показывают наличие объективных связей и взаимозависимостей между разнородными фактами, которые неоднократно повторяются (воспроизводятся) в истории.

Для разработки моделей культурно-исторических и социальных явлений широко используются методы математической статистики. Долгое время эффективность (и сама возможность) использования в гуманитарных областях моделей, методов и теорий, разработанных для технических областей знаний, существенно ограничивалась, с одной стороны, недостаточностью развития информационных технологий и социальных сетей, а с другой — непониманием специфики культурно-исторических и социальных явлений, в которых часто определяющую роль играет поведение групп людей. Типичным в поведении людей оказывается непредсказуемость, отказ следованию общей схеме, заранее проложенному маршруту. Это зачастую не позволяет применять математические результаты ставших уже классическими теорий, основанных на изучении только статистических характеристик изучаемых явлений.

Возможно ли обоснованное использование математических моделей в тех случаях, когда статистические распределения неизвестны и, может быть, вообще их нет? Долгое время такого типа задачи считались плохо поставленными, и в таком виде, обычно, задачи и не решали. Как ни странно, но усложнение постановки аналитической задачи за счет введения в модель управляющих

воздействий позволяет предложить обоснованные способы решения. Ключевым элементом нового подхода является рандомизация процесса измерений[1]. На бытовом уровне такого типа подход хорошо всем известен и называется методом проб и ошибок. В докладе будут приведены примеры задач, в которых использование парадигмы «рандомизации» позволяет получить удовлетворительные ответы, в то время, как для тех же задач классические статистические подходы не дают никаких решений.

Кижаева Н. А. (Маттех, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Применение алгоритмов тематического моделирования к кластеризации текстов на арабском языке

Одной из распространенных задач автоматической обработки текстов является задача кластеризации, имеющая применение в таких областях, как например: индексация текстов, сортировка документов, фильтрация, категоризация веб-страниц. Обработка текстов на арабском языке имеет свои особенности и трудности вследствие сложной морфологической структуры языка. Возрастающий объем текстовой информации на арабском языке в сети Интернет и рост арабоговорящих пользователей предоставляет доступ к материалам для исследования.

Тематическое моделирование — способ построения модели коллекции текстов, определяющей, к каким темам относится каждый из текстов. Представление коллекции в пространстве тем, как в пространстве меньшей размерности, позволяет более эффективно решать задачи тематического поиска, классификации, аннотации документов и новостных потоков. Была выбрана модель скрытого размещения Дирихле — вероятностная модель, предложенная в 2003 г. Д. Блеем и соавторами.

Предобработка данных необходима для стандартизации представления текстов и включает в себя такие этапы, как удаление пунктуационных знаков, чисел, токенизация — разделение текста на словоформы, нормализация, удаление стоп-слов.

Применение алгоритмов тематического моделирования для кластеризации текстов возможно двумя способами: использование модели для уменьшения размерности (переход из пространства слов в пространство тем) и применение известных алгоритмов кластеризации, например, K-means, или использование тематического моделирования напрямую. Каждая тема, после оценки параметров, становится новым кластером, к которому относятся все документы, которые с большей вероятностью соответствуют этой теме.

[1] Granichin et al. Randomized Algorithms in Automatic Control and Data Mining. Springer, 2015.

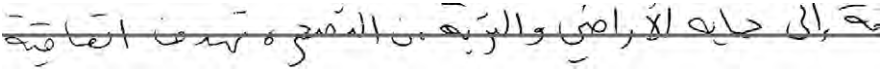
В работе была проведена обработка текстов и применены алгоритмы тематического моделирования, сделано сравнение подходов к кластеризации. В качестве данных использовались две коллекции документов: аннотации 100 статей на арабском языке по исламским финансам и аннотации 100 статей по «исламской науке».

Павлов В. А, Шалымов Д. С. (Маттех, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Алгоритм автоматического определения автора рукописного арабографического текста по почерку

Существует большое количество арабских средневековых текстов, авторство которых либо не установлено, либо сомнительно. Этот факт делает актуальной проблему создания программной системы, способной определять авторство арабской рукописи с заданной точностью, имея определенный объем информации о её потенциальных создателях.

Такие задачи традиционно решаются при помощи компьютерного анализа рукописей, предварительно сегментированных на строки следующего вида (сплошной линией выделен уровень строки с наибольшей плотностью пикселей):



Рассмотрим один из наиболее перспективных алгоритмов, основанный на применении фильтров Габора (Gabor filters) для текстов на персидском языке[1]. Строки текста могут быть обработаны фильтрами Габора[2] и их модификациями (XGabor) для извлечения специальных объектов/ структур данных, характеризующих почерк — графов отношения особенностей (Feature Related Graphs(FRG)).

Полученный по рукописи граф в данном случае содержит в себе набор особенностей, которые делают его уникальным по сравнению с графами, полученными на основе других рукописей. Таким образом, граф особенностей можно воспринимать как вектор свойств, использующийся в задачах машинного обучения, тем самым расширив область применения этого алгоритма.

В настоящей работе данный алгоритм был модифицирован и использован для арабографических рукописей. Также был произведен анализ эффективно-

[1] *Helli B., Moghaddam M. E.* A text-independent Persian writer identification based on feature relation graph (FRG) // Pattern Recognition, 43 (2010).

[2] *Shiv Naga Prasad V., Domke J.* Gabor filter visualization // Technical Report. University of Maryland, 2005.

сти следующих алгоритмов кластеризации: K-Means, Online Kmeans, DBSCAN и PAM. Была реализована программная система, инкапсулирующая модули поэтапной обработки изображения и позволяющая разбивать входные данные на кластеры по потенциальной принадлежности почерка к определенному автору/группе авторов. Такая система способна не только распознавать автора по его рукописи, но также определять количество различных стилей письма в данном заранее неизвестном наборе рукописных текстов.

Редькин О. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабские рукописи и цифровые показатели

В исследованиях, посвященных арабским рукописным памятникам, как правило, приводятся данные относительно места локализации рукописи, указывается библиотечный шифр, имеются сведения относительно ее авторства, происхождения и тематики. Помимо этого, можно встретить и данные, касающиеся особенностей материала — носителя рукописного документа, количества и качества листов, переплета. Возможна также информация относительно графики, например, ориентации текста относительно листа, его размеров, иллюминации и т. д. Точность определения многих из названных выше параметров в значительной мере зависит от субъективного восприятия самого исследователя, и в конечном итоге. от его опыта и квалификации. Между тем, имеется ряд доступных для инструментального анализа показателей, которые могли бы позволить повысить объективность и точность кодикологического анализа.

Среди такого рода показателей можно назвать плотность рукописного текста, особенности графической репрезентации отдельных графем, цветовую палитру текста, пропорциональное расположение элементов графики относительно друг друга, соотношение текста и полей, разметку листа и т. п. Все это может быть выражено в цифровых параметрах, что позволяет на следующем этапе осуществлять их компьютерный анализ. С учетом того, что каждой рукописи присущ набор такого рода индивидуальных характеристик, имеется возможность на их основе определить хронологию и место создания рукописи, принадлежность ее к определенной рукописной школе и авторство.

Чем большее число индикаторов будет принято во внимание, тем более детальным будет описание и классификация рукописного документа. Множественность индикаторов, а также необходимость учета больших объемов данных и их систематизации делает необходимым использование компьютерных технологий, что позволит оптимизировать решение задач классификации и сравнительного анализа арабских рукописей.

Шалымов Д., Шалымов Р. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Метод автоматического определения автора арабоязычного текста по содержанию

Стиль письма того или иного автора определяется подбором слов, тем, как строит предложения, какими оборотами пользуется и т. д. Для автоматического определения автора текста используют методы, известные как Authorship Attribution (AA). Задачи AA являются трудоемкими и эффективно используются в таких областях, как выявление плагиата, профилирование автора — определение его возраста, пола, образовательного уровня, определение авторства текста и др.

Предполагается, что тексты подаются в отсканированном виде и переводятся в формат, пригодный для работы в текстовом редакторе. Для этого производится предобработка изображения, после которой отфильтровываются внешние шумы (случайные точки, помехи, которые могут возникнуть при сканировании и др.), а также изображение бинаризуется, то есть переводится в черно-белый формат. Далее для последующего анализа текста документа необходимо произвести сегментацию, состоящую в распознавании и выделении строк текста на изображении. Применяется Block Covering алгоритм сегментации строк. Данный алгоритм справляется не только с горизонтальным текстом, но и с текстом, написанным под меняющимся углом, что существенно увеличивает точность разработанной системы. Полученные строки разбиваются на слова, для каждого слова извлекается его контур, который в дальнейшем кодируется последовательностью символов в зависимости от соответствующих форм (выпуклостей, вогнутостей, замкнутых контуров). Эти последовательности объединяются в одну общую строку, получая таким образом закодированную форму исходного документа (хэш-код документа), который воспринимается как последовательность символов, сгенерированная некоторым уникальным распределением, присущим определенному автору.

Описанный метод отличается от существующих тем, что нет необходимости осуществлять посимвольную сегментацию текста и производить дальнейшее распознавание символа, что на практике оказывается крайне трудоемкой задачей для арабографических текстов.

СЕКЦИЯ XVI.
КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК»
ROUND TABLE DISCUSSION: "RUSSIA AND ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES"

Doaa Salah Ryad Osman (Assiut University, Egypt)

The Effect of the Visits of Gamal Abdel Nasser to Moscow on the Egyptian–Russian relations (1968–1970): A Study of Unpublished Egyptian Documents

President Gamal Abdel Nasser paid numerous visits to the Soviet Union during the War of Attrition between Egypt and Israel that followed the Israeli aggression against the Arab countries in June 1967. Because of different objectives and circumstances, these visits varied between private and public. These visits focused on military and political Egyptian issues, situation in the Middle East, different ways to strengthen Arab-Soviet friendship, and other important questions.

President Gamal Abdel Nasser paid many visits to Moscow. The first of them was in July 5, 1968, the second visit took place in the period from January 23rd to 25th in 1970. The talks included the issue of relationships with the United States, the problem of Israeli crossing of the Suez Canal and ensuing battles along the Canal, besides a very important question concerning offers for the construction of a new Suez Canal. The last visits took place in June 30, and from 11 to 16 July 1970; these visits ended with an approval of the project to increase the Soviet help in strengthening the Egyptian air forces.

This paper aims to shed light on the Egyptian-Soviet relations through a very important period of history of Egypt and the Arab world, focusing on the Egyptian president's visits to Moscow, and his meetings with the Soviet leaders: Brezhnev — Kosygin — Podgorny. The paper also will analyze the objectives and results of these visits, and the extent of their success in deepening relations between the two countries.

This will be done through an analytical study of Egyptian documents and papers that have not been published before. These documents contain details of the visits of President Gamal Abdel Nasser to Moscow, his speeches, his public and secret meetings with the Soviet leaders.

Аликберова А. Р. (К(П)ФУ, Казань)

Российско-китайские отношения в области культуры и образования в китайской историографии

Российско-китайские отношения являются постоянным объектом исследования российских и зарубежных ученых. Обновление международной политической и экономической системы дает возможность вводить в научный оборот новые источники, исследовать исторические сюжеты в новом ракурсе, иначе трактовать исторические процессы. На основе разнообразного теоретического и конкретно-исторического материала историками изучались различные аспекты российско-китайских отношений в области политики, экономики, науки и техники. В их трудах представлены богатый фактический материал и новые концептуальные подходы к изучению отношений РФ и КНР на разных исторических этапах. В научных публикациях на основе новых исторических документов дается переоценка наиболее сложных и противоречивых эпизодов в отношениях России (СССР) и Китая.

Активизация межгосударственных отношений между Россией и Китаем на современном этапе вызвала интерес не только к истории российско-китайских межгосударственных связей, но и к проблемам культурного, образовательного сотрудничества. С конца 1990-х гг. увеличилось количество работ в области экономики, политики и безопасности, китайских ученых продолжают волновать вопросы границы и приграничных территорий.

К середине 90-х гг. XX в., после завершения первых крупных гуманитарных проектов «Год России в Китае», «Год Китая в России» и др., в КНР периодически публикуются научные исследования, посвященные двусторонним отношениям в сфере культуры и образования, начиная с эпохи Цинской династии.

Таким образом, историки на современном этапе начинают изучать неисследованные ранее аспекты росийско-китайских отношений, пытаясь обобщить накопленный материал, а также пересмотреть некоторые исторические сюжеты, дополнив их новыми источниками. Современные тенденции изучения российско-китайских отношений дают нам широкую перспективу, связанную с доступностью материала и многообразием методологических парадигм, каждая из которых позволяет раскрыть ранее неизвестные аспекты изучаемого вопроса.

Валеева Р. З. (КГУКИ, Казань), Валеев Р. М. (КФУ, Казань),
Гилазев З. З. (ИТЭ АНТ, Казань), Мартынова Ю. А. (КФУ, Казань),
Тугужекова В. Н. (ХакНИИЯЛИ, Абакан)

Письма Н. Ф. Катанова российским востоковедам (кон. XIX — нач. XX вв.): из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН[1]

Выпускник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1888), зав. кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского императорского университета Н. Ф.Катанов (1894–1922) — один из выдающихся национальных ученых и мыслителей отечественной науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения и тюркологии рубежа XIX–XX вв. Наследие и судьба хакасского ученого-просветителя и мыслителя в значительной степени определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России и зарубежных стран на рубеже XIX–XX вв.

Научная деятельность Н. Ф. Катанова, начиная со студенческих лет в Петербурге (1884–1888), в периоды научных экспедиций в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892) и преподавательской работы в Казани (1894–1922) будет связана с исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяна, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной и европейской тюркологии.

Огромный исследовательский интерес представляет неопубликованное эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова, особенно письма, написанные им известным российским востоковедам — В. В. Радлову (1837–1918), В. Р. Розену (1849–1908), Э. К. Пекарскому (1858–1934), С. Ф. Ольденбургу (1863–1934), К. Г. Залеману (1849–1916) и др.

В настоящее время продолжается работа над реализацией проекта подготовки к изданию эпистолярного наследия Н. Ф. Катанова конца XIX — начала XX вв. Данное наследие представляет огромный историко-научный и социокультурный интерес.

[1] Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 14–11–16015 а/В/2014, № 15–41–93014, к/2015, № 15–01–00061 а/2015 и № 15–11–16009 а/(р)/2015.

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань)

Изучение истории российского востоковедения XIX — нач. XX вв.: о современной отечественной методологии, историографии и источниковедении

Отечественная парадигма, историография и источниковедение исследования истории российского востоковедения XIX — нач. XX вв. — это важные составляющие современного востоковедного образования и науки о Востоке. Разнообразные материалы и научные знания по истории мирового и российского востоковедения формируются одновременно с генезисом науки о Востоке. Истоки историко-научных и науковедческих знаний о востоковедении в России связаны с концом XVIII — серединой XIX вв. Первоначальные разнообразные материалы отличаются рациональностью и обоснованностью фактов. В это время тесная связь формирующейся ориенталистики в России с проблемой изучения его истории становится не случайной, а приобретает устойчивый, системный и целенаправленный характер.

Основные итоги и перспективы исследования проблемы свидетельствуют об академической и прикладной актуальности ключевых задач дальнейшего методологического, историографического и источниковедческого анализа основных концепций, этапов и особенностей исследования истории востоковедения в России XIX–XX вв. Формирование и развитие исследовательского направления — методологии, историографии и источниковедения истории отечественного востоковедения — важное научное, просветительское и культурное явление XX — начала XXI вв.

Классики российского востоковедения, создавшие фундаментальные исследования в востоковедении (В. Р. Розен, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, В. М. Алексеев и др.), оценивают историю отечественной ориенталистики как неотъемлемую часть научного знания и культуры общества. Они сформулировали представления о предмете и задачах, познавательной и социальной роли истории российского востоковедения.

Вопросы природы и функций методологии, историографии и источниковедения истории отечественного востоковедения, ее места в структуре истории востоковедения в России и Европе остаются актуальными и перспективными.

Галбацова Ш. С. (Дагестанский ГУ, Махачкала)

Российско-иранские отношения как фактор стабильности в Прикаспийском регионе

Для России Иран во все времена имел большое значение во внешней политике. Иран был и остается крупным торгово-экономическим партнером

России. Сегодня особенно актуален вопрос о направлениях и перспективах развития ее отношений с Ираном, для которого в свою очередь имеет большое значение взаимовыгодное сотрудничество с Россией в различных областях. История российско-иранских отношений показывает, что основной задачей двух стран является сохранение и поддержание положительного процесса двусторонних отношений, придание им устойчивого характера. Накоплен ценный опыт совместной работы в сфере многостороннего сотрудничества. Иран в силу своего геостратегического положения, экономического и военного потенциала является весьма важным внешнеполитическим союзником России на южном направлении. Существует определенная схожесть взглядов Ирана и России по политическим и экономическим проблемам региона и мира в целом.

В нестабильное время всеобъемлющей постиндустриальной глобализации особенно значима геополитическая роль Каспийского региона для Востока и Запада. Политическая ситуация и внешнеполитическая ориентация, сложившиеся после распада СССР в государствах этого региона, вызывают сегодня повышенный интерес мирового сообщества. Такое внимание объясняется, прежде всего, стратегической значимостью Каспийского региона для топливно-энергетического обеспечения мировой экономики, так как он представляет собой колоссальный резервуар углеводородных ресурсов. Большое значение имеет выработка правового статуса Каспийского моря всеми прикаспийскими государствами. Только при достижении общих договоренностей у Прикаспийских государств есть возможность разрешить данную проблему.

Особую роль в истории российско-иранских отношений играют дагестанско-иранские исторические связи, установившиеся еще в период средневековья и сохранившиеся до нашего времени. Пограничное положение Дагестана и выгодное географическое расположение республики на Волжско-Каспийском пути делают его важным связующим звеном в экономическом сотрудничестве между Россией и Ираном.

Гулева М. А. (ИМОП, СПбГПУ, Санкт-Петербург)

Чан Кайши на страницах журнала «Крокодил» 1927–1950 гг.: от «виновника войны» до «политической мумии»

Риторика советской прессы в целом и по китайским событиям в частности отражала публичные цели политики СССР, поскольку органы печати находились под контролем государства. Журнал «Крокодил», появившись в 1922 г., бессменно служил «иллюстрированным пособием» к официальным сообщениям. Анализ образа, в котором Чан Кайши появлялся на

страницах этого журнала, может послужить дополнительным источником информации для изучения советской политики по отношению к Китайской Республике.

Чан Кайши появляется в журнале в мае 1927 г.[1], неоднократно упоминается и изображается в 1929 г.[2], затем показывается в спецвыпуске «Крокодил — авиации»[3], исчезает со страниц издания до 1947 г. и занимает место основного «врага» китайского народа в 1948–1950 гг. В общей сложности в журнале Чан Кайши фигурирует не менее 34 раз, во всех случаях в отрицательном ключе. При этом прослеживаются расхождения между тональностью откликов в «Крокодиле» и центральных газетах[4]. Эволюция образа Чан Кайши в журнале показывает, как в СССР происходило постепенное нагнетание враждебности по отношению к некоммунистическим силам Китая.

Среди приёмов, с помощью которых создавался образ Чана, основными являются стереотипизация и дегуманизация. Чан Кайши появляется среди «виновников будущей империалистической войны»[5], в роли палача[6], в виде неодушевлённых предметов (битого болванчика и пня)[7]; в заметках Чан и его партия называются «обанкротившимися прислужниками американского империализма»[8]. Характерно, что почти во всех сюжетах конца 1940-х гг. Гоминьдан и Чан Кайши действуют под водительством США, появляясь на многофигурных карикатурах, изобличающих пороки капиталистического мира[9]. В одном из последних упоминаний Чан назван «политической мумией»[10]. Обезличенные, а на последнем этапе и обесчеловеченные символы старого режима – Чан Кайши в виде заросшего паутиной пня и отступающая машина «Гоминьдан» – служат фоном для растущего народного движения, которое вытесняет «реакцию» и из страны, и со страниц «Крокодила». В 1949–1950 гг. происходит переориентация журнала на образ китайского союзника – Компартию.

[1] Крокодил. 1927. № 19. С. 2.

[2] Там же. 1929. № 28. С. 5, 7; 1929. № 29. С. 3; 1929. № 32. С. 10; 1929. № 45. С. 9.

[3] Там же. 1934 (?). Спецвыпуск «Крокодил — авиации». С. 8.

[4] Известия. 22 марта 1927. С. 1. Там же. 19 апреля 1927. С. 3. Крокодил. 1927. № 19. С. 2; 1929. № 29. С. 3.

[5] Крокодил. 1929. № 28. С. 5.

[6] Там же. 1929. № 29. С. 3.

[7] Там же. 1948. № 3. С. 1; 1950 № 3. С. 16.

[8] Там же. 1949. № 25. С. 7.

[9] Там же. 1949. № 36. С. 8–9; 1950. № 4. С. 8–9; 1950. № 10. С. 5; 1950. № 12. С. 8–9; 1950. № 17. С. 8–9.

[10] Там же. 1950. № 8. С. 3.

Дзевановский В. М. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Документы по истории Лазаревского института восточных языков из архива академика Н. Я. Марра

История Лазаревского института за первые сто лет его существования отражена в ряде работ Ашота Патвакановича Базиянца (1919–1998), который досконально изучил архивы семьи Лазаревых, и материалы самого Института. Но история этого заведения, начиная со времени Первой мировой войны и до преобразования его в Центральный институт живых восточных языков, известна мало.

В научной литературе достаточно хорошо освещена деятельность Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913) на посту директора Лазаревского института (до 1911 года). На этом посту его сменил профессор церковного права Московского университета Павел Васильевич Гидулянов (1874–1937), юрист по образованию, — личность почти забытая.

Благодаря документам, хранящимся в архиве Николая Яковлевича Марра (1864–1934), сегодня можно восполнить данный пробел, напомнив о том, как непросто существовал Институт эти несколько лет. Документы, речь о которых пойдет в докладе, собраны и подшиты в три единицы хранения[1]. В них содержится информация о количестве воспитанников, профессорско-преподавательском составе, подробные финансовые отчеты, включая сведения о благотворителях и пожертвованиях.

Особое место в материалах по истории Лазаревского института занимают сведения об увольнении П. В. Гидулянова летом 1917 года, когда из-за интриг и доносов он был снят с должности и на его место Временным правительством был приглашен Н. Я. Марр, который должен был подготовить новый устав Института.

Для решения этого вопроса Н. Я. Марр собрал комиссию, в которую были приглашены профессора Санкт-Петербургского университета: Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), Давид Давидович Гримм (1864–1941) и Михаил Яковлевич Пергамент (1866–1932). Вначале Институт получил академическую автономию, чтобы сохранить имущество и независимость в начавшейся неразберихе. Затем он был реорганизован сначала в Лазаревский переднеазиатский институт (1918), далее в Армянский институт (1919) и потом в Центральный институт живых восточных языков (1920).

Документы из архива Н. Я. Марра помогают проследить этапы преобразования Института и проливают свет на роль петербургских востоковедов, пытавшихся сохранить традиции московского востоковедения.

[1] СПФ АРАН. Ф. 800, оп. 4, ед. хр. 86–88.

Кротова М. В. (СПбГЭУ, Санкт-Петербург)

Драгоманы в Харбине: новые документы

Харбин как центр КВЖД и русской колонии в Маньчжурии с основания города в конце XIX в. и до конца 1950-х гг. нуждался в переводчиках с китайского, японского и маньчжурского языков, в специалистах-«восточниках». Многие выпускники восточных факультетов российских университетов, Восточного института во Владивостоке находили здесь не только хорошо оплачиваемую работу, но и практику, работая драгоманами в консульствах, судах, официальных учреждениях, на КВЖД. Потребность в переводчиках с восточных языков возросла, когда КВЖД в 1924 г. перешла в совместное советско-китайское управление, и соблюдение «паритета» предполагало ведение делопроизводства параллельно на китайском и русском языках. В структуре управления КВЖД существовал русско-китайский секретариат, а в 1930 г. была организована специальная служба переводов, которая насчитывала более 30 агентов-«драгоманов». Работы для переводчиков прибавилось, когда в Маньчжурии, оккупированной Японией, в 1932 г. было образовано государство Маньчжоу-Го.

В фонде 323 «Правление общества Китайско-Восточной железной дороги» в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге[1] содержатся документы, касающиеся деятельности русских драгоманов в Харбине: делопроизводственные материалы русско-китайского секретариата, курсов китайского языка, службы переводов КВЖД, бюллетени переводов иностранной прессы (китайской и японской). Особый интерес представляют личные дела переводчиков, которые содержат не только послужные списки, но и заявления о приеме на работу и увольнении, переписку с другими службами, характеристики, приказы по личному составу о перемещениях по службе, повышении окладов, награждениях, предоставлении отпусков и прочие документы, позволяющие реконструировать биографии русских драгоманов в Харбине.

Михайлова С. А. («Интурист», Санкт-Петербург)

Российские и японские источники о визите Цесаревича Николая в Японию в 1891 г.

Визит Цесаревича Николая Александровича в Японию, в рамках его путешествия на Восток и начало строительства Транссибирской магистрали озна-

[1] РГИА. Ф. 323. Правление общества Китайско-Восточной железной дороги. Фонд содержит более 20 тыс. дел и охватывает значительный период: 1896–1935 гг. и 1943–1956 гг.

меновали собой начало нового этапа русско-японских отношений. Железная дорога была жизненно необходима России — как в интересах освоения Сибири и выхода к Тихому океану, так и для ускорения экономического развития российского Дальнего Востока. Предполагалось развитие экономики и отношений с близлежащими странами исключительно в мирных целях, тогда как японцы с самого начала видели военную угрозу со стороны России, на что и ориентировалась японская пропаганда.

«Инцидент в Оцу» (покушение на Цесаревича Николая) стал главным событием 1891 года, из-за которого информация о Японии впервые оказалась на первых полосах российских газет.

Маршрут Цесаревича был во многом определен вояжем его английского кузена: Египет, Цейлон, Таиланд, Китай и Япония. Император Александр III, после длительной подготовки, отправил сына в том же направлении. Это говорит о возрастающей роли Востока во внешней политики России и о росте противоречий между Россией и Англией в регионе Восточной Азии.

Цесаревич к встрече с Японией специально не готовился. Главным его пособием стала книга француза Pierre Loti «Madame Chrysantheme» и рассказы морских офицеров о японских женах и лавках в Нагасаки.

Впоследствии известный «востокофил» князь Э. Э. Ухтомский, принимавший участие в путешествии, издал трехтомное описание путешествия на русском, французском, немецком и английских языках (т. 1, 1893; т. 2, 1895; т. 3, 1897). Его удостоенный медали труд стал основным официальным источником сведений о путешествии Цесаревича на Восток. Однако в ходе исследований были обнаружены и другие материалы по теме (как источники, так и литература), введение каковых в научный оборот представляется желательным. Это документы МИД, иные официальные отчёты, воспоминания, дневники, мемуарная литература не только русских, но и японских авторов. Именно данные материалы автор и планирует рассмотреть в докладе.

Моисеенко Н. С. (Санкт-Петербург)

Изготовление серебряных слитков для российской торговли в Западном Китае

Россия на протяжении столетий эмитировала монеты для азиатских стран: Турции, Персии, Монголии, Лаоса, Мьянмы, Афганистана, Северной Кореи, Вьетнама, Кампучии, Таджикистана, Индии. Кроме платёжных средств традиционно округлой формы, с 1811 г. по 1864 г. на содержание Российской Духовной Миссии в Пекине, для Министерства народного просвещения, консульств в Кульдже и Чугучаке, Русско-Китайского банка в Маньчжурии, иркутского и кяхтинского градоначальников выпускались слитки серебра:

сначала продолговатые, а позже — в форме прямоугольных параллелепипедов 960-й пробы массой в 1/16, 1/8, 1/4, 1/2 и 1 фунт.

Возникшая практика переливки европейских слитков в китайские ямбы, вследствие большого спроса, послужила причиной заказа 6 ноября 1928 г. Наркомфином СССР Ленинградскому монетному двору (ЛМД) 200 пудов серебряных ямбов для филиалов Средне-Азиатского коммерческого банка (С-АКБ) в Западном Китае. На верхней поверхности слитков были надписи на китайском языке (название банка, проба, вес), а на боковых сторонах — «на тюркском, русском и английском» (название банка).

Первые три пробных слитка из латуни изготовили 22 декабря 1928 г. Чеканка серебряных слитков продолжалась с 12 января по 18 февраля 1929 г. Получающиеся нечёткими надписи требовали постоянной доработки штемпельного инструмента. Всего было отчеканено 10837 слитков 980-й пробы массой в 5 (178,8 г; 21 × 21 × 39 мм), 10 (357,6 г; 29 × 19 × 62 мм) и 25 лан (894,0 г; 20 × 41 × 104 мм).

Образцовые комплекты получили отделения С-АКБ в Москве и Ташкенте, доверенные лица банка в Чугучаке, Кульдже и Кашгаре, Минц-кабинет ЛМД и Государственный Эрмитаж. Остальное серебро предполагалось сдать Ленинградской конторе Совторгфлота для отправки в Андижан, оттуда вьючной перевозкой лошадьми в Иркештам и далее — в Кашгар в Западном Китае. Первая партия слитков (400 кг) отправилась по почте в Иркештам на адрес С-АКБ 28 июня, вторая (426 кг) — в Хоргос 12 сентября 1929 г.

Муратшина К. Г. (УрФУ, Екатеринбург)

Основные тенденции китайской историографии стратегического партнерства РФ и КНР

Первые два десятилетия партнерства РФ и КНР — достаточный для исторического анализа промежуток, поэтому оценки данного периода со стороны КНР представляют значительный научный интерес.

В Китае сформирована серьезная научная база для изучения России и российско-китайских отношений, и она продолжает расширяться, благодаря бюджетному финансированию. Исследователи работают в русле государственной политики и выражают сформулированные партийными и государственными структурами подходы. Их работы указывают на стратегические цели КНР и одновременно служат ориентиром в практике ее партнерства с РФ.

При изучении сфер партнерства высоко оценивается сотрудничество на международной арене, дающее возможность «совместного противостояния гегемонизму США» и предполагающее ведущую роль КНР. В экономике выделяются задачи «соединения российских полезных ископаемых и китайских

трудовых ресурсов», использования энергетической базы РФ, «привлекательного рынка для китайских товаров», а также получения высоких технологий, особенно в сфере вооружений. Пропагандируется принцип «взаимодополняемости». Изучается возможность создания экономических зон, «привязывающих» целые регионы РФ и других приграничных стран к Китаю.

Развивается такое направление исследований, как выявление проблем, противоречий, негативных тенденций, осложняющих, с китайской точки зрения, партнерство. При этом идет все более активное переосмысление связей с Россией в разные исторические периоды. Растет число пропагандистских публикаций, содержащих критические и местами категоричные рекомендации, которые затем переходят в китайской риторике из сферы научной в сферу переговоров и межгосударственного общения.

В целом, в работах исследователей из КНР прослеживается стремление побудить Россию следовать китайским принципам, опыту, подходам, а КНР — избежать ошибок РФ в реформировании социально-экономической сферы.

Петухова Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Как живут китайцы»: одно название, два разных подхода. (По материалам изданий конца XIX — начала XX вв.)

В конце XIX века в России появилось большое количество публикаций, посвященных различным народам мира, их обычаям и традициям. Повседневная жизнь, быт и культура китайцев не стали исключением. В 1886 г. в Санкт-Петербурге вышла книга бывшего французского консула в Китае Ж. Эжена Симона «Срединное царство. Основы китайской цивилизации»[1], которая затем, в 1889–1912 гг., переиздавалась 8 раз в сокращенном варианте под названием «Как живут китайцы»[2]. В сложившейся к тому времени европейской научной традиции существовало несколько устойчивых подходов к рассмотрению жизни китайского общества. В данном случае, автор придерживается представления о китайцах, как о «людях необыкновенной мудрости», воспринявших ее от мудрецов древности. В книге автор часто сравнивает китайскую цивилизацию и принципы жизни, характерные для китайцев, с европейскими, при этом зачастую не в пользу европейцев. Таким образом, он идеализирует китайское общество, придерживаясь концепции «естественного человека».

[1] *Симон Ж.* Срединное царство. СПб., 1886.

[2] В 1889, 1897, 1891, 1894, 1895, 1901, 1902, 1912 гг.

Иной подход к той же проблеме демонстрирует автор другой книги с аналогичным названием[1] — А. Н. Краснов, географ и ботаник, много путешествовавший по Азии. Он не отрицает достижений китайской цивилизации, но вместе с тем часто рисует нелицеприятную картину нравов и привычек китайцев, обращает внимание на бедность простых людей, несправедливость в обществе, косность.

Таким образом, оба издания предлагают читателю картину китайских нравов в соответствии с доминировавшими в те годы концепциями: идеализирующей и критической. Ж. Эжен Симон совершенно не видит очевидных недостатков, существовавших в китайском обществе, А. Н. Краснов, напротив, признавая положительные качества китайцев, обращает внимание на действительно существовавшие недостатки и пороки. Так, в период, когда «сведения о китайцах разноречивы и, по большей части, неверны», параллельное существование изданий с одинаковыми названиями, но при этом, основанных на принципиально разных подходах к интерпретации личных впечатлений, позволяет сделать вывод об амбивалентности восприятия Китая, складывавшегося в российском обществе того времени.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новые подходы к изучению архивных материалов по истории российско-китайских отношений 2-й половины XIX века

История российско-китайских отношений 2-й половины XIX века, казалось бы, изучена достаточно хорошо. Можно назвать целый ряд серьезных монографий и статей на эту тему, вышедших у нас в стране и за рубежом. Основные документы, касающиеся межгосударственных отношений, опубликованы. Однако, учитывая актуальность и значимость всестороннего изучения российско-китайских отношений, следует признать, что на сегодняшний день этого явно недостаточно. 2-я половина XIX века — период весьма непростых взаимоотношений двух стран, которые прошли путь от конфронтации к взаимодействию и даже к сближению, а затем — вновь к конфронтации.

В имеющихся исследованиях основной упор всегда делался на изучение документов, определявших характер межгосударственных отношений (договоры, соглашения, дипломатическая переписка). Гораздо меньше исследователей привлекали материалы, раскрывающие экономические связи, и еще реже использовались документы, охватывающие контакты в сфере культуры или общение людей, а также личные материалы и переписка.

[1] *Краснов А. Н.* Как живут китайцы. Харьков, 1895.

Таким образом, вне поля зрения ученых по-прежнему остается значительный пласт документов, хранящихся в архивах России и Китая. На сегодняшний день отсутствуют издания, в которых были бы представлены как российские, так и китайские документы одновременно. Взаимодействие архивов России и Китая на этом направлении только намечается.

Сегодня к числу основных задач изучения данной проблематики следует отнести не только привлечение неизвестных документов (как это было всегда), но и применение новых методологических подходов и методик исследования архивных материалов. В частности, речь идет о микроисторическом подходе, который дает возможность под новым углом зрения взглянуть на многие, даже привлекавшиеся ранее материалы и тем самым способствует осмыслению процесса социокультурного взаимодействия России и Китая в указанный период.

Смирнов С. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Дневники русских эмигрантов как источник изучения образа Китая в российском сознании

В первой половине XX в. на территории Китая проживало большое количество русских. Первоначально это были подданные Российской империи, оказавшиеся в Китае в связи с активным проникновением российского влияния в Маньчжурию, в дальнейшем — эмигранты, покинувшие Россию в годы Гражданской войны, и советские граждане.

Дневники русских эмигрантов, дающие синхронный срез сознания, являются ценным источником для изучения образа Китая, существовавшего в представлениях русских эмигрантов. Дневники эмигрантов хранятся как в российских архивах (например, дневники И. С. Ильина в ГАРФ или В. А. Морозова в РГАЛИ), так и в американских (например, дневники супругов Серебренниковых в Гуверовском архиве).

Взгляд на Китай в сознании русского эмигранта формировался на основе уже существовавших в российском сознании представлений о Поднебесной, характер которых мы бы обозначили как позитивно-нейтралистский и негативный. В позитивно-нейтралистском осмыслении достаточно высоко оценивалась культурная самобытность, большая историческая длительность китайской цивилизации, потенциал которой не исчерпан и возрождение Китая уже началось. В негативном восприятии Китай позиционировался как страна отсталая и варварская, где все ожесточенно противостоит современности, прогрессу и несет в себе угрозу для развитых стран.

Как показывают дневники, позитивно-нейтралистские характеристики остаются присущи российскому образу Китая. В то же время Китай воспринимается как страна, которая в культурном, религиозном, языковом

отношении совершенно не похожа на Россию как часть европейского социокультурного пространства, а в чем-то ей противоположна, что, вкупе с вынужденностью пребывания в Китае, порождает отчужденность. Эмигрантское сознание четко отделяло «свой мир» — осколок России на китайской земле и «китайщину» — азиатскую (антитеза европейскому и цивилизованному), чуждую стихию. «Китайщина» на страницах дневников с одной стороны, выступает как объект «этнографического» исследовательского интереса, с другой стороны — как объект критики и предмет отторжения эмигрантского сознания.

Харитонова А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фонды РГАСПИ как источник информации по китайско-камбоджийским отношениям 1950–1960-х годов

В настоящее время особой актуальностью пользуются исследования, связанные с Китаем и его внешней политикой, не только на современном этапе, но и в исторической ретроспективе.

Данный доклад будет посвящен анализу материалов по китайско-камбоджийским отношениям 1950–1960-х годов, собранных в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Москва). Эти материалы представляют собой личное дело Нородома Сианука, которое состоит из трех папок, содержащих документы, расположенные в хронологической последовательности. В основном, это вырезки и выписки из газет, содержащие информацию ТАСС; переводы сообщений и статей зарубежных информационных агентств, таких как «Франс пресс», «Синьхуа», «Рейтер», «Ассошиэйтед Пресс»; переводы статей Нородома Сианука; отчеты советских корреспондентов. Общее количество листов в деле — 1025; охватываемый временной период с 16 февраля 1947 года по 21 сентября 1963 года. Около 200 листов из общего количества занимает информация по интересующему нас вопросу.

Рассмотренные архивные материалы содержат большой фактический материал: сведения об экономической помощи Камбодже со стороны Китая, СССР, США, Франции, о многочисленных поездках Нородома Сианука в КНР и другие государства, о целях и результатах поездок. Поскольку тема китайско-камбоджийских отношений в указанный период является недостаточно изученной, все эти материалы необходимы для введения их в научный оборот. Пользуясь полученными данными, можно проследить развитие сближения Китая с Камбоджей. Учитывая неоднозначность двусторонних отношений этих стран в указанный период, настоящее исследование и архивные данные становятся особенно актуальными.

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Обзор российских и японских источников по истории экспедиции И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина 1778–1779 гг.

В череде попыток русских купцов установить торговые отношения с японцами во второй половине XVIII — начала XIX в. экспедиция под руководством И. А. Антипина и Д. Я. Шабалина на средства купца П. С. Лебедева-Ласточкина занимает особое место. В результате этой экспедиции, направленной, как сообщается в некоторых документах, в том числе с целью выяснить возможность установления торговых отношений с японцами, было приведено в российское подданство до полутора тысяч айнов с южных Курильских островов и даже установлены неофициальные торговые отношения с японцами через айнов. Несмотря на это, обстоятельства отправки и история пребывания этой экспедиции у берегов Курил и Хоккайдо зачастую оставались без должного внимания исследователей. Особенно досадно, что до сих пор не введены в оборот японские источники, освещающие это событие. Русскоязычные материалы еще в 1871 г. были подробно изучены и изложены А. С. Полонским в его очерке о Курильских островах[1]. В советских и постсоветских исследованиях экспедиция Антипина и Шабалина упоминается, но описывается не столь обстоятельно, как у Полонского, хотя многие документы, имеющие отношение к экспедиции, были опубликованы[2].

Изложения событий с японской стороны коротко касался Д. М. Позднеев, однако в его работе информация из источников дается опосредованно (из сочинения Окамото Рюносукэ «История Хоккайдо — с точки зрения российско-японских отношений»)[3].

Опираясь на опубликованные российские материалы и на ряд японских источников, некоторые из которых остаются неопубликованными даже в Японии, мы предприняли попытку их сравнительного анализа. В результате обнаружился целый ряд несовпадений, которые, прежде всего, относятся к датам описываемых событий и именам основных участников. Так, например, появились основания предполагать, что в 1778 г. русские встречались на Хоккайдо не с чиновниками княжества Мацумаэ, как считалось до сих пор, а с представителями торговых домов, работавших на острове. Обращение к российским и японским источникам даёт также повод пересмотреть роль айнов в подготовке переговоров.

---

[1] *Полонский А. С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 367–576.

[2] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. С. 143–185, 190–203.

[3] *Позднеев Д. М.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 2. Первые сношения России с Японией. Иокохама, 1909. С. 33–38.

СЕКЦИЯ XVII.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «АНТРОПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА»

ROUND TABLE DISCUSSION: "ANTHROPOLOGY OF TRADITIONALISM"

Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Восток и традиционализм[1]

Сложившееся членение мира на Запад и Восток отражает не географическое положение, а кардинальные различия в моделях исторического развития человечества, проявляющиеся в экономике, политике, праве. Отличия между Западом и Востоком носят кардинальный характер. Социокультурной особенностью Востока является *традиционализм.*

Можно выделить основные подходы в понимании традиции/традиционализма, отражающих отношение научных школ к социальной материи, либо как универсалии, функционирующей и развивающейся по общим законам, либо как уникальной субстанции, не подверженной им.

Первый подход связан с эволюционизмом и его разновидностями (марксизмом, теорией модернизации). Здесь «традиция» равнозначна «архаике», «старому». Использование понятия «традиция» крайне расплывчато, так как не бывает «традиционного» (старого, архаичного) вообще, без учета критерия времени (Н. М. Гиренко). Реформаторская деятельность в рамках данной парадигмы, безотносительно отношения к «традиции», повсеместно закончилась провалом.

Второй подход впервые был представлен у немецких романтиков в «народном духе» (XVIII в.), где «традиция» выступает в качестве культурно-психологической субстанции. Аналогично у Шилза и Айзенштадта, где «центр

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

общества» — это сакральные (традиционные) ценности, обеспечивающие легитимное восприятие возникающих инноваций членами конкретного социума.

Р. Генон связывает «*истинную традицию, заключенную в духе народа*» исключительно с Востоком, где «*любая цивилизация может рассматриваться как традиционная по своему характеру*». «Традиция» выступает как сакральная субстанция, но имеющая всеобщий характер, определяющая развитие Востока.

Практика убеждает, что попытки революционеров кардинально изменить отношения власти и собственности терпят крах. На повестке «расколдовывание традиции», выявление причин устойчивости экономических, политических, правовых характеристик, свойственных Востоку. Необходима теория развития Востока, точкой отсчета в которой является *традиционное общество*.

Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Традиции и традиционализм: этнографическая реальность, социокультурный институт, продукт философского мышления и политический инструмент[1]

Традиционализм в его узком специальном антропологическом понимании осознается как целенаправленная установка на довольно жесткие следования стереотипам, приемам, представлениям, имеющим моделирующий потенциал, ценностям и их системам (составу и иерархии), характерным для всех сфер материальной и духовной культуры или для большинства сфер культуры. Этнографический традиционализм — это обобщение устойчивости культуры в условиях природной и общественной стабильности. В более модернизированном в приближении к современной реальности понимании традиционализм выглядит как один из ориентиров активного бытия духовной культуры этноса или какой-то группы внутри этноса, берущей на себя роль лидеров развития социума и его микрокосма. Одна из особенностей традиционализма как социокультурной институции — внешний по отношению к культуре источник или источник в виде некоего социального меньшинства: соответственно это либо проекция какой-то модели культуры на социум, либо реализация дедуктивной модели общества, близкого к идеальному.

Устанавливается два понимания традиционализма, отвечающие его разным формам: 1) традиционализм с общими для этноса, или каких-то групп с общей историей, тесными межличностными связями и наличием собственных лидеров и ценностями в архаике;

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

2) традиционализм как выражение умонастроений и системы ценностей дисперсной части социума, объединяемой по возрастному, гендерному признаку или признаку общности судьбы, стремящейся извлечь из своей позиции максимум выгоды и использовать как инструмент социальной и культурной политики, либо использующей их как средство воздействия на зависимые социальные группы (дети, молодежь).

Традиционализм первого типа — это одно из естественных состояний этнических субкультур или субэтнических культур. Традиционализм второго типа — социальное изобретение со своей собственной прагматикой.

Валиева Е. Г. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Культура и язык зулу как эталон «традиционного» для современных нгуни[1]

Зулу, или амазулу (язык *исизулу*) принадлежат к группе бантуязычных народов нгуни; численность зулу сейчас превышает 10 млн чел., проживают они в основном в ЮАР. К этой же группе нгуни относятся нгони и матабеле, которые в период Мфекане (1810–1830-е гг.) мигрировали из Южной Африки. В данный момент матабеле проживают в Зимбабве, нгони — рассредоточены в Малави, Танзании, Замбии, Зимбабве и Мозамбике. Первоначально в европейских источниках они воспринимались происходящими из зулу (возможно, для упрощения, за недостаточностью информации и по причине изначальной принадлежности к политическому образованию зулу), что из соображений престижа было подхвачено также и самими «классифицируемыми». На деле, происхождение данных народов смешанное, что исправно памятуется, однако корни ненгуни не афишируются[2].

Исходный язык нгони (*чингони*) в начале XX в., благодаря многочисленным изменениям, перестал принадлежать к группе языков нгуни, зарубежные лингвисты относят его к мертвым языкам[3]. Употребление его можно встретить лишь в обрядах[4]. На рубеже XIX и XX вв. вышли описание грамматики и словарь чингони, в качестве эталона был взят исизулу[5], а евангелисты из Южной

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

[2] См. *Lindgren B.* The Internal Dynamics of Ethnicity: Clan Names, Origins and Castes in Southern Zimbabwe // Africa (pre-2011). Vol. 74, № 2. 2004.

[3] *Kishindo P. J.* Flogging a Dead Cow: The Revival of Malawian Chingoni // Nordic Journal of African Studies. № 11 (2), 2002.

[4] *Яблочков Л. Д.* Коренное население Британской Центральной Африки // Африканский этнографический сборник. Т. 43. М., 1958. С. 210.

[5] *Луцков А. Д.* Судьба языка нгони // Африканский сборник. СПб, 2008. С. 466–467.

Африки приглашались в качестве переводчиков для нгони на исизулу[1]. Сейчас различные группы нгони говорят на языках соседей.

Аналогичной была практика использования исизулу в Матабелеленде. Язык матабеле лингвисты продолжают относить к группе языков нгуни, но и он подвергся значительным изменениям.

Престиж знания своего родного языка и обладания культурными маркерами идентичности нгуни достаточно высок, что порождает различные «организации возрождения нгуни». Ориентация в неотрадиционалистских тенденциях идет на культуру и язык зулу, рассматриваемые как «первоосновные». Причины этого автор видит в следующем: престиж политического образования зулу, проживание зулу на «исконных» территориях, зулу — наиболее многочисленный народ группы нгуни и сейчас литература, музыка и т. д. на исизулу активно распространяются среди нгуни. Также не следует забывать о последствиях ориентации миссионеров и колониальных чиновников на исизулу в прошлом.

Верещака Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Традиционная политическая культура оленных чукчей (по материалам В. Г. Кузнецовой, Амгуэмская тундра, Чукотка, 1948–1951 гг.)[2]

Советский этнограф, Варвара Григорьевна Кузнецова, провела среди амгуэмских оленеводов три года (1948–1951). Ведя полевые записи практически ежедневно, она запечатлела на страницах полевых тетрадей повседневную жизнь чукотских семей, которые еще не вступили в колхоз или делали это буквально на ее глазах. Данные дневники представляют интерес для современных исследований по политической антропологии. Хотя власть не была ее теоретическим интересом, данный аспект культуры чукчей был рельефно отражен в ее дневниках в силу того, что исследовательница сама стала субъектом властных отношений в чукотских стойбищах, заняв в них одну из самых низких позиций в социальной иерархии. В. Г. Кузнецова делилась этим непростым опытом в дневниках, рефлексируя на свою жизнь в стойбище оленных чукчей. Она не описывала власть, а проживала ее на личном опыте.

Примечательно, что исследовательница оказалась в отдаленных, еще мало затронутых советскими преобразованиями, районах Чукотки и детально описала в своих тетрадях традиционную культуру, в том числе традиционную политическую культуру, чукчей. Таким образом, анализ текстов В. Г. Кузне-

[1] *Kishindo P. J.* Ibid. P. 207.

[2] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

цовой может позволить определить принципы традиционализма, лежавшие в основании социально-политической реальности в стойбищах оленеводов на р. Амгуэма в середине XX в.

На основе интерпретации материалов, представленных в дневниках В. Г. Кузнецовой, можно сделать вывод о четкой выраженности социального неравенства в чукотских семейно-родственных коллективах. Однако данная асимметрия, связанная с такими параметрами, как социальный возраст, гендер, родство, не была ими жестко детерминирована. Напротив, властные отношения были пластичны. В обществах оленных чукчей, в значительной степени ориентированных на индивидуальные достижения, человек действиями и решениями мог существенно влиять на свой социальный статус и властный ресурс. Таким образом, можно определить ряд стратегий, «путей» которые позволяли актору повысить или, по крайний мере, сохранить уровень обладаемой им власти.

Саетов И. Г. (Российско-турецкий научный центр, Москва)

Эрдоган и Аллах: ислам в идеологии правящей в Турции Партии справедливости и развития

Правящая в Турции Партия справедливости и развития (ПСР) появилась в 2001 году в результате раскола исламистского движения «Милли Гёрюш». Реджеп Тайип Эрдоган и его соратники выбрали себе в качестве идентичности «консервативную демократию». Они работали как на традиционалистский электорат, так и на демократов и либералов. Была получена поддержка Фетхуллаха Гюлена, в то время как лидер «исламистов» Неджмеддин Эрбакан проклял Эрдогана.

Применяя правильные политические технологии, ПСР в 2002 году выиграла выборы. Проводя экономические реформы, первый срок правления (2002–2007 гг.) ПСР и Эрдоган в целом сохраняли первоначальные установки на движение в сторону ЕС. Были преодолены многие препятствия, завоеван пост президента Турции. Ислам служит инструментом получения новых голосов, однако его не выставляют на передний план.

Во второй период правления (2007–2011 гг.) ПСР становится гегемоном в Турции, начинается борьба с нелояльными, идет работа с мусульманскими общинами. Окончательно Эрдоган утверждается в роли лидера нации после победы на референдуме 2010 года, выборах 2011-го и смерти Эрбакана. Заметная часть бюрократического топ-менеджмента в стране была заменена сторонниками партии.

На «арабской улице» начинается пиар Эрдогана, знаменитая реплика «ван минут», несмотря на скорое опровержение, становится визитной карточкой

турецкого лидера, который претендует на то, чтобы стать лидером всего мусульманского мира.

Произнесенные в 1990-х годах, когда он был мэром Стамбула, слова Эрдогана о том, что «демократия никогда не может быть целью, это просто средство», стали пророческими. «50% в кармане» ПСР оказались обоснованием перехода к политике, которую его противники назвали «электоральным авторитаризмом».

Начинается «культ личности» самого Эрдогана, тогда еще премьер-министра. Наиболее фанатичные поклонники объявляют его «халифом всея Земли», депутаты ПСР открыто восхваляют его как «человека, вобравшего в себя все признаки Аллаха». Его «правота и безгрешность» оказываются лакмусовой бумажкой для проверки на лояльность и, соответственно, занятие должности. В то же время целый ряд мусульманских организаций начинает выступать против Эрдогана и ПСР.

Последующий период характеризуется поляризацией политических сил в Турции — как сторонников, так и противников Эрдогана, особенно усилившейся в условиях нарастающего кризиса на Ближнем Востоке после начала т. н. «Арабской весны».

Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Афробразильское кандомбле: от синкретических культов к традиционной религии[1]

Кандомбле и другие афробразильские мировоззренческие системы сформировались как синкретические культы, где божествам африканского происхождения, предкам и духам природы поклонялись в образе католических святых. После отмены рабства в Бразилии стали развиваться антропологические исследования об этническом происхождении афробразильцев, поиски культурных параллелей с Африкой, особенно в сфере ритуальных практик. Возник интерес к кандомбле и как к тайному знанию и своего рода философской системе. Все это, а также постепенная легитимизация культов во второй половине XX в. и возвращение афробразильских креолов к историческим корням вплоть до восстановления реальных родственных связей на африканском континенте, дали импульс к внутреннему развитию системы кандомбле, ее институциализации.

Начиная с 1980-х гг. группа наиболее авторитетных духовных лидеров провозглашает кандомбле религией, а не комплексом культов и верований, они настаивают на главенстве традиции в смысле священного предания и отказе

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

от отождествления божеств со святыми как вынужденной меры в эпоху рабства и период гонений. Реформированное традиционалистическое кандомбле привлекает немало последователей неафробразильского происхождения и иногда — в субъективных суждениях — помещается в ряд мировых религий.

Успенская Е. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Вопросы изучения континуума «каста — этнос»[1]

Степень изученности индийских традиционных социальных отношений не столь высока, как принято думать. Достаточно сказать, что наиболее выдающаяся черта индийской социальности — та, что связана с кастовым строем и кастой, — остается непонятой европейской наукой. Каста довольно хорошо описана, но ее теоретический анализ далек от полноты и убедительности. Этническая идентичность завуалирована традиционными планами родственно-корпоративных и сословно-статусных отношений и формулируется лишь в ограниченном, малоисследованном спектре вариантов. Поэтому рассмотрение континуума «каста — этнос» представляется оправданным. При этом обращение к брахманической картине мира, к науке *шастр* может дать исследователю замечательные возможности понимания и самих терминов (*джати*), и сокрытых за ними индийских традиционных социальных категорий в их соотнесении с известными нам идентичностями.

Выдающаяся особенность современного индийского государственного управления состоит в политике «антропологически обоснованного» контролирования и руководства этническими и этносоциальными процессами, так называемого «этнического регулирования» и администрирования, постоянной фиксации общественных новаций и тенденций, имеющих отношение к идентичностям. Эти особенности государственного управления восходят к сущностным особенностям индуизма, который является эффективной разносторонней социальной технологией, надежно контролировавшей индийские мультикультурные системы древности и средневековья. Нынешние программы и методы управления этносоциальными процессами унаследованы от колониальной административной системы и постоянно совершенствуются: они вызваны осознанием сложности этнокастового состава страны, особенным пониманием мультикультурализма и стремлением контролировать сепаратистские настроения. Вышесказанное применимо и к пакистанской ситуации, с тем уточнением, что на не накладывается мощное влияние принципов исламской государственности.

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

В этом вопросе существенны концепты «этнолингвистический штат» и «этническая общность — нация» (в опыте индийского и пакистанского государственного строительства «этнический национализм»), в аспекте преодоления которых возникает неотрадиционное понимание социальных отношений типа «община/community».

Давыдов В. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Эвенкийские традиции и неотрадиционализм на Северном Байкале[1]

В докладе будут рассмотрены основные тенденции «архаического синдрома» на примере эвенков Северобайкальского района республики Бурятия и Каларского района Забайкальского края. Доклад будет построен на анализе материалов интенсивных полевых исследований, проводившихся автором в рамках проекта РНФ № 14-18-02785. Использование включенного наблюдения для изучения феномена неотрадиционализма позволяет понять тенденции локального сообщества изнутри, с точки зрения участников взаимодействия.

Тенденция к архаизации социальной реальности проявлялась в советский и постсоветский период, постепенно усиливая влияние в политической сфере. Причем данный процесс может включать одновременную сореконструкцию различных традиций, закрепленную на институциональном уровне. Например, в постсоветский период на бурятских национальных праздниках активно воспроизводятся эвенкийский и казачий компоненты. Подобные праздники объединяют много людей, превращаясь, таким образом, в инструмент трансляции новых традиций.

Примером неотрадиционализма является возрождение эвенкийских родов, которые в царское время являлись политико-административными единицами. Названия родов вошли в официальные документы и используются для легитимации прав на определенные виды деятельности, а также прав пользования местными ресурсами и территориями. Кроме того, в ряде населенных пунктов были зарегистрированы семейно-родовые общины, названия которых часто отражают наименования родов, а также эвенкийские топонимы.

Рациональность и рефлексия являются необходимыми инструментами отстаивания локальных интересов в экономической, юридической и политических сферах. Большую роль в мобилизации традиций играет эвенкийская национальная интеллигенция, которая является инициатором создания новых

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

социальных объединений (клубы, кружки, политические движения, общественные организации), активно участвующих в «производстве» новых традиций и представляющих собой синтез архаичного и современного.

Попов В. А. (МАЭ РАН; Исторический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

К антропологии неотрадиционализма: архаический синдром и конструирование новой социальности в эпоху глобализации[1]

Неотрадиционализм — это симбиоз традиционализма и модернизма, т. е. социокультурный феномен переходного общества, инструмент социального конструирования модели будущего общества. Познание сущности неотрадиционализма, закономерностей его становления и развития необходимо для осмысления «архаического синдрома», воздействующего на социум даже в тех странах, которые относят к постиндустриальным, с состоявшейся демократией, включая Россию, не говоря уже об Индии, Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии.

Исследования архаического синдрома приобрели актуальность в нашей стране после распада СССР, когда обозначилась явная иррационализация массового сознания и массовой культуры, вызванная кризисом советской картины мира. Стало понятно, что в периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций активизируются наиболее архаические формы социальных и потестарных отношений. Во многих случаях наблюдаемые в условиях глобализации схемы выстраивания общественных и политических связей являются репликами традиционных отношений, поскольку консервативность традиционной социальной среды ощущается как фактор безопасности, как противовес неструктурированным стихиям современного макросоциума. Эти новые, неотрадиционные, социальные и политические институты (кастоподобные общности, клановые и возрастные группирования, этноцентристские партии, землячества, диаспоры, включая «переходные сообщества» трудовых мигрантов, этноконфессиональные общины и мистические секты), специфические гендерные нормы в современных социальных институциях и т. п. в значительной степени обеспечивают динамику развития человечества в эпоху глобализации.

Другими словами, неотрадиционная социальность эпохи глобализации должна стать главным предметом комплексных междисциплинарных исследований современного востоковедения.

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Неотрадиционализм в Макау: основные тенденции[1]

Португалоязычное население Макау в XXI в. активно включилось в публичную сферу и, позиционируя себя как этническую группу, возникшую в этом районе Восточной Азии в XVI в., вводит в научный оборот уникальные этнографические материалы.

Показательна книга макауанки Алешандры Софии Рангел (1987 г. р.) «Дети Земли: Макауанская община вчера и сегодня»[2], изданная в 2012 г. в Макау на португальском языке. Книга стала четвертой в серии Международного института Макау "Colecção Suma Oriental", названной по труду Томе Пириша, первого португальского посла в Китае.

Самоназвание «Дети Земли» (порт. «местные уроженцы») принято в диаспорах макауанцев в Австралии, Бразилии, Канаде, США, Португалии, Гонконге. В первой главе автор (Alexandra Sofia de Senna Fernandes Hagedorn Rangel) пишет о системе смешанных браков португальцев на Дальнем Востоке в XVI в. и о корнях макауанской общины, в которую влились выходцы из всех регионов Португальской Азии. Во второй главе характерными чертами общины она представляет кулинарию, язык (письменный диалект португальского), систему праздников. Приводятся сведения о выдающихся деятелях, зданиях и учреждениях макауанской общины. Подобраны знаковые фотографии объектов, снимки из семейных архивов, фрагменты стихов макауанских поэтов. Третья глава раскрывает проблемы, которые макауанцы должны решить до 2049 г., пока будет действовать статус специального Автономного района КНР Макау (Аомынь).

Неотрационалистские тенденции в общине макауанцев усиливаются. Сообщая о своей истории и культуре, они доказывают свои особые права на проживание в месте происхождения. Навыки более чем 400-летнего существования позволяют им находить способы вести переговоры с руководством КНР и добиваться нужных решений.

Шурыгин Е. И. (СПбГУ; ГМИР, Санкт-Петербург)

Обычное право: стратегии решения конфликтов в генерационных системах возрастных классов

В социальной организации большей части кушитоязычных этнических общностей, проживающих на юге Эфиопии, прослеживается функционирова-

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-18-02785 «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации».

[2] *Rangel A. S.* Filhos da Terra: A Comunidade Macaense, Omtem e Hoje. Macau: Instituto Internacional de Macau, 2012. 119 p.

ние элементов систем возрастной стратификации**.** Помимо распространенной среди целого ряда этнических общностей Африки системы инициационных классов**,** кушитоязычные общности Эфиопии в разной степени сохранили деление на генерационные возрастные классы. Генерационный принцип возрастной стратификации в подавляющем большинстве случаев задействован в формировании базовых положений традиционного права, функционирующего в данной этнической группе, таких как вопросы брака и участия в политической жизни сообщества. Своеобразная природа классов «поколений» с течением времени приводит к появлению конфликтов**,** которые, в свою очередь, уравновешиваются параллельным функционированием системы инициационных классов и иерархии родов.

Целью данного доклада является типологизация типов собственности и установления закономерности между распределением ресурсов и принадлежности индивида к определенному инициационному и генерационному классу, а также к одному из родовых подразделений. Подобные институты соотносятся к «власти традиции», которая определяет политические процессы в ряде этнических групп юга Эфиопии. Традиционная власть в настоящее время испытывает на себе влияние урбанизации и движения возвращения к этническим «корням», основу которого составляют оромо, получившие высшее образование и опыт жизни в крупных городах страны. Их попытки переосмыслить обычно-правовые нормы на основе общественно-политических концепций «западной демократии» приводят к конфликту с местной элитой.

СЕКЦИЯ XVIII.
ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА — 2015
WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES — 2015

Абиева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Судьба китайского историка Цзянь Боцзаня

Подобно тому, как каждая следующая династия в Китае начинала цикл правления с написания истории предыдущей династии, Мао Цзэдун решил переписать историю последних лет с целью легитимировать свою власть. Для этого ему понадобилась команда самых известных профессиональных историков, которые активно привлекались на службу с конца 1940-х до начала 1950-х гг. В их числе оказался Цзянь Боцзань.

Цзянь принадлежал к поколению левых интеллигентов, которые заслужили научную и политическую репутацию в 1930-е гг. и интересовались коммунистической партией как альтернативой националистической партии Чан Кайши. Цзянь принял участие в серии марксистских дискуссий в 1930-е гг., в результате которых было заложено основное направление марксистской историографии на три десятилетия вперед.

Как любой состоявшийся ученый, Цзянь Боцзань имел собственное научное видение, из-за чего он открыто выступил против процесса активной политизации исторической науки в конце 1950-х гг. Тогда стала нарастать тенденция объявления единственным методом исторического познания т. н. классовый анализ[1]. Радикалы считали, что история должна толковаться исключительно с классовой точки зрения, без внимания к культурно-историческому контексту.

[1] *Усов В. Н.* История КНР. Т 1. М., 2006. С. 709.

Центральным понятием для Цзянь Боцзаня был принцип «историзма», т. е. значимости исторического контекста в интерпретации истории[1], что противоречило идеям радикалов. Вскоре историзм был объявлен буржуазным методом, отрицающим классовую борьбу, идеи Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна[2].

Во время Культурной революции Цзянь Боцзань стал одной из ее жертв. Историка заставили носить шапку с оскорбительными надписями вроде «прихвостень Чан Кайши»; его избивали и пытали, вынуждая давать показания, заточили в крохотной темной комнате. 18 декабря 1968 года Цзянь Боцзань и его супруга покончили с собой[3].

Андреев В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Газета «Закон» Мирзы Малком-хана как одно из первых периодических изданий на персидском языке (конец XIX — начало XX вв.)

Мирза Малком-хан (1833–1908) — иранский просветитель-гуманист второй половины XIX в. Получил отличное образование во Франции, служил переводчиком в академии Дар ол-фонун, после чего стал личным переводчиком сначала Мирза Фаррох-хана Гаффари Амин од-Доуле (1812–1871), а затем Насер ад-Дин-шаха (1831–1896). В разное время занимал дипломатические посты в посольствах Ирана в Османской империи, Британии, Германской империи, Итальянском королевстве.

В историю иранского просветительства Малком-хан вошел прежде всего как вдохновитель, создатель и фактически единоличный автор газеты «Закон».

Первый номер газеты вышел 21 февраля 1890 г. Газета издавалась на протяжении трех с половиной лет, и за этот срок увидели свет сорок два выпуска. Все номера газеты выпущены под девизом «Единство, Справедливость, Прогресс» (*эттефāқ*, *‘адāлат*, *тараққī*). В каждом номере указан адрес издательства: «Восточная издательская компания» (*компāни-йе энтешāр-е шарқи*), Ломбард Лейн, 38, Лондон, — и стоимость годовой подписки — один фунт стерлингов. Заголовок оставался неизменным на протяжении всех выпусков — напечатанное на персидском языке крупным жирным шрифтом

[1] Antoon de Baets. Censorship of Historical Thought: A World Guide (1945–2000). 2001. P. 114.

[2] Merle Goldman. Timothy Cheek, Carol Lee Hamrin. *China's Intellectuals and the State: In Search of a New relationship*. 1987. P.69.

[3] Guo Jian,Yongyi Song,Yuan Zhou. *Historical Dictionary of the Chinese Cultural Revolution*. 2006. P. 126.

слово *қānӯn* с указанным выше девизом, располагавшимся сразу под главным названием.

Газета «Закон» стала «венцом» публицистики Малком-хана. На страницах «Закона» просветитель обращается «ко всем, у кого есть разум», с призывом восстать против ненавистного режима тирании.

Издание подобной газеты за рубежом является в целом характерной чертой истории развития прессы на Ближнем Востоке во второй половине XIX в. Так, в 1867 г. в Лондоне под редакцией одного из основателей движения «новых османов» ʻАли Суави (1838–1878) издавалась газета «Мухбир», чуть позже — официальный печатный орган движения газета «Хюрриет» под редакцией Намыка Кемаля (1840–1888) и ʻАбдул-Хамида Зийя-паши (1825–1881).

Газета «Закон» стимулировала национальное пробуждение в Иране, которое в конечном счете привело к революции 1905–1911 гг.

Антоненко Д. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиции и новаторство в творчестве поэтов *чхаявада* на примере стихотворений С. Т. Ниралы

С. Т. Нирала (1896–1961) является одним из представителей *чхаявада* — поэтического направления литературы хинди (20–30-е гг. XX в.), которое считается одним из наиболее интересных и сложных явлений в индийской литературе XX столетия. Поэты *чхаявада* ставили своей задачей отойти от традиционного поэтического канона. Они вырабатывали собственную стилистику и образно-символическую систему. К основоположникам *чхаявада* принято относить таких поэтов, как Дж. Прасад, С. Пант, С. Т. Нирала и М. Варма.

Произведения поэтов *чхаявада* исследованы в недостаточной мере, как в России, так и за рубежом. В отечественной науке проводились исследования, посвященные литературоведческому анализу стихотворений Ниралы, однако они не опирались на строгий систематический подход. Примеры анализа произведений поэта (на материале сборника «Анамика» — «Безымянный») могут лучше продемонстрировать саму двоякую «природу» *чхаявада* — сочетание традиционного и нового в поэзии.

Говоря об особенностях авторского стиля Ниралы, можно отметить, что стиль поэта, прежде всего, характеризуется преобразованием традиционных средств и сочетанием их с новыми способами выражения. Нирала активно экспериментирует с формой, отказывается от традиционных рифм и ритма.

Реализуя свои новые, особые эстетические воззрения, Нирала использует в произведениях все средства на всех уровнях — от фонетического

до семантического (стихотворение «К другу»). Порой, благодаря минимальным, в основном, грамматическим и синтаксическим средствам, а также разного рода параллелизмам Нирале удается «вместить» в малую форму множество смыслов, образов и показать постоянно изменяющуюся природу человека, разные стадии его духовного пути, эмоционального развития (например, стихотворения «Видение смерти» и «В конце пусть встретится смеющийся Господь»). Таким образом, в своем творчестве поэт демонстрирует широкие возможности использования новаторских приемов и экспериментов с языком.

Безруков Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные аспекты обеспечения национальной безопасности Республики Ирак после 2003 года: задачи и структура ооруженных сил, органов безопасности и правопорядка

Иностранное вторжение в Ирак в 2003 году вызвало сильнейший за всю историю этого государства кризис. Сегодня Ирак — арена силового суннитско-шиитского противостояния, непрекращающихся диверсионно-террористических акций, принявших характер борьбы против нового политического руководства Ирака, а также войны «всех против всех» в таких масштабах, что эксперты заговорили о возможности распада иракского государства.

Несмотря на эту политическую разобщенность и внутренние противоречия, сегодняшние власти Ирака пытаются выработать скоординированную программу действий, как во внешней, так и во внутренней политике. Практические мероприятия по строительству послевоенного Ирака и восстановлению экономики страны позволяют выделить ряд первоочередных задач, поставленных руководством страны. Не решив эти задачи, иракское руководство не сможет создать более стабильную обстановку внутри страны, сохранить целостность государства и обеспечить его суверенитет.

Прежде всего, речь идет о создании боеспособных сил национальной обороны страны, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопасность государства. В связи с этим иракское правительство на сегодняшний день активно проводит программу по созданию современных вооруженных сил, формирует различные подразделения иракских спецслужб, поставляет в войска новое вооружение и технику. Вместе с тем строительство сил национальной обороны сталкивается с целым рядом серьезных трудностей. Прежде всего это необходимость вести войну против ИГИЛ и противостоять крупным повстанческим организациям, действующим в тылу. Особо стоит отметить военное сотрудничество иракского правительства

с Исламской Республикой Иран в сфере противодействия ИГИЛ и военного строительства.

Исходя из той сложной ситуации, в которой сегодня находится Ирак, силы национальной обороны Ирака должны стать стержневым элементом обеспечения целостности государства, наведения внутреннего порядка в стране, а также обеспечить функционирование всей государственной системы.

Бочкарева Д. С. (НГУ, Новосибирск)

Проблема малочисленного этноса в романе Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь»

Чи Цзыцзянь 迟子建 — одна из ярких представительниц современной китайской литературы, в произведениях которой нередко изображаются картины из жизни обычного человека на фоне масштабных исторических перемен. Наиболее ярко этот творческий подход писательницы нашел отражение в ее романах «Марионеточное правительство „Маньчжоуго“» (伪满洲国), «Правый берег реки Аргунь» (额尔古纳河右岸), «Черный ворон, белый снег» (白雪乌鸦). Особое место в этом ряду занимает роман «Правый берег реки Аргунь», в котором писательница обращается не только к проблеме жизни «маленького» человека в сложных исторических обстоятельствах, но и к судьбе малочисленного этноса на фоне быстрых перемен XX — начала XXI вв.

Начало 2000-х гг. в Китае было отмечено рядом мероприятий, связанных с попыткой переселения эвенков из районов горных лесов в поселки городского типа. Сразу после переселения эвенков Чи Цзыцзянь, обеспокоенная их судьбой, решила съездить к ним. Писательница стала свидетельницей печальной картины. Старшее поколение эвенков, а также оленеводы, привыкшие к своему традиционному укладу, оказались не готовы к новой жизни. Из-за этого часть эвенков решила вернуться к жизни в лесу. Тогда Чи Цзыцзянь отправилась по следам эвенков до мест их традиционных поселений. Время, проведенное писательницей вместе с эвенками, можно считать своеобразным опытом полевых исследований.

Свои наблюдения за традиционным укладом жизни эвенков она реализовала в 2005 г. в романе «Правый берег реки Аргунь». Роман описывает жизнь эвенкийского рода оленеводов и охотников с их традициями и древней культурой шаманизма. Под звуки барабана и пляски шамана на страницах романа читатель погружается в таинственный мир, который раскрывает не только древние ритуалы шаманов, но и судьбу целого народа.

Используя фольклорные образы и сюжеты народного творчества эвенков Китая, Чи Цзыцзянь обращается к сложной проблеме угасания традиционной культуры этноса в результате столкновения с современными процессами глобализации и урбанизации.

Бугаева Д. И. (НГУ, Новосибирск)

Фольклор народности мэньба как источник для изучения истории этноса

Фольклор является одним из важнейших источников по изучению этноса. Фольклорные памятники способствуют выявлению традиций данного народа, особенностей его развития и взаимодействия с другими этносами. Целью нашей работы является изучение фольклора народности мэньба и выявление ее связи с фольклором индийских монпа.

Небольшая этническая группа мэньба насчитывает ок. 9 тыс. чел., проживает на территории Тибетского автономного округа и входит в число 56 национальных меньшинств КНР. Родственные им группы монпа проживают на территории Индии (штат Аруначал-Прадеш) и в Бутане. У трех групп общий этноним, но некоторые аспекты материальной и духовной культуры не совпадают.

В ходе изучения фольклора мэньба выделены следующие блоки:

1. Миф о происхождении мэньба от обезьяны. Здесь прослеживается прямая связь с тибетской мифологией, а также сильное влияние буддизма. Но, в тоже время, миф о происхождении человека у одной из групп индийский монпа также рассказывает о происхождении человека от обезьяны.

2. Танцы мэньба, которые отразили процессы тибетской истории, о чем свидетельствует легенда о происхождении танцев в масках в связи со строительством мостов.

3. Шананьская опера, текст которой записан достаточно поздно (в XVIII в.) на тибетском языке. Но она могла существовать и ранее в устной передаче, поскольку мэньба не имеют собственной письменности. Только обосновавшись в Тибете и освоив тибетский язык, они смогли записать этот текст.

Несомненно, что фольклор мэньба претерпел сильное влияние тибетско-буддийской культуры, однако в нем прослеживаются и более древние пласты. За неимением собственных мэньбайских письменных источников изучение фольклора данного этноса представляет научный интерес для исследования проблемы этногенеза как самих мэньба, так и других тибето-бирманских народов.

Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Гьюрмэ Намгьел, последний «царь» Тибета (1747–1750)

В течение XVIII в. империя Цин неуклонно, шаг за шагом, укрепляла свою власть в Тибете, увеличивая там свое присутствие. Процесс этот был длительным и сложным, зависел от многих факторов политической, экономической,

военной и религиозной жизни Тибета, Китая, Джунгарии и других соседних государств. Немаловажную роль в этом процессе играли духовные и светские лидеры Тибета и их внешняя и внутренняя политика.

В 1747 г., после смерти Пхолханэ, правление которого было отмечено продолжительным периодом стабильности в Тибете после вторжения джунгаров (1717–1720) и междоусобной войны 1727–1728 гг., к власти в Тибете пришел его сын Гьюрмэ Намгьел, отличавшийся воинственностью и настроенный на установление независимого правления. Гьюрмэ Намгьел не обладал политической прозорливостью своего отца, благодаря которой тот, демонстрируя лояльность по отношению к цинским императорам, фактически правил Тибетом самостоятельно. Он стал предпринимать действия, направленные на отрыв Тибета от административных структур империи, и даже пошел на контакты с джунгарами, которых цинские правители считали своими главными противниками. В 1750 г. он был убит амбанями, которые в свою очередь были убиты сторонниками Гьюрмэ Нмагьела. После проведения цинскими властями официального расследования этого мятежа, институт светских правителей Тибета был ликвидирован. В результате проведения административной реформы власть в Тибете была передана Далай-ламе VII, а контроль над Тибетом со стороны цинских властей значительно усилился.

Васькин И. А. (СмолГУ, Санкт-Петербург)

Культурные связи между СССР и Ираном в 1917–1941 гг.

Почти сразу после Октябрьской революции, в 1922 г., Советская Россия отдает имущество Урмийской духовной миссии Персидскому правительству. Параллельно, Государственный Эрмитаж в созданном в 1920 г. Отделе Востока организовал ряд выставок («Сасанидские древности» в 1922 г., «Мусульманские изразцы» в 1923 г., «Средневековые памятники Ирана, Кавказа и Средней Азии»), познакомивших советских граждан с культурой Ирана разных периодов его истории. В 1922 г. РСФСР предоставила 100 мест персидским студентам для обучения в Советской России.

В 1933 г. «Востоккино» согласует с шахом Ирана создание фильма «Персия». В связи с 1000-летием рождения Фирдоуси в начале августа 1934 г. в СССР была утверждена культурная программа, посвящённая этому юбилею. 4 октября 1934 года открылся научный конгресс в Тегеране, посвящённый Фирдоуси, а в Ленинграде и Москве была открыта выставка «Шах-Намэ и изобразительное искусство Ирана, Кавказа и Средней Азии».

В середине-конце сентября 1935 г. в Ленинграде состоялся III Международный конгресс иранского искусства, где присутствовали представители

СССР, Англии, Австрии, Ирана, Турции и др., причем открылся Конгресс вступительной речью В. М. Молотов.

Персы собирались организовать в Тегеране множество мероприятий в связи с Пушкинским юбилеем в 1937 г. Однако со второй половины 1937 г. шах начинает бороться с русским и советским культурным влиянием: закрывает собрания, посвящённые Павлову, Пушкину, Горькому, уничтожает издания на русском языке и т. д.

В целом, в связи с ухудшением международной обстановки, к концу 1930-х — началу 1940-х культурные отношения между странами прерываются.

Галимов А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об этнических китайцах в Лаосе во 2-й половине XX в.

Китайцы, проживающие в городах Лаоса, представляют собой своеобразную общность, включающую в себя следующие диалектные группы: кантонцы, хайнаньцы, чаошаньцы, шаньтоу и хакка. На сегодняшний день в стране живут по разным оценкам от 150 до 186 тыс. этнических китайцев, которые компактно проживают в центральных и южных районах Лаоса. Китайские диаспоры представлены во Вьентьяне и Луангпхабанге, Паксе, Саваннакхете и других городах. В настоящее время лаосские китайцы заняты в различных сферах экономики, таких как банковское дело, гостиничный бизнес, пищевая промышленность, виноделие, производство риса, заготовка пиломатериалов, обслуживание машин, купля-продажа и проч. В последние годы в экономике Лаоса стал доминировать так называемый третичный сектор экономики, немалую роль в этом процессе играет китайский капитал. Именно усиливающиеся позиции хуацяо в современном Лаосе, одной из стран участниц АСЕАН, вызвали интерес автора к теме данного исследования.

Хронологические рамки работы связаны с определенными историческими периодами в жизни Лаоса, каждый из которых оставил определенный след в жизни китайской диаспоры. Первый период истории китайской диаспоры в Лаосе (1945–1975) частично охватывает вторую половину 1940-х гг., обретение национальной независимости в 1954 г., гражданскую войну (1960–1973) и падение монархии в 1975 г.; второй период (1975–1999) включает в себя провозглашение ЛНДР весной 1975 г., послевоенное время, социалистические реформы 80-х гг.

В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что в истории лаосских хуацяо были как взлеты, так и падения. Так, известно, что во

время французского протектора этнические китайцы находились на особом положении, однако, уже после провозглашения независимости последовала целая серия антикитайских законов. После Гражданской войны ситуация с нацменьшинствами, в т. ч. и хуацяо, была весьма неоднозначна. В 1980-е гг. в период экономических реформ Лаос оказался открыт для иностранного инвестирования, репрессивные нормы были отменены, что дало зарубежным китайцам возможность вернуться в «родные пенаты» и занять важные позиции в экономике страны.

Горбунов С. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тема тоски по Родине в повести Асма' аз-Зар'уни «Эмигрант» («*Аль-Джисд ар-рахиль*»)

Асма' Али аз-Зар'уни, популярная арабская писательница и поэтесса, родилась в 1961 году в Шардже. Аз-Зар'уни получила известность в 90-х годах XX века благодаря своим стихам и сборникам рассказов, таким как «Шепот побережий» и «Пустые побережья», а также сборнику детских рассказов.

Тема повести «Эмигрант» весьма типична. Это — жизнь эмиратского эмигранта на чужбине, его переживания и попытки приспособиться к новой жизни. При этом свое произведение Аз-Зар'уни в свойственной ей манере наполняет сюжетами о девушках, испытавших чувство неразделенной любви.

Главный герой повести, 'Иса, будучи шестнадцатилетним юношей, не стерпя пощечины отца в пылу семейной ссоры, принимает решение покинуть родной дом. И хотя изначально движущей силой его отъезда было желание заработать средства, чтобы вернуться и жениться на своей возлюбленной, 'Иса приехал обратно на Родину уже только пожилым человеком.

Бахрейн, затем Англия. На удивление, главному герою удается без труда найти достойную работу, а впоследствии и жениться. Казалось бы, судьба к нему благосклонна. Но на протяжении всех долгих лет жизни на чужбине различные события, такие как смерть Джамаля 'Абд ан-Насера, вывод британских войск из Залива, а также случайные встречи со своими соотечественниками, с новой силой разжигают внутри него чувство щемящей грусти и тоски по оставленным им родным местам, по своей первой любви, по берегу Залива.

Внутри героя постоянно идет борьба тела и души. Он предается мечтаниям и фантазиям о прошлой жизни, порой полностью отрываясь от реальной. Только уже в преклонном возрасте 'Исе удается перебороть себя и принять решение посетить Родину.

Грибкова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тибетские сочинения о пользе чтения сутры «Ваджраччхедика Праджняпарамита»

Сутра «Ваджраччхедика» или «Алмазная сутра», одно из кратких праджняпарамитских сочинений, была составлена к IV в. н. э. «Алмазная сутра» является исключительно почитаемым текстом во всем ареале распространения буддизма Махаяны. Ее читали и переписывали и монахи, и верующие миряне. Широкое распространение «Ваджраччхедики» способствовало появлению особого рода сочинений, посвященных разъяснению пользы и спасительной силы этой сутры. В Китае уже в VII в. существовало несколько сборников рассказов о пользе чтения «Алмазной сутры». Позже эти рассказы были переведены на тибетский язык, а затем уже с тибетского языка — на монгольский.

В Тибете получил популярность сборник из 15 рассказов. В каждом рассказе с героями происходят различные беды, и лишь чтение «Алмазной сутры» может им помочь. К монголам эти истории попали из Тибета в XVII в. Единственный перевод, дающий сведения об имени переводчика — перевод с тибетского на монгольский язык, выполненный Джин Цорджи. Существует также четыре анонимных перевода сочинения о пользе чтения «Ваджраччхедика Праджняпарамиты» на монгольском языке.

В коллекции рукописей и ксилографов в квартире-музее Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе хранятся два списка тибетского сборника рассказов о пользе чтения «Ваджраччхедики». Рукопись под шифром МН-2/219 и ксилограф под шифром МН-2/213 озаглавлены следующим образом: «Сочинение, разъясняющее пользу «Ваджраччхедика Праджняпарамиты»» (тиб. *shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa'i phan yon bshad pa'i mdo bzhugs so*). Кроме того, в библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке хранятся три книги на тибетском языке под названием «О пользе «Ваджраччхедики» (тиб. *rdo rje gcod pa'i phan yon bzhugs so*).

Дихтенко В. А. (ХНУ им. Каразина, Харьков)

Китайские каламбуры в изобразительном искусстве

Для лексики китайского языка характерно большое количество омонимов и омофонов. Они составляют основу каламбуров, которые вплетены в китайскую повседневную речь, широко используются в литературных произведениях, в чэнъюях. Кроме того, каламбуры используются даже в китайской живописи.

В основе символов изобразительного искусства лежат ассоциации, вызванные одинаковым или очень близким звучанием иероглифов, обозначающих разные понятия. Например, на одной из картин изображены две сороки и свисающие с ветвей четыре плода хурмы. Китайское слово 柿子 (*shizi*) переводится как «хурма». Первый иероглиф в этом слове читается как «shi» и означает «хурму». Чтение этого иероглифа порождает ассоциацию с «shi», который является частью иероглифа «时令» (*shiling*) — сезон. Символ «Четыре хурмы» 四个柿子 (sigeshizi), сокращенно — 四柿 (sishi) соответствует понятию 四时 (sishi) четыре сезона. В свою очередь 喜鹊 (xique) — сорока, содержит иероглиф 喜 (xi), имеющий значение «счастье», «благополучие». Две сороки — 双喜(shuangxi) означает «двойное счастье». Этот символ очень популярен и играет большую роль в китайских свадебных обрядах, как пожелание молодоженам двойного счастья и крепкой семейной жизни. Таким образом, изображенные на картине четыре хурмы и две сороки «四柿双喜» (sishishuangxi) соотносится с выражением «四时双喜» (sishishuangxi), которое обозначает «двойное счастье круглый год» и может играть не только эстетическую роль, но и служить пожеланием счастья молодоженам.

Картины такого рода выполняют не только декоративную функцию, они также являются точкой, где соприкасаются китайский язык, культура, живопись. Они являются особым видом изобразительного искусства, где объекты, наблюдаемые нами ежедневно, могут выражать базовые человеческие желания: долголетие, спокойствие и процветание. Расшифровка таких символов помогает иноязычному реципиенту понять китайскую культуру глубже, а так же повысить свои знания в области китайского языка.

Зенцова М. А (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сикхизм в индийской историографии

Сикхизм зародился в пятнадцатом веке и быстро обрел популярность в Северо-Западной Индии. Сикхская община — *хальса* — стала крупной политической силой и сыграла важную роль в истории Индийского субконтинента. Именно поэтому истории сикхизма уделено особое внимание в трудах индийских исследователей. Целью доклада является обзор работ, посвященных истории и историографии сикхской общины, написанных индийскими историками в XX веке. Основными задачами исследования являются изучение и классификация трудов индийских историков и историографов.

В своих трудах индийские исследователи освещали различные аспекты истории Пенджаба и развития сикхского общества. У истоков индийской

исторической науки стояли англичане, именно они первыми стали пытаться систематизировать и анализировать разные материалы по истории Индии, включая Пенджаб. Поэтому индийские историографы уделяют большое внимание работам английских историков и их взглядам на историю сикхизма.

В XX веке к проблемам сложения и развития сикхского общества обратились и исследователи из Южной Азии. Многие из них сами происходили из Пенджаба: Т. Сингх, Г. С. Дхиллон, Д. С. Гревал и др. Большое внимание эти ученые уделяют отношениям государства сикхов с Великими Моголами, а также политике Ост-Индской компании в Пенджабе.

Интересен и взгляд на историю сикхизма исследователей, не являющихся сикхами. Историки из различных регионов Южной Азии занимались исследованием социально-политических проблем Пенджаба. Особого упоминания заслуживает бенгальский ученый Химадри Банерджи, в чьих трудах нашли отражения взгляды на сикхизм, распространенные в Восточной Индии.

Таким образом, в докладе будет проанализирован широкий круг исследований, посвященных различным периодам и областям сикхской истории, которые доказывают, что с появлением сикхского государства изменилась история всей Южной Азии в целом.

Иванов И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тема «Восток-Запад» в повести Битуль Аль-Хедайри «Небо так близко»

На протяжении более ста лет одной из ключевых тем арабской литературы остается тема взаимоотношений Востока и Запада. Различное социально-экономическое положение Западных стран и стран Арабского мира, разница в менталитете людей, вопросы веры и религии — все это является темой, волнующей многие поколения арабоязычных авторов. К таким произведениям относится и повесть Битуль Аль-Хедайри «Небо так близко»

Битуль Аль-Хедайри родилась в 1965 году в Багдаде в семье иракца и шотландки. После окончания багдадского университета «Аль-Мустансирия», где она получила степень бакалавра по специальности «Французская литература», она жила в Ираке, Иордании и Великобритании. Ее первая повесть «Небо так близко», впервые изданная в Ливане в 1999 году, во многом автобиографична. Тема отношений «Восток-Запад» показана в этой повести через отношения родителей главной героини: отца-иракца, придерживающегося традиционных принципов, и матери-англичанки, которая исповедует более свободные, либеральные взгляды.

Ильина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эротические мотивы в современной тибетской литературе[1]

В настоящее время к тибетской эротической поэзии сами тибетцы относятся по-разному. Тибетцы-приверженцы консервативных взглядов считают, что это новое явление и эротическая поэзия слишком вульгарна, чтобы ее считали искусством. Сами же поэты доказывают, что эротическая поэзия — это «плоть и кровь» реальной жизни.

Тема страсти никогда не была открытой для обсуждения в тибетском обществе. Буддизм учит, что страсть — это причина пребывания в сансаре, но согласно тантре, эту страсть следует направить на достижение освобождения, а не полностью ее отрицать. В поэзии, написанной по канонам традиционной индо-тибетской поэтики *кавья*, нередко встречаются отрывки, содержащие эротические мотивы, но акцент делается на художественных средствах, а не на содержании. Таким образом, тема страсти бесспорно присутствует в произведениях средневековой тибетской литературы, но тибетские ученые редко обращаются к ее исследованию.

Одно из наиболее известных произведений тибетской эротической литературы «Трактат о страсти» (тиб. *'dod pa'i bstan bcos*) было написано выдающимся ученым, просветителем и новатором Гедун Чопелом (1903–1951) в 1938 г. после отказа от монашеских обетов.

Эротические мотивы встречаются и в современной тибетской поэзии, например, у Даценпо (тиб. *mda' btsan po*) — писателя, входящего в литературный кружок «Третье поколение» (тиб. *mi rabs gsum pa*, основан в 2005 г.).

Ихсанов А. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исторические предпосылки развития предпринимательской активности среди жителей Нохура и Маров в Туркмении

Победа на выборах 2012 г. ознаменовала начало второго срока президентства Г. М. Бердымухаммедова, в течение которого руководство Туркменистана намеренно продолжать работу по направлениям, обозначенным в предыдущий период, включая развитие малого и среднего бизнеса. Развитие этих сфер считается экспертами одной из основных заслуг президента, в то же время для самих туркменистанцев этот аспект сопровождался новыми явлениями:

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

ростом благосостояния, развитием миграционных потоков, появлением новых рабочих мест и т. п.

Туркменистан — страна консервативная, а потому изучение любого явления связано и с анализом исторических предпосылок его развития. Одной из особенностей малого и среднего бизнеса в этой стране является высокая доля предпринимателей, происхождение которых связано с Марыйским (Мервским) оазисом и Нохурским ущельем. Изучение исторического развития этих регионов позволяет выявить ряд причин проявления данного феномена.

Говоря об эволюции экономики *нохурлы* надо отметить: ранний переход к частной собственности; развитые клановые связи, а также семейные и соседские структуры в хозяйственной системе; крупные волны миграции (XIX–XX вв. — заселение Сумбара, Советский период — развитие агрокластера Нохур — Ашхабад, начало XXI в. — миграция в города Туркменистана с созданием там семейных предприятий). В случае с выходцами из Марыйского велаята необходимо подчеркнуть: традиционный статус Маров как центра внутренней и транзитной торговли Туркменистана; особенности семейно-клановых структур, позволяющих конструировать семейные компании при переезде за пределы оазиса; исторически тесные контакты с торговыми диаспорами других народов; развитие сельского хозяйства, способствовавшее росту высокотоварного производства.

Таким образом, очевидно, что в Нохуре и Марах исторически сложились предпосылки для развития частной инициативы, поддерживаемой семейно-клановой системой, а также товарообмена не только с другими регионами, но и с соседними народами и государствами, которые актуализировались в рамках реформ экономики Туркменистана.

Ишбулдина К. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сохранение традиционных аспектов воспитания детей в семьях таджикских мигрантов (на примере таджиков Санкт-Петербурга)

Современные глобализационные процессы несут в себе определенные угрозы, связанные с утратой различными народами своих национальных черт, традиций и самобытности. В сложившихся условиях очень важным является сохранение и передача из поколения в поколение культурных и семейных ценностей, присущих каждому этносу.

Данная статья основывается на эмпирических материалах, полученных в ходе исследования, проведенного в Санкт-Петербурге среди проживающих там таджиков с ноября по декабрь 2014 года. Целью работы было проанализировать, насколько традиционные аспекты воспитания детей сохраняются

в семьях таджикских мигрантов. В качестве метода сбора материала было использовано интервью.

В ходе исследования было опрошено 20 человек. Семьи всех опрошенных проживают на территории России. Основную категорию респондентов составляют врачи, работающие в больницах Санкт-Петербурга. Объектом исследования являются традиционные аспекты воспитания и социализации детей в таджикских семьях.

По результатам опроса и анализа полученной информации можно заключить, что все опрошенные таджики дают своим детям традиционные имена; правила *адаба* — нравственного воспитания — сохраняются среди всех респондентов; в семьях всех собеседников детей приобщают к национальной культуре посредством сказок и колыбельных песен и разговаривают с ними на таджикском языке; традиционными остаются и методы гендерного воспитания; обязательным для исполнения является обряд инициации — *туи хатна* (обряд обрезания).

Детские сады и школы, а также СМИ и телевидение оказывают существенное влияние на социализацию детей мигрантов. Однако именно семья является основным институтом, осуществляющим приобщение к национальным социальным и культурным ценностям, к усвоению опыта традиций своего народа.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство традиционных норм воспитания и социализации, рассмотренных в данном докладе, сохраняются в среде таджикских мигрантов. В то же время многие из них претерпевают некоторые изменения под воздействием местной культурной среды.

Кадочников Я. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Трансформация образа Саргона Аккадского в месопотамских текстах (конец III — 1-я пол. I тыс. до н. э.)

Саргон Аккадский, или Саргон Древний (ок. 2334–2279 гг. до н. э.) — один из самых известных правителей Древней Месопотамии. Он основал первое сильное централизованное государство на территории Месопотамии, объединив разрозненные города-государства шумеров. Литературная традиция, связанная с его именем, начинается с прижизненных текстов самого Саргона, а завершается лишь чуть менее, чем через два тысячелетия, с падением Вавилонского царства в 539 г. до н. э. За этот период было составлено большое количество текстов, повествующих о жизни и подвигах царя.

В результате сравнительного анализа 17 прижизненных текстов Саргона и 7 текстов, созданных в разные периоды после смерти царя, были выявлены изменения представлений жителей Месопотамии о заслугах царя и его роли

в истории и культуре региона. Если в прижизненных текстах Саргона основной его заслугой называется победа над шумерскими городами-государствами и их союзами, то в текстах более поздних эпох царю приписывают походы в разнообразные дальние страны и создают из его образа своеобразный идеал для современных правителей.

Эти изменения можно проследить на материале используемых в текстах эпитетов, а также на основании упоминания в текстах исторических и легендарных событий, связанных с именем царя.

Камалова Ш. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о структурных единицах тюркского синтаксиса

В древнетюркских рунических памятниках VII–IX вв. можно выделить тюркские синтаксические конструкции, которые представляют собой особые синтаксические единицы — «синтаксические формы» (В. М. Павлов) или синтаксические модели, относимые к *языковым* единицам. Следует особо отметить то, что выделяемые синтаксические формы являются характерными не только для древних, но и для большинства современных тюркских языков.

Примером одной разновидности типичных древнетюркских определительных конструкций, для реализации которой в современных языках привлекается боле богатый морфологический арсенал, может послужить структура высказывания:

añïγ jok türk kaγan (малая надпись в честь Кюль-тегина, строка 3) «тюркский каган, у которого нет порчи» (состав: определяемое — слово *kaγan*, в функции определений — предикативная конструкция *añïγ jok* «порча — нет» и слово *türk*).

В современном турецком языке, например, высказывание, передающее тот же смысл могло бы выглядеть так: **bozukluğ+u yok olan han* (*букв*. испорченность его / не существующая / хан). *Субъект* первого определения имеет показатель принадлежности, а в функции синтаксического предиката (сказуемого) употреблена *дополнительная конструкция*, содержащая предикатив (*yok*) и причастие глагола olmak со значением «быть, являться», в функции второго определения — слово *türk* «тюрок, тюркский», в функции определяемого — слово ***han***.

Карташян А. З. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблемы национальной идентичности в истории армянского *миллета* в XIX в.

После Арабской весны в результате растущей «исламизации» политики на Ближнем Востоке, модель управления, созданная в рамках системы *миллетов*,

стала популярной среди политиков и ученых, которые пытаются изучить преимущества и недостатки этой системы для разработки новых форм культурной или нетерриториальной автономии для отдельных народов и конфессиональных групп. Османская империя является перспективным полем для изучения этноконфессиональной политики государства, проблем национальной идентичности и национализма, так как на территории империи жили различные этнические группы и она, как многоконфессиональная и многонациональная империя, имела большой опыт успешного регулирования подобных вопросов.

В Османской империи отношения между государством и этноконфессиональными группами регулировались в рамках системы *миллетов*, которая давала возможность немусульманским подданным решать различные вопросы внутри своего сообщества при условии признания верховной власти султана.

В XIX в. врезультате ряда реформ система автономных конфессиональных общин была реформирована: армянский *миллет*, как и другие *миллеты*, был секуляризован и демократизирован. До *танзиматских* реформ религия была определяющим фактором для всех общин в османской империи, однако к концу эпохи *танзимата* Османская империя представляла собой в большей степени многонациональное, чем многоконфессиональное государство.

В докладе рассматривается процесс перехода от одной идентичности (этноконфессиональной) к другой (национальной) в армянском *миллете* Османской империи эпохи реформ XIX в., показано, как социально-культурные процессы и политическая ситуация в османском государстве повлияли на трансформацию идентичности армянского *миллета*. Привлечены редкие армянские периодические издания, публиковавшиеся в Константинополе и Смирне в 1840–1890-е гг., протоколы Национального собрания западных армян, мемуары, письма и публикации, которые показывают, как проходили процессы секуляризации и демократизации в армянском *миллете*. Часть османских, армянских и российских архивных материалов впервые вводятся в научный оборот.

Козинцев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о восточном экзистенциализме (на материале турецкой литературы)

Литературный процесс XX в. представляет собой уже не просто спектр национальных или региональных литератур, но становится глобальным явлением, когда литературы разных народов взаимодействуют друг с другом. В ходе этого процесса некоторые идеи и умонастроения переходят из одной национальной литературы в другую и далее из одной региональной литера-

турной традиции распространяются на соседние, становясь наднациональными категориями. Одной из таких категорий является «экзистенциальный тип художественного сознания», на основе которого складывается особое «экзистенциальное» состояние мысли. Это явление нашло свое отражение и в восточных литературах. Однако подобные литературные образцы нельзя отождествлять с соответствующим направлением в западноевропейской и американской литературе 1940–1960-х гг., тесно связанным с одноимённой философской школой.

Истоки турецкого экзистенциализма как части восточного экзистенциализма лежат в последней трети XIX в., когда угасание Османского государства стало наиболее ощутимо, а в качестве поворотной вехи выступает катастрофическое поражение в I Мировой войне и распад империи.

Наиболее ярко экзистенциальные идеи представлены в произведениях авторов, в центре внимания которых находился внутренний мир личности. Так С. Али (1907–1948) в романе «Мадонна в меховом манто» (1943) изображает человека, пережившего внутреннюю катастрофу, незаметную для окружающих, но окончательно его сломившую. С. Фаик (1906–1954) в ранних рассказах (сборник «Самовар», 1936) размышляет о месте человека в жизни другого, о понимании окружающей действительности и, в частности, природы. Схожие мотивы заметны в творчестве П. Сафа (1899–1961) (роман «Палата в девятой хирургии», 1931), в котором, на первый взгляд, нет каких-либо экзистенциальных черт.

Говоря о восточном экзистенциализме, следует иметь в виду, что речь идёт о некоем общем направлении мысли, имеющем место в творчестве авторов разных художественных течений.

Котенко Д. Г. (АлтГПУ, Барнаул)

Проблемы изучения истории грузинского дворянства

Изучение института грузинского дворянства связано с трудностями, так как основывается на единственном письменном своде законов Вахтанга VI, который был составлен в начале XVIII в.

Дворянство Грузии, заинтересованное оказаться в списках благородного сословия России, зачастую приводило неверные данные о своём социальном статусе. Именно с этим можно связать то факт, что при составлении Актов Кавказской археографической комиссии под руководством А. Берже было выключено много документов, описывающих права и обязанности *азнаури* (дворян) со слов самих азнауров, но не подтверждённых грамотами на дворянское достоинство. Такие свидетельства имели много противоречий, которые

не раскрывали сущности категории азнауров, а скорее, вводили в заблуждение исследователей относительно правового состояния *азнаури* в феодальной системе Грузии.

Традиционное изучение преимущественно грузинского дворянства-азнауров Картли и Кахети представляется недостаточным. Без привлечения сведений об азнаурах Имеретии, Сванетии, Гурии, Мегрелии невозможно установить отличия ситуации в восточных регионах Грузии от западных и тем самым выявить специфику развития грузинского дворянства в целом.

Рассмотрение положения азнауров в феодальной системе грузинских княжеств дает ответы на вопросы, касающиеся особенностей царской власти в Грузии, влияния *тавадов* (князей) на политическую обстановку в княжествах, социального облика азнауров разных категорий — царских, княжеских и церковных.

Изучение грузинского дворянства с использованием более широкого круга источников даст возможность проследить развитие института дворянства в Грузии, что важно в том числе и для понимания политики Российской Империи в отношении национальных элит на Кавказе.

Крамскова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Формирование научного функционального стиля в тибетском языке[1]

В истории развития тибетского языка часто выделяют три этапа: доклассический (VII–X вв.), классический (XI — середина XX вв.) и современный (с середины XX в.). С наступлением последнего в жизнь тибетского общества вошло множество совершенно новых реалий и понятий, в том числе и наука в ее современном понимании.

До середины XX в. в Тибете существовали только традиционные средневековые индо-тибетские науки (тиб. *rig gnas*) — пять великих (буддийская доктрина, логика, медицина, лингвистика и ремесло) и пять малых (поэтика, просодика, синонимика, сценическое искусство, астрология) Однако в классическом тибетском языке научный функциональный стиль находился лишь на периферии стилистической системы. Лишь в начале XX в. тибетцы начали постепенно соприкасаться с реалиями западного мира. Пребывание Далайламы XIII в Индии в 1910−1913 гг., его интерес к достижениям западной цивилизации, издание первых тибетских газет, например, «Юлчог сосой саргьюр мелонг» (1925–1963 гг.). — все это послужило первыми шагами к модернизации лексического состава тибетского языка.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

Значительно более активным этот процесс стал после «Мирного освобождения Тибета» в 1951 г., за которым последовали переводы идеологических и политических материалов, создание школ, вузов, издание газет, журналов и книг.

Современный тибетский литературный язык, формировавшийся начиная с 1950-х гг. при активном участии выдающихся представителей тибетской монастырской элиты, обладает полным набором функциональных стилей. Научный стиль сохраняет близость с языком традиционных тибетских наук, но обладает значительно более разработанным и постоянно растущим терминологическим аппаратом, а также характерными грамматическими особенностями.

Крыжов И. С. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Российско-японские культурные связи: опыт деятельности Мариинского театра

Мариинский театр играет огромную роль в укреплении связей между Россией и Японией. В качестве примера взаимоотношений между Россией и Страной Восходящего Солнца он был выбран не случайно — именно этот театр положил начало развитию российско-японских связей в области классического музыкального искусства без малого столетие назад, в далеком 1916-м году. Тогда именно благодаря артистам Мариинки японская публика впервые увидела классический балет у себя на родине.

С тех пор солисты балета Мариинского театра стали посещать Японию с одиночными концертными выступлениями. Более активная гастрольная деятельность театра, к тому времени изменившего своё название с Мариинского на Кировский, началась с 1960-х годов. Первые гастроли 1960-го года имели грандиозный успех. До 1991 года труппа Кировского театра побывала в Стране Восходящего солнца 7 раз. С ответными визитами на сцене Кировского театра побывали традиционный национальный театр Японии «Кабуки» и Японский балет «Асами Маки».

1990-е, 2000-е и 2010-е годы, включая 2014-й, в жизни театра были насыщены гастрольной деятельностью в Японии. Балетная и оперная труппы совершали ежегодные поездки в рамках различных фестивалей и турне. Помимо оперных и балетных постановок на сценах великолепных японских залов также даёт концерты и Симфонический оркестр Мариинского театра.

Театр сыграл значимую роль в углублении интереса японцев к русскому классическому музыкальному искусству (балет, опера, симфонические программы), в том числе прослеживается и взаимосвязь между японскими гастролями театра и выходом отношений СССР и Японии на новые уровни во многих сферах взаимодействия.

В работе над докладом автор использовал большое количество источников из архива Мариинского театра, Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), которые были введены в научный оборот. Также были проработаны различные интернет-ресурсы, статьи из газет и журналов, отзывы прессы о гастролях Мариинского театра в Японии, монографии и другие научные работы, затрагивающие данную тему.

Кудрявцева А. Р (Харьковский НУ им. В. Н. Каразина, Харьков)

Любовная лирика древнекитайской поэзии в контексте традиции проведения «брачных игр»

История древних «брачных игр» насчитывает 2500 тысячи лет. Их история восходит к древнекитайским песням.

Выдающийся французский синолог XX в. Марсель Гране обнаружил в песнях раздела «Го фэн» (國風 *«Нравы царств»*) поэтической антологии «Ши цзин» (詩經 *«Канон стихов»*) признаки брачных игр.

В разделе «Нравы царства Чжэн» имеется песня «Реки Чжэншуй и Вэйхэ», в ней ярко описывается весенние брачные игры девушек и юношей, которые, обмениваясь орхидеями, выражали доверие и верность друг другу. Диалог влюбленных происходит живо и весело, потому что общение происходит в форме песен.

В разделе «Нравы царства Чэнь» имеется песня «Юаньцю-холмы», в которой описаны брачные игры на горах, которые являлись священными. Юаньцю-холмы — это гора, которая находится в провинции Хэнань. Гора представляет собой круглый холм, который местные жители прозвали «жертвенник небу». Под этой горой сельская молодежь собирались зимой и летом, облачившись в национальные костюмы.

В песне «Городской ров с водой у восточных ворот», в разделе «Нравы царства Чэнь», описываются брачные игры, совершавшиеся во время коллективных работ. Во время работы, парень мог обратиться к молодой девушке с предложением спеть вместе. На это предложение девушка отвечала песней, говоря о своей любви.

В песне «Опадает моя слива» из раздела «Нравы царства Шао и стран, лежащих к югу от него» описывается ответ девушки к парню. Девушка предоставляет шанс парню, и дает ему понять, что готова к замужеству.

Также известной темой для брачных игр стала тема брошенной жены. Место сбора лекарственных трав тоже было местом проведения брачных игр. Вероятно, поэтому тема сбора лекарственных трав вошла в культуру как параллель к теме брошенной жены.

Когда завершалось время проведения брачных игр, то и любовные чувства тоже проходили. Обмен песнями и материальными подарками совершался во время разлучения влюблённых. После обмена подарками каждый возвращался в свой дом и горевал. Вследствие того, что песни любви рождались во время встречи, за которой следовала разлука влюблённых, становится понятна и причина их глубокой лиричности.

Кулаков И. С. (ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Анекдот как жанр арабского фольклора (на материале анекдотов из цикла о Джухе)

В современной арабистике остро стоит вопрос о статусе анекдота, его жанровой принадлежности, формообразующих элементах и специфике употребления. Перенимая достижения в изучении европейского фольклора, востоковеды зачастую забывают о необходимости уточнения базовых определений и основных классификаций в зависимости от этнолингвистических особенностей изучаемого региона.

Нами предпринята попытка провести комплексный анализ арабского анекдота (на примере цикла о фольклорном персонаже — Джухе).

Доклад состоит из двух частей. Первая часть посвящена вопросам, связанным с генезисом анекдота в арабской культуре, выявлением уникальных жанровых характеристик и их теоретическим осмыслением в контексте современных исследований в области фольклора. Следует отметить, что исследование направлено на выявление исключительно фольклорных признаков, поскольку анекдот рассматривается как категория, не существующая вне контекста фольклорной традиции.

Во второй части речь пойдет о способах и параметрах классификации анекдотов о Джухе с учетом накопленного в процессе исследования материала. Автором подготовлены предварительные выводы и предложены варианты дифференциации анекдота по территории распространения, языку (литературный вариант/ диалект), времени появления, второстепенным персонажам, месту действия, основной тематике и модели разрешения «конфликта».

Кулуева С. Н. (К(П)ФУ, Казань)

Ближневосточная политика Турции в 1925–1945 гг.: обзор материалов и оценок в энциклопедии «*Türkler*» (2002 г.)

Многотомное издание «*Türkler*», состоящее из 21 книги и насчитывающее более полутора тысяч статей, посвящено истории турок. Труд представляет

собой сборник статей зарубежных ученых, освещающих различные аспекты истории турок, начиная со становления первых тюркских государств и заканчивая описанием положения тюрок, проживающих в разных государствах мира.

Наше исследование имеет своей целью дать анализ материалам 16-го тома энциклопедии «*Türkler*», посвященного истории Турции в первой половине XX века. Статьи историков анализируют предшествующие Первой мировой войне события из истории Османского государства, показывают поэтапное становление независимого турецкого государства, знакомят с внутренней и внешней политикой первого президента республики Мустафы Кемаля Ататюрка, освещают послевоенное положение страны.

Основная идея авторов этого раздела энциклопедии состоит в том, что турецкие историки рассматривают ближневосточную политику Турции в 1925–1945 гг. в контексте внешнеполитического курса страны в целом. Кроме того, ими принято выделять конкретные особенности, присущие политическому курсу каждого президента страны в отдельности. Наше исследование опирается на статьи таких зарубежных историков, как М. Йылмаз, З. Келеш, С. Хатипоглу, М. Тынал, Г. Яшке, У. Боуэн.

По мнению ряда авторов издания, такие принципы как, реализм, миролюбие, независимость, вестернизация, рационализм всегда являлись неизменной основой внешней политики М. Кемаля, в то время как И. Иненю преследовал цель сохранения целостности и независимости страны. Несмотря на принцип объективизма как одного из ведущих принципов исторической науки, познания и исследования, турецкие историки порою отклоняются от него. Данное явление можно заметить при анализе некоторых статей, посвященных политике Ататюрка. С другой стороны, содержание статей, посвященных Турции в период Второй мировой войны, в полной мере соответствует требованиям данного принципа.

Курочкин Р. В. (К(П)ФУ, Казань)

Партийная деятельность Мустафы Бюлента Эджевита (70–90-е гг. XX века): обзор современной российской и турецкой литературы

Политическая эволюция Республики Турция в 70–90-е гг. XX в. была ознаменована переходом от Второй к Третьей Республике. Этот процесс включал в себя такие события, как усиление радикальных настроений, конфликты среди населения на религиозной и этнической почве, Кипрский кризис, обострение ситуации в некоторых регионах страны, ослабление экономики, военный переворот, запрет на деятельность политических партий, восстановление

партийной системы и передача власти гражданскому правительству. Среди значимых личностей этого периода следует выделить Мустафу Бюлента Эджевита. Он являлся одним из выдающихся политиков своего периода, внес неоценимый вклад в развитие своей страны, в частности, в политические и социальные процессы. Бюлент Эджевит, являясь лидером Народно-республиканской партии, а затем Демократической левой партии, способствовал дальнейшему развитию партийной системы в Турции, как в период кризисов, так и во время подъемов.

Несмотря на всю значимость этой личности в истории Турции, обзор современной литературы показал, что проблема влияния Бюлента Эджевита на политическое развитие Республики Турции изучена недостаточно широко. Среди отечественных работ по данной теме стоит отметить труды Д. Е. Еремеева, Н. Г. Киреева, В. И. Данилова. Из турецкой литературы стоит обратить внимание на коллективную монографию «Генель Тюрк Тарихи», работы К. Боротава, а также труды самого Б. Эджевита.

В рамках доклада будет дан обзор современной российской и турецкой литературы о партийной деятельности Бюлента Эджевита в указанный период. Также будет проведен сравнительный анализ работ различных авторов на указанную тему: мнения, оценки, и другие аспекты, касающиеся данной проблематики.

Маликов А. А. (НУУз, Ташкент)

Взаимосвязь *наатов* в «*Хамсе*» Алишера Навои с тематикой поэм

Согласно традициям мусульманского Востока, все поэмы в составе «*Хамсе*» («Пятерица») Алишера Навои начинаются с введения. В данной, вводной части поэм по традиции приводятся сначала прославление (*хамд*) Аллаха, а затем восхваление (*наат*) его пророка Мухаммеда.

Поэма «*Хайрат ал-абрар*» («Смятение праведных») традиционно для данного жанра посвящена философско-дидактической тематике. В ней освещаются, в частности, вопросы, связанные с воспитанием совершенного человека. В пяти *наатах* подробно описана биография Пророка: его рождение, воспитание, осознание пророческой миссии.

В поэме «Фархад и Ширин» Фархад как праведник видит в зеркале изображение Ширин, которая символизирует Божественную любовь, и теряет терпение в жажде увидеть ее перед собой. Аналогичным образом пророк теряет терпение, когда слышит известие о скором вознесении, и седлает своего Бурака. Таким образом, в поведении главного героя поэмы — Фархада отражаются мотивы деяний Пророка.

В поэме «Лейли и Меджнун» Навои делает акцент на том, что пророк Мухаммед лишился чувств во время вознесения. Точно также главный герой поэмы — Меджнун теряет сознание, когда влюбляется в Лейли. Также Навои в поэме упоминает десять *сахабов* (соратников Пророка), вхождение коих в рай было предсказано уже при их жизни. Поскольку Меджнун — от рождения сопричастен Божественной любви, то и он избран божественным провидением. Таким образом, Навои делает акцент на феномене божественного избранничества.

В *наатах* поэмы «*Саб'а-и сайяр*» («Семь планет») пророк Мухаммед изображен в образе царя. Изображая пророка в образе царя, Навои выводит мораль: раб Божий, любящий своего Господа от чистой души, не обратит внимания ни на какие богатства, которые может ему сулить царствование на земле.

В *наате* поэмы «Вал Искендера» речь идет о священных книгах: Тора, Евангелие, Коран. Поэт утверждает, что идея единобожия достигла своего совершенства в последней священной книге — Коране. Этим, возможно, Навои указывает на совершенство своей «Пятерицы».

Таким образом, *нааты* в составе поэм «*Хамсе*» служат символико-тематическим фундаментом для основного содержания поэм.

Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

«История коптов» Таки ад-Дина ал-Макризи как источник сведений о мусульмано-христианских отношениях в VII–XIV вв.

«История коптов» является ценным памятником мусульманской историографической традиции, посвященным развитию христианской общины внутри Халифата. Автор сочинения, не будучи христианином, стремится к максимальной объективности, опирается на факты; лексика не изобилует эпитетами или сравнениями, скорее она предельно проста и точна. Таким образом, «История коптов» кажется одним из наиболее достоверных источников своего времени.

Анализируемый источник, будучи небольшим по объёму, стремится охватить максимальное количество аспектов — особенности доктрины, праздники, описание церквей и монастырей, постановления Вселенских соборов. Непосредственно историческая часть может быть поделена на три блока — историю коптов до арабского завоевания, между VII и XIV вв. и непосредственно в начале XIV в. Последний период автор описывает максимально подробно, хотя и не был современником событий. Структура работы не везде последовательна.

Относительная (в сравнении с коптскими источниками) краткость сочинения позволяет отметить основные тенденции в отношении к религиозным меньшинствам. Так, Тулуниды, Ихшидиды и ряд Фатимидов прибегали к помощи христиан и к авторитету патриарха при решении внутренних и внешнеполитических вопросов. Аййубиды, не ограничивая общину в социальных правах, сами назначали и смещали главу александрийской кафедры. Введение ограничительных мер против христиан носит единичный характер и зачастую связано с экономическим аспектом (для увеличения налогов).

Интереснее проследить, как автор анализируемого источника описывает события мамлюкской эпохи, когда антихристианские меры стали частым явлением. Обычно считается, что религиозная политика ранних Мамлюков лишь воспроизводила Аййубидскую систему и, скорее, служила легитимации правителей, чем самостоятельным целям, но цикличность этапов введения антихристианских мер позволяет предположить, что она была в большей степени направлена на стабилизацию социальной ситуации, а не на политические и не на идеологические, сугубо мусульманские, цели.

Митруев Б. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Изучение бонской терминологии на шангшунгском языке на основе лексикографических материалов тибетской религиозной традиции бон[1]

Бон — религиозное учение, распространившееся в Тибете до прихода буддизма. В тибетских бонских священных текстах, предположительно переведенных с шангшунгского языка, содержатся имена собственные, отдельные слова и выражения на этом языке. До наших дней дошло относительно небольшое количество текстов, содержащих отрывки на шангшунгском языке, среди них самым известным и богатым лексикографическим источником является «Глубочайшая сокровищница бытия» (далее — «Сокровищница», тиб. *mdzod phugs*).

Ф. Томас выдвинул гипотезу о том, что две рукописи из Дуньхуана, записанном тибетским письмом, содержат текст на шангшунгском языке. В настоящее время известно уже пять рукописей, язык которых японские исследователи атрибутируют как старошангшунгский и которые до сих пор не расшифрованы. Соответственно, предлагается отличать язык пяти рукописей из Дуньхуана (старошангшунгский) от новошангшунгского языка фрагментов в бонских

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

сочинениях. При этом есть предварительные данные о существенных отличиях между этими двумя вариантами языка. Язык «Сокровищницы» − новошангшунгский.

В докладе рассматриваются доступные издания и содержание «Сокровищницы», бонская лексикографическая традиция и бонские термины на шангшунгском языке. Также представлено исследование бонской терминологии на шангшунгском языке на основе лексикографических материалов религии бон. Сделана попытка определения частотности употребления шангшунгских терминов, что может являться показателем употребимости того или иного шангшунгского термина и критерием достоверности самой «Сокровищницы».

Михайлова Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тибетское восстание в Лхасе в 1959 г. на страницах газеты «Зеркало Тибета»

«Зеркало Тибета» (также известное, как «*Юлчог сосой саргьюр мелонг*», букв. «Зеркало новостей из разных стран») — первое периодическое издание на тибетском языке, выходившее под началом издателя-тибетца. Газета печаталась с 1925 по 1963 гг. на приграничной с Тибетом территории в г. Калимпонг (штат Западная Бенгалия, Индия). Поскольку на момент начала издания газеты в Тибете отсутствовали другие средства массовой информации, «Зеркало Тибета» являлось важным информационным ресурсом для носителей тибетского языка, будучи едва ли не единственным средством познакомить тибетцев с событиями, происходящими за пределами Тибета.

Издатель «Зеркала Тибета» видный общественный и религиозный деятель Дорчже Тарчин (1890−1976), был поборником тибетской независимости и прилагал большие усилия для предупреждения тибетских властей о «коммунистической угрозе». Очевидно, что Тарчин, будучи основным идеологом публикаций «*Юлчог сосой саргьюр мелонг*», не мог избежать в них оценочных суждений и собственной трактовки описываемых событий.

Особый интерес, в частности, представляют материалы, посвященные знаковому событию в современной истории Тибета — тибетскому вооруженному восстанию в Лхасе в марте 1959 г. Находясь в Калимпонге, Тарчин имел возможность общаться с тибетскими эмигрантами, покинувшими Тибет во время или непосредственно после восстания, и получать новости из первых рук, что оказало существенное влияние на его публикации.

Доклад представляет собой сравнительный анализ материалов «Зеркала Тибета» за февраль–август 1959 г. и исторических сведений, известных из других источников.

Михайлова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концепция социальной ответственности в исламской экономической модели

Вопрос ценностных ориентаций современных предпринимателей, менеджеров и наемных работников приобретает особую актуальность в процессе глобализации. Если раньше больше внимания уделялось изучению специфики и особенностей институтов права, организации труда и производства, то сейчас на первый план выходит проблема рационального использования человеческих ресурсов.

Еще совсем недавно, образцом для подражания служили страны Запада, их ценности распространялись по всему миру. Однако сейчас все больше и больше критики звучит в адрес традиционной в нашем понимании, т. е. европейской экономической модели, и все больше появляется утверждений, что нынешний кризис экономик ведущих стран мира является лишь признаком более глубокого цивилизационного кризиса.

В настоящее время руководители разных уровней стали проявлять все больший интерес именно к ценностям, традициям и нормам, определяющим культурную специфику субъектов и объектов управления. Концепция исламских финансов универсальна и может найти свое применение в немусульманской среде в силу ряда причин. Главная из них — ключевая роль морально-этической составляющей исламских методов финансирования.

Нгуен Тхань Ха (МПГУ, Москва)

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов вьетнамского языка, отражающих исторический опыт человека

Каждая эпоха в истории народа оставляет свои незабываемые следы, которые находят свое отражение в языке. Однако особенно ярко исторический опыт народа отражается в пословицах и фразеологизмах. В данном докладе будет проведен лингвокультурологический анализ ряда фразеологизмов вьетнамского языка.

Приведем один такой пример. История национального героя Вьетнама Ле Лая нашла свое отражается в пословице «*Hăm mốt Lê Lai, hăm hai Lê Lợi*» (букв. «21 число — поклонение Ле Лай, а 22 число — поклонение Ле Лой»). Ле Тхай То (Ле Лой) — руководитель восстания Лам Шон, победивший Китай в тяжелой войне и ставший первым царем Вьетнама. Его династия — самая длинная в истории страны. Ле Лой потерпел поражение в одном из сражений и попал в опасное положение. Тогда генерал Ле Лай предложил одеться как Ле Лой, чтобы обмануть противника. Ле Лай одел на себя одежды руководителя восстания и отвлек преследователей, в то время как Ле Лой бежал через другой

выход. Генерал Ле Лай погиб в этом бою, а Ле Лой стал царём. В благодарность генералу Ле Лаю за его жертву царь приказал, чтобы его потомки всегда справляли поминки по генералу накануне поминок царя.

Таким образом, мы видим, что важные для народа исторические события продолжают жить в языке и аккумулируются во фразеологизмах.

Павлов А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Скарификация в племенах Судана

Вплоть до сегодняшнего дня среди некоторых племён, проживающих на территории современного Судана, распространена, хоть и в значительно меньшем объёме, чем в прошлых веках, традиция скарификации — нанесения надрезов на кожу. Как правило, надрезы эти наносятся на лицо — на щеки, лоб, виски.

С определённой долей вероятности можно предположить, что появление этой традиции имеет отношение к временам активного разведения скота и необходимости метить свои стада тавром. Возможно тогда же, в доисламские времена, скарификация посредством нанесения надрезов стала использоваться людьми с целью упрощения идентификации племенной принадлежности индивида. Надрезы, их форма и вид, разнятся в зависимости от племени и региона. С развитием общества скарификация стала приобретать дополнительные смысловые оттенки — она стала нести как эстетическую, так и сакральную нагрузку.

Отдельного монографического исследования на русском языке нами не найдено. Относящаяся к заявленной теме информация встречается в нескольких статьях и исследованиях, посвящённых, главным образом, племенным группам Южного Судана, где скарификация в различных формах активно используется и по сей день.

Наиболее известное и серьёзное исследование в этой области принадлежит суданскому историку Юсуфу Фадлю Хасану. Значение скарификации в историко-этнографической плоскости в жизни нилотских племён Судана он описал в одной из своих ранних монографий, а также изложил свои взгляды при личных встречах с автором в феврале и октябре 2014 года.

Панченко В. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Середина XVIII в. как переломный момент в истории Джунгарского ханства

Джунгарское ханство, несомненно, являлось одним из важнейших игроков на политической карте Центральной Азии XVIII в. Его расцвет пришелся на

начало XVIII столетия, время правления Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрэна, которые осуществляли экспансионистскую политику на западе (от собственно Джунгарии), вела борьбу с маньчжурскими императорами династии Цин на территории Халха-Монголии, поддерживали посольские и торговые связи с Российской империей. В 1717 г. джунгарам даже удалось ненадолго завоевать Тибет.

Однако междоусобная борьба правящей верхушки ойратов в середине XVIII в. привела к значительному ослаблению государства. Воспользовавшись этим, Цинская империя начала крупный завоевательный поход, завершившийся уничтожением Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. Население Джунгарии было практически полностью истреблено. Попытки последнего джунгарского хана Амурсаны заручиться поддержкой России в борьбе с Цинами, приняв подданство империи, не увенчались успехом. Тем не менее, ойратские беженцы, спасаясь от расправ цинской армии, нередко находили себе приют и помощь в сибирских регионах России. Перекочевка калмыков в 1771 г. на территорию бывшего Джунгарского ханства также не привела к его восстановлению.

Уничтожение Джунгарского ханства определило всю дальнейшую систему международных отношений в Центральной Азии, которая стала местом соприкосновения геополитических интересов империи Цин и Российской империи. При этом Цины строили планы дальнейшей экспансии и вторжения в пределы Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана, Алтая. Таким образом, противостояние этих двух сильных держав во многом определило дальнейшую историю рассматриваемого региона.

Петряев А. С. (Национальный институт стратегических исследований, Киев)

«Халифат» XXI века

29 июня 2014 года на части территории Сирии и Ирака был провозглашен Халифат со столицей в сирийском городе Ракка. Во главе его встал самопровозглашенный халиф Абу Бакр аль-Багдади. Главной целью нового государственного образования, т.н. Исламского Государства, стало восстановление теократического арабского Аббасидского халифата, эпоха которого была временем высшего расцвета арабо-мусульманской цивилизации.

Захват новых территорий для расширения ИГ осуществляется тремя способами: (1) путем прямого военного вторжения на территории приграничных светских мусульманских государств; (2) путем заключения союзов с экстремистскими исламскими организациями, контролирующими локальные территории в странах Африки и Азии; (3) путем активной поддержки радикально настроенного населения в соседних странах для его мобилизации с целью вооруженного захвата власти.

Распространение влияния халифата представляет сегодня угрозу стабильности всего региона. Не исключена возможность открытия новых фронтов в соседних странах, куда прибудут уже опытные бойцы ИГ, — как для захвата новых территорий, так и для дестабилизации обстановки или выполнения иных задач, поставленных руководителями движения. Если не будут предприняты жесткие меры для пресечения распространения ИГ, то в ближайшем будущем можно ожидать возникновения новых горячих точек на Ближнем Востоке, в Северной и Западной Африке, на Кавказе и в Средней Азии.

Рахимова Я. Р. (ИМОИВ, КФУ, Казань)

Татарские *тафсиры* Нугмана бин Сабита ас-Самани и Мухаммад-Зарифа Амирхана[1]

Ислам и наследие арабо-мусульманской цивилизации являются неотъемлемой частью национальной культуры этносов и народов России, в том числе татар Поволжья и Приуралья. Распространение ислама и арабо-мусульманской культуры в Волго-Уральском регионе и официальное принятие ислама Волжской Болгарией в 1-й четверти X в. определили основной исторический рубеж формирования исламской цивилизации в регионе.

В докладе основное внимание будет уделено изучению татарских тафсиров конца XIX — начала XX вв., прежде всего таких работ, как «*Тафсир Нугмани*» Нугмана бин Сабита ас-Самани (2-я половина XIX в.) и «*Тафсир Фаваид*» Мухаммад-Зариф Амирхана (1853–1921), оценке их роли в развитии исламской культуры народов в Волго-Уральском пространстве.

Нугман бин Сабит ас-Самани — ученик Абуннасыра ал-Курсави (1776–1812), автор первого дошедшего до нас татарского комментария к Корану «Хафтияк шариф» (1861). Амирхан Мухаммад-Зариф (1852–1921) — богослов, историк, автор трудов по истории тюркских народов и по мусульманскому богословию, автор нового *тафсира* на татарском языке (1885).

В педагогической и религиозной деятельности этих известных авторов заметно глубокое знание ислама, классических мусульманских языков, памятников традиционной письменности арабо-мусульманского Востока. Сравнительное изучение наследия тюрко-татарских богословов XVIII — начала XX вв. имеет важное историографическое, источниковедческое и культурологическое значение и может внести важный вклад в изучение истории духовной культуры мусульман Поволжья, Приуралья и других областей бывшей Российской империи.

[1] Исследование выполнено под руководством проф. Р. М. Валеева в рамках работы над проектами РГНФ № 14–11–16015, № 15–01–00061 и № 15–11–16009.

Сарышахин Дильбер (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема «частей речи» и их распределения в современном турецком литературном языке

Вопрос выделения «частей речи» (точнее — классов лексем) в тюркологии является одним из спорных. Так, в работах по турецкой грамматике выделяют то восемь, то шесть классов лексем. Например, в работах Зейнеп Коркмаз междометия, союзы и послелоги объединены под термином *edat* («служебные слова»). При подготовке работы нами были учтены как труды известных турецких ученых, таких как Нуреттин Коч («Новая грамматика»), Хайдар Эдискун («Турецкая грамматика»), Мухаррем Эргин и др., так и исследования тюркологов петербургской школы.

При анализе и истолковании материалов турецкого языка используются достижения современной грамматической теории, в частности, понятие «классы лексем» — наиболее крупные объединения лексем, «совокупность которых представляет собой одну из объективно существующих естественных систем, к которым не применимы принципы составления формально-логических классификаций и которые функционируют как содержательные классификации, строящиеся на основании внутренних закономерных связей между объектами и их группировками» (В. Г. Гузев).

Автором предложена 14-уровневая классификация лексем, объединенных в классы, исходя из наличия у каждой из них одного из ведущих семантических или функциональных признаков. Знаменательные лексемы языка – существительные, прилагательные, наречия и глаголы – трактуются с как средства «гипостазирования», то есть отражения, истолкования и представления элементов объективной реальности в образе предмета, признака, обстоятельства или действия, соответственно. Они могут трактоваться и как средства, благодаря которым результаты указанных истолкований — формировавшиеся образы – представлены в языке как значения лексем.

Сатаров А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сообщения Эвлия Челеби о Судане (путешествие 1672–1673 гг.)

История и культура Судана XVII века остается малоизученной областью. В это время на территории Судана существовали мощные государственные образования, традиционно называемые султанатами. Наиболее развитым и влиятельным среди них считался султанат ал-Фундж в Сеннаре, включавший в период своего наивысшего расцвета долину Нила от Египта на севере

до страны шиллуков на юге, все территории, лежащие к востоку от Нила до Эфиопии, большую часть Кордофана.

Важным источником по культуре султаната являются сообщения путешественников, среди которых выделяется Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVII века. В ходе своего путешествия 1672–1673 гг. он проехал через территорию султаната ал-Фундж. 10-й том его книги «Сейахат-наме» посвящен путешествию в Египет, Судан и турецкую провинцию Хабеш (Эфиопию).

Впечатления, изложенные автором в географическом произведении, не получили в отечественной науке специального освещения. В этой книге Эвлия Челеби дает весьма подробное описание городов и крепостей, лежащих на его пути (среди них столица султаната Сеннар), дает краткую историческую справку о них. Путешественнику удалось сблизиться с правителем султаната, который лично показал ему собственные владения. Эвлия Челеби отмечал самые различные стороны жизни местного населения: традиционную систему питания, народную медицину, фольклор, приметы и суеверия, описывает неожиданные происшествия, приключившиеся с ним в пути. Не забывает автор рассказать о климате региона, его флоре и фауне. Конечно, записи Эвлия Челеби отражают представления характерные для той эпохи, некоторые из них носят фантастический характер, но тем более информативными они становятся для исследователей фольклора. Его сообщения интересны и тем, что их делал человек восточной культуры, объездивший ко времени этого путешествия уже множество стран Ближнего Востока.

Сидоренко К. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исламские банки в мире: тенденции развития и распространения

Исламская банковская система — это система, возникшая в середине XX в., принципы функционирования которой основаны на исламском праве. Согласно данным, опубликованным МВФ 2007 году, в 75 странах мира насчитывалось более 300 исламских банков. Их общие активы составляют более $250 млрд с приростом более 15 % в год[1].

Исламские банки отличаются от традиционных западных рядом признаков, среди которых отсутствие ростовщического процента-*риба* — главный. При работе исламские банки используют специфические банковские инструменты (мушарака, мудараба, мурабаха, иджара, истисна, кард хасан, вадиа

[1] *Судин Харон* и др. Исламская финансовая и банковская система: Философия, принципы и практика. Казань, «Линова-Медиа», 2012. С. 50.

и другие), позволяющие банкам предоставлять населению широкий спектр услуг от сберегательных счетов до совместного участия в инвестировании проектов.

Современный исламский банкинг появился после дискуссий в научных кругах Ближнего Востока о важности исламских экономических принципов, что привело к открытию в 1963 году в Египте первого «исламского» банка — "Mit Ghamr Local Savings Bank". После его создания формирование исламского банкинга резко ускорилось, начали открываться банки, появился Исламский Банк Развития, одной из целей которого стало распространение принципов исламской экономической системы[1].

Ныне широко представленный на Ближнем Востоке, в странах Европы, в США, в Юго-Восточной и Средней Азии, исламский банкинг имеет тенденции к расширению сферы своего влияния.

Ситдиков А. К. (К(П)ФУ, Казань)

И. Н. Березин и его вклад в отечественное востоковедение: итоги и перспективы изучения опубликованного и архивного наследия[2]

Тюрколог, иранист, путешественник, просветитель И. Н. Березин (1818–1890) — один из основоположников университетского востоковедения в России и Европе. И. Н. Березин был воспитан на лучших педагогических и научных традициях отечественного университетского востоковедения 30–40-х гг. XIX в. Он внес неоценимый вклад в развитие российской школы востоковедов второй половины XIX — начала XX вв. Научно-педагогическая и общественная деятельность И. Н. Березина органично связаны с Казанским и Санкт-Петербургским университетами. Трудно переоценить вклад в образование и науку о Востоке, который был внесен этим знаменитым востоковедом. Педагогическая, научная и просветительская деятельность и наследие И. Н. Березина — значимый этап в развитии российского и мирового востоковедения XIX в.

Общественно-политическая, педагогическая и научная атмосфера университетов Казани и Санкт-Петербурга и личные качества воспитанника казанской школы востоковедов сыграли ключевую роль в формировании и развитии разносторонних интересов И. Н. Березина в областях тюркологии, иранистики, арабистики, истории и культуры народов Центральной Азии.

[1] *Tripp Ch*. Islam and the Moral Economy: The Challenge of Capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 137.

[2] Исследование выполнено под руководством проф. Р. М. Валеева в рамках проектов РГНФ № 14–11–16015 а/В/2014, № 15–01–00061 а/В/2015 и № 15–11–16009 а/(р)2015.

В докладе представлен сравнительный обзор опубликованного и архивного материала (фондов архивов Казани, Санкт-Петербурга), посвященного наследию И. Н. Березина по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных памятников и источников арабо-мусульманской культуры; переводы арабо-персидских и тюркских памятников; оригинальные филологические, исторические, культурологические, естественно-географические, археологические и этнографические публикации.

Неопубликованное наследие И. Н. Березина в области исследования арабо-мусульманского мира имеет огромное историческое, историко-культурное, историографическое и архивоведческое значение.

Смирнова Е. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Положение сирийских беженцев в России

Тема предоставления убежища лицам, покидающим САР в связи с гражданской войной, является актуальной и для России, несмотря на то, что основной поток беженцев из Сирии приходится на близлежащие страны региона (более 3,2 млн беженцев). Сирийцы, въезжающие в РФ сталкивается с большим кругом проблем: документальные формальности, которые усложняют и затягивают процедуру получения убежища на территории России; коррупция миграционных и правоохранительных органов. Нередко бежавшие от войны люди подвергаются депортации, несмотря на то, что РФ занимает активную позицию по Сирии и является участницей Конвенции о статусе беженцев 1951 г.

Сирийцев, находящихся в России, условно можно разделить на две группы:

1. Лица, покинувшие САР после начала вооруженных столкновений и бежавшие в РФ. Часто это люди, которые имеют с Россией культурные, социальные и экономические связи, те, кто прежде приезжал для учебы, работы, состоят в браке с гражданином РФ. Есть и те, кто приезжает сюда впервые, поскольку только российское посольство в Сирии выдает им визы.

2. Сирийцы, приехавшие в РФ до войны, и ставшие здесь беженцами «на месте».

Официальных данных о количестве сирийских граждан, находящихся в России, нет. В РФ приезжают в основном выходцы из северных районов Сирии, жители города Алеппо и его окрестностей. Среди них курды, арабы, палестинские беженцы в Сирии, сирийцы-христиане.

В феврале 2012 г. Управление Верховного Комиссара ООН (УВКБ ООН) по делам беженцев призвало правительства стран мира ввести мораторий на

принудительное возвращение выходцев из Сирии в эту страну. Но длительное время власти РФ игнорировали этот призыв: сирийцев с просроченными визами депортировали на родину, а тем из них, кто обращался за убежищем, миграционная служба отказывала, ссылаясь на информацию МИД России о том, что «сирийские власти в настоящее время контролируют ситуацию в стране и предоставляют необходимую защиту своему населению».

В начале 2013 г. позиция РФ по отношению к беженцам из Сирии стала меняться. Официальная информация МИД по Сирии, которая используется в ФМС, стала более реалистичной, сирийцам начали предоставлять временное убежище на территории РФ. Временное убежище — гуманитарный статус, на который, исходя из позиции УВКБ ООН и ФМС РФ, могут претендовать сирийские граждане, поэтому им рекомендуется подавать заявление на ВУ (никто из сирийцев не получил в России статус беженца, несмотря на объективные основания для его получения).

В 2014 году ситуация с предоставлением убежища сирийцам резко ухудшилась. Официально ФМС продолжает придерживаться прежней позиции, но в целом ряде регионов РФ беженцам из Сирии получить ВУ почти невозможно, а сирийцев, которые по тем или иным причинам не смогли обратиться за убежищем, высылают в Сирию, невзирая на опасность, которая им грозит. Возможно, ужесточение политики ФМС обусловлено стремлением предотвратить проникновение на территорию РФ боевиков ИГИЛ, а также с увеличением потока беженцев с Украины. Однако с точки зрения закона, эти факторы не должны влиять на ситуацию с предоставлением убежища сирийцам.

Солодянников К. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о локальных войнах XX века на примерах Вьетнамо-кампучийской (1975–1979) и Вьетнамо-китайской (1979) войн

Вьетнамо-китайская и вьетнамо-кампучийская войны являются примерами реакции государств с высокой степенью милитаризации на ситуацию «геополитического окружения». В обоих случаях ответом на сложившееся положение стало быстрое и решительное начало ограниченной военной операции, призванной изменить расстановку сил в регионе.

В случае с Вьетнамо-кампучийской войной, операция была ограничена только по времени и осуществлялась максимально быстро, с использованием всех доступных средств ведения войны. Результатом её стали: победа войск СРВ в союзе с силами ЕФНСК над режимом Пол Пота, установление в Камбодже провьетнамского режима, превращение Вьетнама в претендента на роль главной политической и военной силы в Индокитае.

Китайский вариант развития событий предполагал намеренное ограничение конфликта по целям и масштабу, охваченной территории и средствам ведения войны. Результатом этой войны стали: военная неудача Китая, полная переориентация Вьетнама, Кампучии и Лаоса в сфере внешней политики на Советский Союз, отказ Запада от военного союза с КНР против СССР.

Во внутриполитическом аспекте для Китая провал во вьетнамо-китайской войне способствовал окончательной победе в борьбе за власть в КНР «реформаторской» группировки Дэн Сяопина и началу реализации программы «4-х модернизаций», которая и привела к созданию той военной мощи, которой сейчас обладает Китай.

Несмотря на ограниченный характер обеих войн, в ходе их войсками противоборствующих сторон было совершено множество военных преступлений. Вьетнамо-кампучийская война (1975–1979), и вьетнамо-китайская война (1979) оказали глубокое влияние на изменение геополитической ситуации не только в Индокитайском регионе, но и во всём мире. Именно в этот период были заложены основы современной геополитической обстановки в Юго-Восточной Азии.

Степанов М. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о деятельности епископа Адранского во Вьетнаме (1766–1799)

Пьер-Жозеф Жорж Пиньо де Беен, он же епископ Адранский — французский католический миссионер, действовавший во Вьетнаме в последней трети XVIII века. Епископ сыграл решающую роль в заключении Версальского договора (первого договора Вьетнама с европейской державой) в 1787 г. Получив от Нгуен Фук Аня, в то время борющегося против Тэйшонов за власть, функции переговорщика с вьетнамской стороны, он добился подписания соглашения, обеспечивающего большие привилегии в пользу Франции. И хотя официально претворить этот договор в жизнь не удалось, поскольку буквально через несколько месяцев правительство Франции сочло его выполнение невозможным, он стал поводом к вооруженному захвату страны в 1858 г.

Существуют разные оценки степени влияния епископа на приход к власти Нгуен Аня, ставшего в 1801 г. императором Вьетнама под тронным именем За Лонг. Согласно мнению некоторых исследователей, помощь Франции (которую епископ смог получить через французских купцов в Индии) имела широкий резонанс во всем Вьетнаме и оказала огромное влияние на исход событий. Другие считают, что помощь Франции не явилась решающим фактором. Во-первых, она была не единственным источником зарубежной поддержки, так как Нгуен Ань получал ее и от других держав — Португалии, Англии,

Испании. Немалую помощь оказал Сиам. Тем не менее, нельзя не признать важность того, что именно епископ сыграл ключевую роль в сохранении жизни Нгуен Аню, когда захватившие Сайгон Тэйшоны вырезали представителей дома Нгуенов.

Оценки успехов епископа в деле евангелизации Вьетнама и крещения наследного принца Каня также сильно рознятся. В период его деятельности численность католиков сократилась со 100 тыс. в 1775 г. до 70 тыс. в 1792 г. Его планы по крещению принца Каня также не увенчались успехом. Чиновникам при Нгуен Ане удалось вернуть его под свою опеку. Сам Нгуен Ань хоть и лояльно относился к католицизму, желания становиться христианином не имел. Таким образом, хотя епископ Адранский сыграл значительную роль в воцарении Нгуен Аня, но нельзя рассматривать его роль как единственную причину прихода этого правителя к власти.

Степанова А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Положения берберов Марокко после 1956 г.

В докладе ставится задача проследить изменения, произошедшие в положении берберов (самоназвание — амазиг, «свободный человек») Марокко в период после завоевания страной независимости в 1956 г. История этой важной этнической группы и процесс поиска путей решения берберской проблемы представляют несомненный интерес для исследования.

Берберы являются коренным населением Северной Африки на обширной территории от Египта до Атлантического океана. В VII в. они были завоеваны арабами и обращены в ислам. Королевство Марокко — третья в мире по численности населения арабоязычная страна после Египта и Судана, ок. 60 % населения которой — арабы, ок. 40 % — берберы. По некоторым данным, на момент получения независимости в 1956 г. около 85 % марокканцев были бербероговорящими. Согласно данным последней переписи населения (2004), 8,4 млн марокканцев, то есть 28 % от общей численности населения, в быту говорят на одном из трех основных диалектов берберского языка.

На протяжении истории неоднократно возникали разногласия между двумя главными социально-этническими группами населения Марокко — арабами и берберами. Положение берберов коренным образом изменилось с приходом арабов, затем их роль в истории неоднократно менялась, однако наиболее серьезные сдвиги приходятся на 2-ю пол. XX — нач. XXI вв. В последнее десятилетие правительством были приняты поправки к конституции 2004 г., которые имеют целью расширение прав берберов. Ныне Марокко — «страна, обладающая культурно-этническим многообразием, важнейшим компонентом которого являются берберы».

Таран А. Я. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности образной системы классической санскритской поэзии (на материале антологии Видьякары «Субхашитаратнакоша»)

Одним из элементов классической индийской поэтики было перечисление требований к читателю, с тем чтобы он был в состоянии понять смысл поэтического произведения. Задача еще более усложняется, когда речь идет о читателе, который знакомится с этой поэзией в переводе. Читатель, не знакомый с индийским культурно-поэтическим контекстом, может прочитать перевод санскритского стихотворения, но язык последнего все равно останется для него иностранным.

Индийское классическое стихотворение похоже на математическую задачу больше, чем на поэзию, привычную европейскому восприятию. У такого стихотворения всегда есть единственное «решение», а наслаждение от поэзии состоит в том, чтобы такое решение отыскать. Поскольку у стихотворения одно «правильное» решение, то личная, порой произвольная трактовка этой поэзии бессмысленна.

Чтобы понимать индийскую поэзию, нужно обладать знанием индийских реалий и культурного контекста. В любой поэзии семантика слов расширяется за счет художественных средств выражения, но в индийской классической поэзии язык обретает дополнительный, неожиданный для постороннего читателя семантический «ярус». Так, «худой» означает «разлуку», «белый» — «смех», «слон» — «лучший», а «лотос» — самый знатный хамелеон — может выполнять самую неожиданную функцию в стихе, вплоть до обстоятельства времени.

По своей организации индийский поэтический канон подобен языковой системе, где один слой не существует в отрыве от другого. Нам удалось установить, насколько тесно связан лексический фонд канона с его структурной организацией. При этом минимальной значимой единицей индийской классической образной системы является цепочка образов.

Мы рассматривали систему классического индийского поэтического канона, опираясь на лирические стихи из антологии Видьякары, которая не является собранием одного автора, но представляет собой синхроническую панораму поэтического творчества, сложившуюся к XII веку.

Тарасевич Е. А. (НИУ БелГУ, Белгород)

Реакционный модернизм в политической и религиозной мысли Ближнего Востока

1918 год стал отправной точкой, с которой начинается совершенно новая глава в истории Ближнего Востока. Поражение Тройственного союза, в который входила и Османская империя, привел к крушению «Последнего Халифата».

Четырехсотлетнее владычество турецких султанов подошло к концу. Арабская нация была полна надеж на новое лучшее будущее. Но на смену одним завоевателям пришли другие. Начинается период национально-освободительной борьбы, направленной против Великобритании и Франции.

Именно в этот период начинают зарождаться совершенно новые идеологии и политические движения, которые имели принципиальное отличие от консервативных и либеральных взглядов представителей старых элит. Арабский социализм, политический ислам, пан-арабизм, антисионизм, исламский социализм. Данные явления стали сплавом европейской интеллектуальной мысли и традиционных ценностей восточных обществ. «Свободные офицеры», БААС, «Братья-мусульмане», Хизб ут-Тахрир, несмотря на свое различие по религиозному вопросу, были едины в своем стремлении возродить великое прошлое арабов и создать новое будущее.

Парадоксальным образом идеологические устремления арабских революционеров во многом совпадали с движением Консервативной революции в Веймарской республике. В потерпевшей поражение Германии, народ стал все чаще обращаться к «славному прошлому» пытаясь найти в нем ответы на острые вопросы современности. Но конечной целью было не возвращение к старому, а создание нового на основе «вечных ценностей». В научных исследованиях данная парадигма получила название «реакционный модернизм». Изучение данного явления позволяет пролить свет на политическую историю Ближнего Востока и возможность понять те «новые старые проблемы», которые заявили о себе сегодня.

Трушкин А. Г. (НГУ, Новосибирск)

Китайские авторы об Афганистане

Афганистан занимает важное место во внешней политике Китая, причем значение этих контактов постоянно возрастает. Это сопровождается ростом количества научных публикаций, в которых изучаются как двухсторонние отношения, так и положение дел внутри Афганистана. Одной из обобщающих работ является книга Ван Фэн[1], в которой представлено описание географического положения страны и этнокультурных особенностей населения, детально изложена информация об экономической и политической системах. Отдельными главами даётся поэтапное описание истории и внешней политики. Автор делает акцент на террористической атаке 9 сентября 2001 г., выделяя её как переломный момент в развитии государства. Особое внимание уделено отношениям Афганистана с США, СССР/Россией, а также

[1] *Ван Фэн.* Афухань [王凤。阿富汗。北京：社会科学文献出版社]. Афганистан. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2003. 406 с.

с ближайшими соседями (Иран, Пакистан и, особенно, Китай). Автор также рассматривает историю отношений Афганистана с Саудовской Аравией и Турцией, отмечая их дружественный характер. Таким образом, книга носит характер справочника, в котором предоставлена комплексная информация о жизни страны.

Другой работой, заслуживающей историографического анализа, является книга Хуан Миньсина «Исторические изменения афганских проблем»[1], сфокусированной на политической жизни страны. Отправной точкой предложенной автором периодизации политической жизни государства является окончание Второй мировой войны, завершается же работа исследованием изменений, произошедших в стране вследствие теракта 9 сентября 2001 г., роль которого отмечена как определяющая. Именно сквозь призму этого события автор трактует изменения, произошедшие в экономической и политической сферах Афганистана.

Хакимов Б. И. (К(П)ФУ, Казань)

Позиция Турции по иранской ядерной программе в контексте двусторонних отношений и международных санкций против Ирана

Основной причиной того, что Турция начала интересоваться иранской ядерной программой стал тот факт, что Запад во главе с США с конца 2000-х гг. стал настоятельно призывать Турцию к сотрудничеству против Ирана. Также Турция не могла более оставаться в стороне от вероятных последствий ядерной программы Ирана для региона.

Иран является одним из ключевых торговых партнеров Турции и входит в первую десятку по объему товарооборота. За последнее десятилетие товарооборот двух стран вырос с $2,7 млрд в 2004 г. до $14,5 млрд на конец 2013 г. Иран важен Турции как один из источников поступления нефти и нефтепродуктов, а также как рынок сбыта продукции турецкого машиностроения и легкой промышленности.

Такое противоречие между добрососедскими отношениями с Ираном и растущей двусторонней торговлей, с одной стороны, и нежеланием ухудшать партнерские отношения с США и Европой, с другой, заставило турецких руководителей искать и предлагать компромиссы, приемлемые для всех участников переговорного процесса по Ирану.

Одним из достижений турецкой дипломатии в данном направлении стало подписание в мае 2010 г. трехстороннего соглашения Ирана, Турции

[1] *Хуан Миньсин*. Афухань вэньти дэ лиши шаньбянь [黄民兴。阿富汗问题的历史嬗变。北京：中国社会科学出版社]. Исторические изменения афганских проблем. Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2013. 357 с.

и Бразилии по обмену на территории Турции низкообогащенного иранского урана на ядерное топливо, что предполагало ослабление санкций против Ирана.

Наибольшую обеспокоенность мягкой позицией Турции в отношении Ирана выражает США, официальные представители которого регулярно пытаются склонить турецкие власти к более жесткой политике в отношении Ирана.

Можно выделить два четко выраженных аспекта в позиции турецкого истеблишмента по вопросу иранской ядерной программы: с одной стороны, Турция не желает, чтобы Иран стал обладателем ядерного оружия, с другой — стремится избежать военной операции против Ирана, что непременно приведет к дальнейшей дестабилизации ситуации в регионе.

Цхе К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Знаменитый вьетнамский медик Ле Хыу Чак и его дневник «Записи о путешествии в столицу»

Вьетнамская дневниковая литература до сих пор не исследована ни отечественными, ни зарубежными востоковедами. Дневник «Записи о путешествии в столицу», переведенный на французский язык, может заинтересовать как ученых-вьетнамистов, так и специалистов по восточной медицине.

Ле Хыу Чак, или Ле Хыу Хуан (1720–1791) — знаменитый вьетнамский медик и литератор. За 26 лет Ле Хыу Чаку удалось обобщить практический опыт, используя достижения традиционной вьетнамской медицины. В своем главном труде «Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга» в 66 томах, объемом более 5,5 тыс. страниц, он оставил подробное описание более 800 лекарственных растений и собрал 2854 рецепта старинных и бытующих в народе лекарственных средств.

В 1782 г. заболел наследник правящего во Вьетнаме клана Чинь. Глава клана приказал привезти ко двору уже прославленного к тому времени Ле Хыу Чака. «Записи о путешествии в столицу» были составлены после этой поездки. В них содержится много сведений о народной культуре и жизни феодального общества Вьетнама периода Поздних Ле (XVIII в.) — драматического времени для страны. В отличие от аналогичных произведений дальневосточного культурного региона (например, «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон, «Дневника эфемерной жизни» Митицуна-но Хаха), в дневнике практически не уделяется внимания описанию ритуалов и придворного церемониала, зато достаточно подробно описаны результаты медицинских осмотров и рецепты лекарств.

İlhan Özkeçeci (Yildiz Technical University, Istanbul)

Kufic inscriptions in the architecture of the Great Seljuks

This paper is focused on Kufic inscriptions belonged to the style commonly known as Ornate Kufi, including the so-called Knotted Kufi, which was widely used in the Muslim architecture. This style emerged in Eastern Iran in the Great Seljuk period and then spread out to neighboring regions.

The early examples of this type of inscriptions in the architecture are going to be analyzed in this paper. The following great architectural buildings decorated with Kufic inscriptions were selected for analysis: 1) Hargird Nizamiye Madrasa (1087); 2) Ribat-i-Sharif (1114–1115); 3) Qazvin Masjid-i Jami (1113–1119); 4) Bayazid-i Bastami Tomb of the Altar (1120-1121, 1299-1300).

Месхидзе Дж. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

«Подробная реляция» Адлерской экспедиции 1837 г. в «Письмах о Кавказе» В. С. Норова

Василий Сергеевич Норов (1793–1853), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, автор «Записок о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (СПб.: Типография К. Винберга, 1834), был осужден «за прикосновенность к происшествию 14 декабря 1825 г.»[1], лишен дворянства и звания подполковника, а в 1835 г. — переведен рядовым на Кавказ в составе шестого линейного Черноморского батальона. Его письма из Бамбор — личные впечатления и исторические размышления, находящиеся на грани между дневником и ученым трактатом, – адресованные брату А. С. Норову (1795–1869), известному государственному деятелю, путешественнику, ученому и писателю, приняли форму «очерка» о Кавказском крае и его жителях.

Высшие чины Кавказского корпуса ценили опыт и знания В. С. Норова и привлекали его к подготовке военных операций, в частности — к организации сухопутного сообщения в Абхазии, к разработке похода из Сухуми в Цебельду и Адлерской экспедиции. После взятия Цебельды под руководством генерала барона Г. В. Розена (1781–1841) центр боевых действий переместился на мыс Адлер. 18 июня 1837 г. у устья реки Мзымта было заложено укрепление Святого Духа, ставшее одним из главных опорных пунктов русских войск на Черноморском побережье. В своей «подробной реляции» об Адлерской операции В. С. Норов описывает ход военных действий, особенности ведения боя,

[1] Выписка «О представлениях деланных начальством Черноморского линейного № 6 батальона о Унтер Офицере Василии Норове» / Материалы, относящиеся к военной службе В.С. Норова и его отставке. 1813–1847 гг. // Рукописный Фонд Российской национальной библиотеки (РФ РНБ). Ф. 531. Ед. хр. 749. Л. 12.

фиксирует конкретные эпизоды и подробности, характеризующие отдельных представителей противоборствующих сторон. Заканчивается повествование такими словами: «Мы к сентябрю ожидаем Государя. Дай Боже, чтобы он был доволен нашими трудами! Главное гнездо пиратов истреблено, и они не имеют более сообщения ни с англичанами, ни с турками»[1].

Являясь документальным свидетельством одного из участников Кавказской войны, письма В. С. Норова сохраняют в исторической памяти индивидуальные представления, идеи и образы, специфику восприятия и осмысления происходившего и позволяют определить место и значимость отдельного события в военно-историческом процессе.

Трубникова В. Б. (Исторический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

Совпадение северных границ влияния сяньбэй по данным письменных и археологических источников

На северных границах Китая в конце II в. до н. э появилась новая кочевая общность, объединенная под одним именем «сяньбэй». Авторы китайских книг «Хоухань шу» и «Вэньшу» подробно освещают историю сяньбэй. В частности, особое внимание они уделяют легендарной фигуре Таньшихуя, создании им сяньбийской империи и победе над хуннами. Эти события датируются началом II в. н. э. Китайские источники сообщают также о нескольких походах сяньбэй в Южную Сибирь, что делает возможным обнаружение сяньбийских предметов в памятниках на этой территории. Анализ археологических материалов Южной Сибири позволяет выделить ряд сяньбийских признаков, подтверждающих это предположение. В дальнейшем активность сяньбэй, подвергшихся сильному процессу «китаизации», не распространялась за пределы Китая. Таким образом, искать их следы вне Китая после III в. н. э. не перспективно.

Напротив, изучение связей сяньбэй с Южной Сибирью в более ранний период может помочь в решении проблемы поиска прародины сяньбэй. Китайские летописи не дают конкретной информации, ссылаясь лишь на мифический топоним «гора Сяньбэй» (В. С. Таскин, 1984, с. 70). В связи с этим был сделан ряд предположений, основанных на анализе письменных источников. Большинство исследователей видели прародину сяньбэй в верховьях Амура или в бассейне р. Силамулуньхэ. С другой стороны, Е. В. Ковычев, основываясь на новых данных археологических раскопок, очерчивает для сяньбийских племён более широкую территорию — Восточное Забайкалье и Приаргунье (Археология Северной Азии, 1982, с. 148). Таким образом, следы сяньбэй в Южной Сибири могут быть обнаружены и в более раннем хронологическом пласте, на этапе их формирования.

[1] Норов В. С. Письма брату [Аврааму Сергеевичу Норову] о Кавказе. 20 июня 1837 г. Бамборы. // РФ РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 478. Л. 62–63.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE EAST

Atef M. Abdel-Hamid (Cairo University, Cairo, Egypt). The sacred geography in Henry Field's Voyage to Egypt (1883) 5

Çetin Aykurt (Artvin Coruh University, Artvin, Turkey). Şânî-Zâde Mehmed Efendi (1771–1826) and his historical works 6

Roswitha Badry (University of Freiburg, Germany). How to succeed in shaking off a bad reputation? Efforts of Nusayris/Alawis in the 20th century to improve their image 6

Fatih Demirel (Artvin Coruh University, Artvin, Turkey). History Education at high schools in the Ottoman Empire 7

Gad Gilbar (University of Haifa, Israel). Shahrzad, Ibn Khaldun and the *tujjār*: On the Image of the Muslim Big Merchants 7

Mustafa Ozturk (Akdeniz University, Antalya, Turkey). Влияние гражданской войны в Сирии на социально-экономическое положение Турции 8

Omar Bakr Mohamed Qutb (Minia University, Egypt). Moroccan Village of Igiliz: Islamic Historical and Geographical Sources and Recent Studies 9

Abdellatif M. As-Sabbagh (Benha University, Egypt). A Survey of the Sources Related to the Egyptian Rule in Syria (1831–1841) 9

Tülay Yürekli (Adnan Menderes University, Aydin, Turkey). The Intelligence Activities during Medieval Turk-Islam States: Example of Zangids and Ayyubids 10

Абдарраззак Аль-Маамари (King Saudi University, SA). Олдованские стоянки в Аравии и гипотеза миграции через Баб-аль-Мандабский пролив и на Сокотру 11

Абилова З. А. (ИР НАНА, Баку). «*Шара'и аль-ислам*» («Законы мусульман шиитского толка») А. К. Казем-Бека 12

Азаркина М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Образцов А. В. (СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Казанская коллекция в фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ 13

Алексеев И. Л. (Фонд Марджани, Москва). «Апология Омейядов»: кровнородственная солидарность и религиозный энтузиазм в модели раннеисламской истории Ибн Халдуна 14

Алескерова Н. Э. (Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, Баку). Основные дочерние ветви братства *Халватийа* в XV–XVI вв. 15

Алиева Т. О. (ИР НАНА, Баку). Турецкий адмирал Пири Реис и его «Книга о мореплавании» 16

Аминов Б. Б. (Koç University, Стамбул). Памятники погребальной эпиграфики Османской империи и Средней Азии XIV–XX вв. (культурно-исторические параллели и взаимодействия) 17

Атнашев В. Р. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург). Конфессионализм и эволюция института гражданства в Ливане XX в. 18

Аширов Т. А. (Туркменский ГУ им. Махтумкули, Ашхабад). Арабоязычные источники об истории раннего христианства (по данным «*ал-Милал ва-н-нихал*») 19

Баконина М. (*100ТВ, Санкт-Петербург).* Исламистский «глянец»: салафизм и новейшие медиатехнологии (на примере журнала «*Dabiq*») 19

Башарин П. В. (РГГУ, Москва). К вопросу о генезисе предания о медном городе в арабской традиции 20

Беляков В. В. (ИВ РАН, Москва). Египет в годы Второй мировой войны: свидетельства очевидцев 21

Беркович Н. А. (СПБГИК, Санкт-Петербург). Реальность палестинского этноса: этногенез в изгнании 22

Бизюков С. Н. (Санкт-Петербург). Юридические уловки (*хийал*) в исламском праве: история и современность 22

Блондин В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отражение понятия «йеменского патриотизма», «свободы и независимости» в позднесредневековой исторической литературе Йемена 23

Боков Т. А. (Посольство России в Йемене, Сана). Поэзия Низара Каббани как источник по истории христианства в Сирии (1920–1940 гг.) 24

Болдина Юлия (ВФ СПбГУ; Université Paris IV-Sorbonne, Париж). Потомки морисков и сефардов: этнокультурная идентичность в условиях глобализации 25

Бурова А. Н. (РГГУ, Москва). Основные факторы становления организации «Свободных офицеров» в Египте: англоязычная историография 26

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КГУКИ, Казань), Зяппаров Т. И. (ИМОИВ, КФУ, Казань). Мирза А. К. Казем-Бек и его вклад в изучение арабо-мусульманских источников 27

Васильцов К. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). ʻИлм ал-ихтийарат в средневековой мусульманской традиции 28

Видакас Ю. Ю. (МИД РФ, Москва). Отношения Судан — Южный Судан — ООН: к вопросу о гуманитарной и миротворческой роли миссий ООН 29

Вишняков Я. В. (МГИМО (У) МИД России, Москва). Документы российских представителей о положении в европейской Турции в начале XX века 30

Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эволюция суданского города в XIX–XX вв. (на примере Хартума) 31

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эмир Халид (1875–1936) в летописи алжирского национализма 32

Жевелева А. В., Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Османская Турция глазами русских женщин накануне и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (дневниковые записи Е. Рагозиной и В. Духовской) 33

Жерлицына Н. А. (ИнАфр РАН, Москва). Россия и страны Магриба: перспективы сотрудничества после «Арабской весны» 33

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отзывы бывших турецких военнопленных о России, зафиксированные русскими путешественниками в Османской Турции в период с 1777 по 1884 г. 34

Зайцев И. В. (ВГБИЛ, Москва). Собрание арабских, персидских и турецких рукописей Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина 35

Зулалян Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Девширме на востоке Османской империи в XVI в. (на материале армяноязычных источников) 36

Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Трактат об охотничьих птицах из рукописного фонда Научной библиотеки СПбГУ 37

Исаев Г. Г. (Турецко-российский фонд культуры, Стамбул). «Братья-мусульмане» в современной западной и российской историографии ... 37

Исаев Л. М. (НИУ ВШЭ; ИнАфр РАН, Москва). Йемен: проблемы устойчивости власти 38

Коровкина А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Феномен «*стамбели*» в историко-культурной перспективе современного Туниса 39

Костелянец С. В. (ИАфр РАН, Москва). Выборы-2015: риски дестабилизации Судана 40

Курникова О. М. (ИВ РАН, Москва). Историография османских владений на территории Крымского полуострова 41

Лукьянов Г. В. (НИУ ВШЭ, Москва). Историография истории Ливии XX в. по материалам журнала “The Journal of Libyan Studies” 42

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Международная транзитная торговля и миссия Мухаммада: о причинах возникновения ислама и государства в Аравии 43

Моисеева А. В. (ЦНБ СТД РФ, Москва). Тим Макинтош-Смит — санааанский шейх 44

Намиг Мусалы (Кастамонийский Университет, г. Кастамону, Турция). «*Русум ар-расаил ва нуджум ал-фазаил*» Гасана ибн Абдулмумина ал-Хойи как источник по общественно-политическому строю позднесельджукской эпохи ... 45

Мухаммедов Г. А. (ТГУ им. Махтумкули, Ашхабад). «Караман-наме» как источник по истории Караманского бейлика 46

Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Предпосылки и формирование курдских полков в Российской и Османской империях в XIX в. 47

Попов В. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). В ожидании суданской весны 48

Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва). Норманны и Малая Азия в турецкой историографии 49

Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург). Об иностранном (инославном) присутствии в Сиро-Палестинском регионе в XIX — начале XX в. по публикациям Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) 50

Родионов М. А. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Документ 1371/1951 г. из семейного архива Ба Раджа' 51

Серкина Г. А. (ГЭ, Санкт-Петербург). Следы тюрко-монгольского культа птиц в турецкой культуре 52

Сотниченко А. А. (Ф-т МО СПбГУ, Санкт-Петербург). Исторический контекст геополитической обусловленности внешней политики Турции 52

Сухов Н. В. (ИВ РАН, Москва). Архивы русской эмиграции в Марокко 53

Сухова Е. Ф. (ННГУ, Нижний Новгород). Информационная политика ИГИЛ 54

Туманян Т. Г. (Философский ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). Государство и власть на перекрестках политических дискуссий мусульманского Средневековья 55

Филин Н. А. (РГГУ, Москва). Англоязычная историография о результатах президентских выборов в Иране в 2009 г. 56

Фролова О. Б., Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Культурная жизнь Омдурмана периода кондоминиума 1920–1940-е гг. 57

Хисматулин А. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Машрух Низам ал-мулка 58

Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Политический салафизм: историография вопроса и ключевые проблемы 59

Цибенко (Иванова) В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону). Преемственность идей Великого Востока в исламистской среде Турции 59

Шарифов К. К. (НАНА, Баку). Текстологическая деятельность Мирзы Казем-бека 60

Ширинова Р. Б. (ИР НАНА, Баку). «*Мухтасар ал-викайа*» Садр аш-Шари'а ас-Сани и его перевод Мирзой Казем-Беком 61

Шишкина А. Р. (НИУ ВШЭ, Москва). Протесты в современном мире: опыт сравнительного анализа Арабской весны и событий на Украине 62

Якерсон С. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Компьютерные технологии XXI века и базы данных еврейских средневековых рукописей 63

Ярарова З. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Языковая политика кемалистов: по материалам журнала «Хаят» (1926–1929) 64

Яфиа Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Басни Лукмана в двух списках рукописи из Российской национальной библиотеки 64

СЕКЦИЯ II.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АФГАНИСТАНА И ИРАНА: ПАМЯТИ ПРОФ. А. Л. ГРЮНБЕРГА-ЦВЕТИНОВИЧА (1930–1995)

HISTORIOGRAPHY OF IRAN AND AFGHANISTAN: IN MEMORIAM OF PROFESSOR ALEXANDER GRÜNBERG-TSVETINOVICH (1930–1995)

Александр Леонович Грюнберг-Цветинович (1 марта 1930 — 3 марта 1995) 66

İlhan Özkeçeci (Yildiz Technical University, Istanbul). Kufic inscriptions in the architecture of the Great Seljuks 520A

Elaheh Taghvaei (Yerevan State University, Yerevan). A comparative study of the West Iranian Sivandi dialect 73

Аверьянов Ю. А. (ИВ РАН, Москва). Культ святых в курдской секте Рах-и Хакк (область Дерсим) 75

Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Мемуары Абдаллаха Мустауфи как источник для изучения традиционных объединений населения Тегерана (кон. XIX — нач. XX вв.) 75

Амбарцумян А. А. (Изд-во ФФИ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сказочный сборник «Тысяча и один день» как ценный памятник истории культуры Ирана и соседних стран 76

Арсланова А. А. (Институт истории АН РТ, Казань). Минхадж ад-Дин Джузджани и его труд «*Табакат-и Насири*» 77

Багиров А. Д. (ИР НАНА, Баку). Бакинские списки «Тухфа-и Сами» («Самов подарок») 78

Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург). Причины и следствия «тегеранского происшествия» 1829 г. в истории российско-иранских отношений 79

Бойко В. С. (АлтГПУ-АГУ, Барнаул). Луис и Нэнси Дюпре на службе афганистики второй половины XX — начала XXI в. 80

Васильева Д. О. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). О некоторых персидских дарах и трофеях первой трети XIX в. в собрании Эрмитажа (по архивным материалам) 81

Васильева Н. Е., Иванова Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Чингиз Алиевич Байбурди: к 90-летию со дня рождения (1925–2012) 82

Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург). Ардебильское собрание: несостоявшаяся реституция 83

Воднева О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Русско-афганская торговля в начале XX в. 84

Гасанзаде Д. Г. (БГУ, Баку). Особенности Англо-Сефевидских взаимоотношений в первой четверти XVII в. (по данным письма короля Якова VI) 84

Гезалова Нигяр (Институт истории НАНА, Баку). Англо-французское соперничество в Иране в ходе русско-иранской войны (1804–1813) 85

Григорьев С. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Подполковник Григорий Андреевич Шпилько — исследователь Афганистана и юго-востока современного Таджикистана (по материалам архива Русского географического общества) 86

Даушвили Г. Д. (Санкт-Петербург). К этимологии гидронима Кунар (Восточный Гиндукуш) 87

Нефёдкин А. К. (Журнал «Parabellum novum», Санкт-Петербург). О тактическом построении персидской армии ахеменидской эпохи (VI–IV вв. до н. э.) 88

Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Демографическая статистика у афганцев в XVII в. 88

Притула А. Д. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). «О, горлинка, куда направляешься ты?» Персидское влияние в сирийской поэзии эпохи Ильханидов 89

Харатишвили Г. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Об одной учебной практике студентов Восточного факультета 90

Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Неизданный парфянский фрагмент из Отдела рукописей и документов ИВР РАН 91

Ястребова О. М. (ВФ СПбГУ; РНБ, Санкт-Петербург). О заказчике рукописи персидского перевода истории ат-Табари и об авторе четверостиший из антологии «*Сафина-йи Табриз*» 92

СЕКЦИЯ III.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Алиева Лятифа (Архив политических документов УД Президента Азербайджана, Баку). Историография «женских исследований» в Азербайджане 94

Асадуллаева Н. Ф. (НАНА, Баку). Творчество Гусейна Джавида в источниках 1920–1930-х годов 95

Багдасарян С. Г. (ФГОУ СОШ № 21 МО РФ, Ереван), Погосян (Хахбакян) Г. Г. (ЦОСИ при Аппарате Президента Армении, Ереван). Дополнение Кемпфера к традиции об Акопе Мцбнеци и армянском храме Шамахи 96

Везирова И. Г. (ИР НАНА, Баку). К истории приобретения рукописи «*‘Аджа’иб ал-махлукат*» из коллекции Библиотеки Салтыкова-Щедрина 97

Гаджиев И. (НАНА, Баку). Бакинская нефтяная промышленность в годы Первой мировой войны (на основе материалов газеты «Нефтяное дело») 98

Джавадова Эсмира (ИР НАНА, Баку). Деятельность Гасан бека Меликова Зардаби в Бакинской городской думе (1897–1907)..... 98

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург). Народное судопроизводство у абхазов в свидетельствах путешественников 2-й половины XIX в..... 99

Мамедова Р. М. (ИР НАНА, Баку). Этнические изменения в Азербайджане в годы правления Надир-шаха..... 100

Манышев С. Б. (ИРИ РАН, Москва). Материалы Кизлярского комендантского архива об истории здравоохранения первой половины XIX в. 101

Месхидзе Дж. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). «Подробная реляция» Адлерской экспедиции 1837 г. в «Письмах о Кавказе» В. С. Норова 520А

Мохсун Нагисойлу (ИР НАНА, Баку). О сочинении «*Рийаз ал-кудс*» А. Бакиханова и его персидском источнике..... 102

Нюшков В. А. (Абхазский институт гуманитарных исследований, Сухум). К истории Анакопийского сражения в Абхазии 102

Погосян (Хахбакян) Г. Г. (Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, Ереван). К изучению страны *Да(й)аэни-Диау(э)хи* по ассирийско-биайнским источникам..... 103

Родионова Е. М. (Петербургский Институт Иудаики, Санкт-Петербург). Конструирование образа «настоящей армянки» в русскоязычной виртуальной среде 104

Сулаев И. Х. (Дагестанский ГУ, Махачкала). Али Каяев как историк гражданской войны в Дагестане..... 105

Тимохин Д. М. (ФГБУН ИВ РАН, Москва). Источники о границах державы Джалал ад-Дина Манкбурны на Южном Кавказе в 1225–1231 гг..... 106

Фарзалиев А.М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Южный Кавказ в османской дипломатике конца XVI в..... 107

Ярмамедов Н. Х. (ИР НАНА, Баку). Азербайджанская рукописная книга XIX века..... 108

СЕКЦИЯ IV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

Абланова Э. А. (КГУТИ им Есенова, Актау). Некоторые аспекты переселенческого движения в Мангистау (Мангышлак) в контексте колонизационных мероприятий российского государства в 1-й пол. XIX в..... 109

Адамбаева Г. М. (КГУТИ, Актау). О распространении православной миссионерской литературы в казахской степи..... 110

Безверхний А. С. (ИФ, АлтГПУ, Барнаул). Документы съездов исполнительных комиссий духовенства и мирян как источник по истории РПЦ в Казахстане в период после Февральской революции: по материалам Семипалатинской губернии 111

Болашенкова Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Представления об Искандаре Двурогом: Александр Македонский в исторической памяти таджиков 112

Васильев А. Д. (ИВ РАН, Москва). Османский документ из Архива Музея Дворца Топкапы об иерархии власти у Шейбанидов 113

Васильев Д. В. (ИГУПИТ, Москва). Российская система управления в Казахской степи XVIII — 1-й пол. XIX в.: исследование политических моделей 114

Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отчет губернатора Оренбургской губернии Г. С. Волконского о церемонии инаугурации казахского хана Младшего жуза в 1805 г. 115

Гатин М. С. (КФУ, Казань). Бертольд Шпулер — исследователь Евразии монгольской эпохи 115

Джанбеков Какаджан (АН Туркменистана, Ашхабад). Рукописное наследие Рашид-ад-дин Ватвата в изучении истории Хорезма 116

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Политико-географический образ Казахстана в анонимном сефевидском сочинении «*Аламара-йе Шах Исмаил*» 117

Дробышев Ю. И. (ИВ РАН, Москва), Эсэн-тайши и Вайс-хан: война легитимностей 118

Евдокимова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Национальные движения в Синьцзяне в 30–40-х гг. XX в.: историография вопроса 119

Журакузиев Н. И. (НУУз, Ташкент). Мифологема о «Мировом древе» в мифопоэтике (на примере космогоничеких представлений тюркских народов) ... 119

Котюкова Т. В. (ИВИ РАН, Москва). Фотоальбомы туркестанской ревизии К. К. фон Палена (по документам РГИА) 120

Кукеев Д. Г. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста). Об особенностях современной историографии по истории последней конфедерации ойратов 121

Мажитова Ж. С. (Исторический ф-т МГУ, Москва). Современные подходы к изучению института биев в российской и казахстанской историографии 121

Мирзаев А. Т. (АГУ, г. Андижан, Узбекистан)
Изучение истории хлопководства в Ферганской области Туркестанского края на основе архивных документов 122

Нуриева К. А. (НАНА, Баку). Саммиты глав тюркоязычных государств и концепция «тюркского единения» 123

Пилипчук Я. В. (ИВ им. А. Е. Крымского НАН Украины, Киев). Сведения Бальтазара Рюссова о татарах 124

Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Записки российских дипломатов XVIII в. как источник по истории права центрально-азиатских государств 125

Эркинов Афтандил (ТашГИВ, Ташкент). «*Хафт шу'ара-йи Фируз-шахи*» (Семь поэтов из окружения шаха Фируза) — поэтическая антология принцев-поэтов династии Конграт (Хива, 1906 г.) 126

СЕКЦИЯ V.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И ЮВА

HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTHEAST ASIA

Бурмистров С. Л. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Индийская культура в философской компаративистике Фридриха Макса Мюллера..... 128

Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, Казань), Шайдуллин Р. В. (ИТЭ АНТ, Казань). Тюрко-татарские путешествия в Индию (2-я пол. XVII — нач. XIX вв.): путешественники и тексты 129

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург). «Десять тысяч слонов»: слон в государствах Юго-Восточной Азии по описаниям двух венецианских путешественников XV–XVI вв. 130

Галимов А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу об этнических китайцах в Лаосе во 2-й половине XX века 131

Гапонова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Перепись населения Индии в XX в. как исторический источник 131

Демичев К. А. (УРАО НФ, Нижний Новгород). Отражение милитаризации сикхской общины в *Акал Устат* гуру Гобинда Сингха 132

Донских В. В. (ОЛСАА БАН, Санкт-Петербург). Христианская книга Индии XVI–XVII вв. 133

Дорохова И. А. (Петрозаводский ГУ, Петрозаводск). М. К. Ганди об отношении китайцев Йоханнесбурга к первой *сатьяграхе* 134

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва). Древнейшая датированная надпись Камбоджи К.557/600: проблемы интерпретации 135

Кальянова Т. П. (Иркутский ГУ, Иркутск). Историография и география: особенности описания истории Индии в путевых дневниках британских путешественников первой трети XIX в. 136

Кнорозова Е. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о вьетнамских традиционных антологиях 136

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Психотехнологии в информационных войнах на примере анализа статьи из The New York Times ... 137

Колупаева Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Роль Коминтерна в национально-освободительном движении во Вьетнаме в 1923–1943 гг. XX века 138

Котин И. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Публикации о М. К. Ганди в газете «Осака Майнити» за январь 1920 г. 139

Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Малабарский театр *катхакали* в материалах экспедиции Музея антропологии и этнографии 1914–1918 гг. 140

Мухаметзянова-Дуггал Р. М. (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа). Ведущие центры по историческим исследованиям в Индии 141

Новакова О. В. (ИСАА МГУ, Москва). Александр де Род: у истоков вьетнамской католической церкви 142

Пылева А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Геополитическая стратегия Франции в Сиаме в XVII в.: непредвзятый взгляд на проблему участника и очевидца событий графа Клода де Форбена (1656–1733) 143

Селиванова Т. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Кашмирская хроника «Раджатарангини» Джонараджи (XV в.) 143

Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Переоценка исламского периода истории Индии в свете внутриполитического курса индийского правительства в XXI в. 144

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Жизнеописание Иосифа Ваза — «Апостола Цейлона» 145

Сколов А. А. (ИВ РАН, Москва). Книга Фан Бой Тяу «Хроника моей жизни» как исторический источник и литературное произведение 146

Тюнь Галина (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблематика *orang asli* в диссертационных исследованиях Университета Малайя (г. Куала Лумпур) в 2000–2012 гг. 147

Филькин К. Н. (Томский ГУ, Томск). Vrindavan Research Institute: краткий обзор ... 148

Яковлева Е. А. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва). Материалы европейских миссионеров и купцов (1641–1647 гг.) о королевстве Лансанг как важный источник по истории Лаоса 149

СЕКЦИЯ VI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ: ПАМЯТИ ПРОФ. Л. А. БЕРЕЗНОГО (1915–2005)

HISTORIOGRAPHY OF CHINA: IN MEMORIAM OF PROFESSOR LEV BEREZNIY (1915–2005)

Баялиева Е. Ф. (ИВ РАН, Москва). О содержании 23-го цзюаня кодекса Чжичжэн Тяогэ (династия Юань) 151

Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Интерпретация конфуцианского текста «Канон песен» в апокрифических комментариях эпохи Хань 152

Борисов Д. Э. (НГУ, Новосибирск). Изучение политических событий конца эпохи Хань в отечественной науке и основные исторические источники по данному периоду 153

Валеев Р. М., Мартынов Д. Е., Федорченко Р. Г. (ИМОИВ, КФУ, Казань). Истоки отечественной университетской синологии в Казани (30–50 гг. XIX в.): фонды и материалы Национального архива Республики Татарстан 154

Верченко А. Л. (ИДВ РАН, Москва). Отечественная историография о народных традициях в КНР 155

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург). К истории первого авиаперелета Португалия — Макао 156

Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск). Китайский манускрипт X века «Диалог Чая и Вина»: спор через столетия 156

Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток). Сочинения цинских авторов XIX в. в Корее 157

Головачёв В. Ц. (ИВ РАН, Москва). С. Г. Елисеев и его «Доклад о Формозе»: проблема соавторства 158

Данилович М. В. (БГУ, Минск). Центральноазиатская политика КНР в 2000-е — начале 2010-х гг.: специфика историографии проблемы 159

Даньшин А. В. (Кемеровский институт, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Кемерово). Неизвестная рукопись по истории права традиционного Китая 160

Дмитриев С. В. (ИВ РАН; ИСАА МГУ, Москва). Доместикация в Китае: попытка обобщения данных 161

Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). История окружающей среды Китая в новой монографии Роберта Б. Маркса 162

Доронин Б. Г. (ВФ СПбГУ , Санкт-Петербург). Судьба официального историописания накануне Синьхайской революции 162

Зиганьшин Р. М. (ИВ РАН, Москва). Д. В. Путята о китайской военной организации и теории 163

Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск). Траурный ритуал в канонических установлениях конфуцианства (по материалам «Ли цзи») 164

Кобзев А. И. (ИВ РАН; МФТИ (ГУ); РГГУ, Москва). О переводе названия «Лунь-юй» 165

Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск), Соловьев А. И. (НГУ, Новосибирск). Погребальная пластика как источник по истории царства Гаочан 166

Кудинова М. А. (НГУ, Новосибирск). Захоронения собак в могилах неолитической эпохи на территории Китая 167

Кузнецова-Фетисова М. Е. (ИВ РАН, Москва). Металл и власть: влияние бронзолитейного производства на политику династии Шан во 2-й пол. II тыс. до н. э. 168

Мартынов Д. Е. (ИМОИиВ, КФУ, Казань). «Учение о прекращении рождений» Чжан Бинлиня 168

Новиков Б. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Так называемая «загадка Нидхэма» в историческом китаеведении: некоторые современные версии ответа 169

Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург), Пчелин Н. Г. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Пять портретов маньчжурских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа 170

Перминова В. А. (ИВ РАН, Москва). Первые 20 лет японского управления Тайванем (1895–1915 гг.): причины «разразившейся катастрофы» (по материалам прессы) 171

Погудина Ю. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Новые китайские мегаполисы 172

Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва). Смена модели экономического роста в Китае: исторический дискурс 173

Рыбаков В. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Танское уголовное право и императорские жертвоприношения 174

Рысаков А. С. (СПбГИК, Санкт-Петербург). Конфуцианские канонические комментарии эпохи Юань (1271–1368) 174

Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Купеческие книги» (*шанжэньшу*) и «повседневные энциклопедии» (*жиюнлэйшу*) как учебные пособия в позднеимператорском Китае 175

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Синологизм» Гу Миндуна: «второе пришествие» Эдварда Саида или альтернатива «ориентализму»? 176

Синецкая Э. А. (ИВ РАН, Москва). К вопросу обрядового сопровождения похорон в новом Китае 177

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Отношение Ван Чуна (27–102?) к апокрифическим текстам 178

Шульга Д. П. (НГУ, Новосибирск). Особенности источников изучения общности «*ди*» Северного Китая на рубеже древности и средневековья 179

СЕКЦИЯ VII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ: ПАМЯТИ ПРОФ. В. В. РЫБИНА (1948–2014)

HISTORIOGRAPHY OF JAPAN: IN MEMORIAM OF PROFESSOR VICTOR RYBIN (1948–2014)

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Памяти Виктора Викторовича Рыбина (1948–2014) 180

Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Слова молодежного языка Японии, отражающие современные социальные реалии 181

Борисова А. С. (ИСАА МГУ, Москва). Параллелизм как способ построения универсума в религиозной поэзии (на примере переводов книги «Псалтирь» на японский язык) 182

Бреславец Т. И. (ДВФУ, Владивосток). Рассказы Коно Таэко 1960-х годов 183

Гурвич В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Орган как первый европейский музыкальный инструмент, оказавший сильное воздействие на японскую музыкальную культуру 184

Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва). Современные японские исследователи о политике Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX века 184

Дулина А. М. (ИСАА, МГУ, Москва). Монгольские вторжения в Японию в 1274 и 1281 гг. (по материалам японских источников конца XIII века) 185

Дурова М. В. (НГУ, Новосибирск). Транслокативная модель элементарного простого предложения в японском языке 186

Ибрахим И. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Новый этап развития женского языка в современном японском языке 187

Исса Н. Х. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Некоторые аспекты реформ письменности в Японии и Китае 188

Кикнадзе Д. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург). Развитие жанра японской прозы *сэцува*: от буддийских историй к мирским (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари, XIII в.) 189

Климов А. В. (РХГА, Санкт-Петербург). К. Н. Посьет о снятии Муравьевского поста на Сахалине 190

Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). «История Японии» иезуита Луиша Фройша (1532–1597) 191

Климова О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вторая экспедиция лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на Сахалин 1807 г. по российским и японским архивным материалам 191

Кубасов Ф. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Японские историки о проблеме датировки трактата «Байсё-рон» 192

Кудояров В. Н. (Токийский Университет, Токио). Реализация идеологии «морской обороны» на законодательном уровне (конец XVIII — первая половина XIX в.) 193

Кутафьева Н. В. (Новосибирский ГУЮ, Новосибирск). Ономатопоэтические слова со значением количества в японском языке 194

Левина А. Ю. (ДФУ, Владивосток). Японская нефтяная компания Кита Карафуто Секию Кабусики Кайся (1925–1944) 195

Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Особое мнение» Радхабинода Пала на Токийском трибунале (к вопросу о невиновности Японии) 196

Лещенко Н. Ф. (ИВ РАН, Москва). Токугава Цунэнари сама, 18-й глава дома Токугава: штрихи к портрету 197

Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Линия Судзуки — Сато — Того в российско-японских отношениях 1990-х гг.: достижения и провалы 197

Маранджян К. Г. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Японские конфуцианские тексты эпохи Токугава: жанровое разнообразие 198

Марахонова С. И. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Взгляд С. Г. Елисеева на подписание русско-японского союзного соглашения 1916 г. 199

Мотрохов А. И. (Харьковский НУ им. В. Н. Каразина, Харьков). О сюжетной специфике песен любви поэтической антологии «Манъёсю» 200

Овчинникова Л. В. (ИСАА МГУ, Москва). О воспитании «патриотического духа» в Корее во 2-й половине 1930-х гг. (По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства) 201

Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Международная реакция на материалы японских учебников по истории: история возникновения и современное состояние проблемы 202

Паршина А. П. (НГУ, Новосибирск). Роль «человека культуры» *бундзин* жизни японской интеллигенции эпохи Эдо 203

Пустовойт Е. В. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток). Типология письменных источников королевства Рюкю (1392–1879) 203

Речкалова А. А. (Новосибирский ГУ, Новосибирск). Эволюция геральдической системы в Японии 204

Санина К. Г. (ДВФУ, Владивосток). Женские образы в «Повести об Америке» Нагаи Кафу и дихотомия *ути*/*сото* 205

Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Об особенностях традиции «нового меча» в общеисторическом контексте Японии кон. XVI — 2-й пол. XVII в. (на примере творчества мастера Нагасонэ Окисато Котэцу (1600? — 1673?) 206

Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва). Мартин Теодор Рамминг (1889–1988) — исследователь истории японской картографии 207

Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Социальные сети как источник информации о деятельности трансгосударственных сообществ (на примере японской диаспоры в странах Латинской Америки) ... 208

Сулейменова А. М. (ДВФУ, Владивосток). Малые формы японской прозы XX века — от дзуйхицу до эссе 209

Торопыгина М. В. (ИВ РАН, Москва). Текст «Рикугиэнки» (1702) как источник для изучения идейных представлений периода Токугава 209

Толстогузов С. А. (Хиросимский университет, Япония). Монеты сёгуната Токугава как исторический источник периода бакумацу 210

Фаризова Н. О. (НИУ ВШЭ, Москва). «Майгэцусё:» и «Тэйка дзиттэй» как основные источники категории *усин* 211

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Пределы развития общества и обращение к реформам на примере «трёх реформ» эпохи Эдо 212

Филиппов Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). История голландско-японского социокультурного взаимодействия: математика эпохи Эдо 212

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Волшебная» молодёжь в произведениях Оцу Ити 213

Элоян М. Р. (Донской ГТУ, Ростов-на-Дону). Историографический анализ теологии и космологии синтоизма 214

СЕКЦИЯ VIII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ: К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СПБГУ

HISTORIOGRAPHY OF KOREA: 20 YEARS SINCE THE ESTABLISHMENT OF THE CENTER FOR KOREAN LANGUAGE AND CULTURE OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Cho Youngsim (Yonsei University, Republic of Korea). Meaning of Hansi (漢詩) in premodern East-Asian cultural exchange, focused on Joseon • Japan • Ryukyu in the second half of the 18th century 216

Cui Yinghua (Yonsei University, Republic of Korea). On the frontier between Joseon and Qing dynasties from Jeong Won Yong 's 'Bukhyengsurok (北行隨錄)' 217

Haeussler Sonja Erika (Stockholm University, Sweden). Korean history and cultural traditions showcased at the 13th World Festival of Youth and Students in P'yŏngyang, 1989 217

Kida Pawel (Seoul National University, Republic of Korea). Korean parts of speech viewed by western scholars from 1832 till 1890 218

Kim Jeanyoung (Yonsei University, Republic of Korea). White on white: Russian émigrés through Korean eyes 219

Logie Andrew (Helsinki University, Finland). Lee Deok-il's portrayal of the 'Colonial View of History' and his charges against establishment historians 220

Акуленко В. С. (ДВФУ, Владивосток). Влияние трудов Сон Чжинтхэ на формирование современной исторической школы Республики Корея 220

Алёщенко В. Н. (Филиал Владивостокского ГУЭС, г. Артём). Анализ исследований по истории корейского языка 221

Араджиони О. Ю. (НГУ, Новосибирск). Эволюция и функции масок в истории корейской культуры 222

Винокурова К. А. (НГУ, Новосибирск). Феномен «халлю» как источник сохранения традиционной культуры корейцев в условиях глобализации 222

Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Обзор коллекций корейских рукописей и старопечатных книг в Европе 223

Гутарева Ю. И. (Антикварный салон «Русская старина», Санкт-Петербург). Корейский пейзаж *сансухва* (山水畵) в современном искусстве Кореи: традиции и новации 224

Дубровская Т. В. (ДВФУ, Уссурийск). Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом цветообозначений в корейском и японском языках 225

Ким Н. Н. (НИУ ВШЭ, Москва). Систематизация источников по изучению женской повседневности в современном южнокорейском обществе 225

Кондратьева Е. Н. (РГГУ, Москва). Учебные пособия для изучения японского языка в средневековой Корее (на примере «Чхопхэ сино» 첩해신어 捷解新語) 227

Концевич Л. Р. (ИВ РАН, Москва). Является ли сохранившееся издание важнейшего памятника корейской письменности «Хунмин чонъым хэре» первым? 227

Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема определения основных тенденций истории Республики Корея начала XXI в. (на примере событий 2006 г.) 228

Лазарева К. В. (НГУ, Новосибирск). Ритуал *мэхян* (埋香) как исторический источник при реконструкции жизни корейской общины (X–XII вв.) 230

Ли Сан Юн (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Образ матери в корейской литературе: традиции и современность 230

Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва). К вопросу о трансформации внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии в период III–IV Республик 231

Мальцева М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Южнокорейские компании в глобальном мире 232

Носкова Н. Г. (ТГУ, Томск). Образ Тангуна в корейской историографии 233

Осетрова М. Е. (ЦКИ ИДВ РАН, Москва). Корейские кулинарные книги как исторический источник 234

Пак К. А. (ДВФУ, Владивосток). Художественное осмысление диалектики семейных отношений в современной корейской прозе 234

Пак Н. С. (Казахский УМОиМЯ, Алма-Ата). Русские заимствования в речи советских и китайских корейцев 235

Похолкова Е. А. (МГЛУ, Москва). Языковые средства создания комизма в рассказах южнокорейского писателя Сон Сокче и трудности перевода 236

Солдатова М. В. (МГЛУ, Москва). Актуализация коллективной памяти о Корейской войне 1950–1953 гг. в произведениях южнокорейских писателей 237

Трофименко О. А. (ДВФУ, Уссурийск). Система наклонений современного корейского языка 237

Хохлова Е. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Изучение живописи эпохи Чосон в XX веке 238

Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Образ корейской молодежи в литературе 1970-х и 2000-х гг.: на примере творчества писателей Чхве Инхо (1945–2013) и Пак Мингю (р. 1969) 239

Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск). Кансон (Чон Хёнпхиль) как хранитель корейской традиционной культуры 240

СЕКЦИЯ IX.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ

HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О соотношении списков первой редакции монгольского Ганджура 242

Аюшеева М. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). Материалы архива барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта как источник по истории буддизма в Бурятии 243

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КГУКИ, Казань), Сахавова Л. М. (ИТЭ АНТ, Казань). Итоги и перспективы изучения биографии и наследия монголоведа О. М. Ковалевского в отечественной и зарубежной историографии 244

Гроховский П. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Периодические издания как источник для изучения истории тибетского языка 244

Иванов Д. В. (МАЭ, Санкт-Петербург). Монголия и Забайкалье в работах кяхтинских фотографов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) 245

Мирзаева С. В. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста). О тибетских версиях джатаки о царевиче Судхане 246

Музраева Д. Н. (Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, Элиста). Тексты «Субхашиты» на тибетском и ойратском языках из Научного архива КИГИ РАН 247

Носов Д. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Значение деятельности гебраиста М. Н. Соколова для монголоведения 248

Попов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сборник монгольских официальных документов XIX в. 248

Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Специальная разметка тибетской грамматической терминологии 249

Туранская А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Миниатюры в рукописных и ксилографическом изданиях монгольского Ганджура: сравнительный анализ 250

Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Атрибуция фрагментов монгольских рукописных Ганджуров из коллекции ИВР РАН 251

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Словарь «Лучи луны», как один из источников словаря Суматиратны 252

СЕКЦИЯ X.

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ: «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ» AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

Блинова Е. В. (ЯрГУ, Ярославль). Африканская прислуга в лондонском домохозяйстве XIX в. 253

Валиева Е. Г. (РЭМ, Санкт-Петербург). Колониальное конструирование этнической идентичности кóса в XVIII–XIX вв. 254

Винокуров Ю. Н. (ИнАфр РАН, Москва). Повстанческое движение на востоке Демократической Республики Конго (1963–1965) 255

Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу об этногенезе фульбе (обзор источников) 256

Власова Н. А. (ЯрГУ, Ярославль)
Интерпретация современной истории Судана в творчестве суданского художника Х. И. Коди 256

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, Москва). Формирование национального самосознания африканцев и новый взгляд на историю Южной Африки в произведениях Г. И. Э. Дломо 257

Волкова Е. В. (Ecole pratique des hautes études, Institut des mondes africains, Париж). Шуточое родство у джоола 258

Выдрин В. Ф. (ВФ СПбГУ; ИНАЛКО, Париж). Номинализация префиксных глаголов в маninка и бамана: различия в тональном поведении 259

Гавристова Т. М. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль). «Подымите мне веки: не вижу...» (о кросс-культурных кодах и ангажированности африканских селебрити) 260

*Голомидо А. О. (ИСАА, МГУ, Москва). Генри*х Барт — пионер в исследовании Африки 261

Гриб А. С. (Heidelberg University, Heidelberg). Ковер или Храм: генезис орнамента африканской коранической доски 262

Громова Н. В., Урб М. Р. (ИСАА МГУ, Москва). Ндонде: язык или диалект? 263

Гусарова Е. В. (ИВР РАН; РНБ, Санкт-Петербург). Отражение субъективного подхода историографа в характере подачи материала (на примере хроники царствования Такла Гиоргиса I) 264

Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Имена Бога в переводах Корана на языки маninка и бамана 265

Добронравин Н. А. (ФМО СПбГУ; Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург). Самооправдывающийся политический дискурс: превращение мнимых сепаратистов в борцов за независимость (на примере Судана и Мали) 265

Емельянов А. Л. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва). Фальсификация международных договоров как общепринятая дипломатическая практика европейских держав в период колониального раздела Африки 266

Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Еще раз о числительных в языках адамауа 267

Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Этнические взаимодействия и конфликты в Западной Африке на примере Гвинеи 267

Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва). Мобильные телефоны в Африке: культурная трансформация 268

Карпов Г. А. (ИнАфр РАН, Москва). Реакция африканских СМИ и общественных деятелей на теракты в Париже 7–9 января 2015 г. 269

Колесникова М. А. (Ф-т МО, СПбГУ, Санкт-Петербург). «Мягкая сила» Турции в Африке: pro et contra 270

Кондратьев П. С. (ЯрГУ, Ярославль). Суфизм и проблема мира в современной Нигерии 271

Коношенко М. Б. (РГГУ, Москва). Лично-числовое согласование в языках манде и ква — ареальное явление? 272

Косогорова М. А. (ИСАА МГУ; ИЯз РАН, Москва). Особенности франкоязычных заимствований в язык пулар-фульфульде 273

Кудрявцев Д. В. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербруг). Алжирское детство Эмманюэля Роблеса 274

Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва). «Сейчас мы свободны»? Особенности свободы слова в демократической ЮАР 275

Литвинова Л. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Личные местоимения в языке кугама 276

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва). «Образ другого» и его эволюция (европейцы об африканцах) 276

Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Логофорические местоимения в вака 277

Макеева Н. В. (ИЯз РАН, Москва). Грамматические заимствования из языков манден в языке кла-дан 278

Макеева Н. В., Шлуинский А. Б. (ИЯз РАН, Москва). Актантная деривация и лабильность глаголов в языке акебу: предварительные данные 279

Манирагена Валенс (СПбГУ; СПБГЭТУ ЛЭТИ, Санкт-Петербург). Историческая ценность династической поэзии Руанды на примере неопубликованной поэмы Алексиса Кагаме 280

Манирагена Валенс, О. Ю. Завьялова (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Об изменениях в современной Руанде по результатам экспедиции 2015 г. 280

Мокрушина З. В. (ЯрГУ, Ярославль). Институционализация нигерийской англоязычной литературы 281

Морозенская Е. В. (ИнАфр, Москва). Внешнеторговая политика африканских государств в 2010-е годы 282

Никитина Т. В. (CNRS-LLACAN, Париж). Обыденное и виртуозное использование языка: к проблеме описания грамматики западноафриканского нарратива 283

Огородникова Д. А. (University of Hamburg, Гамбург). Письменная традиция *аджами* для языков манде в западноафриканских рукописях 284

Панцерев К. А. (Ф-т МО, СПбГУ, Санкт-Петербург). Страны Африки, расположенные Южнее Сахары, в меняющемся мире: возможность прорыва 284

Перехвальская Е. В. (ИЛИ РАН; Филологический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). Типы связок в муан 285

Попов В. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Новый этногенез в постколониальной Тропической Африке как результат конструирования этничности в эпоху колониализма 286

Поручиков С. И. (ТГУ, Тамбов). Интеллектуальная миграция в государствах Юга Африки 287

Порхомовский В. Я. (ИЯз РАН, Москва). О месте хауса и арабского языка в афразийском (семито-хамитском) языкознании 288

Русских А. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отрицание в языке киньяруанда 289

Рябова И. С. (ИЯз РАН, Москва). Определенно-количественные и порядковые числительные в языке луганда 290

Саватеев А. Д. (ИнАфр РАН, Москва). Социология религии: еще одна грань африканистики 290

Савельева Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Современная поэзия Эфиопии на примере творчества Белайнех Хайлю Денеке 291

Саркисова-Куаме В. Ю. (Université d'Etat de Côte d'Ivoire, Абиджан). «Хозяйка воды» Мамми Вата (Кот-д'Ивуар) 292

Семенова В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эфиопская иконография как источник по политической истории страны конца XIX — начала XX вв. 293

Симонсон К. Е. (Вильнюсская худ. академия; Литовский ин-т исследования культуры, Вильнюс). Сквозь призму памяти: письма южно-африканского литовца фотографа Эли Вайнберга 294

Суетина Ю. Г. (ИСАА, МГУ, Москва). О некоторых инновациях в словообразовании хауса 295

Топорова И. Н. (ИЯз РАН, Москва). Особенности классной системы языка мбоши (банту) 295

Турьинская Х. М. (ИЭА РАН; ИнАфр РАН, Москва). Постконфликтное урегулирование и квазифедерализм в Африке 296

Французов С. А. (ИВР РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Некоторые текстологические критерии для датировки династического трактата *Кэбра нагаст* 297

Хохолькова Н. Е. (ЯрГУ, Ярославль). История Африки — «моя история»: версия сторонника афроцентризма 298

Цветков Э. Г. (ЯрГУ, Ярославль). Ярославские учителя в Гане в 1960-е гг. 299

Шарова А. С. (ЯрГУ, Ярославль). Детские рисунки догонов — попытка самоопределения или дань современности? 300

Шипилов А. Ю. (НИУ ВШЭ, Москва). Политика Ирана в Западной Африке в контексте международного шиитского ислама 300

Шлуинский А. Б. (ИЯз РАН, Москва). «Зависимые» показатели согласования предиката у одушевленного именного класса в языке акебу 301

Щербаков Н. Г. (ИВИ РАН, Москва). Африка в XX веке: взгляд из прошлого. (Новейшая история Африканского континента в самом массовом российском учебнике для вузов) 302

СЕКЦИЯ XI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT ORIENT

Tork Dalalyan (Mondes iranien et indien, Paris). The Earliest King of Armenia Mentioned by Foreign Authors 304

Вавилина Д. А. (ИТАР ТАСС, Москва). Исторические реалии, отраженные в вавилонской поэме о боге чумы Эрре 305

Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Прерывность исторической памяти в восприятии правителей Месопотамии бронзового века 305

Кагиров И. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Акциональные классы глаголов в среднеегипетском языке 306

Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН , Санкт-Петербург). Городские восстания в Южной Месопотамии в XXIII и XVIII вв. до н. э. 307

Корниенко Т. В. (Воронежский ГПУ, Воронеж). К вопросу о методах и подходах в изучении культовых практик, идеологии и символических систем ранненеолитических сообществ Леванта и Северной Месопотамии 308

Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Фигура богини Сохмет в царских славословиях эпохи Среднего и Нового царств 309

Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Семитские эпиграфические абецедарии II–I тыс. до н. э. 310

Николаев А. Н. (ВФ СПбГУ; ГЭ, Санкт-Петербург). К вопросу о датировке саркофага Пакеша из собрания Государственного Эрмитажа 311

Редина-Томас М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Энлиль-кидинни — *šandabakku* касситского Ниппура 312

Сафронов А. В. (ФГБУН ИВ РАН, Москва). Как на самом деле звали египтянина, владельца Кносской статуи? 312

Сологубова М. В. (ВФ СПбГУ; ГЭ, Санкт-Петербург). Изображение божеств на старовавилонских печатях 314

Сущевский А. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К проблеме происхождения левантийской алфавитной системы на материале древнеегипетских источников 315

Тантлевский И. Р. (Институт философии СПбГУ, , Санкт-Петербург). Возможные этимологии термина «ессеи» в свете религиозно-идеологических воззрений Кумранской общины 316

Юнусов М. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Античные авторы о сирийском (финикийском) островном городе Арвад 317

Якубович И. С. (РГГУ, Москва). Киликийская Аххиява в источниках раннего железного века 317

Янковский А. И. (Фонд «Александр», Санкт-Петербург). Ученый перед лицом разбоя 318

СЕКЦИЯ XII.

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ: ПАМЯТИ С. Г. КЛЯШТОРНОГО (1928–2014)

EURASIAN NOMADS: IN MEMORIAM OF SERGEY KLYASHTORNIY (1928–2014)

Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вклад С. Г. Кляшторного в изучение истории Центральной Азии 320

Синицын А. А. (СПГУП, Санкт-Петербург). Путевка в археологию (по материалам воспоминаний С. Г. Кляшторного) 322

Mako Gerald (Cambridge University, UK). Divergent Imperatives: A Comparison of Late 19th century Russian and Hungarian Scholarship on the Khazars 323

Алпыспаева Г. А. (КАТУ, Астана). К вопросу об урбанизационных процессах в среде кочевых племен Евразии 323

Ананьева О. А. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург). Деревянные погребальные конструкции каменской культуры: классификация, динамика развития 325

Аникеева О. В. (ГосНИИР, Москва). Появление и распределение определенных типов каменных бус в раннесарматских погребениях Южного Урала 326

Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Алтайская теория и смежные гуманитарные дисциплины 327

Вдовченков Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону). Проблема континуитета-прерывности в социальном развитии сарматского общества 328

Громов А. В., Радзюн А. Б., Казарницкий А. А., Учанева Е. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), Лазаретова Н. И. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Скифы и хунну в Сибири по данным физической антропологии 329

Кашуба М. Т. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Первая миграционная волна ранних скифов и Среднеднестровский регион 330

Килуновская М. Е. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Роль наскального искусства в культуре кочевников Центральной Азии 330

Ковалев А. А. (Санкт-Петербург). В поисках археологических свидетельств последнего похода Ли Лина (99 год до н. э.) 331

Кондорский Б. М. (Донецк, Украина). Попытка сравнительного анализа архетипа кочевников Евразии 334

Кукина Д. А. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Основные подходы к изучению памятников скифского времени Тувы 335

Кулешов В. С. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Серия поддельных динаров хазарского времени из Дагестана 336

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Кочевники Евразийских степей и Ближнего Востока: сходство и различие 337

Миняев С. С. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Современное состояние «гуннской проблемы» 339

Насилов Д. М. (ИСАА МГУ, Москва). Эпоха Махмуда Кашгарского в трудах С. Г. Кляшторного 340

Панкова С. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Шелковые ткани из Оглахтинского могильника 340

Поляков А. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Появление элементов кочевнических традиций в эпоху поздней бронзы (на примере материалов карасукской культуры Среднего Енисея) 341

Рукавишникова И. В. (ИА РАН, Москва). К вопросу о скифских железных мечах с золотым декором в зверином стиле в евразийской традиции оружия ранних кочевников (на материалах лесостепной Скифии и Среднего Дона) 342

Савинов Д. Г. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиционная культура раннесредневековых кочевников (по свидетельству древнетюркских надписей-эпитафий) 343

Семенов В. А.(ИИМК РАН, Санкт-Петербург) Проблемы кочевого скотоводства степной Евразии 344

Синицын А. А. (СПГУП, Санкт-Петербург). «Азиатские рожи» номадов: замечания к образу причерноморских скифов в классической греческой иконографии 345

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Монгольские законы XVII–XVIII веков как источник для изучения социально-политической организации монголов 346

Смирнов Н. Ю. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Пылающее золото скифов: от ордалий к стратификации 347

Соколов А. В. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург). О признаках скотоводства в горных районах аридной Азии 348

Стеганцева В. Я. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Один из аспектов заселения южнорусских степей в эпоху ранней и средней бронзы 349

Степанова Е. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Дождевики из 3 Пазырыкского кургана 350

Субботин А. В. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). К вопросу о тагарской оседлости 351

Сутягина Н. А. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае 352

Тишин В. В. (ИВ РАН, Москва). К семантике терминов *oγul* и *oγlan* в тюркоязычных памятниках VIII–XI вв. 353

Трубникова В. Б. (Исторический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). Совпадение северных границ влияния сяньбэй по данным письменных и археологических источников 520Б

Чугунов К. В. (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Золотые облачения у номадов Евразии как источник для реконструкции древних культов 354

Эбертс Н. (Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен). Значение гальштаттского влияния в изучении памятников раннескифской культуры Среднего Днестра 354

СЕКЦИЯ XIII.

ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

Аврутина А. С. (ВФ, ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Историко-типологическая фонология в европейском тюркском языкознании 356

Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Объектное маркирование заимствованной лексики в современном языке иврит 357

Бекджаев Т. (Туркменский ГУ, Ашхабад). Фразеологизмы и профессионализмы в туркменском языке 357

Вердиева Г. В. (ИВ НАНА, Баку). Термины-неологизмы в современном персидском языке 358

Гамидли Г. Ш. (НАНА, Баку). Комментарий Хатиба Табризи на труд ибн Сиккита «*Ислах ал-мантик*» 359

Гуревич И. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Внутренний мир языка текстов «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» (XIV в.) и романа «Возвышение в ранг духов» 360

Гурьян Н. В. (ДВФУ, Школа педагогики, Уссурийск). О заглавии древнекитайского словаря «Эръя» 361

До Валерия (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Ермолаева Любовь (Петербургское лингвистическое общество, Санкт-Петербург), Кагирова Василиса (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Костина Екатерина (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Лукин Олег (Ярославский ПУ, Ярославль). «Части речи» и/или структурные классы слов в картвельских языках? (в типологическом аспекте) 362

Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О соотношении понятий «язык» и «мышление» в работах отечественных и зарубежных лингвистов 363

Еловков Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Язык и культура — религия, боги 364

Исмаилова А. Х. (НАНА, Баку). Джирджи Зейдан об истории арабской письменности 364

Касевич В. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вечность и время, язык и речевая деятельность 365

Клычева М. М. (МГИМО (У) МИД России, Москва). Проблемы словообразования в современном туркменском языке 366

Ковыршина Н. Б. (Гимназия № 1257, Москва). К вопросу о преподавании арабского языка в школе 367

Колпачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Влияние гендерного фактора на выбор средств обеспечения связности китайского текста (на основе лингвистического эксперимента) 368

Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Личные местоимения в языке хинди: опыт выделения семантико-прагматических признаков 369

Кравчук А. И. (ДВФУ, Уссурийск). Список иероглифов «Ши Чжоу пянь» в истории китайской лексикографии 370

Куприянова Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Экстралингвистические факторы возникновения неологизмов в современном китайском языке 371

Лемешко Ю. Г. (АмГУ, Благовещенск). Иероглифические ребусы на народной картине *няньхуа* 372

Морозова В. С. (Институт практического востоковедения, Москва). Арабский литературный язык и его место в межкультурной коммуникации нового тысячелетия 372

Нахмедов А. П. (Университет Аднана Мендереса, г. Айдын, Турция). О некоторых особенностях перевода *Калилы и Димны* на староанатолийский тюркский язык 373

Передня А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Перербург). К истолкованию некоторых наречных форм в древнеуйгурском языке 374

Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Абу ʻАмр ибн ал-Хаджиб как представитель арабской грамматической традиции эпохи Айюбидов 375

Сахатова Гюльшен (Aristotle University of Thessaloniki, Greece). Турецкий язык на Кипре: его архаичность и новаторство 376

Тавастшерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вспомогательные глаголы в языке пали 377

Таганова М. А. (Национальный институт рукописей АН Туркменистана, Ашхабад). Грамматика тюркского языка в арабской графике 377

Телицин Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Несколько замечаний к выделению условного наклонения в древнеуйгурском языке 378

Фаттахова А. Р. (ИМОИиВ, КФУ, Казань). Семантическое освоение арабских слов в языке суахили 379

Шатравка А. В. (Амурский ГУ, Благовещенск). Звукоподражания в современном китайском языке: особенности функционирования 380

Ямпольская С. Б. (ВФ СПбГУ; Европейский университет в Санкт-Петербурге). Диглоссия иврита-идиша и арабская диглоссия: сходные черты и различия 381

СЕКЦИЯ XIV.

ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

Joachim Kolb (Trinity College, Dublin). Building a National Literature: the Case of the UAE (1971–2014) 382

Angelina Saule (St. Petersburg State University, St. Petersburg). The Modernist poetics of the erotic: the metamorphosis of desire formalised in the work of the Modernist poet Nizar Qabbani 383

Абдуллаева Ш. А. (Архив Политических Документов УДП Азербайджана, Баку). «Йусуф и Зулейха» тюркского поэта XV в. Хамдуллаха Хамди 383

Азизалиева Б. Г. (НАНА, Баку). Проблема Восток — Запад в творчестве Амина ар-Рейхани и Михаила Нуайме 384

Али-Заде Э. А. (ИВ РАН, Москва). Ф. М. Достоевский в арабской рецепции 385

Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала). Персидские поэтические сочинения в дагестанской книжной культуре 386

Алиева Л. К. (ИВ НАНА, Баку). Краткие сведения о палестинской литературе сопротивления 387

Алимухамедов Р. А. (ТашГИВ, Ташкент). О жанровом разнообразии тюркско-манихейских поэтических текстов в истории древнетюркской литературы 387

Алонцев М. А. (РГГУ, Москва). Апологетические аспекты жития Джа‘фара Садика в сочинении Фарид ад-дина ‘Аттара «Поминания друзей Божьих» 388

Амонов Ш. Н. (НУУз, Ташкент). Лирика Хамзы Хакимзаде Ниязи: источник и текстологическое исследование 389

Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва). Первая мировая война в турецкой поэзии и фольклоре 390

Афанасьева Е. Н. (ИМЛИ РАН, Москва). Судьбы фольклорных сюжетов тайских народов в литературе и традиционном театре («Паннасаджатака») 390

Ахмедова Ш. И. (ТашГИВ, Ташкент). Специфика развития современной прозы арабских стран Персидского залива 391

Банит С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Поп-литература в Индонезии (женская литература XX века) 392

Бросалина Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Г. С. Лебедев и Бх. Рай: перекрестки судеб 393

Букатая А. М. (БГУ, Минск). Проблема национальной идентичности в повести Чжан Лин «А-си идёт в школу» 394

Вюсала Мусалы (Кастамонийский Университет, Турция). «*Кемаль аш-шуара*» как источник по истории турецкой литературы 394

Гайда (Самсонова) И. В. (Обучающий центр «Конессанс», Санкт-Петеребург). Детективы Ахмета Митхата «Тайна преступлений» и «Разбойник Монтари» 395

Гамидов М. Б. (НАНА, Баку). Поэзия Михаила Нуайме: философия и мастерство 396

Гасанова Л. Т. (Институт Литературы НАНА, Баку). Постмодернистская стратегия повествования в современной азербайджанской прозе (на примере повести «*Гезмунджугу*» Анара) 397

Давлатов О. Д. (ТашГИВ, Ташкент). Хадисы в поэзии Алишера Навои 398

Дрейзис Ю. А. (ИСАА МГУ, Москва). Конвергенция визуального и вербального планов в современной китайской поэзии 399

Зидан Ж. Р. (ИСАА, МГУ, Москва). Эволюция жанра *рихла* в новой арабской литературе 400

Зиявуддинова М. (ТашГИВ, Ташкент). Искусство *исти'ары* в интерпретации Йусуфа ас-Саккаки 400

Иброхимова Ш. Б. (ТашГИВ, Ташкент). Отображение узбекского национального колорита в переводах исторических романов Адыла Якубова на турецкий язык 401

Ивлева Р. В. (1-й СПбГМУ, Санкт-Петербург). Монгольский исследователь литературы новейшего периода А. Мунх-Оргил 402

Ишмухамедова М. (ТашГИВ, Ташкент). Поэтические повести в тюркоязычной литературе 402

Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Жизнь турок Германии под прицелом кинокамер 403

Кокова Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Женщины Вриндаванлала Вармы 404

Колтыга О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Филиппинский роман в стихах (XVII–XIX вв.): о возникновении жанра и причинах его популярности 405

Комилова Ш. Т. (ТашГИВ, Ташкент). Драматургия Китая последней четверти XX века 406

Кудрявцева Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Образная система отшельнической поэзии раннего буддизма 407

Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности современной женской литературы арабских стран на примере творчества иракской поэтессы Ламӣ'а 'Аббӑс 'Имӑра 408

Мухиддинова Д. З. (ТашГИВ, Ташкент). Жанр «очень короткого рассказа» в современной арабской литературе 409

Образцов А. В. (ВФ СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Танпынар — первый теоретик турецкого модернизма 409

Охват Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Кхмерский роман на рубеже XX–XXI вв.:эволюция жанра 410

Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Цвет и звук в романе Г. Аюурзаны «Белый, черный, красный» 411

Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Афганский перевод персидской поэмы Мохаммада Акрама Ганимата «Волшебство любви» (*Nayrang-i ʻishk*) 412

Посохова Е. В. (Таврическая академия КФУ, Симферополь). Диалогизм в романе Э. Шафак «Стамбульский подкидыш» 413

Сапожникова О. А. (ИСАА МГУ, Москва). «Врата литературы» — первая монгольская поэтика 413

Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Взаимодействие хинди и непальской литератур 414

Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабский жанр «очень короткого рассказа»: продукт развития модернизма или возрождение средневекового формализма? 415

Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Авторская маска» Орхана Памука 416

Ташгын Ахмед (Конийский Университет, Турция). У истоков бекташийской агиографической литературы (к вопросу о трансформации устных рассказов в письменных текстах) 417

Томихай Т. Х. (Санкт-Петербург). Ли Тайбо (701–762): Вселенная — мой дом 418

Турдиева О. З. (ТашГИВ, Ташкент). Модернистские тенденции в творчестве Розии Туджжар 419

Успенская Н. А. (МГИМО МИД РФ, Москва). Современный египетский политический, антивоенный, любовный роман 419

Филимонов А. О. (Союз писателей России, Санкт-Петербург). Китайская поэзия 2-й пол. XX — нач. XXI в. в переводах Гу Юя: диалог переводчика и китайской поэзии с русской поэтической традицией 420

Ходжаева Т. А. (ТашГИВ, Ташкент). К проблеме модификаций современного рассказа хинди 421

Ходжаева Р. У. (ТашГИВ, Ташкент). Тюркский элемент в культуре мамлюкского Египта 421

Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Лирическое «я» в поэзии Миры Баи 422

Челнокова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Литература далитов: ее герой и специфические особенности 423

Шуйская Н. М. (МГИМО (У) МИД РФ, Москва). Три года после арабских революций: арабские писательницы объясняют жизнь 424

Шулунова О. В. (БГУ, Улан-Удэ). Концептуализация лирического героя в поэзии Хань Дуна 425

Эльсабрути Р. Р. (КФУ, Казань). Художественная интерпретация социально-политической жизни Египта второй половины XX века в романе Аля аль-Асуани «Дом Якобйана» 426

Юсупова Д. Р. (НУУз, Ташкент). «*Фунӯн ал-балāга*» Ахмада Тарази как ранний трактат об *ʼарӯде* на тюркском языке 427

СЕКЦИЯ XV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

Vladimir Bobrovnikov (Institute for oriental Studies, Moscow). Translation in the Making of Post-Communist Islamic Language: The Case of *Majmu'at al-Fawa'id* by Sa'id-afandi al-Chirkawi 428

Alfrid K. Bustanov (European University, St. Petersburg). The Tatar Salafi Discourse and the Borders of 'Traditionalism' 429

Eva Rogaar (University of Amsterdam, The Netherlands). Ali Viacheslav Polosin: Moderation, Loyalty and Patriotism in Islam 430

Алмазова Л. И. (К(П)ФУ, Казань). Татарский язык ислама (анализ устной и письменной речи на религиозную тематику) 430

Валеев Р. М., Набиев Р. А. (КФУ, Казань), Шайдуллин Р. В. (ИТЭ АНТ, Казань), Рахимова Я. Р. (КФУ, Казань). Электронный проект энциклопедии «Ислам в татарском мире» 431

Гараев Д. М. (Амстердамский университет, Нидерланды). Джихад как пассионарность: медиа-стратегия Саида Бурятского 432

Рагозина С. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Дискурс об исламе в российских печатных СМИ 433

Сибгатуллина Г. Р. (Университет Лейдена, Нидерланды). Об особенностях и функциях религиозного языка кряшен 433

Шаблей П. С. (Кустанайский филиал ЧелГУ, г. Кустанай). Источники для изучения мусульманской благотворительности в Семипалатинске во второй половине XIX — начале XX вв. 434

Шихалиев Ш. Ш. (ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала). Развитие арабографической литературы в Дагестане в контексте деятельности мусульманских реформаторов начала XX в. 435

Юнусова А. Б. (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа). Архивные ресурсы по изучению истории ислама и мусульман на Южном Урале 436

Ярлыкапов А. А. (ИМИ МГИМО (У) МИД РФ, Москва). Ногайский язык как язык богословия: идеология и практика 437

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ: ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ, ИСТОЧНИКИ И ПОДХОДЫ

Кункова В. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О принципах исламской деловой этики 439

Маточкина А. И. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург). Истоки религиозной грамотности советских мусульман в Волго-Уральском регионе 440

Розов В. А. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург). Лексика исламских финансов: формируя идентичность 441

Соколов О. А. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ). Образ *муджахида* в пропагандистских журналах «Инспайр», «Сада аль-Малахим» и «Дабик» 442

Улангина А. О. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург). Отношение к исламу в современном саудовском романе 442

Уланова Д. В. (Лаборатория анализа и моделирования социальных процессов, СПбГУ, Санкт-Петербург). Фетвы шейх ул-исламов османской империи XV–XVII вв. как источник по истории османского семейного права 443

Хабутдинов А. Ю. (МОИВ, КФУ, Казань). Источники по истории мусульман Волго-Уральского региона эпохи *джадидизма*: выбор приоритетов 444

Эйдемиллер К. Ю. (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Место и роль мусульманской общины в политической жизни стран Северной Европы: опыт Дании. 10 лет спустя после «карикатурного скандала» 445

АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСЛАМОВЕДЕНИИ

Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Компаративный анализ электронных коллекций арабографических рукописей: определение принципов функционирования 447

Граничин О. Н. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург). Рандомизированные алгоритмы при исследовании моделей культурно-исторических и социальных явлений 448

Кижаева Н. А. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург). Применение алгоритмов тематического моделирования к кластеризации текстов на арабском языке 449

Павлов В. А, Шалымов Д. С. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург). Алгоритм автоматического определения автора рукописного арабографического текста по почерку 450

Редькин О. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабские рукописи и цифровые показатели 451

Шалымов Д., Шалымов Р. (Матмех, СПбГУ, Санкт-Петербург). Метод автоматического определения автора арабоязычного текста по содержанию ... 452

СЕКЦИЯ XVI.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК»

ROUND TABLE DISCUSSION: “RUSSIA AND ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES”

Doaa Salah Ryad Osman (Assiut University, Egypt). The Effect of the Visits of Gamal Abdel Nasser to Moscow on the Egyptian–Russian relations (1968–1970): A Study of Unpublished Egyptian Documents 453

Аликберова А. Р. (К(П)ФУ, Казань). Российско-китайские отношения в области культуры и образования в китайской историографии 454

Валеева Р. З.(КГУКИ, Казань), Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Гилазев З. З. (ИТЭ АНТ, Казань), Мартынова Ю. А. (КФУ, Казань), Тугужекова В. Н. (ХакНИИЯЛИ, Абакан). Письма Н. Ф. Катанова российским востоковедам (кон. XIX — нач. XX вв.): из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН 455

Валеев Р. М. (ИМОИВ, КФУ, Казань). Изучение истории российского востоковедения XIX — нач. XX вв.: о современной отечественной методологии, историографии и источниковедении 456

Галбацова Ш. С. (Дагестанский ГУ, Махачкала). Российско-иранские отношения как фактор стабильности в Прикаспийском регионе 456

Гулева М. А. (ИМОП, СПбГПУ, Санкт-Петербург). Чан Кайши на страницах журнала «Крокодил» 1927–1950 гг.: от «виновника войны» до «политической мумии» 457

Дзевановский В. М. (ГЭ, Санкт-Петербург). Документы по истории Лазаревского института восточных языков из архива академика Н. Я. Марра 459

Кротова М. В. (СПбГЭУ, Санкт-Петербург). Драгоманы в Харбине: новые документы 460

Михайлова С. А. («Интурист», Санкт-Петербург). Российские и японские источники о визите Цесаревича Николая в Японию в 1891 г. 460

Моисеенко Н. С. (Санкт-Петербург). Изготовление серебряных слитков для российской торговли в Западном Китае 461

Муратшина К. Г. (УрФУ, Екатеринбург). Основные тенденции китайской историографии стратегического партнерства РФ и КНР 462

Петухова Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Как живут китайцы»: одно название, два разных подхода. (По материалам изданий конца XIX — начала XX вв.) 463

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Новые подходы к изучению архивных материалов по истории российско-китайских отношений 2-й половины XIX века 464

Смирнов С. В. (УрФУ, Екатеринбург). Дневники русских эмигрантов как источник изучения образа Китая в российском сознании 465

Харитонова А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Фонды РГАСПИ как источник информации по китайско-камбоджийским отношениям 1950–1960-х годов 466

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Обзор российских и японских источников по истории экспедиции И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина 1778–1779 гг. 467

СЕКЦИЯ XVII.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «АНТРОПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА»

ROUND TABLE DISCUSSION: "ANTHROPOLOGY OF TRADITIONALISM"

Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Восток и традиционализм 468

Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Традиции и традиционализм: этнографическая реальность, социокультурный институт, продукт философского мышления и политический инструмент 469

Валиева Е. Г. (Исторический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург). Культура и язык зулу как эталон «традиционного» для современных нгуни 470

Верещака Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Традиционная политическая культура оленных чукчей (по материалам В. Г. Кузнецовой, Амгуэмская тундра, Чукотка, 1948–1951 гг.) 471

Саетов И. Г. (Российско-турецкий научный центр, Москва). Эрдоган и Аллах: ислам в идеологии правящей в Турции Партии справедливости и развития 472

Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Афробразильское кандомбле: от синкретических культов к традиционной религии 473

Успенская Е. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Вопросы изучения континуума «каста — этнос» 474

Давыдов В. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Эвенкийские традиции и неотрадиционализм на Северном Байкале 475

Попов В. А. (МАЭ РАН; Исторический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). К антропологии неотрадиционализма: архаический синдром и конструирование новой социальности в эпоху глобализации 476

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Неотрадиционализм в Макау: основные тенденции 477

Шурыгин Е. И. (СПбГУ; ГМИР, Санкт-Петербург). Обычное право: стратегии решения конфликтов в генерационных системах возрастных классов 477

СЕКЦИЯ XVIII.

ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА — 2015

WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES — 2015

Абиева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Судьба китайского историка Цзянь Боцзаня 479

Андреев В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Газета «Закон» Мирзы Малком-хана как одно из первых периодических изданий на персидском языке (конец XIX — начало XX вв.) 480

Антоненко Д. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиции и новаторство в творчестве поэтов *чхаявада* на примере стихотворений С. Т. Ниралы 481

Безруков Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Основные аспекты обеспечения национальной безопасности Республики Ирак после 2003 года: задачи и структура вооруженных сил, органов безопасности и правопорядка 482

Бочкарева Д. С. (НГУ, Новосибирск). Проблема малочисленного этноса в романе Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» 483

Бугаева Д. И. (НГУ, Новосибирск). Фольклор народности мэньба как источник для изучения истории этноса 484

Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Гьюрмэ Намгьел, последний «царь» Тибета (1747–1750) 484

Васькин И. А. (СмолГУ, Санкт-Петербург). Культурные связи между СССР и Ираном в 1917–1941 гг. 485

Галимов А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу об этнических китайцах в Лаосе во 2-й половине XX в. 486

Горбунов С. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Тема тоски по Родине в повести Асма' аз-Зар'уни «Эмигрант» («*Аль-Джисд ар-рахиль*») 487

Грибкова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Тибетские сочинения о пользе чтения сутры «Ваджраччхедика Праджняпарамита» 488

Дихтенко В. А. (ХНУ им. Каразина, Харьков). Китайские каламбуры в изобразительном искусстве 488

Зенцова М. А (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сикхизм в индийской историографии 489

Иванов И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Тема «Восток-Запад» в повести Битуль Аль-Хедайри «Небо так близко» 490

Ильина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эротические мотивы в современной тибетской литературе 491

Ихсанов А. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Исторические предпосылки развития предпринимательской активности среди жителей Нохура и Маров в Туркмении 491

Ишбулдина К. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сохранение традиционных аспектов воспитания детей в семьях таджикских мигрантов (на примере таджиков Санкт-Петербурга) 492

Кадочников Я. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Трансформация образа Саргона Аккадского в месопотамских текстах (конец III — 1-я пол. I тыс. до н. э.) 493

Камалова Ш. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о структурных единицах тюркского синтаксиса 494

Карташян А. З. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблемы национальной идентичности в истории армянского *миллета* в XIX в. 494

Козинцев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о восточном экзистенциализме (на материале турецкой литературы) 495

Котенко Д. Г. (АлтГПУ, Барнаул). Проблемы изучения истории грузинского дворянства 496

Крамскова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Формирование научного функционального стиля в тибетском языке 497

Крыжов И. С. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург). Российско-японские культурные связи: опыт деятельности Мариинского театра 498

Кудрявцева А. Р (Харьковский НУ им. В. Н. Каразина, Харьков). Любовная лирика древнекитайской поэзии в контексте традиции проведения «брачных игр» 499

Кулаков И. С. (ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Анекдот как жанр арабского фольклора (на материале анекдотов из цикла о Джухе) 500

Кулуева С. Н. (К(П)ФУ, Казань). Ближневосточная политика Турции в 1925–1945 гг.: обзор материалов и оценок в энциклопедии «*Türkler*» (2002 г.) 500

Курочкин Р. В. (К(П)ФУ, Казань). Партийная деятельность Мустафы Бюлента Эджевита (70–90-е гг. XX века): обзор современной российской и турецкой литературы 501

Маликов А. А. (НУУз, Ташкент). Взаимосвязь *наатов* в «*Хамсе*» Алишера Навои с тематикой поэм 502

Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва). «История коптов» Таки ад-Дина ал-Макризи как источник сведений о мусульмано-христианских отношениях в VII–XIV вв. 503

Митруев Б. Л. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Изучение бонской терминологии на шангшунгском языке на основе лексикографических материалов тибетской религиозной традиции бон 504

Михайлова Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Тибетское восстание в Лхасе в 1959 г. на страницах газеты «Зеркало Тибета» 505

Михайлова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Концепция социальной ответственности в исламской экономической модели 506

Нгуен Тхань Ха (МПГУ, Москва). Лингвокультурологический анализ фразеологизмов вьетнамского языка, отражающих исторический опыт человека 506

Павлов А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Скарификация в племенах Судана 507

Панченко В. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Середина XVIII в. как переломный момент в истории Джунгарского ханства 507

Петряев А. С. (Национальный институт стратегических исследований, Киев). «Халифат» XXI века 508

Рахимова Я. Р. (ИМОИВ, КФУ, Казань). Татарские *тафсиры* Нугмана бин Сабита ас-Самани и Мухаммад-Зарифа Амирхана 509

Сарышахин Дильбер (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема «частей речи» и их распределения в современном турецком литературном языке 510

Сатаров А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сообщения Эвлия Челеби о Судане (путешествие 1672–1673 гг.) 511

Сидоренко К. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Исламские банки в мире: тенденции развития и распространения 511

Ситдиков А. К. (К(П)ФУ, Казань). И. Н. Березин и его вклад в отечественное востоковедение: итоги и перспективы изучения опубликованного и архивного наследия 512

Смирнова Е. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Положение сирийских беженцев в России 513

Солодянников К. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о локальных войнах XX века на примерах Вьетнамо-кампучийской (1975–1979) и Вьетнамо-китайской (1979) войн 514

Степанов М. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о деятельности епископа Адранского во Вьетнаме (1766–1799) 515

Степанова А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Положения берберов Марокко после 1956 г. 516

Таран А. Я. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности образной системы классической санскритской поэзии (на материале антологии Видьякары «Субхашитаратнакоша») 517

Тарасевич Е. А. (НИУ БелГУ, Белгород). Реакционный модернизм в политической и религиозной мысли Ближнего Востока 517

Трушкин А. Г. (НГУ, Новосибирск). Китайские авторы об Афганистане 518

Хакимов Б. И. (К(П)ФУ, Казань). Позиция Турции по иранской ядерной программе в контексте двусторонних отношений и международных санкций против Ирана 519

Цхе К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Знаменитый вьетнамский медик Ле Хыу Чак и его дневник «Записи о путешествии в столицу» 520

Научное издание

The XXVIII International Conference
on Historiography and Source Studies of Asia and Africa
“Asia and Africa in the Changing World”

Abstracts

XXVIII Международная научная конференция
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки
«Азия и Африка в меняющемся мире»

Сборник тезисов

Редактор А. С. Матвеев
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 32,31; печ. л. 34,75. Тираж 700 экз.
Заказ № 31/03/15

Отпечатано в типографии ООО «Студия «НП-Принт»
190005 Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29
Тел. (812) 324-6515, e-mail: luda@npprint.com

160

EX ORIENTE LUX

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

2015